ЗАПИСКИ

МАНШТЕЙНА О РОССІИ

1727—1744.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО, СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ МАНШТЕЙНА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" ИЗД. 1875 ГОДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Бол. Сад., № 49—2).
1875.

Манштейнъ, Христофоръ Германъ (р. 1711 † 1757 г.), сынъ генерал-поручика, сподвижника Петра Великаго, полковникъ русской службы, мужественно сражавшійся подъ знаменами фельдмаршала Миниха и еще съ бо̀льшимъ мужествомъ арестовавшій герцога Бирона,—одинъ изъ вождей войска Фридриха Великаго, павшій смертью героя на полѣ битвы, — Манштейнъ оставилъ по себѣ Записки о Россіи. Эти Записки составляютъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ источниковъ для исторіи нашего отечества, за время царствованій Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны, регенства Бирона, правленія Анны Леопольдовны и начала царствованія Елисаветы Петровны.

Подлинная рукопись Записокъ, писанная рукою самого Манштейна (autographe) принадлежитъ Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу, и хранится въ отдѣлѣ рукописей въ библіотекѣ Его Высочества, во дворцѣ города Павловска.

Эта рукопись, на французскомъ языкѣ, писана на толстой бѣлой бумагѣ, въ листъ, мелкимъ, весьма четкимъ почеркомъ, въ концѣ 1740-хъ годовъ, рукою Манштейна, со множествомъ, въ особенности въ началѣ рукописи, помарокъ, вставокъ и дополненій, писанныхъ тѣмъ же почеркомъ, но уже позднѣйшими чернилами; есть страницы, почти цѣликомъ зачеркнутыя и вмѣсто нихъ — на особо приклеенныхъ листахъ и лоскуткахъ — помѣщены разсказы о тѣхъ же событіяхъ, но уже, болѣе или менѣе, въ измѣненной редакціи; всѣ ссылки на вставки и дополненія сдѣланы авторомъ записокъ съ большою тщательностью.

Весь манускриптъ состоитъ изъ двухъ частей, переплетенныхъ въ одинъ томъ, въ простой картонъ, на корешкѣ котораго выбито: «Mémoires de Russie». На второмъ полулистѣ сѣрой бумаги, которыми начинается рукопись, надпись неизвѣстно чьей руки:

«Manuscrit original et autographe des Mémoires du Général Manstein». Самыя Записки имѣютъ заглавіе руки автора: «Mémoires de Russie. Première partie, par M-r de Manstein». Послѣднее слово зачеркнуто и тутъ же карандашомъ приписано: «par le Général Manstein». Помѣта страницъ начинается съ слѣдующаго полулиста; первая часть занимаетъ 211 страницъ и оканчивается смертью императрицы Анны Іоанновны; далѣе слѣдуютъ вторая часть съ заголовкомъ надъ текстомъ: «Mémoires de Russie. Seconde partie», стр. 1—118, а затѣмъ, на стр. 119—173, помѣщено, подъ заглавіемъ: «Supplément aux Mémoires de Russie», общее обозрѣніе Россіи въ политическомъ, статистическомъ, финансовомъ и прочихъ отношеніяхъ,— обозрѣніе, составленное и написанное также рукою Манштейна.

Записки Манштейна пользуются въ исторической литературѣ большимъ авторитетомъ. Професоръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ обзорѣ источниковъ исторіи Россіи, называетъ эти Записки «знаменитыми» и положительно свидѣтельствуетъ, что, «кромѣ Манштейна, для царствованія Анны Іоанновны нѣтъ ни одного иностранца, на котораго можно было бы положиться».[1]) Историки и изслѣдователи—русскіе и иностранные—въ своихъ трудахъ о Россіи первой половины XVIII вѣка постоянно ссылаются на Записки Манштейна, какъ на основной источникъ.

Хорошо зная русскій языкъ и постоянно вращаясь въ средѣ лицъ, какъ власть имѣвшихъ въ главѣ русской арміи, такъ и пользовавшихся значеніемъ при дворѣ,—Манштейнъ многое видѣлъ, многое слышалъ, зналъ всѣхъ именитѣйшихъ представителей власти въ Россіи за описываемое имъ время (1727—1744) и, кромѣ замѣчательно добросовѣстнаго изложенія событій, оставилъ рядъ яркихъ характеристикъ своихъ современниковъ и современницъ, государственныхъ дѣятелей въ Россіи XVIII вѣка.

Интересъ и значеніе Записокъ Манштейна всего лучше подтверждается тѣмъ, что это сочиненіе появилось тотчасъ послѣ своего выхода въ печати (1770 г.) на всѣхъ главнѣйшихъ языкахъ (англійскомъ — 1770 года, нѣмецкомъ и французскомъ 1771 г.).[2])

---

[1]) Русская Исторія, соч. К. Н. Бестужева-Рюмина. Спб., изд. 1872 г., т. I, стр. 201.

[2]) Всѣхъ изданій Манштейна было: на франц. четыре (Лейпцигъ, 1771 г., Амстердамъ, 1771 г., Ліонъ, 1772 г., Парижъ, 1856 г.); на англійск.. три (Лондонъ, 1770, 1773 и 1856 гг.); на нѣмецк. два (Бременъ, 1771 г., Лейпцигъ, 1771 г.).

На русскомъ языкѣ онѣ выдержали три изданія: два—въ 1810 г., одно—въ 1823 г. Изъ русскихъ переводовъ болѣе полный изданъ въ Дерптѣ, въ 1810 г., профессоромъ Григоріемъ Глинка, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Манштейновы современныя Записки о Россіи въ историческомъ, политическомъ и военнодѣйственномъ отношеніяхъ. Переводъ съ французскаго подлинника». Дерптъ, 1810, въ 8-ю д. (ч. I, стр. VIII и 425; ч. II, стр. 291).

Хотя Глинка не указываетъ, гдѣ находится подлинникъ, и вообще ни однимъ словомъ не знакомитъ съ его внѣшностью и проч., тѣмъ не менѣе наше изслѣдованіе приводитъ къ тому заключенію, что Глинка сдѣлалъ переводъ именно съ того самаго манускрипта Записокъ Манштейна, который хранится въ библіотекѣ дворца въ Павловскѣ. Переводчикъ тѣмъ удобнѣе могъ это сдѣлать, что прежде поступленія на службу въ Дерптъ, находился въ числѣ кавалеровъ, воспитателей великаго князя Николая Павловича, и въ началѣ текущаго столѣтія довольно часто проживалъ при дворѣ императрицы Маріи Ѳедоровны, въ Павловскѣ.

Но исполнивъ свой переводъ съ подлинной рукописи, Глинка не счелъ нужнымъ останавливаться на упомянутыхъ выше зачеркнутыхъ и выпущенныхъ Манштейномъ мѣстахъ въ его Запискахъ, притомъ нѣкоторыя мѣста перевелъ не вполнѣ точно, либо почему-нибудь измѣнилъ, другія, хотя и незначительныя по объему, мѣста опустилъ, наконецъ сдѣлалъ нѣсколько промаховъ, не разобравъ перемаранныя авторомъ слова, или не отыскавъ надлежащихъ вставокъ.

Тѣмъ не менѣе, переводъ Записокъ Манштейна изд. Глинки— сослужилъ добрую службу: въ теченіи полустолѣтія эта книга, несмотря на свой весьма устарѣлый, тяжелый языкъ, дурную печать и бумагу, доставляла русскому обществу весьма интересное чтеніе. Тѣ немногіе обзоры и очерки, которые знакомили русское общество, до конца пятидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія, съ историческими событіями времени ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго, каковы труды А. Вейдемейера и друг.,

---

Изъ всѣхъ этихъ изданій—французскія не имѣютъ никакого историческаго значенія, такъ какъ хотя сдѣланы съ рукописи автора, но исправленной Вольтеромъ; англійскій переводъ сдѣланъ съ французскаго подлинника, но со многими ошибками, на что указалъ еще въ 1771 г. издатель нѣмецкаго перевода Манштейна. Самое исправное изданіе этихъ записокъ—нѣмецкое, 1771 г., весьма тщательный переводъ съ подлинной французской рукописи автора. Ред.

были главнымъ образомъ основаны на Запискахъ Манштейна. Нынѣ изданіе Глинки сдѣлалось библіографической рѣдкостью. Что касается до прочихъ двухъ русскихъ переводовъ (Москва 1810 и 1823 гг.), то они какъ по изложенію, по множеству пропусковъ, такъ и по крайней неряшливости изданія не имѣютъ никакого значенія, тѣмъ болѣе, что сдѣланы не съ подлинной рукописи Манштейна, а съ французскихъ тисненій.

Съ благосклоннаго разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича, представляемъ совершенно полный переводъ Записокъ о Россіи 1727—1744 гг. съ подлинной рукописи ихъ составителя, Манштейна, со всѣми вставками и дополненіями автора. Мы не позволили себѣ исправить ошибки Манштейна. Всѣ, какъ важныя, такъ и мелкія погрѣшности составителя Записокъ, отнюдь не исправляя въ текстѣ перевода, оговариваемъ въ приложеніяхъ, въ особыхъ примѣчаніяхъ; всѣ слова, строки и цѣлыя страницы, которыя авторъ, зачеркнувъ, замѣнилъ новыми, мы также помѣщаемъ въ приложеніяхъ, въ переводѣ, съ указаніемъ на тѣ страницы и строки текста нашего изданія, къ которымъ они относятся. Что касается до текста Записокъ, то онъ, въ переводѣ изд. «Русской Старины», является дословно точнымъ относительно текста, окончательно обработаннаго Манштейномъ. Заголовки переведены также дословно, но только помѣщены не на поляхъ страницъ, какъ въ подлинникѣ, но — для удобства чтенія — вверху каждой главы, на каковыя мы раздѣлили Записки.

Сравненіе подлинника рукописи текста Записокъ Манштейна, принадлежащаго Августѣйшему владѣльцу г. Павловска, съ тѣми копіями и переводами, которые изданы за границей въ прошломъ и въ нынѣшнемъ столѣтіяхъ и вообще подробное обозрѣніе всѣхъ изданій этихъ записокъ составляетъ предметъ особой статьи, которая помѣщена въ концѣ этой книги. Равнымъ образомъ, въ приложеніяхъ къ ней, помѣщаемъ мы новыя біографическія свѣдѣнія объ авторѣ Записокъ, систематическое оглавленіе, подробный азбучный къ нимъ указатель и точный снимокъ съ цѣлой страницы подлинной рукописи Манштейна.

Ред.

Г. Павловскъ
1873—1874 гг.

ЗАПИСКИ О РОССИИ ГЕНЕРАЛА МАНШТЕЙНА.

(Переводъ съ французскаго, съ подлинной рукописи).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Введеніе.—Начало царствованія Петра II.—Могущество Меншикова.—Императрица Евдокія освобождена изъ заточенія.—Обрученіе императора съ княжною Меншиковою.—Отъѣздъ герцога Голштейнскаго.—Интриги противъ Меншикова.—Паденіе Меншикова.—Происхожденіе Меншикова.—Изображеніе Меншикова.—Князья Долгорукіе заступаютъ мѣсто Меншикова.—Отъѣздъ императора въ Москву для коронованія.

1727 г.

Пробывъ большую часть моей жизни въ Россіи, я успѣлъ достаточно познакомиться съ обычаями этой страны, выучиться русскому языку и быть свидѣтелемъ многихъ необыкновенныхъ событій. Это побудило меня записать все, что произошло наиболѣе замѣчательнаго со дня кончины императрицы Екатерины по настоящее время.

Начинаю.

16-го мая 1727 г. скончалась Екатерина (возведенная на престолъ пристрастіемъ къ ней Петра I), и преемникомъ ея былъ Петръ II, законный наслѣдникъ этой обширной имперіи. Этотъ государь родился въ 1715 году, отъ брака царевича съ принцесою Вольфенбютельскою, и въ моментъ вступленія на престолъ ему было только 11 лѣтъ съ половиною. Въ виду этого обстоятельства, вторымъ пунктомъ своего завѣщанія Екатерина учре-

дила надъ молодымъ государемъ, до достиженія имъ 16-ти-лѣтняго возраста, опеку регентства, которое составляли: царевны, ея дочери, Анна и Елисавета Петровны, герцогъ Голштейнскій мужъ Анны, принцъ Голштейнскій епископъ любскій и женихъ Елисаветинъ, и верховный совѣтъ, состоявшій тогда изъ шести членовъ, а именно: изъ князя Меншикова, генерал-адмирала Апраксина, государственнаго канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана, дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ князей Дмитрія Михайловича Голицына и Василія Лукича Долгорукаго. Это регентство только однажды собралось въ полномъ составѣ, а именно въ день кончины императрицы Екатерины: занятія его ограничились утвержденіемъ духовнаго завѣщанія, которое черезъ два же часа потомъ было нарушено. По завѣщанію требовалось положительно, чтобы всѣ дѣла рѣшались не иначе, какъ большинствомъ голосовъ, но это не нравилось князю Меншикову; онъ хотѣлъ всѣмъ управлять одинъ, распоряжаться по своему усмотрѣнію, предоставляя другимъ только честь повиноваться его приказаніямъ. Ему не трудно было успѣть въ этомъ намѣреніи, такъ какъ никто не смѣлъ ему противорѣчить, не подвергаясь гибели. Тотчасъ же послѣ кончины Петра I, Меншиковъ захватилъ власть въ свои руки, и чтобы удержать ее за собою, онъ склонилъ императрицу Екатерину къ принятію одной изъ дочерей его въ супруги императору. Въ ея завѣщаніи есть объ этомъ статья. Въ самый день кончины императрицы, Меншиковъ перевелъ государя на жительство въ свой дворецъ, для того, чтобы никто не имѣлъ доступа къ Е. В. безъ его, Меншикова, позволенія. Между тѣмъ, герцогъ Голштейнскій и министры радовались своей удачѣ, чрезъ завѣщаніе императрицы Екатерины давшей въ ихъ руки регентство; они воображали, что на ихъ сторонѣ будетъ лежать перевѣсъ голосовъ, такъ какъ въ главѣ управленія и председательницею совѣта была герцогиня. Однако Меншиковъ перехитрилъ ихъ, и заблаговременно принялъ свои мѣры.

Въ Россіи есть обычай, при каждой перемѣнѣ царствованія или министерства, давать свободу нѣсколькимъ заключеннымъ. Слѣдуя этому обыкновенію, Петръ II приказалъ освободить свою бабушку, императрицу Евдокію Ѳедоровну, изъ рода Лопухиныхъ. (Въ 1696 г. Петръ I развелся съ нею и заключилъ ее въ

монастырь). Императоръ назначилъ ей, приличный сану ея, дворъ и приглашалъ ее въ Петербургъ. Однако она предпочла остаться въ Москвѣ, потому что не любила новой столицы, да и министры, повидимому, не хотѣли допустить ее вмѣшиваться въ дѣла. Такъ она провела жизнь свою въ уединеніи. Близкіе родственники ея, Лопухины, тоже были вызваны изъ изгнанія, въ которомъ находились уже нѣсколько лѣтъ. Эти милости были оказаны противъ желанія Меншикова, по внушенію нѣкоторыхъ членовъ верховнаго совѣта, которымъ удалось расположить молодого государя въ пользу бабушки и ея родственниковъ, и склонить его къ требованію, чтобы они были освобождены изъ заточенія. Все это не нравилось князю Меншикову, однако онъ не осмѣлился открыто противиться этимъ распоряженіямъ. За то ужъ онъ самъ не имѣлъ ни минуты покоя. Зная общую къ себѣ ненависть, онъ ежеминутно страшился какого нибудь-неожиданнаго удара.

Еще въ предъидущее царствованіе, нѣсколько знатныхъ лицъ составили-было заговоръ противъ Меншикова. Хотѣли склонить императрицу, чтобы она удалила его отъ дѣлъ. Лица, вступившія въ этотъ заговоръ, были всѣ употреблены Петромъ I въ дѣлѣ царевича; опасаясь за это мщенія Петра II, если онъ вступитъ на престолъ, они намѣревались убѣдить Екатерину, чтобы она отправила его за границу для науки, но тайно рѣшили, въ случаѣ смерти Екатерины, въ его отсутствіе, исключить его отъ наслѣдства, и возвести на престолъ герцогиню Голштейнскую.

Дѣло происходило во время отсутствія Меншикова, находившагося въ Курляндіи. Опасаясь, какъ бы по возвращеніи онъ не уничтожилъ ихъ замысла, они постарались и успѣли внушить императрицѣ такое дурное о немъ мнѣніе, что ея величество подписала уже указъ объ арестованіи Меншикова на пути его въ Петербургъ. Но по какому-то особенному для Меншикова счастію, графъ Басевичъ, первый министръ герцога Голштейнскаго, находилъ, что нужно непремѣнно вступиться за этого любимца; онъ успѣлъ склонить къ тому своего государя, который и выпросилъ у императрицы прощеніе Меншикову. Возвратясь ко двору, Меншиковъ узналъ о козняхъ своихъ враговъ; приказалъ произвести розысканія, и всѣ приверженцы Голштейнскаго дома были арестованы и строго наказаны. Зять Меншикова, португалецъ, по имени Девьеръ, также генералъ Писаревъ были

наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь, а имѣніе ихъ конфисковано. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Толстой, да сынъ его и генералъ Бутурлинъ и другія еще лица были отправлены въ Сибирь. Графъ Александръ Нарышкинъ и генералъ Ушаковъ сосланы въ ихъ помѣстья. Говорятъ, что графъ Басевичъ, слишкомъ довѣряясь Меншикову, передалъ ему слышанное имъ отъ нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ увѣреніе въ ихъ добромъ расположеніи къ герцогинѣ. Меншиковъ тотчасъ же воспользовался сообщеніемъ, и пресѣкъ всѣ ихъ мѣры. Это чрезвычайно устрашило прочія лица, которыя еще оставались привержены голштейнскому двору, но въ тоже время исполнило ихъ не только недовѣрія, но даже презрѣнія къ графу Басевичу. Меншиковъ не удовольствовался наказаніемъ своихъ враговъ; онъ хотѣлъ оставить память о томъ всей Россіи, и тѣмъ отнять у всякого охоту вредить ему и впредь. Вслѣдствіе этого, верховнымъ совѣтомъ изданъ былъ манифестъ, которымъ предостерегали вступать въ опасныя сношенія, угрожая виновнымъ еще строжайшимъ противъ прежнихъ примѣровъ наказаніемъ. Этотъ указъ подписанъ 6-го іюня, и въ тотъ же день состоялось обрученіе молодого императора съ дочерью князя Меншикова. Отецъ невѣсты воображалъ себя на верху блаженства. Только еще одинъ планъ оставалось ему выполнить, послѣ чего онъ могъ считать себя внѣ всякой опасности; а именно:онъ хотѣлъ женить своего сына на великой княжнѣ Наталіи, сестрѣ императора. Такимъ образомъ онъ надѣялся передать русскій престолъ своему потомству. Планъ былъ ловко обдуманъ, однако не удался. Между тѣмъ, Меншиковъ пожаловалъ себя въ генералисимусы сухопутныхъ и морскихъ силъ. Одни только герцогъ и герцогиня Голштейнскіе возбуждали его подозрѣнія; онъ опасался какъ бы ни образовалась въ пользу герцогини партія, которая могла разрушить его великіе, обширные замыслы. Полагая, что, напротивъ, если они принуждены будутъ уступить ему поле битвы, то уже никто не осмѣлится бороться съ нимъ, Меншиковъ вдругъ пересталъ ихъ щадить. Дѣлая имъ всяческія затрудненія, онъ заставилъ ихъ наконецъ выѣхать изъ Россіи. Но отъѣздъ ихъ не уменьшилъ числа его враговъ; вся нація уже успѣла возненавидѣть его.

Меншиковъ постарался окружить императора своими приверженцами, людьми, обязанными ему своимъ счастіемъ. Тѣмъ не

менѣе доступъ къ государю имѣли многія лица, принадлежавшія къ тѣмъ стариннымъ фамиліямъ, которыхъ Меншиковъ не пощадилъ. Скорбя объ изгнаніи своихъ родственниковъ, эти лица не упускали случаевъ обратить вниманіе молодого государя на самовластныя дѣйствія Меншикова, на его надежды упрочить свою власть чрезъ бракъ императора съ его дочерью, такъ какъ и на то, что, судя по его честолюбію, онъ, пожалуй, вздумаетъ завладѣть и престоломъ. Императора просили не выдавать тайны, что̀ онъ и обѣщалъ, скрывая покуда свои намѣренія до перваго удобнаго случая. Случай этотъ представился по легкомыслію или ужасной неосторожности самого Меншикова.

Не помню, по какому случаю, цехъ петербургскихъ каменщиковъ подесъ императору въ подарокъ 9 тысячъ червонцевъ. Государю вздумалось порадовать ими сестру и онъ отправилъ къ ней деньги съ однимъ изъ придворныхъ лицъ. Случилось послѣднему повстрѣчаться съ Меншиковымъ, который спросилъ его, куда онъ несетъ деньги? На отвѣтъ придворнаго, Меншиковъ возразилъ: «Государь, по молодости лѣтъ, не знаетъ, на что слѣдуетъ употреблять деньги, отнесите ихъ ко мнѣ, я увижусь съ государемъ и поговорю съ нимъ». Хорошо зная, какъ опасно противиться волѣ князя, придворный исполнилъ его приказаніе. На другое утро, царевна Наталія, по обыкновенію, пришла навѣстить брата. Только что она вошла къ нему, какъ государь спросилъ ее, развѣ не стоитъ благодарности его вчерашній подарокъ? Царевна отвѣчала, что не получала ничего. Это разсердило императора. Приказавъ призвать придворнаго, онъ спросилъ его, куда дѣвались деньги, которыя ему велѣно было отнести къ княжнѣ? Придворный извинялся тѣмъ, что деньги отнялъ у него Меншиковъ. Это тѣмъ болѣе раздражило государя. Онъ велѣлъ позвать князя, и съ гнѣвомъ закричалъ на него, какъ смѣлъ онъ помѣшать придворному въ исполненіи его приказанія? Не привыкшій къ такого рода обращенію, князь былъ пораженъ какъ громомъ. Однако онъ отвѣчалъ, что, по извѣстному недостатку въ деньгахъ въ государствѣ и истощенію казны, онъ, князь, намѣревался сегодня же представить проектъ болѣе полезнаго употребленія этихъ денегъ, и прибавилъ: «А если вашему величеству угодно, то не только прикажу возвратить эти девять тысячъ червонцевъ, но даже дамъ изъ собственной своей казны

милліонъ рублей». Государь не удовольствовался этимъ отвѣтомъ. Топнувъ ногою, онъ сказалъ: «Я покажу тебѣ, что я императоръ, и что я требую повиновенія». Затѣмъ, отвернувшись, ушелъ; Меншиковъ пошелъ за нимъ и такъ упрашивалъ его, что онъ на этотъ разъ смягчился; но миръ продолжался не долго.

Спустя нѣсколько дней, Меншиковъ опасно заболѣлъ, чѣмъ и воспользовались его враги для окончательной его гибели. Князья Долгорукіе, въ особенности князь Иванъ, въ то время уже входившій въ большую милость, совершенно погубили его въ мнѣніи государя. Всѣ эти козни были извѣстны Меншикову, такъ какъ и потеря его значенія, но онъ надѣялся, не сегодня, завтра снова войти въ милость, и произвести впечатлѣніе на императора своимъ обычнымъ повелительнымъ тономъ.

По выздоровленіи своемъ, Меншиковъ сдѣлалъ другую ошибку. Вмѣсто того, чтобы отправиться въ Петергофъ, куда переѣхалъ дворъ во время его болѣзни, онъ поѣхалъ въ Ораніенбаумъ, загородный дворецъ свой, въ восьми верстахъ отъ Петергофа. У него тутъ строилась церковь, которую онъ хотѣлъ освятить. На эту церемонію приглашены были императоръ и весь дворъ. Но какъ врагамъ Меншикова не даромъ грозила месть его въ случаѣ примиренія его съ государемъ, то они научили послѣдняго отказаться отъ приглашенія подъ предлогомъ нездоровья, что̀ онъ и сдѣлалъ. Меншиковъ однако еще не видѣлъ въ этомъ доказательства совершенной немилости; онъ снова поступилъ неосторожно, занявъ, во время церемоніи, мѣсто въ видѣ трона, предназначенное для императора. И это обстоятельство выставили на видъ его враги, и тѣмъ довершили его погибель.

Въ вечеру того же дня, Меншиковъ поѣхалъ въ Петергофъ, но не засталъ тамъ императора, котораго увезли на охоту. Обратившись къ Остерману, онъ завязалъ съ нимъ рѣзкій и грубый разговоръ. Этотъ день и слѣдующій Меншиковъ остался въ Петергофѣ, но императоръ не возвращался туда. Между тѣмъ, встрѣчая всюду холодное выраженіе лицъ, Меншиковъ рѣшился возвратиться въ Петербургъ, можетъ быть въ той увѣренности, что тамъ онъ будетъ грознѣе нежели въ средѣ придворной. Дѣйствительно, прибывъ въ столицу, онъ вмѣсто того, чтобы разъигрывать роль впавшаго въ немилость царедворца, напротивъ, все утро провелъ въ посѣщеніи

колегій и въ отдачѣ разныхъ приказаній; особенно занялся онъ распоряженіями для пріема императора въ своемъ дворцѣ, полагая, что государь по прежнему будетъ жить у него по возвращеніи своемъ въ городъ. Но около полудня пріѣхалъ генералъ Салтыковъ съ приказаніемъ взять изъ дома Меншикова царскую мебель и перенести ее въ лѣтній дворецъ. Это сразило князя какъ громомъ, онъ совершенно потерялся, особенно когда въ довершеніе удара ему возвратили мебель его сына, который по должности обер-камергера жилъ при государѣ.

Въ своемъ смятеніи онъ худо сдѣлалъ, что распустилъ по квартирамъ свой ингерманландскій полкъ, который онъ разставилъ-было для своей безопасности близъ своего дворца на Васильевскомъ островy.[1]) Этотъ полкъ, котораго Меншиковъ считался полковникомъ съ самаго начала его образованія, былъ вполнѣ ему преданъ, и то вѣрно, что онъ внушалъ не мало уваженія врагамъ князя.

На другой день, императоръ возвратился въ Петербургъ. Снова посланъ былъ генералъ Салтыковъ съ объявленіемъ Меншикову, что онъ арестованъ. Жена его и дѣти поспѣшили въ лѣтній дворецъ, чтобы броситься къ ногамъ императора, но ихъ не допустили до него.

Между тѣмъ, князя увѣрили, что его лишаютъ только должностей, но имущества его не тронутъ и ему дозволятъ провести остатокъ жизни въ Раненбургѣ, хорошенькомъ городкѣ на границѣ Украйны, имъ же построенномъ и даже нѣсколько укрѣпленномъ. Пока князь оставался въ Петербургѣ, ему не мѣшали распоряжаться своимъ имѣніемъ, такъ, что когда онъ выѣхалъ отсюда, то по обозу его нельзя было заключить, что ѣдетъ опальный вельможа. Съ нимъ ѣхало все его семейство и большое число слугъ. По всему обращенію съ нимъ въ первые дни путешествія, казалось-было, что ему не желали большого зла. Когда же онъ прибылъ въ Тверь, городъ, лежащій на пути изъ Петербурга въ Москву, то нашелъ тамъ повелѣніе наложить печати на все его имущество, съ оставленіемъ ему только необ-

---

[1]) Васильевскій островъ составляетъ часть города Петербурга. Петръ I-й подарилъ его даже весь Меншикову, но потомъ взялъ его обратно, полагая выстроить на немъ весь Петербургъ; но планъ этотъ не состоялся.

Прим. Авт.

ходимаго. Стражу его удвоили, и стали внимательнѣе наблюдать за нимъ въ дорогѣ. Едва прибылъ онъ въ Раненбургъ, какъ ему подали кипу бумагъ съ обвиненіями противъ него, и по слѣдамъ его ѣхали лица, назначенныя судить его. Его приговорили къ ссылкѣ въ Березовѣ, самомъ отдаленномъ мѣстечкѣ Сибири. Жена его, лишившись зрѣнія отъ слезъ, умерла въ дорогѣ, остальное семейство провожало его до мѣста ссылки. Онъ перенесъ свое несчастіе съ твердостію, которой въ немъ не предполагали, и изъ худосочнаго, какимъ онъ былъ прежде, сталъ здоровымъ и полнымъ. На его содержаніе было назначено по десяти рублей въ день; этой суммы такъ было достаточно, что сверхъ собственныхъ нуждъ, онъ могъ откладывать изъ нея на расходы для постройки церкви, надъ которой самъ и работалъ съ топоромъ въ рукѣ. Меншиковъ умеръ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1729 г. отъ прилива крови, такъ какъ во всемъ Березовѣ не нашелся человѣкъ, который съумѣлъ бы пустить ему кровь.

О происхожденіи Меншикова существуетъ общее мнѣніе, что онъ сынъ крестьянина, отдавшаго его въ ученіе пирожнику въ Москвѣ; и что онъ, распѣвая, разносилъ по городу пироги, что онъ былъ замѣченъ Петромъ I и понравился ему своими ловкими и острыми отвѣтами. Царь отдалъ его въ услуженіе Лефорту, а отъ него взялъ къ себѣ, и мало по малу составилъ его счастіе.

Другіе же утверждаютъ, будто отецъ Меншикова находился въ военной службѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; а самъ Меншиковъ служилъ конюхомъ при дворѣ царя, такъ какъ очень часто дворяне служили при царскихъ конюшняхъ. Петръ I, часто обращаясь къ Меншикову, замѣтилъ остроуміе въ его отвѣтахъ, и поэтому перевелъ его изъ конюшни на службу при своей особѣ; открывъ затѣмъ большія дарованія въ Меншиковѣ, Петръ въ теченіи немногихъ лѣтъ возложилъ на него высшія государственныя должности.

Я всегда находилъ первое мнѣніе болѣе близкимъ къ правдѣ. Несомнѣнно вѣрно, что Меншиковъ низкаго происхожденія; онъ началъ съ должности слуги, послѣ чего царь взялъ его въ солдаты первой регулярной роты, названной имъ потѣшною. Отсюда уже царь взялъ его къ себѣ, оказывая ему полное довѣріе, такъ что во многихъ случаяхъ Меншиковъ управлялъ Россіею также деспотически, какъ самъ государь. Однако въ послѣдніе годы цар-

ствованія Петра I значеніе Меншикова замѣтно умалилось; полагаютъ даже, что если бы жизнь этого государя продлилась еще нѣсколько мѣсяцовъ, то произошли бы снова большія перемѣны при дворѣ и въ министерствѣ.

Изъ слѣдующаго изображенія Меншикова каждый можетъ заключить, какія качества брали у него верхъ: дурныя или хорошія.

Меншиковъ былъ сильно привязанъ къ царю и сочувствовалъ его правиламъ относительно просвѣщенія русской націи. Съ иностранцами, если только они не считали себя умнѣе его, онъ былъ вѣжливъ и любезенъ. Онъ также не трогалъ русскихъ, умѣвшихъ гнуть спину. Съ низшими обращался кротко и никогда не забывалъ оказанной услуги. Въ самыхъ большихъ опасностяхъ обнаруживалъ всю надлежащую храбрость, и, разъ полюбивъ когонибудь, становился его усерднымъ другомъ.

Съ другой стороны честолюбіе его было безмѣрно; ни выше себя, ни равнаго онъ не терпѣлъ, а тѣмъ болѣе человѣка, который вздумалъ бы превзойти его умомъ. Алчности былъ ненасытной, и врагъ непримиримый. Въ умѣ у него не было недостатка, но отсутствіе воспитанія сказывалось въ его грубомъ обращеніи. Любостяжаніе его часто производило непріятныя для него столкновенія съ Петромъ I, который не одинъ разъ подвергъ его произвольному штрафу. Несмотря на то, послѣ его заточенія, у него найдено до трехъ милліоновъ рублей, какъ наличными деньгами, такъ серебряной посудою и драгоцѣнными камнями. Меншиковъ имѣлъ сына и двухъ дочерей. Изъ нихъ, бывшая невѣста императора скончалась при жизни отца; другая, въ царствованіе императрицы Анны, вышла замужъ за Густава Бирона, брата курляндскаго герцога. Она умерла въ началѣ 1737 г. Сынъ Меншикова служилъ маіоромъ въ гвардіи. Пока отецъ его былъ въ счастіи, всѣ находили его умнымъ, хотя въ то время онъ былъ еще очень молодъ; но со времени опалы и смерти отца, находятъ, что едва-ли кто во всей Россіи глупѣе его. Изъ ничтожества возвысившись до высшихъ степеней, Меншиковъ могъ бы съ честію окончить свое поприще, если бы не увлекло его честолюбіе до притязанія возвести свое потомство на русскій престолъ. Это тотъ самый камень преткновенія, о который разбились, подобно ему, всѣ слѣдовавшіе за нимъ любимцы, какъ это окажется далѣе.

II.

Князья Долгорукіе заступаютъ мѣсто Меншикова.—Отъѣздъ императора въ Москву для коронованія.—Интриги противъ Долгорукихъ.—Волненіе украинскихъ казаковъ и свѣдѣнія объ этомъ народѣ.—Запорожскіе казаки.—Донскіе казаки.—Кончина сестры императора.—Императоръ влюбляется въ княжну Долгорукую.—Императоръ объявляетъ о своемъ намѣреніи жениться на княжнѣ Долгорукой.—Болѣзнь и кончина императора.—Княжна Елисавета, невѣста принца Голштейнскаго.—Интриги князей Долгорукихъ во время болѣзни и послѣ смерти императора.

1727—1730.

По завѣщанію Екатерины, Петръ II долженъ былъ находиться подъ опекою регентства. Не находя это удобнымъ для себя, Меншиковъ одинъ захватилъ всю власть, и правилъ всѣмъ одинъ. Послѣ его паденія не было уже и рѣчи о регентствѣ: императоръ хотѣлъ управлять непосредственно отъ своего имени. Каждая изъ старинныхъ фамилій надѣялась преимущественно передъ другими заслужить доброе расположеніе къ себѣ государя. Лопухины и Салтыковы, какъ близкіе родственники императора, ожидали, что этого одного будетъ достаточно для полученія первыхъ мѣстъ. Но и тѣ и другіе обманулись. Князья Долгорукіе, изъ которыхъ нѣкоторые по должности своей стояли близко къ его величеству, тотчасъ же съумѣли воспользоваться случаемъ, и сразу захватили, такъ сказать, всѣ пути къ императору.

Князь Иванъ (сынъ Алексѣя Долгорукаго, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и дядьки императора) былъ красивый молодой человѣкъ и живого характера. Ему часто случалось бесѣдовать съ молодымъ государемъ, который полюбилъ его и наконецъ такъ къ нему привязался, что не могъ ни минуты оставаться безъ его общества. Долгорукіе не упустили воспользоваться этою привязанностью и стали во главѣ всѣхъ дѣлъ. Спустя нѣсколько времени послѣ ссылки Меншикова, всѣ семейства, сосланныя имъ нѣкогда въ Сибирь по дѣлу царевича, были вызваны оттуда обратно и конфискованныя ихъ имѣнія были имъ возвращены.

Немедленно послѣ смерти Екатерины, императоръ пожелалъ ѣхать въ Москву для коронованія, но Меншиковъ всегда тому препятствовалъ, опасаясь, что въ Москвѣ онъ не могъ бы такъ держать государя на своихъ глазахъ, какъ въ своемъ домѣ въ Петербургѣ; а враги князя какъ разъ могли бы найти удобный случай погубить его. Теперь же, какъ Меншиковъ былъ уда-

ленъ, отъѣздъ въ Москву былъ назначенъ въ январѣ 1728 г.— 20-го этого мѣсяца дворъ выѣхалъ изъ Петербурга, но на дорогѣ императоръ заболѣлъ корью, что заставило его на двѣ недѣли остановиться въ Твери; и не ранѣе 15-го февраля могъ совершиться торжественный въѣздъ его въ Москву.

Съ крайнею завистью смотрѣла остальная знать на сильное вліяніе Долгорукихъ. Но какъ ни приводили въ дѣйствіе разныя пружины, вліяніе это не успѣвали уничтожить.

7-го апрѣля, къ однимъ изъ московскихъ воротъ подкинуто было безымянное письмо, съ надписью на конвертѣ, что содержаніе его чрезвычайной важности для государства. Въ этомъ письмѣ, съ пространными подробностями, оправдывали образъ дѣйствій Меншикова, и въ тоже время старались внушить недовѣріе къ тогдашнимъ министрамъ и любимцамъ. Однако этотъ случай только усилилъ вліяніе Долгорукихъ, заставя ихъ впрочемъ, быть еще осторожнѣе прежняго.

Князь Иванъ внимательно изучалъ наклонности своего государя. Стараясь каждый день доставлять ему новыя удовольствія, онъ этимъ пріобрѣлъ полное и исключительное къ себѣ довѣріе молодого Петра, который пожаловалъ его въ обер-камергеры и далъ ему андреевскую ленту. Между тѣмъ, этотъ же князь рѣзкимъ обращеніемъ и пренебреженіемъ ко всѣмъ увеличивалъ число своихъ враговъ.

Постигшая императора въ августѣ мѣсяцѣ болѣзнь встревожила все государство. Опасались за его жизнь, такъ какъ горячка, въ которую онъ впалъ, была очень сильная. Однако на этотъ разъ онъ избѣжалъ смерти. Недруги любимца тотчасъ же отнесли на его отвѣтственность эту болѣзнь, увѣряя императора, что его заставляютъ слишкомъ много дѣлать движенія, и отъ недостатка въ отдыхѣ силы его слабѣютъ; оттого, если онъ не перемѣнитъ своего образа жизни, здоровье его окончательно разстроится.

Въ сущности эти лица были правы. У императора была страсть къ охотѣ; но Алексѣй Долгорукій, отецъ любимца, вмѣсто того, чтобы дозволять ему предаваться ей умѣренно, напротивъ, заставлялъ его по цѣлому дню, а иногда и по нѣскольку дней сряду рыскать по полямъ, отчего молодой государь сильно уставалъ и разгорячался. Тѣлосложеніе его было такъ нѣжно, что ему тру-

дно было привыкнуть къ усиленному движенію,— въ столь раннемъ возрастѣ.

Приблизительно около этого времени что-то зашевелились украинскіе казаки. Послѣ бунта Мазепы, они такъ были принижены Петромъ I, что при жизни его не смѣли выходить изъ его власти. За то теперь, несовершеннолѣтіе Петра II показалось имъ временемъ удобнымъ, и они начали волноваться. Однако этой попыткѣ былъ вскорѣ положенъ конецъ. Посланы были войска; самыхъ богатыхъ казаковъ и самыхъ безпокойныхъ схватили и сослали въ Сибирь. Остальные просили помилованія, которое и получили; но все-таки они должны были отправить въ Москву многочисленную депутацію, для исходатайствованія имъ прощенія. Въ главѣ ея находился гетманъ, т. е. князь ихъ. Мало того, ручательствомъ ихъ вѣрности должны были служить оставленные ими заложники. Въ настоящее время нѣтъ надобности строго наблюдать за ними. Послѣ недавней войны съ турками, они такъ обезсилены, что не скоро въ состояніи будутъ снова возстать.

Про этотъ народъ, можетъ быть, мало знаютъ. Поэтому я скажу о немъ нѣсколько словъ.

Казаки раздѣляются на нѣсколько категорій; извѣстнѣйшіе изъ нихъ: донскіе, запорожскіе и украинскіе. Я говорилъ о послѣднихъ. Они обитаютъ Украйну, или такъ называемую Малую Россію, безспорно одинъ изъ прекраснѣйшихъ краевъ въ Европѣ. Одна половина принадлежитъ россійской имперіи, другая—Польшѣ; обѣ доли раздѣляетъ рѣка Днѣпръ или Борисѳенъ, служа въ тоже время обоюдною границею. Въ прежнее время казаки были независимый народъ. Происхожденіе ихъ одинаковое съ поляками, но вѣру исповѣдуютъ греческую. Когда этотъ народъ не былъ разъединенъ, онъ могъ поставить въ поле полтораста тысячъ человѣкъ; всѣ они служатъ на конѣ. Казаки долгое время находились подъ покровительствомъ польской республики, и оказали ей важныя услуги въ войнѣ съ турками. Когда же поляки вздумали поступать съ ними какъ съ рабами, они взбунтовались подъ предводительствомъ гетмана Хмельницкаго, который отдалъ себя подъ покровительство Порты, тому около ста лѣтъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, по смерти уже Хмельницкаго, преемникъ его, Дорошенко, отдался Россіи. Это было

поводомъ къ войнѣ, которая кончилась разореніемъ города Чигирина, въ то время столицы Украйны, около 1674 г. Въ первые годы затѣмъ они сохранили всѣ свои привилегіи и управлялись выбраннымъ изъ своей среды гетманомъ. Когда же гетманъ Мазепа перешелъ на сторону шведскаго короля Карла XII, Петръ I поставилъ этотъ безпокойный народъ въ такое положеніе, что у него была отнята всякая возможность выдти изъ-подъ власти царя. Въ настоящее время онъ почти не имѣетъ привилегій, и страна его считается завоеваннымъ краемъ. Послѣ смерти послѣдняго гетмана, Даніила Апостола, въ 1734 г., казаки не имѣли уже права избрать себѣ другого гетмана. Надъ ними поставлено русское правленіе, имѣющее пребываніе въ Глуховѣ. Теперь они могутъ выставить въ поле до 22-хъ тысячъ человѣкъ конныхъ. Въ послѣднюю войну съ турками, они на то только и были полезны русской арміи, что увеличивали численность войска, и нельзя отрицать, что старинное ихъ мужество совершенно исчезло. Во время послѣднихъ походовъ, они почти не исполняли другой службы, кромѣ подвоза припасовъ на армію.

Запорожскіе казаки обитаютъ на островахъ Борисѳена или Днѣпра, и небольшой край земли въ сторонѣ Крыма за порогами рѣки. Это смѣсь всякого народа, большая часть русскіе, поляки и украинскіе казаки. Они находились подъ покровительствомъ когда турокъ или крымскихъ татаръ, когда Россіи. Если не ошибаюсь, они вновь покорились Россіи послѣ 1734 г.; до того, они были въ союзѣ съ Портою со времени прибытія Карла XII въ Бендеры. Ихъ вождь или начальникъ ихъ республики называется кошевымъ атаманомъ; выбравъ его изъ своей среды, они повинуются ему слѣпо столько времени, сколько имъ вздумается. Какъ скоро же онъ не можетъ на нихъ угодить, они отставляютъ его отъ должности безъ всякихъ формальностей и выбираютъ другого. Съ тѣхъ поръ, какъ они покорились Россіи, не было у нихъ начальника, котораго не утвердило бы въ этомъ званіи глуховское правленіе; а главная причина частой смѣны кошевыхъ, какъ справедливо полагаютъ, то обстоятельство, что русскій дворъ обязанъ каждому вновь избираемому кошевому дарить по семи тысячъ рублей, которые кошевой обыкновенно дѣлитъ между значительнѣйшими лицами изъ казаковъ въ видахъ задобрить ихъ. Очень часто кошевой находится въ своей должности только

нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ чего его отставляютъ и онъ становится на равнѣ съ простыми казаками. Бывали даже случаи, что убивали кошевыхъ, только потому что они не понравились большинству. Въ военное время дворъ выдаетъ имъ жалованье и во время походовъ снабжаетъ припасами. У этихъ казаковъ только одинъ секретарь, или скорѣе писарь, который одинъ имѣетъ право писать и получать письма. Если бы кто другой вздумалъ вести какую-либо переписку, его немедленно казнили бы смертію, хотя бы то былъ самъ кошевой. Когда же къ кому-либо изъ казаковъ приходитъ письмо, то его несутъ къ писарю, который читаетъ его вслухъ передъ старшинами. Число войска, которое казаки могутъ поставить въ поле, неопредѣленно. Въ послѣднюю войну съ турками казаки доставили русской арміи 8,000 человѣкъ конныхъ. Впрочемъ, если они употребятъ всѣ усилія, они могутъ выставить отъ 12 до 15-ти т. людей.

У нихъ странные обычаи. Ни одному запорожскому казаку не дозволено имѣть жену въ предѣлахъ ихъ края. Если же кто женатъ, того жена должна жить въ сосѣднемъ краѣ, гдѣ казакъ можетъ отъ времени до времени навѣщать ее, и то такъ, чтобы не провѣдали о томъ старшины. Всякій воленъ выдти изъ среды ихъ, если ему тамъ не живется, и не обязанъ предупреждать о томъ кого бы то ни было. На его мѣсто придетъ посторонній, и онъ записывается въ казаки безъ дальнихъ околичностей, а только объявляетъ согласіе свое подчиняться ихъ обычаямъ и законамъ. Вотъ отчего они никогда не могутъ въ точности опредѣлить свои силы. Все ихъ общество дѣлится на разныя артели, и всѣ находящіеся на лицо въ ихъ станицѣ казаки обязаны обѣдать и ужинать въ общественныхъ столовыхъ. Они не терпятъ присутствія женскаго пола даже при постороннихъ, которые у нихъ бываютъ. Во время войны русскихъ съ турками, запорожцы допустили гарнизонъ регулярныхъ войскъ въ свою станицу, называемую Сѣчь, а эта станица ничто иное какъ укрѣпленная деревня. Начальствующій надъ гарнизономъ подполковникъ Глѣбовъ вызвалъ къ себѣ жену. Не успѣла она пріѣхать, какъ толпа казаковъ окружила домъ Глѣбова, требуя выдачи имъ женщинъ, которыя тамъ были, съ тѣмъ, чтобы каждый могъ ими воспользоваться. Много стоило Глѣбову труда успокоить толпу, и то съ помощью нѣсколькихъ бочекъ водки. Но въ тоже время

онъ долженъ былъ отправить жену обратно, въ предупрежденіе новаго смятенія.

Наказанія у нихъ также странны, какъ ихъ образъ жизни. Они отъявленные воры и разбойники; но осмѣлься только кто украсть малѣйшую вещь у своего товарища, его привязываютъ къ столбу на площади станицы, становятъ подлѣ него штофъ водки, хлѣбъ и нѣсколько дубинъ. Каждый прохожій вправѣ задать ему столько палокъ, сколько ему угодно, послѣ чего можетъ дать ему выпить водки и поѣсть хлѣба. Въ этомъ положеніи судьи оставляютъ виновнаго столько времени, сколько имъ заблагоразсудится, иногда до пяти сутокъ. Если послѣ такой пытки онъ останется въ живыхъ, то снова вступаетъ въ свое общество. Вся эта вольница состоитъ изъ однихъ воровъ и бродягъ, живущихъ грабежемъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Гайдамаки, опустошающіе Польшу, ничто иное какъ запорожскіе казаки. Русскій дворъ не въ силахъ помѣшать этимъ безпрерывнымъ набѣгамъ; напротивъ, онъ принужденъ щадить запорожцевъ, чтобы они не измѣнили ему.

Донскіе казаки обитаютъ мѣстность между рѣкою Дономъ, древнимъ Танаисомъ, и притокомъ его, Донцомъ. Земля у нихъ хорошая, есть нѣсколько красивыхъ городовъ и большихъ селъ. Ихъ столица называется Черкаскъ Эти казаки по происхожденію русскіе крестьяне, бѣжавшіе сюда отъ своихъ господъ, у которыхъ жизнь казалась имъ слишкомъ тяжкою. Здѣсь они образовали республику, и впослѣдствіи добровольно отдались подъ покровительство Россіи. Дворъ относится къ нимъ съ кротостью и осторожностью. Эти казаки отличные воины. Они въ состояніи поставить въ поле до 15-ти тысячъ человѣкъ, все конныхъ. Россія пользуется ими съ большою выгодою противъ турокъ и кубанскихъ татаръ. Ихъ начальникъ, или глава республики, называетя войсковымъ атаманомъ, и выбирается изъ числа знатнѣйшихъ должностныхъ лицъ своей среды, но необходимо при этомъ утвержденіе двора.

Возвращаюсь къ исторіи императора. Ему очень нравилась Москва, такъ что онъ и не помышлялъ о возвращеніи въ Петербургъ. Старинные русскіе были очень довольны этимъ; они ненавидѣли Петербургъ, стоившій имъ порядочной доли ихъ богатства.

Въ началѣ декабря мѣсяца великая княжна Наталья, сестра императора, захворала, и 14-го числа того же мѣсяца скончалась. Всѣ знавшіе великую княжну согласны въ томъ, что она подавала большія надежды, и была умна не по лѣтамъ. Она скончалась 14-ти лѣтъ и 4-хъ мѣсяцевъ отъ рожденія. Утверждаютъ, будто она часто выговаривала брату, что онъ слишкомъ предается удовольствіямъ, и давала ему замѣтить, что Долгорукіе такіе же деспоты, какимъ былъ ненавистный Меншиковъ. Но, по молодости лѣтъ, не способный управлять собою и весьма довольный доставляемыми удовольствіями, юный государь не обращалъ вниманія на слова сестры. Онъ совершенно отдался Долгорукимъ; все отъ нихъ зависѣло, и безъ ихъ согласія никто не смѣлъ приближаться къ императору.

Давно уже князь Иванъ Долгорукій старался устроить бракъ императора съ своей сестрою, и это отчасти удалось ему. Княжна Катерина Долгорукая, не будучи совершенною красавицею, была очень хорошенькая дѣвушка; роста выше средняго, стройная; большіе голубые глаза ея смотрѣли томно. Сверхъ того, она не была лишена ни ума, ни образованія. Въ эту-то княжну страстно влюбился Петръ II. Государь часто ѣзжалъ въ имѣнія своего любимца и тамъ охотился, и въ одно изъ этихъ путешествій Долгорукій далъ завтракъ государю въ своей подмосковной деревнѣ, пригласивъ туда и сестру свою. Онъ представилъ ее императору, который тутъ же рѣшился жениться на ней.

19-го ноября его величество объявилъ о своемъ намѣреніи въ присутствіи всего совѣта. Спустя нѣсколько дней, государь приказалъ увѣдомить иностранныхъ пословъ и всѣхъ имѣвшихъ пріѣздъ ко двору, чтобы они явились съ поздравленіемъ. 30-го того же мѣсяца, во дворцѣ Лефорта, гдѣ жилъ въ то время императоръ, происходило обрученіе съ большою церемоніею. Княжну привозили во дворецъ въ придворномъ экипажѣ, а новгородскій митрополитъ отправлялъ богослуженіе. Послѣ этой церемоніи государь и его невѣста снова принимали поздравленія отъ двора и иностранныхъ министровъ. Конецъ 1729 г. и начало 1730 г. были рядомъ праздниковъ и увеселеній. Долгорукіе воображали, что преодолѣли всѣ препятствія, и располагали черезъ нѣсколько дней съиграть свадьбу императора, послѣ чего нечего было имъ

опасаться враговъ и ихъ козней. Но они обманулись въ своихъ надеждахъ.

17-го января императоръ заболѣлъ оспою. Невѣжество врачей, принявшихъ оспу за горячку, и излишняя живость самого государя были причиной его смерти. Онъ открылъ у себя окно въ то время, когда оспа стала высыпать; она скрылась, и затѣмъ последовала смерть 29-го января по старому стилю, похитивъ государя въ цвѣтѣ лѣтъ.

Царствованіе Петра II продолжалось только два года и девять мѣсяцевъ; и несмотря на то, что государь этотъ умеръ въ очень молодыхъ лѣтахъ, весь народъ много жалѣлъ о немъ. Русскіе стараго времени находили въ немъ государя по душѣ, оттого что онъ, выѣхавъ изъ Петербурга, перевелъ ихъ въ Москву. Вся Россія до сихъ поръ считаетъ его царствованіе самымъ счастливымъ временемъ изъ послѣднихъ ста лѣтъ. Государство находилось въ мирѣ со всѣми сосѣдями; служить въ войскахъ никого не принуждали, такъ что каждый могъ спокойно наслаждатьcя своимъ добромъ и даже умножать его. За исключеніемъ нѣкоторыхъ вельможъ, завистливо смотрѣвшихъ на могущество Долгорукихъ, вся нація была довольна; радость отражалась на всѣхъ лицахъ; государственная казна обогащалась, и Москва начинала поправляться отъ разоренія, причиненнаго ей пристрастіемъ Петра I къ Петербургу. Только армія, да флотъ приходили въ упадокъ, и погибли бы, вѣроятно, въ конецъ, если бы царствованіе это продолжалось въ этомъ видѣ еще нѣсколько лѣтъ.

По причинѣ нѣжнаго возраста покойнаго государя трудно опредѣлить, каковъ былъ его характеръ. Впрочемъ, общій голосъ говорилъ, что сердце у него было доброе, умъ живой и проницательный и отличная память. Слышанное имъ одинъ разъ уже затверживалось въ его памяти. Если бы при этихъ природныхъ дарованіяхъ дано ему было иностранное образованіе, нѣтъ сомнѣнія, что изъ него вышелъ бы со временемъ великій государь. Петръ I поручилъ воспитаніе его венгерцу по имени Секанъ (Sekan), бывшему наставнику молодыхъ графовъ Нарышкиныхъ, но какъ это семейство было сослано не задолго до смерти Екатерины, то и наставникъ долженъ былъ отправляться съ нимъ. Императрица назначила воспитателемъ къ Петру графа Остермана, а дядькою князя Алексѣя Долгорукаго. На Остермана

возложено было преимущественно наблюденіе за обученіемъ; онъ исполнилъ эту обязанность со всѣмъ возможнымъ стараніемъ, насколько ему самому въ этомъ не мѣшали, и насколько позволяли ему другія возложенныя на него дѣла.)

Я позабылъ упомянуть выше, что въ завѣщаніи Екатерины заключалась также статья о бракѣ цесаревны Елисаветы Петровны съ принцемъ Голштейнскимъ, епископомъ любскимъ, который находился въ Петербургѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ, и о выдачѣ ей въ приданое 300 т. рублей. Но бракъ этотъ не состоялся по случаю смерти жениха, заболѣвшаго 22-го мая 1726 г. и умершаго 1-го іюня. Этотъ принцъ былъ братъ принцесы Цербстской и нынѣ царствующаго шведскаго короля, и такимъ образомъ онъ приходился бы дядею теперешней великой княгини.

Говоря объ этомъ предположенномъ бракѣ, кстати упомянуть о двухъ другихъ брачныхъ проектахъ, задуманныхъ для той же царевны. Первый изъ нихъ возникъ еще при жизни Петра I, и мѣтилъ на французскаго короля Людовика XV. Одни увѣряютъ, будто Петръ сдѣлалъ предложеніе объ этомъ союзѣ самъ, но французскій дворъ будто отклонилъ его. Другіе же утверждаютъ, что герцогъ-регентъ и французское министерство охотно бы содѣйствовали этому плану, и французскому министру въ Петербургѣ, г. Кампредону, было поручено вести о томъ переговоры, но многіе другіе дворы, находя въ этомъ союзѣ невыгоды для себя, интригами своими разстроили дѣло. По второму проекту, уже въ царствованіе Петра II, имѣли въ виду прусскаго принца крови, маркграфа Карла; но я не знаю, почему этотъ бракъ не состоялся.

Въ царствованіе же Петра II впервые через Ладожскій каналъ прошли суда. Это то великое сооруженіе, которое началъ Петръ I съ цѣлью содѣйствовать торговлѣ центра его имперіи съ Балтійскимъ моремъ. Такъ какъ я буду еще имѣть случай говорить объ этомъ каналѣ, то распространюсь о немъ ниже.

Во все время царствованія Петра II, Россіею управляли только Меншиковъ да Долгорукіе. Перваго ненавидѣло все государство за притѣсненіе старинныхъ фамилій и за безмѣрное честолюбіе. Замѣнившіе его въ милости и власти князья Долгорукіе переняли и его пороки, и конецъ ихъ былъ еще трагичнѣе перваго.

Долгорукихъ обвиняли въ томъ, что они отъ всѣхъ скрывали болѣзнь императора до послѣдней возможности; когда же увидѣли, что ему уже не встать, они сочинили завѣщаніе, которымъ обрученная невѣста императора объявлялась императрицею и наслѣдницею государства. Князь Иванъ подписалъ завѣщаніе отъ имени императора, такъ какъ и при жизни государя онъ привыкъ уже подписываться за него, по его приказанію.

Лишь только Петръ II закрылъ глаза, какъ князь Иванъ вышелъ изъ комнаты и, со шпагою нà-голо, закричалъ: «да здравствуетъ императрица Катерина!» Но какъ на этотъ возгласъ никто не отвѣчалъ, то онъ увидѣлъ тщетность своего плана, вложилъ шпагу въ ножны, отправился домой и сжегъ завѣщаніе.

Очень многіе увѣряютъ, что никакого завѣщанія не существовало, что это измышлено недругами Долгорукихъ съ цѣлью погубить ихъ. Но такъ какъ въ манифестахъ, изданныхъ противъ этихъ князей, именно включено это завѣщаніе, какъ одно изъ главныхъ предметовъ обвиненія, то я и счелъ нужнымъ упомянуть о томъ. Впрочемъ, это обстоятельство о выходѣ князя Ивана со шпагою въ рукѣ, совершенно вѣрно. Оно сообщено мнѣ человѣкомъ, достойнымъ довѣрія и къ тому же принадлежащимъ къ семейству Долгорукихъ. Вполнѣ вѣрно и то, что если бы въ самомъ этомъ семействѣ не происходили ссоры, то княжна Катерина непремѣнно вступила бы на престолъ. Но несогласіе, господствовавшее между старшими членами семейства, повело къ гибели ихъ всѣхъ.

III.

Засѣданіе Совѣта и избраніе Анны.—Условія, на которыхъ избрана императрица Анна.—Болѣзнь графа Остермана.—Царевна Елисавета имѣла возможность вступить на престолъ.—Графъ Ягужинскій предупреждаетъ императрицу о заключеніяхъ Совѣта.—Пріѣздъ императрицы въ Москву.—Императрица объявляетъ себя государынею самодержавною.

1730 г.

Послѣ смерти императора, въ одной изъ комнатъ дворца Лефорта, мѣстопребыванія Петра II въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, собрались: Верховный Совѣтъ, Сенатъ, и главные генералы арміи, находившіеся въ Москвѣ. Государственный канцлеръ графъ Головкинъ объявилъ собранію о кончинѣ императора; послѣ него князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ всталъ и сказалъ: «Такъ

какъ со смертію Петра II потомство Петра́ I пресѣклось въ мужской линіи, а между тѣмъ Россія страшно пострадала отъ деспотической власти, чему содѣйствовали иностранцы, въ большомъ числѣ привлеченные въ страну Петромъ I, то слѣдуетъ верховную власть ограничить полезными законами, и поручить царствованіе той императрицѣ, которая будетъ избрана, не иначе какъ подъ нѣкоторыми условіями».

Князь спросилъ, все-ли собраніе принимаетъ предложеніе, и всѣ дали свое согласіе безъ малѣйшаго противорѣчія. Затѣмъ князь Василій Лукичъ Долгорукій предложилъ вдовствующую герцогиню курляндскую, объясняя это тѣмъ, что если коронѣ приходится перейти въ женское поколѣніе, то справедливость требуетъ отдать предпочтеніе дочерямъ царя Іоанна, старшаго брата Петра I, а не дочерямъ послѣдняго, и что хотя герцогиня Мекленбургская[1]) и старшая, однако надобно имѣть въ виду, что она находится въ замужствѣ съ иностраннымъ принцемъ, тогда какъ герцогиня Курляндская въ настоящее время вдовствуетъ и ей только тридцать шесть лѣтъ, такъ что она можетъ вторично сочетаться бракомъ и дать наслѣдниковъ престолу.

Истинная же причина, почему предпочтеніе дано герцогинѣ Курляндской, была та, что она находилась на ту пору въ Митавѣ, и самая эта отдаленность позволяла устроить на досугѣ республиканскую систему правленія.

По соглашеніи всѣхъ голосовъ, рѣшено было, что вся власть будетъ принадлежать Верховному Совѣту, состоявшему изъ семи лицъ (въ этомъ числѣ большинство составляли Долгорукіе и ихъ родственники), и собраніе постановило слѣдующія условія:

1) Императрица Анна будетъ управлять не иначе какъ согласно съ заключеніями Верховнаго Совѣта.

2) Она не будетъ ни объявлять войны, ни заключать мира.

3) Она не будетъ налагать новыхъ податей, ни раздавать важныхъ должностей.

4) Не будетъ казнить смертію дворянина безъ явной улики въ преступленіи.

5) Не будетъ конфисковывать ничьего имущества.

---

[1]) Герцогиня Мекленбургская въ то время уже нѣсколько лѣтъ проживала въ Москвѣ. Она разошлась съ своимъ супругомъ въ 1719 г. и возвратилась въ Россію. Прим. Авт.

6) Не будетъ располагать казенными землями, ни отчуждать ихъ.

7) Не вступитъ въ бракъ и не изберетъ себѣ преемника безъ соглашенія по этимъ предметамъ Верховнаго Совѣта.

Собраніе назначило трехъ лицъ для объявленія императрицѣ о призваніи ея на престолъ и для предположенія ей условій, на которыхъ ей слѣдовало царствовать. Депутатами были: отъ верховнаго совѣта князь Василій Лукичъ Долгорукій; отъ сената: князь Михаилъ Голицынъ; отъ дворянства генерал-лейтенантъ Леонтьевъ. Депутатамъ поручено было предложить императрицѣ, чтобы она подписала вышеозначенныя статьи и не брала бы съ собою въ Москву своего любимца, камер-юнкера Бирона.

Графъ Остерманъ, не покидавшій ни на минуту императора во время его болѣзни, какъ только онъ скончался, уѣхалъ къ себѣ усталый и сказался больнымъ, чтобы не участвовать въ собраніи совѣта и сената, хотя онъ былъ вице-канцлеромъ имперіи. Благодаря этимъ своевременнымъ болѣзнямъ, Остерманъ такъ долго держался въ этой имперіи.

Несмотря на распоряженія Верховнаго Совѣта, царевна Елисавета была бы императрицею, если бы она въ первыя минуты послушалась совѣта своего доктора, нынѣ графа Лестока. Какъ скоро Лестокъ узналъ о кончинѣ императора, онъ вошелъ въ спальню царевны, спавшей въ то время, разбудилъ ее, сталъ ее уговаривать собрать гвардію, показаться народу, ѣхать въ сенатъ и тамъ предъявить свои права на корону. Но она никакъ не соглашалась выдти изъ своей спальни. Можетъ быть, въ то время она еще не имѣла достаточной твердости для исполненія такого великаго предпріятія. Впослѣдствіи, какъ мы видѣли, она пріобрѣла больше смѣлости. Но въ то время она предпочитала свои удовольствія славѣ царствовать; и очень вѣроятно, что и впослѣдствіи не подумала бы вступить на престолъ, если бы ее не тревожили въ царствованіе Анны, а оставили бы жить спокойно по-своему. Въ это же время партія ея была почти безсильна; нѣкоторые изъ вельможъ имперіи открыто говорили, что Елисавета слишкомъ молода для сана императрицы, и что ее больше занимаютъ удовольствія, нежели необходимыя заботы о правленіи.

Распорядившись, чтобы вся армія принесла присягу служить

императрицѣ не иначе какъ совмѣстно съ Совѣтомъ члены этого учрежденія думали, что этимъ они достаточно оградились отъ деспотическаго правленія. До распущенія собранія послѣдовало еще запрещеніе, подъ страхомъ смерти, увѣдомлять новую императрицу о томъ, что было обсужено и рѣшено собраніемъ. Только черезъ депутатовъ государыня должна была узнать о своемъ избраніи и объ условіяхъ, при которыхъ она должна вступить на престолъ. Несмотря на то, генерал-поручикъ графъ Ягужинскій въ ту же ночь отправилъ своего адъютанта Сумарокова въ Митаву извѣстить обо всемъ императрицу. Онъ ей писалъ, прося ее выѣхать изъ Митавы немедленно послѣ данной депутатамъ аудіенціи, принять всѣ условія, какія ей будутъ предложены, и довѣриться его совѣтамъ, а онъ, между тѣмъ, до прибытія ея въ Москву, постарается увеличить ея партію, которая не удовлетворяется правленіемъ совѣта; что великій канцлеръ графъ Головкинъ уже на ея сторонѣ, такъ что когда ея величество пріѣдетъ въ Москву, все окончится по ея желанію.

Всѣ дороги, идущія отъ столицы, такъ зорко стерегли, что Сумарокову стоило не мало труда пробраться. Прохожихъ обыскивали, нѣтъ-ли при нихъ писемъ. Однако Сумароковъ такъ искусно перерядился, что его не узнали и пропустили. Такимъ же опасностямъ подвергался онъ на границѣ Курляндіи у карауловъ, которымъ велѣно было задерживать всякого, кто прибылъ бы по московской дорогѣ. Онъ сдѣлалъ большой объѣздъ и, несмотря на препятствія, благополучно прибылъ въ Митаву. По милости всѣхъ этихъ задержекъ въ дорогѣ, онъ едва успѣлъ передать императрицѣ свои депеши, какъ пріѣхали депутаты и стали просить аудіенціи.

Не знаю, какими путями, князь Долгорукій узналъ, что изъ Москвы пріѣзжалъ посланный и имѣлъ свиданіе съ императрицей до депутатовъ. Онъ приказалъ розыскать его и, слыша, что посланный уже отправился обратно, послалъ за нимъ въ погоню; его и привезли обратно въ Митаву. Господа депутаты избили его, велѣли заковать въ желѣза и отправить въ Москву, гдѣ и Ягужинскій былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму.

Были люди, которые ставили въ вину императрицѣ выдачу Сумарокова депутатамъ, которымъ она открыла и причины, почему онъ былъ посланъ къ ней. Я въ этомъ постоянно сомнѣ-

вался. Однако справедливо и то, что во все время царствованія Анны Сумароковъ оставался безъ должности и жилъ въ нищетѣ.

Императрица безъ труда согласилась подписать все, что ей представлено было отъ имени Верховнаго Совѣта, не противорѣчила требованію оставить любимца своего въ Митавѣ и распорядилась немедленнымъ отъѣздомъ.

20-го февраля императрица прибыла въ село Всесвятское, въ четырехъ верстахъ отъ Москвы, гдѣ она пробыла пять дней. Тотчасъ по ея пріѣздѣ, члены совѣта, съ великимъ канцлеромъ въ главѣ, отправились туда. Послѣдній поднесъ императрицѣ на золотомъ блюдѣ Андреевскую ленту со звѣздою. Увидѣвъ орденъ, императрица сказала: «Да, вѣдь я и забыла надѣть его». Она взяла ленту и просила кого-то изъ окружающихъ надѣть на нее, не допуская до этого никого изъ членовъ Верховнаго Совѣта; когда же великій канцлеръ вздумалъ сказать ей рѣчь, она велѣла ему замолчать. Въ тотъ же день она произвела въ подполковники гвардіи Преображенскаго полка графа Салтыкова, близкаго родственника царицы-матери. Вотъ первыя ея мѣры по вступленіи на престолъ. Судя по ея дѣйствіямъ, въ первые дни по прибытіи въ Москву, многіе члены совѣта и сената полагали, что императрица вполнѣ удовлетворена ограниченіями. положенными самодержавію. Она снова подписала все, чего требовалъ Верховный Совѣтъ, показывая видъ, что охотно покоряется всѣмъ условіямъ. Но втайнѣ она дѣйствовала иначе. Оставленный-было въ Митавѣ, по требованію Совѣта, любимецъ ея прибылъ въ Москву. Она употребляла всевозможныя средства, чтобъ составить себѣ большую партію. Гвардію старалась задобрить щедрыми подарками, которые раздавала офицерамъ, стоявшимъ каждый день на караулѣ при ея особѣ. Словомъ, она не упускала ничего, что вело ее прямо къ цѣли, а цѣль эта была — возбудить несогласіе между членами Верховнаго Совѣта. Все удалось ей по желанію. Имъ дали понять, что князья Долгорукіе и ихъ родственники одни извлекутъ пользу изъ ограниченія могущества императрицы, что они для того и связали ей руки, чтобы утвердиться во власти, захваченной имъ при Петрѣ II; что изъ ихъ семейства и такъ уже много членовъ находятся въ составѣ, какъ Верховнаго Совѣта, такъ и Сената, и что со вре-

менемъ и того больше ихъ будетъ; что не слѣдуетъ забывать ихъ поступковъ послѣ кончины императора, когда они пытались передать царскую корону въ свое семейство; а какъ это имъ неудалось, то не теряли надежду успѣть въ своихъ планахъ со временемъ, посредствомъ ограниченія верховной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ старались возбудить недовѣріе и въ низшемъ дворянствѣ (котораго численность велика въ Россіи), увѣряя ихъ, что пока власть будетъ находиться въ рукахъ Верховнаго Совѣта, никто изъ среды этого дворянства неудостоится мало-мальски значительной должности, потому что каждый членъ Совѣта наровитъ какъ бы раздать лучшія мѣста своимъ родственникамъ, да прихвостнямъ; такъ что собственно говоря, дворянство будетъ въ рабствѣ у Верховнаго Совѣта, тогда какъ если императрица провозглашена будетъ самодержавною правительницею, то последнему дворянину будутъ открыты пути къ первымъ государственнымъ должностямъ, совершенно наравнѣ съ первыми князьями; что примѣры тому представляетъ царствованіе Петра I, когда уважались только истинныя заслуги, и что если этотъ государь и бывалъ строгъ, то его къ этому принуждали; низшее же дворянство никогда не страдало при немъ, напротивъ, въ его царствованіе оно снова поднялось. Подобныя тому соображенія, выраженныя кстати, конечно производили желаемое дѣйствіе.

Начались сборища гвардейцевъ, которые, начиная съ офицеровъ до послѣднихъ рядовыхъ, принадлежатъ здѣсь почти всѣ къ дворянству; сотни помѣщиковъ дворянъ собирались въ домахъ князей Трубецкаго, Барятинскаго и Черкаскаго, какъ лицъ, къ которымъ они имѣли наиболѣе довѣрія, и какъ сторонниковъ императрицы. Эти господа продолжали разжигать ихъ до 8-го числа марта, когда они нашли, что все подготовлено какъ слѣдуетъ. Въ этотъ день названные князья, ставъ въ главѣ шестисотъ дворянъ, отправились къ императрицѣ и, получивъ аудіенцію, стали ее просить о созваніи Верховнаго Совѣта и Сената, для новаго просмотра нѣкоторыхъ пунктовъ относительно управленія. Императрица дала свое согласіе на это, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручила графу Салтыкову (генерал-поручику и подполковнику гвардіи) разставить стражу у всѣхъ выходовъ и не позволять никому выходить изъ дворца. Кромѣ того, караулу велѣно зарядить ружья пулями, и всѣхъ, приходившихъ во дворецъ, пре-

дупреждали о принятыхъ мѣрахъ. Между тѣмъ, Верховный Совѣтъ и Сенатъ успѣли собраться, и императрица велѣла допустить ихъ къ ней. Она приняла ихъ въ тронной залѣ. Тутъ графъ Матвѣевъ подошелъ къ ея величеству и сказалъ, что имѣетъ порученіе отъ всего дворянства имперіи представить ей, что депутаты Верховнаго Совѣта ввели ее въ заблужденіе; что такъ какъ Россія въ продолженіи вѣковъ была управляема царями, а не какимъ-либо совѣтомъ, то все дворянство умоляетъ ее взять въ руки бразды правленія; таково желаніе и всего народа, чтобы домъ ея величества царствовалъ надъ нимъ до скончанія вѣковъ. На эту рѣчь императрица отвѣчала притворнымъ удивленіемъ. «Какъ,—спросила она,—развѣ не по желанію всего народа я подписала поднесенный мнѣ въ Митавѣ актъ?»—«Нѣтъ», отвѣчало собраніе единодушно. Тогда она обратилась къ князю Долгорукову со словами: «Такъ ты меня обманулъ, князь Василій Лукичъ?» Затѣмъ она приказала великому канцлеру принести подписанныя ею бумаги; заставивъ его прочесть содержаніе вслухъ, она останавливала его послѣ каждаго пункта, спрашивая присутствующихъ, удовлетворяетъ-ли это условіе націю? Но когда на каждый такой вопросъ собраніе отвѣчало отрицательно, императрица взяла бумаги изъ рукъ канцлера и, изорвавъ ихъ, сказала: «Слѣдовательно эти бумаги лишнія». И тутъ же прибавила: «Такъ какъ до сихъ поръ русскимъ государствомъ постоянно управляло одно лицо, то и она требуетъ тѣхъ же преимуществъ, какими пользовались ея предки, что она вступаетъ на престолъ не по выбору, какъ объявлялъ Совѣтъ, а по праву наслѣдства, и что всякій, кто осмѣлится возставать противъ единовластія, будетъ наказанъ какъ государственный измѣнникъ». За этими словами послѣдовало общее одобреніе, и во всемъ городѣ раздавались крики радости. Императрица прибавила еще увѣреніе, что и при полновластіи своемъ она намѣрена управлять со всевозможною кротостью, что для нея не будетъ ничего дороже блага ея народовъ; что она всегда будетъ пользоваться благонамѣренными совѣтами своего Сената, въ которомъ засѣдаютъ такія опытныя и дознанной честности лица, и что она будетъ прибѣгать къ строгости только въ крайнихъ случаяхъ. Въ предупрежденіе злонамѣренныхъ попытокъ, на всѣхъ улицахъ были разставлены

караулы. Войска приведены были къ новой присягѣ, и во всѣ губерніи были разосланы курьеры съ объявленіемъ о принятіи императрицею самодержавія.

IV.

Графъ Ягужинскій освобожденъ.—Выздоровленіе графа Остермана.—Императрица Анна учреждаетъ Кабинетъ.—Арестованіе князей Долгорукихъ.—Печальный конецъ Долгорукихъ.—Коронованіе императрицы Анны.—Возвышеніе Бирона и его происхожденіе.

1730 г.

Первымъ дѣломъ императрицы, по объявленіи себя самодержавною государынею, было—выпустить графа Ягужинскаго изъ тюрьмы, куда его засадили по приказанію Верховнаго Совѣта. Однако ему не тотчасъ возвратили его должности, а позже, по ходатайству графа Левенвольде у императрицы, какъ это разсказано будетъ ниже.

Вслѣдъ за объявленіемъ Анны сомодержавною императрицею, когда и въ столицѣ все успокоилось, графъ Остерманъ совершенно выздоровѣлъ. Глаза перестали у него болѣть и стали зорки какъ никогда, и онъ былъ въ состояніи исполнять все то, чего отъ него хотѣли. Ловкій политикъ, онъ съумѣлъ увернуться отъ засѣданія въ Верховномъ Совѣтѣ, собравшемся послѣ кончины Петра II; а когда императрица прибыла въ Москву, она поручила Остерману составить планъ интриги, которая повела-бы ее къ самодержавію. Остерманъ согласился, и несмотря на болѣзнь свою, такъ хорошо повелъ дѣло, что оно имѣло тотъ счастливый конецъ, о которомъ разсказано выше. Бывшій впослѣдствіи посланникомъ въ Копенгагенѣ г. Корфъ имѣлъ порученіе, всѣ совѣты графа Остермана передавать Бирону, а секретарь канцеляріи, Хрипуновъ (Chripounow), какъ посвященный въ тайну, сообщалъ обо всемъ великому канцлеру. Услуга Остермана доставила ему благорасположеніе и довѣріе императрицы, которыя онъ сохранилъ во все время ея царствованія.

[Въ царствованіе Екатерины и Петра II, Сенатъ пріобрѣлъ большую силу, благодаря тому, что оба царствующія лица очень были довольны сложить съ себя бремя правленія, только бы оставили имъ свободу предаваться своимъ удовольствіямъ. Петръ II, къ тому же и по несовершеннолѣтію своему, не въ состояніи былъ управлять такимъ обширнымъ государствомъ. Не такова была Анна. Она хотѣла вникать во всѣ дѣла и судить обо всемъ

ИМПЕРАТРИЦА АННА ІОАННОВНА.

1693—1740.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» Т. XIII, ИЗД. 1875 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 5 АПРѢЛЯ 1875 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ.

собственными глазами, или скорѣе, глазами своего любимца. Поэтому необходимо было ограничить власть Сената, тѣмъ болѣе, что императрица лично была имъ недовольна, такъ какъ большая часть членовъ Сената имѣла намѣреніе ограничить самодержавіе. Она учредила высшій совѣтъ, подъ названіемъ Кабинета, безъ согласія котораго ни одно существенное дѣло не могло быть рѣшено].[1]) Онъ состоялъ изъ трехъ членовъ: великаго канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Черкаскаго.

Въ рѣчи, сказанной императрицею по случаю принятія ею самодержавія, она обѣщала править государствомъ съ кротостью и прибѣгать къ строгимъ наказаніямъ только въ крайнихъ случаяхъ. А между тѣмъ она не могла забыть, что князья Долгорукіе осмѣлились мечтать о коронѣ для княжны ихъ дома, а когда это не удалось, то пытались подорвать самодержавное правленіе, чтобы продолжать господствовать подъ другимъ именемъ.

Всѣ князья Долгорукіе, замѣшанные въ дѣлѣ Совѣта, были арестованы одновременно. Нарядили надъ ними судъ и обвинили ихъ въ разныхъ преступленіяхъ, между прочимъ въ томъ, что они отклоняли покойнаго императора отъ изученія полезныхъ для него наукъ и обогащенія себя свѣдѣніями, необходимыми для управленія, что они разстроили его здоровье частыми поѣздками на охоту и тѣмъ были причиною его преждевременной кончины; кромѣ того, они, изъ видовъ честолюбія, намѣревались женить государя, до его возмужалости, на княжнѣ своего дома, и наконецъ раздавали важнѣйшія должности своимъ родственникамъ и клевретамъ, и проч. На этотъ разъ императрица даровала имъ жизнь. Бывшую невѣсту императора заперли въ монастырь. Князь Иванъ, бывшій обер-камергеръ и любимецъ императора, его отецъ, дяди, вообще всѣ ближайшіе ихъ родственники были сосланы: кто въ свои помѣстья, кто въ Березовъ или другія отдаленныя мѣста Сибири. Запрещена была всякая переписка съ ними, безъ особеннаго разрѣшенія двора. Фельдмаршалъ Долгорукій и братъ его, тайный совѣтникъ, не подверглись опалѣ. Но спустя немного времени, случилось фельдмаршалу высказаться

[1]) Все помѣщенное здѣсь въ скобкахъ въ подлинникѣ авторомъ зачеркнуто и поставленъ знакъ для выноски, но выноски въ рукописи нѣтъ, между тѣмъ для связи изложенія это мѣсто необходимо. Ред.

нѣсколько свободно, за это онъ былъ арестованъ и отвезенъ въ крѣпость Ивангородъ, близъ Нарвы. И братъ его не удержался. Нѣсколько лѣтъ спустя арестовали и его и отправили въ Шлиссельбургъ. Оба они оставались въ тюрьмѣ до восшествія на престолъ Елисаветы. (Донощикомъ на фельдмаршала Долгорукаго былъ принцъ Гессен-Гомбургскій, который, подольщаясь ко двору, донесъ о нѣсколько непочтительныхъ словахъ, сказанныхъ Долгорукимъ объ императрицѣ). Кабинетъ издалъ приказъ, которымъ воспрещалось повышать военнымъ чиномъ кого-либо изъ Долгорукихъ, безъ непосредственнаго повелѣнія двора.

Это несчастное семейство провело восемь лѣтъ спокойно въ своей ссылкѣ, какъ вдругъ императрицѣ понадобился одинъ изъ нихъ. Князь Сергѣй Григорьевичъ уже нѣсколько разъ былъ въ различныхъ посольствахъ, во Франціи, въ Вѣнѣ и Лондонѣ. Его призвали въ Петербургъ, намѣреваясь отправить въ Англію. Наканунѣ его отъѣзда какой-то тайный врагъ притянулъ его къ суду, и не его только, но и все семейство. Не давъ ему уѣхать, его арестовали и увезли въ Новгородъ, а заодно и семейство его. Возобновили старое обвиненіе въ составленіи подложнаго завѣщанія императора въ пользу княжны Катерины, и хотя оговорили, что завѣщаніе это не было представлено собранію Совѣта и Сената, однако оно доказывало ихъ вредные замыслы; мало того, они изъ ссылки своей поддерживали незаконную переписку съ иностранными землями, и пр. Князей Василія и Ивана (того, что былъ любимцемъ) колесовали, двое другихъ четвертованы, еще двое или трое наказаны другого рода смертію.

Этотъ переходъ отъ освобожденія къ казни, безъ сомнѣнія, покажется страннымъ; я постараюсь нѣсколько объяснить дѣло. Пока Долгорукіе оставались вдали отъ дѣлъ, враги ихъ не трогались; но едва императрица вызвала одного изъ нихъ, какъ это возбудило въ противной сторонѣ опасенія, какъ бы они снова не возстали отъ паденія и не взяли силу. Поэтому все было употреблено для ихъ погибели, и съ успѣхомъ, какъ мы видѣли. Говорятъ, будто Волынскій всего болѣе содѣйствовалъ ихъ гибели, но истинная причина все-таки будетъ заключаться въ зломъ сердцѣ Бирона, который никогда не могъ имъ простить ихъ требованія, чтобы императрица не брала его съ собою изъ Митавы; притомъ же онъ опасался, какъ бы они не положили пре-

грады тѣмъ великимъ планамъ, которые онъ задумалъ при объявленіи его герцогомъ Курляндскимъ.

Фамилія князей Голицыныхъ, родственниковъ и свойственниковъ князей Долгорукихъ, тоже пострадала отъ паденія послѣднихъ. Сначала никого изъ нихъ никуда не сослали, но ихъ удалили отъ двора и отъ дѣлъ, и дали въ управленіе области около Казани и въ Сибири. Во все время царствованія императрицы Анны Голицыны не могли оправиться.

Когда водворилась прежняя тишина, императрица короновалась въ Москвѣ, въ соборной церкви, 28-го апрѣля ст. ст. Вѣнчалъ на царство архіепископъ новгородскій, въ качествѣ митрополита россійской имперіи.

Биронъ, нѣсколько лѣтъ служившій камер-юнкеромъ, въ бытность императрицы герцогинею Курляндскою, былъ пожалованъ въ графы, получилъ голубую ленту и должность обер-камергера, которая оставалась вакантною послѣ ссылки князя Ивана Долгорукаго. Такъ какъ этотъ самый Биронъ игралъ значительную роль при петербургскомъ дворѣ, то я намѣренъ короче съ нимъ познакомить.

Его дѣдъ, по фамиліи Биренъ, былъ первымъ конюхомъ герцога Іакова III Курляндскаго. Сопровождая всюду своего господина, Биренъ успѣлъ заслужить его милость, такъ что герцогъ подарилъ ему въ собственность небольшую мызу. У этого Бирена было два сына: одинъ изъ нихъ поступилъ въ польскую службу и дослужился до генеральскаго чина, другой же, отецъ Бирона, о которомъ буду говорить, оставался на службѣ въ Курляндіи, и сопровождалъ принца Александра, младшаго сына герцога, въ Венгрію, въ 1686 г. Принцъ былъ раненъ подъ Будою и умеръ отъ ранъ. Служившій при немъ, въ качествѣ конюшаго съ чиномъ поручика, Биренъ привезъ имущество принца обратно въ Курляндію. Тутъ ему дали должность капитана охотничьей команды, и, благодаря наслѣдованному имъ отъ отца небольшому помѣстью, онъ жилъ въ довольствѣ. У него было три сына. Старшій изъ нихъ Карлъ началъ службу свою въ Россіи, дослужился до офицерскаго чина и былъ взятъ въ плѣнъ шведами въ сраженіи съ русскими.

Нашедъ способъ бѣжать изъ тюрьмы, онъ направился въ Польшу, поступилъ тамъ въ службу и дослужился до чина под-

полковника. Потомъ онъ поступилъ въ русскую службу, гдѣ въ скоромъ времени повысился до генерала-аншефа. Это былъ грубѣйшій человѣкъ; онъ весь былъ искалѣченъ вслѣдствіе дракъ и ссоръ, которыя затѣвалъ въ пьяномъ состояніи и по грубости поступковъ. Въ Россіи его боялись и избѣгали, потому что братъ его былъ всесильный любимецъ. Второй сынъ Эрнстъ-Іоганъ есть тотъ, который возвысился до званія герцога Курляндскаго и о которомъ буду говорить подробнѣе ниже. Третій, Густавъ, былъ тоже генерал-аншефомъ въ русской службѣ. Онъ началъ служить въ Польшѣ, но когда императрица Анна вступила на престолъ, она вызвала его въ Россію и пожаловала его маіоромъ вновь образованнаго полка гвардіи. Какъ братъ любимца, онъ быстро повышался. Это былъ весьма честный человѣкъ, но безъ образованія и недальняго ума.

Возвращаюсь ко второму брату. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ кенигсбергскомъ высшемъ училищѣ, отсюда онъ бѣжалъ, чтобъ не попасть подъ арестъ, которому подвергался за нѣкоторыя некрасивыя дѣла. Возвратясь въ Курляндію, онъ убѣдился что не можетъ существовать безъ службы, поэтому въ 1714 г. отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ домогался должности камер-юнкера при дворѣ кронпринцесы, супруги царевича. Однако такое домогательство со стороны человѣка, столь низкаго происхожденія, показалось слишкомъ дерзкимъ; ему отвѣчали презрительнымъ отказомъ и посовѣтовали даже скорѣе убираться изъ Петербурга. По возвращеніи въ Митаву, онъ познакомился съ г. Бестужевымъ (отцомъ великаго канцлера), обер-гофмейстеромъ двора герцогини Курляндской; онъ попалъ къ нему въ милость и пожалованъ камер-юнкеромъ при этомъ дворѣ. Едва онъ всталъ такимъ образомъ на ноги, какъ началъ подкапываться подъ своего благодѣтеля; онъ настолько въ этомъ успѣлъ, что герцогиня не ограничилась удаленіемъ Бестужева отъ двора, но еще всячески преслѣдовала его и послѣ, отправивъ Корфа нарочно въ Москву жаловаться на него. А Биренъ своею красивою наружностью въ скоромъ времени такъ вошелъ въ милость у герцогини, полюбившей его общество, что она сдѣлала его своимъ наперсникомъ. Курляндское дворянство исполнилось зависти къ новому любимцу; нѣкоторыя лица пытались даже вовлечь его въ ссору. Необходимость имѣть поддержку въ дво-

рянствѣ заставила Бирена искать союза въ одной изъ древнихъ фамилій. Нѣсколько разъ ему отказывали; наконецъ онъ навязался фрейлинѣ герцогини, дѣвицѣ Трейденъ, на которой и женился еще до полученія согласія ея родителей. Теперь онъ надѣялся, что дворянство приметъ его въ свою среду, однако встрѣтилъ жестокій отказъ.

Русское министерство также его не терпѣло, какъ и курляндское дворянство. Всѣхъ возмутилъ его поступокъ съ Бестужевымъ,. отъ этого и въ Москвѣ его ненавидѣли и презирали. Дѣло дошло до того, что незадолго до кончины Петра II, когда Корфъ ходатайствовалъ объ увеличеніи содержанія герцогинѣ, министры Верховнаго Совѣта объявили ему безъ обиняковъ, что для ея императорскаго высочества все будетъ сдѣлано, но что не хотятъ, чтобы Биренъ этимъ распоряжался.

Выше было упомянуто, что въ числѣ условій, которыя депутаты должны были предложить новой императрицѣ, было и то, чтобы она оставила своего любимца въ Митавѣ. Хотя она и дала на это свое согласіе, однако Бирену приказано было слѣдовать за нею не въ дальнемъ разстояніи, а какъ скоро императрица объявила себя самодержавною, Биронъ былъ пожалованъ въ камергеры, затѣмъ, въ день коронованія возведенъ въ высшія должности, какъ упомянуто ранѣе.

Когда герцогъ Фердинандъ Курляндскій, послѣдній потомокъ дома Кетлеровъ, умеръ, Биренъ происками своими добился избранія въ герцоги. Такимъ образомъ онъ сталъ владѣтельнымъ государемъ той самой страны, которой дворянство нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ отказалось принять его въ свое сословіе. Въ то время, когда онъ сталъ подвигаться на поприщѣ счастія, Биренъ присвоилъ себѣ имя и гербъ французскихъ герцоговъ Биронъ. Вотъ какой человѣкъ, въ продолженіи всей жизни императрицы Анны, и даже нѣсколько недѣль послѣ ея кончины, царствовалъ надъ обширною имперіею Россіи и царствовалъ какъ совершенный деспотъ. Своими свѣдѣніями и воспитаніемъ, какія у него были, онъ былъ обязанъ самому себѣ. У него не было того ума, которымъ нравятся въ обществѣ и въ бесѣдѣ, но онъ обладалъ нѣкотораго рода геніальностью, или здравымъ смысломъ, хотя многіе отрицали въ немъ и это качество. Къ нему можно было примѣнить поговорку, что дѣла создаютъ человѣка.

До пріѣзда своего въ Россію, онъ едва-ли зналъ даже названіе политики, а послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ ней, зналъ вполнѣ основательно все, что касается до этого государства. Въ первые два года Биронъ какъ-будто ни во что не хотѣлъ вмѣшиваться, но потомъ ему полюбились дѣла и онъ сталъ управлять уже всѣмъ. Онъ любилъ роскошь и пышность до излишества, и былъ большой охотникъ до лошадей. Имперскій посланникъ Остейнъ, ненавидѣвшій Бирона, говаривалъ о немъ: «Когда графъ Биронъ говоритъ о лошадяхъ, онъ говоритъ какъ человѣкъ; когда же онъ говоритъ о людяхъ, или съ людьми, онъ выражается какъ лошадь». Характеръ Бирона былъ не изъ лучшихъ: высокомѣрный, честолюбивый до крайности, грубый и даже нахальный, корыстный, въ враждѣ непримиримый и каратель жестокій. Онъ очень старался пріобрѣсть талантъ притворства, но никогда не могъ дойти до той степени совершенства, въ какой имъ обладалъ графъ Остерманъ, мастеръ этого дѣла. Послѣ довольно пространнаго отступленія, пора продолжать прерванную исторію.

V.

Преобразованіе кавалергардовъ и образованіе двухъ новыхъ гвардейскихъ полковъ. — Кончина фельдмаршала князя Голицына. — Размолвка графа Ягужинскаго съ Бирономъ. — Принцъ дон-Эмануилъ инфантъ португальскій пріѣзжаетъ въ Москву. — Принцеса Анна переходитъ въ православную вѣру. — Присяга по поводу назначенія преемника. — Дворъ переѣзжаетъ изъ Москвы въ Петербургъ. — Примѣры строгости императрицы. — Семейство Меншикова и нѣкоторыя другія вызваны изъ ссылки. — Графъ Минихъ пожалованъ въ фельдмаршалы. — Основаніе кадетскаго корпуса. — Образованіе трехъ кирасирскихъ полковъ. — Увеличеніе жалованья русскимъ офицерамъ. — Новый военный штатъ. — Союзъ дворовъ петербургскаго и копенгагенскаго. — Китайское посольство. — Возвращеніе завоеванныхъ у Персіи областей. — Раздоръ съ Польшею по поводу герцогства Курляндскаго. — Путешествіе двора по Ладожскому каналу и описаніе канала.

1731—1732.

Императрица Анна преобразовала кавалергардскій корпусъ, сформированный Петромъ I, по случаю коронованія Екатерины; и на мѣсто его образовала конно-гвардейскій полкъ, въ который вступила большая часть офицеровъ кавалергардскаго корпуса, а прусскій король прислалъ нѣсколько офицеровъ и унтер-офицеровъ для введенія прусскаго ученія. Императрица пожелала также увеличить гвардейскую пѣхоту, и съ этою цѣлью велѣла сформировать новый полкъ изъ трехъ баталіоновъ, давъ ему на-

званіе Измайловскаго (по имени подмосковнаго дворца). Полковникомъ полка назначенъ графъ Левенвольде, подполковникомъ— Кейтъ, а маіоромъ—Густавъ Биронъ. Офицеры были большею частію иностранцы, или лифляндскіе дворяне. Эти два гвардейскіе полка должны были служить противодѣйствіемъ остальнымъ старымъ и сдерживать народъ отъ попытокъ къ мятежу.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ Россія лишилась лучшаго полководца изъ своего народа, фельдмаршала князя Голицына, умершаго на 56-мъ году отъ рожденія. Это былъ человѣкъ съ большими достоинствами, выказавшій во всѣхъ случаяхъ истинное мужество и величайшія военныя способности. Ему обязаны побѣдою надъ шведами при Лѣсномъ.

Послѣ оказанной графомъ Ягужинскимъ услуги императрицѣ, какъ я разсказалъ выше, онъ надѣялся, что его отличатъ преимущественно передъ другими вельможами имперіи. Напротивъ того, ему нѣкоторое время не возвращали прежнихъ его должностей, и можетъ быть, и совсѣмъ оставили бы безъ вниманія, еслибъ ему не удалось расположить въ свою пользу графа Левенвольде. Вотъ по поводу какого дѣла это случилось.

При заключеніи ништадскаго мира со Швеціею, Петръ I утвердилъ привилегіи лифляндцевъ, со слѣдующею оговоркою: «насколько они (привилегіи) совмѣстны съ системою правленія». Эта оговорка внесена также въ патенты преемниковъ Петра. Когда Анна вступила на престолъ, обер-шталмейстеръ графъ Левенвольде, пользовавшійся ея вниманіемъ, вздумалъ воспользоваться ея милостію, чтобы освободить свое отечество отъ упомянутаго ограниченія. Но графъ Остерманъ, какъ вѣрный министръ, не допускалъ никакой перемѣны. Ягужинскій воспользовался этимъ случаемъ, намекнувъ Левенвольде, что если ему, Ягужинскому, возвратятъ его прежнюю должность обер-прокурора Сената, то онъ берется окончить дѣло по желанію Левенвольде. Обер-шталмейстеръ безъ труда исходатайствовалъ у императрицы возстановленіе Ягужинскаго, а этотъ съ своей стороны тоже сдержалъ слово, и выхлопоталъ, чтобы подписали привилегіи Лифляндіи. Послѣ счастливаго окончанія этого дѣла, Ягужинскій, нѣкогда одинъ изъ первыхъ любимцевъ Петра I, вообразилъ, что онъ можетъ распоряжаться дѣлами въ такой же мѣрѣ, какъ бывало при томъ государѣ, когда онъ въ Сенатѣ имѣлъ значеніе почти рав-

ное императору; однако Кабинетъ не одобрилъ и не допустилъ этого притязанія, да еще сдѣлалъ ему по этому поводу довольно колкія замѣчанія. Ягужинскаго взорвало; полагая, что всему причиною Биронъ, который и безъ того не оказывалъ достаточнаго уваженія его особѣ, онъ разгнѣвался на любимца, и въ разныхъ случаяхъ сталъ довольно дурно отзываться о немъ. Но, какъ ему показалось, что онъ этимъ недовольно вымѣстилъ Бирону, онъ рѣшился и на бо́льшее. Находясь однажды за столомъ у гр. Бирона, Ягужинскій, выпивъ лишнее, не удержался и насказалъ ему грубостей. Ссора дошла до того, что Ягужинскій вынулъ уже шпагу противъ хозяина дома; ихъ розняли, а Ягужинскаго отвезли домой.

Для всякого другого, кромѣ Ягужинскаго, это приключеніе окончилось бы весьма худо. Но императрица, не забывая оказанной имъ услуги, сдѣлала ему только выговоръ за его проступокъ, а чтобы дать обер-камергеру время успокоиться, она отправила Ягужинскаго посломъ въ Берлинъ. Когда, спустя нѣсколько лѣтъ, умеръ великій канцлеръ гр. Головкинъ, то на его мѣсто въ Кабинетѣ былъ вызванъ Ягужинскій. Такъ какъ въ то время гр. Биронъ за что-то сердился на гр. Остермана, то онъ примирился съ Ягужинскимъ, чтобы умалить значеніе Остермана, потому что оба министра никогда не были большими друзьями: ихъ взаимная непріязнь возникла на ништадтскомъ конгресѣ.

Когда Петръ I въ 1721 г. послалъ туда гр. Остермана, онъ предписалъ ему въ инструкціи настаивать на уступкѣ Выборга, но не до того, чтобы прервать для этого переговоры. Остерманъ, постигая всю важность этой крѣпости, во всѣхъ своихъ реляціяхъ не переставалъ представлять необходимость удержать ее за Россіей, и головою отвѣчалъ, что шведы въ крайности уступятъ. Говорятъ, что на этотъ счетъ у него были вѣрныя свѣдѣнія черезъ измѣну одного шведскаго министра, который за то получилъ восемьдесятъ тысячъ рублей. Дѣйствительно, въ такомъ смыслѣ были по этому предмету даны инструкціи шведскимъ уполномоченнымъ. Остерманъ, знакомый съ складомъ ума своего государя и зная о желаніи Ягужинскаго присутствовать на конгресѣ, боялся, чтобы Ягужинскій не воспользовался нетерпѣніемъ Петра I покончить съ войною и не заставилъ его уступить; а какъ, въ такомъ случаѣ, Ягужинскому же пришлось бы привезти

съ собою окончательныя условія, то онъ сговорился съ своимъ другомъ, гр. Шуваловымъ, комендантомъ Выборга, и просилъ его, если Ягужинскій туда пріѣдетъ, угостить и задержать его у себя сколь возможно долѣе, а его увѣдомить съ курьеромъ. Какъ онъ предвидѣлъ, такъ и случилось. Ягужинскій, падкій на гульбу, не отказался отъ приглашенія, и пробылъ цѣлыхъ два дни въ гостяхъ. Предваренный Шуваловымъ, Остерманъ воспользовался этою неосторожностью. Онъ велѣлъ сказать шведамъ, что ему данъ приказъ покончить дѣломъ въ однѣ сутки, а не то прервать переговоры. Хитрость удалась; доведенные до крайности шведы согласились на уступку Выборга, и договоръ былъ заключенъ и подписанъ до пріѣзда Ягужинскаго. Послѣдняго это поразило, какъ громовымъ ударомъ, и тѣмъ сильнѣе, что онъ не посмѣлъ и придраться ни къ кому; это еще пуще его раздражило. Онъ не могъ простить Остерману этой продѣлки. Впрочемъ, надобно отдать ему справедливость; когда онъ былъ назначенъ кабинет-министромъ, то находился, по крайней мѣрѣ наружно, въ ладахъ съ Остерманомъ. Это согласіе можетъ быть приписано и болѣзненному состоянію обоихъ, не позволявшему имъ видѣться другъ съ другомъ за стаканами, потому что, какъ скоро Ягужинскому приходилось выпить, уже ни что на свѣтѣ не въ силахъ было сдержать его запальчивость.

Въ началѣ 1731 г., въ Москву прибылъ принцъ дон-Эмануилъ, инфантъ португальскій, съ намѣреніемъ жениться на императрицѣ Аннѣ. Этотъ проектъ былъ дѣломъ имперскаго посланника, гр. Вратислава, писавшаго о томъ въ Вѣну, гдѣ въ то время находился инфантъ. Императорскій дворъ одобрилъ планъ и отправилъ принца въ Россію. Здѣсь онъ былъ принятъ съ подобающимъ отличіемъ и всевозможными почестями, но о бракѣ не хотѣли и слышать. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, инфантъ возвратился въ Вѣну.

Графъ Биронъ нисколько не одобрялъ проекта гр. Вратислава, и въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ относился къ нему очень холодно. Къ счастію, что въ то время вѣнскій дворъ не имѣлъ надобности въ помощи Россіи, иначе искательства его были бы безуспѣшны, потому что любимецъ не поддерживалъ интересовъ этого двора. Но вскорѣ дѣла приняли другой оборотъ,

и во все время царствованія Анны вѣнскій кабинетъ имѣлъ большое вліяніе на дѣла Россіи.

Несмотря на то, что лѣта позволяли императрицѣ Аннѣ вторично выдти замужъ, она не хотѣла объ этомъ и слышать, но за то позаботилась о выборѣ себѣ преемника. Первымъ дѣломъ ея въ этомъ смыслѣ было усыновить свою племянницу, дочь герцога Карла-Леопольда Мекленбургскаго и сестры ея Екатерины Ивановны. Эта принцеса отреклась отъ протестантства, и имя Екатерины, полученное ею при крещеніи, перемѣнила на имя Анны. Въ то время ей было только двѣнадцать лѣтъ, а между тѣмъ императрица уже выбирала ей супруга. Сначала выборъ ея остановился на прусскомъ домѣ, именно на маркграфѣ Крлѣ; начаались переговоры, и дѣло уже довольно подвинулось, какъ находившійся при берлинскомъ дворѣ министръ императора, маршалъ Секендорфъ сообщилъ о томъ своему двору; этотъ, встревожившись, приказалъ Секендорфу всѣми силами стараться разстроить дѣло. Это удалось, благодаря многимъ интригамъ. А въ супруги принцесѣ Аннѣ вѣнскій дворъ предложилъ принца Антона Ульриха Брауншвейгъ-Люнебургскаго, племянника римской императрицы. Съ согласія русскаго двора, этотъ принцъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1733 г. Когда онъ предпринималъ это путешествіе, казалось, счастіе открывало ему свои объятія, и его ожидало высочайшее благополучіе, а между тѣмъ послѣдующія событія доказали, что онъ пріѣхалъ въ Россію, какъ для своего собственнаго несчастія, такъ и для несчастія многихъ другихъ лицъ.

Въ концу 1731 г. велѣно было приводить весь народъ къ клятвенному обѣщанію признать того законнымъ преемникомъ царства, кого назначитъ императрица. Анна въ этомъ случаѣ поступала по примѣру Петра I, приводившаго къ такой же присягѣ въ 1722 году. Но послѣдствія доказали, что подобная присяга не препятствуетъ революціямъ. По случаю этой присяги всѣ находившіеся въ Москвѣ полки ночью были разставлены по улицамъ, и при нихъ пушки, въ предупрежденіе могущаго возникнуть по поводу присяги мятежа.

Около этого времени императрица намѣревалась заключить цесаревну Елисавету въ монастырь, чтобы отнять у нея надежду вступить когда-либо на русскій престолъ, и утвердить корону на

главѣ избраннаго ей преемника. Анна не безъ основанія опасалась, что порядокъ престолонаслѣдія, ею установленный, не удержится, покуда существуетъ и находится при дворѣ дочь Петра I, потому что партія Елисаветы могла противупоставить ее тому преемнику, котораго избрала бы императрица. Еслибъ не графъ Биронъ, Елисавета была бы, безъ сомнѣнія, принуждена постричься.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1732 г. дворъ выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ. Для этого путешествія выбрана была зима, такъ какъ въ этой странѣ лѣтнія путешествія очень неудобны, по причинѣ обширныхъ болотъ и комаровъ. Зимою, изъ Москвы въ Петербургъ, т. е. разстояніе въ 200 французскихъ льё, можно очень удобно проѣхать въ саняхъ въ трое сутокъ. Въ свѣтѣ нѣтъ страны, гдѣ бы почта была устроена лучше и дешевле, чѣмъ между этими двумя столицами. Обыкновенно вездѣ даютъ на водку ямщикамъ, чтобы заставить ихъ скорѣе ѣхать, а между Петербургомъ и Москвою, напротивъ, надобно давать на водку, чтобы тише ѣхали.

За нѣсколько дней до своего отъѣзда императрица пожелала поручить вѣдомство финансовъ генерал-поручику Румянцеву. Такъ какъ этотъ генералъ всегда служилъ въ арміи, то онъ и извинился передъ ея величествомъ, сказавъ, что онъ всегда готовъ служить своей государынѣ въ военныхъ дѣлахъ, но для письма онъ, долженъ признаться, неспособенъ. Этотъ отказъ оскорбилъ императрицу; она приказала Румянцеву сдать свои должности генерал-поручика и подполковника гвардіи; отняла у него красную ленту ордена св. Александра и сослала его въ его Казанскую деревню. Въ 1735 г. его вызвали изъ ссылки. Императрица возвратила ему ленту и назначила губернаторомъ въ Казань. Въ слѣдующій за тѣмъ годъ, ему дали управлять Украйною. Онъ участвовалъ въ турецкихъ походахъ 1737, 38, 39 годахъ, подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха, какъ это будетъ изложено ниже.

Ссылка Румянцева напоминаетъ мнѣ двухъ лицъ, испытавшихъ туже участь около того же времени. Первый изъ нихъ былъ г. Фикъ, котораго Петръ I посылалъ въ 1716 году въ Швецію для собранія свѣдѣній по многимъ предметамъ относительно управленія этой страны. Этотъ государь имѣлъ намѣреніе вве-

сти въ своихъ владѣніяхъ тѣже постановленія относительно полиціи и финансовой экономіи, что употребительны въ Швеціи, но какъ тамошнія учрежденія не имѣютъ ничего общаго съ русскимъ управленіемъ, то, спустя нѣсколько лѣтъ, Петръ I бросилъ это намѣреніе. Между тѣмъ, г. Фикъ, въ бытность свою въ Швеціи, успѣлъ пристраститься къ республиканскому правленію; и когда послѣ смерти Петра II Верховный Совѣтъ занялся ограниченіемъ царской власти, онъ вздумалъ выказаться и завязалъ переписку съ кн. Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, предлагая ему совѣты о томъ, какъ утвердить новую систему. По объявленіи императрицы Анны самодержавною государынею, переписка Фика была обнаружена; къ тому же онъ позволилъ себѣ отзываться слишкомъ вольно о любимцѣ. За все это онъ былъ арестованъ и безъ всякаго суда отправленъ въ Сибирь, гдѣ оставался до восшествія на престолъ императрицы Елисаветы.

Другой былъ адмиралъ Сиверсъ, человѣкъ очень свѣдущій въ мореходствѣ. Отъ излишней осторожности онъ попалъ въ бѣду. Я уже говорилъ, что Верховный Совѣтъ приводилъ всѣхъ къ присягѣ въ томъ, чтобы служить императрицѣ не иначе какъ въ соединеніи съ Совѣтомъ. Когда же императрица приняла самодержавіе, она приказала привести всѣхъ къ новой присягѣ. Такъ какъ посланный въ Адмиралтейство курьеръ еще не успѣлъ пріѣхать въ одно время съ тѣмъ, который былъ отправленъ къ военной колегіи, то Сиверсъ не рѣшался приводить флотъ къ присягѣ, желая сперва узнать обо всемъ происшедшемъ въ Москвѣ, и какъ скоро онъ получилъ ожидаемыя приказанія, то и исполнилъ все то, чего требовали отъ него. Хотя въ его образѣ дѣйствія не было ничего достойнаго порицанія, однако нашлись люди, съумѣвшіе очернить его въ мнѣніи императрицы, объясняя его осторожность пренебреженіемъ къ приказаніямъ ея величества, и какъ бы явнымъ неповиновеніемъ; онъ впалъ въ немилость и ему приказали выѣхать изъ Петербурга въ четыре часа. Жалованья его лишили и велѣли жить въ небольшомъ своемъ помѣстьи въ Финляндіи. Тамъ онъ и умеръ въ нищетѣ, послѣ десятилѣтняго изгнанія. У него было два сына: одинъ служилъ во флотѣ, другой—въ арміи; обоихъ отставили отъ службы. Виновникомъ несчастія Сиверса, какъ и Фика, считали графа Миниха.

Послѣ этихъ примѣровъ строгости императрицы слѣдуетъ сказать и объ оказанныхъ ею милостяхъ. Она вызвала изъ ссылки нѣсколько семействъ, сосланныхъ въ царствованіе Екатерины и Петра II, между прочимъ семейство Меншикова, которому она велѣла возвратить большую часть конфискованнаго имущества, несмотря на то, что она имѣла причину быть недовольной княземъ Меншиковымъ, который въ царствованіе Екатерины дѣлалъ ей всѣ возможныя непріятности.

Когда дворъ прибылъ въ Петербургъ, императрица усердно принялась за дѣло. Она хотѣла, чтобы во всей ея обширной имперіи все приведено въ лучшій чѣмъ когда-либо порядокъ. Она начала съ войска. Графъ Минихъ, назначенный ею президентомъ военной колегіи, послѣ опалы фельдмаршала князя Долгорукаго, былъ пожалованъ въ званіе фельдмаршала и поставленъ въ главѣ всего военнаго вѣдомства. Императрица не могла сдѣлать лучшаго выбора; потому что, благодаря стараніямъ этого генерала, русская армія приведена въ такой стройный порядокъ, какого прежде не бывало, и въ войскѣ водворилась дотолѣ чуждая ему нѣкоторая дисциплина.

Въ видахъ образованія хорошихъ младшихъ офицеровъ для арміи, Минихъ, съ самаго начала 1731 г., предлагалъ устроить имъ разсадникъ посредствомъ основанія кадетскаго корпуса для юношей русскаго и лифляндскаго дворянства, также и для сыновей иностранныхъ офицеровъ, которые согласились бы вступить на службу въ корпусъ. Этотъ проектъ понравился и былъ одобренъ. Миниху поручено главное управленіе корпусомъ, а въ помощники ему данъ генерал-маіоръ баронъ де-Луберасъ (de Louberas). Прусскій король прислалъ офицеровъ и унтер-офицеровъ для перваго устройства этого корпуса и обученія прусскимъ военнымъ пріемамъ. Помѣщеніемъ для кадетъ былъ выбранъ домъ Меншикова. Это зданіе обширно и въ немъ удобно размѣщены 360 человѣкъ кадетъ и всѣ офицеры и учителя корпуса. Это заведеніе одно изъ лучшихъ въ Россіи; молодые люди получаютъ здѣсь очень хорошее воспитаніе, и обучаютъ ихъ не только тѣлеснымъ упражненіямъ, но, по желанію и по способностямъ, учатъ наукамъ и литературѣ. Выпущенные изъ корпуса офицеры оказываются, безпорно, лучшими между остальными офицерами изъ русскихъ

По совѣту же графа Миниха, императрица приказала образовать три кирасирскіе полка. До того времени въ Россіи такого рода войско не существовало, да она, я полагаю, могла бы и обойтись безъ него; эта кавалерія стоила большихъ издержекъ, а государство до сихъ поръ почти не воспользовалось ею. Первый изъ этихъ полковъ былъ лейб-кирасирскимъ, второй былъ данъ графу Миниху, а третій принцу Брауншвейгскому. Такъ какъ въ Россіи не водятся лошади на столько крѣпкія, чтобы онѣ годились для тяжелой кавалеріи, то пришлось ихъ закупать въ Голштейнскомъ герцогствѣ; а для того, чтобы привести эту кавалерію въ порядокъ и устроить на прусскій ладъ, король прусскій прислалъ многихъ офицеровъ и унтер-офицеровъ для этихъ полковъ. Но король не ограничился тѣмъ только, что, снабжая войско императрицы офицерами и унтер-офицерами какъ для кадетскаго корпуса, такъ и для кавалеріи; спустя нѣсколько времени онъ прислалъ ей инженерныхъ офицеровъ, которые должны были войти въ составъ инженернаго корпуса. Взамѣнъ этого, онъ получилъ 80 человѣкъ рослыхъ солдатъ для своего лейб-гренадерскаго корпуса.

Около этого времени императрица одобрила другой проектъ графа Миниха, состоявшій въ томъ, чтобъ увеличить весьма скудное до того жалованье офицеровъ изъ природныхъ русскихъ. Петръ I, при образованіи арміи, учредилъ три оклада жалованья: иностранцы, вновь поступавшіе на службу, получали высшее жалованье; тѣ, которые родились въ Россіи,—такъ называемые старые иноземцы,—получали меньшее, а природные русскіе наименьшее; прапорщикъ имѣлъ не болѣе восьми нѣмецкихъ гульденовъ въ мѣсяцъ. Минихъ представилъ, что такимъ жалованьемъ невозможно содержать себя, и что несправедливо было давать иностранцамъ бо̀льшее жалованье противъ своихъ; и такъ уравняли всѣхъ, и жалованье русскихъ было удвоено.

По совѣту же фельдмаршала Миниха предпринято было составленіе новаго военнаго штата, которымъ армія была бы поставлена въ болѣе правильный противъ прежняго порядокъ. Дворъ назначилъ комисію изъ нѣсколькихъ генераловъ арміи, которымъ было поручено составить этотъ штатъ подъ руководствомъ Миниха. Въ 1733 году штатъ былъ публикованъ и введенъ въ армію.

Императрица не довольствовалась тѣмъ, что привела въ порядокъ свою армію; она хотѣла, чтобы и торговля процвѣтала въ ея государствѣ. Она уменьшила на треть ввозную пошлину на многіе товары и возобновила всѣ прежніе торговые договоры.

Несогласіе, господствовавшее уже нѣсколько лѣтъ между петербургскимъ и копенгагенскимъ дворами, кончилось заключеніемъ въ Копенгагенѣ союзнаго трактата при посредничествѣ императора. Несогласія обоихъ дворовъ начались еще при Петрѣ I. Еще будучи союзникомъ датскаго короля, Петръ I былъ недоволенъ имъ, а когда онъ рѣшился выдать свою старшую дочь замужъ за герцога Голштейнскаго, Петръ вступился за интересы своего зятя противъ того двора. Въ томъ же духѣ дѣйствовали Екатерина и Петръ I, такъ что согласіе обоихъ дворовъ окончательно разстроилось. Когда же Анна вступила на престолъ, интересы герцога Голштейнскаго уже не возбуждали сочувствія ея двора, такъ что легко было согласить обѣ стороны. Этимъ трактатомъ король датскій призналъ впервые императорскій титулъ за русскими государями, а императрица обязалась ограждать всѣ безъ исключенія области, входящія въ составъ владѣній короля.

Около этого же времени въ Петербургъ прибыло китайское посольство. Это было вообще первое при европейскомъ дворѣ. Оно состояло изъ трехъ пословъ и многочисленной свиты. Въ прежнія времена китайскіе дипломаты отправлялись только къ губернатору Сибири, и всѣ торговыя дѣла рѣшали въ Тобольскѣ. Ни нравы, ни воспитаніе китайское не оказались поучительными въ этомъ посольствѣ, хотя послы были изъ числа мандариновъ второй степени, слѣдовательно лица высшаго званія. Одинъ изъ нихъ былъ украшенъ двумя павлинными перьями,—знакъ высокаго отличія въ Китаѣ. Привезенные ими петербургскому двору подарки состояли изъ большого количества фарфора, изъ коралловыхъ и перламутровыхъ фигуръ. Они же увезли съ собою въ большомъ количествѣ мѣха и серебряную модель военнаго корабля. Послѣднимъ подаркомъ хотѣли дать китайскому императору понятіе о морскихъ силахъ Россіи.

Петербургскій дворъ давно уже искалъ удобнаго случая съ честью отдѣлаться отъ областей, завоеванныхъ Петромъ у Персіи и стоившихъ государству болѣе расходовъ, нежели было отъ

нихъ выгоды; особенно какъ въ нихъ погибло множество народу. Наконецъ средство было найдено. Дворъ вступилъ въ переговоры по этому предмету съ испаганскимъ дворомъ, и уступилъ области взамѣнъ многихъ разныхъ льготъ по торговлѣ. Но такъ какъ Тамас-Кули-ханъ намѣревался возобновить войну съ турками, то одною изъ статей договора Россія обязывалась содержать въ краѣ свои гарнизоны еще нѣсколько лѣтъ; такимъ образомъ императрица оставила нѣкоторые города за собою до 1734 г. Россія принуждена была содержать въ этихъ областяхъ до 30-ти т. человѣкъ гарнизоннаго войска, и не проходило года, чтобъ не встрѣтилась надобность пополнять ихъ болѣе чѣмъ на половину, потому что непривычный для русскихъ климатъ страны производилъ между ними такую смертность, что они умирали какъ мухи. Разсчитано, что съ 1722 г., когда Петръ началъ войну, по время выхода войскъ изъ Персіи, погибло до 130 т. человѣкъ. Спустя нѣсколько времени по заключеніи договора, Шах-Надиръ объявилъ войну туркамъ и осадилъ городъ Ардебиль (Arte-ville); но осада его не подвигалась. Тогда главнокомандующій русскими войсками въ Персіи, генералъ Левашевъ, по приказанію двора, послалъ шаху нѣсколько артилерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ для управленія осадой; городъ хотѣлъ уже сдаться, когда Левашевъ предложилъ свое посредничество, обѣ стороны приняли его. Онъ выхлопоталъ свободный выходъ турецкому гарнизону и отправку его въ принадлежащую Портѣ крѣпость Шамаху. Этимъ генералъ Левашевъ заслужилъ большую благодарность обѣихъ сторонъ. Во все время, что русскіе офицеры находились въ персидскомъ лагерѣ, они носили персидское платье, чтобъ турки ихъ не узнали.

Около этого времени у Россіи возникъ споръ съ Польшею. Эта республика рѣшила раздѣлить герцогство Курляндское на воеводства, послѣ смерти владѣтельнаго герцога, и это дѣло предстояло обсудить сейму. Однако императрица велѣла объявить, что она ни за что не потерпитъ этого раздѣленія; а какъ она имѣла притязаніе на Курляндію относительно своей вдовьей части, то располагала сохранить за тамошнимъ дворянствомъ право выбирать герцога, въ случаѣ смерти царствующаго, если бы этотъ умеръ бездѣтнымъ. Ея посланникъ въ Варшавѣ представлялъ тамъ нѣсколько записокъ по означен-

ному предмету, но какъ русскому двору казалось, что на представленія его не обращаютъ должнаго вниманія, то и было приказано нѣсколькимъ полкамъ двинуться къ границамъ Польши, для поддержки требованій посланника. Однако, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, дѣло это уладилось; войска были вызваны обратно въ квартиры, но не слишкомъ удалились отъ границы. Еще по другой причинѣ войско было двинуто къ границамъ Польши. Примасъ и фамилія Потоцкихъ опасались покушенія короля на польскую вольность, такъ какъ онъ во многихъ случаяхъ поступалъ въ противность Pactis conventis; между прочимъ, онъ хотѣлъ назначить графа Понятовскаго короннымъ гетманомъ, до открытія сейма. Поэтому они послали бѣльскаго воеводу, изъ фамиліи Потоцкихъ же, къ русскому двору, просить защиты императрицы противъ короля. Когда же, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, этотъ государь умеръ, то тѣ же войска, которыя двинулись было къ границѣ противъ него, теперь вступили въ Польшу, чтобы утвердить сына его на престолѣ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ императрица со всѣмъ дворомъ посѣтила Ладожскій каналъ. Это путешествіе совершено было водою на 80-ти судахъ, галерахъ и буерахъ. Государыня проѣхала весь каналъ отъ начала до конца, и выражала большое удовольствіе объ окончаніи этого сооруженія. Петръ I началъ его въ 1717 году. При основаніи Петербурга этотъ государь имѣлъ въ виду сдѣлать его не только столицею своею, но и первымъ торговымъ городомъ имперіи. Для послѣдней цѣли необходимо было способствовать перевозкѣ товаровъ и припасовъ изъ внутреннихъ губерній, такъ какъ страна около Петербурга не въ состояніи была прокормить такой значительный городъ. А лучшимъ средствомъ для торговли представлялись каналы. Великій во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, Петръ задумалъ соединить моря Балтійское и Каспійское. Казалось этотъ проектъ было легко выполнить посредствомъ прорытія небольшого канала, близъ Вышняго-Волочка (городка или посада на пути изъ Москвы въ Петербургъ), для соединенія двухъ рѣчекъ, изъ которыхъ первая соединяется съ Волгою посредствомъ Тверцы, а вторая—впадаетъ въ Мсту, тоже сливающуюся у великаго Новгорода съ рѣкою Волховомъ; Волховъ втекаетъ въ Ладожское озеро, изъ котораго вытекаетъ Нева, впадающая въ море ниже Петербурга. Между

тѣмъ, Ладожское озеро, какъ постоянно бурное и наполненное подводными камнями, не представляло удобнаго сообщенія: ежегодно въ немъ погибало большое числю судовъ. Необходимо было болѣе обширное сооруженіе. Стали изслѣдовать мѣстность вдоль берега озера, и какъ она не представляла большихъ затрудненій, то Петръ I поручилъ дѣло кн. Меншикову и генералу Писареву. Но оба они не имѣли ни малѣйшаго понятія о подобныхъ работахъ; при нихъ два года рыли землю, но безъ всякого успѣха, и вѣроятно каналу этому не суждено было бы видѣть конецъ, если бы въ то время не вступилъ въ русскую службу Минихъ. Императоръ поручилъ ему работы, и онъ имѣлъ честь ихъ окончить и привести каналъ въ то состояніе, въ которомъ онъ теперь находится.

Каналъ начинается у Шлиссельбурга, гдѣ онъ сообщается съ Невою и тянется потомъ вдоль озера до города Ладоги, гдѣ соединяется съ Волховомъ. Длина его 104 версты, или 26 французскихъ льё. Ширина въ 70 футовъ, а глубина 16 ф. Берегъ обложенъ бревнами, только одна часть его выложена кампемъ. Вдоль всего канала подѣланы 24 шлюза для подъема и спуска воды.

VI.

Ссора графа Миниха съ Бирономъ.— Дѣло, бывшее у принца Гессенскаго съ крымскими татарами.— Смуты въ Польшѣ.— Станиславъ пріѣзжаетъ въ Польшу, и избранъ въ короли.— Попытки петербургскаго двора.— Русскія войска вступаютъ въ Польшу.— Курфирстъ Саксонскій избранъ королемъ подъ именемъ Августа III.— Блокада и осада Данцига.— Фельдмаршалъ Минихъ приходитъ къ Данцигу.— Другія экспедиціи русскихъ войскъ въ Польшѣ.— 10 т. русскихъ отправлены на Рейнъ.— Проектъ паши Бонневаля относительно турецкой милиціи.

1732—1734.

По возвращеніи двора изъ путешествія, между Бирономъ и Минихомъ произошла ссора, которая едва не погубила послѣдняго. Такъ какъ эти два лица обще съ Остерманомъ играли самыя значительныя роли на сценѣ Россіи, то я не могу упустить ничего, что должно разъяснить ихъ чувства и образъ мыслей; вотъ почему я разскажу эту ссору въ подробности.

Когда дворъ только что расположился въ Петербургѣ, графъ Минихъ нашелъ способъ вкрасться въ довѣренность графа Бирона. Послѣднему онъ сдѣлался наконецъ такъ необходимъ, что безъ его совѣта тотъ не предпринималъ и не рѣшалъ ни одного даже незначительнаго дѣла. Графъ Минихъ только того и

хотѣлъ, чтобы всегда имѣть дѣло, и, въ честолюбіи своемъ, стремился стать въ главѣ управленія. Онъ пользовался всѣми случаями, которые могли открыть ему доступъ въ министерство и въ кабинетъ. Но какъ онъ этимъ захватывалъ права графа Остермана, то встрѣтилъ въ немъ человѣка, вовсе нерасположеннаго уступать, а напротивъ, старавшагося при всякомъ случаѣ возбудить въ обер-камергерѣ подозрѣнія къ фельдмаршалу, наговорами, что этотъ честолюбивый генералъ стремится присвоить себѣ полное довѣріе императрицы, и что если онъ этого достигнетъ, то непремѣнно удалитъ всѣхъ своихъ противниковъ, начиная, разумѣется, съ обер-камергера. Тоже повторялъ графъ Левенвольде (обер-шталмейстеръ и полковникъ гвардіи, большой любимецъ Бирона), и будучи смертельнымъ врагомъ графа Миниха, онъ всячески раздувалъ ненависть. Прежде чѣмъ открыто дѣйствовать, Биронъ подослалъ лазутчиковъ подсматривать дѣйствія Миниха относительно его. Прошло нѣсколько дней, какъ любимцу передали неблагопріятныя рѣчи о немъ фельдмаршала. Тутъ онъ убѣдился въ его недобросовѣстности, и понялъ, что если Минихъ будетъ по прежнему часто видѣться съ императрицею, то ему, Бирону, не сдобровать. Умъ Миниха страшилъ его, также какъ и то, что императрица могла къ нему пристраститься, и тогда, пожалуй, первая вздумаетъ отдѣлаться отъ своего любимца. Надобно было предупредить врага. Первою мѣрою было дать другое помѣщеніе Миниху, назначивъ ему квартиру въ части города, отдаленной отъ двора, тогда какъ до сихъ поръ онъ жилъ въ сосѣдствѣ съ домомъ Бирона. Предлогомъ этого перемѣщенія Биронъ представилъ императрицѣ необходимость помѣстить тутъ принцесу Анну Мекленбургскую. Миниху внезапно дано приказаніе выѣзжать и поселиться по ту сторону Невы. Тщетно просилъ онъ Бирона дать ему срокъ для удобнаго вывоза его мебели; онъ долженъ былъ выѣхать, не мѣшкая. Изъ этой крутой перемѣны къ нему Бирона, Минихъ заключилъ, что ему придется испытать еще худшую бѣду, если ему не удастся въ скоромъ времени смягчить графа. Онъ употребилъ всевозможное стараніе, чтобы снова войти въ милость Бирона, и пріятели, какъ того такъ и другаго, не мало старались помирить ихъ, но успѣли въ этомъ только на половину. Съ этого времени Би-

ронъ и Остерманъ стали остерегаться Миниха, который и съ своей стороны остерегался ихъ.

Въ концѣ 1732 г., русскія войска, подъ командою принца Гессен-Гомбургскаго, имѣли жаркое дѣло съ крымскими татарами въ завоеванныхъ персидскихъ областяхъ, куда этотъ принцъ былъ посланъ для начальствованія надъ частью войскъ. Я уже выше упомянулъ о заключенномъ съ Шах-Надиромъ договорѣ. Будучи въ войнѣ съ турками, шахъ хотѣлъ, съ помощью русскихъ гарнизоновъ, оградить себя съ тылу, чтобы безпрепятственно поражать непріятеля. Онъ осадилъ Вавилонъ или Багдадъ, сильно наступая. Порта, безпокоясь объ участи этого города, приказала крымскому хану идти ему на помощь, съ лучшими своими войсками, взявъ кратчайшую и удобнѣйшую дорогу въ Персію, гдѣ и произвести диверсію. Ханъ немедленно отправилъ свои войска въ походъ, приказавъ имъ, не спросясь позволенія, пройти черезъ русскія владѣнія. Тогда принцъ Гессен-Гомбургскій послалъ сказать начальнику татаръ, султану Тертигирею, чтобы онъ не покушался проходить по русской землѣ, а не то онъ не допуститъ его и встрѣтитъ какъ непріятеля. Султанъ, не обращая вниманіе на это предостереженіе, настоялъ на проходъ черезъ провинцію, да кромѣ того, старался взбунтовать татарскія орды, обитающія въ этой покоренной Россіею мѣстности. Онъ посылалъ имъ письма, возбуждая ихъ къ мятежу, но старшины татаръ, не слушая этихъ предложеній, самыя письма отсылали нераспечатанными къ принцу Гессенскому. Тѣмъ не менѣе султанъ, пройдя черезъ рѣку Терекъ, сталъ лагеремъ съ своею арміею близъ деревни Чеченеи и располагалъ пройти дальше. Русскіе лазутчики дали знать принцу, что султанъ рѣшился двинуться до другой деревни, Горячей; а какъ туда вели двѣ дороги черезъ два неотдаленныя другъ отъ друга ущелья, изъ которыхъ одно было шире другого, то принцъ раздѣлилъ свое войско на три отряда. Одного полковника, съ пятьюстами драгунъ, онъ послалъ занять болѣе опасное ущелье; въ другое отрядилъ генерал-маіора Еропкина (Ieгepkin) съ 500 драгунами, 800 человѣкъ пѣхоты и съ нѣсколькими сотнями казаковъ. Съ остальнымъ войскомъ, 400 драгунами и такимъ же числомъ пѣхоты, онъ остался самъ, занявъ такой постъ, откуда могъ идти на помощь туда, гдѣ бы оказалась наибольшая опасность. Сна-

чала татары подавали видъ, будто хотятъ атаковать позицію генерала Еропкина, но внезапно отрядили наибольшія силы къ другому ущелью, и храбро атаковали его. Командовавшій тамъ полковникъ долго отбивался, и ему навѣрное пришлось бы уступить, если бы не быстрая помощь принца, который, при первомъ извѣстіи объ опасности, поспѣшилъ къ мѣсту съ резервнымъ корпусомъ, приказавъ направиться туда и генералу Еропкину съ частію его войска. Едва успѣли они выстроиться, какъ татары ринулись на нихъ съ саблями наголо. Ихъ встрѣтили сильнымъ мушкетнымъ огнемъ и залпомъ изъ полевыхъ пушекъ, что немного охладило ихъ горячность. Они удалились изъ-подъ выстрѣловъ, потомъ, пришедши въ порядокъ, напали вторично; на этотъ разъ правое крыло, командуемое Еропкинымъ, принуждено было отступить на 500 шаговъ. Тогда открыли огонь изъ пушекъ, разставленныхъ принцемъ для защиты большого дефилея.

Выстрѣлы, попадая во флангъ непріятеля, заставили его немедленно прекратить бой. Они уступили одержанную было побѣду и удалились въ большомъ смятеніи, оставивъ 1,000 убитыхъ на полѣ сраженія. Русскіе потеряли 400 человѣкъ убитыми и ранеными; генералъ Еропкинъ, бывшій въ дѣлѣ, былъ раненъ въ лицо ударомъ сабли; а принцъ Гессенскій, окруженный непріятелемъ, отдѣлался отъ плѣна только благодаря быстротѣ своей лошади. Татары были въ числѣ болѣе 25-ти т., русскихъ же было не болѣе 4,000, включая сюда и казаковъ.

Смуты начались въ Польшѣ съ начала 1733 года. Король Августъ II, прибывшій въ Варшаву, для собранія чрезвычайнаго сейма, умеръ тамъ 11-го февраля. Архіепископъ гнезенскій, примасъ королевства, принялъ регентство, и созвалъ соборный сеймъ, на которомъ было единогласно рѣшено—не выбирать иностраннаго принца, а только лицо изъ дома Пястовъ или туземнаго дворянина. Сначала дворы петербургскій и вѣнскій вполнѣ одобрили это рѣшеніе сейма, и поручили своимъ посламъ выразить республикѣ свое удовольствіе по этому случаю, но съ прибавленіемъ, что они никакъ не допустятъ избранія короля Станислава, который былъ признанъ сеймомъ неспособнымъ управлять. Въ то время оба двора далеко не были расположены въ пользу курфирста Саксонскаго. Напротивъ, между ними господствовало сильное несогласіе, которое могло бы кончиться войною,

если бы не случилась смерть короля; потому что онъ не только отказался подписать прагматическую санкцію, но еще вошелъ въ тѣсный союзъ съ Франціею въ противность интересамъ Австріи. Неудовольствіе России возникло вслѣдствіе того, что король въ дѣлахъ Курляндіи поступилъ не въ пользу русскихъ интересовъ, а примасъ, съ частію дворянства, подозрѣвая короля въ намѣреніи ограничить польскую вольность, обратился къ Россіи съ просьбою о защитѣ, въ случаѣ, если король предприметъ что-либо противъ республики. Вскорѣ дѣла приняли другой оборотъ. Курфирстъ Саксонскій нашелъ возможность успокоить вѣнскій дворъ, подписавъ прагматическую санкцію, а Россіи обѣщалъ сообразжаться съ волею императрицы касательно Курляндіи. Такимъ образомъ оба двора соединились, чтобы доставить ему польскую корону. Посланникамъ ихъ были даны повелѣнія совершенно противоположныя первымъ, а именно, объявить примасу напрямки, что ихъ дворы не признàютъ никакого другого короля польскаго, какъ только курфирста саксонскаго, и что русская императрица будетъ поддерживать избраніе этого принца всѣми силами, если республика не приметъ его добровольно. Петербургскій дворъ собралъ два корпуса войска: одинъ въ Украйнѣ, на литовской границѣ; другой въ Лифляндіи, на курляндской границѣ. Между тѣмъ, Франція не щадила ни денегъ, ни труда, чтобъ заставить избрать королемъ Станислава. Примасъ и большая часть шляхты, видя, что русскіе хотятъ господствовать надъ ними, что дѣло шло о подчиненіи себя иностраннымъ державамъ, послѣ чего они должны будутъ утратить свое liberum veto, составляющее самую существенную часть польской свободы, соединились въ пользу Станислава. Написали во Францію, чтобъ онъ поспѣшилъ прибыть въ Польшу, и присутствовать при своемъ избраніи. Собравшійся для выбора сеймъ началъ свои дѣйствія 25-го августа и продолжался, не взирая на сильныя противорѣчія, до 12-го сентября, день, въ который Станиславъ Лещинскій былъ вторично провозглашенъ королемъ польскимъ общимъ голосомъ всей собравшейся въ Колѣ (выборномъ полѣ) шляхты. Станиславъ прибылъ въ Варшаву 9-го того же мѣсяца и жилъ инкогнито въ домѣ французскаго посланника. Примасъ и его партія изъ шляхты считали торжество свое совершеннымъ, въ той надеждѣ, что какъ бы ни были недовольны

петербургскій и вѣнскій дворъ такимъ исходомъ дѣла, а имъ все-таки не удастся разстроить рѣшеніе почти всей націи.

Въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ были извѣстны интриги Франціи и примаса. Императрица приводила въ дѣйствіе всевозможныя пружины, съ цѣлью отвратить избраніе Станислава, и надѣялась проволочками дать партіи курфирста возможность увеличиться, такъ что онъ будетъ избранъ въ короли безъ открытаго разрыва. Ея посланники въ Варшавѣ имѣли приказаніе не скупиться ни деньгами, ни обѣщаніями для ослабленія французской партіи. Она писала литовскимъ чинамъ, выражая свою готовность поддержать свободу республики. Цѣль ея была склонить всѣхъ сенаторовъ великаго княжества къ отторженію отъ Польши. Но она не успѣла въ этомъ вполнѣ. Только небольшое число отдѣлилось и перешло за Вислу, въ деревню подъ названіемъ Прага. Въ томъ числѣ, крайне незначительномъ въ сравненіи съ остальною шляхтою, находились епископы краковскій и познанскій, князь Вишневецкій и нѣкоторые другіе. А между тѣмъ, они-то и дали ходъ всему дѣлу и посадили Августа III на польскій престолъ. Нѣкоторыя изъ удалившихся знатныхъ лицъ имѣли сами для себя виды на корону; когда же убѣдились въ несбыточности своихъ ожиданій, они согласились между собою лучше отдать ее курфирсту Саксонскому, нежели допустить спокойное обладаніе ею королемъ Станиславомъ. Они писали въ Петербургъ, прося защиты Россіи противъ примаса и французской партіи.

Искавъ уже прежде предлога для отправки войска въ Польшу, императрица не могла придумать ничего лучше того, о чемъ просили ее сами поляки. Она приказала графу Ласи вступить въ Литву съ 20-ти т. арміею. Усиленными переходами спѣшилъ онъ въ Варшаву, надѣясь поспѣть во время, чтобъ помѣшать провозглашенію Станислава королемъ, однако примасъ уже съумѣлъ взять свои мѣры. Между тѣмъ, недовольные паны отправились на встрѣчу графу Ласи и вмѣстѣ съ нимъ, 30-го сентября, прибыли къ берегамъ Вислы. Они хотѣли переправиться черезъ рѣку и немедленно отправиться на выборное поле, но противная партія поляковъ разрушила мосты тотчасъ послѣ того, какъ Станиславъ отправился съ цѣлію овладѣть городомъ Данцигомъ. Не теряя времени, приступили къ избранію курфирста Саксонскаго,

близъ деревни Коміецъ (Comies), на томъ же самомъ полѣ, на которомъ былъ избранъ Генрихъ Валуа. Это великое дѣло кончилось 5-го октября, наканунѣ дня, въ который назначено было закрыть сеймъ. Присутствовали 15 сенатороръ и до 600 человѣкъ шляхты.

Покуда графъ Ласи, съ своими русскими войсками, занимался дарованіемъ короля полякамъ, послѣдніе намекали посланникамъ дворовъ петербургскаго и дрезденскаго, чтобы они въ опредѣленный срокъ выѣзжали изъ Варшавы. Когда же срокъ этотъ, 29-го сентября, миновалъ, а посланники не выѣзжали, то поляки стали грабить дворецъ графа Левенвольде младшаго, второго русскаго посланника, а на саксонскій дворецъ напали съ 6-ю пушками; сдѣлано было 20 или 30 выстрѣловъ прежде нежели пробили ворота, послѣ чего хотѣли штурмовать домъ, но потеря 40 человѣкъ убитыми охладила ихъ порывы, и они предложили капитуляцію остававшимся въ домѣ. Министры же за нѣсколько дней передъ тѣмъ удалились къ графу Вильчекъ, имперскому посланнику.

Послѣ провозглашенія короля Августа, графъ Ласи перешелъ черезъ Вислу, и размѣстилъ нѣсколько полковъ по квартирамъ въ Варшавѣ. Императрица отправила въ Польшу и Литву еще нѣсколько отрядовъ, подъ начальствомъ генерала князя Барятинскаго и генерала Кейта. Численность всѣхъ этихъ войскъ простиралась до 50 т. Генераламъ неоднократно повторялось отъ двора, не оставаться въ бездѣйствіи, а безпрестанно стараться поддерживать партію Августа, партію же Станислава уничтожать. Въ Петербургѣ желали покончить съ польскими дѣлами до начала новаго похода, но это было невозможно. Почти вся Польша была на сторонѣ Станислава, а шляхта слишкомъ дорожила свободою выбирать себѣ короля, чтобы такъ легко отступиться отъ собственнаго своего дѣла. Убѣдились наконецъ, что не будетъ спокойствія въ странѣ, покуда будетъ оставаться въ ней Станиславъ. Вотъ почему графу Ласи велѣно собрать сколько возможно болѣе войска, идти прямо на Данцигъ, и тѣмъ заставить Станислава выдти изъ города и даже совсѣмъ изъ Польскаго края. Это предпріятіе представляло не мало затрудненій. Несмотря на значительныя силы Россіи, находившіяся въ Польшѣ, Ласи могъ собрать только 12 т. человѣкъ для дѣйствія въ этой

сторонѣ, потому что большая часть войска была размѣщена по разнымъ областямъ, какъ для собственнаго ея легчайшаго продовольствія, такъ и для необходимаго обузданія всего края. Съ этимъ корпусомъ Ласи двинулся въ Польскую Пруссію, и 16-го января вступилъ въ Торнъ. Этотъ городъ покорился новому королю безъ труда и принялъ русскій гарнизонъ. Распорядившись здѣсь устройствомъ магазина, Ласи продолжалъ путь.

6-го февраля войска впервые расположились по квартирамъ въ мѣстности около Данцига, а 22-го подошли къ городу и заняли сосѣднія деревни. Генералъ остановился въ мѣстечкѣ Прустъ, въ полмили отъ Данцига. Онъ отправилъ въ городъ трубача, пригласить сенатъ отстать отъ короля Станислава и его приверженцевъ, и покориться законному королю Августу III, впустивъ русскій гарнизонъ; въ случаѣ же отказа ожидать дурныхъ послѣдствій. Однако жители Данцига рѣшили по-своему. Присутствіе короля и разныя обѣщанія маркиза де-Монти, отъ имени Франціи, побуждали ихъ лучше всѣмъ рисковать, нежели покинуть короля, искавшаго у нихъ убѣжища и положившагося на ихъ вѣрность. Правда, что ни король, ни обыватели города не предвидѣли того рѣшительнаго оборота, который приняли дѣла. Между тѣмъ, взяты были всѣ мѣры для продолжительнаго и сильнаго сопротивленія. Сформировано нѣсколько новыхъ полковъ; сами обыватели стали въ ряды для службы на стѣнахъ города. Франція выслала имъ инженеровъ, и изъ Швеціи прибыли болѣе ста офицеровъ съ запасомъ ружей и разныхъ другихъ боевыхъ принадлежностей, и съ обѣщаніемъ скорой, еще бо̀льшей помощи. Все это укрѣпило жителей въ вѣрности Станиславу. Весьма вѣроятно, что если бы между ними случились люди рѣшительные и офицеры съ головою, которые предприняли бы что̀-нибудь, то русскіе принуждены были бы отказаться отъ намѣренія завладѣть Данцигомъ, еще до проведенія первой траншеи; потому что вначалѣ силы ихъ состояли только изъ 12-ти т. человѣкъ, тогда какъ у осажденныхъ было втрое больше; къ тому же, осаждающимъ нужно было оберегать большія разстоянія, что̀ принуждало ихъ размѣщаться по деревнямъ болѣе чѣмъ на двѣ мили кругомъ. Слѣдовательно весьма было бы легко, съ превосходными силами, напасть на нѣкоторыя стоянки, разбить ихъ по частямъ и такимъ образомъ разстроить всѣ ихъ планы. Партія Станислава имѣла

тоже въ полѣ болѣе 50-ти т. человѣкъ войска, подъ начальствомъ нѣсколькихъ польскихъ пановъ. Но эти господа, вмѣсто того, чтобы помышлять о помощи королю, только грабили, да разоряли свою же родину. Этимъ временемъ русскіе воспользовались и такъ устроили дѣла, что поставили городъ въ весьма жалкое положеніе.

Такъ прошелъ февраль мѣсяцъ безъ какого-либо предпріятія и со стороны графа Ласи. Не только время года не позволяло начать осаду, но и средствъ на это еще не было у графа. Покуда онъ занимался устройствомъ магазиновъ и ставилъ препятствія продовольствію города, задерживая подвозъ провизіи изъ селъ и деревень. Онъ приказалъ отвести воду рѣки Радауна, которою снабжалась лучшая, или скорѣе, единственная мельница въ Данцигѣ.

Осажденные сдѣлали нѣсколько небольшихъ вылазокъ, и не проходило дня безъ стычки съ казаками, причемъ то одна, то другая сторона брала верхъ. Таково было положеніе дѣлъ, когда прибылъ къ Данцигу фельдмаршалъ графъ Минихъ, въ сопровожденіи прусскаго конвоя, 9-го марта. Графъ Биронъ, не переставая подозрѣвать графа Миниха, желалъ его удаленія отъ двора, и добился того, что Миниху поручено было главное начальство надъ всѣми войсками въ Польшѣ, съ приказаніемъ дѣйствовать рѣшительно для скораго покоренія Данцига; но Биронъ и его клевреты вовсе не желали ему успѣха. Фельдмаршалъ нашелъ, что для столь важнаго предпріятія слишкомъ мало людей, и вызвалъ къ себѣ нѣсколько полковъ. Первымъ дѣломъ его было отправить въ Данцигъ прокламацію, съ увѣщаніемъ жителей отступиться отъ Станислава, покориться королю Августу III и впустить русскій гарнизонъ; онъ давалъ на размышленіе только 24 часа сроку. Но, по прошествіи срока, видя, что жители не одумались, Минихъ приказалъ открыть траншею и построить редутъ со стороны Циганкенберга. Въ ночь съ 19-го на 20-е число, осаждающіе атаковали укрѣпленіе Ору, въ которой находилось 400 человѣкъ гарнизона, и овладѣли имъ послѣ двух-часового сопротивленія. 21-го числа раздались первые выстрѣлы, направленные на городъ, но почти безъ результата, потому что въ лагерѣ находились только полевыя орудія, изъ которыхъ самыя крупныя были восьми-фунтовыя, да двѣ мортиры, тѣ и другія взятыя

въ Орѣ. Городъ обложили еще тѣснѣе. Осаждающіе взяли фортъ, называемый головою Данцига, и заняли пространство между городомъ и моремъ. Минихъ полагалъ, что взятіе города Эльбинга послужитъ въ пользу дѣла, и для того отрядилъ туда полковника съ 500 драгунъ и 400 пѣхотинцевъ, чтобъ заставить городъ сдаться. Городъ сдался безъ затрудненій; находившійся въ немъ въ гарнизонѣ польскій полкъ присягнулъ королю Августу, и въ городъ вступилъ русскій гарнизонъ. Найденные въ городѣ орудія и боевые припасы отправлены въ лагерь подъ Данцигомъ.

Графу Миниху донесли, что многочисленный корпусъ конфедератовъ, подъ начальствомъ графа Тарло и кастеляна Черскаго, перешелъ Вислу и направляется на помощь городу. Минихъ тотчасъ же отрядилъ ему на встрѣчу генерал-поручика Загряжскаго и генерал-маіора Карла Бирона съ 2,000 драгунъ и 1,000 казаковъ.

Этотъ отрядъ встрѣтилъ подъ городомъ Швецомъ корпусъ кастеляна Черскаго, состоявшій изъ 33-хъ ротъ, или около 3,000 человѣкъ польской шляхты на конѣ, и до 2,000 пѣхотинцевъ регулярнаго войска, которые заняли позицію за рѣкою Бредою, разрушивъ на ней мостъ. Генералъ Загряжскій прежде всего послалъ людей исправить мостъ, и 200 драгунъ спѣшились съ цѣлью защищать работы. Такъ какъ поляки первые открыли огонь, то русскіе отвѣчали имъ выстрѣлами изъ полевыхъ пушекъ; это такъ напугало непріятеля, что онъ началъ отступать. Только что мостъ былъ исправленъ, какъ русскіе перешли черезъ него и стали преслѣдовать отставшихъ. Въ магазинѣ, въ Швецѣ, найдено было 80 четвериковъ овса, столько же ржи, и большое количество сѣна и соломы. Спустя нѣсколько дней, пришло извѣстіе, что графъ Тарло приближается со 130-ю ротами поляковъ, двумя пѣхотными полками и остатками побитаго корпуса; что онъ намѣревался напасть на генерала Загряжскаго, пробиться къ Данцигу и заставить снять осаду. Тогда графъ Минихъ, 17-го апрѣля, отрядилъ генерала Ласи съ 1,500 драгунъ въ помощь генералу Загряжскому, поручивъ ему прогнать непріятеля изъ окрестности. Ласи сдѣлалъ усиленный переходъ, въ тотъ же день присоединился къ Загряжскому и принялъ начальство надъ всѣмъ войскомъ. 18-го и 19-го чиселъ корпусъ

былъ въ походѣ, а 20-го настигъ наконецъ непріятеля, близъ деревни Вичезины (Wuicezina), лежащей у моря, недалеко отъ границы Помераніи. Непріятель выстроился тутъ въ боевомъ порядкѣ, имѣя передъ собою два затруднительныя дефилея, одинъ позади другого, сквозь которые надобно было пройти, чтобы атаковать его. Сперва два полка драгуновъ спѣшились и прошли черезъ первый дефилей, а чтобы заставить думать непріятеля, что у нихъ есть и пѣхота, барабанщикамъ велѣно было играть пѣхотный маршъ. Пройдя первый дефилей, русскіе выстроились и стали направляться ко второму, очень близкому къ непріятелю; нѣсколько сотень казаковъ были посланы впередъ тревожить непріятеля, и тѣмъ дать время регулярному войску развернуть фронтъ; сначала казаковъ отбили, но когда другія войска подоспѣли къ нимъ на помощь, непріятель былъ атакованъ и разсѣянъ. Благородная шляхта первая стала спасаться бѣгствомъ, бросила регулярное войско, и послѣднее, видя себя оставленнымъ, послѣдовало ихъ примѣру. Поляковъ было по крайней мѣрѣ 10 т., тогда какъ русскихъ было всего 3,200 драгуновъ и 1,000 казаковъ. Это была единственная попытка поляковъ-конфедератовъ помочь Станиславу и городу Данцигу.

Въ послѣднихъ числахъ марта мѣсяца, осаждающіе устроили редутъ на берегу Вислы, съ тѣмъ, чтобы отрѣзать сообщеніе между городомъ и крѣпостью Вейксельмюнде; это дѣло вышло довольно удачно, благодаря тому, что въ этомъ мѣстѣ рѣка очень узка; суда могли проходить только съ большимъ трудомъ. Всетаки графу Миниху трудно было усилить осаду въ той мѣрѣ, въ какой онъ этого желалъ, за недостаткомъ тяжелой артилеріи. Король прусскій сначала даже противился пропуску осадной артилеріи черезъ его владѣнія, но послѣ убѣдительныхъ представленій позволилъ, наконецъ, высадить орудія въ Пилау и перевезти ихъ водою до арміи.

Не могу здѣсь умолчать объ одномъ странномъ и, можетъ быть, единственномъ въ этомъ родѣ случаѣ. Дѣло въ томъ, что нѣсколько мортиръ были привезены изъ Саксоніи по почтѣ; телеги, на которыхъ онѣ были сложены, были прикрыты, и, подъ видомъ экипажей герцога Вейсенфельскаго, перевезены черезъ владѣнія прусскаго короля. Эти мортиры прибыли къ Данцигу 29-го апрѣля, а какъ почти въ тоже время прибыла и прочая

артилерія, отправленная изъ Пилау, то фельдмаршалъ распорядился усилить осадныя дѣйствія противъ города.

30-го числа брошены были въ него первыя бомбы, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ загорѣлось, но безъ важныхъ послѣдствій. Въ ночь съ 6-го на 7-е мая фельдмаршалъ приказалъ штурмовать фортъ Зомершанцъ, который и былъ взятъ послѣ часовой атаки. Командовавшій въ немъ офицеръ и съ нимъ 70 человѣкъ успѣли удалиться въ Вейксельмюнде. Взятіе этого укрѣпленія было тѣмъ важнѣе, что только черезъ эту мѣстность городъ могъ еще имѣть свободное сообщеніе съ Вейксельмюнде.

Я выше сказалъ, что у графа Миниха было слишкомъ мало войска для такого значительнаго дѣла, какъ осада Данцига. А какъ войска, стоявшія въ Варшавѣ и въ окрестностяхъ ея, были тамъ безполезны, то онъ и послалъ приказаніе генерал-маіору Луберасу, командовавшему одною частію войска, выступить съ полками и присоединиться къ нему. Но Луберасъ находилъ, что квартиры въ Варшавѣ лучше, нежели подъ Данцигомъ, и подъ какимъ-то предлогомъ отказался идти. Минихъ послалъ ему вторичное приказаніе, котораго Луберасъ также не послушался, какъ и перваго. Тогда Минихъ приказалъ его арестовать, передалъ начальство старшему по немъ изъ офицеровъ; войска были посажены на суда, на которыхъ по рѣкѣ Вислѣ и прибыли въ лагерь подъ Данцигомъ. Тѣмъ не менѣе Луберасъ, благодаря поддержкѣ обер-шталмейстера графа Левенвольде, представилъ двору свои извиненія и былъ освобожденъ. Левенвольде не было бы непріятно, если-бы Минихъ не успѣлъ въ своихъ предпріятіяхъ.

Взятіе Зомершанца, съ весьма слабою потерею людей, внушило Миниху увѣренность, что ему также легко удастся овладѣть Гагельсбергомъ; а какъ въ это время курьеръ привезъ ему изъ Петербурга приказаніе ускорить осадныя дѣйствія, то онъ и надѣялся взятіемъ того укрѣпленія принудить жителей Данцига сдаться на капитуляцію. 8-го мая, въ сопровожденіи графа Ласи и генерала Бирона, Минихъ отправился на рекогносцировку укрѣпленій этой горы; справа, со стороны воротъ Оливы (d'Oliva), крутизна почти неприступная; на вершинѣ ея правильный кронверкъ, съ равелиномъ, контрескарпомъ и гласисомъ; все это исправно обнесено палисадомъ и штурмфалами, и снабжено

нѣсколькими орудіями. Но слѣва, въ сторонѣ Шейдлица, есть только одно земляное укрѣпленіе, безъ прикрытаго пути и безъ гласиса; ровъ сухой и безъ палисада; только одна берма снабжена изгородью. И такъ было рѣшено, съ этой стороны, начать атаку. Въ теченіи 9-го числа дѣлались приготовленія. Откомандированы были 8,000 человѣкъ; изъ этого числа 3,000 должны были штурмовать укрѣпленіе, прочіе же поддерживать ихъ. Къ вечеру они собрались въ тылу траншеи. Около 10-ти часовъ войска выступили тремя колоннами; отрядили еще полторы тысячи человѣкъ для производства трехъ фальшивыхъ атакъ; первой—по ту сторону Вислы, второй—противъ Бишофсберга (Bischoffs-berg) и третьей — противъ правой стороны Гагельсберга. Назначенныя для штурма войска двинулись впередъ, въ удивительномъ порядкѣ и тишинѣ, до того мѣста, гдѣ надлежало имъ подниматься на гору. Атака началась около полуночи; пройдя черезъ ровъ, солдаты пошли на штурмъ съ твердостью, какую только можно себѣ вообразить, и завладѣли батареею въ семь пушекъ. Но по какому-то странному несчастію, при первомъ залпѣ непріятеля, начальники трехъ колоннъ, почти всѣ штабофицеры и инженеры, были кто убитъ, кто раненъ. Колонны смѣшались, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать каждой отдѣльно, такъ что за отсутствіемъ начальниковъ, которые съумѣли бы воспользоваться добытымъ преимуществомъ, дальше не пошли, а между тѣмъ хотѣли удержаться на мѣстности, которой они овладѣли; они пробыли тутъ три часа сряду, выдерживая страшнѣйшій огонь отъ осажденныхъ. Графъ Минихъ и прочіе генералы, стоя во главѣ траншеи, замѣтили безпорядокъ въ войскѣ и послали своихъ адъютантовъ съ приказаніемъ людямъ удалиться. Но солдаты не повиновались, объявляя, что они скорѣе согласны быть убитыми на мѣстѣ, нежели отступить хотя на одинъ шагъ. Графъ Ласи принужденъ былъ самъ идти къ солдатамъ увѣщавать ихъ, и тутъ они послушались. Въ этой атакѣ русскіе потеряли болѣе 2,000 человѣкъ солдатъ,—убитыми и ранеными,—и 120 офицеровъ. Со стороны осажденныхъ потеря была менѣе чѣмъ вполовину. Если бы гарнизонъ съумѣлъ воспользоваться неудачею этого штурма и тотчасъ же сдѣлалъ бы вылазку съ большею частію своего войска, онъ этимъ принудилъ бы русскихъ снять осаду. Произведенная этою неудачею убыль въ рус-

скомъ войскѣ заставила графа Миниха приказать, чтобы выведенные изъ Варшавы полки спѣшили къ мѣсту. Также вытребовалъ онъ въ лагерь нѣсколько отрядовъ, размѣщенныхъ по сосѣднимъ городамъ. Въ это время, болѣе чѣмъ когда-либо, ходили слухи о французской помощи, и даже пришло извѣстіе, что на данцигскій рейдъ прибыло нѣсколько судовъ. Съ цѣлью отнять у французовъ, въ случаѣ ихъ высадки, всѣ средства къ продовольствію, Минихъ приказалъ сжечь всѣ приморскія деревни; а чтобы отнять у нихъ возможность помогать городу со стороны моря, онъ приказалъ преградить ходъ по рѣкѣ, такъ что всякое сообщеніе съ Вейксельмюнде было прервано, и пустившіяся-было по рѣкѣ суда должны были воротиться.

14-го числа часть варшавскихъ войскъ вступила въ лагерь, а остальныя прибывали въ слѣдующіе дни, до 20-го числа.

22-го числа, вслѣдствіе неоднократныхъ представленій магистрата, фельдмаршалъ согласился на двухдневное перемиріе. Магистратъ желалъ призвать всѣ сословія города на совѣщаніе по поводу предложеній графа Миниха, покориться милосердію русской императрицы и признать короля Августа III.

Перемиріе кончилось, не приведя ни къ чему, и враждебныя дѣйствія возобновились съ большею противъ прежняго силою. Въ тотъ же день прибылъ французскій флотъ изъ 16-ти кораблей и высадилъ три полка французской пѣхоты, а именно: Блезуа, Перигорскій и Ламаршъ, подъ начальствомъ бригадира де-ла-Мотъ Перузъ, всего ихъ было 2,400 человѣкъ. Они прибыли слишкомъ поздно и число ихъ было слишкомъ недостаточно для того, чтобы заставить русскихъ снять осаду.

25-го числа въ лагерь пришли саксонскія войска подъ начальствомъ герцога Вейсенфельскаго. Они состояли изъ 8-ми батальоновъ и 22-хъ эскадроновъ. Они стали лагеремъ: правое крыло въ сторонѣ Нейшотланда, лѣвое—по направленію къ Оливѣ; квартира герцога была въ Лангфурѣ.

Расположившись вдоль берега между каналомъ и моремъ, французскія войска вышли изъ лагеря и тремя колоннами двинулись прямо на русскіе ретраншаменты. Они подавали сигналы городу, приглашая осажденныхъ вылазкою помочь имъ въ предпріятіи. Дѣйствительно, изъ города вышелъ большой отрядъ пѣхоты и направился къ лѣвому крылу русскихъ, покуда французы

атаковывали ихъ съ другой стороны, съ необычайною отважностію. Перейдя черезъ засѣки, прикрывавшія ретраншаментъ; французы подошли къ нему на разстояніи 15-ти шаговъ, прежде нежели русскіе сдѣлали одинъ выстрѣлъ, но потомъ, открывъ огонь какъ разъ кстати, продолжали его съ большою силою. Французы нѣсколько разъ пытались овладѣть ретраншаментомъ, но какъ это имъ не удавалось, то они удалились, оставивъ на мѣстѣ 160 человѣкъ убитыми, въ числѣ которыхъ былъ и графъ де-Плело, посланникъ французскаго короля въ Копенгагенѣ. Городскіе, увидавъ, что французы отбиты, удалились за свои стѣны; ихъ преслѣдовали вплоть до гласиса.

Графъ Минихъ издержалъ всѣ пули, бомбы и прочіе снаряды въ томъ огнѣ, которымъ онъ забросалъ городъ; онъ надѣялся что саксонцы доставятъ ему новые запасы, однако они ничего не привезли. Это обстоятельство ослабило бомбардированіе, и съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ стали поджидать русскій флотъ, который везъ порядочное количество боевыхъ припасовъ.

Въ ночь съ 28-го на 29-е саксонцы въ первый разъ смѣнили русскихъ въ траншеяхъ. До 12-го іюня осаждающіе занимались только продолженіемъ траншейныхъ работъ и приведеніемъ въ порядокъ батарей, чтобы съ большею силою атаковать городъ по прибытіи артилеріи.

12-го іюня, наконецъ показался русскій флотъ, состоявшій изъ 16-ти линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ и 7 другихъ судовъ. Онъ вошелъ въ данцигскій рейдъ; тотчасъ же принялись за разгруженіе артилеріи и прочаго, необходимаго для осады.

14-го числа уже возобновили огонь, который былъ очень силенъ во все остальное время осады.

3 французскіе полка расположились лагеремъ подъ выстрѣлами Вейксельмюнде, на островѣ Платѣ, гдѣ они оставались спокойно, нетревожимые осаждающими. Но по прибытіи флота рѣшено было не оставлять ихъ дольше въ покоѣ. Бомбардирскія суда приблизились къ берегу и начали бомбардировать вейксельмюндскій фортъ и лагерь; 15-го взорвали пороховой магазинъ крѣпости, а французы очень страдали отъ корабельной артилеріи. 19-го числа графъ Минихъ требовалъ отъ французскаго бригадира и отъ командующаго фортомъ сдачи. Они просили трехдневнаго перемирія, которое и было даровано. Въ это время

были начаты переговоры съ французами. Они хотѣли, чтобы ихъ посадили на суда и отправили въ Копенгагенъ, въ чемъ имъ отказали. Наконецъ, послѣ многихъ хлопотъ, было дозволено войску выйти изъ лагеря со всѣми военными почестями и сѣсть на русскія суда, гдѣ они положатъ оружіе, затѣмъ ихъ отвезутъ въ одинъ изъ балтійскихъ портовъ, по соглашенію съ русскими адмиралами. Вслѣдствіе этой капитуляціи, ихъ отправили на судахъ 24-го числа, но какъ въ капитуляціи не было сказано, въ какой именно портъ ихъ везти, то вмѣсто нейтральнаго порта ихъ привезли въ Кронштадтъ. Потомъ ихъ отправили въ Лифляндію на квартиры, а оттуда, уже черезъ нѣсколько мѣсяцовъ, возвратили во Францію.

24-го числа сдался также Вейксельмюндскій фортъ. На другой день выступилъ изъ него, съ обычными почестями, гарнизонъ изъ 468 человѣкъ и присягнулъ королю Августу III.

28-го числа данцигскій магистратъ выслалъ къ графу Миниху парламентеровъ. Но предложеніе ихъ не хотѣли принять, иначе какъ съ предварительнымъ условіемъ, выдать короля Станислава, примаса, маркиза де-Монти и другихъ. 29-го числа магистратъ извѣстилъ фельдмаршала письмомъ, что король Станиславъ тайно выѣхалъ изъ города. Это до того разсердило Миниха, что онъ велѣлъ возобновить бомбардированіе, прекращенное за два дни передъ тѣмъ.

Наконецъ, 30-го числа дѣла уладились; городъ сдался на капитуляцію и покорился королю Августу. Тоже сдѣлали и находившіеся въ городѣ польскіе паны, которымъ дозволено было свободно отправляться куда имъ угодно. Только примасъ королевства, графъ Понятовскій, и маркизъ де-Монти были арестованы и отвезены въ Торнъ.

Осада Данцига продолжалась 135 дней, начиная съ 22-го февраля, когда графъ Ласи подошелъ къ городу. Она стоила русскимъ болѣе 8,000 человѣкъ солдатъ и около 200 офицеровъ. Вредъ, нанесенный городу 4 или 5 т. брошенными туда бомбами, не былъ такъ великъ, какъ бы слѣдовало.

На городъ была наложена контрибуція въ два миліона эфимковъ, въ пользу русской императрицы; изъ этихъ двухъ миліоновъ одинъ былъ наложенъ въ видѣ наказанія за то, что не по-

мѣшали побѣгу Станислава. Однако императрица уступила половину этой суммы.

Покуда одна часть русской арміи была занята осадою Данцига, остальныя, разбросанныя по польскимъ областямъ войска дрались съ партіею короля Станислава. Я уже выше сказалъ, что почти всѣ паны королевства и большая часть мелкой шляхты пристали къ партіи этого государя. Они набрали много войска, которыми наводнили весь край; но главнымъ ихъ дѣломъ было грабить и жечь имущества своихъ противниковъ, принадлежавшихъ къ партіи Августа, а не воевать съ русскими. Всѣ ихъ дѣйствія клонились къ тому, чтобы безпокоить войска безполезными походами, къ которымъ они ихъ, время отъ времени, принуждали. Они собирались большими отрядами въ нѣсколькихъ миляхъ отъ русскихъ квартиръ, жгли помѣстья своихъ соотечественниковъ и распространяли слухъ, что намѣрены дать сраженіе, какъ скоро завидятъ непріятеля; но какъ только непріятель показывался вдали, не успѣвалъ онъ сдѣлать по нихъ два выстрѣла изъ пушки, какъ поляки обращались въ бѣгство. Ни разу въ этой войнѣ 300 человѣкъ русскихъ не сворачивали ни шага съ дороги, чтобъ избѣгнуть встрѣчи съ 3000 поляковъ; они побивали ихъ каждый разъ.

Не такъ везло саксонцамъ: поляки частенько ихъ побивали, и оттого презирали ихъ, тогда какъ къ русскимъ они питали сильный страхъ.

Большая часть польскихъ магнатовъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Данцигѣ, покорились королю Августу, это склонило почти половину королевства послѣдовать ихъ примѣру. Но прочіе все еще продолжали войну, и это удержало русскихъ еще цѣлый годъ въ Польшѣ.

Не видя болѣе надобности въ содержаніи многочисленной арміи въ этомъ королевствѣ и уступая повторенной просьбѣ императора Карла VI прислать ему помощь на Рейнъ, императрица приказала отправить туда 16 пѣхотныхъ полковъ. Начальство надъ ними поручено графу Ла́си. Онъ двинулся съ ними къ границамъ Силезіи, гдѣ войска были размѣщены на зимнихъ квартирахъ и приведены въ хорошее состояніе. Въ началѣ весны генералу Ла́си велѣно идти, съ 8-ю полками, составлявшими 10 т. человѣкъ, на Рейнъ; прочіе же должны были оставаться на гра-

ницахъ Силезіи и ждать дальнѣйшихъ приказаній. Генералы, командовавшіе подъ начальствомъ Ласи, были: генерал-поручикъ Кейтъ, генерал-маіоры Бахметевъ и Карлъ Биронъ.

По вступленіи войскъ въ Силезію, имъ сдѣланъ былъ смотръ комисарами императора, которые были: фельдмаршалъ графъ Вильчекъ и генерал-лейтенантъ баронъ Гаслингеръ. Войска прошли черезъ Богемію и Обер-Пфальцъ, и въ іюнѣ мѣсяцѣ пришли къ Рейну. Они возбуждали общее вниманіе и удивленіе тѣмъ порядкомъ и тою дисциплиною, которую наблюдали въ походѣ и на квартирахъ.

Такъ какъ господа австрійцы при всякомъ удобномъ случаѣ любятъ выставлять свою надменность, то я приведу здѣсь одинъ такой примѣръ, за который генералъ Кейтъ очень умно отплатилъ. Когда русскія войска вступили въ Силезію, императорскій комисаръ, какъ я выше упомянулъ, генералъ Гаслингеръ, осматривавшій полки генерала Кейта, послѣ церемоніи собралъ офицеровъ и сказалъ имъ благодарственную рѣчь, но въ рѣчи своей давалъ императрицѣ только титулъ царицы. Кейтъ, въ отместку, отвѣчалъ тоже рѣчью, въ которой совсѣмъ не упоминалъ объ императорѣ, а только объ эрцгерцогѣ австрійскомъ, увѣряя, что его государыня императрица всегда съ удовольствіемъ готова пособить эрцгерцогскому дому, когда только представится случай. Рѣчь эта страшно смутила Гаслингера, и чтобы въ другой разъ не попасть въ просакъ, онъ отправилъ въ Вѣну курьера, и оттуда получилъ приказаніе давать всегда русской государынѣ титулъ императрицы. Но и во многихъ случаяхъ австрійскіе генералы поступали съ высокомѣріемъ, и по этому поводу русскіе генералы неоднократно имѣли съ ними размолвки. Вѣнскій дворъ никогда не могъ простить Кейту его рѣчи къ барону Гаслингеру, и старался вредить ему, когда только представлялся къ тому малѣйшій случай.

Во время пребыванія фельдмаршала Миниха въ Польшѣ, его враги не пропустили случая очернить его въ глазахъ императрицы. Онъ нѣсколько подалъ поводъ къ тому штурмомъ Гагельсберга, который будто бы былъ предпринятъ неосмотрительно. Но, возвратясь ко двору, по окончаніи похода, Минихъ нашелъ возможность оправдаться и войти снова въ милость. Онъ участвовалъ во всѣхъ совѣтахъ. Въ то время было рѣшено объявить

войну туркамъ, какъ скоро польскія дѣла совершенно утихнутъ. Минихъ былъ снова отправленъ въ Варшаву для окончательныхъ дѣйствій. Наконецъ, дѣла приняли желанный оборотъ, миръ состоялся и вся Польша покорилась королю, данному ей Россіею.

Графъ Минихъ выѣхалъ тогда изъ Варшавы въ Украйну, гдѣ ему было поручено начальствовать надъ войсками. Я хотѣлъ говорить о польскихъ дѣлахъ, непрерывая разсказа; теперь я упомяну о другихъ замѣчательныхъ событіяхъ съ 1734 по 1735 г.

Побѣды, одержанныя Тамас-кули-ханомъ надъ турками, очень радовали петербургскій дворъ, такъ какъ нѣсколько разъ подтверждалось извѣстіе, что французскій посолъ при Портѣ чрезвычайно старался склонить послѣднюю къ разрыву съ Россіею. Это безпокоило императрицу, хотя наружно не выказывали тревоги.

Безпокойство усилилось, когда узнали въ Петербургѣ, что графъ, или лучше сказать паша Бонневаль успѣлъ цѣлый корпусъ войска выучить военнымъ упражненіямъ и эволюціямъ, принятымъ въ другихъ европейскихъ арміяхъ, и что онъ намѣренъ всѣ вооруженныя силы Турціи обратить въ регулярныя войска. Помощниками Бонневаля въ этомъ дѣлѣ были французы, принявшіе магометанскій законъ; между прочими, Рамсей (Ramsey) и Моншеврёль (Montchevreuil), которые выѣхали изъ Франціи съ аббатомъ Макарти (Maccarti). Однако, проектъ Бонневаля не удался. Покуда онъ ограничивался обученіемъ 3,000 человѣкъ, турки оставались этимъ весьма довольны, какъ увеселительнымъ зрѣлищемъ. Султанъ, его министры и дворъ были въ восхищеніи отъ ловкости, выказываемой солдатами на ученіи. Когда же паша обнаружилъ намѣреніе распространить это нововведеніе на остальное войско, то никакимъ образомъ не могъ получить на то разрѣшенія. Константинопольскій дворъ опасался возбудить общее возмущеніе, если бы онъ сталъ вводить въ войскѣ новые порядки.

Русская императрица не довольствовалась неудачею этого проекта. Ей хотѣлось совсѣмъ удалить изъ Константинополя тѣхъ способныхъ людей, которые могли быть полезны Портѣ, если бы ей вздумалось снова приняться за оставленный тогда проектъ. Русскому посланнику въ Константинополѣ было поручено склонить этихъ офицеровъ къ отъѣзду изъ Турціи, и для этого обѣщать, что въ Россіи устроятъ ихъ судьбу. Рамсей и Моншеврёль

поддались; нѣсколько дней они скрывались въ домѣ англійскаго посольства, потомъ отплыли въ Голландію. Моншеврёль умеръ на пути, а Рамсей прибылъ въ Петербургъ. Его записали въ службу маіоромъ. Назвавшись графомъ де-Бальменъ (de Balmaine), онъ отличался во всѣхъ случаяхъ; будучи уже полковникомъ, онъ былъ убитъ въ Вильманстрандскомъ дѣлѣ.

Въ теченіи 1734 г. петербургскій дворъ возобновилъ договоръ о союзѣ съ Персіею. Тамас-Кули-ханъ обязался не заключать мира съ Портою иначе, какъ съ соображеніемъ интересовъ Россіи. Императрица желала связать съ этою державою самую тѣсную дружбу, однако шахъ не сдержалъ своего слова. Онъ заключилъ миръ съ Портою въ то самое время, когда Россія находилась въ самой упорной войнѣ съ турками.

Въ 1735 г. въ Швеціи происходилъ сеймъ, который до нѣкоторой степени встревожилъ Россію. Извѣстно было, что Франція всѣми силами склоняла шведовъ къ разрыву съ русскими; а когда Станиславъ находился въ Данцигѣ, то многіе шведскіе офицеры, съ разрѣшенія сената, отправились туда предложить этому государю свои услуги. При сдачѣ города, эти офицеры были взяты въ плѣнъ; императрица приказала немедленно переслать ихъ въ Стокгольмъ, и передать нѣкоторыя жалобы, но какъ для нея очень важно было сохранить съ этой стороны миръ, то она въ тоже время сдѣлала шведскому двору такія выгодныя предложенія, что онъ согласился на возобновленіе заключеннаго прежде договора съ Россіею о союзѣ и торговлѣ. Россія обязалась заплатить голландской республикѣ шведскій долгъ въ 3 или 400 т. гульденовъ, и позволить шведамъ, преимущественно передъ другими націями, закупку и вывозъ зерноваго хлѣба изъ лифляндскихъ портовъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ при петербургскомъ дворѣ произошелъ случай, достойный занять мѣсто въ числѣ анекдотовъ. Старшую воспитательницу принцесы Анны, госпожу Адеркасъ, обвиняли въ томъ, что она, вмѣсто того, чтобы дать хорошее воспитаніе принцесѣ и блюсти за ея поведеніемъ, вздумала потворствовать сношеніямъ между принцесою и однимъ иностраннымъ посланникомъ. Когда это обнаружилось, то г-жу Адеркасъ немедленно уволили отъ должности, посадили на корабль и отправили въ Германію; спустя нѣсколько времени, и посланника, мечтавшаго о такой

блестящей побѣдѣ, удалили, подъ предлогомъ какого-то порученія къ его двору, съ тѣмъ, чтобы дворъ уже не возвращалъ его въ Петербургъ. Кромѣ того, камер-юнкеръ императрицы, нѣкто Брылкинъ, пользовавшійся добрымъ расположеніемъ принцесы, былъ удаленъ отъ двора и записанъ капитаномъ въ казанскій гарнизонъ, по подозрѣнію, что онъ былъ посвященъ въ эти сношенія. Послѣ ареста герцога курляндскаго, Анна Леопольдовна вызвала Брылкина изъ Казани, пожаловала его камергеромъ и назначила генерал-прокуроромъ сената.

VII.

Начало войны съ Портою.—Походъ генерал-лейтенанта Леонтьева.—Прибытіе въ Украйну Миниха, главнокомандующаго войсками. — Пограничная линія. — Украинское войско. — На какомъ основаніи нѣкоторые министры были противъ войны. — Объявленіе войны. — Начало кампаніи; осада Азова. — Походъ въ Крымъ.—Первое сраженіе съ татарами.— Атака и взятіе перекопскихъ линій. — Описаніе линій. — Сдача Перекопа. — Генералъ Леонтьевъ отряженъ для взятія Кинбурна.—Армія подвигается далѣе въ Крымъ.—Экспедиція генерала Гейна.—Взятіе Козлова.— Взятіе Бахчисарая.

1735—1736.

По прекращеніи польскихъ смутъ, Россія была вынуждена снова объявить войну Портѣ. Предлогомъ къ тому служили частыя вторженія татаръ въ русскіе предѣлы; на представленія о томъ петербургскаго двора не было дано Портою удовлетворительнаго отвѣта. Изъ желанія отмстить, императрица начала войну, стоившую большихъ денегъ и множества людей, безъ всякой существенной пользы.

Уже Петръ I имѣлъ въ виду эту войну; онъ не могъ равнодушно вспомнить о прутскомъ мирѣ. По его приказанію, на Дону устроены были обширные магазины, заготовлено въ Воронежѣ, Новопавловскѣ и другихъ пограничныхъ мѣстахъ множество лѣсу для постройки плоскодонныхъ судовъ, которыя могли бы спуститься внизъ по рѣкѣ Днѣпру и по Дону; запасено большое количество оружія, военныхъ припасовъ, солдатскаго платья; словомъ, все было готово къ походу, какъ смерть постигла Петра и проектъ не состоялся.

Когда Анна Іоанновна вступила на престолъ, обер-шталмейстеръ Левенвольде напомнилъ о проектѣ. Вслѣдствіе этого, въ 1732 г., генерал-маіору Кейту, главному инспектору арміи, дано было порученіе, при осмотрѣ войскъ, объѣхать пограничныя крѣ-

пости и освидѣтельствовать сложенные въ нихъ запасы, а въ случаѣ порчи ихъ, заготовить свѣжіе. Оказалось, что большое количество муки въ магазинахъ сгнило; также и платье, нѣсколько лѣтъ лежавшее въ кучѣ, а оружіе заржавѣло; до того небреженъ былъ присмотръ за всѣмъ назначенныхъ къ нимъ приставовъ. Кейтъ сдѣлалъ большую закупку хлѣба, сложилъ его въ магазины и завелъ лучшій противъ прежняго порядокъ. Возникшія въ Польшѣ смуты помѣшали императрицѣ тотчасъ же а таковать турокъ; когда же все въ Европѣ затихло, она нашла, что наступило удобное время для отмщенія туркамъ, тѣмъ болѣе, что они были впутаны въ невыгодную войну съ Персіей.

Все-таки Россія еще удерживалась отъ открытаго объявленія войны. Ей нужно было покончить еще со всѣми приготовленіями. Русскій посолъ въ Константинополѣ, Неплюевъ, проживпій тамъ нѣсколько лѣтъ, былъ отозванъ въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы изустно получить отъ него самыя вѣрныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи Порты. Его прощальная аудіенція у султана совпала съ новымъ пораженіемъ, которое потерпѣли турки отъ Тамаса-Кули-хана и которое не мало посбавило спеси великому визирю. Послѣдній разсыпался въ вѣжливостяхъ передъ русскимъ посломъ, извинялся въ набѣгахъ татаръ, и обѣщалъ не только положить имъ конецъ, но и оказать Россіи всяческое удовлетвореніе. Однако было уже поздно. Петербургскій дворъ уже рѣшился на войну.

Въ августѣ мѣсяцѣ генералъ графъ Вейсбахъ, командовавшій войсками въ Украйнѣ, получилъ приказаніе собрать 20-титысячный корпусъ и быть въ готовности выступить въ походъ. Но въ то самое время, когда слѣдовало начать военныя дѣйствія, этотъ генералъ умеръ. Дворъ передалъ начальство генерал-лейтенанту графу Дугласу: и его это назначеніе застало больнымъ горячкою. Наконецъ назначенъ былъ начальникомъ войскъ генерал-лейтенантъ Леонтьевъ. Между тѣмъ, въ этихъ распоряженіяхъ изъ С.-Петербурга прошли шесть недѣль, такъ что этотъ генералъ могъ выступить въ походъ только въ началѣ октября. Сущность его инструкцій состояла въ томъ, что Россія хотѣла отмстить за набѣги татаръ; чтобы вторгнуться въ Крымъ, воспользовались временемъ, когда ханъ вышелъ оттуда съ лучшими войсками въ принадлежащую Персіи Дагестанскую область; поэтому

генералу Леонтьеву поручалось, не мѣшкая, вступить въ Крымъ, предать край огню и мечу, освободить русскихъ подданныхъ и истребить совершенно ногайскихъ татаръ, кочующихъ въ степяхъ, между Украйною и Крымомъ.

Подъ начальствомъ Леонтьева было 20 т. человѣкъ регулярнаго войска, бо̀льшею частію драгуновъ, да 8 т. казаковъ. Съ этою арміею онъ вступилъ въ степи, въ началѣ октября. Сначала дѣло шло успѣшно; встрѣчены были нѣсколько ногайскихъ отрядовъ; изъ нихъ болѣе четырехъ тысячъ татаръ умерщвлены; малое число пощажено. Отобрано у нихъ большое количество скота, особенно барановъ.

Эти успѣхи дорого стоили русскимъ. Походъ начатъ былъ въ слишкомъ позднюю пору года, подножный кормъ началъ истощаться; ночи, и въ лѣтнюю пору свѣжія въ этомъ краѣ, начинали быть холодными; въ войскѣ появились болѣзни, оказался падёжъ на лошадей. Каждый день насчитывалось значительное число смертныхъ случаевъ. Больныхъ принуждены были таскать съ собою, потому что въ этихъ степяхъ не встрѣчаются города, гдѣ бы можно устроить госпитали и оставлять тамъ больныхъ. Армія начинала уже терпѣть разныя лишенія, а ей предстояло сдѣлать еще десять переходовъ до крымскихъ оборонительныхъ линій. Леонтьевъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено воротиться. Въ это время армія была расположена близъ Каменнаго затона. Въ ночь, передъ выступленіемъ въ обратный походъ, выпало снѣгу на цѣлый футъ, и болѣе тысячи лошадей пало. Войска̀ возвратились въ Украйну и, къ концу ноября, размѣстились по зимнимъ квартирамъ. Полки находились въ весьма разстроенномъ состояніи. Этотъ походъ поглотилъ болѣе 9-ти т. человѣкъ и такое же число лошадей, а выгоды изъ этого Россія не извлекла никакой. Дворъ очень огорчился неудачею проекта, успѣхъ котораго казался несомнѣннымъ. Виновникомъ проекта былъ покойный графъ Вейсбахъ. Можетъ быть, если бы онъ остался въ живыхъ, онъ выполнилъ бы его лучше своего преемника. Генераломъ Леонтьевымъ остались недовольны; однако онъ оправдался передъ военнымъ судомъ.

Покуда генералъ Леонтьевъ былъ занятъ своимъ несчастнымъ походомъ, фельдмаршалъ Минихъ прибылъ въ Украйну и принялъ тамъ начальство надъ войсками. Онъ со всевозможнымъ

стараніемъ занялся приготовленіями къ предстоящему походу, начавъ съ посѣщенія воронежской верфи и съ устройства новой верфи въ Брянскѣ, для постройки небольшихъ судовъ, годныхъ для плаванія по рѣкамъ Днѣпру и Дону до Чернаго моря. По возвращеніи оттуда, онъ объѣздилъ украинскую линію, которую исправилъ во многихъ мѣстахъ и, вдоль границы, привелъ всѣ крѣпости, или лучше сказать укрѣпленные города и селенія, въ такое положеніе, что имъ нечего было опасаться нападеній отъ татаръ. Понятно, что для этого нужно было немного, потому что и 2,000 татаръ не рѣшатся атаковать редутъ, защищаемый 50-ю солдатами.

Я думаю, не лишне будетъ здѣсь дать нѣкоторое понятіе объ украинскихъ линіяхъ. Петръ I предположилъ ихъ устроить въ защиту отъ набѣговъ татаръ. Послѣ его кончины, до 1731 г., дѣло на этомъ остановилось, потомъ за эти линіи снова взялись, и ихъ кончили въ 1732 г.; но укрѣпленія были отстроено не ранѣе 1738 г.; правая сторона линій опирается на Днѣпръ, а лѣвая— на Донецъ. Всего онѣ простираются болѣе чѣмъ на 100 французскихъ лье,[1]) и на этомъ протяженіи выстроены до пятнадцати крѣпостей, снабженныхъ хорошимъ землянымъ брустверомъ, штурмфалами, наполненнымъ водою рвомъ, гласисомъ и контрэскарпомъ съ палисадомъ. Въ промежуткахъ крѣпостей, по всей линіи, устроены надежные редуты и реданы. Линіи охраняются 20,000 драгунъ изъ милиціи, размѣщенныхъ по крѣпостямъ и по селамъ, нарочно для нихъ выстроеннымъ. Въ мирное время они получаютъ на одну треть менѣе обыкновеннаго войскового жалованья, а взамѣнъ имъ розданы участки пахатной земли, которую они обработываютъ. Это войско набрано изъ двухсотъ тысячъ бѣдныхъ дворянскихъ семействъ въ областяхъ Курской и Рыльской, такъ называемыхъ однодворцевъ, т. е. владѣльцевъ одного только двора, которые сами пашутъ свою землю. Эти же семейства обязаны ежегодно высылать на линію изъ своей среды извѣстное число работниковъ, въ помощь войску при земледѣльческихъ работахъ. Скажу мимоходомъ, что это превосходнѣйшее войско въ Россіи. Изъ этого войска выбраны были, при императрицѣ Аннѣ, люди какъ для Измайловскаго гвардейскаго

[1]) Лье съ небольшимъ четыре версты.

полка, такъ и для Кирасирскаго графа Миниха. Все же войско было сформировано по проекту Миниха въ 1731 г. До него, еще при Петрѣ I, существовало это войско въ числѣ 6-ти тысячъ: изъ числа послѣднихъ и сформированъ былъ Измайловскій полкъ. Всѣ эти мѣры не мѣшали татарамъ дѣлать набѣги на Украйну; на такомъ большомъ протяженіи линія не могла быть всегда исправно охраняема. Они только и дѣлали, что переходили черезъ линію взадъ и впередъ, совершенно безнаказанно. Только въ послѣднюю войну этихъ грабителей порядкомъ нѣсколько разъ побили и отняли у нихъ добычу, благодаря благоразумнымъ мѣрамъ, принятымъ фельдмаршаломъ. Осмотрѣвъ линіи и верфи, Минихъ расположился на главной квартирѣ въ Изюмѣ, казацкомъ городѣ по близости линій. По планамъ двора, походъ долженъ былъ начаться съ осады города Азова, и въ тоже время надлежало сильно напирать на крымскихъ татаръ, завоевать, если возможно, весь ихъ край и заложить крѣпость на берегу Чернаго моря. Такимъ образомъ большая часть заготовленныхъ запасовъ оказалась ненужною. Минихъ постарался вознаградить потерю закупкою большого количества хлѣба въ Россіи. Но, несмотря на всѣ его старанія, дѣло подвигалось не такъ скоро, какъ онъ желалъ.

Полкамъ велѣно справлять свою походную амуницію. Фельдмаршалъ снова завелъ пики, которыя-было вышли изъ употребленія послѣ ништадтскаго мира. Каждый полкъ обязанъ былъ имѣть 350 пикъ, каждая длиною въ 18 футъ, и также 20 рогатокъ, длиною въ туазъ, для постановки передъ лагеремъ. Эти рогатки оказали большую пользу, потому что лишь только войско становилось лагеремъ, какъ рогатки выставлялись и армія была обезпечена отъ нечаяннаго нападенія. Но пики были безполезны, даже затрудняли солдатъ въ походѣ (вторая шеренга несла пики), и кромѣ того, надобно было увеличить обозъ двумя подводами на полкъ, такъ какъ на нихъ складывались пики больныхъ. Минихъ распорядился также освободить офицеровъ и унтерофицеровъ отъ эспонтоновъ и алебардъ, которые онъ замѣнилъ болѣе практичными короткими ружьями со штыками.

Военныя приготовленія русскихъ въ Украйнѣ и походъ генерала Леонтьева, хотя и неудачный, встревожили Порту. Испытавъ новый уронъ со стороны персіянъ, она опасалась стать въ

слишкомъ невыгодное положеніе, если бы еще Россія вознамѣрилась напасть на неё. Великій визирь пригласилъ къ себѣ преемника г. Неплюева, г. Вешнякова. Осыпавъ его учтивостями, онъ объявилъ, что намѣренъ сохранить миръ со всѣми христіанскими державами. Онъ предложилъ даже заставить татаръ вознаградить причиненные ими на русской землѣ убытки. Онъ обратился также къ австрійскому посланнику Тальману и къ другимъ иностраннымъ посламъ, склоняя ихъ оказать свое посредничество и уладить несогласія, возникшія между обоими дворами. Это, впрочемъ, не мѣшало великому визирю принять всѣ нужныя мѣры для защиты границъ, усилить азовскій гарнизонъ и отправить въ Черное море флотъ для прикрытія крѣпости съ этой стороны. Морскія державы старались отклонить императрицу отъ войны, но она уже рѣшилась. Нѣкоторые члены петербургскаго кабинета были противъ войны, въ особенности графъ Остерманъ. Они доказывали, что Россія ничего не выиграетъ отъ войны съ турками, а только издержитъ большія суммы денегъ и потеряетъ множество людей безъ всякой пользы. По ихъ мнѣнію, татары одни покусились на враждебныя дѣйствія противъ Россіи; поэтому ихъ однихъ и слѣдуетъ наказать, не объявляя формальной войны Портѣ. А для этой цѣли слѣдуетъ собрать бо̀льшее число легкой кавалеріи, присоединивъ къ нимъ корпусъ регулярнаго войска; все это, въ хорошее время года, напустить на Крымъ, жечь и губить все, что̀ встрѣтится на пути, стараясь проникнуть въ глубь страны насколько возможно далѣе, за тѣмъ вернуться въ Украйну. Если бы Отоманская Порта вздумала жаловаться на эти дѣйствія, то можно было сказать ей въ свое оправданіе, что Россія не ищетъ ссоры съ ней, но такъ какъ многократныя жалобы на хищничества, производимыя въ русской територіи, остались безъ удовлетворенія, можетъ быть, оттого, что Порта, занятая внѣшнею войною, хотѣла потворствовать татарамъ, то императрица была вынуждена уже собственною властію наказать разбойниковъ, искавшихъ разорить ея страну, да еще поссорить ее съ Портою. Впрочемъ, императрица ничего такъ не желаетъ, какъ жить въ согласіи съ этимъ дворомъ. Когда война кончилась, тогда всѣ убѣдились, что доводы эти были справедливы. Потерявъ въ войнѣ много людей и не выигравъ почти ничего, Россія не могла же признать существенною для себя

пользою ту славу, которую пріобрѣла ея армія, или скорѣе, нѣсколько отдѣльныхъ лицъ. Самъ фельдмаршалъ Минихъ былъ противъ войны съ турками; когда же она была объявлена, то онъ уже не прочь былъ продолжать ее еще нѣсколько лѣтъ.

По приказанію императрицы, графъ Остерманъ обратился къ великому визирю съ пространнымъ посланіемъ, которое было въ тоже время манифестомъ и объявленіемъ войны. Въ этомъ документѣ исчислены были всѣ случаи нарушенія мира турками и татарами съ начала текущаго столѣтія. Въ заключеніе было объяснено, что ея величество вынуждена употребить противу Порты Богомъ дарованныя ей средства и тѣмъ оградить на будущее время своихъ подданныхъ отъ наносимыхъ имъ обидъ. Но какъ императрица рѣшается на это противъ своего желанія, и только съ цѣлію получить соразмѣрное удовлетвореніе за понесенныя имперіею потери и испытанныя насилія, и наконецъ, добиться прочнаго мира на условіяхъ, могущихъ обезпечить на будущее время безопасность и спокойствіе государства и народа, то, во избѣжаніе пролитія крови, ея величество готова на соглашеніе. И если Порта раздѣляетъ эти чувства, то пусть она увѣдомитъ о томъ ея императорское величество и вышлетъ на границу министровъ, снабженныхъ достаточнымъ полномочіемъ, съ которыми тотчасъ же могутъ начаться переговоры.

Вѣнскій дворъ предложилъ свое посредничество; Порта и Россія приняли его, но ничего изъ этого не вышло.

Посланіе Остермана получено великимъ визиремъ въ одно время съ извѣстіемъ объ осадѣ Азова и о походѣ русской арміи въ Крымъ. Вслѣдствіе этого визирь издалъ въ Константинополѣ манифестъ съ объявленіемъ Россіи войны.

Собравъ многочисленную армію, великій визирь перешелъ съ нею черезъ Дунай, но это и все, что онъ сдѣлалъ во все продолженіе кампаніи. Въ эту войну Порта слѣдовала политикѣ, которой въ прежнее время не держалась. Она дозволила русскому посланнику Вешнякову выѣхать изъ Турціи, тогда какъ обыкновенно турки, въ случаѣ войны съ какою-либо державою, сажали посланника ея въ семибашенный замокъ до заключенія мира.

Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія къ раннему походу, графъ Минихъ, въ началѣ марта, направился къ крѣпости св. Анны, выстроенной въ 30-ти верстахъ отъ Азова, на турецкой границѣ.

Тамъ, по его распоряженію, были собраны шесть пѣхотныхъ полковъ, три драгунскіе и 3 т. донскихъ казаковъ. Когда узналъ объ этомъ азовскій комендантъ, онъ послалъ одного изъ своихъ офицеровъ къ фельдмаршалу, поздравить его съ прибытіемъ на границу, не подавая вида, что подозрѣваетъ нападенія на Азовъ; онъ изъявилъ свои дружескія чувства и, предлагая свои услуги, присовокуплялъ, что онъ надѣется на взаимность со стороны Миниха; притомъ выражалъ увѣренность, что графъ прибылъ въ эти края не съ враждебною Портѣ цѣлью, потому что не объявлена война; а что онъ, комендантъ, не подавалъ повода къ жалобѣ. Фельдмаршалъ ласково принялъ турка, сдѣлалъ при немъ смотръ войску, но только въ извѣстномъ отдаленіи, постаравшись расположить ряды такъ, чтобы его малочисленный отрядъ показался 20-ти тысячною арміею. Затѣмъ онъ отпустилъ офицера обратно въ Азовъ, не давъ ему никакого положительнаго отвѣта, а только поручилъ ему кланяться пашѣ.

До этого времени у крѣпости св. Анны ежегодно собирались войска, которые тамъ стояли лагеремъ обыкновенно шесть мѣсяцевъ.

27-го марта Минихъ переправился черезъ рѣку Донъ и направился къ Азову, 31-го числа до разсвѣта, когда войско выступило въ походъ, генерал-маіоръ Спарейтеръ былъ отряженъ съ 600 человѣкъ пѣхоты и партіею казаковъ, чтобы служить авангардомъ и прогнать передовые посты непріятеля. Этотъ генералъ подвигался впередъ такъ осторожно и неслышно, что подошелъ къ двумъ зàмкамъ на берегу Дона, близехонько отъ Азова, и не былъ замѣченъ. Генералъ атаковалъ и взялъ зàмки, не потерявъ ни одного человѣка. Въ тоже время къ городу подступилъ съ арміею фельдмаршалъ, завладѣлъ нѣсколькими постами, разставилъ въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга нѣсколько редутовъ для прикрытія войска отъ вылазокъ изъ города и совершенно блокировалъ городъ съ суши.

По приказанію паши, турки, въ продолженіи всего дня, стрѣляли изъ пушекъ, извѣщая тѣмъ жителей, что крѣпость атакуютъ и чтобъ они укрылись въ городѣ; однако народъ предпочелъ искать спасенія у кубанскихъ татаръ. 3-го апрѣля, въ ночь, фельдмаршалъ приказалъ атаковать фортъ Лютисъ, который и былъ взятъ съ потерею одного поручика и трехъ рядовыхъ уби-

тыми и 12 человѣкъ ранеными. Въ фортѣ найдено 20 какъ чугунныхъ, такъ и желѣзныхъ пушекъ; 50 янычаръ, и при нихъ офицеръ, взяты въ плѣнъ, и вѣроятно столько же было убито. Русскимъ отрядомъ командовалъ снова генералъ Спарейтеръ (Sparreuter).

4-го числа въ лагерь прибылъ генералъ Левашевъ съ однимъ драгунскимъ полкомъ и тремя пѣхотными полками. Фельдмаршалъ передалъ ему начальство надъ войсками, облегавшими Азовъ съ суши, до прибытія графа Ласи, которому поручено было распорядиться осадою.

6-го числа фельдмаршалъ выѣхалъ изъ лагеря подъ Азовомъ къ Царицыну (городку въ двухъ лье отъ Днѣпра, на крайнемъ концѣ украинской линіи), гдѣ формировалась главная армія, которую онъ долженъ былъ принять подъ свое начальство. Въ день пріѣзда Миниха, 18-го числа, тутъ уже находилось нѣсколько пѣхотныхъ и драгунскихъ полковъ, подъ начальствомъ принца Гессен-Гомбургскаго. Остальная армія прибыла 19-го, 20-го и 21-го чиселъ. Она состояла изъ 12-ти драгунскихъ полковъ, 15-ти пѣхотныхъ, 10-ти полковъ милиціи, 10-ти гусарскихъ эскадроновъ и 12-ти т. казаковъ, въ томъ числѣ 5 т. донскихъ и 3 т. запорожскихъ; остальные были украинскіе. Численность всей арміи состояла изъ 50—54 т. человѣкъ. Подъ командою фельдмаршала находились слѣдующіе генералы: принцъ Гессен-Гомбургскій, главный начальникъ артилеріи, генерал-лейтенанты: Леонтьевъ и Измайловъ, генерал-маіоры: Шпигель, князь Репнинъ, Магнусъ Биронъ, Штофельнъ, Гейнъ, Таракановъ, Лесли и Аракчеевъ. Полкамъ розданъ запасъ хлѣба на два мѣсяца, и офицерамъ приказано взять съ собою по крайней мѣрѣ столько же. Фельдмаршалъ желалъ бы снабдить войско и бо́льшимъ запасомъ провизіи, потому что ея было много припасено въ теченіи зимы, но для этого не доставало подводъ. Все-таки изъ-за этого онъ не рѣшался откладывать походъ, а поручилъ генерал-маіору князю Трубецкому позаботиться объ этомъ дѣлѣ. Онъ приказалъ ему отправлять къ арміи большіе обозы по мѣрѣ того, какъ онъ добудетъ воловъ, и самому слѣдовать за арміею. Такъ какъ нѣсколько полковъ, по отдаленности зимнихъ квартиръ отъ границы, не поспѣли ко времени сбору всей арміи, то имъ велѣно прикрывать обозы и слѣдовать за арміею. Между тѣмъ,

князь Трубецкой дѣйствовалъ такъ медленно, что еще не успѣлъ кончить своихъ распоряженій, когда армія возвратилась въ Украйну. Обозы, имъ отправленные, были такъ незначительны, что не могли удовлетворять потребностямъ войскъ, которыя много терпѣли отъ голода, какъ это будетъ изложено ниже. Другая причина, побудившая Миниха начать походъ, заключалась въ томъ, что онъ никогда не воевалъ въ этой мѣстности и поэтому зналъ Крымъ только по разсказамъ казаковъ, бывшихъ тамъ по своимъ торговымъ дѣламъ; онъ повѣрилъ имъ, что этотъ край изобилуетъ всѣмъ до такой степени, что по прибытіи туда арміи, она найдетъ тамъ все нужное для своего существованія, не имѣя надобности въ подвозѣ припасовъ.

Армію раздѣлили на пять колоннъ: первую повелъ генералъ Шпигель, образуя авангардъ изъ трехъ пѣхотныхъ полковъ, трехъ драгунскихъ и части легкаго войска. Вторую колонну велъ принцъ Гессен-Гомбургскій, третью—генерал-лейтенантъ Измайловъ, четвертую—генерал-лейтенантъ Леонтьевъ, пятую и милицію генерал-маіоръ Таракановъ. Фельдмаршалъ большую часть времени слѣдовалъ съ авангардомъ. Четыре первыя колонны находились другъ отъ друга на разстояніи одного перехода; генералъ Таракановъ нѣсколько отсталъ отъ нихъ, потому что не находился еще на лицо въ то время, когда вся остальная армія выступила въ походъ. Въ этомъ порядкѣ армія шла вдоль рѣки Днѣпра, или въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки, вплоть до Каменнаго затона, напротивъ Сѣчи, столицы запорожскихъ казаковъ. Тутъ, 10-го мая, всѣ четыре колонны соединились. Армія сдѣлала еще пять переходовъ, не видя и не слыша ничего о непріятелѣ. Наконецъ, 17-го числа, во время стоянки войска на берегу рѣчки Дружки, верстахъ въ двухъ отъ передовыхъ постовъ, замѣчена была партія во сто человѣкъ. Казаки кинулись имъ на встрѣчу, однако никого не захватили. На другое утро, болѣе значительный непріятельскій отрядъ подошелъ къ правому крылу арміи и удалился, не связываясь даже съ казаками.

19-го числа фельдмаршалъ велѣлъ выступить пяти отрядамъ; каждый состоялъ изъ 400 драгуновъ и 500 казаковъ. Такъ какъ мѣстность представляла обширную равнину, то отрядамъ велѣно идти интервалами, имѣя другъ друга въ виду, и присоединиться къ тому отряду, который будетъ ближе къ непріятелю, и тогда

соединиться. Всѣми отрядами начальствовалъ генералъ Шпигель. Не прошли они и двухъ лье, какъ встрѣтили партію въ 200 ногайскихъ татаръ, которые, завидѣвъ издали русскихъ, немедленно бѣжали. Однако казаки нагнали ихъ, побили нѣсколькихъ и двоихъ взяли въ плѣнъ. Имѣя приказаніе двинуться на самое близкое разстояніе къ непріятелю, Шпигель не успѣлъ пройти еще двухъ лье, какъ нашелъ нужнымъ поспѣшно собрать всѣ отряды. На встрѣчу ему шелъ корпусъ въ 20 т. человѣкъ. Генералъ только что успѣлъ образовать изъ драгуновъ каре и спѣшить переднюю шеренгу, какъ непріятель окружилъ его со всѣхъ сторонъ. Съ гикомъ напалъ онъ на русскихъ и засыпалъ ихъ стрѣлами. Драгуны не смѣшались, стрѣляли не торопясь, только когда были увѣрены, что не промахнутся. Такой отпоръ такъ подѣйствовалъ на татаръ, что они не смѣли подойти къ каре ближе, какъ на сто шаговъ; ограничиваясь тѣмъ, что со всѣхъ сторонъ тревожили его, сдѣлали нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ и пустили чрезвычайно много стрѣлъ. Узнавъ объ опасности, которой подвергался генералъ Шпигель, фельдмаршалъ, въ главѣ 3,000 драгунъ и 2,000 казаковъ, отправился съ генераломъ Леонтьевымъ выручать его. За нимъ слѣдовали полковникъ Девицъ съ 10-ю гренадерскими ротами и пикетъ отъ всей пѣхоты. Непріятель, завидѣвъ ихъ, поспѣшно удалился, оставивъ на мѣстѣ 200 убитыхъ. Въ этой атакѣ, продолжавшейся болѣе шести часовъ сряду, Шпигель потерялъ 50 человѣкъ убитыми и ранеными. Самъ онъ и полковникъ Вейсбахъ были ранены. Большая часть ранъ произведена стрѣлами.

Это дѣло сильно подѣйствовало на обѣ стороны: татарамъ оно внушило небывалое уваженіе къ русскимъ, а русскіе стали презирать татаръ. Это впечатлѣніе много содѣйствовало успѣхамъ русскихъ въ этой войнѣ. Отъ взятыхъ въ плѣнъ татаръ узнали, что ханъ со всею своею арміею, состоящею изъ 100 т. человѣкъ, стоялъ лагеремъ въ 80-ти верстахъ оттуда; что корпусъ этотъ, подъ начальствомъ Калги-султана, былъ высланъ для рекогносцировки русскихъ, о движеніи которыхъ ханъ узналъ только дней десять тому назадъ. Калга-султанъ, т. е. главнокомандующій войска, есть высшее званіе у крымскихъ татаръ; въ этотъ санъ ханъ обыкновенно облекаетъ или родного брата, или

ближайшаго изъ своихъ родственниковъ; онъ же обыкновенно бываетъ преемникомъ хана.

Вся армія подошла къ самому мѣсту бывшаго сраженія, такъ называемой Черной Долинѣ, гдѣ и расположилась лагеремъ. 21-го числа армія выступила въ походъ, въ первый разъ образуя каре, въ серединѣ котораго находился багажъ, и этотъ порядокъ соблюдался во все время войны, каждый разъ, какъ армія находилась по близости непріятеля. Вновь взятые въ плѣнъ татары подтвердили, что въ непріятельской арміи считается по крайней мѣрѣ 100 т. человѣкъ, и что, кромѣ того, вообще всѣ жители Крыма были принуждены взяться за оружіе для защиты своихъ линій.

Армія расположилась въ мѣстности, называемой Татарскіе Колодцы; проточной воды здѣсь не имѣется на разстояніи шестнадцати верстъ кругомъ, но стоитъ прокопать землю на одинъ футъ глубины, какъ тотчасъ окажется очень хорошая вода. Армія провела въ этомъ лагерѣ нѣсколько дней; 24-го числа казаки захватили двухъ гонцовъ, ѣхавшихъ изъ Константинополя; у нихъ отобрали письма великаго визиря къ хану о томъ, чтобы послѣдній не надѣялся въ эту кампанію на помощь турокъ; какъ видно, визирь, казалось, былъ недоволенъ татарами, навязавшими Портѣ эту новую войну.

26-го числа армія, сдѣлавъ переходъ въ 24 версты, расположилась лагеремъ на рѣчкѣ Каланчѣ. При выступленіи арміи изъ прежняго лагеря, ее окружили татары, и съ крикомъ напали на нее со всѣхъ сторонъ. Русскіе отдѣлались отъ нихъ нѣсколькими выстрѣлами изъ пушекъ, которые были такъ удачны, что сразу многихъ положили на мѣстѣ. Это ихъ до того устрашило, что они бросились бѣжать и скрылись за линіями.

28-го числа армія расположилась лагеремъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ Перекопа. Слѣдующіе два дни были употреблены на устройство батарей; затѣмъ началось бомбардированіе города. Когда армія подошла къ крымскимъ линіямъ, фельдмаршалъ написалъ хану, что онъ посланъ сюда императрицею для наказанія татаръ за ихъ частые набѣги на Украйну и намѣренъ, во исполненіе даннаго ему повелѣнія, предать весь Крымъ разоренію; но что, если ханъ и его подданные намѣрены отдать себя подъ покровительство ея величества императрицы,

впустить въ Перекопъ русскій гарнизонъ и признать надъ собою владычество Россіи, то онъ, фельдмаршалъ, немедленно вступитъ въ переговоры и прекратитъ враждебныя дѣйствія; первымъ же условіемъ требуетъ сдачи Перекопа. Въ отвѣтъ на это письмо, 30-го числа, ханъ поручилъ мурзѣ, т. е. татарскому чиновнику, объяснить графу Миниху, что война не была объявлена, и поэтому его удивляетъ это нападеніе въ его собственномъ государствѣ; что крымскіе татары не вторгались насильственнымъ образомъ въ Россію; вѣроятно, то были ногайцы, народъ, хотя и пользующійся покровительствомъ крымскихъ татаръ, однако до того необузданный, что съ нимъ и справиться никогда не могли; Россія могла бы ограничиться взысканіемъ съ нихъ и наказать по своему усмотрѣнію всѣхъ, кого только удалось бы захватить, какъ это и было сдѣлано въ прошломъ году; а что онъ, самъ ханъ, такъ связанъ константинопольскимъ дворомъ, что не можетъ рѣшиться на разрывъ; что же касается до Перекопа, то онъ не воленъ надъ нимъ, потому что гарнизонъ, состоящій изъ турецкаго войска, не согласится на сдачу. Впрочемъ, ханъ просилъ прекратить военныя дѣйствія, предлагая вступить въ переговоры; а заключилъ объявленіемъ, что если на него нападутъ, то онъ будетъ защищаться всѣми силами.

Фельдмаршалъ, видя, что противъ татаръ остается только употребить оружіе, отпустилъ мурзу съ отвѣтомъ хану, что послѣ отказа его отъ милости императрицы и отъ предлагаемыхъ мѣръ кротости, онъ увидитъ опустошеніе страны и пылающіе города; что, зная вѣроломство татаръ, онъ не можетъ имъ вѣрить, когда они предлагаютъ переговоры. По отъѣздѣ мурзы, велѣно арміи готовиться къ наступленію.

Тотчасъ по пробитіи зори, полки встали подъ ружье; въ лагерѣ оставлены больные и по десяти человѣкъ изъ каждой роты для охраны обозовъ. Армія, взявъ дирекцію (marche par sa droite en six colonnes) направо, шла шестью колоннами; къ полуторѣ тысячѣ человѣкъ, отряженнымъ къ батареямъ, присоединена еще тысяча, и велѣно имъ подойти къ правому флангу линіи и за часъ до разсвѣта произвести фальшивую атаку для привлеченія вниманія непріятеля въ эту сторону. Армія шла всю ночь въ глубокомъ молчаніи. Въ верстѣ отъ линій, она остановилась на часовой отдыхъ, въ ожиданіи разсвѣта. Ничего не зная о дви-

женіи арміи, татары обратили всѣ свои силы къ сторонѣ фальшивой атаки, и очень удивились, увидѣвъ слѣва отъ себя армію, построенную въ шесть колоннъ. Русскіе солдаты съ величайшею смѣлостію бросились въ атаку; сначала непріятельскій огонь былъ очень силенъ, да и ровъ оказался глубже и шире, нежели полагали; но какъ онъ былъ сухъ, то солдаты, спустившись туда и съ помощью пикъ и штыковъ помогая другъ другу, стали взбираться на верхъ. Между тѣмъ, артиллерія не переставала громить брустверъ. Увидавъ, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, татары не дождались появленія русскихъ на верху бруствера и обратились въ бѣгство, бросивъ свой лагерь, впрочемъ довольно скудно снабженный. Теперь армія могла перейти линіи, не встрѣчая уже препятствій. Онѣ довольно своеобразны, что̀ можно видѣть изъ слѣдующихъ подробностей. Длина ихъ 7 верстъ, отъ Азовскаго (Palus Meotides) до Чернаго моря. Входъ къ нимъ одинъ, по большой дорогѣ къ Перекопу, входящему въ составъ линій; вдоль линій выстроено шесть каменныхъ башень, защищенныхъ пушками. Ширина рва 12 туазовъ, глубина 7, а вышина отъ дна до верхняго края бруствера 70 футъ, при соразмѣрной толщинѣ бруствера. Надъ этими линіями до самого окончанія ихъ работали въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ 5,000 человѣкъ, и татары воображали, что линіи неприступны. Правда, что всякое другое войско, кромѣ татарскаго, съумѣло бы не такъ затруднить переходъ черезъ нихъ. Тѣмъ не менѣе входъ въ Крымъ былъ и иначе доступенъ. Въ послѣдствіи узнали, что рукавъ Азовскаго моря, къ которому примыкаютъ линіи, лѣтомъ до того мелѣетъ, что глубина въ немъ не превышаетъ трехъ футъ, такъ что можно обойти линіи. Въ слѣдующіе два похода, графъ Ласи этимъ путемъ прошелъ въ Крымъ. Въ упомянутыхъ мною башняхъ, выстроенныхъ вдоль линій, еще держался гарнизонъ, состоявшій изъ янычаръ. Изъ ближайшей къ арміи башни канонада продолжалась и побила нѣсколько людей. Тогда графъ Минихъ поручилъ принцу Гессенскому отрядить туда офицера съ людьми съ тѣмъ, чтобы выбить оттуда непріятеля. На ту пору, что̀ принцъ получилъ этотъ приказъ, при немъ находился капитанъ Петербургскаго гренадерскаго полка, Манштейнъ. Послѣдній просилъ назначить его туда, на что принцъ согласился. Съ 60-ю человѣкъ своей роты, Манштейнъ

отправился. Топорами разрубили дверь въ башню, не взирая на огонь непріятеля; капитанъ вошелъ съ горстью людей, предлагая непріятелямъ сдаться; турки согласились и начали-было складывать оружіе, какъ одинъ изъ гренадеръ ударилъ штыкомъ янычара; взбѣшенные этимъ поступкомъ, турки снова взялись за сабли и стали защищаться; они убили шестерыхъ гренадеръ и ранили 16, въ томъ числѣ и капитана. Зато всѣ 160 янычаръ, охранявшихъ башню, были заколоты. Гарнизоны прочихъ башень поступили умнѣе: бѣжали всѣ во-время, вслѣдъ за татарами. Все это дѣло стоило русскимъ убитыми одного офицера и 30 ти человѣкъ рядовыхъ, да ранеными 1 офицера и 176-ти человѣкъ рядовыхъ. Фельдмаршалъ отрядилъ 2,000 рабочихъ, которымъ было поручено въ нѣсколькихъ мѣстахъ линій проложить дорогу для обоза арміи, ставшей лагеремъ на той сторонѣ. А въ покинутый за-ночь русскій лагерь вступилъ генералъ Таракановъ съ своими полками милиціи.

Фельдмаршалъ требовалъ отъ коменданта Перекопской крѣпости, чтобы онъ сдался. Паша просилъ сутки сроку на размышленіе, на это послѣдовало согласіе; по прошествіи этого срока, 1-го іюня, онъ поручилъ двумъ своимъ офицерамъ просить Миниха о свободномъ пропускѣ его съ гарнизономъ, для присоединенія къ татарскому хану. Сначала хотѣли, чтобы онъ сдался военно-плѣннымъ, но послѣ его отказа и еще нѣсколькихъ переговоровъ, ему дали обѣщаніе, что его проводятъ до первой приморской пристани, откуда онъ съ своими людьми долженъ отплыть въ Турцію; и взято съ него слово, что онъ въ теченіи двухъ лѣтъ не будетъ участвовать въ войнѣ противъ Россіи. Однако русскіе нарушили условія. По выходѣ коменданта съ гарнизономъ въ 2,554 человѣка изъ крѣпости, съ нимъ поступили какъ съ военно-плѣннымъ. На жалобы его отвѣчали, что Порта и ханъ, въ противность условію послѣдняго трактата, задержали 200 человѣкъ русскихъ купцовъ, и поэтому, пока ихъ не выпустятъ, и ему не дадутъ свободы. Турецкій гарнизонъ замѣнили 800 гренадеръ, а графъ Минихъ расположился въ городѣ на квартирѣ. Въ складахъ не оказалось большаго запаса; въ крѣпости и въ башняхъ насчитали до 60-ти пушекъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ съ русскимъ гербомъ, отнятыхъ во время несчастнаго похода въ Крымъ князя Голицына въ прошломъ столѣтіи.

Въ городѣ Перекопѣ до 800 домовъ, бо̀льшею частію деревянныхъ; улицы, какъ во всѣхъ турецкихъ городахъ, очень узки, а городскія стѣны фланкированы башнями старинной формы укрѣпленія, изъ дурнаго песчаника, который разсыпается при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Однимъ словомъ, Перекопъ не можетъ выдержать осады. Бѣлозерскому полку велѣно занять городъ, а командиръ полка Девицъ назначенъ комендантомъ крѣпости. Кромѣ того, графъ Минихъ отдалъ подъ его команду 600 казаковъ и принялъ также другія мѣры для защиты линій. 4-го іюня генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ съ 10 т. регулярнаго войска и 3 т. казаковъ былъ отряженъ къ Кинбурну, укрѣпленному городку по сю-сторону устья Днѣпра, противъ Очакова, съ цѣлью взять Кинбурнъ и преградить буджакскимъ татарамъ переправу черезъ рѣку. Въ тотъ же день фельдмаршалъ собралъ военный совѣтъ для обсужденія дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. По мнѣнію почти всѣхъ генераловъ, надлежало арміи стоять у Перекопа, до самаго конца похода, и высылать только отряды въ непріятельскій край для опустошенія его. Но Минихъ, мечтавшій не болѣе и не менѣе, какъ о завоеваніи Крыма, не согласился съ этимъ мнѣніемъ. Онъ доказывалъ, что предлагаемыя дѣйствія ни къ чему не поведутъ, и самое взятіе Перекопа безполезно, если изъ побѣды не будутъ извлечены всѣ выгоды; а отряжать людей небольшими партіями во внутрь страны слишкомъ опасно, потому если бы они зашли далеко въ край, то ихъ было бы легко отрѣзать и разбить. Тогда генералы стали представлять графу Миниху необходимость выждать по крайней мѣрѣ первые обозы съ припасами, такъ какъ въ наличности оставалось хлѣба на армію только на 12 дней. На это Минихъ возразилъ, что армія, находясь въ непріятельской землѣ, должна стараться и продовольствоваться на счетъ татаръ; цѣль похода, по мыслямъ двора, состоитъ именно въ томъ, чтобы не давать вздохнуть этимъ разбойникамъ и разорять ихъ край, если не удастся утвердится въ немъ болѣе прочнымъ образомъ. И затѣмъ фельдмаршалъ приказалъ, чтобы армія готовилась въ походъ на другой день. Съ этой минуты, Минихъ и принцъ Гессенскій перестали быть друзьями; образъ же дѣйствій принца въ этотъ походъ, какъ и въ слѣдующій, не принесъ ему чести.

5-го іюня фельдмаршалъ выступилъ изъ окрестностей Пере-

копа, направляясь къ центру Крыма. Татары совершенно окружили армію, которая постоянно шла въ каре. Они не переставали безпокоить ее, но только издали, а какъ скоро приближались на разстояніе пушечнаго выстрѣла, то достаточно было нѣсколькихъ ядеръ, чтобы разогнать ихъ. 8-го числа они могли бы надѣлать много вреда русскимъ, если-бъ съумѣли воспользоваться случаемъ. Направляясь по дорогѣ къ Козлову, армія подошла къ морскому проливу, называемому Балчикъ, черезъ который надо было переправиться, а моста не было. Казаки отыскали нѣсколько мелкихъ мѣстъ и армія прошла ихъ въ бродъ; при этомъ въ каре образовался интервалъ въ полторы тысячи шаговъ; человѣкъ двѣсти татаръ ринулись въ образовавшійся промежутокъ, и вмѣсто того, чтобы схватиться съ войскомъ, принялись расхищать обозъ, а отстоявшая оттуда на пушечный выстрѣлъ татарская армія только поглядывала на нихъ. Русскіе успѣли тѣмъ временемъ сомкнуться; порядочное число татаръ побито, у прочихъ на столько хватило духу, что они саблями очистили себѣ дорогу.

9-го числа армія стояла на мѣстѣ. Извѣстясь, что непріятель стоитъ въ 12-ти верстахъ оттуда, фельдмаршалъ подъ вечеръ отрядилъ всѣхъ гренадеръ арміи, 1,500 драгунъ и 2,000 донскихъ казаковъ и, поручивъ ихъ начальству генералъ-маіора Гейна, приказалъ имъ идти всю ночь со всевозможными предосторожностями и стараться напасть на непріятеля на разсвѣтѣ въ расплохъ.

Если-бъ это дѣло было поручено не генералу Гейну, а всякому другому, то оно имѣло бы успѣхъ, и не малая часть непріятельскаго войска была бы уничтожена. Этотъ же генералъ, чѣмъ бы ускорить маршъ, провелъ половину ночи въ ранжировкѣ солдатъ и подвигался медленно. Донскіе казаки, выступивъ впередъ, на разсвѣтѣ ударили на татарскій лагерь, гдѣ почти всѣ еще спали, и принялись колоть и рубить все что̀ попадало подъ руку. Поднялась тревога, татары вскочили на лошадей, и, увидѣвъ, что имѣютъ дѣло только съ казаками, въ свою очередь ударили на нихъ и принудили съ большою потерею ретироваться. Они могли бы совершенно разбить ихъ, если бы, завидѣвъ приближавшійся отрядъ генерала Гейна, сами не обратились въ бѣгство, бросивъ свой лагерь, въ которомъ нашлось много фуража и нѣсколько палатокъ.

Фельдмаршалъ выступилъ въ походъ какъ только занялся день; въ оставленной непріятелемъ мѣстности расположились лагеремъ. Потеря была почти равная съ обѣихъ сторонъ, а именно около 300 человѣкъ, съ тою разницею, что у непріятеля убито нѣсколько знатныхъ начальниковъ.

По приказанію графа Миниха, Гейнъ, за неисполненіе данныхъ приказаній, былъ арестованъ и отданъ подъ военный судъ, который приговорилъ его къ лишенію чиновъ и дворянства и къ пожизненной службѣ рядовымъ въ драгунахъ милиціи. Приговоръ былъ буквально исполненъ. Это было довольно строгое наказаніе за проступокъ, заключавшійся въ трусости, а можетъ быть, и глупости, или неумѣньи распорядиться какъ слѣдуетъ. Но въ Россіи строгость—условіе первой необходимости, потому что тамъ примѣры снисхожденія не производятъ того дѣйствія, что̀ строгость. Тамъ привыкли ничего не дѣлать, если не заставятъ силою.

Несмотря на то, что планъ—напасть въ расплохъ на татаръ и разбить ихъ не имѣлъ всего желаемаго успѣха, послѣдніе уже не отваживались стоять на близкомъ разстояніи отъ русской арміи; они даже оставили ее въ покоѣ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, показываясь только малыми отрядами и то издали.

Армія продолжала походъ по направленію къ Козлову, и 15-го іюня подошла къ городу на разстояніе восьми верстъ, откуда усмотрѣнъ былъ сильный пожаръ. 16-го — графъ Минихъ отрядилъ всѣхъ гренадеръ арміи, донскихъ казаковъ и запорожцевъ и, поручивъ начальство надъ ними генералу Магнусу Бирону, приказалъ атаковать Козловъ. Ворота города оказались открытыми и все предмѣстье въ огнѣ: татары подожгли дома христіанскихъ купцовъ. Обыватели же изъ турковъ удалились по направленію къ Бахчисараю, а турецкій гарнизонъ, сѣвъ на суда, которыхъ было тридцать, отплылъ въ Константинополь. Въ городѣ оставалось только около 40 купцовъ изъ армянъ.

Козловъ окруженъ прочною каменною стѣною, снабженною большими башнями; ровъ очень широкій, и высѣченъ въ скалѣ. Гавань хорошая и просторная, способная вмѣстить до 200 судовъ. Это самый торговый городъ въ Крыму; въ немъ до 2,500 домовъ, бо̀льшею частію каменныхъ, и нѣсколько красивыхъ мечетей; есть и христіанская церковь въ предмѣстьи. Турки обыкновенно содержатъ въ Козловѣ гарнизонъ въ 3,000 человѣкъ.

Передъ удаленіемъ своимъ изъ города, обыватели постарались скрыть свое имущество, иное закопавъ въ землю, другое спустивъ въ колодцы; однако солдаты и казаки съумѣли добраться до всего; добыча золота, серебра, жемчугу, разныхъ матерій и платья была очень велика. Въ особенности значительно было количество мѣдной посуды, которую нельзя было взять съ собою. Найдены еще 21 чугунная пушка и значительное количество свинца; рису и пшеницы было такое изобиліе, что этихъ запасовъ стало бы на армію, болѣе многочисленную, нежели была русская. Минихъ приказалъ раздать всей арміи провизіи на 34 дня; чувствовался уже недостатокъ въ хлѣбѣ.

По дорогѣ отъ Перекопа до Козлова былъ часто недостатокъ въ водѣ. Татары, покидая свои деревни, не довольствовались сожженіемъ фуража, но еще портили воду въ колодцахъ, бросая въ нихъ всякія нечистоты. Въ этомъ краѣ рѣчная вода очень рѣдка. Отъ Перекопа до Козлова, на протяженіи почти полутораста верстъ, встрѣчаются только три рѣчки съ прѣсной водою. Причина та, что въ Крыму много соленыхъ озеръ, отъ которыхъ вода вытекающихъ изъ нихъ рѣчекъ тоже дѣлается негодною для питья. Понятно, что этотъ недостатокъ не остался безъ вреднаго вліянія на здоровье войска и что въ немъ стали обнаруживаться болѣзни. Еще болѣе ослабли люди отъ того, что обычный для солдата кисловатый ржаной хлѣбъ здѣсь замѣнялся прѣснымъ пшеничнымъ. Солдаты сами мололи муку въ ручныхъ мельницахъ, находимыхъ въ селахъ, черезъ которыя проходило войско и которыя всѣ были выжжены.

Казаки ухитрились захватить 10 т. барановъ и нѣсколько сотень рогатаго скота; солдатъ не могъ нарадоваться этому празднику, потому что двѣ недѣли не приходилось ему ѣсть мясное.

18-го числа къ арміи примкнулъ генералъ Лесли, везя съ собою, подъ конвоемъ изъ 2,000 человѣкъ, подводы съ провизіею, запасенною въ Украйнѣ. Наканунѣ вся непріятельская армія произвела на него нападеніе; но генералъ съ такимъ успѣхомъ употребилъ въ дѣло два полевыя орудія, взятыя имъ въ Перекопѣ, что татары, потревоживъ русскихъ четыре часа сряду и потерявъ много людей, принуждены были отступить. Татары подходили уже къ самымъ рогаткамъ. Генералъ самъ убилъ одного ударомъ шпаги.

Армія простояла пять дней подъ Козловомъ, какъ для отдыха, такъ и для печенія хлѣба. 21-го числа она выступила въ походъ, по направленію къ Бахчисараю и держась берега Чернаго моря. Со времени вступленія войскъ въ Крымъ, они еще не находили такого изобилія въ водѣ и фуражѣ; непріятель не полагалъ, что они пойдутъ по этой дорогѣ, и потому не истреблялъ ничего, а Минихъ еще раньше распустилъ ложный слухъ, будто онъ возвращается прямо въ Перекопъ, но по другой дорогѣ. Татары дались въ обманъ, и произвели большое опустошеніе по другому направленію.

22-го числа фельдмаршалъ отрядилъ генералъ-поручика Измайлова и генералъ-маіора Лесли съ двумя драгунскими полками, четырьмя пѣхотными и съ нѣсколькими казаками, для слѣдованія влѣво отъ арміи, чтобы выбить непріятеля изъ нѣкоторыхъ селеній. Однако татары довольно упорно отбивались, чего никакъ нельзя было ожидать; наконецъ, они были вынуждены бѣжать. Русскіе забрали множество скота, который отведенъ былъ въ армію и розданъ солдатамъ. Въ этой схваткѣ русскіе потеряли убитыми одного офицера и двухъ казаковъ, а ранеными одного маіора и двадцать человѣкъ солдатъ. Отъ военно-плѣнныхъ узнали, что ханъ поджидаетъ прибытія отъ 6 до 7 т. турокъ, которыхъ капитанъ-паша вышлетъ ему съ флота, вошедшаго въ Кафскую гавань вслѣдствіе того, что онъ не могъ ничего предпринять противъ русскихъ подъ Азовомъ.

27-го числа армія подошла къ ущельямъ холмовъ, которые ограждаютъ равнину подъ Бахчисараемъ. Непріятель стоялъ на высотахъ въ весьма выгодной позиціи. Такъ какъ дорога, по которой надлежало идти на Бахчисарай, была очень затруднительна, къ тому же походъ этотъ надобно было совершить скрытно отъ непріятеля, то фельдмаршалъ рѣшился идти туда только съ отборнымъ войскомъ, а обозы и больныхъ оставить позади, подъ охраною четвертой части арміи, ввѣривъ ее начальству генералъ-маіора Шпигеля. Онъ выступилъ ввечеру, тотчасъ по пробитіи зори. Выступленіе совершено въ такомъ порядкѣ и въ такой тишинѣ, что непріятель не слыхалъ, какъ русскіе обошли его лагерь, и очень удивился, когда на разсвѣтѣ увидалъ его подъ Бахчисараемъ. Довольно большой отрядъ татаръ, съ примѣсью янычаръ, съ яростью бросился на донскихъ казаковъ и на распо-

ложенный по близости их Владимірскій пѣхотный полкъ. Нападеніе было сдѣлано съ такою силою, что казаки подались назадъ, а у пѣхотнаго полка отбита пушка. Когда же фельдмаршалъ выдвинулъ впередъ пять другихъ пѣхотныхъ полковъ и нѣсколько орудій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лесли, то непріятель недолго могъ выдержать огонь, и бѣжалъ, бросивъ и захваченную имъ пушку. По отступленіи непріятеля, Минихъ отправилъ четвертую часть арміи въ городъ для разграбленія, а прочія оставались подъ ружьемъ. Всѣ обыватели бѣжали изъ города, спасши свое лучшее имущество въ горахъ; тѣмъ не менѣе добыча русскихъ была значительна.

Бахчисарай въ переводѣ значитъ садовый дворецъ; это обыкновенное мѣстопребываніе крымскаго хана. Городъ росположенъ въ глубокой долинѣ; домовъ въ немъ около 2,000; треть этого числа принадлежитъ грекамъ, у которыхъ тутъ же и церковь своя. Существовала и іезуитская миссія; но такъ какъ она была принуждена слѣдовать за ханомъ, то и домъ, и библіотека ея также мало были пощажены, какъ и всѣ другіе дома. Ханскій дворецъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ большихъ, довольно красивыхъ и очень опрятныхъ зданій, былъ обращенъ въ пепелъ, какъ весь городъ. Въ послѣднемъ не было никакого укрѣпленія.

Непріятель немедленно послѣ того, какъ онъ былъ отброшенъ подъ Бахчисараемъ, отрядилъ большой корпусъ для нападенія на генерала Шпигеля, шедшаго съ обозомъ. Встрѣтивъ украинскихъ казаковъ внѣ лагеря на фуражировкѣ, татары напали на нихъ, имѣли сначала успѣхъ, побили человѣкъ двѣсти и столько же взяли въ плѣнъ; но съ регулярнымъ войскомъ они не могли совладать. Нѣсколько разъ накидывались они на ограду, составленную изъ обозныхъ телѣгъ, но всякій разъ были отброшены съ потерею, и дѣло кончилось тѣмъ, что они бросили попытку.

29-го числа армія удалилась отъ окрестностей Бахчисарая и расположилась лагеремъ на берегу рѣки Альмы, гдѣ присоединился къ ней и обозъ.

3-го іюля фельдмаршалъ отрядилъ генералъ-поручика Измайлова и генералъ-маіора Магнуса Бирона съ регулярнымъ войскомъ въ 8 т. человѣкъ, 2 т. казаковъ и 10 орудіями для атаки города Акмечети, или Султанъ-сарая[1]), мѣстопребыванія

[1]) Султанъ-сарай—значитъ дворецъ султана. Прим. авт.

Калги-султана и знатнѣйшихъ мурзъ. Они не нашли тамъ почти никого, потому что за два дни передъ тѣмъ жители бѣжали. Найденные припасы свезены въ лагерь, а городъ съ его домами, числомъ до 1,800, бо̀льшею частію деревянными, преданъ пламени. На обратномъ пути отрядъ былъ атакованъ непріятелемъ; съ нимъ обошлись по обыкновенію; у русскихъ убито 4 солдата и 8 казаковъ, и ранено нѣсколько человѣкъ.

Съ этого дни армія видѣла непріятеля только вдали, и то отдѣльными небольшими партіями. Бѣжавшій изъ плѣна грузинъ говорилъ, что турки удалились въ Кафу, а татары—въ горы, рѣшившись болѣе не утомлять себя напрасными усиліями преграждать русскимъ дорогу, а только слѣдить за русскою арміею посредствомъ небольшихъ отрядовъ, и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея.

До сихъ поръ армія шла по дорогѣ въ Кафѣ, и фельдмаршалу весьма бы хотѣлось овладѣть этимъ городомъ и устроить тутъ прочное укрѣпленіе; но въ арміи стала обнаруживаться замѣтная убыль; третья доля ея подверглась болѣзнямъ, а прочія состояли изъ людей до того слабыхъ, что они едва передвигали ноги. Я уже выше указалъ на нѣкоторыя причины тому; къ нимъ присоединился зной, ставшій нестерпимымъ. И такъ, рѣшено было возвратиться въ Перекопъ и тамъ переждать жары. Непріятель опустошилъ всю окрестность Кафы и сжегъ всѣ села, чтобы отнять у русскихъ всѣ средства къ продовольствію. Какъ же татары озлобились, когда увидали, что русскіе пошли къ Перекопу!

17-го іюля армія пришла сюда и весьма обрадовалась, когда нашла тутъ провизію сухарей, достаточную на 2 недѣли и доставленную изъ Украйны съ двумя полками драгунъ, подъ командою генералъ-маіора Аракчеева. При этомъ случаѣ подъѣхало не мало маркитантовъ съ водкою и разными припасами, такъ что послѣ всѣхъ понесенныхъ войскомъ трудовъ оно пользовалось наконецъ нѣкоторымъ избыткомъ. 18-го числа въ арміи присоединились три драгунскіе полка, стоявшіе на Дону; ими командовалъ полковникъ Ведель. Съ ними пришелъ еще обозъ съ припасами, хотя и незначительный. А такъ какъ фуражу было весьма мало на линіяхъ, то полковнику Веделю приказано отвести полки свои въ степь, за 24 версты отъ Перекопа, и тамъ расположиться лагеремъ.

VIII.

Взятіе Кинбурна.—Генералъ Шпигель отряженъ въ походъ.—Русская армія выступаетъ изъ Крыма и возвращается въ Украйну.—Продолженіе осады Азова.—Прибытіе графа Ласи подъ Азовъ.—Походъ фельдмаршала Ласи въ Крымъ.—Набѣги татаръ.—Ханъ крымскій низложенъ.—Экспедиція Донъ-Дукъ-Омбы.—Возвращеніе десятитысячнаго корпуса съ Рейна.—Размышленія о походѣ 1736 г.—Порядки, которыхъ держались русскіе во время похода противъ турокъ.—Перечисленіе ихъ обоза.—Какимъ образомъ поддерживалось сообщеніе съ Украйною.—Зимнія квартиры русскаго войска.—Набѣги татаръ.—Порядокъ, наблюдаемый татарами въ походѣ.—Сигналы, устроенные по границѣ.

1736—1737.

По прибытіи арміи въ Перекопъ, генералъ поручикъ Леонтьевъ далъ знать фельдмаршалу, что онъ съ корпусомъ своимъ подошелъ почти подъ самый Кинбурнъ и посылалъ своего адъютанта Зоммера къ коменданту съ требованіемъ сдаться; комендантъ немедленно вступилъ въ переговоры и сдалъ крѣпость подъ условіемъ, что ему дозволятъ выдти съ гарнизономъ, состоящимъ изъ 2,000 янычаръ, въ Очаковъ. Такимъ образомъ взятіе города Кинбурна не стоило Россіи ни одного человѣка, да и въ продолженіи всей этой экспедиціи только 3 или 4 человѣка были убиты въ стычкѣ. Въ городѣ содержались въ неволѣ 250 русскихъ, которыхъ освободили; тамъ же найдено 49 орудій и 3,000 лошадей.

Казаки отняли у непріятеля 30 т. барановъ и отъ 4-хъ до 5-ти сотень рогатаго скота, которые были скрыты имъ въ лѣсу.

По взятіи Кинбурна, генералъ Леонтьевъ спокойно стоялъ съ войскомъ въ лагерѣ подъ крѣпостью. Дѣла у него не было, потому что ни турки, ни буджакскіе татары не покушались перейти за Днѣпръ.

Фельдмаршалъ Минихъ простоялъ у Перекопа до 28-го августа, и въ это время сдѣлалъ нѣсколько распоряженій относительно продовольствія войска и облегченія обратнаго пути въ Россію.

Перекопскій турецкій гарнизонъ, слѣдовавшій за арміею во время всѣхъ ея переходовъ, былъ отправленъ подъ крѣпкимъ конвоемъ въ Украйну. Ханъ не выпускалъ русскихъ купцовъ изъ плѣна, въ противность условій послѣднихъ договоровъ, поэтому и петербургскій дворъ счелъ себя въ правѣ отплатить тѣмъ же.

Фельдмаршалъ извѣстился, что небольшой проливъ въ Азовскомъ морѣ, примыкающій къ перекопскимъ линіямъ, такъ мелокъ

во многихъ мѣстахъ, что его можно переходить въ бродъ, и что татары безпрепятственно переправляютъ черезъ него большіе отряды войска, съ цѣлью атаковать редуты, устроенные въ степяхъ для удобства сообщеній съ Украйною и для охраны идущихъ оттуда обозовъ. Минихъ отрядилъ генералъ-маіора Шпигеля съ пятью полками драгунъ и 2,000 казаковъ, съ порученіемъ препятствовать непріятелю выходъ изъ Крыма и строго наблюдать за всѣми дорогами.

Несмотря на всѣ принятыя противъ татаръ предосторожности, эти разбойники успѣвали однако иногда уводить лошадей и скотъ русской арміи, особенно со времени возвращенія ея къ Перекопу. По недостатку подножнаго корма въ окрестностяхъ лагеря, русскіе принуждены были выводить лошадей по ту сторону линій, въ степи, за 24 версты отъ лагеря. Какъ ни остерегались эти отряды, однако татары нѣсколько разъ захватывали ихъ въ расплохъ, и въ короткое время угнали до 1,500 лошадей. Посылали за ними и въ погоню, но безъ успѣха.

Для сбереженія запасовъ и фуража, который съ каждымъ днемъ становился рѣже, фельдмаршалъ отправилъ запорожскихъ и украинскихъ казаковъ на ихъ родину. Первымъ велѣно высылать почаще небольшіе отряды къ сторонѣ Очакова и Бендеръ, и стараться провѣдать о намѣреніяхъ турокъ, какъ и о томъ, гдѣ стоитъ ихъ армія.

Вслѣдствіе представленія, сдѣланнаго фельдмаршаломъ двору о невозможности держаться долѣе въ Крыму, онъ получилъ приказаніе отвести армію въ Украйну. Для облегченія похода, онъ отрядилъ генералъ-маіора Магнуса Бирона съ шестью драгунскими полками и 2,000 донскихъ казаковъ въ конвой для больныхъ арміи.

25-го числа (іюля) 3,000 человѣкъ были откомандированы на линіи для срытія ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и разрушенія башенъ, въ тоже время стали подводить подкопы подъ стѣны города. 27-го числа вся артиллерія и гарнизонъ выведены изъ крѣпости, а 28-го, утромъ, русская армія вышла изъ Крыма, двумя колоннами. Часъ спустя, мины были взорваны и разрушена часть стѣнъ и нѣсколько домовъ города Перекопа.

Армія подвигалась безпрепятственно. Со дня выступленія изъ Крыма по 27-е сентября, когда армія подошла къ рѣкѣ Самарѣ,

непріятель ни разу не осмѣлился ее атаковать. Татары слишкомъ были рады избавиться отъ непрошенныхъ гостей, и къ тому же у самихъ у нихъ было много дѣла по устройству у себя порядка, такъ что имъ было ужъ не до преслѣдованія русскихъ во время ихъ отступленія.

2-го сентября генералъ-поручикъ Леонтьевъ съ корпусомъ своимъ присоединился къ арміи, ведя за собою 20 т. барановъ изъ тѣхъ 30 т., которые были уведены казаками; ихъ роздали солдатамъ.

Господинъ Шпигель, котораго первоначально отрядили съ порученіемъ препятствовать татарамъ переходить въ бродъ Гнилое Море, получилъ приказаніе идти прямо на Бахмутъ, и изслѣдовать мѣстность на пути туда, чтобы удостовѣриться, не легче-ли идти въ Крымъ этою дорогою, нежели вдоль Днѣпра. Оказалось, что преимущество на сторонѣ бахмутской дороги: во-первыхъ, путь былъ короче, во-вторыхъ, удобнѣе было на походѣ достать лѣсу и воды. Вотъ почему въ два другіе похода, слѣдовавшіе за крымскою экспедиціею, генералъ Ласи всегда избиралъ эту дорогу. Корпусъ Шпигеля на пути своемъ только разъ былъ атакованъ; непріятель, отраженный съ большою потерею, уже не возобновлялъ нападенія.

По приходѣ арміи къ рѣкѣ Самарѣ, фельдмаршалъ сдѣлалъ смотръ всѣмъ полкамъ. Тѣ изъ нихъ, которые участвовали въ крымскомъ походѣ, представляли большую перемѣну; въ началѣ похода они находились въ полномъ комплектѣ [1]), по окончаніи же похода, ни одинъ полкъ не могъ поставить въ знаменной линіи 600 человѣкъ. Такимъ образомъ половина арміи погибла въ одномъ только походѣ, и замѣчательно то, что въ бою пало или взято въ плѣнъ непріятелемъ менѣе 2,000 человѣкъ, включая сюда и казаковъ.

Одинъ только корпусъ генералъ-поручика Леонтьева сохранился въ цѣлости, такъ какъ онъ спокойно простоялъ подъ Кинбурномъ, по взятіи этой крѣпости.

Полки отпущены на зимнія квартиры въ Украйну, но при этомъ старались размѣстить ихъ такъ, чтобы они, по первому

---

[1]) Въ то время, въ пѣхотномъ полку числилось два баталіона, всего 1,280 человѣкъ рядовыхъ. Полный же комплектъ съ офицерами и унтеръ-офицерами доходилъ до 1,575 человѣкъ. Прим. авт.

приказанію, могли немедленно соединиться, въ случаѣ, что татары вздумали бы вторгнуться въ Россію зимою.

Покуда фельдмаршалъ Минихъ былъ занятъ въ Крыму, фельдмаршалъ Ласи производилъ осаду Азова. Изложу наиболѣе замѣчательныя событія этой осады.

Когда фельдмаршалъ Минихъ оставилъ корпусъ арміи, назначенный для осады, то временный командиръ этого корпуса, генералъ Левашевъ, въ ожиданія прибытія Ласи, распорядился еще тѣснѣе обложить городъ и занялся укрѣпленіемъ своего лагеря, для защиты отъ всякихъ нападеній со стороны осажденныхъ, потому что гарнизонъ города едва-ли не превосходилъ числомъ осаждавшее его регулярное войско.

14-го апрѣля, 300 человѣкъ кавалеріи и столько же пѣхоты сдѣлали вылазку, цѣля напасть на обозъ въ полтораста телѣгъ съ припасами, конвоируемый однимъ поручикомъ съ сотнею людей. Этотъ офицеръ, увидавъ издали приближающихся турокъ, окружилъ себя обозомъ въ видѣ ретраншемента, и такъ удачно защищался въ теченіи двухъ часовъ сряду, что далъ время казакамъ придти къ нему на помощь, и непріятель былъ отброшенъ назадъ въ городъ.

Эта неудача не лишила осажденныхъ мужества. Два дни спустя, они произвели вторую вылазку съ 1,000 янычаръ и 500 конныхъ, и ударили на редуты, устроенные для стѣсненія крѣпости. Конница атаковала донскихъ казаковъ, разставленныхъ между редутами, межъ тѣмъ какъ янычары съ удивительнымъ мужествомъ бросились на одинъ изъ редутовъ; однако ихъ нѣсколько разъ отражали, и, наконецъ, обратили въ бѣгство и преслѣдовали до города. Въ этомъ дѣлѣ непріятель лишился болѣе 100 человѣкъ и офицера, командовавшаго вылазкою; русскіе же потеряли всего семнадцать человѣкъ убитыми и ранеными.

6-го мая почти весь гарнизонъ вышелъ изъ города, съ цѣлію атаковать русскую армію. Извѣщенный о томъ генералъ приказалъ донскимъ казакамъ скрыться въ засадѣ. Прождавъ тутъ, покуда не вышла большая часть непріятеля, казаки внезапно выскочили изъ засады и ударили въ тылъ и во флангъ турокъ; опрокинули все, что встрѣтили на пути и принудили ихъ скрыться за своими стѣнами, послѣ значительной потери. Послѣ

этой схватки, осажденные нѣкоторое время не трогались съ мѣста.

15-го мая, наконецъ-то прибылъ въ лагерь подъ Азовъ графъ Ласи, едва не попавъ въ плѣнъ къ татарамъ. Этотъ генералъ, возведенный императрицею въ званіе фельдмаршала въ февралѣ мѣсяцѣ, командовалъ вспомогательными войсками, посланными ею къ римскому императору; ему велѣно ихъ оставить и отправиться къ Азову для командованія осадою этого города. Торопясь прибыть въ армію, графъ отправился почти на-легкѣ, взявъ съ собою небольшой казацкій конвой, который шелъ въ недальнемъ разстояніи отъ его почтовой кареты. Отъ украинскихъ линій до Изюма дорога идетъ по степи около трехъ льѳ тутъ на конвой напала партія татаръ, бродившая по окрестности; всѣ казаки были разсѣяны или взяты въ плѣнъ. Фельдмаршалъ едва успѣлъ ускакать верхомъ, и спасла его жадность татаръ, потому что они бросились грабить его карету; иначе графу не избѣжать бы плѣна.

Въ самый день прибытія графа подъ Азовъ открыли траншею, которую живо продолжали копать. Подъ начальствомъ фельдмаршала Ласи находились: генералъ-аншефъ Левашевъ, генералъ-поручикъ графъ Дугласъ, генералъ-маіоры: Бриньи старшій, Брильи, Спарейтеръ и Бриньи младшій.

19-го числа контръ-адмиралъ Бредаль прибылъ подъ Азовъ, по теченію Дона, съ пятнадцатью галерами, двумя однопалубными судами и множествомъ другихъ судовъ, везя съ собою тяжелую артиллерію, которую тотчасъ же начали выгружать. Въ тотъ же день въ лагерь прибыли 4 пѣхотныхъ и 2 драгунскихъ полка.

20-го числа генералъ-маіоръ Бриньи былъ отряженъ съ 400 человѣкъ пѣхоты и 150-ю казаками для овладѣнія постомъ, расположеннымъ близь города. Это дѣло удалось, и генералъ занялъ постъ. Вслѣдъ затѣмъ непріятель сдѣлалъ вылазку съ 300 конными и 500 янычарами, съ цѣлію отбить постъ. Стремительно ударилъ онъ на русскихъ и заставилъ ихъ отступить съ большою потерею. Къ счастію, что генерала Бриньи вó-время поддержали; непріятеля отбросили въ городъ, причемъ онъ понесъ значительную потерю. Когда артиллерія была выгружена, фельдмаршалъ приказалъ Бредалю встать съ флотомъ такимъ

образомъ, чтобы онъ могъ бомбардировать городъ съ моря, отрѣзать ему всякое сообщеніе и не допускать съ этой стороны помощи. Это приказаніе было какъ нельзя лучше исполнено. Четыре бомбардирскихъ судна не переставали денно и нощно забрасывать крѣпость бомбами.

На помощь Азову пришелъ съ моря турецкій флотъ подъ начальствомъ капитана-паши Джіанумъ-Кодіа, но онъ ничего не могъ предпринять, такъ какъ устье Дона совершенно заперто пескомъ и отмелями, такъ что вода въ наименѣе мелкихъ мѣстахъ была не глубже трехъ или четырехъ футовъ; позиція же русскаго флота была такова, что капитанъ-паша не въ состояніи былъ послать помощь въ Азовъ въ шлюпкахъ или другихъ плоскодонныхъ судахъ, и поэтому вынужденъ былъ отойти, не сдѣлавъ ничего. Это же обмеленіе Донскаго устья помѣшало русскому флоту дѣйствовать сильнѣе на Азовскомъ морѣ; сюда можно было впустить только большія лодки и другія мелкія плоскодонныя суда, которыя и служили Бредалю въ оба слѣдующіе похода, какъ сказано будетъ ниже.

Ласи, щадя своихъ людей, ограничивалъ работы ихъ проведеніемъ сапы (ne fit pousser le travail qu'à la sape), что и продолжалось до 13-го іюня. Въ промежуткѣ этого времени, осажденные дѣлали нѣсколько вылазокъ, но безъ всякаго результата.

14-го — осаждающіе подвинулись на разстояніе 40 шаговъ отъ прикрытаго пути, какъ турки произвели сильную на нихъ вылазку, вытѣснили ихъ изъ траншей и часть ихъ работъ засыпали. Фельдмаршалъ Ласи и генералъ Дугласъ подоспѣли съ свѣжими войсками, которыя напали на непріятеля и отбросили его. Турковъ сбили даже съ поста, занятаго ими въ 20-ти шагахъ отъ палисада. Русскіе тотчасъ же его заняли, и въ тоже время принялись устроивать тутъ три батареи. Въ этой схваткѣ русскіе потеряли значительное число людей. Самъ фельдмаршалъ былъ раненъ пулею въ ляшку, и, выступивъ слишкомъ далеко впередъ для ободренія войска, едва не попалъ въ плѣнъ къ окружившимъ его туркамъ.

Но осажденные не хотѣли оставлять своего непріятеля въ покоѣ на захваченномъ имъ посту, и оттого дѣлали безпрестанныя вылазки; но такъ какъ послѣднее предвидѣли, то стража

была удвоена; турокъ всякій разъ отбивали, а батареи и ложементы были наконецъ окончательно устроены.

18-го—въ одинъ, изъ значительнѣйшихъ складовъ пороху въ крѣпости попала бомба. Отъ взрыва разрушено пять мечетей и болѣе 100 домовъ, и погибло 300 человѣкъ.

Сапу продолжали до 28 числа, когда осаждающіе подошли къ гласису. Однако непріятель оспаривалъ у нихъ каждую пядь земли; эта медленная осада надоѣдала фельдмаршалу. Полковнику Ломану съ 800 гренадерами, 700 фузелерами и 600 землекопами велѣно взять съ бою прикрытый путь. Атака началась въ полночь. Осажденные упорно отбивались и взорвали двѣ мины, которыя не причинили вреда. Наконецъ принуждены были они отступить и бросили нѣсколько орудій. Ихъ преслѣдовали до воротъ города, а осаждающіе засѣли въ прикрытомъ пути. Русскіе лишились 20 человѣкъ убитыми и 60 ранеными.

29-го — паша, комендантъ крѣпости, послалъ съ офицеромъ письмо къ фельдмаршалу съ предложеніемъ капитуляціи. 1-го іюля, отъ имени коменданта прибыли въ русскій лагерь четыре турецкіе офицера для составленія капитуляціи. Ласи долго настаивалъ на томъ, чтобы гарнизонъ сдался военноплѣннымъ, но какъ комендантъ постоянно отвѣчалъ, что онъ предпочитаетъ схоронить себя съ гарнизономъ подъ развалинами города, то ему дозволили выдти съ гарнизономъ изъ крѣпости безъ военныхъ почестей и подъ русскимъ конвоемъ идти въ Абскукъ, городъ, принадлежащій султану, съ условіемъ въ продолженіе года не служить противъ Россіи. Какъ скоро капитуляція была подписана, паша отдалъ въ распоряженіе русскихъ одни ворота и 4-го іюля вышелъ изъ Азова въ главѣ гарнизона, состоявшаго изъ 3,463 мужчинъ и 2,233 женщинъ и дѣтей. Въ городѣ нашлись 221 человѣкъ христіанъ, содержавшихся въ неволѣ; ихъ освободили. Въ городѣ остались также 63 купца изъ армянъ и грековъ. Стѣны укрѣпленія были снабжены 137 мѣдными пушками и 11 такими же мортирами, да чугунными 26 пушками и 4 мортирами. Въ городѣ нашлось также большое количество аммуниціи и боевыхъ снарядовъ; но зато мало продовольственныхъ припасовъ, потому что магазины были разрушены бомбами, которыя и попортили много провизіи. Это-то обстоятельство заставило коменданта сдаться раньше, нежели онъ рѣшился бы на

это безъ такихъ случайностей. Хотя русскіе и овладѣли прикрытымъ путемъ, однако наружныя укрѣпленія еще не были въ ихъ рукахъ, и они не сдѣлали ни одного пролома въ стѣнахъ крѣпости. Зато внутренность города представляла однѣ груды камня, вслѣдствіе сильнаго бомбардированія.

По сдачи крѣпости, фельдмаршалъ Ласи приказалъ привести ее въ порядокъ, а между тѣмъ стоялъ съ арміею по близости ея до начала августа. Генералъ Левашевъ назначенъ губернаторомъ, а генералъ Бриньи старшій комендантомъ Азова. Для гарнизона оставили 4,000 человѣкъ, а городъ былъ снабженъ всѣмъ нужнымъ.

Послѣ всѣхъ этихъ распоряженій, фельдмаршалъ Ласи получилъ отъ двора приказаніе идти съ своими войсками въ Крымъ для соединенія съ Минихомъ. Ласи могъ вести съ собою только 7,000 человѣкъ и отправился съ ними въ походъ. Подошедъ къ рѣкѣ Калміусу, авангардъ встрѣтилъ трехъ казаковъ, объяснившихъ, что они принадлежатъ къ корпусу генерала Шпигеля, который шелъ на Бахмутъ, но сбились съ пути и теперь ищутъ, какъ бы соединиться съ нимъ. Фельдмаршалъ не повѣрилъ казакамъ, велѣлъ ихъ задержать и продолжалъ идти. На другой день привели другихъ казаковъ, которые повторили сказанное первыми, и прибавили, что фельдмаршалъ Минихъ съ корпусомъ своимъ выступилъ изъ Крыма и направился въ Украйну. Это извѣстіе заставило Ласи поворотить назадъ. Но безъ этой счастливой встрѣчи, онъ, пожалуй, дошелъ бы до Крыма, гдѣ ему грозила бы величайшая опасность при томъ маломъ числѣ войска, которое съ нимъ было. Въ началѣ октября фельдмаршалъ Ласи прибылъ въ Изюмъ. Полки, составлявшіе его армію, были размѣщены по зимнимъ квартирамъ на восточномъ концѣ украинскихъ линій, не вдалекѣ отъ Донца. Квартиры эти были расположены такимъ образомъ, что войска легко могли сойтись и оказывать помощь другъ другу по первому извѣстію о приближеніи татаръ. Самъ Ласи расположилъ квартиру свою въ Харьковѣ.

Едва отпустилъ онъ часть своихъ войскъ, какъ пришло извѣстіе, что татары ворвались въ русскіе предѣлы, увели множество людей, скота, и разорили нѣсколько селъ. Фельдмаршалъ отрядилъ въ погоню за ними полковника Краснощеку, изъ донскихъ казаковъ, съ 2,000 казаковъ и калмыковъ. Краснощека шелъ

почти безъ отдыха двое сутокъ, и на разсвѣтѣ третьяго дня, 27-го октября, настигъ партію въ 200-ти татаръ между рѣчками Конскія и Молочныя воды, въ мѣстности, называемой Волчій буеракъ. Онъ ударилъ на нихъ, побилъ 170 человѣкъ, а 30 остальныхъ взялъ въ плѣнъ. Узнавъ отъ нихъ, что болѣе многочисленная партія, съ братомъ хана во главѣ, ушла уже впередъ, Краснощека тотчасъ же погнался за нею и настигъ ее въ тотъ же день въ полдень. Этотъ отрядъ состоялъ изъ 800 человѣкъ турокъ и татаръ; онъ ударилъ на нихъ, разбилъ, положилъ на мѣстѣ 300 человѣкъ, и въ плѣнъ взялъ 47 татаръ и 3 турокъ. Всѣ русскіе подданные, попавшіе въ плѣнъ, числомъ до 3,000 человѣкъ, были освобождены, а казаки захватили 400 лошадей.

Порта, недовольная поведеніемъ хана въ Крыму во время этого похода, низложила его, и на мѣсто его поставила Калгусултана.

Петербургскій дворъ, не довольствуясь нападеніемъ на Порту въ Крыму и осадою Азова, захотѣлъ еще смирить кубанскихъ татаръ, и съ этою цѣлью приказалъ Донъ-Дукъ-Омбо, вождю калмыковъ, кочующихъ между Царицынымъ и Астраханью, напасть на тѣхъ татаръ. Въ началѣ апрѣля Донъ-Дукъ-Омбо выступилъ въ походъ съ 20 т. своихъ подданныхъ, и вступилъ въ кубанскую землю. Отрядъ, высланный для рекогносцировки, привелъ плѣннаго, который объяснилъ, что 5,000 татарскихъ кибитокъ, содержащихъ каждая по одной семьѣ, собрались съ тѣмъ, чтобы сняться съ мѣста и отправиться далеко въ степь, для того, чтобы тамъ поселиться и поставить своихъ женъ и дѣтей внѣ опасности отъ калмыковъ. Вслѣдствіе этого извѣстія, Донъ-Дукъ-Омбо удвоилъ шагу и настигъ татаръ между рѣками Кубанью и Орпою. Они очень выгодно расположились, окруживъ себя въ три ряда кибитками въ родѣ ретраншамента. Донъ-Дукъ-Омбо велѣлъ однако атаковать ихъ. Сынъ его, Голданъ-Нарма, въ главѣ 10 т. человѣкъ, долженъ былъ ворваться въ станъ непріятеля. Онъ пошелъ прямо на него, и ставъ на такомъ разстояніи, которое позволяло схватиться, онъ велѣлъ людямъ своимъ спѣшиться, и мужественно напалъ на татаръ. Эти также ихъ встрѣтили, но послѣ двухчасоваго сопротивленія наконецъ ихъ смяли. Рѣзня была страшная, всѣхъ мужчинъ перерѣзали; пощадили только женъ и дѣтей, числомъ до 10 т., а калмыки захва-

тили множество скота. На мѣстѣ остались двадцать четыре мурзы, и 6,000 татаръ. Отправивъ добычу и плѣнниковъ подъ крѣпкимъ конвоемъ въ свои кочевья, Донъ-Дукъ-Омбо продолжалъ идти далѣе, дошелъ до рѣки Гогорлики, и здѣсь сталъ лагеремъ, чтобы дать людямъ и лошадямъ отдыхъ.

Спустя нѣкоторое время, онъ узналъ, что четыре главныя татарскія орды, состоящія изъ 30 т. кибитокъ, собрались въ сорокахъ лье отъ него, позади ущелій, и здѣсь поджидаютъ его. Калмыцкій князь повелъ туда свое войско, и 37 дней блокировалъ татаръ, такъ какъ онъ не считалъ своихъ силъ достаточными для атаки ихъ въ этой позиціи. Татары тоже не воспользовались малочисленностію непріятельскаго войска. Они боялись оставить свою выгодную позицію и не выходили изъ своихъ ущелій, въ надеждѣ, что, за истощеніемъ припасовъ, калмыки принуждены будутъ удалиться. Когда же на помощь калмыкамъ подошелъ большой отрядъ донскихъ казаковъ, Донъ-Дукъ-Омбо тотчасъ распорядился ударить на непріятеля. Провѣдавъ о томъ и боясь потерять все, если бы дѣло дошло до крайности, татары рѣшились отправить къ калмыцкому князю нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ мурзъ своихъ объявить, что они покоряются русской имперіи и просить, чтобы онъ принялъ ихъ въ число подданныхъ ея императорскаго величества. Эту просьбу приняли съ большимъ удовольствіемъ. Затѣмъ татарскій султанъ и 200 мурзъ отправились въ лагерь Донъ-Дука-Обмо и принесли присягу въ вѣрности; нѣсколько значительнѣйшихъ лицъ оставлены заложниками.

Въ то время, когда русскія арміи, подъ начальствомъ фельдмаршаловъ **Миниха** и **Ласи**, были заняты въ Крыму и подъ Азовомъ, корпусъ изъ 10-ти т. человѣкъ, посланный императрицею въ Германію, возвращался въ Украйну, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта **Кейта**. Это войско стояло на зимнихъ квартирахъ въ имперіи; прошедши черезъ Богемію и Польшу, оно, въ концѣ сентября, прибыло въ Кіевъ, гдѣ и простояло гарнизономъ въ теченіи зимы.

Изъ подробностей изложеннаго мною похода можно было усмотрѣть, что для русской арміи всего менѣе были страшны турки и татары, съ которыми она воевала. Гораздо гибельнѣе дѣйствовали на нее голодъ, жажда, постоянные труды и переходы въ самое жаркое время года. И хотя я большой почитатель графа

Миниха, однако я не могу вполнѣ оправдать его ошибки въ эту кампанію, стоившую Россіи около 30-ти т. человѣкъ. Надобно признаться, что онъ употребилъ всевозможныя старанія для устройства магазиновъ на зиму, и если оказался недостатокъ въ подводахъ для доставки продовольствія въ армію, то вина была не его, а военныхъ коммисаровъ. Однако лучше было бы начать походъ двумя мѣсяцами позже или совсѣмъ отказаться отъ начальства надъ арміею, нежели вести нѣсколько тысячъ народу въ отдаленный край, съ опасностію потерять ихъ всѣхъ, на основаніи только одной надежды, что, можетъ быть, удастся продовольствовать армію на счетъ непріятеля. Въ обращеніи своемъ Минихъ былъ слишкомъ суровъ; онъ часто безъ надобности изнурялъ солдатъ; въ самое жаркое лѣтнее время, вмѣсто того, чтобы выступать въ походъ ночью, или за нѣсколько часовъ до разсвѣта, армія, вмѣсто того, чтобы воспользоваться свѣжестію воздуха, почти всегда выступала часа два или три послѣ восхода солнца. Это обстоятельство много содѣйствовало распространенію болѣзней въ войскахъ. Зной до того изнурялъ людей, что многіе изъ нихъ падали мертвые на ходу. Въ эту кампанію даже нѣсколько офицеровъ умерло отъ голода и лишеній. А что довершило разстройство арміи, такъ это несогласіе, господствовавшее между главными начальниками. Какъ я уже упомянулъ, подъ начальствомъ Миниха находился принцъ Гессенъ-Гомбургскій, не охотникъ до военныхъ трудовъ. Онъ не только былъ лѣнивъ и небреженъ въ исполненіи даваемыхъ ему приказаній, но еще заводилъ крамолы въ арміи. Онъ осуждалъ всѣ распоряженія фельдмаршала, и о немъ самомъ отзывался дурно при офицерахъ и даже въ присутствіи солдатъ; жалѣлъ послѣднихъ каждый разъ, что имъ приходилось что̀ либо вытерпѣть; говорилъ, что все происходило отъ непредусмотрительности начальника арміи, который хотѣлъ заморить людей голодомъ и трудами. Такой образъ дѣйствій, клонившійся ко вреду интересовъ государыни, изъ-за одной личной ненависти, не могъ не имѣть дурнаго вліянія на армію. Солдаты ничего не дѣлали съ усердіемъ, все имъ не нравилось, малѣйшій трудъ возбуждалъ ихъ ропотъ.

Принцъ Гессенскій еще дальше пошелъ. Увлекши нѣсколько природныхъ русскихъ генераловъ, также генерала Магнуса Бирона, двоюроднаго брата оберъ-камергера и ничтожнѣйшаго ума

человѣка, принцъ со всѣми этими господами, одинаково недальними, часто держалъ совѣтъ. Наконецъ, когда прибыли въ Крымъ и подошли къ Бахчисараю, принцъ сдѣлалъ имъ предложеніе: если фельдмаршалъ велитъ идти далѣе, то не слушаться этого приказанія; а если онъ вздумаетъ употребить власть, то арестовать его и передать начальство ему, принцу, какъ самому старшему генералу арміи. Въ этомъ случаѣ совѣтники показали себя болѣе разсудительными, нежели принцъ. Они возразили, что всѣ, сколько ихъ ни есть, отвѣтятъ головой своей за такое предпріятіе; уличить фельдмаршала въ какомъ-либо преступленіи никакъ нельзя; инструкціи его имъ неизвѣстны; поэтому они страшно рискуютъ, если употребятъ въ отношеніи его силу. Они могли только представить фельдмаршалу о томъ, что болѣзни усиливаются въ арміи, и если не принять противъ этого мѣръ, то вся армія погибнетъ. Принцъ долженъ былъ сообразоваться съ этимъ мнѣніемъ. Несмотря на то, принцъ втихомолку послалъ курьера съ письмомъ къ оберъ-камергеру. Этотъ же подлинное письмо обратилъ къ графу Миниху. Можно себѣ представить, на сколько этотъ случай усилилъ взаимную вражду обоихъ генераловъ, и удивительно-ли, что они возненавидѣли другъ друга смертельно. Принцъ нѣсколько разъ желалъ помириться, первый дѣлалъ въ этомъ смыслѣ всякаго рода попытки, однако графъ не въ состояніи былъ пересилить свое чувство и показать хотя тѣнь доброжелательства; дѣло дошло до того, что даже при встрѣчахъ, когда ему никакъ нельзя было не оказать принцу необходимой вѣжливости, замѣтно было по его виду, что она вынужденная.

Хотя Биронъ и отослалъ письмо принца графу Миниху, однако оно произвело нѣкоторое впечатлѣніе на дворъ и на кабинетъ, въ которомъ считалось нѣсколько враговъ Миниха. Рѣшено было обсудить поступки фельдмаршала въ военномъ совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала Ласи. Однако послѣдній отказался отъ предложенія и дѣло на томъ остановилось. Къ великому счастію графа, его злѣйшій врагъ, оберъ-шталмейстеръ графъ Левенвольде умеръ въ концѣ 1735 года. Иначе онъ не отдѣлался бы такъ легко отъ бѣды.

Ничто такъ не служитъ въ похвалу графу Ласи, ничто такъ не обнаруживаетъ прямоты его души, какъ это отклоненіе отъ себя порученія подвергнуть слѣдствію образъ дѣйствій Миниха;

несмотря на то, что послѣдній, будучи по службѣ моложе графа Ласи, возведенъ, однако, въ званіе фельдмаршала раньше его, Ласи не хотѣлъ быть ни насколько причиною несчастія своего соперника.

Зимою графъ Минихъ съѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ съумѣлъ поднять свой кредитъ, упавшій въ его отсутствіе. Онъ такъ ловко оправдался передъ императрицею, что она не только не сказала ему слова въ осужденіе, но еще дала ему въ награду обширныя помѣстья въ Украйнѣ, возвратившіяся въ казну послѣ смерти графа Вейсбаха.

Довольно своеобразны были порядки, заведенные русскими во время ихъ похода противъ турокъ. Какъ скоро до главнокомандующаго доходило извѣстіе, что непріятель близокъ, армія строилась въ одно или нѣсколько каре, помѣщая внутри обозъ. Такой порядокъ возможенъ въ степяхъ того края, представляющаго плоскую равнину, гдѣ очень мало ущелій, такъ что развѣ черезъ десять лье встрѣтится холмъ или балка, черезъ которые надо переходить. Кромѣ того, тутъ нѣтъ собственно проложенныхъ дорогъ, вся ширь степи открыта для войска, что̀ весьма облегчаетъ походъ. Но тѣмъ болѣе хлопотъ представляетъ обозъ, который армія должна тащить за собою. Во всей странѣ между Украйною и Крымомъ нѣтъ городовъ, за исключеніемъ Запорожской станицы, не стоющей порядочнаго села; поэтому, собираясь въ походъ, армія поставлена въ необходимость заготовлять для себя все нужное на все время похода, до того что иногда воду и дрова надобно перевозить изъ лагеря въ лагерь. Понятно теперь, какъ великъ долженъ быть обозъ такой арміи. Я не преувеличиваю, говоря, что армія Миниха не выступила въ походъ иначе, какъ въ сопровожденіи обоза изъ 90 т. подводъ, особенно послѣ того, какъ опытъ доказалъ, что нельзя продовольствоваться на счетъ непріятеля. Эта чрезмѣрная цифра, можетъ быть, удивляетъ; такъ я докажу, что дѣйствительно было такъ на самомъ дѣлѣ. Для арміи въ 80 т. человѣкъ везли муки на 6 мѣсяцевъ, а для этого одного требовалось 40 т. подводъ; отдѣльный обозъ каждаго полка состоялъ не менѣе какъ изъ 250 подводъ; прибавьте къ нимъ генеральскіе обозы, обозъ регулярнаго войска, артиллерійскій паркъ, да 7 или 8 т. маркитантовъ, и окажется, что я нисколько не преувеличиваю. Спору нѣтъ, что безъ этого страш-

наго обоза походы Миниха далеко не были бы такъ изнурительны и Россія извлекла бы изъ нихъ, можетъ быть, болѣе выгоды. Важнымъ удобствомъ для арміи было то, что ей не нужно было запасаться фуражемъ; русскія лошади привыкли быть все лѣто на подножномъ кормѣ, а степи, черезъ которыя проходила армія, представляютъ самыя роскошныя пастбища. Край этотъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ; только жаль, что эта мѣстность не обработывается отъ недостатка въ водѣ и лѣсѣ; можно пройти 15 и 20 верстъ, не встрѣтивъ ни одного куста, ни малѣйшаго ручейка; вотъ почему надо было тащить дрова съ одной стоянки на другую, отъ неизвѣстности — найдутся-ли они на новомъ мѣстѣ. Кромѣ того, каждая рота всегда везла по большей бочкѣ съ водою, для утоленія жажды солдата въ походѣ. Бочки имѣли еще другое назначеніе; въ каждомъ полку ихъ имѣлось отъ 8 до 10-ти и по стольку же большихъ дубовыхъ досокъ; тѣ и другія служили мостами для переправы пѣхоты и легкаго обоза; понтоны служили только для перехода тяжелаго обоза и кавалеріи.

Въ двухъ мѣстахъ этого края есть слѣды городовъ: одинъ изъ нихъ Самара, другой—Бѣлозерка; оба носятъ названіе рѣкъ, на которыхъ они были выстроены. Первый городъ былъ разрушенъ на основаніи условій мирнаго договора, заключеннаго Россіею съ турками въ прошломъ столѣтіи. Другой же, имѣвшій своего собственнаго государя, былъ разграбленъ и разрушенъ татарскимъ княземъ Мамаемъ, который очень прославился между этими племенами въ XIV вѣкѣ.

Въ этихъ степяхъ замѣчательны могилы татаръ. Это высокія груды земли, встрѣчающіяся, начиная отъ Самары до 80 верстъ отъ Перекопа, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. На верхушкѣ многихъ изъ этихъ кургановъ высится грубой выдѣлки каменный истуканъ, изображающій или мужчину или женщину. Сдѣланныя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ раскопки открыли въ нихъ сосуды съ пепломъ, а на днѣ нѣсколько золотыхъ или мѣдныхъ монетъ съ полуистертыми арабскими надписями.

Понятіе о плодородіи этого края можно себѣ составить изъ того, что трава на лугахъ достигаетъ вышины, превосходящей ростъ самаго высокаго мужчины. Спаржа ростетъ тутъ въ большомъ количествѣ, и ботанисты нашли тамъ множество растеній,

весьма рѣдкихъ, которыя въ нашихъ аптекарскихъ садахъ имѣли бы большой уходъ. Въ этихъ же степяхъ растетъ трава, изъ которой турки и татары приготовляютъ свои фитили. Въ іюлѣ или августѣ мѣсяцахъ, татары выжигаютъ траву въ степяхъ. Они дѣлаютъ это потому, что какъ нѣтъ возможности косить траву, то она отъ зноя выгорѣла бы и заглушила бы молодые отростки, въ предупрежденіе чего они сами ее выжигаютъ огнемъ. Татары часто поджигали луга съ цѣлью лишить русскихъ фуража; и если бы не брали охранительныхъ мѣръ противъ такого пожара, то онъ легко сжегъ бы цѣлый лагерь. Оттого фельдмаршалъ Минихъ распорядился снабдить каждую телѣгу метлою для гашенія огня. Также бывало необходимо окопать лагерь рвомъ въ два фута ширины, чтобы не сгорѣть живыми. Дичи въ степяхъ очень много, какъ-то: зайцевъ, куропатокъ, глухарей. Солдаты ловили ихъ руками; особенно много перепеловъ. Въ походѣ каждый день ихъ ловили во множествѣ.

Въ походѣ 1736 г. графъ Минихъ поддерживалъ сообщеніе съ Украйною слѣдующимъ образомъ. Какъ скоро армія выступила изъ предѣловъ Россіи, онъ приказалъ выстроить редуты на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, такъ что, когда мѣстность представляла удобства относительно воды и лѣса, то редуты эти находились одинъ отъ другаго не далѣе одной или двухъ лье. Въ удобной мѣстности дѣлали большіе ретраншаменты, какъ напримѣръ, въ Самарѣ, на рѣчкѣ Бѣлозеркѣ и въ Кизикерменѣ на Днѣпрѣ. При каждомъ редутѣ приставленъ былъ офицеръ съ 10-ю или 20-ю солдатами, или драгунами и 30-ю казаками. Ретраншаменты охранялись карауломъ въ 4 или 500 человѣкъ регулярнаго войска и такимъ же числомъ казаковъ, подъ начальствомъ штабъ-офицера. Эти отряды обязаны были конвоировать курьеровъ и собирать сѣно на случай поздняго возвращенія арміи, когда степь уже не даетъ подножнаго корма. Эти редуты и ретраншаменты были очень удобны для обозовъ, шедшихъ за арміею. Здѣсь они находились въ безопасности отъ нечаяннаго нападенія, и обыкновенно обозы проводили здѣсь ночь. Удивительно то, что, хотя эти крѣпостцы были расположены среди степи, а татары нападали на многія изъ нихъ, однако они не взяли ни одной, и перехватили только одного или двухъ курьеровъ, посланныхъ Минихомъ ко двору.

Возвращаясь въ Украйну, фельдмаршалъ вывелъ гарнизонъ изъ всѣхъ укрѣпленій, кромѣ самарскаго ретраншамента, который оставался занятымъ во все продолженіе войны. Его оставили за собою даже послѣ мира, устроивъ изъ него родъ укрѣпленнаго города. Разрушать же редуты было бы напрасно, потому что татары не умѣютъ ни защищаться въ укрѣпленіи, ни атаковать его.

Несмотря на то, что этотъ образъ сообщенія оказался совершенно удачнымъ во время похода 1736 г., однако въ слѣдующіе походы графъ Минихъ уже не употреблялъ его. Онъ опасался, какъ бы непріятель со-временемъ не сталъ смѣлѣе, и, взявъ эти укрѣпленія, не заполонилъ бы много народу; къ тому же, эти малочисленные гарнизоны все-таки уменьшали силы арміи.

Могутъ вообразить, что послѣ совершеннаго русскою арміею столь труднаго похода, она, наконецъ, получила возможность насладиться отдыхомъ въ зимнее время. Нимало. Болѣе половины служила стражею на границѣ, чтобы препятствовать набѣгамъ татаръ. Болѣе 30-ти тыс. человѣкъ были размѣщены вдоль Днѣпра, начиная отъ Кіева до украинскихъ линій, на протяженіи почти 200 лье (800 верстъ), съ тою цѣлью, чтобы разламывать ледъ на рѣкѣ и тѣмъ отнять у татаръ возможность переправиться на другой берегъ. Легко понять, что трудъ этотъ былъ не малый, и не всегда могъ имѣть совершенный успѣхъ, но все-таки онъ былъ и не безполезенъ, затруднивъ татарамъ набѣги въ Украйну, хотя и не помѣшалъ имъ вполнѣ. Несмотря на всѣ предосторожности, нельзя было помѣшать татарамъ дѣлать наѣзды, захватывать людей, сжечь весьма многія села. Раза два, три ихъ настигали, отнимали у нихъ добычу, но все это было ничтожно въ сравненіи съ убытками, которые потерпѣла Украйна въ продолженіе четырехлѣтней войны съ турками.

Въ бытность свою въ Крыму, русская армія опустошила значительную часть этого края. Татары, въ отмщеніе, рѣшились дѣлать набѣги въ Украйну, что и исполнили нѣсколько разъ въ теченіи зимы 1736—1737 гг., несмотря на то, что, по приказанію Миниха, вездѣ имъ пути были тщательно преграждены. Татарамъ удалось сжечь нѣсколько незначительныхъ посадовъ и селъ и они увели въ неволю болѣе тысячи семействъ.

Самый значительный набѣгъ происходилъ въ февралѣ мѣсяцѣ

1737 г. 24-го этого мѣсяца, нѣсколько тысячъ татаръ перешли по льду черезъ Днѣпръ, близъ городка Калиберды. Когда генералъ Лесли, квартировавшій по близости, узналъ, что татары успѣли ворваться въ край сквозь разставленные посты, онъ на-скоро собралъ 200 человѣкъ и пошелъ на встрѣчу татарамъ. Сначала непріятель принялъ ихъ за авангардъ большаго корпуса и началъ-было отступать; но когда онъ увидѣлъ, что къ генералу Лесли помощь не подходитъ, онъ снова обратился на него и атаковалъ русскій отрядъ; генералъ и большая часть команды были положены на мѣстѣ. Сынъ генерала, служившій при немъ адъютантомъ, да двадцать человѣкъ солдатъ были взяты въ плѣнъ. Послѣ этого пораженія, татары вторгнулись въ Украйну и въ продолженіе двухъ сутокъ сряду выжгли много городовъ и селъ. Между тѣмъ русскія войска успѣли собраться; всѣ дороги, по которымъ татары могли отступить, были заняты; непріятель былъ отбитъ, а когда наконецъ они нашли свободное пространство, то не успѣли уйти отъ настигшаго ихъ генералъ-маіора Радинга, который ударилъ съ своими 2,000 драгунъ на ихъ аріергардъ; около 300 человѣкъ татаръ убито и часть добычи отнята. На возвратномъ пути въ Крымъ татары атаковали главную станицу запорожскихъ казаковъ, но были отбиты съ большою потерею; имъ удалось только сжечь у казаковъ нѣсколько хуторовъ.

Татары въ походѣ наблюдаютъ особенный порядокъ. Каждый изъ идущихъ въ походъ, самъ будучи на конѣ, ведетъ на поводу еще двухъ или трехъ лошадей: это для смѣны своей, если бы она устала, а если лошадь до того истомится, что уже не въ состояніи вынести походъ, тогда татаринъ выпускаетъ ее на волю въ степь поправиться, покуда продолжается походъ, и обыкновенно хозяинъ находитъ ее потомъ въ наилучшемъ состояніи. Достоинство татарскихъ лошадей доказывается тѣмъ, что онѣ въ силахъ проскакать 25 лье, какъ ни въ чемъ не бывало. Судя по этому, можно себѣ представить, какъ быстро татары совершаютъ свои походы. Они берутъ съ собою запаса столько, сколько можно навьючить на себя, а обыкновенно это очень немного. Когда нужно, татаринъ воздерженъ; съ него довольно ломтя хлѣба, или сухаря, пока онъ не на непріятельской землѣ,—здѣсь ужъ онъ запасется, чѣмъ угостить себя дома. Татары никогда не дѣлаютъ набѣговъ въ Украйну цѣлымъ корпусомъ; обыкно-

венно отряжають половину или третью долю; но болѣе двухъ сутокъ они не смѣютъ оставаться на непріятельской землѣ; потомъ они обязаны возвратиться къ своимъ съ захваченною добычею.

Русскому двору удалось подкупить нѣсколько секретарей, или переводчиковъ, служившихъ при Портѣ и при господарѣ молдавскомъ; они всегда извѣщали Миниха о каждомъ даже незначительномъ предпріятіи непріятеля. Но эта мѣра не была достаточна противъ нечаянныхъ вторженій татаръ. Поэтому отряды запорожскихъ казаковъ безпрестанно бродили въ полѣ, около крымской линіи, наблюдая за каждымъ движеніемъ татаръ, и тотчасъ давали знать, если замѣчали, что непріятель поднялся. Для того, чтобы дать вѣсть всему краю, вдоль границы, чрезъ каждыя полумили, были выстроены по три столба, снабженные на верхушкѣ смоляными бочками съ сухимъ лѣсомъ и соломою. Какъ скоро дѣлалось извѣстно, что татары выступили, то зажигали огонь на первыхъ сигнальныхъ столбахъ по всей линіи: этимъ предупреждали караулы и жителей быть на-сторожѣ; если же непріятель показывался по близости одного изъ постовъ, зажигали огни на вторыхъ столбахъ; а когда непріятель уже вторгся въ страну въ какомъ-либо мѣстѣ, то зажигали огонь на третьихъ столбахъ. Тогда все войско немедля выступало на встрѣчу непріятелю и шло по направленію завидѣннаго огня, стараясь отрѣзать хищникамъ отступленіе. Для бо̀льшей быстроты движенія, каждому пѣхотному полку было роздано по 200 лошадей, которыхъ запрягали по-парно въ сани съ 3-мя или 4-мя сѣдоками. Я полагаю, что нѣтъ человѣческой возможности принимать болѣе предосторожностей, и, несмотря на то, года не проходило безъ того, чтобы изъ многихъ набѣговъ, дѣлаемыхъ татарами, не удался имъ хотя одинъ.

IX.

Калмыцкая экспедиція. — Приготовленія къ походу 1737 г. — Походъ фельдмаршала Миниха. — Переправа черезъ Бугъ.—Атака и взятіе Очакова.—Размышленія по поводу взятія Очакова.— Мѣры, принятыя въ Очаковѣ. — Русская армія выступаетъ изъ Очакова.— Стычка турокъ и татаръ съ квартирмейстерами.—Часть флота приходитъ въ Очаковъ.—Переправа черезъ Бугъ.— Татары захватываютъ фуражировъ. — Генералъ Румянцевъ отряженъ въ Украйну. — Генералъ Штофельнъ отряженъ въ Очаковъ. — Армія возвращается въ Украйну. — Размышленія объ очаковскомъ походѣ.—Походъ въ Крымъ въ 1737 году подъ начальствомъ фельдмаршала Ласи.— Вступленіе въ Крымъ.—Битва подъ Карасу-базаромъ.—Странная экспедиція калмыковъ.—Графъ Ласи выступаетъ изъ Крыма.

1737 г.

Я довольно сказалъ о крымскихъ татарахъ, теперь перейду къ новой экспедиціи, предпринятой калмыками и донскими казаками, подъ начальствомъ знаменитаго Донъ-Дукъ-Омбо, противъ кубанскихъ татаръ. Эти самые татары были разбиты въ маѣ мѣсяцѣ, и нѣсколько ордъ покорились Россіи; но бо́льшая часть осталась вѣрна Портѣ. Русскій дворъ, желая обезпечить себя съ этой стороны, отдалъ калмыцкому князю приказъ: взявъ своихъ людей, да донскихъ казаковъ подъ начальствомъ ихъ полковниковъ Краснощеки и Ефремова, идти на Кубань, и такъ наказать татаръ, чтобы они долго не могли оправиться. 30-го ноября, эти войска, въ числѣ 25-ти т. человѣкъ, выступили въ походъ; по прибытіи къ рѣчкѣ Егорликъ высланъ былъ на развѣдки небольшой отрядъ. Ему посчастливилось наткнуться на непріятельскую партію, разбить ее и увести плѣннаго. Этотъ человѣкъ объяснилъ, что одна изъ сильнѣйшихъ ордъ, орда Фетискули, которая могла выставить въ поле до 20-ти т. конныхъ воиновъ, вышла изъ горъ, за недостаткомъ продовольствія, и вывела скотъ свой и лошадей на пастбище по сю сторону рѣки Кубани; а для защиты отъ нападеній калмыковъ и казаковъ, орда разставила по ущельямъ, черезъ которыя надобно пройти къ ней, нѣсколько крѣпкихъ карауловъ. Донъ-Дукъ-Омбо тотчасъ же отрядилъ Краснощеку и Ефремова съ казаками для рекогносцировки татарскихъ карауловъ, а самъ слѣдовалъ за ними съ остальнымъ войскомъ. Въ теченіи дня были высмотрѣны всѣ мѣста, въ которыя засѣлъ непріятель, а когда наступила ночь, казаки напали на одинъ изъ сильнѣйшихъ карауловъ въ тысячу человѣкъ и разбили его послѣ упорнаго сопротивленія. Такъ какъ

всѣ лошади у этихъ татаръ были отбиты, то ни одинъ не могъ уйти; всѣ были заколоты, кромѣ начальника, котораго увели въ станъ съ тѣмъ, чтобы распросить его. Узнавъ отъ плѣннаго все нужное и раздѣливъ свое войско на отряды, Донъ-Дукъ-Омбо пошелъ на непріятеля и напалъ на него съ нѣсколькихъ сторонъ заразъ; разбилъ его, и затѣмъ прошелъ весь край вдоль рѣки Кубани до Азовскаго моря, совершенно разоривъ орду. Всѣ жилыя мѣста на рѣкѣ разграблены; Донъ-Дукъ-Омбо проникъ даже въ городъ Капиль, обнесенный стѣнами, обыкновенное мѣстопребываніе начальника этихъ татаръ, султана Бахти-Герея, и взялъ его приступомъ, послѣ чего разрушилъ. Эта экспедиція продолжалась съ 1-го до 14-го декабря, и захваченная калмыками и казаками добыча оказалась весьма значительною. 10 т. слишнимъ женщинъ и дѣтей взято въ неволю. Количество скота было чрезвычайное: на долю калмыковъ досталось до 20-ти т. лошадей, сверхъ рогатаго скота и овецъ. Донъ-Дукъ-Омбо утверждалъ, что давно онъ не одерживалъ такой полной побѣды. Непріятелю она стоила по крайней мѣрѣ 30-ти т. душъ, включая сюда попавшихъ въ неволю; 15 т. убито на мѣстѣ, прочіе утонули въ рѣкѣ Кубани, бросившись въ нее вплавь, но берега обледенѣли и вообще были высоки. Донъ-Дукъ-Омбо, не довольствуясь этой побѣдой, отправилъ добычу домой, а самъ расположился съ войсками вдоль Кубани. Спустя немного времени, онъ узналъ, что приближаются татары въ числѣ 3,000 человѣкъ. На встрѣчу имъ онъ послалъ отрядъ, который и ударилъ на нихъ. Они упорно отбивались, но наконецъ ихъ смяли и обратили въ бѣгство.

Въ крымскомъ походѣ фельдмаршалъ Минихъ узналъ на опытѣ, сколько затрудненій представляютъ походы въ обширныхъ степяхъ. Оттого, какъ скоро войска были размѣщены по квартирамъ, онъ занялся приготовленіями къ слѣдующему походу. Онъ съѣздилъ зимою въ Петербургъ, гдѣ такъ хорошо устроилъ всѣ дѣла, что во время похода 1737 г. армія не испытала недостатка ни въ чемъ. Полки были пополнены 40 т. рекрутовъ, набранныхъ со всей имперіи. На новой брянской верфи закипѣли работы по постройкѣ плоскодонныхъ судовъ, удобныхъ для плаванія по Днѣпру и для употребленія въ Черномъ морѣ; ихъ назвали двойными шлюпками; онѣ могли вмѣщать четыре 3-хъ

фунтовыя пушки и 8 однофунтовыхъ, да сто человѣкъ экипажа. Необходимо было сдѣлать ихъ очень плоскими по причинѣ днѣпровскихъ пороговъ, черезъ которые очень трудно пробраться въ обыкновенныхъ судахъ. Русскіе извлекли весьма мало выгоды изъ этого новаго флота. Онъ пригодился только въ одномъ случаѣ: по взятіи Очакова, на немъ подвозили припасы для русскаго тамъ гарнизона. Но ни одинъ офицеръ не соглашался употребить эти суда въ Черномъ морѣ. Черезъ этотъ флотъ Россія лишилась почти всѣхъ своихъ старыхъ матросовъ и многихъ хорошихъ флотскихъ офицеровъ изъ иностранцевъ.

Походъ 1737 г., во время котораго русская армія взяла Очаковъ, былъ самый убійственный во всю войну относительно понесенныхъ русскими потерь. Фельдмаршалъ возвратился изъ Петербурга въ концѣ февраля, а по прибытіи въ свою главную квартиру въ Кіевѣ онъ докончилъ приготовленія къ походу. Въ половинѣ марта мѣсяца по полкамъ отданъ приказъ—быть въ готовности выступить въ походъ черезъ 24 часа послѣ полученія о томъ извѣстія. Въ началѣ апрѣля вся армія вышла изъ своихъ квартиръ. Пѣхоту посадили на большія суда и спустили по Днѣпру до Переволочной, гдѣ ее размѣстили на постой въ селахъ и деревняхъ, такъ какъ трава еще не показывалась. (Тутъ, близъ Переволочной, переправлялся черезъ Днѣпръ шведскій король Карлъ XII, послѣ несчастной для него полтавской битвы). Въ концѣ апрѣля армія выступила въ походъ. Переправа ея черезъ Днѣпръ происходила въ трехъ мѣстахъ: дивизія генералъ-аншефа Румянцева у Кременчуга, дивизія генералъ-поручика Леонтьева у Орлика, а третья дивизія, принца Гессенъ-Гомбургскаго, у Переволочной; послѣдняя переправа происходила по пловучему мосту въ 503 туаза длины, для устройства котораго потребовалось 128 судовъ.

6-го мая вся армія была переправлена; въ тотъ же день въ лагерь прибыли 3 гвардейскіе пѣхотные баталіона и триста человѣкъ конной гвардіи. Къ арміи примкнулъ также принцъ Антонъ-Ульрихъ Брауншвейгскій, чтобъ участвовать въ кампаніи волонтеромъ. 12-го мая армія выступила далѣе, а 3-го іюня всѣ дивизіи соединились въ одномъ лагерѣ на рѣкѣ Омельникъ. Армія состояла изъ 63-хъ баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ эскадроновъ конной гвардіи, одного эскадрона кирасирскаго графа

Миниха полка, изъ 29-ти полковъ или 145-ти эскадроновъ драгунъ. Артиллерійскій и инженерный корпусъ состоялъ изъ 3 т. человѣкъ; легкая кавалерія: 1,500 гусаръ и до 13-ти т. казаковъ всякаго рода; такъ что во всей арміи считалось отъ 60-ти до 70-ти т. человѣкъ. Въ артиллерійскомъ обозѣ было: 62 тяжелыя орудія 18-ти и 24-хъ фунтоваго калибра, 11 мортиръ, 16 гаубицъ, 175 полевыхъ орудій 3-хъ и 12-ти фунтоваго калибра, и 392 небольшія мортиры для 6-ти фунтовыхъ гранатъ.

Генералы, находившіеся подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха, были: принцъ Гессенъ-Гомбургскій, генералъ-фельдцейхмейстеръ; генералъ-аншефъ Румянцевъ; генералъ-поручики: Леонтьевъ, Кейтъ, Карлъ Биронъ и Левендаль; генералъ-маіоры: Таракановъ, Магнусъ Биронъ, князь Василій Репнинъ, Штофельнъ, Бахметевъ, Аракчеевъ и Густавъ Биронъ, командовавшій тремя гвардейскими баталіонами. Эта армія шла нѣсколькими колоннами до рѣки Буга, держась сколько было возможно теченія Днѣпра.

25-го іюня армія пришла къ Бугу; 26-го начали строить три моста: изъ нихъ одинъ понтонный, а прочіе два съ помощію бочекъ. Армія употребила на переправу три дня и исполнила ее безъ малѣйшей помѣхи со стороны непріятеля. Послѣдній еще не собрался вполнѣ у Бендеръ, пункта соединенія всѣхъ частей его войска, да и не могъ ожидать такого быстраго появленія русской арміи.

Прежде нежели армія отошла отъ Буга, къ ней присоединились волонтерами нѣсколько иностранныхъ офицеровъ; подошелъ также обозъ изъ 28-ми т. телѣгъ съ припасами и приведены 2,000 верблюдовъ. Послѣднихъ роздали по всѣмъ полкамъ, такъ что на каждую роту приходилось по два верблюда. На нихъ навьючили палатки.

2-го іюля армія удалилась съ Буга, и, пройдя одну лье, пришла къ рѣчкѣ Сухая Чертала. Въ этотъ походъ армія въ первый разъ шла въ каре. Такъ какъ она была многочисленнѣе прошлогодней и обозъ ея былъ гораздо больше, то ее раздѣлили на три каре, шедшіе такимъ образомъ, чтобы они могли помогать другъ другу.

3-го числа армія прошла 17 верстъ или 4 лье, до рѣки Мертвыя Воды. Пришлось проходить ущелья, такъ что одна часть

обоза и припасовъ съ аріергардомъ могли прибыть въ лагерь только 4-го числа; а что всего было обременительнѣе въ этомъ переходѣ, такъ это совершенный недостатокъ въ водѣ на всемъ пространствѣ отъ Черталы до Мертвыхъ Водъ; цѣлыя сутки скотъ не былъ напоенъ; только люди были снабжены водою, такъ какъ имъ приказано было налить свои фляжки и бочки. До сихъ поръ армія не сходила съ дороги въ Бендеры, съ цѣлью ввести въ заблужденіе непріятеля и заставить его отвлечь часть войска отъ Очакова. Между тѣмъ фельдмаршалъ узналъ, что турки, не вдаваясь въ обманъ, высылали въ подкрѣпленіе тамошняго гарнизона значительную часть своего лучшаго войска. Это побудило его поспѣшить походомъ туда, пока непріятель не успѣлъ тамъ еще болѣе укрѣпиться, или, пожалуй, привести всю свою армію. Для облегченія похода, тяжелый обозъ, подвижной магазинъ съ припасами и часть тяжелой артиллеріи оставлены позади, подъ начальствомъ генералъ-поручика Леонтьева и генералъ-маіора Тараканова, которымъ велѣно слѣдовать за арміею небольшими переходами.

6-го числа армія прошла слишкомъ пять лье и расположилась лагеремъ на Бугѣ. Высланныя къ сторонѣ Бендеръ и Очакова команды донесли, что онѣ видѣли нѣсколько передовыхъ карауловъ по очаковской дорогѣ, которые, однако, скрылись, завидѣвъ русскихъ, и не выжидали, чтобъ ихъ настигли.

7-го числа армія шла берегомъ рѣки внизъ по теченію ея, но, встрѣтивъ холмистую мѣстность, могла пройти не болѣе трехъ лье. 8-го числа армія прошла не больше того, по причинѣ холмовъ и переправы черезъ рѣчку Ятицкую. Вдали показался непріятельскій авангардъ, который, однако, не смѣлъ ничего предпринять, и удалялся, какъ скоро легкія войска подходили для атаки.

9-го числа армія, рано утромъ, выступила въ походъ, и только въ позднюю ночь пришла къ рѣкѣ Янчикзаю, прошедши около семи лье. Мѣстность была довольно ровная, но зато ни капли воды отъ одного лагеря до другаго. Партія донскихъ казаковъ напала на передовой непріятельскій постъ и взяла въ плѣнъ трехъ конныхъ азіятцевъ рехлеисъ (Rechleïs). Они объяснили, что ихъ послали изъ Очакова высмотрѣть направленіе русской арміи, что гарнизонъ крѣпости состоитъ изъ 15 т. человѣкъ, но

поджидаютъ еще сегодня или завтра подкрѣпленія съ суши и съ моря; что для приведенія въ исправность укрѣпленій Очакова работали цѣлый годъ, что крѣпость снабжена сотнею пушекъ и мортиръ; что въ гавани стоятъ 18 галеръ и нѣсколько транспортныхъ судовъ. Далѣе, что начато было исправленіе и кинбурнскихъ укрѣпленій, разрушенныхъ въ прошломъ году генераломъ Леонтьевымъ; но когда пришло извѣстіе, что русская армія выступила въ походъ, то землекоповъ вызвали оттуда. Плѣнные прибавили, что стоявшіе подъ Очаковымъ буджакскіе татары бѣжали, несмотря на увѣщанія ихъ султана. Они оставили его и возвратились во свояси. Непріятель сжегъ всю траву, начиная отъ рѣки Янчикзая до Очакова и на четыре лье кругомъ, чтобы лишить русскихъ фуража.

10-го числа армія выступила въ походъ на разсвѣтѣ. Находясь уже въ трехъ лье отъ Очакова, она завидѣла непріятельскіе передовые посты. Казаки схватились съ ними, тѣ мужественно отбивались, и стычка вышла горячая. Казаки принуждены были отступить. Къ нимъ на помощь прискакалъ гусарскій полковникъ Стояновъ съ своимъ полкомъ; но какъ непріятели безпрестанно получали подкрѣпленія изъ города и готовы были окружить легкое войско, то отрядили драгунскій полкъ и два пѣхотныхъ полка съ нѣсколькими орудіями, послѣ чего непріятель былъ принужденъ отступить. Взято нѣсколько людей въ плѣнъ, между прочимъ, 4 офицера, которые объяснили, что они только наканунѣ прибыли въ Очаковъ съ 7,000 отборнаго войска, состоящаго изъ босняковъ и арнаутовъ; такъ что въ гарнизонѣ считалось до 20-ти т. человѣкъ. Изъ нихъ 5,000 лучшей конницы вышли противъ русскихъ легкихъ войскъ. Продолжавшаяся около четырехъ часовъ стычка стоила русскимъ 10-ти гусаръ и 15-ти казаковъ; непріятель же потерялъ болѣе 100 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными.

Армія подошла къ Очакову на пушечный выстрѣлъ, гдѣ коекакъ расположилась лагеремъ, уже при наступленіи ночи. Она увидѣла горѣвшее предмѣстье, зажженное по приказанію коменданта.

11-го числа, утромъ, армія перенесла свой лагерь на мѣстность между лиманомъ (такъ называютъ устье Днѣпра) и Чернымъ моремъ. Фельдмаршалъ держалъ большой военный совѣтъ

и было рѣшено атаковать городъ со всевозможною силою до прибытія новыхъ ожидаемыхъ тамъ подкрѣпленій, или даже всей турецкой арміи, собиравшейся при Бендерахъ для той же цѣли. Совѣтъ еще не кончился, какъ въ десять часовъ утра непріятель вышелъ изъ крѣпости въ числѣ 15-ти т. человѣкъ. Раздѣлясь на два отряда, они подошли въ одно время справа и слѣва арміи; а какъ главная ихъ сила находилась справа, гдѣ стояли донскіе казаки, то съ цѣлію удержать непріятелей противъ нихъ былъ отряженъ баронъ Левендаль съ пикетами арміи и нѣсколькими полевыми орудіями. Огонь былъ сильный и продолжался около двухъ часовъ; но какъ непріятель лишился большаго числа людей, то онъ принужденъ былъ отступить. Съ обѣихъ сторонъ убито до 200 человѣкъ. Русскіе не потеряли ни одного офицера.

Когда фельдмаршалъ Минихъ собирался въ походъ, онъ въ тоже время отдалъ князю Трубецкому приказаніе спуститься съ флотомъ, выстроеннымъ въ Брянскѣ, по Днѣпру, нагрузивъ суда частью тяжелой артиллеріи, боевыми снарядами въ большомъ количествѣ, провизіею и всякимъ матеріаломъ, необходимымъ при производствѣ осады. Всего этого армія не могла бы взять съ собою, будучи и такъ обременена огромнымъ обозомъ. Но, по недостатку-ли соображенія, или доброй воли со стороны начальника, флотъ не подошелъ къ устью Днѣпра въ назначенный срокъ. Князь Трубецкой оправдывался тѣмъ, что флотъ часто былъ задерживаемъ противными вѣтрами и бурями; что на днѣпровскихъ порогахъ вода была такъ мелка, что перевалить черезъ нихъ суда потребовало гораздо больше времени, нежели ожидали. Оттого, пришедши къ Очакову, вмѣсто того, чтобы найти тамъ флотъ, фельдмаршалъ удостовѣрился что во всемъ нужномъ для веденія осады былъ недостатокъ: не было лѣсу ни для дровъ, ни для фашинъ; не было подножнаго корма на 8 лье кругомъ, такъ какъ непріятель все выжегъ, какъ я уже выше замѣтилъ. Лошадей графъ рѣшился приказать отвести въ тяжелый обозъ; всего болѣе затруднялъ недостатокъ въ лѣсѣ и въ необходимыхъ для осады матеріалахъ, которые долженъ былъ привезти флотъ. Но фельдмаршалъ полагалъ, что суда не замедлятъ подойти, и въ этой надеждѣ осада началась.

Удивительно, какъ могъ Минихъ, при своемъ умѣ и дальновидности, вторично поручить такую важную экспедицію князю

Трубецкому, который въ прошломъ году такъ худо выполнилъ данное ему порученіе, и отъ лѣни, чтобы не сказать хуже, былъ причиною, что отъ недостатка въ продовольствіи погибла не малая доля арміи. Другому на мѣстѣ князя Трубецкаго пришлось бы дорого поплатиться за такія ошибки, но Минихъ, который былъ къ нему расположенъ, выручилъ его, и даже оказалъ ему большія услуги. Въ благодарность за эти благодѣянія, этотъ же князь Трубецкой причинилъ ему много горя.

11-го числа, вечеромъ, откомандированы 5,000 землекоповъ, подъ охраной 5,000 солдатъ, для возведенія въ ночное время пяти редутовъ и насыпей между Лиманомъ и Чернымъ моремъ, чтобы они могли въ послѣдствіи служить контрвалаціонными линіями и прикрывать тылъ траншеи. Ночь была мѣсячная, къ тому же короткая, а земля тверда какъ камень; такъ что, несмотря на всѣ усилія войска, не было возможности отстроить хотя одинъ редутъ до разсвѣта. Фельдмаршалъ желалъ, чтобы хотя средній редутъ былъ оконченъ, и для этого велѣлъ поставить сюда 2,000 землекоповъ; когда же солнце взошло, то земли было раскопано не болѣе, какъ на два фута въ глубину. Въ то-же время турки открыли сильный огонь съ вала на войска, находившіяся ближе чѣмъ на пушечный выстрѣлъ, что заставило фельдмаршала отозвать ихъ обратно въ лагерь. Бригадиру Ливену и полковнику Еропкину поручено было наблюденіе за двумя редутами на крайнемъ концѣ праваго крыла, близь Чернаго моря. Они нашли ихъ готовыми съ брустверомъ и рвомъ; приказавъ ихъ исправить и окружить рогатками, они размѣстили тутъ свою команду. Это были городскіе сады, которые отдѣлялись другъ отъ друга достаточно глубокими рвами и земляными насыпями. Оба сада или редута, занятые Ливеномъ и Еропкинымъ, находились на разстояніи полъ выстрѣла пушечнаго отъ города, изъ чего можно было заключить, что непріятель сдѣлаетъ вылазку съ этой стороны. На разсвѣтѣ подошелъ сюда генералъ Румянцевъ, въ главѣ пикетовъ праваго крыла, съ нѣсколькими полевыми орудіями; въ тоже время пикетамъ остальной арміи, гренадерскимъ ротамъ и казакамъ дано приказаніе выстроиться впереди своего лагеря.

12-го числа, въ шесть часовъ утра, передовые посты завязали между собою дѣло съ большою храбростью съ обѣихъ сторонъ.

Вся армія стала подъ ружье: одна половина полковъ съ знаменами вышла по направленію къ городу, а другая, подъ начальствомъ принца Гессенскаго, осталась въ лагерѣ. (Принцъ Гессенскій заболѣлъ въ тотъ самый день, когда казаки взяли въ плѣнъ первыхъ непріятельскихъ солдатъ и выздоровѣлъ уже по взятіи Очакова).

У непріятеля справа, къ сторонѣ лимана, находился ретраншаментъ, или выбитая дорога, въ которую засѣли люди въ большомъ числѣ, а слѣва онъ занялъ нѣсколько тѣхъ садовъ, о которыхъ я упомянулъ выше. Здѣсь онъ упорно отбивался, однако подъ конецъ его вытѣснили, и онъ скрылся за палисадами. Русскіе тотчасъ же заняли эти посты и, подъ защитою этихъ же садовъ, подошли на ружейный выстрѣлъ къ контрскарпу. Огонь съ обѣихъ сторонъ продолжался съ утра до наступленія ночи.

Фельдмаршалъ приказалъ подвезти тяжелыя орудія и мортиры, такъ какъ и полевую артиллерію; а когда нашелся удобный садъ, то все это было въ немъ разставлено и не потребовалось устраивать ни батареи, ни платформы. Артиллерія дѣйствовала безпрерывно; днемъ, въ разныхъ пунктахъ города, вспыхивалъ пожаръ, но его тотчасъ гасили.

Ночью принялись за работу въ траншеѣ. Хотѣли по крайней мѣрѣ устроить сообщеніе между садами, но твердость почвы противилась успѣху. Нужно бы было двое сутокъ времени на поправку парапета и устройство защиты отъ ядеръ. По особенному счастію, въ этой работѣ не оказалось надобности. Въ продолженіе всей ночи продолжалась пальба изъ пушекъ и мортиръ. За часъ до разсвѣта, 13-го числа, въ серединѣ города показался огонь; бомбами старались помѣшать, чтобъ его не гасили. Это удалось. Пожаръ распространился и охватилъ, какъ ясно было видно, нѣсколько улицъ. Фельдмаршалъ захотѣлъ воспользоваться этимъ. Стоявшій съ дивизіей своей въ центрѣ атаки и въ ближайшемъ разстояніи отъ города генералъ Кейтъ, получилъ приказаніе подойти къ гласису на ружейный выстрѣлъ и открыть безпрерывный огонь, чтобы выманить гарнизонъ на валъ, держать его въ тревогѣ и тѣмъ помѣшать ему тушить пожаръ. Кейтъ отвѣчалъ, что онъ стоитъ ближе, чѣмъ на ружейный выстрѣлъ отъ гласиса, что у него на теперешнемъ посту уже много людей побито и ранено ружейными выстрѣлами съ вала. Немного погодя, пришло

приказаніе отъ фельдмаршала поддерживать постоянный ружейный огонь противъ вала. Кейтъ повиновался. Не прошло пяти минутъ, какъ велѣно ему выдти изъ редутъ и стрѣлять съ открытой мѣстности. Кейтъ немедленно исполнилъ приказаніе, но въ тоже время представлялъ, что этотъ маневръ причинитъ только безполезную потерю людей. Едва люди очутились впереди редута, какъ фельдмаршалъ снова прислалъ своего адъютанта сказать, что онъ, фельдмаршалъ, да генералы Румянцевъ и Биронъ со своими гвардейцами подвинулись съ правымъ крыломъ до гласиса, почему онъ надѣется, что и генералъ Кейтъ послѣдуетъ ихъ примѣру. Такое же приказаніе получилъ и Левендаль, стоявшій съ лѣвымъ крыломъ и артиллеріею шагахъ во сто позади центра. Онъ примкнулъ къ Кейту, и оба они направились къ городу. Подойдя къ гласису, войска наткнулись на первый ровъ, футовъ въ 12 ширины; нельзя было перелѣзть черезъ него, за недостаткомъ всего нужнаго для штурма и для перехода; тѣмъ не менѣе, они простояли тутъ около двухъ часовъ, подъ сильнѣйшимъ огнемъ, не отступая ни на шагъ, а безпрестанно отыскивая, гдѣ бы можно пройти. Нѣкоторые успѣли и перелѣзть черезъ передній ровъ, но это не могло заставить городъ сдаться. Наконецъ, видя, что нельзя ни пройти черезъ передній ровъ, ни засѣсть въ прикрытомъ пути, войско обратилось назадъ въ большомъ замѣшательствѣ и возвратилось въ сады или редуты, которые оно занимало прошлую ночь. Въ тоже время нѣсколько сотень турокъ вышли изъ города въ погоню за отступающими и побили многихъ, особенно раненыхъ, которые не въ силахъ были поспѣшно уйти. Если-бъ сераскиръ и комендантъ крѣпости догадались сдѣлать вылазку, съ гарнизономъ, то они разбили бы совершенно русскую армію, и заставили бы ее, снявъ осаду, возвратиться въ Россію.

Фельдмаршалъ полагая, что послѣ этой неудачи все потеряно, впалъ въ величайшее уныніе, но пожаръ внутри города далъ другой оборотъ его дѣламъ. Пожаръ сдѣлался общимъ, а въ 9 часовъ утра взорвало главный пороховой магазинъ; взрывъ не только разрушилъ часть города, но схоронилъ въ развалинахъ болѣе 6,000 человѣкъ. Эта катастрофа навела страхъ на сераскира и на весь гарнизонъ. Видя невозможность погасить пожаръ и во избѣжаніе гибели отъ огня и разрушенія остальныхъ жите-

лей, сераскиръ приказалъ снять съ вала всѣ разставленныя въ большемъ числѣ по валу и на гласисѣ, по турецкому обычаю, знамена, и поднять бѣлый флагъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ своего баши-чауса, или генеральсъ-адъютанта, къ графу Миниху просить перемирія на 24 часа. Въ просьбѣ ему отказали, а на мѣсто того предлагали сдаться въ плѣнъ съ гарнизономъ въ часъ времени, иначе не будетъ ему никакой пощады. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что гусары и донскіе казаки проникли въ городъ со стороны моря. Сераскиръ и часть гарнизона вышли-было изъ крѣпости, чтобы бѣжать на галеры и транспортныя суда, покуда будутъ писать капитуляцію, но казаки и гусары кинулись на нихъ, заставили ихъ возвратиться въ городъ и сами послѣдовали за ними. Затѣмъ сераскиръ послалъ во второй разъ къ фельдмаршалу, и сдался безусловно, прося только пощадить жизнь, на что и было дано согласіе. Отрядъ гвардейской пѣхоты тотчасъ занялъ одни ворота, а гарнизонъ былъ обезоруженъ и отведенъ въ лагерь. Во время этихъ распоряженій, нѣсколько сотень солдатъ вошли въ городъ и перекололи много народу. Около 200 человѣкъ турокъ успѣли добраться до галеръ и спастись. Но столько же и потонуло въ морѣ, куда они бросились въ надеждѣ вплавь достигнуть судовъ, тогда какъ эти суда, увидавъ, что городъ взятъ, подняли якорь и ушли въ море, чтобы дать знать въ Константинополѣ объ удачѣ русскихъ. Посланы были люди для тушенія пожара, но съ нимъ не скоро можно было справиться: еще два пороховые магазина взлетѣли на воздухъ, убивъ часть русскихъ, прибѣжавшихъ на грабежъ.

Вотъ списокъ потерямъ, которыя понесли русскіе. Убиты на мѣстѣ: 2 гвардейскіе капитана, 4 полковника, 2 подполковника, 2 маіора, 58 другихъ офицеровъ и 987 унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Ранены: генералъ-поручики Кейтъ и Левендаль; генералъ-маіоры Хрущевъ и Аракчеевъ; бригадиры Ливенъ и Ганфъ; 2 капитана, 2 поручика и 2 гвардейскіе прапорщика, 6 полковниковъ, 2 подполковника, 19 маіоровъ, до 100 офицеровъ и 2,703 унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Подъ фельдмаршаломъ одна лошадь была убита, другая ранена. У принца Антона Ульриха, не отстававшаго отъ фельдмаршала ни на шагъ, тоже лошадь была убита. Сопровождавшій принца подполковникъ Геймбургъ былъ раненъ возлѣ него; одинъ изъ пажей убитъ, другой раненъ.

Въ плѣнъ взято непріятелей: сераскиръ Яйа, трехбунчужный паша и главнокомандующій войсками, зять послѣдняго великаго визиря и бывшій при низложенномъ султанѣ оберъ-шталмейстеръ; комендантъ крѣпости, Мустафа-паша, двухбунчужный; 300 человѣкъ высшихъ офицеровъ и 60 низшихъ; 3,174 человѣка рядовыхъ всѣхъ разрядовъ, какъ-то: янычаръ, спаги, босняковъ и арнаутовъ; 200-ти служителей и 1,200 женщинъ и дѣтей; 54 грека, вступившіе въ гусарскій полкъ, и нѣсколько сотенъ невольниковъ, которыхъ отпустили на свободу.

Изъ этого перечисленія можно себѣ представить, какъ велика была потеря турокъ въ городѣ, такъ какъ одинъ гарнизонъ состоялъ изъ 20 т. человѣкъ безъ обывателей. 20-го іюля было погребено до 17 т. турокъ и еще много оставалось зарытыми подъ развалинами; эти трупы найдены уже гораздо позже. На стѣнахъ крѣпости оказались 82 мѣдныя пушки, 6 чугунныхъ, 7 мортиръ и 1 гаубица. Взяты 9 бунчуковъ, 8 жезловъ и большое количество превосходнаго оружія. Знаменъ насчитали до 300, и добыча войска была очень значительна.

Донскіе казаки очень отличились подъ Очаковымъ. Они добровольно спѣшились и даже пошли на штурмъ.

Вотъ довольно точное изложеніе взятія Очакова. Осада эта представляетъ нѣчто единственное въ свѣтѣ. Нужно было счастіе Миниха, чтобы покончить съ нею, потому что, послѣ сдѣланныхъ имъ ошибокъ, онъ заслуживалъ, чтобы его разбили и заставили снять осаду. Не удостовѣрясь ни въ положеніи города, ни въ томъ, какія были его укрѣпленія, Минихъ рѣшился штурмовать наилучше укрѣпленную сторону Очакова, безъ всякихъ необходимыхъ матеріаловъ для засыпки передняго рва, о существованіи котораго даже не знали до минуты, когда къ нему подошли. Если-бъ фельдмаршалъ обошелъ городъ и атаковалъ его со стороны моря, то взять его было бы гораздо легче, потому что съ этой стороны онъ окруженъ былъ только одною стѣною, мѣстами поврежденною.

Когда фельдмаршалъ былъ непріятелемъ отраженъ, то онъ причину этой неудачи хотѣлъ свалить на генерала Кейта, сказавъ принцу Брауншвейгскому въ присутствіи нѣсколькихъ генераловъ, будто Кейтъ слишкомъ сгоряча началъ штурмъ, отчего онъ и неудался; но какъ въ непріятельскомъ городѣ пожаръ про-

должается, то дѣло еще можно поправить. Эти слова были переданы Кейту. Чрезвычайно оскорбленный обвиненіемъ въ дѣлѣ, на которое онъ пошелъ противъ воли, Кейтъ поручилъ просить Миниха, чтобы упрековъ ему не дѣлали, потому что онъ исполнялъ только его приказанія; онъ готовъ даже просить военнаго суда, передъ которымъ онъ и обнаружитъ всѣ ошибки, которыя были сдѣланы съ самаго начала осады. На другой день Минихъ пришелъ навѣстить Кейта и, между прочимъ, сказалъ: «Мы отчасти вамъ обязаны, генералъ, успѣхомъ этого великаго предпріятія». Но Кейтъ, помня сказанное о немъ наканунѣ, отвѣчалъ: «Извините, графъ, я не приписываю себѣ тутъ ни малѣйшей славы, такъ какъ я ограничился только исполненіемъ вашихъ приказаній».

Еще зимою, графъ Минихъ посылалъ въ Очаковъ кондуктора съ поклономъ къ пашѣ и съ порученіемъ попробовать снять планъ города. Этому человѣку турки едва позволяли смотрѣть въ окно своей комнаты; тѣмъ не менѣе, желая угодить графу, онъ представилъ ему планъ шестиугольника, увѣряя, что городъ такимъ именно образомъ укрѣпленъ. Изъ плана N видно, правъ-ли онъ былъ. А между тѣмъ, на основаніи этого донесенія, безъ всякаго другаго ознакомленія, начали осаду.

14-го іюля въ городъ вступили генералъ-маіоръ Бахметевъ и инженерный полковникъ Братке въ главѣ 2-хъ драгунскихъ полковъ, 12-ти баталіоновъ пѣхоты и 2,000 казаковъ. Изъ этого войска два полка назначались къ отправленію въ Кинбурнъ съ полковникомъ Веделемъ.

Въ увѣренности, что турки будутъ пытаться отнять Очаковъ, русскіе распорядились снабдить его всѣмъ нужнымъ и поставили его въ такое положеніе, которое позволяло долго сопротивляться непріятелю. Туда свезли часть артиллеріи и отрядили инженеровъ наблюдать за работами по укрѣпленію. Гарнизона негдѣ было помѣстить въ совершенно разрушенномъ городѣ, и такъ онъ расположился лагеремъ вдоль передняго рва; сейчасъ же началась работа надъ ретраншаментомъ, который долженъ былъ окружить городъ съ лица, имѣя справа лиманъ, а слѣва Черное море. Но какъ эта работа должна была долго протянуться, то съ каждой стороны устроили два небольшіе ретраншамента, а потомъ продолжали работать и надъ большимъ, но онъ никогда не былъ

оконченъ. Эти линіи должны были служить передовыми укрѣпленіями, которыя заставили бы непріятеля, въ случаѣ атаки, начать траншейныя работы на весьма большомъ разстояніи. Оконченные верки были такъ хорошо устроены, что нельзя было опасаться взятія ихъ штурмомъ.

Армія пробыла еще два дни въ лагерѣ подъ Очаковымъ, отдыхая послѣ 13-ти дневныхъ трудовъ; послѣ чего Минихъ выступилъ въ походъ. Согласно съ данными ему инструкціями, онъ долженъ былъ, по взятіи Очакова, идти на Бендеры. Однако пришло извѣстіе, что непріятель выжегъ луга въ той сторонѣ. Кромѣ того, численность русской арміи значительно уменьшилась, такъ какъ во время осады, потеряно много людей, въ Очаковѣ оставленъ гарнизонъ и сверхъ того было много больныхъ; словомъ, изъ рядовъ ея выбыло отъ 20-ти до 24-хъ тысячъ человѣкъ со времени выступленія въ походъ. По этому было рѣшено, не удаляясь отъ Буга, сдѣлать нѣсколько переходовъ и контрмаршей, чтобы заставить непріятеля полагать, что идутъ на него. Но главная цѣль была прикрывать Очаковъ отъ турокъ, и не допускать ихъ до осады города до тѣхъ поръ, пока гарнизонъ не успѣетъ исправить укрѣпленія и не построитъ домовъ для жилья на время зимы.

22-го іюля армія находилась въ 60-ти верстахъ или 15-ти лье отъ Очакова, близь Буга. Къ ней присоединился генералъ-поручикъ Леонтьевъ, который оставался назади съ тяжелымъ обозомъ и подводами съ провизіей.

23-го числа, рано утромъ, армія выступила въ походъ; но едва она прошла четверть лье, какъ донскіе казаки, выѣзжавшіе на развѣдки къ сторонѣ Бендеръ, донесли, что на встрѣчу арміи идетъ большой непріятельскій отрядъ, а авангардъ его уже въ половинѣ лье. До сихъ поръ такъ мало было слышно о непріятелѣ, что, казалось, армія шла въ мирное время, такъ что хотя армія и подвигалась въ нѣсколько каре, однако обозу было дозволено обгонять войска или оставаться позади, смотря потому, какъ удобнѣе было людямъ. Фельдмаршалъ, велѣвъ выступить, самъ остановился, занявшись отправленіемъ курьера ко двору. Едва онъ сѣлъ на лошадь, какъ непріятельскій отрядъ ударилъ на его обозъ и заодно и на обозъ принца Браунщвейгскаго. Минихъ отрядилъ на нихъ постоянно сопровождавшіе его кава-

лерійскіе эскадроны, которые и отбили ихъ; между тѣмъ непріятель успѣлъ убить нѣсколько человѣкъ прислуги и увести нѣсколько лошадей. Почти въ тоже время нѣсколько тысячъ турокъ и татаръ окружили исправлявшихъ должность генералъ-квартирмейстеровъ, полковника Фермора и подполковника Ливена. Эти господа, не ожидая дурной встрѣчи, выѣхали впередъ только со своими квартирмейстерами и фурьерами, числомъ всего на всего 350 человѣкъ, не дожидаясь двухъ драгунскихъ полковъ, которые должны были ихъ конвоировать. Полковникъ Ферморъ приказалъ малочисленной командѣ своей спѣшиться и образовалъ изъ нея каре. Непріятель бросился на него—и конный, и пѣшій, но его нѣсколько разъ отбивали съ большою потерею. Фурьеры такъ ловко стрѣляли, что ни одинъ выстрѣлъ не далъ промаха. Турки вздумали поджечь траву; но полковникъ Ферморъ взялъ свои мѣры, и прежде, нежели огонь могъ коснуться его команды, онъ весьма искусно перевелъ ее на такое мѣсто, гдѣ нечему было горѣть. Непріятель ударилъ на него вторично, но его снова отбили. Впрочемъ, квартирмейстерамъ неустоять бы противъ превосходнаго числа, если бы нѣсколько полковъ не подоспѣли вб время на выручку. Въ этой стычкѣ русскіе потеряли 50 человѣкъ убитыми и ранеными, а 100 человѣкъ, большею частію прислуга, взяты въ плѣнъ. Нѣсколько бѣжавшихъ невольниковъ говорили, что непріятеля было 5,000 турокъ и 10 т. татаръ, пришедшихъ изъ Бендеръ, чтобы атаковать генерала Леонтьева до присоединенія его къ арміи.

25-го числа генералъ Бахметевъ доносилъ, что работы въ Очаковѣ значительно подвигаются и что туда прибыли запорожскіе казаки въ числѣ 1,500 человѣкъ, на 38-ми судахъ; они проплыли и по Черному морю, и посѣтили острова, близь Крымскаго берега, но не нашли тамъ жителей.

26-го числа армія прошла вверхъ по рѣкѣ Бугу около четырехъ лье и расположилась на отдыхъ въ мѣстечкѣ Андреевкѣ, гдѣ видны развалины бывшаго города. Фельдмаршалъ приказалъ выстроить тутъ укрѣпленіе, названное имъ св. Андрея, и назначилъ тутъ стоять большой части артиллеріи подъ защитой двухъ пѣхотныхъ полковъ, которыми командовалъ принцъ Голштейнскій; флотъ долженъ былъ придти и перевезти артиллерію въ Очаковъ. Такъ какъ непріятель выжегъ кругомъ всѣ луга, то,

за неимѣніемъ корма, лошади и быки, тащившіе артиллерію, ежедневно падали дюжинами.

27-го числа фельдмаршалъ получилъ извѣстіе, что часть флота, подъ начальствомъ полковника Хрипунова, наконецъ пришла въ Очаковъ. Флотъ состоялъ изъ 14-ти двойныхъ шлюпокъ и 70-ти большихъ судовъ, изъ которыхъ каждое вмѣщало до полутораста тоннъ. Весь этотъ флотъ былъ нагруженъ всякаго рода припасами, нѣсколькими тысячами бомбъ, ядрами, гранатами, габіонами, топливомъ и строевымъ лѣсомъ,—всѣмъ тѣмъ, что̀ этотъ флотъ долженъ бы былъ привезти ко времени осады, а привезъ только спустя недѣли.двѣ по взятіи крѣпости. Изъ этого видно, что не слѣдуетъ полагаться на транспорты, идущіе водою, особенно по такой рѣкѣ, какъ Днѣпръ, гдѣ много пороговъ, черезъ которые нельзя пройти во время мелководья.

Когда армія, слѣдуя вверхъ по теченію Буга, дошла до его притока Чичаклея, то фельдмаршалу донесли, что по ту сторону рѣки есть луга и лѣсу вдоволь. Это заставило его произвести здѣсь переправу, хотя въ этомъ мѣстѣ ширина рѣки была въ 95 туазовъ, а къ западу берегъ болотистый. 30-го іюля принялись за постройку моста, а 1-го августа первые полки перешли черезъ рѣку.

Запорожскіе казаки на своихъ легкихъ судахъ произвели новый набѣгъ до устья Днѣстра, отсюда вверхъ по рѣкѣ; на пути разграбляли и жгли села и тѣмъ подняли тревогу во всей странѣ вплоть до Бендеръ. Они возвратились съ большою добычею и повторили еще нѣсколько разъ эти наѣзды, но съ меньшимъ успѣхомъ, потому что жители успѣли спасти свое лучшее имущество въ Бендерахъ и внутри страны.

Ночью 7-го августа замѣтили, что непріятель зажегъ лѣсъ и кустарникъ по ту сторону Буга, по дорогѣ къ Бендерамъ, на разстояніи четырехъ лье отъ лагеря. Сначала полагали, что подходятъ атаковать русскихъ или большой турецкій отрядъ, или даже вся ихъ армія. Но когда выслали нѣсколько партій казаковъ, которые проѣхали далекое разстояніе за огнемъ, не встрѣтивъ и слѣда непріятельскаго, то тревога прекратилась.

Послѣ дѣла съ квартирмейстерами не слышно было о непріятелѣ; армія стала въ этомъ отношеніи такъ безпечна, какъ бы она находилась среди Россіи. На фуражировку ходили безъ вся-

каго конвоя; нѣкоторые служители уходили за два и за три лье отъ арміи. За то ужъ и поплатились они. 11-го августа партія татаръ въ 1,500 человѣкъ, переплывъ Бугъ нѣсколько верстъ выше лагеря, накинулись на фуражировъ лѣваго крыла, разсѣянныхъ по полю; многихъ закололи, и увели 1,000 быковъ, прежде нежели армія пришла въ лагерь. Донскіе казаки, которые стояли ближе того мѣста, гдѣ происходило это дѣло, вскочили на лошадей и погнались за непріятелемъ. Послѣдній, вовсе не имѣвшій въ виду сражаться, старался только уйти, лишь только онъ завидѣлъ казаковъ. Главную свою силу татары пустили впередъ, вмѣстѣ съ плѣнными и добычею; а самые храбрые отстали и слѣдовали медленно за другими. Казаки нагнали ихъ, побили сотню, а 20 человѣкъ взяли въ плѣнъ. Потомъ продолжали погоню за десять лье (40 верстъ) отъ лагеря, до Мертвыхъ Водъ; но татары, выигравъ время, успѣли между тѣмъ скрыться со своею добычею. Послѣ этой непріятной встрѣчи люди стали осторожнѣе; но и графъ Минихъ, не спускавшій офицерамъ ни малѣйшей небрежности, приказалъ строго изслѣдовать, по чьему приказанію фуражиры вышли изъ лагеря безъ конвоя. Вся вина пала на командировъ полковъ и на маіоровъ, такъ что въ лѣвомъ крылѣ арміи не было штабъ-офицера, который не подвергся бы наказанію. Многіе изъ нихъ были разжалованы на нѣкоторое время, другіе оштрафованы удержаніемъ жалованья за нѣсколько мѣсяцевъ.

12-го числа фельдмаршалъ отрядилъ генерала Румянцева съ гвардіею, нѣсколькими драгунскими полками и казаками для возвращенія въ Украйну. Подъ этимъ конвоемъ отправлены также всѣ турецкіе военноплѣнные. Назначеніе отряда было облегчить доставленіе фуража для арміи.

19-го числа прибылъ по Днѣпру, подъ начальствомъ бригадира Барятинскаго, остальной флотъ, назначавшійся для осады, а теперь служившій для снабженія Очакова продовольствіемъ. Флотъ состоялъ изъ 48-ми двойныхъ шлюпокъ, 4-хъ канчибасовъ и 57-ми большихъ судовъ, нагруженныхъ боевыми припасами, всякимъ матеріаломъ и продовольствіемъ, съ 1,878 солдатами и матросами. Оставалось прибыть третьей части флота, почти такихъ же размѣровъ, подъ командою контръ-адмирала Мамонова. Но онъ могъ поспѣть только въ половинѣ сентября.

20-го числа армія перешла на другой лагерь, внизъ по тече-

нію Буга, почти у сліянія его съ Днѣпромъ, гдѣ и оставалась нѣсколько дней. Отсюда фельдмаршалъ, въ сопровожденіи принца Брауншвейгскаго, совершилъ поѣздку въ Очаковъ, чтобы лично удостовѣриться, хорошо-ли исполнены работы по исправленію и увеличенію укрѣпленій этой крѣпости и Кинбурна.

Такъ какъ графъ Минихъ уже не сомнѣвался, что турки примутся за осаду Очакова, а для двора было важно имѣть тамъ знающаго человѣка, то онъ и назначилъ туда генералъ-маіора Штофельна; Бахметевъ же просилъ уволить его по причинѣ разстроеннаго здоровья. Штофельнъ, искавшій случая отличиться, съ удовольствіемъ принялъ начальство. Далѣе увидимъ, какъ блистательно онъ защищался, когда турецкая армія стала осаждать крѣпость.

По возвращеніи фельдмаршала, армія сдѣлала еще нѣсколько переходовъ вдоль рѣки Буга, и въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца начала возвращаться въ Украйну. Фельдмаршалъ раздѣлилъ армію на нѣсколько корпусовъ, которые, однако, всѣ должны были перейти черезъ Днѣпръ по мосту у Переволочной; тамъ корпуса раздѣлились и каждый полкъ пошелъ своимъ путемъ на зимнія квартиры. Фельдмаршалъ избралъ для своей главной квартиры Полтаву.

Этотъ походъ принесъ много чести фельдмаршалу Миниху и содѣйствовалъ славѣ русскаго войска. Но для государства походъ мало принесъ пользы, а для арміи онъ былъ утомителенъ и убійственъ: она потеряла 11 т. человѣкъ регулярнаго войска и 5,000 казаковъ; вдвое того, можно сказать, погибло деньщиковъ и крестьянъ, везшихъ подводы. Такъ какъ я исчислилъ все то, что̀ было убито или взято въ плѣнъ непріятелемъ, то ясно становится, что значительнѣйшая потеря произошла отъ болѣзней. Что же касается до дезертирства, то въ русскихъ войскахъ это дѣло почти неизвѣстно.

Одно обстоятельство сильно развиваетъ болѣзни въ русскихъ арміяхъ,—это почти непрерывные посты, которые они обязаны соблюдать по обряду православной церкви, такъ что они три четверти года постятся. И народъ такъ суевѣренъ, что, несмотря на разрѣшеніе синода во время похода питаться скоромнымъ, мало̀ кто пользуется этимъ позволеніемъ; прочіе готовы лучше умереть, нежели употреблять грѣшную пищу. Кромѣ того, въ

походѣ русскій солдатъ спитъ на голой землѣ, не заботясь достать соломы, а объ одѣялахъ въ палаткахъ и помина нѣтъ. Правда, что въ войнѣ съ турками удобства эти были и немыслимы, такъ какъ все время проходило въ безпрерывныхъ переходахъ: оставаться 5 дней въ одномъ и томъ же лагерѣ считалось чѣмъ-то необыкновеннымъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ уходъ за больными не могъ быть удовлетворителенъ, и что̀-бы ни говорили о чрезвычайно крѣпкомъ сложеніи русскихъ, а они подвержены многимъ болѣзнямъ, какъ-то: цынгѣ, горячкамъ, а въ походѣ кровавому поносу. Обыкновенно треть больныхъ умираетъ. Такіе примѣры не рѣдки, что въ полку, стоящемъ на квартирахъ, бываетъ до 200-ти больныхъ, какъ раннею весною, такъ и осенью. При каждомъ полку находятся по одному старшему лекарю и по одному младшему, и то не весьма искусные; а ротные фельдшера едва умѣютъ брить. Когда полковникъ дѣлаетъ смотръ рекрутамъ, то онъ выбираетъ изъ нихъ одного въ фельдшера, хотя бы тотъ двадцать лѣтъ только землю пахалъ; этотъ отказывается отъ дѣла, къ которому онъ не имѣетъ призванія, но это все напрасно: его заставляютъ насильно повиноваться, а не то пустятъ въ дѣло палки. Такимъ же образомъ выбираютъ гобоистовъ,—изъ чего можно заключить, какіе прекрасные концерты разыгрываются въ арміи.

Падежъ скота въ этотъ походъ былъ чрезвычайно значителенъ. Дожди были такъ рѣдки, что травы повысохли ранѣе обыкновеннаго. Да еще татары поджигали ихъ, такъ что армія бывало дѣлала два перехода къ ряду, не находя достаточно травы для лошадей и для рогатаго скота. Одна артиллерія потеряла болѣе 15 т. паръ воловъ; впрочемъ, случай этотъ приписывали отчасти плохимъ распоряженіямъ принца Гессенъ-Гомбургскаго, который, во время выступленія арміи въ походъ, не позаботился запастись сверхкомплектными волами, хотя ихъ оставалось еще нѣсколько сотень паръ лишнихъ. Армія не успѣла еще сдѣлать двѣнадцать переходовъ, какъ въ артиллерійскомъ обозѣ уже оказались безпорядки; тамъ нѣсколько паръ воловъ пало; поэтому надобно было уменьшить число тѣхъ, которые тащили тяжелыя орудія; а какъ эти стали отставать, то отъ этого и все войско часто замедлялось на походѣ, что̀ и продолжалось вплоть до прибытія арміи подъ Очаковъ. Когда городъ былъ взятъ, фельдмар-

шалъ приказалъ оставить тамъ бо́льшую часть артиллеріи, а взять съ собою столько, сколько удобно будетъ везти. Принцъ, въ противность этому приказанію, оставилъ въ крѣпости только незначительную часть артиллеріи. На второмъ или третьемъ переходѣ уже не было возможности тащить остальной обозъ. При выходѣ изъ лагеря, четвертая часть артиллеріи осталась на мѣстѣ; аріергардъ бывалъ принужденъ останавливаться иногда на цѣлыя сутки, въ ожиданіи возвращенія воловъ, привезшихъ часть артиллеріи въ новый лагерь, и долженствовавшихъ везти еще то, что̀ оставалось въ старомъ лагерѣ. Это затрудненіе заставило Миниха построить на Бугѣ укрѣпленіе св. Андрея, и отправить бо́льшую часть артиллеріи съ флотомъ въ Очаковъ. Съ этого времени, довѣріе къ принцу Гессенъ-Гомбургскому совершенно пропало, и ему уже не давали никакого важнаго начальства. Будь у русскихъ непріятель болѣе догадливый, то они потеряли бы двѣ трети своей артиллеріи, если не болѣе, такъ какъ не были приняты нѣкоторыя существенно необходимыя мѣры.

Покуда армія, командуемая фельдмаршаломъ Минихомъ, находилась въ походѣ въ сторонѣ Очакова, фельдмаршалъ **Ласи** съ другою арміею шелъ въ Крымъ. Эта армія состояла изъ 13-ти драгунскихъ полковъ, 20-ти пѣхотныхъ и отъ 10-ти до 12-ти тысячъ казаковъ и калмыковъ, что въ итогѣ составляло до 40 т. человѣкъ подъ ружьемъ. Подъ начальствомъ Ласи командовали слѣдующіе генералы: генералъ-аншефъ **Левашевъ**, генералъ-поручики: **Дугласъ**, **Шпигель** и **Брильи**; генералъ-маіоры: **Еропкинъ**, **Бриньи младшій**, **Девицъ** и другіе.

Пѣхота этой арміи собралась въ началѣ весны на рѣкѣ Міусѣ, противъ Павловской крѣпостцы, и выступила въ походъ нѣсколькими колоннами прямо на рѣку Калміусъ, гдѣ простояла нѣсколько дней въ ожиданіи флота, которому надлежало, подъ командою контръ-адмирала Бредаля, дѣйствовать въ Азовскомъ морѣ совокупно съ арміею, и пособлять ея предпріятіямъ въ Крыму. Когда флотъ подошелъ, Ласи продолжалъ вести войско вплоть до рѣки Берды: здѣсь соединились всѣ части арміи. Графъ Дугласъ привелъ прямехонько черезъ степи своихъ драгунъ къ Бахмуту, гдѣ имъ было назначено собраться. На пути своемъ фельдмаршалъ Ласи устроилъ нѣсколько редутовъ, чтобы они охраняли сообщенія съ Азовомъ.

Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній съ контръ-адмираломъ Бредалемъ, который съ флотомъ своимъ присоединился къ арміи, и стоялъ на якорѣ въ устьѣ Берды, и сговорившись съ нимъ на счетъ операцій предстоящаго похода, Ласи пошелъ далѣе съ войскомъ, держась сколько возможно было Азовскаго прибрежья. Пришедши на рѣку Молочныя Воды, онъ приказалъ выстроить укрѣпленіе, въ которомъ оставилъ достаточный гарнизонъ и всѣхъ больныхъ арміи.

26-го іюня армія расположилась лагеремъ около залива Азовскаго моря, который подходитъ къ перекопскимъ линіямъ, а флотъ оставался отъ нея на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Намѣреваясь вступить въ Крымъ безъ потери времени, Ласи приказалъ заняться постройкою моста, который и былъ оконченъ 28-го числа; сперва дали перейти нѣсколькимъ драгунскимъ полкамъ, да 3 или 4 тысячамъ казаковъ, чтобы занять позицію. 30-го числа перешла вся армія, и отсюда продолжала идти берегомъ Азовскаго моря. 2-го іюля къ арміи присоединились 4,000 калмыковъ, приведенные Голданъ-Нармою, сыномъ калмыцкаго хана.

Ханъ крымскихъ татаръ, не мечтавшій никогда, чтобы русскіе вошли въ его владѣнія съ этого конца, весьма удивился полученному о томъ извѣстію. Онъ сталъ со всѣмъ своимъ войскомъ позади перекопскихъ линій, которыя заблаговременно были имъ исправлены, и надѣялся на этотъ разъ загородить русскимъ путь успѣшнѣе, нежели удалось это старому хану въ прошломъ году. Но онъ трудился напрасно, Ласи шелъ на Арабатъ, не потерявъ ни одного человѣка.

Такъ какъ русская армія принуждена была продолжать путь свой по довольно узкой косѣ, образуемой Азовскимъ моремъ и идущей до Арабата, то ханъ вообразилъ, что въ этой мѣстности онъ легко можетъ поправить всѣ свои дѣла; онъ поспѣшилъ идти русскимъ на встрѣчу, въ надеждѣ загородить имъ дорогу посредствомъ устроенныхъ передъ этою косою линій, и заставить ихъ отступить, даже разбить ихъ, если заупрямятся пройти. Однако фельдмаршалъ Ласи разстроилъ всѣ эти мѣры. Узнавъ, что ханъ пришелъ на Арабатъ и тамъ выжидаетъ русскихъ, фельдмаршалъ приказалъ изслѣдовать глубину залива, отдѣляющаго эту косу отъ остальнаго Крыма; тамъ, гдѣ оказалось мѣсто, пригодное для его намѣренія, онъ велѣлъ сколотить плоты изъ

всѣхъ порожнихъ бочекъ арміи и бревенъ рогатокъ, и такимъ образомъ переправился черезъ заливъ съ пѣхотою и обозомъ. Драгуны же, казаки и калмыки пустились кто въ бродъ, кто вплавь.

Не только ханъ считалъ отважнымъ дѣломъ со стороны фельдмаршала пробираться по косѣ къ Арабату, даже генералы русской арміи были того же мнѣнія. Всѣ они, за исключеніемъ генерала Шпигеля, явились къ нему однажды утромъ и представляли ему, что онъ слишкомъ рискуетъ войскомъ и что всѣ они находятся въ опасности погибнуть. Фельдмаршалъ возразилъ, что всѣ военныя предпріятія сопряжены съ опасностями, а настоящее, по его мнѣнію, не представляетъ болѣе риску, чѣмъ другія. Впрочемъ, онъ просилъ ихъ дать ему совѣтъ, какъ лучше поступить. Они отвѣчали, что надобно воротиться. «Когда такъ», возразилъ Ласи, «если господа генералы желаютъ возвратиться, то я велю имъ выдать ихъ паспорты». Призвавъ своего секретаря, Ласи велѣлъ ему изготовить паспорты и немедленно вручить ихъ генераламъ. Онъ приказалъ уже отрядить 200 драгунъ, для конвоированія ихъ въ Украйну, гдѣ они должны были дожидаться его возвращенія. Не ранѣе, какъ черезъ три дня, генералы успѣли настолько смягчить фельдмаршала, что онъ простилъ имъ ихъ дерзкое предложеніе отступить.

Ханъ, располагавшій ударить на русскихъ на крайнемъ концѣ косы, противъ Арабата, не мало удивился, когда узналъ, что русская армія переправилась черезъ морской заливъ и направляется теперь прямо на встрѣчу ему. Не заблагоразсудивъ дожидаться русскихъ, онъ удалился къ горамъ, преслѣдуемый по пятамъ казаками и калмыками. Извѣстіе объ отступленіи непріятеля заставило и фельдмаршала свернуть съ Арабата, онъ взялъ вправо, тоже по направленію къ горамъ, съ цѣлью встрѣтиться съ ханомъ и, если представится удобнымъ, дать ему сраженіе.

23-го іюля армія расположилась лагеремъ въ 26-ти верстахъ, или около 7-ми франц. лье, отъ одного изъ лучшихъ крымскихъ городовъ, Карасубазара. Здѣсь ее атаковалъ значительный корпусъ отборнаго войска, которымъ ханъ лично командовалъ. Первый натискъ непріятеля былъ сначала очень сильный, но около часу спустя татары были отбиты и прогнаны въ горы казаками и калмыками, которые преслѣдовали ихъ на протяженіи 15-ти

верстъ, или 4 лье. Армія осталась въ прежнемъ лагерѣ. Однако легкая конница сдѣлала наѣздъ по направленію къ Карасубазару, для разоренія татарскихъ жилищъ. Она возвратилась въ тотъ же день съ 600-ми плѣнными, значительною добычею и большимъ количествомъ скота.

25-го числа генералъ-поручику Дугласу порученъ авангардъ въ 6,000 человѣкъ, частію драгуны, частію пѣхотинцы и большая часть легкаго войска, съ тѣмъ, чтобъ идти на Карасубазаръ. Фельдмаршалъ слѣдовалъ за ними съ арміею, оставивъ обозы и больныхъ въ лагерѣ, съ прикрытіемъ 5,000 человѣкъ, подъ командою бригадира Колокольцова. Всѣ непріятельскіе передовые отряды, намѣревавшіеся препятствовать наступленію русскихъ, были опрокинуты; на высотѣ, близь города, замѣченъ укрѣпленный лагерь, занятый приблизительно отъ 12 до 15-ти т. турокъ. Тогда фельдмаршалъ усилилъ корпусъ Дугласа двумя полками драгунъ и приказалъ ему атаковать непріятеля и завладѣть Карасубазаромъ, что̀ и было исполнено съ совершеннымъ успѣхомъ. Послѣ часоваго боя турки бѣжали. Всѣ обыватели покинули свой городъ; оставалось нѣсколько греческихъ и армянскихъ семействъ, такъ что городъ взятъ безъ сопротивленія, разграбленъ и обращенъ въ пепелъ. Въ этомъ городѣ считалось до 6,000 домовъ, на половину выстроенныхъ изъ камня, 38 мечетей и молеленъ турецкихъ, 2 христіанскія церкви для армянъ и грековъ, 50 водяныхъ мельницъ и множество разныхъ общественныхъ зданій. Доставшаяся войску добыча была очень значительна, потому что обыватели не успѣли спрятать своего имущества. Такъ какъ городъ выстроенъ у входа въ горы, гдѣ дороги такъ узки, что тремъ человѣкамъ не стать рядомъ, къ тому же не было въ окрестностяхъ фуража, то фельдмаршалъ воротился и расположился лагеремъ въ одной лье оттуда. Калмыкамъ и казакамъ повелѣно идти въ горы сколько можно дальше и жечь всѣ жилища татаръ.

26-го числа армія русская выступила съ цѣлью занять свой бывшій лагерь, гдѣ оставлены были обозы; но едва она вышла на равнину, какъ по ту сторону рѣки Карасу показался непріятель съ бо̀льшею частію своихъ силъ. Ласи отрядилъ графа Дугласа съ нѣсколькими пѣхотными и драгунскими полками и частію легкаго войска для атаки непріятеля. Дугласъ переправился черезъ рѣку въ разстояніи одной лье выше непріятеля и

пошелъ прямо на него. Около часа дѣйствовала противъ него артиллерія, тогда казаки бросились въ рукопашную. Схватка съ обѣихъ сторонъ была жаркая; казаки трижды были отбиты; но какъ въ это время регулярное войско постоянно приближалось въ стройномъ порядкѣ, то непріятель принужденъ былъ наконецъ отступить, а армія расположилась лагеремъ на мѣстѣ битвы.

Во время дѣла фельдмаршалъ приказалъ калмыкамъ ударить на непріятеля съ тылу и съ фланга; когда же бой прекратился, калмыки исчезли изъ глазъ. Фельдмаршалъ встревожился, полагая, что калмыки, преслѣдуя непріятеля, зашли слишкомъ далеко въ горы, что они отрѣзаны отъ арміи и, можетъ быть, всѣ перебиты. Спустя два дни, калмыки возвратились въ лагерь, таща съ собою болѣе тысячи плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько мурзъ, которыхъ они захватили во время самовольнаго наѣзда въ горы до самаго Бахчисарая.

27-го числа армія возвратилась въ тотъ лагерь, который она занимала до прихода въ Карасубазаръ. Фельдмаршалъ держалъ большой военный совѣтъ, въ которомъ было рѣшено, что такъ какъ всѣ предписанныя по плану дѣйствія исполнены, и сверхъ этого не предстоитъ никакого значительнаго дѣла, то можно будетъ приблизиться къ границѣ Крыма.

Армія употребила пять дней на переходъ изъ лагеря къ устью Шунгара. Тѣмъ временемъ легкія войска разъѣзжали по окрестностямъ и жгли села и деревни татарскія, въ 4 и 5 лье отъ арміи, числомъ до 1,000, такъ какъ въ этой сторонѣ населеніе очень густо. Они привели въ лагерь до 30-ти т. воловъ и свыше 100 т. барановъ. Непріятель, съ своей стороны, тревожилъ армію во время ея похода, и успѣвалъ захватывать въ плѣнъ деньщиковъ, которые отваживались выходить изъ ограды аванпостовъ, да сверхъ того отбилъ нѣсколько сотень обозныхъ лошадей.

По прибытіи арміи къ рѣкѣ Шунгару, велѣно построить понтонный мостъ; онъ былъ готовъ на другой день, 2-го августа, и въ этотъ же день переправилась часть войска. Едва успѣла она занять берегъ, какъ подошелъ непріятель со всѣми своими силами, чтобъ помѣшать переходу. Въ подкрѣпленіе его прибыли изъ Кафы нѣсколько тысячъ турокъ. Они нѣсколько разъ ударяли на легкія войска, но постоянно были отбиваемы. Наконецъ, въ досадѣ на неудачу и на напрасную потерю людей подъ пу-

шечными выстрѣлами, непріятель удалился, оставивъ на мѣстѣ около ста человѣкъ убитыми.

4-го числа фельдмаршалъ переправился черезъ Шунгаръ съ остальною арміею. Простоявъ здѣсь лагеремъ нѣсколько дней, онъ выступилъ далѣе въ рѣкѣ Молочныя Воды, гдѣ и простоялъ весь августъ, пользуясь обильными мѣстными пастбищами. Въ теченіе этого времени фельдмаршалъ отряжалъ нѣсколько партій легкихъ войскъ къ сторонѣ Перекопа и къ Днѣпру, чтобы развѣдывать о движеніяхъ непріятеля, такъ какъ слышно было, что ханъ выступилъ изъ Крыма, съ 30 или 40 т. войска, попытаться счастія.

17-го числа партія русскихъ повстрѣчалась съ партіею татаръ, которую побила, взявъ нѣсколько людей въ плѣнъ. Ихъ привели въ лагерь и они объяснили, что ханъ дѣйствительно выступилъ изъ-за перекопскихъ линій тотчасъ по переходѣ русской арміи за рѣку Шунгаръ, и что онъ нѣсколько дней стоялъ лагеремъ въ степи, но когда узналъ, что графъ Ласи стоитъ на рѣкѣ Молочныя Воды, онъ побоялся, чтобы отсюда не пришли его атаковать и поэтому воротился во-свояси.

X.

Морское сраженіе.—Фельдмаршалъ Ласи возвращается въ Украйну.—Осада турками Очакова.—Турки снимаютъ осаду.—Замѣчательныя событія 1737 г.—Немировскій конгрессъ.—Вѣнскій дворъ требуетъ отъ Россіи войска.—Графъ Биронъ избранъ въ герцоги Курляндскіе.

1737 г.

9-го августа русскій флотъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала Бредаля, имѣлъ дѣло съ турецкимъ. Оно происходило слѣдующимъ образомъ. Приближаясь къ мысу Высокому, съ флотомъ въ сто парусовъ,—все двойныя шлюпки,—и другими небольшими судами (большія суда не могли пройти въ устье Дона, по причинѣ отмелей), Бредаль замѣтилъ нѣсколько турецкихъ судовъ, которыя шли на тотъ же мысъ. Это заставило его приблизиться къ берегу и бросить якорь въ удобномъ мѣстѣ. Около двухъ часовъ пополудни показался и весь отоманскій флотъ: то были два военные корабля, 13 галеръ и 47 гребныхъ судовъ; на одномъ изъ военныхъ кораблей развивался флагъ капитана-паши. Бредаль принялъ всѣ нужныя мѣры къ сильной защитѣ; подвинулъ всѣ суда какъ можно ближе къ берегу, и на берегъ

выгрузилъ пятнадцать 3-хъ-фунтовыхъ пушекъ и два 12-ти-фунтовыя орудія. Въ пять часовъ началась обоюдная жаркая канонада, которую турки прекратили въ восемь часовъ, удалившись въ море внѣ выстрѣловъ. Русскія суда мало потерпѣли, такъ какъ почти всѣ ядра перелетали черезъ нихъ. На другой день, 10-го числа, въ восемь часовъ утра, турки возобновили дѣло. Корабль съ флагомъ капитана-паши ближе прочихъ подошелъ къ русскому флоту и открылъ сильный огонь. Но и его встрѣтили такимъ успѣшнымъ огнемъ изъ пушекъ съ большихъ канонерскихъ лодокъ и изъ тѣхъ, которыя были разставлены на берегу, что непріятель принужденъ былъ отступить въ смятеніи, послѣ трехчасоваго боя. Корабль капитана-паши и нѣсколько другихъ судовъ были сильно повреждены. Со стороны русскихъ оказалось тридцать человѣкъ или ранеными, или убитыми. Турецкій флотъ пробылъ въ виду русскаго еще до полудни 11-го числа, послѣ чего снялся съ якоря и вышелъ въ море по восточному направленію. Прошло нѣсколько дней безъ всякаго слуха о непріятелѣ, тогда Бредаль, 20-го числа, велѣлъ отрядить шлюпку для развѣдокъ; она возвратилась съ извѣстіемъ, что доходила до рѣки Берды, не встрѣтивъ ни одного непріятельскаго судна. Спустя нѣсколько дней, узнали, что турецкій флотъ проплылъ черезъ проливъ и удалился въ Кафу.

Въ началѣ сентября мѣсяца графъ Ласи снялся съ лагеря у Молочныхъ Водъ и пошелъ по пути въ Украйну. Татары не думали тревожить его на пути, такъ они были довольны его уходомъ. Въ октябрѣ онъ подошелъ къ границамъ Россіи и распустилъ свои войска на зимнія квартиры по берегамъ Дона и Донца.

Упомяну здѣсь о странномъ случаѣ, бывшемъ съ арміею во время этого похода, я слышалъ его отъ самаго графа Ласи. На походѣ въ Крымъ, близехонько отъ лагеря, нашли родникъ желтоватой воды, на вкусъ горьковатой. Многіе офицеры и солдаты напились ея, чувствуя сильную жажду, но, немного погодя, всѣ напившіеся точно опьянѣли или одурѣли. Фельдмаршалъ встревожился и опасался потерять свое войско еще до встрѣчи съ непріятелемъ. Однако, послѣ того какъ эти люди проспали нѣсколько часовъ, графъ успокоился; они отдѣлались непродолжи-

тельнымъ поносомъ. Такихъ родниковъ довольно много въ стороне Кизляра на границе Персіи.

Однимъ изъ замечательнейшихъ событій 1737 г. была осада Очакова, предпринятая турками въ октябре месяце, но оставленная ими вследствіе мужественной обороны генерала Штофельна. Такъ какъ во все время похода противъ русскихъ турки не имели надъ ними ни малейшаго успеха, то они надеялись более успеть осенью, такъ какъ армія уже въ начале октября переправилась черезъ Днепръ и решилась осадить Очаковъ. Но прежде, нежели перейду къ осаде, надобно мне воротиться къ предшествовавшему времени. При взятіи русскою арміею Очакова, я уже говорилъ, что городъ представлялъ одну груду камней, и что гарнизонъ не нашелъ себе нигде помещенія, отчего съ самаго начала вступленія въ городъ онъ и занялся всеми необходимыми приготовленіями. Кроме того, сказано уже, что Очаковъ расположенъ среди пустыни, где не только не найдешь никакихъ матеріаловъ для постройки домовъ, но даже нетъ предметовъ первой необходимости въ жизни. Все нужное поэтому должно было доставлять изъ Россіи съ флотиліею; однако и тутъ днепровскіе пороги да бури часто не позволяли судамъ дойти до места ихъ назначенія, такъ что сильно терпелъ гарнизонъ. А между темъ онъ безъ устали работалъ надъ постройкою домовъ къ зиме и надъ возведеніемъ дополнительныхъ укрепленій, а именно линій вокругъ крепости, начиная отъ лимана до Чернаго моря. Къ этому прибавились жестокія болезни, причиняемыя изнуреніемъ отъ работъ, дурною пищею и испареніями более 40 т. мертвыхъ телъ, включая сюда и павшій скотъ. Изъ 8,000 человекъ гарнизона, въ конце сентября насчитывали только 5,000 и изъ этихъ одну тысячу составляли больные. Вотъ каковъ былъ составъ людей, съ помощью которыхъ господа Штофельнъ и Братке выдержали осаду и заставили турокъ снять ее.

Непріятель высылалъ по временамъ партіи людей, державшіяся въ отдаленіи и довольствовавшіяся похищеніемъ несколькихъ головъ скота. Такимъ образомъ гарнизонъ немного терпелъ безпокойства отъ непріятеля до 17-го октября, когда подошли первые турецкіе корабли и бросили якорь на пушечный выстрелъ отъ Кинбурна; впрочемъ, они пробыли тутъ не более двухъ часовъ, опасаясь нападенія со стороны стоявшей въ Очаковской

гавани русской флотиліи. Они снялись съ якоря и были встрѣчены сильною бурею.

19-го числа, около полуночи, сильный турецкій конный отрядъ подошелъ къ новому редуту, воздвигнутому близъ лимана; люди спѣшились и намѣревались застигнуть гарнизонъ врасплохъ; но такъ какъ они были замѣчены, то ихъ встрѣтили огнемъ, чѣмъ заставили поспѣшно удалиться; впрочемъ, наѣздъ ихъ не пропалъ даромъ: они успѣли увести около ста штукъ быковъ, выведенныхъ на пастбище впереди линій, вмѣстѣ съ караульными.

24-го числа Штофельнъ узналъ отъ партіи казаковъ, что непріятель стоитъ не далѣе, какъ въ десяти лье отъ Очакова. Онъ приказалъ удвоить попеченіе и привести все въ наилучшее состояніе, для сильнѣйшаго отпора, собралъ военный совѣтъ изъ старшихъ офицеровъ гарнизона, на которомъ рѣшено было защищаться до крайности, и, наконецъ, не принимать и недавать пощады.

26-го числа къ Очакову подошелъ непріятельскій авангардъ; ночью крѣпость обложили съ суши, а на другой день, 27-го числа, вся турецкая армія стала лагеремъ на полутора пушечный выстрѣлъ отъ гласиса. Едва разставили они палатки, какъ нѣкоторые отряды стали подступать къ редуту, другіе схватились съ казаками, которыми командовалъ полковникъ Капнистъ, но не причинили имъ никакого вреда, такъ какъ полковникъ держался гласиса и не допускалъ непріятеля окружить его. Остальная непріятельская армія начала открывать среди дня траншеи, воздвигала укрѣпленія и устроивала батареи; и все это такъ проворно, что въ слѣдующую ночь уже открыли огонь и начали бросать бомбы. Непріятельская армія состояла изъ 20 т. турокъ и 30 т. татаръ. Начальство надъ ними имѣли Іентигъ-Али-паша, крымскій ханъ Беглигирей и Бѣлгородскій султанъ.

28-го числа, на разсвѣтѣ, Штофельнъ ввелъ въ городъ полки, стоявшіе внѣ стѣнъ. Ночью турки подошли довольно близко къ гласису и размѣстили нѣсколько тысячъ человѣкъ между крѣпостью и новою флешью. Въ 8 часовъ утра корпусъ, состоявшій изъ 6,000 человѣкъ турецкихъ войскъ, пошелъ на атаку линій въ двухъ мѣстахъ: 1,500 изъ нихъ направились на мѣстность, въ которой Смоленскій полкъ началъ-было постройку своихъ казармъ, а прочіе напали на флешь передъ Преображенскими во-

ротами. Тогда 400 человѣкъ съ двумя пушками были выпущены изъ Кристофельскихъ воротъ и направились прямо на тѣхъ, которые атаковали казармы. Непріятеля оттѣснили, но когда онъ готовъ былъ присоединиться къ тѣмъ, которые заняты были другою атакою, то гарнизонный отрядъ преслѣдовалъ ихъ и тамъ, и, ударивъ на нихъ съ тылу и съ фланга, заставилъ непріятеля бѣжать и покинуть всѣ захваченные было имъ посты. Ихъ преслѣдовали вплоть до ихъ батарей, взяли у нихъ четыре знамени и два боченка съ порохомъ; потеряли они свыше 400 человѣкъ. Въ 10 часовъ турки возобновили нападеніе, но не подходили ближе ружейнаго выстрѣла; покуда ружейный огонь не переставалъ съ обѣихъ сторонъ, непріятельскій отрядъ окопался въ одномъ изъ ближайшихъ садовъ и помѣстилъ въ немъ пушку и мортиру, изъ нихъ до двухъ часовъ ночи онъ непрерывно громилъ флешь, отъ которой былъ уже отбитъ.

Въ тотъ же день, по полученному приказанію, въ Очаковъ прибылъ полковникъ Ведель, стоявшій съ двумя полками въ Кинбурнѣ, и привелъ съ собою большую часть своего отряда, а именно 800 человѣкъ. Хотя непріятель и появлялся подъ Кинбурномъ, однако не предпринялъ ничего, несмотря на хвастливое увѣреніе Крымскаго хана, будто онъ приходилъ съ татарами собственно затѣмъ, чтобы совершенно срыть этотъ городъ.

29-го числа непріятель общими силами сталъ штурмовать Измайловскія ворота, подъ которыми ровъ былъ въ половину засыпанъ обвалами послѣ дождей, и уже проникъ въ прикрытый путь, но его вскорѣ оттуда отбросили и преслѣдовали за его окопы. Ихъ оттѣснили-бы и далѣе, еслибъ не поддержалъ ихъ резервный отрядъ. Они потеряли свыше 500 человѣкъ, да отнято у нихъ три знамени. Въ тотъ же день непріятель устроилъ окончательно свою третью батарею, откуда сталъ метать большія бомбы и стрѣлять изъ пушекъ 18 и 24-хъ-фунтоваго калибра, тогда какъ до сихъ поръ у нихъ въ дѣлѣ были только 12-ти-фунтоваго калибра орудія. Всю ночь непріятель работалъ на высотѣ, передъ Измайловскими воротами, надъ устройствомъ ретраншамента съ редутами, а 30-го числа турки заняли ихъ. Огонь не прекращался ни съ той, ни съ другой стороны; ввечеру осажденные сдѣлали вылазку по направленію къ редутамъ, вдоль лимана; они выгнали отсюда турокъ со всѣхъ ихъ постовъ по этой сторонѣ; 150 человѣкъ убито;

отнято еще 4 знамени и заклепаны шесть орудій. Командовавшій отрядомъ маіоръ Анциферовъ былъ убитъ. Ночью одинъ офицеръ, съ 50 человѣкъ солдатъ, успѣлъ пройти незамѣченный черезъ непріятельскіе посты, проникъ въ лагерь и убилъ нѣсколько человѣкъ непріятелей въ ихъ палаткахъ; полчаса не произошло ни малѣйшей тревоги; они стали грабить палатки убитыхъ ими, но тогда только шестеро успѣли бѣжать, прочіе же всѣ были убиты.

31-го числа огонь продолжался какъ наканунѣ; одна непріятельская бомба попала на бастіонъ и зажгла два боченка пороха, отчего нѣсколько людей было убито. Къ вечеру, къ редутамъ приблизились двѣ турецкія галеры и стали ихъ обстрѣливать. На это имъ отвѣчали такъ, что они принуждены были уйти въ море. Во все время, что продолжалась осада, только 14 турецкихъ галеръ подходили къ крѣпости, но ни одна не успѣла проникнуть въ лиманъ, благодаря кинбурнскимъ пушкамъ.

1-го ноября огонь не ослабѣвалъ; одна бомба хотя и упала на бастіонъ, близъ Кристофельскихъ воротъ, въ сторонѣ лимана, взорвавъ нѣсколько гранатъ, но другаго вреда не причинила.

2-го ноября, бомба взорвала на воздухъ небольшой складъ пороха, при чемъ убито три человѣка. Въ морѣ показались семь галеръ и стали у берега подъ Очаковымъ, противъ непріятельскаго лагеря.

3-го числа осажденные кончили траверсы въ большомъ рву и въ крытомъ пути; сверхъ того они устроили линію сообщенія отъ Преображенскихъ воротъ, также ретраншаментъ, начиная отъ Каланчи до моря, за который принялись 1-го и 2-го числа.

4-го числа, за два часа до разсвѣта, со стороны Измайловскихъ воротъ разразился сильный пушечный и ружейный огонь, и какъ только разсвѣло, 6,000 турокъ съ яростью бросились штурмовать редуты, устроенные у моря; послѣ часоваго сраженія они овладѣли ретраншаментомъ, захватили редуты и проникли до Каланчи. Но успѣхъ этотъ былъ непродолжителенъ. Штофельнъ отрядилъ изъ города тысячу человѣкъ, подъ командою бригадира Братке, которые и отбили турокъ со всѣхъ сторонъ; ихъ выгнали изъ ретраншамента и изъ редутъ, и преслѣдовали вплоть до ихъ лагеря. Смятеніе въ турецкой арміи было общее; были между непріятелемъ такіе, которые уже собирались бѣжать изъ лагеря; и только послѣ того, что ихъ офицеры

убили нѣсколькихъ трусовъ, имъ удалось обратить остальныхъ къ ихъ долгу и воротить въ лагерь. Этотъ штурмъ стоилъ непріятелю до 2,000 человѣкъ. У осажденныхъ оказались убитыми только 150 человѣкъ, и потеря была бы еще менѣе, еслибъ тридцать человѣкъ сгоряча не вздумали, прогнавъ непріятеля, еще преслѣдовать его, несмотря на запрещеніе офицеровъ. Какъ только турки нѣсколько опомнились, они сейчасъ всѣхъ перебили. Большую услугу оказали въ этомъ дѣлѣ небольшія мортиры системы Когорнъ (Coehorn), метающія шестифунтовыя гранаты.

5-го и 6-го числа непріятель усилилъ артиллерійскій огонь, и засыпалъ городъ бомбами; но онѣ не могли много вредить, потому что въ городѣ почти не было домовъ, а весь гарнизонъ былъ размѣщенъ на стѣнахъ крѣпости, въ крытомъ пути и въ редутахъ.

8-го числа, за часъ до разсвѣта, непріятель взорвалъ мины, проведенныя имъ противъ бастіона Левендаля; но какъ глубина ихъ была незначительна, то онѣ не нанесли вреда ни палисадамъ, ни стоявшимъ позади ихъ войскамъ. Спустя полтора часа, турки произвели фальшивую атаку на редутъ, устроенный на высотѣ со стороны лимана, при содѣйствіи огня всей ихъ артиллеріи. Послѣ того внезапно повернули на право, къ Измайловскимъ воротамъ, и съ этой стороны пошли на приступъ со всею пѣхотою и пятью тысячами спаговъ, которые должны были спѣшиться. Атака произошла съ такою яростью, что триста человѣкъ прорвались черезъ палисадъ и проникли до Измайловскихъ воротъ. За ними нѣсколько сотъ турокъ перешли черезъ палисадъ, противъ Кристофельскихъ воротъ, и, продолжая атаку ко рву, достигли до водяныхъ воротъ.

Однако гарнизонъ такъ стойко защищался, что непріятель скоро былъ отбитъ и преслѣдуемъ до его собственнаго ретраншамента. Потеря ихъ простиралась до 4,000 человѣкъ. Много способствовалъ пораженію турокъ взрывъ двухъ минъ, подожженныхъ русскими во время штурма, съ большимъ успѣхомъ; онѣ подорвали многихъ на воздухъ; другіе, опасаясь той же участи, такъ струсили, что офицеры не могли помѣшать ихъ отступленію и бѣгству. Во время штурма Штофельнъ командовалъ въ сторонѣ крытаго пути, а бригадиръ Братке и полковникъ Ведель находились близъ водяныхъ воротъ. Русскіе за-

хватили много знаменъ и четыре бунчука, большое число лѣстницъ, много фашинъ и разныя орудія для копанія земли: все это было доставлено въ городъ.

Во время этой осады и особенно въ послѣднемъ дѣлѣ, пики чрезвычайно пригодились русскимъ. Когда непріятель, овладѣвъ рвомъ, атаковывалъ водяныя ворота, то полковники Ведель и ла-Туръ сдѣлали вылазку изъ другихъ воротъ, пошли колонною на непріятеля, и люди ихъ, въ этомъ случаѣ дѣйствовали только пиками, какъ единственнымъ орудіемъ, которымъ можно было оборониться отъ турецкихъ сабель.

Во весь день непріятель не сдѣлалъ уже ни одного выстрѣла, и возобновилъ огонь своихъ батарей, усиливъ его, только 9-го числа. Среди дня турки нанесли въ апроши лѣстницы и фашины для новаго приступа; но спустя три часа по закатѣ солнца, непріятель вдругъ прекратилъ пальбу, а потомъ во многихъ мѣстахъ его лагеря замѣтили огни. Часть гарнизона отряжена была туда, но здѣсь никого уже не застали, и съ батарей исчезли пушки и мортиры.

На другое утро, 10-го числа, на разсвѣтѣ высланъ былъ болѣе сильный отрядъ въ избѣжаніе какой-либо неожиданной случайности и весьма скоро подтвердилось, что непріятель поспѣшно бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ большое количество бомбъ, гранатъ и боевыхъ снарядовъ, такъ какъ и фашины, лѣстницы и орудія для копанія земли.

Нѣсколько запорожскихъ казаковъ, выѣзжавшихъ изъ своей станицы почти подъ самые Бендеры, въ тотъ же день прибыли въ Очаковъ съ извѣстіемъ, что непріятель въ полдень переправился черезъ рѣчку Березовку, въ 14-ти верстахъ, или около 4-хъ французскихъ лье, отъ Очакова.

11-го числа узнали, что онъ ушелъ уже за 10 лье. Въ тотъ же день гарнизонъ очистилъ ровъ и окрестности города отъ мертвыхъ тѣлъ. Послѣ штурма 8-го ноября найдено 3,000 непріятельскихъ труповъ. Вся осада стоила туркамъ болѣе 20 тыс. войска, изъ которыхъ половина умерла отъ болѣзни. Много способствовало смертности людей и неудачѣ предпріятія позднее время года и безпрерывные дожди.

Когда турки были отбиты на послѣднемъ штурмѣ, то 10 тыс. изъ нихъ направилось обратно во-свояси, не взирая на увѣща-

нія, ни на строгости офицеровъ, которые нѣкоторымъ даже отрубили головы: ничѣмъ нельзя было воротить ихъ въ лагерь, ни къ ихъ обязанностямъ. Оставшіеся громко роптали на то, что ихъ напрасно ведутъ на гибель; что крѣпость, подобную Очакову, нельзя взять въ позднее время года, особенно когда осажденные защищаются какъ львы; что они шагу не сдѣлаютъ впередъ, чтобъ идти на приступъ. Такія рѣчи заставили сераскира снять осаду: онъ опасался лишиться всего своего войска и многочисленной артиллеріи, если бы онъ сталъ упорствовать и оставаться еще нѣсколько дней.

Потеря гарнизона превышала двѣ тысячи человѣкъ, половину того числа, которое онъ составлялъ въ день обложенія крѣпости; онъ былъ увеличенъ 800 человѣкъ, приведенными Веделемъ изъ Кинбурна, а въ день снятія непріятелемъ осады въ городѣ не насчитывали двухъ тысячъ здоровыхъ людей.

Съ перваго дня осады, до снятія ея, весь гарнизонъ былъ размѣщенъ на стѣнахъ, въ крытомъ пути и въ редутахъ, гдѣ онъ оставался безсмѣнно день и ночь, и едва доставало людей для занятія всѣхъ постовъ. Подобные труды, по необходимости, порождали болѣзни, а такъ какъ сверхъ того многаго недоставало въ крѣпости для обыкновеннаго продовольствія, то люди наконецъ были до того изнурены, что едва держались на ногахъ; несмотря на все это, они превосходно исполняли свои обязанности, не ропща, и во все время осады Очакова оказались только два дезертира.

Фельдмаршалъ Минихъ весьма безпокоился во все время осады; правда, онъ принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры предосторожности для отраженія непріятеля, но на успѣхъ надѣяться онъ не могъ, зная жалкое положеніе гарнизона. Какъ скоро онъ узналъ, что крѣпость обложена, онъ распорядился послать туда помощь. Генералъ-поручику Леонтьеву было поручено идти съ корпусомъ въ десять тысячъ человѣкъ; кромѣ того, нѣсколько полковъ посажены на суда для отплытія внизъ по Днѣпру; послѣдніе перевалили уже черезъ пороги, какъ пришло извѣстіе, что турки удалились. Радость о томъ была тѣмъ живѣе, чѣмъ менѣе того ожидали.

Императрица осталась весьма довольна образомъ дѣйствія генерала Штофельна. Она не удовольствовалась производствомъ его въ генералъ-поручики, а бригадира Братке въ генералъ-

маіоры. Первому она пожаловала еще значительныя помѣстья въ Украйнѣ, а всему гарнизону выдано въ награду жалованье за нѣсколько мѣсяцевъ.

Стоявшій подъ Очаковымъ флотъ, въ которомъ считалось до 100 парусовъ, большею частью двойныя шлюпки, также не мало способствовалъ къ снятію осады; онъ не только не допустилъ турковъ блокировать крѣпость съ моря, но и поддерживалъ огонь осажденныхъ. Турецкій командиръ флота былъ обезглавленъ за то, что онъ, въ противность приказанію атаковать и разбить русскій флотъ, не сдѣлалъ этого.

Я сомнѣваюсь, чтобы на свѣтѣ было другое войско, которое, подобно русскому, въ состояніи было бы, или рѣшилось бы терпѣливо выносить такіе же непомѣрные труды, какіе перенесены русскими въ Очаковѣ. Это усиливаетъ во мнѣ давнишнее убѣжденіе, что русскіе способны все выполнить и все предпринять, когда у нихъ хорошіе руководители. Но имъ нужно большое число иностранныхъ офицеровъ, такъ какъ солдаты больше довѣряютъ имъ, нежели собственнымъ своимъ.

Разсказавъ безъ перерыва о военныхъ дѣйствіяхъ похода, я включу сюда нѣсколько другихъ замѣчательныхъ событій, относящихся до 1737 года.

Еще въ царствованіе Екатерины, Петербургскій и Вѣнскій дворы заключили между собою тѣсный союзъ, еще болѣе скрѣпленный въ царствованіе императрицы Анны: было условлено, что въ случаѣ, если одинъ изъ дворовъ будетъ принужденъ къ разрыву съ Портою, то другой окажетъ ему помощь посредствомъ значительнаго корпуса войска[1]), и даже объявитъ Портѣ войну, если допустятъ обстоятельства. Вслѣдствіе этого договора, императоръ въ 1736 г. сдѣлалъ въ Венгріи всѣ нужныя приготовленія и война была объявлена въ началѣ 1737 г. Но вмѣстѣ съ тѣмъ приступили и къ переговорамъ.

Для конгресса былъ избранъ Немировъ, польскій городокъ на рѣкѣ Бугѣ, по близости валахской границы, и принадлежащій великому гетману Польши, графу Потоцкому. Петербургскій дворъ назначилъ туда барона Шафирова, Волынскаго и Неплюева; Вѣнскій — графа Остейна, барона Тальмана и графа Вóльзека;

---

[1]) Въ тридцать тысячъ человѣкъ. Прим. авт.

Порта—рейсъ-эфенди или великаго канцлера Метипея и Мустафу-эфенди, оба были въ чинѣ визирей. Конгрессъ открылся 16-го августа; но такъ какъ ни одна изъ трехъ воюющихъ державъ не уступала въ своихъ требованіяхъ ни на шагъ, то переговоры не долго продолжались, и конгрессъ былъ прерванъ 14-го октября. Графъ Остейнъ возвратился въ Петербургѣ, гдѣ онъ уже нѣсколько лѣтъ занималъ постъ полномочнаго министра. Но русскіе министры, въ теченіе всего этого года, оставались въ Кіевѣ, чтобъ быть готовыми возобновить переговоры.

Возвратясь въ Петербургъ, графъ Остейнъ всячески ходатайствовалъ у русскаго двора о посылкѣ значительнаго корпуса черезъ Валахію въ Венгрію, для присоединенія къ императорской арміи, съ цѣлью сильнѣе дѣйствовать отсюда. Для поддержанія этого ходатайства, изъ Вѣны былъ посланъ генералъ де-Ботта. Но графъ Минихъ, прибывъ ко двору, съумѣлъ представить доводы, столь убѣдительные, что въ этой помощи было отказано. Россія желала, чтобы арміи ея дѣйствовали отдѣльно, и, атакуя Порту съ двухъ сторонъ, произвели бы диверсію такую сильную, чтобы она помѣшала всѣмъ турецкимъ ополченіямъ заразъ напасть на императорскую армію. Оттого къ концу войны обнаружилось, что если бы императору также хорошо послужили, какъ Россіи, то онъ не былъ бы вынужденъ согласиться на постыднѣйшій міръ, какой только былъ заключенъ въ теченіе вѣковъ.

Вѣнскій дворъ никогда не былъ вполнѣ доволенъ графомъ Минихомъ, и если бы отъ него зависѣло, то этотъ генералъ былъ бы удаленъ ранѣе, чѣмъ постигъ его печальный конецъ. И графъ Минихъ отплатилъ этому двору; гордость его не выносила надменности вѣнскаго двора, и онъ не упускалъ случая обнаружить ее передъ императрицею или русскимъ кабинетомъ. Я полагаю, что еслибъ онъ оставался въ главѣ государства, то оба двора въ настоящее время не были бы такъ дружны, какъ теперь.

Изъ Вѣны отправили полковника Беренклау, который долженъ былъ участвовать въ походѣ русской арміи, наблюдать за военными дѣйствіями и доносить о нихъ своему двору. А со стороны русскихъ, съ тою же цѣлью, посланъ въ австрійскую армію полковникъ Даревскій и другіе офицеры. По взятіи Очакова, Беренклау написалъ реляцію о томъ своему двору.

Въ письмѣ къ графу Остейну въ Немировъ, онъ включилъ, между прочимъ, такого рода критическія размышленія: «правда, что никогда войско не атаковало города съ бо́льшимъ мужествомъ, но что касается до генераловъ, то сколько ихъ ни есть, всѣ они способны быть только гренадерскими капитанами». Копію съ этого письма Остейнъ представилъ русскимъ министрамъ, которые сообщили ее въ Петербургъ, откуда она была отправлена къ графу Миниху. Можно себѣ представить, каково было его негодованіе на Беренклау. Онъ сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ и обращался съ нимъ надменно и презрительно. Все это только пуще раздражало ненависть къ нему вѣнскаго двора. Беренклау отозвали, а вмѣсто его посланъ полковникъ баронъ де-Рейски, который и участвовалъ въ походахъ русской арміи 1738 и 1739 годовъ.

Полковникъ Даревскій, посланный петербургскимъ дворомъ въ 1737 г. въ императорскую армію, въ слѣдующіе два года имѣлъ порученіе вести въ Польшѣ переговоры съ мѣстными панами, а вмѣсто его въ австрійскую армію былъ отправленъ Броунъ. Въ несчастномъ дѣлѣ при Кроцкѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ турками, и выкупленъ французскимъ посломъ, маркизомъ де-Вильнёвомъ.

Въ этомъ же 1737 г. графъ Биронъ былъ избранъ въ курляндскіе герцоги. Герцогъ Фердинандъ, изъ дома Кетлеровъ, умеръ въ Данцигѣ и съ нимъ угасло мужское поколѣніе этого дома. По полученіи о томъ извѣстія, петербургскій дворъ приказалъ рижскому коменданту, генералу Бисмарку, ввести всѣ свои войска въ герцогство и поддерживать выборъ новаго герцога. Между тѣмъ курляндское дворянство съѣхалось въ Митаву. Тамъ оно собралось въ соборѣ, гдѣ, по отслушаніи молебна, большинствомъ голосовъ избранъ въ герцоги Эрнстъ-Іоганнъ Биронъ. Надобно замѣтить, что нѣсколько ротъ кавалеріи были разставлены генераломъ Бисмаркомъ на кладбищѣ и въ городѣ, такъ что избраніе не могло не состояться. Я уже выше говорилъ о происхожденіи этого новаго герцога. Курляндское дворянство, до того весьма безпокойное, пользовавшееся большою свободою при управленіи прежнихъ герцоговъ, увидѣло себя разомъ совершенно въ противоположныхъ обстоятельствахъ. Никто не смѣлъ слова сказать, не рискуя попасть подъ арестъ, а потомъ въ Сибирь. Въ ходъ пустили такого рода маневръ. Проболтавшагося человѣка, въ ту минуту, какъ онъ считалъ себя внѣ всякой опасности, схватывали замаскированные люди, сажали въ крытую повозку и увозили въ са-

мыя отдаленныя области Россіи. Подобныя похищенія повторились нѣсколько разъ въ теченіе трехъ лѣтъ, что Курляндіею правилъ герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ. Но одно изъ нихъ было такъ странно и вышло такъ комично, что я не могу не упомянуть о немъ здѣсь.

Нѣкто Сакенъ, дворянинъ, стоя подъ вечеръ у воротъ своей мызы, внезапно былъ схваченъ и увезенъ въ крытой повозкѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ его возили по разнымъ провинціямъ, скрывая отъ глазъ его всякую живую душу: и сами проводники не показывались ему съ открытымъ лицомъ. Наконецъ, по истеченіи этого времени, ночью отпрягли лошадей, а его оставили спящимъ въ повозкѣ. Онъ ждалъ до утра, полагая, что снова поѣдутъ, какъ обыкновенно. Утро настало, но никто не приходилъ; вдругъ онъ слышитъ, что около него разговариваютъ по-курляндски; онъ отворяетъ дверцы и видитъ себя у порога своего собственнаго дома. Сакенъ пожаловался герцогу; этотъ сыгралъ только комедію, пославъ и съ своей стороны жалобу въ Петербургъ. Отсюда отвѣчали, что если найдутся виновники этого дѣла, то ихъ строжайшимъ образомъ накажутъ.

XI.

Вторженія калмыковъ въ Кубанскую область.—Вторженіе татаръ въ Украйну.—Походъ 1738 г. подъ предводительствомъ Миниха.—Переправа черезъ Бугъ.—Битва на Кодимѣ.—Савранское сраженіе.—Бой между рѣками Мологищемъ и Бѣлогищемъ.—Армія приходитъ къ Днѣстру.—Армія удаляется съ Днѣпра.—Армія снова переходитъ черезъ Бугъ.—Нападеніе татаръ на фуражировъ.—Размышленія по поводу похода 1738 г.—Жалобы поляковъ.—Жалобы вѣнскаго двора на фельдмаршала Миниха.—Крымскій походъ подъ предводительствомъ фельдмаршала Ласи.—Ласи вступаетъ въ Крымъ и овладѣваетъ Перекопомъ.—Взятіе Перекопа.—Жаркое дѣло между турками и русскими.—Ласи выступаетъ изъ Крыма и возвращается въ Украйну.—Состояніе очаковскаго гарнизона.—Казнь мнимаго царевича.

1738—1739.

Возвращаюсь къ военнымъ дѣйствіямъ. Калмыки сдѣлали новый набѣгъ на Кубань. Большая часть края была ими опустошена. Остальные покорились ея императорскому величеству.

Зимнія квартиры арміи оставались тѣ же, что были въ прошломъ году, т. е. въ Украйнѣ, гдѣ большая часть арміи была занята пробитіемъ льда на Днѣпрѣ и огражденіемъ границъ отъ татарскихъ набѣговъ, впрочемъ нисколько не прекращавшихся.

Такого рода значительный набѣгъ татары попытались было совершить въ февралѣ мѣсяцѣ, но успѣхъ былъ маловаженъ. Говорили, будто самъ ханъ стоялъ въ главѣ 40 т. человѣкъ. Замыслъ его былъ пробиться сквозь украинскія линіи, проникнуть дальше

въ страну и предать все мечу и огню. Подошедъ къ линіямъ, онъ нашелъ, что съ этой стороны пробиваться было бы слишкомъ опасно, такъ какъ ему могутъ отрѣзать отступленіе. Тогда онъ пошелъ далѣе до Изюма, гдѣ линіи не существуютъ, а напротивъ стелются равнины. Пришедши сюда, онъ не хотѣлъ рисковать всѣмъ своимъ войскомъ въ непріятельской землѣ; пошелъ на Донецъ, и оттуда уже сталъ высылать въ Украйну отряды татаръ, которые успѣли сжечь нѣсколько селъ и увести много мѣстнаго народу. Между тѣмъ генералы, охранявшіе границы, собрали свои войска, и такъ искусно повели ихъ, что нѣсколько татарскихъ отрядовъ были отрѣзаны на дорогѣ и добыча у нихъ отнята, а когда войска соединились и двинулись на встрѣчу ханской арміи, ханъ поспѣшно бѣжалъ. Въ это самое время фельдмаршалъ Минихъ возвращался изъ Петербурга въ свою квартиру, въ Полтавѣ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ сталъ преслѣдовать татаръ по степямъ, сдѣлавъ нѣсколько переходовъ, но не нагналъ ихъ. Послѣ того войска вернулись въ свои зимнія квартиры.

Графъ Минихъ, желая пораньше открыть походъ, заставилъ полки заняться своей аммуниціей и запастись сухарями на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Россіи солдата ничѣмъ не снабжаютъ; онъ долженъ самъ изготовлять все необходимое; повозки, мундиры, даже хлѣбъ, изготовляются въ полку; солдатамъ раздаютъ муку, а они уже сами пекутъ хлѣбъ и сухари; послѣдніе въ походѣ легче перевозятся и меньше подвергаются порчѣ.

Въ началѣ года, при дворѣ происходило большое производство въ генералы; но чтобы не обременять военной кассы сверхштатными расходами, то новымъ генераламъ предоставлены тѣ же полки, которыми они командовали въ чинѣ полковника; изъ доходовъ съ нихъ они должны были получать себѣ жалованье. Коммисаріатъ выплатилъ имъ только излишекъ противу прежняго ихъ оклада. Въ Россіи полка лишается тотъ, кто произведенъ въ генералы.

Въ началѣ апрѣля полкамъ дано приказаніе выступить въ походъ и отправиться на общее сборное мѣсто арміи, и именно, какъ въ прошломъ году, близь Переволочной. Въ первыхъ числахъ мая вся армія была въ сборѣ и переправилась черезъ Днѣпръ по понтонному мосту.

Служившіе въ этомъ походѣ подъ начальствомъ Миниха генералы были слѣдующіе: генералъ-аншефъ Румянцевъ, генералъ-поручики: Загряжскій, Карлъ Биронъ, Левендаль и

Густавъ Биронъ, генералъ-маіоры: принцъ Антонъ-Ульрихъ Брауншвейгскій, принцъ Голштейнскій, Бутурлинъ, Ливенъ, Кайзерлингъ, Ферморъ, Магнусъ Биронъ, Философовъ, Хрущевъ, Штокманъ, князь Василій Репнинъ, и др. Артиллерію поручили въ особенности Левендалю, такъ какъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій, женившись въ Петербургѣ, не участвовалъ ни въ этомъ, ни въ слѣдующемъ походѣ. Дворъ остался недоволенъ его образомъ дѣйствія въ оба первые похода. По причинѣ раны, полученной подъ Очаковымъ, генералъ Кейтъ не могъ также участвовать ни въ настоящемъ походѣ, ни въ слѣдующемъ. Императрица произвела его въ генералъ-аншефы, чинъ, соотвѣтствующій генералу отъ кавалеріи или инфантеріи въ германскихъ войскахъ. Во время этого похода онъ оставался въ Полтавѣ, имѣя подъ командою всѣ войска, оставленныя для защиты Украйны. Въ продолженіе этой кампаніи армія фельдмаршала Миниха едва состояла изъ 55-ти т. человѣкъ, включая сюда казаковъ.

Переправясь черезъ Днѣпръ, армія прошла спокойно, не торопясь, до рѣки Буга, куда прибыла 30-го іюня. Въ этотъ же день отъ плѣнныхъ, взятыхъ легкими войсками, получено первое извѣстіе, что непріятель находится по близости и идетъ къ рѣчкѣ Кодимѣ, гдѣ будетъ выжидать русскую армію и дастъ ей сраженіе. Первое дѣло, стали строить мосты; три изъ нихъ были готовы 3-го іюля; одинъ былъ понтонный, а два сплочены изъ бочекъ.

4-го числа армія начала переходить черезъ мосты, а 7-го — и всѣ обозы прошли. Армія простояла на другомъ берегу лагеремъ три дня. Здѣсь она была раздѣлена на три дивизіи; изъ нихъ каждая образовывала каре, въ срединѣ котораго заключала свой багажъ, когда находилась въ походѣ. Но онѣ и лагеремъ стояли такимъ же образомъ, когда мѣстность не позволяла упереться въ рѣку, или иначе занять болѣе крѣпкую позицію.

10-го числа армія выступила въ походъ, и около полудня переправилась черезъ рѣчку Кодиму, недалеко отъ впаденія ея въ Бугъ, на различныхъ устроенныхъ тутъ мостахъ; затѣмъ, стала лагеремъ между обѣими рѣками, лѣвымъ флангомъ къ Кодимѣ, а правымъ къ Бугу, такъ что послѣдняя находилась у нея въ тылу. Около шести часовъ пополудни, пока войско устраивало лагерь, начальникъ донскихъ казаковъ извѣстилъ, что по той сторонѣ Кодимы, черезъ которую армія только что переправилась, показался непріятель въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ.

Но, какъ большая часть армейскаго и артиллерійскаго обоза не успѣла прибыть въ лагерь, по причинѣ затруднявшихъ дорогу дефилей, то генералъ Румянцевъ и генералъ-поручикъ Густавъ Биронъ взяли нѣсколько полковъ и воротились на тотъ берегъ. Въ этотъ день непріятель ничего не предпринималъ; армія спокойно устроила свой лагерь; артиллерія, провіантъ, весь остальной обозъ успѣли прибыть туда ночью.

11-го числа, раннимъ утромъ, казаки донесли, что вдали показался непріятельскій отрядъ; на это не обратили большаго вниманія; когда же къ 7-ми часамъ все пространство въ полтора лье покрылось турками, фельдмаршалъ разсудилъ, что дѣло становилось серьезнымъ. Фуражиры и ихъ прикрытіе были отозваны назадъ въ лагерь, и всей арміи велѣно стать подъ ружье. Въ 8 часовъ передовые отряды праваго крыла были атакованы. Генералъ-поручикъ Загряжскій такъ кстати пришелъ къ нимъ на помощь съ частію армейскихъ пикетовъ, что непріятель на этомъ мѣстѣ былъ отбитъ. Въ тоже время турки атаковали лагерь украинскихъ казаковъ, въ надеждѣ справиться съ ними безъ большаго сопротивленія, такъ какъ это было самое худшее русское войско. Но, видя приближеніе нѣсколькихъ пикетовъ, которыхъ велъ генералъ-маіоръ Философовъ, они ушли.

Сильнѣе всего дѣйствовалъ непріятель противъ центра. Бригадиръ Шиповъ, будучи дежурнымъ и видя, что передовые посты праваго крыла атакованы, собралъ въ одинъ корпусъ передовые посты центра. Такъ какъ онъ слишкомъ зашелъ впередъ, то турки окружили и атаковали его со всѣхъ сторонъ. Онъ защищался со всевозможною храбростью, но ему бы не устоять, если бы не пришли скоро на помощь ему. На выручку ему двинулся самъ фельдмаршалъ, во главѣ кирасирскаго отряда. Его поддерживали генералъ-поручики Левендаль и Густавъ Биронъ, каждый съ нѣсколькими баталіонами. Наконецъ, и здѣсь отбили непріятеля. Онъ возобновлялъ атаки еще нѣсколько разъ, но безъ всякаго успѣха. Артиллерія дѣйствовала отлично; отъ нее непріятель потерялъ людей больше, нежели отъ ружейнаго огня. Турки оставались еще нѣсколько времени въ виду у русскихъ; но когда фельдмаршалъ двинулся впередъ съ частію арміи, такъ что фланги защищала пѣхота, драгуны, большею частію спѣшившіеся, шли между пѣхотою вдоль линій, а гусары и казаки на

флангахъ, то непріятель совершенно удалился по очевидной невозможности устоять противу слишкомъ сильнаго артиллерійскаго огня. Съ обѣихъ сторонъ уронъ былъ не великъ: у русскихъ раненъ одинъ полковникъ, а на полѣ битвы найдено около 200 непріятельскихъ труповъ.

Покуда главныя турецкія силы тревожили армію, одинъ ихъ корпусъ былъ отряженъ на встрѣчу обозу, шедшему изъ Украйны и успѣвшему безпрепятственно подойти къ арміи на разстояніи 4-хъ лье. Но, благодаря степной мѣстности, командующій обозомъ офицеръ усмотрѣлъ непріятеля весьма изъ далека. Онъ успѣлъ окружить себя обозомъ, изъ-за котораго и защищался, пока фельдмаршалъ, извѣстившійся объ опасномъ его положеніи, не отправилъ къ нему на помощь нѣсколько полковъ, которые его и выручили; затѣмъ обозъ вступилъ въ лагерь, не потерявъ ни одной повозки. При этомъ случаѣ въ армію прибыло нѣсколько иностранныхъ офицеровъ, кто волонтеромъ на время похода, а кто для поступленія на службу. Въ числѣ волонтеровъ находились графъ Краффордъ (Crafford), нѣсколько шотландцевъ или англичанъ, и графъ Изенбургъ, кавалеръ тевтоническаго ордена и подполковникъ гессенской службы.

Послѣ этого дѣла армія нѣсколько дней продолжала путь спокойно; турки подходили къ ней только малыми партіями. Между тѣмъ дошли слухи, что они со всѣми своими силами идутъ къ рѣчкѣ Саврану на границѣ Польши. Графъ Минихъ рѣшился слѣдовать за ними туда. Онъ прибылъ къ мѣсту 17-го числа, и тотчасъ же приступлено было къ устройству мостовъ для переправы.

18-го числа посланные на развѣдки запорожскіе казаки воротились съ извѣстіемъ, что непріятель находится не далѣе, какъ въ одну или двѣ лье, и въ настоящую минуту идетъ атаковать русскихъ.

19-го числа авангардъ арміи, состоявшій изъ 7-ми пѣхотныхъ полковъ, 1 гусарскаго и изъ нѣсколькихъ тысячъ казаковъ, подъ командою генералъ-поручика Карла Бирона, перешелъ черезъ Савранъ. Въ часъ пополудни непріятель распорядился атаковать армію. Турки начали съ запорожскихъ казаковъ, взявшихъ позицію на высотѣ съ праваго фланга, и укрѣпившихся за обозомъ; они нѣсколько разъ, и верхомъ, и спѣшившись, уда-

ряли на русскихъ съ большою силою, но встрѣтили такой отпоръ, какого не ожидали; это ихъ крайне озадачило, такъ что когда фельдмаршалъ выслалъ казакамъ нѣкоторую помощь, непріятель удалился въ сосѣдній лѣсъ.

Между тѣмъ графъ Минихъ вывелъ армію изъ лагеря, въ которомъ, подъ начальствомъ генерала Румянцева, оставилъ лишь столько людей, сколько нужно было для охраны обоза. Онъ образовалъ только одну линію, правымъ флангомъ опиравшуюся на запорожскій лагерь, а лѣвымъ на глубокую и чрезвычайно крутую балку, находившуюся впереди лагеря. Эти мѣры не смутили непріятеля. Онъ нѣсколько разъ атаковывалъ то правый, то лѣвый флангъ; нѣкоторые даже обошли линію и напали на лагерь. Однако ихъ отвсюду отбивали. Къ 4 часамъ непріятель отступилъ со всѣхъ сторонъ; полагали даже, что онъ окончательно сойдетъ съ поля битвы. Однако ошиблись. Къ 5-ти часамъ турки снова выстроились впереди лѣса и кинулись на русскихъ съ большею противъ прежняго яростью; ихъ снова отбили, и они принуждены были бѣжать, оставивъ на мѣстѣ сраженія болѣе тысячи убитыхъ. Этой побѣдѣ много содѣйствовалъ генералъ-поручикъ Левендаль, разставивъ артиллерію на высотѣ у праваго крыла, откуда онъ громилъ непріятеля съ фланга.

Это дѣло привело непріятеля въ такое уныніе, что онъ не только не безпокоилъ русскую армію въ ея походѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, но даже о немъ и слыхать не было. Только 1-го августа одинъ валахскій дезертиръ извѣстилъ, что въ 4-хъ льё отъ арміи стоитъ значительный корпусъ, состоящій изъ турокъ и татаръ, подъ командою бѣлгородскаго султана и четырехъ пашей, и что непріятель намѣренъ произвести атаку на слѣдующее утро. По этому извѣстію стали дѣлать приготовленія къ бою, а какъ армія въ это время проходила чрезъ дефилеи, то она шла, не останавливаясь, всю ночь, чтобы успѣть выдти изъ нихъ до утра. Отряженные для наблюденія за непріятелемъ донскіе казаки, 3-го числа, рано утромъ, возвратились, ведя съ собою 8 человѣкъ плѣнныхъ, захваченныхъ у непріятельскаго отряда, котораго они встрѣтили и обратили въ бѣгство. Плѣнные объяснили, что бендерскій сераскиръ, перешедъ съ арміею Днѣстръ, приказалъ бѣлгородскому султану идти съ своими татарами на встрѣчу русскимъ; но тотъ отказался это исполнить, если сера-

скиръ не дастъ ему въ помощь нѣсколько турецкаго войска. Тогда сераскиръ далъ 8,000 человѣкъ подъ командою Вели-папи, одного изъ лучшихъ ихъ офицеровъ, того самаго, который атаковалъ русскихъ въ дѣлахъ 9-го и 11-го іюля. Этотъ Вели-папа въ слѣдующемъ за тѣмъ году былъ бендерскимъ сераскиромъ и командовалъ оттоманскими войсками противъ русскихъ.

Армія продолжала идти къ Днѣстру, до котораго оставалось пройти только двѣ лье; справа у нее была рѣчка Молочище, слѣва Бѣлочище. Когда вскорѣ затѣмъ показался непріятель, фельдмаршалъ, въ главѣ отряда конной гвардіи и кирасировъ, самъ пошелъ на рекогносцировку. Онъ увидалъ турокъ, выстроенныхъ въ боевой порядокъ, позади горы, въ полулье отъ арміи. Вслѣдствіе этого онъ приказалъ генералъ-квартирмейстеру Фермору, командовавшему авангардомъ, 7-ю пѣхотными полками, однимъ гусарскимъ полкомъ и двумя тысячами казаковъ, образовать изъ своего войска каре, идти на высоту и оттуда высмотрѣть расположеніе непріятеля. Въ тоже время онъ приказалъ генералъ-поручику Карлу Бирону слѣдовать со всею своею дивизіею за авангардомъ и выдвинуть впередъ, подъ командою принца Брауншвейгскаго, три пѣхотные полка и нѣсколько конно-гренадерскихъ ротъ. Съ этимъ корпусомъ принцъ сталъ противъ лѣваго непріятельскаго крыла. Къ нему присоединился генералъ-поручикъ Левендаль, который тутъ же расположилъ полевую артиллерію. Вскорѣ потомъ непріятель ударилъ на дивизію генералъ-поручика Бирона и на отрядъ принца Брауншвейгскаго; однако его живо отбросили, у него произошло смятеніе; а когда турки увидали, что на нихъ идутъ, то они бѣжали. Ихъ преслѣдовали легкія войска, которыя, воротясь, донесли, что непріятель удалился отчасти къ Днѣстру, отчасти вдоль Молочища. За нѣсколько дней до этого дѣла, армія сдѣлала два перехода сряду по степи, гдѣ не было ни капли воды; если бы непріятель настигъ ее при такой печальной обстановкѣ, то онъ могъ бы нанести ей значительный вредъ.

6-го числа, съ разсвѣтомъ, армія выступила въ походъ, имѣя по прежнему по правую руку Молочище, по лѣвую Бѣлочище. Не прошла она много, какъ увидала на высотѣ, при впаденіи Молочища въ Днѣстръ, по ту сторону рѣчки, лагерь бѣлгородскаго султана, со всѣми его татарами и нѣсколькими тысячами

турокъ. Едва непріятель завидѣлъ армію, какъ тотчасъ же перешелъ черезъ рѣчку и занялъ позицію на высотѣ, влѣво отъ русскихъ; изъ этого маневра фельдмаршалъ заключилъ, что его хотятъ атаковать. Авангардъ остановился, чтобы дать время отставшимъ на пути дивизіямъ и арьергарду догнать его, да чтобы и принять мѣры къ прикрытію обозовъ и провіанта. Непріятель вывелъ много войска для атаки аріергарда, что исполнилось около 10-ти часовъ утра; въ тоже время другой корпусъ атаковалъ авангардъ; но этотъ тотчасъ же отбили казаки и калмыки. Атака же аріергарда была и продолжительнѣе и горячѣе. Графъ Минихъ лично туда отправился. Донскіе казаки испытали на себѣ первые порывы непріятельской ярости; такъ стремительно они на нихъ напали, что сначала казаки подались назадъ, однако, скоро оправившись, въ свою очередь, атаковали татаръ пиками и заставили ихъ отступить, несмотря на ихъ превосходство въ числѣ. Генералъ-маіоръ Философовъ, шедшій въ аріергардѣ съ четырьмя пѣхотными полками, долженъ былъ нѣсколько отстать, для прикрытія слѣдовавшаго за арміею остальнаго багажа, который, по причинѣ дурныхъ дорогъ, не могъ идти вплотную, какъ обыкновенно. Непріятель сильно ударялъ на него, и даже взялъ бы верхъ, если-бъ не скорая помощь генерала Румянцева, прибывшаго на мѣсто дѣйствія съ нѣсколькими конно-гренадерскими ротами и тремя пѣхотными полками, что заставило турокъ удалиться.

Для лучшаго огражденія обоза нѣсколько баталіоновъ были разставлены вдоль фланговъ, начиная отъ аріергарда до головы арміи; армія же отдыхала, покуда устроивался для нея лагерь. Непріятель хотѣлъ-было сжечь травы, но бывшіе передъ тѣмъ дожди уничтожали дѣйствіе огня. Около 5-ти часовъ пополудни непріятель произвелъ новую атаку на донскихъ казаковъ и калмыковъ; но, снова отброшенный, онъ удалился, держась берега Днѣстра.

Тутъ армія вступила въ лагерь, имѣя правое крыло на пушечный выстрѣлъ отъ Днѣстра, а тылъ—обращенный къ рѣчкѣ Бѣлочищѣ. Потеря русскихъ въ этомъ дѣлѣ не превышала 200 человѣкъ убитыми; въ числѣ ихъ былъ полковникъ донскихъ казаковъ.

Настоящій лагерь русскихъ приходился какъ разъ противъ

непріятельскаго, расположеннаго по ту сторону Днѣстра; онъ былъ искусно укрѣпленъ и съ хорошими батареями. По временамъ янычары переплывали рѣку на небольшихъ лодкахъ, чтобы схватиться съ передовыми караулами. Весь день 7-го числа прошелъ въ этихъ схваткахъ и въ обозрѣніи береговъ, для отысканія удобнаго мѣста для переправы. Но такъ какъ берега утесисты и чрезвычайно круты, то о такой переправѣ едва-ли можно было помышлять. Соображая непріятельскія силы, расположенныя на противоположномъ берегу и состоявшія изъ 60 тысячъ человѣкъ съ 60 пушками и 15 мортирами въ батареяхъ, да сосѣдство бѣлгородскаго султана, который не переходилъ через рѣку, а оставался влѣво отъ русскихъ въ двухъ лье, безпрестанно тревожа передовые караулы,—фельдмаршалъ ограничился устройствомъ на берегу батарей съ пушками и мортирами, и въ ночь на 9-е число открылъ огонь противъ непріятельскаго лагеря, но безъ всякаго результата. Между тѣмъ оказался недостатокъ и въ фуражѣ; пришлось по этому перемѣнить лагерь.

9-го числа, съ разсвѣтомъ, армія выступила въ походъ. Едва отошла она на пушечный выстрѣлъ отъ оставленнаго лагеря, какъ турки въ большомъ числѣ переправились черезъ рѣку и присоединились къ татарамъ. Они шли параллельно съ русскими во все время ихъ похода, безпрестанно тревожа ихъ. Непріятель, между тѣмъ, продолжалъ переправу черезъ рѣку во весь день, такъ что къ вечеру болѣе половины его арміи успѣла перейти.

10-го числа армія стала подъ ружье, чтобы прикрыть обозы, шедшіе черезъ мосты, которые были построены на Молочищѣ. Непріятель двинулся въ боевомъ порядкѣ и ударилъ на русскихъ одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ, повторяя свои нападенія, но ихъ постоянно отбивали; впрочемъ, никогда еще турки не оказывали такой стойкости. Мѣстность, изрытая оврагами, полная скалъ и громадныхъ камней, представляла для янычаръ то удобство, что они, прячась за каменьями, могли такъ близко подойти къ русскимъ, что стрѣляли въ нихъ почти въ упоръ. Однако фельдмаршалъ приказалъ наконецъ нѣсколькимъ гренадерскимъ ротамъ идти на нихъ; они такъ ловко на нихъ ударили, что заставили ихъ выдти изъ своихъ засадъ и бѣжать. Гусарскій Стоянова полкъ, да казаки и нѣсколько драгунскихъ ротъ преслѣдовали бѣжавшихъ на сколько позво-

ляла мѣстность. Потеря русскихъ простиралась до 300 человѣкъ; но ни одинъ офицеръ не былъ ни убитъ, ни раненъ. Непріятель лишился 1,000 человѣкъ, оставшихся на полѣ битвы.

Фельдмаршалъ оставался еще нѣсколько времени въ окрестностяхъ Днѣстра, подавая видъ, что намѣренъ совершить переправу; но онъ постоянно находилъ противъ себя непріятеля; наконецъ онъ пришелъ къ рѣкѣ Бугу, и тутъ переправился 1-го сентября, послѣ полученнаго извѣстія, что непріятельская армія не только раздѣлилась, но что даже тотъ отрядъ, который, не отставая, безпокоилъ его во время переходовъ, ушелъ по ту сторону Днѣстра.

Еще за нѣсколько времени до переправы фельдмаршала черезъ Бугъ, непріятель въ теченіе нѣсколькихъ дней показывался только издали, и то малыми партіями, что значительно успокоивало русскихъ. Бѣлгородскій султанъ воспользовался этимъ. Ночью онъ подошелъ къ арміи съ значительнымъ отрядомъ и сталъ въ засадѣ въ глубокой балкѣ. На другое утро, генералъ-поручикъ Загряжскій, командовавшій армейскою дивизіею, приказалъ своимъ людямъ выдти на фуражировку, подъ прикрытіемъ полковника, маіора и 800 человѣкъ какъ пѣхотинцевъ, такъ и драгуновъ; но какъ всѣ полагали себя въ безопасности, то прикрытіе служило только для виду. Фуражиры съ повозками своими оставили конвой позади и ушли за 2 лье отъ лагеря, разсыпавшись по равнинѣ. Внезапно бросаются на нихъ татары, умерщвляютъ четыре или пять сотъ человѣкъ солдатъ или деньщиковъ, столько же хватаютъ въ плѣнъ, и уводятъ до 2,000 головъ быковъ и лошадей, а прикрытіе уже не въ состояніи было помочь. Этотъ случай дорого обошелся командовавшему конвоемъ полковнику Тютчеву. На наряженномъ по волѣ фельдмаршала военномъ судѣ, Тютчева приговорили къ разстрѣлянію. Генералъ Загряжскій за то, что выслалъ людей на фуражировку безъ дозволенія фельдмаршала и съ малымъ конвоемъ, разжалованъ въ рядовые драгуны; тому же наказанію подвергся дежурный бригадиръ валахскій князь Кантакузинъ, за то, что онъ не находился на сборѣ отряда и не далъ инструкцій полковнику. Конвойный маіоръ также разжалованъ въ солдаты, но такъ какъ не онъ начальствовалъ, то наказаніе это не продлилось долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; но генералъ и бригадиръ

принуждены были весь слѣдующій походъ прослужить рядовыми драгунами, и получили прощеніе только послѣ мира.

Несмотря на это несчастное дѣло съ фуражирами, непріятель вообще не нанесъ большаго вреда русскимъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ походъ обошелся не легче предъидущихъ. Въ арміи было чрезвычайно много больныхъ, изъ которыхъ бо̀льшая часть умерли; а выздоровѣвшіе такъ были слабы, что не годились ни на какую службу, и поправились только послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія на зимнихъ квартирахъ. Никогда русская армія не теряла столько лошадей и быковъ. Дошло до того, что хотя для артиллеріи и было заготовлено нѣсколько сотень запасныхъ лошадей и быковъ, но къ концу похода почти не на чѣмъ было ее везти. Большое количество бомбъ и ядеръ было зарыто въ степяхъ, и столько же оставлено съ обозными повозками въ Польшѣ, чрезъ которую прошла артиллерія съ частью арміи.

Въ фуражѣ въ степяхъ оказывался большой недостатокъ, потому что татары подожгли травы. Пришлось арміи нѣсколько дней сряду проходить и становиться лагеремъ на сожженной мѣстности, безъ всякой возможности накормить вьючный скотъ. Это заставило графа Миниха раздѣлить армію на нѣсколько колоннъ, оставивъ себѣ послѣднюю. Этимъ онъ чрезвычайно облегчилъ довольствіе. Къ концу сентября вся армія вступила въ Украйну и расположилась на зимнія квартиры; Минихъ квартирою своею избралъ Кіевъ.

Идучи къ Днѣстру, русская армія прошла по польской землѣ. Коронный великій гетманъ, графъ Потоцкій, послалъ жалобу на это графу Миниху. Такъ какъ непріятель этимъ же путемъ пошелъ ему на встрѣчу, то фельдмаршалъ отвѣчалъ, что онъ знаетъ свои обязанности относительно нейтральнаго края, что онъ не вступилъ бы туда, если бы непріятель не указалъ ему пути. Графъ Потоцкій, недовольный этимъ возраженіемъ, жаловался петербургскому двору, но отсюда ему отвѣчали въ томъ же смыслѣ. Но еще сильнѣе раздались жалобы, когда большая часть арміи, возвращаясь съ Днѣстра, снова прошла черезъ Польшу. Самъ король, несмотря на тайное соглашеніе съ русскою императрицею, принужденъ былъ сдѣлать представленіе черезъ своего посла. Ему отвѣчали, что если непріятель прошелъ черезъ Польшу, то нельзя жаловаться, если армія пошла

той же дорогой; но если только гдѣ-либо были безпорядки и армія кому-либо причинила вредъ, то все будетъ вознаграждено до копѣйки.

Вѣнскій дворъ также сильно жаловался на графа Миниха за то, что онъ не выполнилъ условленнаго въ началѣ похода плана. По этому плану графъ Минихъ долженъ былъ перейти Днѣстръ и взять городъ Бендеры, или Хотинъ. Но тутъ встрѣтилось столько препятствій, что проектъ не могъ быть исполненъ. Графъ Минихъ легко оправдался передъ своимъ дворомъ, доказавъ самымъ очевиднымъ образомъ, что онъ не могъ ни перейти чрезъ Днѣстръ, ни рѣшиться на осаду которой либо изъ этихъ двухъ крѣпостей безъ совершенной гибели ввѣренной ему арміи. Онъ пришелъ бы въ такой край, гдѣ не только непріятель заблаговременно уничтожилъ фуражъ, но гдѣ въ добавокъ свирѣпствовала чума, именно въ Молдавіи и Валахіи. Но всѣ эти причины въ Вѣнѣ не принимались въ соображеніе. Тамъ говорили, что графъ Минихъ всегда былъ противъ ихъ двора; это онъ помѣшалъ императрицѣ послать 30 т. человѣкъ пѣхоты для присоединенія къ арміи императора въ Венгріи; что съ этимъ войскомъ можно бы было предпринять важныя дѣла противъ невѣрныхъ; но онъ, фельдмаршалъ, дѣйствуетъ только по увлеченію, и изъ одного честолюбія хотѣлъ быть въ главѣ большой арміи, съ которою ничего не сдѣлалъ, потому что злится на вѣнскій дворъ; и что бы онъ ни говорилъ, а онъ могъ бы предпринять что-нибудь по-важнѣе, если бы только захотѣлъ. Словомъ, императоръ такъ настаивалъ, что Миниху послано изъ Петербурга положительное приказаніе воротиться и взять одну изъ поименованныхъ двухъ крѣпостей. Это приказаніе получено имъ тогда, когда онъ уже перешелъ черезъ Бугъ и раздѣлилъ свою армію, отправляя ее въ Украйну. Фельдмаршалъ собралъ военный совѣтъ; всѣ генералы были того мнѣнія, что приказаніе это невыполнимо, даже и при пожертвованіи всей арміи. Императрица согласилась съ ихъ доводами и позволила войскамъ возвратиться. Такимъ образомъ вѣнскій дворъ вторично заставилъ петербургскій отдать приказаніе графу Миниху касательно возобновленія военныхъ операцій. Тоже случилось въ прошломъ году, послѣ взятія Очакова, когда непремѣнно хотѣли, чтобы русскіе взяли Бендеры. Въ заключеніе всѣхъ жалобъ, возобновили передъ императрицею просьбу о присылкѣ въ Венгрію,

на 1739 годъ, тѣхъ 30 т. человѣкъ пѣхоты, на которыя надѣялись еще въ прошлогоднемъ походѣ. Петербургскій дворъ далъ уже и слово; но когда Минихъ зимою пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ такъ съумѣлъ представить герцогу курляндскому и императрицѣ всю невыгоду для Россіи, если послать въ Венгрію лучшіе полки, что императоръ остался ни причемъ, какъ и въ прошломъ году.

Покуда графъ Минихъ направлялся къ Днѣстру, фельдмаршалъ Ласи со второю арміею снова шелъ по пути въ Крымъ. Армію его составляли никакъ не болѣе 30 или 35 т. человѣкъ, включая сюда и казаковъ.

6-го іюля, графъ Ласи съ арміею своею находился въ виду Перекопа; за линіями стоялъ ханъ съ 40 тысячнымъ войскомъ, и надѣялся порядкомъ затруднить вступленіе въ Крымъ. Онъ очень полагался на новыя линіи, устроенныя татарами передъ Palus-Meotides въ предъидущемъ году. Но графъ Ласи разстроилъ его планъ. Онъ вступилъ въ Крымъ, не потерявъ ни одного человѣка; дѣло въ томъ, что въ лѣтнюю засуху Азовское море нѣсколько присыхаетъ и западный вѣтеръ такъ угоняетъ волны, что можно вступить въ Крымъ, почти не замочивъ ногъ. Къ счастію, что этотъ вѣтеръ началъ дуть съ 7-го числа. Фельдмаршалъ воспользовался имъ, не упустивъ ни минуты. Онъ разставилъ свою армію вдоль берега въ одну линію и благополучно перешелъ море до возвращенія волнъ. Потонули только нѣсколько повозокъ въ аріергардѣ, не поспѣвшихъ за остальными, такъ какъ вскорѣ послѣ перехода арміи море снова нахлынуло. Армія овладѣла фортомъ Шиваскулой.

8-го числа фельдмаршалъ пошелъ къ Перекопу и осадилъ его; осада продолжалась только до 10-го числа. Сильный огонь, которымъ громили эту крѣпость, огромное количество брошенныхъ въ нее бомбъ, произведшихъ сполна свое дѣйствіе, заставили турецкаго коменданта просить капитуляціи. Фельдмаршалъ требовалъ непремѣнно, чтобы онъ сдался военноплѣннымъ, на что тотъ, послѣ нѣкоторыхъ возраженій, согласился. Гарнизонъ, состоявшій изъ 2,000 янычаръ съ двухбунчужнымъ пашею въ главѣ, вышелъ изъ крѣпости и положилъ оружіе. Генералъ-маіоръ Бриньи-младшій вступилъ въ крѣпость съ двумя пѣхотными полками и принялъ начальство надъ нею. Онъ нашелъ тутъ до

ста орудій, большею частію чугунныхъ, достаточный запасъ пороха, но очень мало хлѣба. Послѣ этого дѣла, Ласи двинулся въ Крымъ, который нашелъ въ жалкомъ состояніи и почти пустыннымъ.

20-го іюля происходило жаркое дѣло между татарами и частію арміи графа Ласи. Отрядъ въ 20 т. человѣкъ атаковалъ украинскихъ казаковъ, шедшихъ въ аріергардѣ, и при томъ съ такою яростью, что смялъ ихъ и произвелъ смятеніе въ Азовскомъ драгунскомъ полку, который хотѣлъ ихъ поддержать. Между тѣмъ генералъ-поручикъ Шпигель прибылъ на мѣсто съ четырьмя драгунскими полками и донскими казаками, чтобы удержать бѣгущихъ; не успѣли они оправиться, какъ непріятель снова на нихъ ударилъ съ яростью; бой былъ продолжительный и горячій. Фельдмаршалъ велѣлъ нѣсколькимъ пѣхотнымъ полкамъ, пришедшимъ уже въ лагерь, выступить на помощь; татары принуждены были удалиться, оставивъ на полѣ битвы болѣе 1,000 труповъ. Со стороны русскихъ потеряно отъ 6 до 7 сотъ человѣкъ, включая сюда казаковъ. Генералъ Шпигель былъ раненъ ударомъ сабли въ лицо.

Согласно съ данными ему инструкціями, графъ Ласи долженъ былъ овладѣть Кафою, самымъ укрѣпленнымъ пунктомъ въ Крыму, и морскою гаванью, въ которой турки часто содержатъ свой флотъ; но онъ повсюду нашелъ край въ такомъ разореніи, что арміи почти нечѣмъ было пропитаться. Кромѣ того, шедшій изъ Азова флотъ съ провизіею, подъ командою вице-адмирала Бредаля, былъ встрѣченъ на пути такою сильною бурею, что одна половина судовъ разбилась, а другая разсѣялась. И такъ, сдѣлавъ еще нѣсколько переходовъ, графъ Ласи привелъ армію обратно къ Перекопу, гдѣ приказалъ подорвать всѣ укрѣпленія и срыть линіи на значительное разстояніе. Въ этомъ лагерѣ онъ оставался до конца августа, послѣ чего пошелъ по дорогѣ въ Украйну, куда войска его прибыли на зимнія квартиры въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Извѣстія, приходившія изъ Очакова въ теченіе всего 1738 г., были очень печальны. Хотя и посланы были новобранцы для укомплектованія полковъ, какъ въ Очаковѣ, такъ и въ Кинбурнѣ, однако едва они тамъ водворялись, какъ мёрли, точно мухи; къ довершенію несчастія, въ оба города проникла чума, которая

страшно косила людей, такъ что генералъ Штофельнъ нѣкоторое время оставался безъ необходимой по крѣпости прислуги, а въ сентябрѣ 1739 г., когда ему приказано было срыть и бросить оба города, то онъ назадъ привелъ въ Украйну едва-ли треть своего первоначальнаго войска. Очаковъ стоилъ Россіи болѣе 20 т. чел.

Въ эту зиму армія также мало пользовалась спокойствіемъ на своихъ квартирахъ, какъ и въ прошлые годы. Одна часть полковъ занята была разбиваніемъ льда на Днѣпрѣ и защитою границъ отъ татарскихъ набѣговъ; другая работала на квартирахъ надъ исправленіемъ аммуниціи и приготовленіями къ предстоящему новому походу.

Въ мартѣ 1739 г. татары пытались ворваться въ Украйну и успѣли сжечь нѣсколько деревень, но добычи не захватили, благодаря сдѣланнымъ искуснымъ распоряженіямъ, такъ что въ нѣсколько часовъ многіе отряды могли соединиться и идти по тому направленію, въ которомъ показался непріятель. Такимъ образомъ разбили нѣсколько татарскихъ партій, разогнали и прочихъ, которыхъ казаки преслѣдовали въ самыя степи, и взяли въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ татаръ. Эта неудача въ Украйнѣ заставила татаръ стараться вознаградить себя инымъ образомъ; не обращая вниманія на существовавшій между ними и Польшею мирный договоръ, они ворвались въ это королевство и опустошили множество мѣстечекъ и деревень, откуда вывели всѣхъ жителей въ неволю.

Свирѣпствовавшая въ Молдавіи и Валахіи чума сообщилась также одной части Украйны, но, благодаря разумнымъ мѣрамъ фельдмаршала Миниха, зло не распространилось по всему краю. Однако, нельзя было отвратить того, что нѣсколько городовъ и селъ совершенно обезлюдѣли.

Въ ноябрѣ этого года, въ Украйнѣ совершена страшная казнь. Сынъ мѣстнаго крестьянина сталъ выдавать себя за сына Петра I, царевича, умершаго въ 1718 году. Подъ этимъ именемъ пришелъ онъ въ одно пограничное село, гдѣ объявилъ о себѣ тремъ солдатамъ, стоявшимъ на караулѣ у сигнальныхъ маяковъ. Солдаты и поселяне оказали ему почести, мѣстный священникъ велѣлъ звонить въ колокола и отслужилъ въ честь его литургію; наконецъ, все населеніе столпилось на улицѣ, и дѣло приняло бы, пожалуй, серьезный оборотъ, если-бъ не узналъ

о томъ казацкій сотникъ, который немедленно сообщилъ о случаѣ находившемуся по близости генералу Румянцеву. Лжецаревича и его немногочисленныхъ приверженцевъ безъ труда арестовали и увезли въ Петербургъ, гдѣ они судились въ Тайной Канцеляріи. Потомъ ихъ обратно отправили въ Украйну; генералъ-маіору Шипову дано приказаніе казнить ихъ. Мнимый царевичъ живой посаженъ на колъ, священникъ и три солдата казнены различною смертію. Поселянамъ императрица объявила прощеніе, однако село ихъ было срыто, а крестьяне переведены въ другія мѣста

XII.

Начало кампаніи.— Переправа черезъ Бугъ.— Минихъ переходитъ черезъ Днѣстръ.— Битва на Днѣстрѣ.— Случай съ княземъ Кантеміромъ.— Армія вступаетъ въ прекопскія, или чернатскія ущелья.— Битва при Ставутчане.— Взятіе Хотина.— Гвардію и военноплѣнныхъ отправляютъ въ Украйну.— Минихъ вступаетъ далѣе въ Молдавію.— Императоръ заключаетъ съ своей стороны миръ съ Портою.— Экспедиція донскихъ казаковъ подъ командою бригадира Фролова.—Русская армія возвращается на свои квартиры.—Старанія русскаго двора о заключеніи мира.—Русская армія удаляется изъ Молдавіи и возвращается въ Украйну.— Способъ, употребленный генераломъ Левенвольдомъ для перевозки артиллеріи черезъ Днѣстръ.—Размышленіе по поводу похода 1739 г.

1739 г.

По возвращеніи отъ двора, въ концѣ марта мѣсяца, фельдмаршалъ Минихъ объявилъ по полкамъ, чтобы они были готовы выступить въ походъ черезъ сутки по объявленіи о томъ приказа.

Сборнымъ мѣстомъ арміи назначена окрестность Кіева. Поэтому бо́льшей части войска приходилось пройти вдвое больше разстоянія противъ прежнихъ лѣтъ, когда сборное мѣсто назначалось въ центрѣ зимнихъ квартиръ. Полки, расположенные на Дону, Донцѣ и около украинскихъ линій, должны были пройти 200 лье до Кіева. 26-е апрѣля назначено было для общаго сбора, но, по сказаннымъ причинамъ, отдаленные полки не явились.

Днѣпръ вышелъ изъ береговъ и наводнилъ окрестность на два лье кругомъ. Несмотря на это препятствіе, стали устроивать понтонный мостъ, который окончили 8-го мая. Сперва прошли ближайшіе полки, остальные—по мѣрѣ ихъ прибытія; но, несмотря на употребленную поспѣшность, войска съ артиллеріею и провіантскимъ обозомъ собрались не ранѣе 4-го іюня, когда вся армія находилась уже на другомъ берегу.

Въ настоящій годъ армія графа Миниха состояла изъ 49-ти

баталіоновъ, включая сюда три баталіона пѣшей гвардіи; кавалерію составляли: три эскадрона конной гвардіи, 100 драгунскихъ эскадроновъ, 6 гусарскихъ, 6 валахскихъ и 4 грузинскихъ. Кромѣ того, набрано было 13 т. казаковъ всѣхъ категорій. Артиллерію составляли 62 осадныя пушки, 11 мортиръ, 16 гаубицъ и 176 полевыхъ орудій. Къ ней прислуги приставлено 3,000 человѣкъ. Словомъ, въ арміи насчитывали отъ 60 до 65-ти т. чел.

Служившіе подъ начальствомъ Миниха генералы были: генералъ-аншефъ Румянцевъ, генералъ-поручики: Карлъ Биронъ, Левендаль, Густавъ Биронъ, генералъ-маіоры: принцъ Голштейнскій, Хрущовъ, князь Репнинъ, Философовъ, Бахметевъ, Кейзерлингъ, Ферморъ, Шиповъ, Штокманъ и Апраксинъ.

Несмотря на постоянныя жалобы поляковъ, дворъ рѣшился въ этотъ разъ провести свою армію черезъ ихъ королевство, что значительно сокращало путь до Днѣстра, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ для войскъ такія удобства, которыхъ они были лишены въ предъидущіе походы. Оттого въ этомъ году армія и страдала меньше, и больныхъ было немного, въ сравненіи со всѣми прежними годами.

7-го іюня армія вступила въ Польшу близь Василькова, небольшой пограничной крѣпостцы. Польскій великій гетманъ приказалъ шляхтѣ сѣсть на коня, и это дворянское ополченіе расположилось во многихъ мѣстахъ для предотвращенія безпорядковъ отъ легкаго войска; но, несмотря на всѣ старанія поляковъ, которые постояно шли бокъ о бокъ съ русскими при ихъ переходахъ, они многаго не могли отвратить.

Для большаго удобства русская армія шла нѣсколькими колоннами, и 10-го іюля пришла къ Бугу, черезъ который переправилась въ трехъ мѣстахъ: первая дивизія у Константинова, вторая у Летичева, а третья у Мендзибожа. Пришло извѣстіе, что турецкій корпусъ въ 60 т. человѣкъ перешелъ черезъ Днѣстръ и вступилъ въ Польшу съ намѣреніемъ недопустить русскихъ переправиться черезъ Бугъ; но какъ ихъ предупредили, то они вернулись, опустошивъ напередъ нѣсколько деревень.

Съ цѣлію обмануть непріятеля и заставить его совершать безполезные переходы, или же удерживать бо̀льшую часть арміи по близости Бендеръ, велѣно было большому отряду казаковъ идти

по направленію къ Сорокѣ, и распускать на пути слухъ, будто за ними черезъ нѣсколько дней послѣдуетъ часть арміи. Этотъ ложный слухъ заставилъ сераскира Вели-пашу двѣ недѣли простоять съ главными силами своими у Бендеръ.

Казацкій отрядъ благополучно переправился вплавь черезъ Днѣстръ, не будучи замѣченъ непріятельскими отрядами; углубился въ край на 15 лье, сжегъ нѣсколько деревень и оба города—Сороку и Могилевъ. При возвращеніи въ лагерь, привели 18 плѣнныхъ и болѣе 400 лошадей, взятыхъ по большей части на польской землѣ.

До 27-го іюля армія продолжала походъ къ Днѣстру, обходя такъ называемыя Недоборческія горы и повернувъ потомъ вдоль по рѣкѣ Збручь, къ Хотину, какъ бы съ намѣреніемъ переправиться черезъ Днѣстръ въ окрестностяхъ этого города.

Значительный непріятельскій отрядъ двинулся къ Збручу съ цѣлью помѣшать переправѣ, во всякомъ случаѣ затруднительной по крутости береговъ этой рѣки. Но у фельдмаршала и не было намѣренія переправляться тутъ; онъ хотѣлъ пройти къ Днѣстру и прибыть туда, незамѣченный непріятелемъ. 28-го іюля, онъ выступилъ съ корпусомъ отборнаго войска въ 20 т. человѣкъ, взявъ съ собою только полевую артиллерію; обоза не брали тоже: каждый солдатъ несъ съ собою запасъ хлѣба на 6 дней; осадная артиллерія и обозъ оставлены въ лагерѣ, подъ охраненіемъ генерала Румянцева.

Въ этотъ день и 29-го числа корпусъ фельдмаршала совершилъ переходъ въ 20 французскихъ лье, и къ вечеру подошелъ къ Днѣстру, по близости польской деревни Синковцы. Первое дѣло, начали устроивать мосты, и успѣли кончить ихъ 30-го числа, въ семь часовъ утра; во всей окрестности не было ни одного непріятельскаго солдата. До вечера еще переправились на ту сторону вся пѣхота и полевая артиллерія. Казаки же и драгуны еще наканунѣ переправились, отыскавъ бродъ.

Поджидая русскихъ у Збруча, непріятель только 1-го августа узналъ объ этомъ движеніи русскихъ, по переходѣ ихъ черезъ Днѣстръ. Онъ отступилъ сначала къ Хотину и перешелъ черезъ Днѣстръ ниже города. Синковца отстоитъ отъ Хотина не болѣе, какъ на 6 или на 7 лье, но это разстояніе заставлено непроходимыми горами, идущими отъ Днѣстра до Прута; онѣ-то

и задержали непріятеля, такъ что не прежде, какъ пробывъ три или четыре дня въ дорогѣ, могъ онъ встрѣтиться съ русскими; только черезъ извѣстные Прекопскіе дефилеи можетъ свободно пройти армія.

Русскіе воспользовались своимъ преимуществомъ; отряды войскъ отправлены во всѣ стороны; они ушли за Прутъ и привели около ста плѣнныхъ, изъ попавшихся имъ на встрѣчу турокъ и валаховъ; принесли нѣсколько отнятыхъ у непріятеля значковъ, побивъ и разсѣявъ отряды; а добыча лошадей и скота была необыкновенно велика.

Послѣ переправы черезъ Днѣстръ, нѣсколько дней сряду шли дожди, отъ которыхъ рѣка такъ переполнилась, что снесла мосты и едва не увлекла съ теченіемъ до Хотина; однако успѣли ихъ задержать, но съ большимъ трудомъ привели на мѣсто къ мостовымъ укрѣпленіямъ, построеннымъ по ту и другую сторону рѣки. Эти же дожди задержали походъ остальной арміи, слѣдовавшей съ тяжелою артиллеріею, обозомъ и провіантомъ; она пришла къ Днѣстру не ранѣе 7-го августа. Но какъ мосты къ этому времени еще не могли быть исправлены, то нѣсколько дней не было сообщенія между обоими корпусами, что̀ заставило графа Миниха возвести нѣсколько редутъ передъ фронтомъ лагеря.

3-го числа въ виду лагеря показались султанъ Ислямъ-Гирей съ 12 т. татаръ и Илія-Калчакъ-баша, хотинскій комендантъ, съ 6 т. серденгести или конными янычарами, называемыми безпощадными; они атаковали фуражировъ Тобольскаго драгунскаго полка, командуемаго полковникомъ Роденомъ; но какъ полковникъ со всѣмъ своимъ полкомъ составлялъ ихъ прикрытіе, то онъ образовалъ изъ него каре, и храбро защищался болѣе часа, пока не пришли на помощь армейскіе пикеты. Дѣло было жаркое; непріятель былъ отбитъ, потерявъ 600 человѣкъ, павшихъ на мѣстѣ. Татарскій сановникъ Али-мурза былъ взятъ въ плѣнъ; судя по его рѣчамъ, онъ былъ человѣкъ умный. Онъ былъ раненъ въ ногу, и черезъ нѣсколько дней лекаря объявили, что для излеченія необходимо отнять ее. Онъ выдержалъ операцію съ большимъ мужествомъ и рѣдкимъ спокойствіемъ. Фельдмаршалъ приказалъ заботиться о немъ, однако татаринъ вскорѣ умеръ. Въ этомъ дѣлѣ русскіе потеряли 54 чел. убитыми и 115 ранеными; въ числѣ первыхъ находился саксон-

скій подполковникъ Кизлингъ, котораго польскій король посылалъ участвовать въ русскомъ походѣ.

10-го числа изъ Хотина слышна была пушечная пальба, въ честь прибытія туда изъ Бендеръ сераскира Вели-паши съ турецкою арміей, которой онъ былъ главнокомандующій.

11-го числа татары сдѣлали новую попытку къ нападенію; 1,500 человѣкъ отборной кавалеріи подкрались къ лагерю; но скрывшіеся въ углубленіи казаки и отрядъ гусаровъ такъ ловко ихъ приняли, что не только рѣшительно отбили ихъ до самаго Прута, въ которомъ много татаръ потонуло, но и убили большое число, и въ плѣнъ взяли 16 человѣкъ.

15-го августа пришла остальная артиллерія и обозъ, и переправились черезъ Днѣстръ; затѣмъ мосты были разобраны. Со времени переправы перваго корпуса черезъ Днѣстръ не проходило дня, чтобы въ лагерь не являлись валахскіе и молдавскіе офицеры съ солдатами, объявляя желаніе свое покориться и вступить на службу къ ея императорскому величеству. Съ дозволенія двора, фельдмаршалъ, до выступленія въ походъ, образовалъ цѣлый полкъ изъ валаховъ. Начальство надъ ними поручено князю Кантеміру [1]), вышедшему изъ Молдавіи въ 1736 г. Всѣ прибывшіе молдаване были зачислены въ этотъ полкъ.

Отправляясь въ Россію, князь Кантеміръ проѣзжалъ черезъ Броды, резиденцію великаго гетмана польскаго графа Потоцкаго, его близкаго родственника, и сообщилъ ему о своемъ намѣреніи ѣхать въ Кіевъ. Будучи недругомъ Россіи, Потоцкій приказалъ арестовать Кантеміра и посадить въ тюрьму. Въ тоже время онъ писалъ въ Константинополь, что Кантеміръ находится въ его власти и что онъ выдастъ его туркамъ. Если бы Кантеміръ былъ выданъ туркамъ, то съ него живаго содрали бы кожу. Въ виду такой опасности, Кантеміръ нашелъ человѣка, взявшагося доставить письмо отъ него въ Кіевъ къ тамошнему коменданту, которому онъ описалъ свое положеніе. Находившійся въ крѣпости генералъ Кейтъ немедленно отправилъ къ графу Потоцкому офицера, съ требованіемъ выпустить князя. Сначала Потоцкій отпирался, будто Кантеміра нѣтъ у него; но послѣ повторенныхъ

[1]) Онъ былъ близкій родственникъ молдавскаго господаря князя Кантеміра, послѣдовавшаго за Петромъ I въ Россію послѣ несчастнаго прутскаго похода и мира. Прим. авт.

требованій и угрозъ петербургскаго двора, онъ далъ ему свободу и приказалъ проводить подъ конвоемъ до украинскихъ предѣловъ.

За невозможностью отмстить великому гетману лично, онъ вымѣстилъ свою ненависть на его подданныхъ. Когда князя Кантеміра отрядили съ полкомъ въ Молдавію, онъ этого не сдѣлалъ, а возвратился назадъ, переправился черезъ Днѣстръ и вступилъ въ Польшу, гдѣ онъ началъ опустошать владѣнія графа Потоцкаго; жегъ и рѣзалъ, не щадя ничего и никого; словомъ, учинилъ страшныя жестокости, и еслибъ ему попался въ руки самъ графъ Потоцкій, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ подвергъ бы его той же казни, на которую тотъ его обрекалъ.

Этотъ случай произвелъ большой шумъ; великій гетманъ жаловался; но Кантеміръ отпирался, не взирая на всѣ улики; а такъ какъ въ турецкой арміи много солдатъ изъ валаховъ, то имъ и приписали всѣ неистовства. Тѣмъ не менѣе, послѣ заключенія мира, императрица принуждена была выплатить полякамъ большія суммы денегъ, въ вознагражденіе совершенныхъ войскомъ ея безпорядковъ.

16-го августа армія выступила въ походъ и, сдѣлавъ переходъ въ 4 французскихъ лье, расположилась лагеремъ, правымъ крыломъ упираясь въ Прутъ, лѣвымъ въ рѣчку Балецку.

17-го числа армія переправилась черезъ эту рѣчку; тутъ она вступила въ горы и знаменитыя Прекопскія ущелья, гдѣ нѣкогда польскій король Янъ Собіескій нѣсколько разъ сражался съ татарами и мѣстными жителями. Валахскій перебѣжчикъ извѣстилъ, что непріятель очистилъ самое важное ущелье, въ которомъ 10 т. человѣкъ легко могутъ задержать стотысячное войско. Фельдмаршалъ отправилъ большой отрядъ для занятія этой мѣстности.

18-го числа армія пришла къ высотамъ и къ равнинѣ, покрытой рѣдкимъ лѣсомъ; тутъ расположились лагеремъ, правымъ крыломъ упираясь въ Прутъ, лѣвымъ въ горы. Вся армія благополучно прошла черезъ ущелья, только одинъ отрядъ, достаточный для прикрытія артиллеріи и обозовъ, не могъ такъ легко проникнуть съ ними въ ущелье; послѣдніе вышли изъ него только 26-го числа. Нельзя было не удивляться оплошности турокъ, оставившихъ безъ защиты этотъ проходъ, въ которомъ они могли

почти не сражаясь, уничтожить русскую армію. Съ другой стороны, не менѣе удивительно было счастіе фельдмаршала Миниха, которому удавались самыя трудныя предпріятія, скорѣе обѣщавшія неуспѣхъ.

Въ теченіе дня непріятель показывался только малыми партіями, которыя перестрѣливались изъ пистолетовъ съ казаками; по уходѣ его ввечеру, замѣтили, что у него въ долинѣ сокрытъ большой отрядъ, имѣвшій въ виду завлечь легкія войска въ засаду; однако это ему не удалось.

19-го числа Калчакъ-баша и султанъ бѣлгородскихъ татаръ, въ главѣ 20 т. войска, подошли къ лагерю, подсылая партіи для схватки съ казаками; но потерявъ нѣсколько людей отъ огня артиллеріи, они удалились въ свой лагерь, отдѣленный отъ русскаго рѣчкою Гукою и дефилеями. Ночью фельдмаршалъ распорядился атаковать непріятеля.

20-го числа, раннимъ утромъ, армія выступила изъ лагеря, оставивъ тамъ пришедшій съ нею небольшой обозъ. Главный обозъ еще проходилъ Прекопскія ущелья. Армія дефилировала лѣвымъ флангомъ и баталіоннымъ фронтомъ и безпрепятственно вышла на равнину. Непріятель сжегъ нѣсколько деревень, находившихся вперед и его, и удалился, предоставляя русскимъ переправиться черезъ Гуку, при чемъ и виду не подавалъ, что намѣренъ имъ противиться. Русскіе расположились въ лагерѣ, гдѣ наканунѣ стоялъ непріятель. Послѣдняго же лагерь былъ разбросанъ въ разныхъ мѣстахъ, за три или четыре лье отъ русскихъ.

21-го числа непріятель продолжалъ стычки свои съ легкими войсками, но 22-го онъ уже сильнѣе ударилъ на гусаръ и валаховъ; ихъ во-время поддержали и непріятель принужденъ былъ удалиться, потерявъ нѣкоторое число людей.

23-го и 24-го числа армія ограничилась перемѣщеніемъ изъ лагеря въ лагерь, въ ожиданіи прихода артиллеріи и обозовъ. Непріятель разставилъ караулы кругомъ всей русской арміи; въ 500 шагахъ отъ фронта и отъ тыла вовсе не было безопасности: нуженъ былъ сильный конвой для перехода изъ лагеря въ обозъ. Генералъ-маіоръ Штокманъ, имѣя надобность донести фельдмаршалу о чемъ-то касательно багажа и вообразивъ, что опасность вовсе не такъ велика, какъ сказывали, выѣхалъ на дорогу

въ сопровожденіи только двухъ запорожскихъ казаковъ. Едва въѣхалъ онъ въ рощу, бывшую на пути, какъ его окружилъ непріятель. Онъ сталъ отбиваться, но, получивъ рану, принужденъ былъ сдаться. Его увели въ Хотинъ, откуда его освободили по взятіи этого города русскими. Непріятель былъ въ восторгѣ, когда генерала привели къ нему въ лагерь; это было единственное значительное лицо, взятое турками въ плѣнъ въ продолженіе всей войны.

Фельдмаршалу дали знать, что непріятельская армія заняла лагеремъ весьма выгодную позицію на высотѣ, въ трехъ лье отъ него; что она окапывается и поджидаетъ русскихъ на сраженіе.

Наконецъ, 26-го числа прибыли въ лагерь главные обозы, артиллерія и провіантъ; около 20-ти т. человѣкъ было оставлено для прикрытія этого огромнаго числа повозокъ; нужно было ихъ дождаться, и по необходимости дать непріятелю время укрѣпиться въ своемъ лагерѣ.

27-го числа, съ разсвѣтомъ, армія выступила въ походъ, прошла черезъ нѣсколько мелкихъ рѣчекъ и дефилей и подошла къ турецкому лагерю на пушечный выстрѣлъ. Здѣсь-то русскіе увидали себя окруженными со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Сераскиръ Вели-паша, главнокомандующій турецкою арміею, стоялъ на возвышеніи въ лагерѣ, окопанномъ и защищенномъ нѣсколькими батареями. Калчакъ-баша съ серденгестами расположился слѣва отъ русскихъ, имѣя въ тылу лѣса и непроходимыя горы. Іенчъ Али-баша, командующій турецкою кавалеріею, или спагами, стоялъ вправо отъ нихъ, опираясь на горы, тянущіяся до самаго Прута, а бѣлгородскій султанъ Исламъ-гирей со всѣми татарскими ордами тревожилъ русскихъ съ тылу. Непріятель нападалъ на нихъ со всѣхъ сторонъ, безостановочно во весь день; ночью даже поднялъ тревогу, но такъ какъ русскій лагерь состоялъ изъ трехъ каре, кругомъ обставленныхъ рогатками и артиллеріею, то непріятеля не трудно было отбить. Между тѣмъ, не было возможности ни выдти на фуражировку, ни вести скотъ на пастбище. Во что бы то ни стало, надобно было выдти изъ этого затруднительнаго положенія.

Начальники оттоманской арміи, видя русскихъ окруженными отвсюду, радовались тому, что не препятствовали имъ пройти чрезъ Прекопскія ущелья: они надѣялись, что русскіе никакъ

не выдутъ изъ этой петли иначе, какъ сдавшись военно-плѣнными, или рѣшась на капитуляцію.

28-го числа, на разсвѣтѣ, вся армія стала подъ ружье. Фельдмаршалъ приказалъ тремъ гвардейскимъ баталіонамъ, тремъ пѣхотнымъ полкамъ, двумъ драгунскимъ, 400 человѣкъ пикетовъ и части легкаго войска, подъ командою генералъ-поручиковъ Левендаля и Густава Бирона, съ 30 тяжелыми орудіями и 4 мортирами, выдвинуться на полпушечный выстрѣлъ противъ праваго крыла окопаннаго непріятельскаго лагеря, подавая видъ, что русскіе намѣрены были атаковать его съ этой стороны. Началась пальба съ обѣихъ сторонъ изъ пушекъ и мортиръ и продолжалась безъ устали, но не производя особеннаго дѣйствія, особенно со стороны турокъ, которые послѣ ста выстрѣловъ, сдѣланныхъ до полудня, убили у русскихъ только одну лошадь. Этимъ движеніемъ имѣли въ виду только привлечь вниманіе непріятеля въ эту сторону и помѣшать ему достроить окопы, которые только что были начаты слѣва отъ него. Это удалось вполнѣ, потому что непріятель тотчасъ же выстроилъ вправо отъ себя двѣ новыя батареи и началъ проводить новую траншею.

Въ это время фельдмаршалъ, который уже наканунѣ обозрѣвалъ непріятельскій лагерь, снова пошелъ осматривать его, и нашелъ, что протекавшая слѣва отъ непріятеля рѣчка Шуланецъ вовсе не была непроходима, какъ полагали, имѣя въ виду по обоимъ берегамъ ея болота. Можно было привезенными съ собою на повозкахъ фашинами засыпать болота и такимъ образомъ пройти по нимъ, также какъ черезъ рѣчку, которая не глубока, а тамъ можно было обойти лагерь непріятеля, который не подозрѣвалъ атаки съ этой стороны и потому не принялъ на себя трудъ укрѣпить ее.

Въ полдень фельдмаршалъ приказалъ арміи выступить, взявъ дирекцію на право, а гвардіи съ упомянутыми отрядами стать въ срединѣ боеваго строя. Черезъ рѣчку Шуланецъ перебросили нѣсколько мостовъ; болота засыпали фашинами, прикрывъ ихъ досками, и армія прошла подъ защитою сильнаго артиллерійскаго огня; непріятель вовсе не препятствовалъ этому движенію. Въ два часа пополудни русскіе подошли къ подошвѣ горы, на которой расположенъ былъ турецкій лагерь. Въ это самое время турецкая конница ударила на нихъ со всѣхъ сторонъ, но она была

отбита, не имѣвъ ни малѣйшаго успѣха. Русскіе все болѣе подвигались и ближе подходили къ непріятельскому лагерю. Около 5-ти часовъ, непріятель повторилъ нападеніе еще съ большею яростью. Янычары съ саблями на-голо двинулись впередъ и ударили на гвардію и на пѣхоту. Ихъ встрѣтили такимъ сильнымъ пушечнымъ и мушкетнымъ огнемъ, что подойдя даже къ рогаткамъ они ничего не могли сдѣлать. Тщетно употребляли они всѣ усилія, чтобы ихъ разрушить, они принуждены были отступить, и совершили это въ большомъ безпорядкѣ. Они хотѣли еще защищаться изъ своего лагеря, и переставили для этого пушки на свое лѣвое крыло, но русскіе шли впередъ не останавливаясь, подъ прикрытіемъ сильнаго огня своей артиллеріи. Вскорѣ потомъ турки зажгли свой лагерь, и обратились въ бѣгство съ такою поспѣшностью, что потомъ, въ семь часовъ вечера, когда русскіе, взобравшись на гору, вошли въ лагерь, то уже не нашли тамъ никого. Преслѣдовавшія ихъ легкія войска едва нагнали нѣсколькихъ бѣглецовъ, которыхъ и изрубили.

Турки оставили отчасти въ лагерѣ, отчасти на дорогѣ, 42 чугунныхъ орудія и 6 мортиръ; въ лагерѣ до тысячи палатокъ не были еще разобраны; найдено огромное количество всякаго рода инструментовъ, багажа, военныхъ и жизненныхъ припасовъ. Потеря турокъ очевидно была значительна; до тысячи труповъ валялось на полѣ битвы. У русскихъ ранено и убито всего 70 человѣкъ. Никогда еще совершенная побѣда не была одержана съ такою малою потерею. Надобно еще замѣтить, что русскіе, давая сраженіе, были крайне стѣснены въ своихъ движеніяхъ, потому что, пока они были въ огнѣ, весь обозъ находился у нихъ въ каре, въ самой серединѣ арміи. Всѣ дѣйствія ихъ по необходимости были медленны. Битва происходила подлѣ деревни Ставучане, лежавшей справа отъ арміи.

Пользуясь побѣдой, фельдмаршалъ на другой же день направился къ Хотину въ главѣ 30-ти т. корпуса и съ осадною артиллеріею. Генералъ Румянцевъ съ остальною арміею остался позади для прикрытія обоза, который медленно слѣдовалъ за корпусомъ. По мѣрѣ того, что русскіе приближались къ Хотину, они находили брошенныя на дорогѣ пушки, мортиры, бомбы, ядра, пороховые боченки и обозныя повозки, и по этому общему безпорядку можно было судить о паническомъ страхѣ турокъ.

Въ этотъ день армія приблизилась къ Хотину на два лье отъ города.

30-го числа, раннимъ утромъ, большой отрядъ легкаго войска былъ отправленъ къ городу для наблюденія за непріятелемъ; онъ нашелъ предмѣстье окопаннымъ и окруженнымъ широкимъ заброшеннымъ рвомъ. Извѣстили о томъ фельдмаршала, который уже шелъ съ арміею, и въ 10 часовъ утра прибылъ къ крѣпости. Первое дѣло, онъ потребовалъ отъ коменданта сдачи.

Нѣсколько захваченныхъ въ предмѣстьѣ плѣнныхъ объяснили, что хотинскій комендантъ Калчакъ-баша пришелъ въ крѣпость только наканунѣ вечеромъ, но что онъ не могъ заставить свой гарнизонъ слѣдовать за нимъ. Этотъ гарнизонъ, состоявшій въ началѣ похода изъ 10-ти т. человѣкъ, почти весь бѣжалъ съ арміею Вели-паши, такъ что у коменданта оставалось очень мало людей.

Баша просилъ честной капитуляціи и конвоя до Дуная, но русскіе настаивали, чтобы онъ сдался военно-плѣннымъ. Между тѣмъ фельдмаршалъ велѣлъ шести гренадерскимъ ротамъ, тремъ гвардейскимъ баталіонамъ и тремъ другимъ пѣхотнымъ баталіонамъ пройти черезъ предмѣстье до гласиса. Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ согласились на томъ, чтобы обозъ не подвергался осмотру, и чтобы гарнизонъ отправилъ своихъ женъ въ Турцію. Однако только баша воспользовался этимъ позволеніемъ; а гарнизонъ оставилъ женъ при себѣ и взялъ съ собою въ Россію.

Въ два часа пополудни баша съ гарнизономъ сдались. Комендантъ и ага янычаръ поднесли фельдмаршалу городскіе ключи. Гвардейцы заняли ворота; потомъ баша съ многочисленною свитою посѣтилъ фельдмаршала и вручилъ ему свою саблю. 31-го числа турецкій гарнизонъ, состоявшій изъ 763 человѣкъ, вышелъ изъ крѣпости и сдалъ оружіе и знамена. Въ тоже время русскій гарнизонъ вступилъ въ городъ. Главноначальствующимъ назначенъ генералъ-маіоръ Хрущевъ, а помощникомъ его князь Дадіанъ, полковникъ артиллеріи.

Хотинъ одна изъ важнѣйшихъ крѣпостей Порты: всѣ укрѣпленія прочно выложены и отчасти вырублены въ скалѣ; изъ нихъ обращенныя къ Молдавіи лучше содержатся, нежели тѣ, которыя обращены къ Польшѣ, потому что тутъ рѣка Днѣстръ такъ близко протекаетъ, что съ этой стороны атака немыслима. Боль-

шая часть верковъ и прикрытый путь снабжены контръ-минами. Орудій было на валу 157 и 22 мортиры, всѣ чугунныя, безчисленное количество боевыхъ запасовъ, а магазины полны провіанта.

Калчакъ-баша говорилъ, что причиною всѣхъ бѣдъ настоящаго похода были принятыя сераскиромъ Вели-пашею неразумныя мѣры: онъ слишкомъ долгое время оставался подъ Бендерами съ бо́льшею частью армія, вмѣсто того, чтобы послѣдовать его совѣту и загородить русскимъ входъ въ Перекопскія ущелья. Вели-паша, напротивъ, хотѣлъ пропустить русскихъ, въ надеждѣ разстроить ихъ безъ сраженія, отнявъ у нихъ возможность идти на фуражировку и безпрестанно тревожа ихъ. Этотъ планъ былъ бы недуренъ, если бы Вели-паша командовалъ не турками и не татарами, и противникомъ его былъ бы не такой полководецъ, какъ графъ Минихъ. Баша, кромѣ того, удивлялся живости огня русскихъ, особенно артиллерійскаго, который болѣе всего губилъ турецкое войско во всѣхъ встрѣчахъ съ ними.

1-го сентября черезъ Днѣстръ перекинуты два моста, для свободнаго сообщенія съ Польшею. По приказанію фельдмаршала, генералъ-поручикъ Густавъ Биронъ долженъ былъ отвести въ Украйну три гвардейскіе баталіона и нѣсколько драгунскихъ полковъ; подъ этимъ же конвоемъ одновременно отправлены въ Россію двѣ тысячи сто двадцать одинъ плѣнный обоего пола.

Отправивъ отрядъ и распорядившись относительно хотинскаго гарнизона, фельдмаршалъ выступилъ съ арміею далѣе въ Молдавію.

8-го числа армія пришла къ Пруту; стали работать въ одно время надъ тремя мостами, и кончили ихъ къ вечеру. Отряженный съ валахами князь Кантемiръ извѣстилъ, что онъ довольно далеко заѣзжалъ въ край, не встрѣтилъ никакого препятствія, и не видалъ даже непріятеля.

9-го и 10-го числа армія переправлялась черезъ Прутъ. Вода въ рѣкѣ до того была мелка, что вся кавалерія перешла въ бродъ. Обыкновенно, Прутъ очень глубокъ и быстръ; въ томъ мѣстѣ, гдѣ русскіе переправлялись, рѣка имѣетъ въ ширину 50 туазовъ. На берегу устроили тетъ-де-понъ и укрѣпленіе, назвавъ

его во имя св. Іоанна. Мѣстами устроили и редуты, для легчайшаго сообщенія съ Хотиномъ.

11-го числа армія направилась къ Яссамъ, столицѣ Молдавіи и мѣстопребыванію тамошняго господаря; издали показалась непріятельская партія; казаки пустились ее преслѣдовать, но не нагнали. Собравшійся въ Яссахъ молдавскій диванъ послалъ къ фельдмаршалу депутатовъ съ письмомъ, изъявляющимъ покорность. Самъ же господарь Григорій Гика наканунѣ бѣжалъ по направленію къ Дунаю.

12-го числа депутаты отпущены съ отвѣтомъ, которымъ удостовѣряли въ защитѣ дивана императрицею; армія же продолжала свой походъ къ Яссамъ, куда князь Кантеміръ уже вступилъ съ 3,000 драгунъ, гусаръ и валаховъ.

Пришло извѣстіе, что сераскиръ Вели-паша два дня скрывался въ деревнѣ Богданѣ, на берегу Прута, имѣя при себѣ только 14 человѣкъ прислуги, такъ какъ янычары покушались убить его, и что, кромѣ 3 тыс. человѣкъ, скрывшихся въ Бендерахъ, остальное войско перешло черезъ Дунай.

14-го числа фельдмаршалъ отправился съ конвоемъ въ 300 конныхъ гренадеръ и 300 донскихъ казаковъ въ Яссы, съ цѣлью уговориться съ мѣстнымъ диваномъ о снабженіи арміи продовольствіемъ. Уговоръ былъ такой, что диванъ обязывался содержать на свой счетъ 20 тыс. человѣкъ изъ русской арміи, отводить имъ квартиры, снабжать ихъ провіантомъ, фуражемъ, доставлять имъ на свой счетъ необходимыя подводы для привоза жизненныхъ припасовъ въ предѣлахъ княжества, и содержать тысячи двѣ или три піонеровъ, которые будутъ работать надъ укрѣпленіемъ Яссъ. Когда все это было слажено, фельдмаршалъ ѣздилъ осматривать мѣстность, а инженеры начертили планъ верковъ, которыми слѣдовало окружить крѣпость. Въ гарнизонъ назначили три пѣхотныхъ полка, гусарскій полкъ и валахскій корпусъ, подъ командою генералъ-маіора Шипова и полковника Каркетеля.

21-го числа фельдмаршалъ возвратился въ армію, перешедшую черезъ Прутъ. У графа Миниха былъ такой планъ: до окончанія похода идти еще къ буджакскимъ татарамъ, и даже взять Бендеры, дѣло удобоисполнимое, при томъ ужасѣ, который обуялъ турокъ послѣ нанесеннаго имъ пораженія. Графъ надѣялся,

что, въ случаѣ продолженія войны еще на одинъ годъ, онъ перейдетъ черезъ Дунай и двинется далеко во владѣнія султана. Но весь этотъ великолѣпный планъ былъ разстроенъ миромъ.

Имперцы заключили свой миръ подъ Бѣлградомъ въ турецкомъ лагерѣ. Узнавъ о томъ 24-го сентября, Минихъ былъ внѣ себя отъ гнѣва на имперскихъ генераловъ. По этому поводу онъ обратился съ письмомъ къ князю Лобковичу, командовавшему въ Трансильваніи и сообщившему графу извѣстіе о мирѣ. Такъ какъ это письмо содержитъ въ себѣ нѣкоторые отзывы о поведеніи имперцевъ и много другихъ подробностей, и къ тому же довольно оригинально, то я прилагаю его здѣсь въ переводѣ съ нѣмецкаго.

Письмо фельдмаршала графа Миниха къ князю Лобковичу, отъ 16-го (27-го) сентября 1739 г.:

«Ваша свѣтлость! Ваше письмо и приложенный къ нему журналъ, доведенный до 1-го сентября, я имѣлъ честь получить въ то самое время, когда мы торжественно воздавали хвалу царю небесному за счастливое завоеваніе Молдавіи, которой какъ духовные, такъ и свѣтскіе представители, 5-го (16-го) сентября покорились императрицѣ, моей всемилостивѣйшей государынѣ. Прилагаю при семъ продолженіе моего журнала, изъ котораго ваша свѣтлость въ бо̀льшей подробности усмотрите, что послѣ взятія Хотина, и оттѣсненія непріятеля, котораго лагеремъ мы завладѣли вмѣстѣ съ полевою артиллеріею, заключавшеюся въ 42-хъ пушкахъ и 6-ти мортирахъ, я съ арміею, которою имѣю честь командовать, двинулся далѣе въ Молдавію. 28-го и 29-го числа этого мѣсяца, переправясь черезъ Прутъ, я выстроилъ на берегу редутъ во имя св. Іоанна, и снабдилъ его гарнизономъ и достаточною артиллеріею. Мы прогнали господаря съ его милиціею и нѣсколькими сотнями турокъ, находившихся въ его столицѣ Яссы, и 3-го (14-го) числа этого мѣсяца овладѣли этимъ городомъ. Я приказалъ исправить укрѣпленія и оставилъ тамъ сильный гарнизонъ съ надлежащимъ количествомъ артиллеріи. Отступленіе господаря произошло такъ поспѣшно, что онъ оставилъ намъ всѣ свои бунчуки, свои два главныя знамена, бунчукъ турецкаго баши, находившагося при его особѣ, болѣе 30 другихъ знаменъ, какъ турецкихъ, такъ и молдавскихъ, свои литавры, полевые музы-

кальные инструменты, также какъ три пушки, двѣнадцать боченковъ съ порохомъ, магазинъ съ 1,500 бочками пшеницы и большое количество рису».

«Послѣ столь важнаго успѣха, содержаніе какъ письма вашей свѣтлости, такъ и журнала, не могу скрыть отъ васъ, крайне меня удивило и даже огорчило. Я увидѣлъ изъ него, что предположенное вторженіе корпуса в. с. въ непріятельскія земли не могло состояться, что поэтому со стороны Валахіи ничего не будетъ сдѣлано въ пользу нашей арміи, не взирая на данныя императоромъ торжественныя обѣщанія и на составленный, по соглашенію императора съ моею государынею, операціонный планъ»..

«Я вижу изъ письма в. с., что эти обстоятельства, которыхъ вы не ожидали, для васъ столь же прискорбны, какъ и для меня. Изъ журнала вашего ясно усматривается, что въ императорской арміи все было въ хорошемъ состояніи до 13-го августа, также какъ и въ Бѣлградѣ, въ которомъ, по дошедшимъ до меня извѣстіямъ, находился довольно значительный гарнизонъ, способный еще долго противиться туркамъ и даже заставить ихъ снять осаду съ большою потерею, если бы рѣшились на сильную вылазку, которую поддержала бы имперская армія, славившаяся своею храбростью. У насъ здѣсь дѣйствительно надѣялись на такой конецъ, такъ какъ мы разбили непріятеля, заняли Хотинъ и взяли въ плѣнъ гарнизонъ съ командовавшимъ тамъ 3-хъ бунчужнымъ башею; сверхъ того, мы были уже готовы, не мѣшкая, идти къ Дунаю: всѣ эти извѣстія должны были умалить спесь стоявшихъ подъ Бѣлградомъ турокъ».

«Генералы имперской арміи очень хорошо знали, что русская армія благополучно переправилась черезъ Днѣстръ, и, отбивъ непріятеля въ дѣлѣ 22-го іюля, имѣла намѣреніе идти на него въ Хотинъ; имперской арміи слѣдовало, не торопясь, выждать исходъ предпріятія. Вмѣсто того, изъ заключенія журнала видно, что отъ г. фельдцейхмейстера Нейперга (побывавшаго уже въ турецкомъ лагерѣ) пришло извѣстіе, что прелиминарныя статьи мира уже 1-го числа сентября подписаны Портою. Между тѣмъ, какъ въ письмѣ в. с., такъ и въ приложенномъ къ нему журналѣ, совершенно умолчено объ условіяхъ, которыя постановлены этими статьями; что тѣмъ болѣе меня удивляетъ, что я не могу себѣ

вообразить, какъ можно было оказывать императрицѣ, моей государынѣ, такъ мало уваженія, что даже мнѣ не сообщены касающіяся ея пункты, тогда какъ я именно на нихъ долженъ основывать военныя операціи остальнаго времени похода. Другими путями извѣстился я, что помянутыя прелиминарныя статьи крайне невыгодны и противны какъ чести, такъ и пользамъ обоихъ императорскихъ дворовъ».

«Во 1-хъ, если Бѣлградская крѣпость должна быть срыта на счетъ и даже трудами имперской арміи, не есть-ли это самое противное чести этой арміи условіе?»

«Во 2-хъ, если вмѣсто того, чтобы удержать за собою эту крѣпость, а срыть Орсову, какъ это было условлено, первую уступаютъ туркамъ, а вторую оставляютъ въ ихъ рукахъ въ удовлетворительномъ состояніи, то не открываютъ-ли имъ этимъ, каждый разъ какъ Порта захотѣла бы нарушить миръ, путь для вторженія въ Банатъ, Трансильванію и другія наслѣдственныя области императора, откуда имъ весьма легко будетъ проникнуть и до Вѣны. Такое условіе можетъ только крайне повредить императору и цѣлой имперіи».

«Въ 3-хъ, если правда, что непріятелю уступаютъ сербское королевство въ то самое время, когда вѣрные союзники одерживаютъ вездѣ побѣды, то, по мнѣ, нѣтъ ничего противнѣе этого интересамъ обоихъ императорскихъ домовъ. Словомъ, не возможно заключать мира болѣе невыгоднаго, даже и въ томъ случаѣ, если бы непріятель взялъ Бѣлградъ и побилъ имперскую армію».

«Что же стало съ этимъ священнымъ союзомъ, долженствовавшимъ существовать между обоими дворами? Со стороны русскихъ берутъ крѣпости, со стороны имперцевъ срываютъ ихъ и уступаютъ непріятелю. Русскіе завоевываютъ княжества и провинціи, а имперцы отдаютъ непріятелю цѣлыя королевства. Русскіе доводятъ непріятеля до крайности, а имперцы уступаютъ ему все, чего онъ захочетъ и все, что можетъ льстить ему и умножить его спѣсь. Русскіе продолжаютъ войну, а имперцы заключаютъ перемиріе, а потомъ и миръ. Гдѣ же, спрашиваю я, этотъ неразрывный союзъ? Могу васъ увѣрить, в. с., что если бы армія императора дѣйствительно доведена была бы до крайности, то вѣнскій дворъ, при помощи императрицы, моей госу-

дарыни, могъ бы заключить миръ болѣе честный, чѣмъ тотъ, который состоялся теперь. Если оглянуться на прошедшее, то дѣломъ императрицы окажется слѣдующее:

«1) Она безъ чужой помощи окончила польскую войну противъ короля Станислава и польскихъ конфедератовъ; вопреки Швеціи и Франціи, которыя не скупились ни на деньги, ни на интриги, лишь бы водворить на престолъ Станислава, котораго мы, однако, свергли, посадивъ на его мѣсто курфирста саксонскаго Августа».

«2) Она отправила на Рейнъ, для присоединенія къ имперской арміи, вспомогательный пѣхотный корпусъ въ 10 тыс. человѣкъ; и, на случай надобности, готовъ былъ выступить туда еще другой корпусъ: движенія, не мало содѣйствовавшія послѣднему заключенному съ Франціею миру».

«3) Сначала она одна предприняла настоящій неизбѣжный походъ противъ турокъ, предоставляя императору на выборъ: или послать выговоренную помощь, или же принять участіе въ войнѣ».

«4) Ея армія взяла крѣпости Азовъ и Лютицъ; опустошила Кубань и покорила татаръ этой области».

«5) Завладѣла Перекопомъ, считавшимся до сихъ поръ неприступною крѣпостью, и дважды взяла въ плѣнъ турецкій гарнизонъ; захватила у турокъ многочисленную артиллèрію; проникла до Козлова, Карасубазара, Бахчисарая и въ самое сердце Крыма; разорила и опустошила весь край, наконецъ, совершенно выжила ногайскихъ татаръ изъ обитаемой ими мѣстности между Крымомъ и Днѣпромъ, захвативъ у нихъ безчисленное количество скота и лошадей».

«6) Войсками императрицы взяты крѣпости Очаковъ и Кинбурнъ; а первая потомъ была защищена отъ турокъ, хотѣвшихъ отнять ее обратно. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ погибло отъ 40 до 50 тыс. человѣкъ непріятеля, и многочисленная артиллерія досталась намъ въ руки».

«7) Русскій флотъ въ продолженіе четырехъ походовъ продержалъ въ бездѣйствіи турецкій флотъ, командуемый капитаномъ-башею, который владѣлъ морями Азовскимъ и Чернымъ».

«8) Петербургскій дворъ цѣною огромныхъ суммъ уничтожилъ интриги Швеціи и Польши, которыя едва не разразились

опаснымъ заговоромъ. Наконецъ, войска императрицы разбили непріятеля, взяли городъ Хотинъ и совершенно покорили Молдавію».

«Для краткости, я не стану распространяться приведеніемъ всѣхъ другихъ дѣйствій, совершенныхъ въ пользу вѣнскаго двора; скажу только, что можно было смѣло довѣриться такой вѣрной, великой и счастливой союзницѣ, какова моя всемилостивѣйшая государыня, не прибѣгая, противъ всякаго ожиданія и безъ какой-либо грозящей опасности, къ постыдному и весьма вредному для обоихъ дворовъ миру. Впрочемъ, весь свѣтъ это знаетъ и сколько тому примѣровъ, что турки легко подвергаются паническому страху, и часто строптивость янычаръ заставляетъ ихъ бѣжать въ ту самую минуту, когда полагали ихъ во всей силѣ; того же самаго можно было надѣяться и въ Бѣлградѣ, еслибъ захотѣли энергически защищаться. У гарнизона было обезпечено отступленіе, а въ тылу находился сильно укрѣпленный замокъ. Не подвергаясь ни потерямъ, ни опасности, можно было отстаивать крѣпость до послѣдней крайности».

«Никогда не дадутъ вѣры благовидному предлогу, которымъ хотѣли насъ убѣдить, будто вѣнскому двору пришлось нести наибольшую тяжесть войны. Частный секретарь молдавскаго господаря, Александръ Дука, сообщилъ намъ подлинный списокъ турецкимъ войскамъ, которыя были обращены въ бѣгство при Ставучанѣ; изъ этого списка ясно видно, что дѣйствовавшая противъ насъ армія турокъ и татаръ, командуемая столькими башами, была гораздо многочисленнѣе бѣлградской. Русской арміи слѣдуетъ благодарность за то, что она не допустила турокъ проникнуть въ Трансильванію. Она же испытала, что татары, особенно ногайскіе, не въ примѣръ лучшіе воины, чѣмъ турецкая кавалерія и спаги, изъ которыхъ она состоитъ. Если къ этому числу непріятеля, состоявшаго изъ отборнаго войска, прибавить гарнизоны Бендеръ, Бѣлгорода и Еникале, и турецкій флотъ, насчитывавшій въ настоящемъ походѣ до 30 т. человѣкъ, то легко разсудить, противъ которой стороны непріятель былъ многочисленнѣе и опаснѣе во все время настоящей войны, и который изъ обоихъ союзниковъ испыталъ на себѣ наибольшую тягость ея. Снабжать двѣ большія арміи артиллеріею и провіантомъ во все время похода и провозить эти обозы на собственныхъ подводахъ по дорогѣ въ 200 лье, это такое бремя, котораго имперская

армія никогда не испытывала. Для нашей арміи понадобилось болѣе 200 т. лошадей, быковъ и верблюдовъ, которые къ концу похода уже неспособны служить въ слѣдующемъ».

«По этому-то моя государыня была вынуждена во все время кампаніи содержать на Дону и на Днѣпрѣ по флотиліи, для которыхъ работали каждый годъ 50 т. человѣкъ и лошадей. Но что всего болѣе утомляло наши войска, это необходимость, послѣ труднаго похода, образовать еще цѣпь на протяженіи 300 нѣмецкихъ миль вдоль границъ нашихъ, въ огражденіе ихъ отъ ежегодныхъ вторженій татаръ. Могу васъ увѣрить, в. с., что нѣтъ въ Европѣ арміи, кромѣ русской, которая въ состояніи была бы вынести такіе труды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, вы согласитесь и весь свѣтъ согласится съ вами, что вся эта война должна была стоить ея императорскому величеству чрезвычайныхъ расходовъ, для пополненія которыхъ она не имѣла другихъ источниковъ, кромѣ своей собственной казны».

«Впрочемъ, я съ удовольствіемъ предоставляю имперцамъ честь, что противникомъ ихъ былъ самъ великій визирь. Онъ, конечно, не безъ причины оставался на берегахъ Дуная. Онъ не могъ проникнуть въ Кіевъ такъ легко, какъ въ Бѣлградъ и Орсову. По крайней мѣрѣ, мы значительно сократили бы ему дорогу, если-бъ онъ вздумалъ перемѣнить свой планъ и помѣряться съ нами».

«Намъ ненавистенъ позорный миръ. Турки вызывали насъ на подобное соглашеніе; они предлагали намъ выгодныя условія, но императрица, моя государыня, и слышать о томъ не хотѣла».

«Теперь между императоромъ и турками заключенъ миръ. Что же касается петербургскаго двора, то о немъ умалчивается, какъ въ письмѣ, такъ и въ журналѣ вашей свѣтлости. Мнѣ извѣстно, что французскому послу при Портѣ, маркизу де Вильнёву, дана опредѣленная инструкція о томъ, на какихъ основаніяхъ можетъ быть заключенъ миръ съ Портою. Если не захотятъ даровать намъ миръ на выгодныхъ условіяхъ и вознаградить насъ за Хотинъ и Молдавію, то я съ помощью Божьей буду продолжать враждебныя дѣйствія. Покорнѣйше прошу, в. с., сообщить мой отвѣтъ съ журналомъ г. фельдмаршалу графу Валлису. Имѣю честь быть...»

За нѣсколько дней до полученія извѣстія о мирѣ, графъ

Минихъ отрядилъ бригадира Фролова, командовавшаго донскими казаками, съ приказаніемъ, со всѣмъ подчиненнымъ ему войскомъ, отъ 4-хъ до 5-ти т. человѣкъ, пройти къ Дунаю и разорить на пути весь непріятельскій край. Фроловъ довольно благополучно совершилъ свой походъ до рѣки; когда же онъ намѣревался вернуться, ему дали знать, что большой корпусъ турокъ и татаръ идетъ на него, и что ему совершенно отрѣзали путь къ арміи фельдмаршала. Ему не оставалось другаго выбора, какъ уйти въ Трансильванію, пройти черезъ эту область и черезъ Польшу, а отсюда или къ арміи, или въ Россію, смотря по обстоятельствамъ. Зная о союзѣ дворовъ вѣнскаго и петербургскаго, онъ не сомнѣвался, что будетъ хорошо принятъ княземъ Лобковичемъ. Подойдя къ предѣламъ Трансильваніи, Фроловъ послалъ извѣстить князя о своемъ прибытіи и о томъ, что̀ его къ тому понудило. Вмѣсто хорошаго пріема, ему сначала дѣлали большія затрудненія для впуска въ страну. Послѣ безконечнаго спора, рѣшились впустить его, но вмѣстѣ съ тѣмъ стали обходиться съ бригадиромъ и его отрядомъ, какъ съ плѣнными. Три гусарскіе полка и два кирасирскихъ окружили ихъ и такимъ образомъ проводили до Польши. На пути ихъ ничѣмъ не снабжали, они принуждены были платить за все наличными деньгами и по чрезмѣрной цѣнѣ. Имъ не позволяли пасти лошадей, ни высылать за фуражемъ; но всего хуже было то, что лишь только казакъ на сто шаговъ удалялся изъ рядовъ, какъ австрійскіе гусары немилосердно умерщвляли его, съ цѣлью поживиться казацкою лошадью и оружіемъ, такъ какъ казацкія лошади превосходны; ружья у нихъ нарѣзныя съ насѣчкою, а сабли ихъ отличной ковки. Такимъ образомъ, Фроловъ отъ рукъ милыхъ союзниковъ Россіи лишился 200 человѣкъ. Едва-ли онъ потерялъ такое число людей въ остальное время похода въ частыхъ стычкахъ съ непріятелемъ. Можно себѣ представить, что петербургскій дворъ сильно жаловался на эти поступки, но вмѣсто всякаго удовлетворенія изъ Вѣны отвѣчали только извиненіями.

Графъ Минихъ сдѣлалъ еще нѣсколько переходовъ къ Буджаку, но зная, что уже происходятъ переговоры о мирѣ между Портою и Россіею, а между тѣмъ и время года подходило холодное, онъ рѣшился размѣстить войска по квартирамъ въ Молдавіи, которой онъ никакъ не желалъ оставить, а по тому рас-

предѣленію по зимнимъ квартирамъ, которое онъ уже сдѣлалъ, одна часть арміи должна была стоять въ Польшѣ.

Мнѣ кажется, пора теперь сказать о стараніяхъ русскаго двора заключить миръ. Во-первыхъ, еще передъ походомъ дворъ уполномочилъ фельдмаршала заключить миръ, если представится къ тому благопріятный случай; въ вѣдомствѣ его находился даже кабинетный секретарь, на случай могущихъ начаться переговоровъ; а какъ петербургскій и вѣнскій дворы согласились на посредничество Франціи между ими и Портою, то императрица поручила также маркизу де-Вильневу вести переговоры о мирѣ, а совѣтника канцеляріи, г. Каніони, послала въ Константинополь для соблюденія ея интересовъ заодно съ маркизомъ; конечно, все дѣлалось отъ имени французскаго посла, но въ сущности только Каніони пользовался всѣмъ довѣріемъ двора и получилъ отъ него полномочіе на заключеніе мира. Каніони находился въ турецкомъ лагерѣ въ то время, когда Нейпергъ подписывалъ миръ отъ имени императора, и протестовалъ противъ всего совершеннаго; но напрасно, дѣло зашло уже слишкомъ далеко, прежде нежели ему дали знать о томъ. Наконецъ, ему надобно было соображаться съ тогдашними обстоятельствами; прелиминарныя условія между Россіею и Портою были подписаны около мѣсяца спустя послѣ подписанія мира между императоромъ и Портою.

Къ концу октября мѣсяца фельдмаршалъ получилъ повелѣніе прекратить враждебныя дѣйствія. Яссы были оставлены, а Хотинъ сданъ туркамъ въ томъ видѣ, въ какомъ русскіе взяли его. Условіемъ этого мира было постановлено тоже, что Азовъ останется за русскими; наружные верки положено было срыть, и оставить только городскія стѣны; но ни вводить въ городъ гарнизона, ни укрѣплять его. Русскимъ дозволено было также расширить свои границы на двадцать нѣмецкихъ миль въ степи и оставить за собою Самару, и т. д. Туркамъ не дозволялось укрѣпляться по сю сторону рѣки Кубани; но Очаковъ и Кинбурнъ оставались за ними, и они имѣли право укрѣплять ихъ. Плѣнные съ обѣихъ сторонъ были возвращены безъ выкупа.

Словомъ, выгода, извлеченная Россіею изъ этой войны, была ничтожна, въ сравненіи съ тѣми несмѣтными суммами, которыхъ

она стоила, и съ потерею тѣхъ 100 т. людей, которые выбыли изъ ея населенія.

Армія переправилась черезъ Днѣстръ и возвратилась въ Украйну. Хотинъ сданъ туркамъ не ранѣе ноября мѣсяца и въ эту пору присланъ былъ баша для принятія города отъ генерала Левендаля. Когда русскому войску надлежало переправиться черезъ Днѣстръ, шло уже много льду по этой рѣкѣ; не было возможности исправить поломанные мосты, такъ что переходъ становился крайне затруднительнымъ, особенно для обозовъ и артиллеріи. Такъ какъ русло этой рѣки представляетъ твердый грунтъ, то Левендаль приказалъ тащить пушки съ лафетами подо льдомъ, посредствомъ привязанныхъ къ нимъ толстыхъ канатовъ, которые доставали отъ одного берега до другаго, и, такимъ образомъ, посредствомъ воротовъ перетащили орудія.

Этотъ походъ, безспорно, самый славный и самый удачный изъ всѣхъ прочихъ, совершенныхъ русскими войсками въ продолженіе этой войны. Но не будь онъ таковъ, случись несчастіе и побей непріятель армію графа Миниха, Россія очутилась бы въ весьма плохомъ положеніи: вся армія погибла бы безвозвратно; кого не побили бы турки, того умертвили бы поляки, собравшіеся въ нѣсколько корпусовъ; они никогда не любили русскихъ, они желали имъ болѣе зла, нежели туркамъ и татарамъ, а если-бъ русскіе претерпѣли какую-нибудь значительную неудачу, они непремѣнно затѣяли бы войну.

Покуда армія проходила черезъ Польшу, въ лагерь къ ней только и приходили что депутаты — горько жаловаться на производимыя въ польской землѣ насилія. Какъ скоро же армія побила непріятеля и взяла Хотинъ, поляки заговорили иначе. Они посылали къ фельдмаршалу торжественныя депутаціи съ поздравленіями, объявляя себя искреннѣйшими друзьями и союзниками Россіи.

XIII.

Старанія Швеціи.—Убійство маіора Цинклера.—Свадьба принца Антона Ульриха съ принцессою Анною.—Великолѣпіе русскаго двора.—Обыденная жизнь императрицы.—Потѣшная свадьба.

1739—1740 гг.

Швеція тоже была недовольна петербургскимъ дворомъ, и уже нѣсколько лѣтъ поджидала благопріятнаго случая для нападенія. Уже во время послѣднихъ польскихъ смутъ, какъ было разсказано выше, нѣсколько шведскихъ офицеровъ получили дозволеніе ѣхать въ Данцигъ на службу къ королю Станиславу противъ русскихъ. Когда они, по взятіи города, попали въ плѣнъ, императрица приказала отправить ихъ въ Швецію, не скрывъ при этомъ своего неудовольствія. Въ 1735 г. между обоими дворами заключенъ новый союзный трактатъ, послѣ чего, казалось, все было улажено. Какъ скоро же русскіе объявили войну туркамъ, шведы встрепенулись, и во время собравшагося въ 1737, а еще болѣе въ 1738 г., шведскаго сейма, сдѣлали нѣкоторыя распоряженія, которыя потревожили петербургскій дворъ. Они отправили въ Константинополь оружіе и пушки; у насъ говорили о заключенномъ между Портою и Швеціею договорѣ; опасались нападенія на Финляндію во время пребыванія армій на Днѣстрѣ и въ Крыму, потому что шведы уже отправили 10 т. человѣкъ въ Финляндію и начали тамъ устроивать магазины, и пр. Это обстоятельство было отчасти поводомъ, что въ этомъ году армія фельдмаршала Ласи не приступала ни къ какимъ военнымъ дѣйствіямъ и стояла смирно на границѣ Украйны.

Когда фельдмаршалъ Минихъ перешелъ черезъ Днѣпръ, чтобы начать походъ, ему тоже велѣно отправить, не мѣшкая, въ Петербургъ, два кирасирскихъ и три пѣхотныхъ полка. Всѣ эти предосторожности оказались лишними. Швеція была такъ добра, что обождала еще два года до нападенія на Россію. Она дала ей время заключить миръ съ Портою и привести армію въ порядокъ. За то эта война, какъ увидимъ ниже, причинила ей только позоръ и невыгоду, а начни она ее въ 1738 г., Россія была бы въ большомъ затрудненіи. Стокгольмскій дворъ проводилъ время въ переговорахъ и безполезныхъ жалобахъ, тогда какъ петербургскій дѣятельно трудился для уничтоженія всѣхъ ихъ мѣръ.

Предосторожности русскаго министерства, принимаемыя противъ шведскихъ интригъ, доходили до самыхъ насильственныхъ мѣръ, и даже до смертоубійства на большой дорогѣ. Я говорилъ уже, что ходили слухи о заключенномъ между Швеціею и Портою договорѣ. Русскій министръ въ Стокгольмѣ, Бестужевъ, увѣдомилъ, что въ Константинополь посланъ маіоръ Цинклеръ (Zinckler) съ тѣмъ, чтобы доставить оттуда ратификаціи договора. Тотчасъ по полученіи о томъ извѣстія, графъ Минихъ, по приказанію кабинета, послалъ офицеровъ съ нѣсколькими унтеръ-офицерами въ Польшу, гдѣ они должны были разсѣяться по разнымъ мѣстамъ, захватить Цинклера на возвратномъ пути его изъ Константинополя, отнять у него всѣ бумаги и депеши, и даже убить его, въ случаѣ сопротивленія. Офицеры не могли быть сами вездѣ, поручили жидамъ и нѣсколькимъ бѣднымъ шляхтичамъ извѣстить, когда проѣдетъ Цинклеръ. Такимъ образомъ, прежде нежели онъ ступилъ ногою въ Польшу, тайна обнаружилась. Хотинскій губернаторъ предупредилъ его, чтобъ онъ остерегался, что за нимъ слѣдили многіе русскіе офицеры, особенно же въ Лембергѣ, или Львовѣ, черезъ который онъ долженъ проѣхать. Цинклеръ поѣхалъ по другой дорогѣ; хотинскій баша далъ ему конвой, который проводилъ его до Броды, къ великому гетману польскому. Гетманъ далъ ему другой конвой, проводившій его до Силезіи; здѣсь Цинклеръ считалъ себя въ безопасности. Когда же онъ принужденъ былъ на нѣсколько дней остановиться въ Бреславлѣ, русскіе офицеры, узнавъ черезъ шпіоновъ какою дорогою онъ поѣхалъ, погнались за нимъ и догнали, въ одной мили отъ Нейштеделя. Они остановили его, отняли оружіе, и, проводивъ его нѣсколько миль далѣе, убили его въ лѣсу. Послѣ этого подвига, они обобрали его вещи и бумаги. Однако, въ бумагахъ не оказалось ничего важнаго. Русскій дворъ, осмотрѣлъ ихъ и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, отправилъ по почтѣ въ Гамбургъ, откуда ихъ переслали въ Швецію. Императрица отреклась отъ этого ужаснаго дѣла, торжественно увѣряя, что она ничего объ этомъ не знала. Ея министры представили всѣмъ дворамъ записки, которыми старались отклонить въ этомъ отношеніи всякое подозрѣніе отъ русскаго двора. А чтобы сами убійцы не проговорились, то ихъ всѣхъ арестовали и послали въ Сибирь, гдѣ они нѣсколько лѣтъ провели въ острогѣ. Импе-

ратрица Елисавета, вступивъ на престолъ, приказала ихъ выпустить и приписать къ гарнизоннымъ полкамъ, далеко во внутренность Россіи. Офицеры эти были: капитанъ Кутлеръ, уроженецъ Силезіи, поручики: Лесавецкій и Веселовскій, оба русскіе подданные. Каждому изъ нихъ даны въ помощники по два унтеръ-офицера. Первые два совершили убійство, а третій оставался въ Польшѣ; тѣмъ не менѣе, съ нимъ поступили какъ съ прочими.

Это вѣрно, что императрица не знала о распоряженіи, сдѣланномъ относительно Циклера, и что большую часть происшедшаго отъ нея скрыли, даже по учиненіи убійства. Всѣмъ дѣломъ распорядились герцогъ курляндскій, графъ Остерманъ и фельдмаршалъ Минихъ.

Въ заключеніе того, что касается этой войны съ турками и военныхъ операцій, я выпишу здѣсь письмо, съ которымъ графъ Минихъ обратился къ герцогу курляндскому спустя нѣкоторое время послѣ взятія Хотина; оно переведено съ нѣмецкаго подлинника.

Письмо графа Миниха къ герцогу курляндскому, отъ 29-го августа (10 сентября) 1739 г.

«Ваша свѣтлость! Надобно признаться, что Богъ истинно благословляетъ всѣ предпріятія Е. И. В-ва нашей всемилостивѣйшей государыни. Рѣка Прутъ, принесшая нѣкогда несчастіе Россіи, теперь намъ благопріятствуетъ и послужитъ основаніемъ къ твердому и счастливому миру.

«Каково, напримѣръ: собрать въ Кіевѣ армію съ Дона и Донца, съ Украинской линіи и изъ другихъ провинцій, отдаленныхъ отъ Днѣстра, переправить ее черезъ Днѣпръ весною въ то время, когда воды этой рѣки болѣе противъ обыкновеннаго поднялись, вышли изъ береговъ и залили окрестность почти на нѣмецкую милю; идти изъ предѣловъ Россіи, черезъ Польшу въ Молдавію, не взявъ съ собою ни провіанта, ни обоза; переправиться черезъ Бугъ и Днѣстръ, пройти черанскіе или прекопскіе дефилеи въ виду непріятеля, не испытавъ ни малѣйшей неудачи; захватить за Прутомъ, за Молдавіей, чуть-ли не за самымъ тыломъ непріятеля, нѣсколько тысячъ лошадей, рогатаго скота и барановъ, снабдивъ такимъ образомъ армію, на счетъ непріятеля,

какъ средствами къ перевозкѣ, такъ и жизненными припасами, безъ потери людей; отбить съ чувствительною потерею всѣ нападенія турокъ и татаръ; гнать изъ одного выгодно расположеннаго лагеря въ другой знаменитаго Калчакъ-башу со всѣми татарскими ордами, липканами и всѣми этими храбрецами, которые не принимаютъ и не даютъ пощады; наконецъ, атаковать сераскира Вели-пашу въ прочно окопанномъ лагерѣ съ 90 тысячнымъ войскомъ, котораго часть была выслана имъ съ тѣмъ, чтобъ отвсюду насъ окружить; разбить его, захватить весь лагерь его, съ палатками, обозомъ, съ 6-ю мортирами и 42 чугунными пушками, со всѣми боевыми припасами, потерявъ при этомъ только 70 человѣкъ убитыми и ранеными; взять важную крѣпость Хотинъ, снабженную 157 пушками, 22 мортирами и всѣми необходимыми боевыми и жизненными припасами; плѣнить тамъ башу и весь гарнизонъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла; преслѣдовать бѣгущаго непріятеля до Прута, перейти съ арміею рѣку, настроить по берегамъ укрѣпленія, и такимъ образомъ завладѣть непріятельскою землею; заставить молдавскаго господаря бѣжать изъ своей столицы и изъ княжества за Дунай; собирать контрибуцію и провіантъ въ непріятельской землѣ, и при этомъ видѣть армію почти безъ больныхъ, въ избыткѣ и въ наилучшемъ состояніи: все это можетъ совершиться только тамъ, гдѣ видѣнъ перстъ Божій, ведущій все къ благой цѣли».

«Большая часть всѣхъ этихъ событій такого рода, что тотъ, кто не былъ очевидцемъ, не повѣритъ нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Въ особенности тотъ случай, когда яростное нападеніе янычаръ мы встрѣтили такимъ сильнымъ огнемъ, что они не могли дѣйствовать ни ружьями, ни саблями; что имъ еще менѣе удалось прорваться въ наши ряды; что паника непріятеля до того была сильна, что многіе побросались въ Прутъ, уже спустя три дни послѣ дѣла, а большая часть бѣжала до Дуная, не оглядываясь. Съ другой стороны, никакая армія не выказываетъ столько охоты драться, какъ наша».

«Каждый день я принимаю торжественныя депутаціи и получаю письма изъ Польши съ поздравленіями, и нѣтъ сомнѣнія, что съ помощью Божью походъ окончится къ славѣ нашей», и пр.

Сказавъ все, что случилось замѣчательнаго въ этомъ году относительно арміи, я отмѣчу, что случилось наиболѣе важнаго при дворѣ.

Несмотря на заботы по кровопролитной войнѣ, императрица рѣшилась наконецъ заключить давно задуманный бракъ ея племянницы, принцессы Анны Мекленбургской, съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ Брауншвейгскимъ, который жилъ при дворѣ съ 1733 года.

Преемникъ министра вѣнскаго двора графа Остейна, маркизъ де-Ботта, принялъ званіе посла, и въ публичной аудіенціи, отъ имени императора, просилъ руки принцессы Анны для принца Антона Ульриха, племянника римской императрицы. Спустя нѣсколько дней послѣ этой аудіенціи, 14-го іюля, происходила свадьба со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Болѣе года работали надъ экипажами и платьями, которые должны были появиться на этой церемоніи. Вѣнчалъ архіепископъ новогородскій въ Казанскомъ соборѣ, и сказалъ по этому случаю прекрасное слово, которое было напечатано. Когда императрица Елисавета вступила на престолъ, эта рѣчь была запрещена, потому что въ ней были черты, которыя Елисаветѣ не полюбились.

Въ день этой церемоніи никто не воображалъ, что союзъ обоихъ высочествъ будетъ нѣкогда причиною несчастія, какъ ихъ самихъ, такъ и многихъ другихъ честныхъ людей. Всѣ смотрѣли на принцессу Анну, какъ на вѣроятную наслѣдницу престола. Я даже полагаю, что это и не миновало бы ея, еслибъ не воспротивился тому герцогъ курляндскій. Я скажу объ этомъ подробнѣе, когда коснусь болѣзни и смерти императрицы Анны.

По поводу этой свадьбы, я скажу нѣсколько словъ о роскоши двора и объ обыденномъ образѣ жизни императрицы.

Говоря о герцогѣ курляндскомъ, я сказалъ, что онъ былъ большой охотникъ до роскоши и великолѣпія; этого было довольно, чтобы внушить императрицѣ желаніе сдѣлать свой дворъ самымъ блестящимъ въ Европѣ. Употреблены были на это большія суммы денегъ, но все-таки желаніе императрицы не скоро исполнилось. Часто, при богатѣйшемъ кафтанѣ, парикъ бывалъ прегадко вычесанъ; прекрасную штофную матерію неискусный портной портилъ дурнымъ покроемъ; или, если туалетъ былъ безукоризненъ,

то экипажъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ: господинъ въ богатомъ костюмѣ ѣхалъ въ дрянной каретѣ, которую тащили одры.

Тотъ же вкусъ господствовалъ въ убранствѣ и чистотѣ русскихъ домовъ: съ одной стороны обиліе золота и серебра, съ другой страшная нечистоплотность. Женскіе наряды соотвѣтствовали мужскимъ; на одинъ изящный женскій туалетъ, встрѣчаешь десять безобразно одѣтыхъ женщинъ. Впрочемъ, вообще женскій полъ Россіи хорошо сложенъ; есть прекрасныя лица, но мало тонкихъ талій.

Это несоотвѣтствіе одного съ другимъ было почти общее; мало было домовъ, особенно въ первые годы, которые составляли бы исключеніе; мало по малу стали подражать тѣмъ, у которыхъ было болѣе вкуса. Даже дворъ и Биронъ не сразу успѣли привести все въ тотъ порядокъ, ту правильность, которую видишь въ другихъ странахъ; на это понадобились годы; но должно признаться, что наконецъ все было очень хорошо устроено.

Роскошь была уже преувеличенная и стоила двору огромныхъ денегъ. Не вѣроятно, сколько чрезъ это ушло денегъ за границу. Придворный который опредѣлялъ въ годъ только по двѣ или по три тысячи рублей на свой гардеробъ, т. е. 10 или 15 тыс. франковъ, не могъ похвастать щегольствомъ. Здѣсь встати было повторить замѣчаніе, сдѣланное однимъ саксонцемъ покойному Августу II, королю польскому: что слѣдовало бы расширить городскія ворота для впуска дворянъ, напялившихъ на себя цѣлыя деревни, потому что всѣ особы, имѣвшія честь служить при дворѣ, разстроивали свое состояніе на наряды; жалованьемъ нельзя было покрывать эти расходы, оно было недостаточно. Довольно было торговцу модъ прожить въ Петербургѣ два года, чтобы составить себѣ состояніе, хотя бы сначала весь его товаръ былъ бы взятъ на кредитъ.

Обыденная жизнь императрицы была очень правильная. Она всегда была на ногахъ еще до 8-ми часовъ. Въ 9, она начинала заниматься съ своимъ секретаремъ и съ министрами; обѣдала въ полдень, у себя въ комнатахъ, только съ семействомъ Биронъ. Только въ большіе торжественные дни она кушала въ публикѣ; когда это случалось, она садилась на тронъ подъ балдахиномъ, имѣя около себя обѣихъ царевенъ, Елисавету, нынѣ императрицу, и Анну Мекленбургскую. Въ такихъ случаяхъ ей

прислуживалъ оберъ-камергеръ. Обыкновенно въ той же залѣ накрывался большой столъ для первыхъ чиновъ имперіи, для придворныхъ дамъ, духовенства и иностраннаго посольства.

Въ послѣдніе годы, императрица не кушала въ публикѣ, и иностранные послы не были угощаемы при дворѣ. Въ большіе праздники имъ давалъ обѣдъ графъ Остерманъ.

Лѣтомъ императрица любила гулять пѣшкомъ; зимою же упражнялась на билліардѣ. Слегка поужинавъ, она постоянно ложилась спать въ 12-мъ часу.

Большую часть лѣта дворъ проводилъ въ загородномъ дворцѣ, выстроенномъ Петромъ І-мъ, въ 7 лье отъ Петербурга, и названномъ Петергофомъ. Мѣстность этого дворца самая прелестная, на берегу моря: слѣва видѣнъ Кронштадтъ и весь флотъ, напротивъ берега Финляндіи, а на право видъ на Петербургъ. При дворцѣ большой садъ съ великолѣпными фонтанами; собственно строеніе не важное, комнаты малы и низки.

Остальное лѣто императрица проводила въ лѣтнемъ дворцѣ, въ Петербургѣ; домъ довольно плохой постройки на берегу Невы, при немъ большой садъ, изрядно содержанный. Принцесса Анна начала-было строить новый домъ (старый пришелъ уже въ ветхость), но она не успѣла его кончить. Нынѣ царствующая императрица уже достроила его.

При дворѣ играли въ большую игру, которая многихъ обогатила въ Россіи, но въ тоже время многихъ и разорила. Я видѣлъ, какъ проигрывали до 20 тыс. рублей въ одинъ присѣстъ за квинтичемъ или за банкомъ. Императрица не была охотница до игры: если она играла, то не иначе, какъ съ цѣлью проиграть. Она тогда держала банкъ, но только тому позволялось понтировать, кого она называла; выигравшій тотчасъ же получалъ деньги, но такъ какъ игра происходила на марки, то императрица никогда не брала денегъ отъ тѣхъ, кто ей проигрывалъ.

Она любила театръ и музыку, и выписала то и другое изъ Италіи. Итальянская и нѣмецкая комедія чрезвычайно нравились. Въ 1736 г. поставлена первая опера въ Петербургѣ; она была очень хорошо исполнена, но не такъ понравилась, какъ комедія и итальянское интермеццо.

При Петрѣ І-мъ, такъ какъ и въ слѣдующія царствованія, при дворѣ сильно пили; не то было при Аннѣ. Она видѣть не

могла пьянаго человѣка. Одному князю Куракину дозволено было пить вволю; но чтобы вообще не совсѣмъ потеряли привычку пить, то 29-го января (ст. стиля), день возшествія на престолъ императрицы, было положено праздновать Бахусу; на этой церемоніи каждый гость обязанъ былъ выпить по большому кубку венгерскаго вина, ставъ на одно колѣно передъ ея величествомъ.

Я припоминаю тутъ другую оригинальную церемонію. Наканунѣ большихъ праздниковъ придворныя особы и гвардейскіе офицеры имѣли честь поздравлять императрицу и цѣловать ей руку, а ея величество подносила каждому изъ нихъ на большой тарелкѣ по рюмкѣ вина.

Къ концу 1739 г. императрица дала потѣшный праздникъ. Поводомъ послужилъ князь Голицынъ. Несмотря на его сорокъ лѣтъ, ни на то, что у него сынъ служилъ въ арміи поручикомъ, его въ одно время произвели въ пажи и въ придворные шуты, въ наказаніе за перемѣну религіи. Такъ какъ онъ былъ вдовъ, то императрица объявила ему, что онъ долженъ вторично жениться: она уже возьметъ на себя свадебные расходы. Шутъ согласился на предложеніе, выбралъ дѣвушку простаго званія и требовалъ отъ императрицы исполненія обѣщанія. Желая, по случаю этой потѣшной свадьбы, показать сколько различныхъ народовъ обитаютъ въ ея обширныхъ владѣніяхъ, императрица предписала всѣмъ губернаторамъ выслать въ Петербургъ по нѣскольку инородцевъ обоего пола. Когда они пріѣхали, ихъ одѣли заново на счетъ двора, каждаго въ его народный костюмъ. Кабинетъ-министру Волынскому поручено распорядиться свадьбою. Для празднованія ея выбрали зимнее время, а для пущей оригинальности, императрица приказала выстроить домъ изъ одного льду. Въ этомъ домѣ были двѣ комнаты; вся утварь въ нихъ, даже брачная кровать, была сдѣлана изо льду. Передъ домомъ поставлены четыре маленькія пушки и двѣ мортиры изо льду же. Изъ пушекъ сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ при зарядѣ въ полуунцію пороху, и онѣ не треснули; метали изъ мортиръ маленькія деревянныя гранаты: онѣ тоже оставались цѣлы.

Въ день свадьбы, всѣ участвовавшіе въ церемоніи собрались на дворѣ дома Волынскаго, распорядителя праздника; отсюда процессія прошла мимо императорскаго дворца и по главнымъ улицамъ города. Поѣздъ былъ очень великъ, состоя изъ 300 че-

ловѣкъ съ лишнимъ. Новобрачные сидѣли въ большой клѣткѣ, прикрѣпленной къ спинѣ слона; гости парами ѣхали въ саняхъ, въ которыя были запряжены разныя животныя: олени, собаки, волы, козлы, свиньи и т. д. Нѣкоторые ѣхали верхомъ на верблюдахъ. Когда поѣздъ объѣхалъ все назначенное пространство, людей повели въ манежъ герцога курляндскаго. Тамъ, по этому случаю, полъ былъ выложенъ досками и разставлено нѣсколько обѣденныхъ столовъ. Каждому инородцу подавали его національное кушанье. Послѣ обѣда открыли балъ, на которомъ также всякій танцовалъ подъ свою музыку и свой народный танецъ. Послѣ обѣда новобрачныхъ повезли въ ледяной домъ и положили въ самую холодную постель. Къ дверямъ дома приставленъ караулъ, который долженъ былъ не выпускать молодыхъ ранѣе утра.

Послѣ этихъ придворныхъ подробностей, перехожу къ общимъ дѣламъ.

XIV.

Пріѣздъ маркиза де-ла-Шетарди въ Петербургъ. — Мѣры, принятыя по заключеніи мира. — Посольство графа Огинскаго. — Генералъ Кейтъ назначенъ губернаторомъ въ Украйну.—Казармы, или слободы, для помѣщенія войска.—Волынскій арестованъ и казненъ.—Ссоры съ Швеціею.—Поѣздки фельдмаршала Миниха въ Кронштадтъ, Выборгъ и другіе города.

1740 г.

Послѣ заключенія мира между Россіею и Портою чрезъ посредничество Франціи, его христіанское величество отправилъ къ петербургскому двору, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, маркиза де-ла-Шетарди. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ январѣ мѣсяцѣ. Со стороны Россіи, къ версальскому двору былъ посланъ, въ томъ же дипломатическомъ званіи, князь Кантеміръ, бывшій нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Англіи. Въ послѣдствіи мы увидимъ, какую великую роль игралъ въ Россіи де-ла-Шетарди въ двухъ различныхъ случаяхъ.

Миръ былъ ратификованъ въ Константинополѣ въ январѣ мѣсяцѣ, а въ началѣ февраля, совѣтникъ миссіи, г. Неплюевъ, сынъ министра, ѣздившаго на конгрессъ въ Немировъ, привезъ ратификацію въ Петербургъ. Императрица лишь только ее получила, разослала курьеровъ къ фельдмаршаламъ Миниху и Ласи съ приглашеніемъ пріѣхать ко двору. Они прибыли 24-го февраля, а 26-го миръ былъ торжественно объявленъ. По этому случаю происходили большія празднества, а въ арміи значительныя произ-

водства. Графу Миниху дано званіе подполковника гвардіи Преображенскаго полка, постъ, на который онъ давно мѣтилъ, но долго не получалъ. Но прошло немного времени, какъ онъ, вѣроятно, заставилъ герцога курляндскаго горько раскаиваться въ доставленіи ему этого званія, потому что безъ него ему трудно бы было арестовать Бирона такъ, какъ онъ это исполнилъ. Принцу Антону Ульриху тоже дано званіе подполковника гвардіи Семеновскаго полка и генералъ-поручика арміи. Не стану приводить другіе примѣры производства, ни награды, которыми императрица надѣлила министровъ и генераловъ; довольно сказать, что все это было сдѣлано въ чрезвычайныхъ размѣрахъ. Герцогъ курляндскій одинъ уже получилъ 500 тыс. руб. чистыми деньгами.

Въ продолженіе войны дворъ увеличилъ число генераловъ въ арміи, такъ что оно значительно превосходило назначенное по военному уставу Петра I-го. По заключеніи мира, рѣшились мало по малу сбавлять лишній комплектъ. Многіе русскіе старые генералы, желавшіе отдыха, получили увольненіе; другихъ приставили къ гражданскимъ дѣламъ.

Императрица еще больше сдѣлала. Вышелъ указъ, которымъ каждому дворянину, прослужившему 20 лѣтъ и бывшему въ походахъ, дозволялось просить увольненія. Едва успѣли указъ этотъ публиковать, какъ поступило множество прошеній. Половинное число офицеровъ подали просьбу объ отставкѣ, увѣряя, что они прослужили болѣе 20 лѣтъ. Встрѣчались молодые люди, едва перешедшіе за 30-ти-лѣтній возрастъ, которые требовали увольненія; дѣло въ томъ, что, бывъ записаны въ какой-нибудь полкъ на 10-мъ или 12-мъ году отъ рожденія, они съ этого времени и службу свою считали. У многихъ офицеровъ не было гроша за душою, и все-таки они предпочитали военной службѣ жизнь въ деревнѣ и обработку полей собственными руками. Такой оборотъ дѣла заставилъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, отмѣнить указъ. Мысль была подана графомъ Минихомъ. А когда указъ отмѣнили, то князь Трубецкой (въ то время уже бывшій генералъ-прокуроромъ въ сенатѣ), тотъ самый, котораго фельдмаршалъ вывелъ изъ ничтожества и поддерживалъ вопреки всѣмъ, несмотря на дурное исполненіе имъ приказаній Миниха во время двухъ походовъ, въ благодарность за эти благодѣянія, навлекъ на своего бывшаго покровителя большія непріятности, подвергнувъ его

чувствительнымъ выговорамъ со стороны кабинета за предложеніе указа, который въ сущности клонился только къ пользѣ государства.

Польская республика, съ завистью смотрѣвшая на успѣхи русскихъ въ войнѣ съ турками и злившаяся на то, что въ послѣдніе два года армія проходила черезъ ея владѣнія, отправила въ Петербургъ графа Огинскаго, въ качествѣ посла, съ жалобами на насилія, произведенныя русскими войсками на походѣ, и съ требованіемъ за нихъ вознагражденія. Претензіи поляковъ были чрезмѣрны. Императрица назначила коммисаровъ, которые на мѣстѣ изслѣдовали поврежденія, но не придали имъ большой важности; однако жалобы не прекращались, покуда императрица не уплатила нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Я сказалъ, что въ 1738 г. въ Польшѣ оставлены были нѣсколько бомбъ, ядеръ и другихъ боевыхъ снарядовъ съ повозками, принадлежащими артиллеріи. Императрица предложила этими предметами заплатить часть требуемаго отъ нея, но республика не соглашалась на этотъ замѣнъ. Но какъ перевозка ихъ въ Украйну обошлась бы дороже самыхъ предметовъ, императрица оставляла ихъ въ даръ республикѣ; но и на это послѣдовалъ отказъ. Наконецъ, какъ ни разсуждали поляки, рѣшено было бросить эти остатки на произволъ всякаго, кто захотѣлъ бы ими воспользоваться.

Послѣ смерти князя Барятинскаго, управлявшаго Украйною, опредѣленъ былъ на его мѣсто генералъ Румянцевъ. Теперь же послѣдняго назначили посломъ въ Константинополь. Искали замѣнить его честнымъ и безкорыстнымъ человѣкомъ по той причинѣ, что Украйна чрезвычайно пострадала во все время войны съ турками; она четыре года сряду давала зимнія квартиры всѣмъ русскимъ войскамъ, и все время одна снабжала армію подводами для походныхъ обозовъ. Все это привело ее въ жалостное положеніе: не только губернаторы, но даже второстепенные чиновники грабили и разоряли народъ. Дворъ рѣшился положить конецъ всѣмъ этимъ притѣсненіямъ, и вывести изъ разоренія

одну изъ прекраснѣйшихъ областей своей обширной имперіи. Избранъ былъ въ губернаторы генералъ Кейтъ, возвращавшійся изъ Франціи, гдѣ онъ лечился отъ ранъ. Ему велѣно было ѣхать въ Глуховъ, въ качествѣ губернатора. Онъ пробылъ тутъ не болѣе года, но и въ это короткое время онъ покончилъ больше дѣлъ, нежели предшественники его въ теченіе десяти лѣтъ. Украйна отдохнула при его кроткомъ управленіи и при введенномъ имъ во всѣхъ частяхъ порядкѣ. Онъ началъ-было вводить между казаками нѣкотораго роду дисциплину, до этого имъ чуждую, но не успѣлъ привести это дѣло къ концу. Его вызвали изъ Украйны по случаю открывавшейся войны со Швеціею. При выѣздѣ его изъ Глухова, весь народъ жалѣлъ его, говоря, что не слѣдовало бы двору назначать имъ этого губернатора, при которомъ они увидѣли всю разницу между нимъ и его предшественниками, а ужъ если разъ дали его, то надобно было его и оставить. Теперь преемники его будутъ для нихъ тѣмъ болѣе нестерпимы, потому что они, украинцы, уже вкусили сладость кроткаго управленія.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, императрица одобрила проектъ, который въ послѣдствіи сослужилъ недобрую услугу принцессѣ Аннѣ. То была постройка въ окрестностяхъ Петербурга казармъ, или скорѣе слободъ, для пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ, до сихъ поръ размѣщавшихся по домамъ обывателей. Отведены были мѣста, и полки такъ усердно принялись за постройку, что на слѣдующій годъ они уже могли занять новые дома. Такъ какъ въ такой казармѣ полкъ былъ весь собранъ въ одномъ мѣстѣ, а офицеры, по милости дурной дисциплины, не были обязаны жить тутъ всѣ въ одно время, то этотъ порядокъ значительно облегчилъ предпринятую царевною Елисаветою революцію, окончившуюся для нея такъ удачно.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, по приказанію двора, арестованы: кабинетъ-министръ Волынскій, президентъ коммерцъ-коллегіи графъ Мусинъ-Пушкинъ, тайный совѣтникъ Хрущовъ, главноуправляющій надъ строеніями Еропкинъ, тайный секретарь ка-

бинета Эйхлеръ и еще другой секретарь, по имени Зуда. Волынскаго обвиняли въ разныхъ государственныхъ преступленіяхъ, но величайшее изъ нихъ было то, что онъ имѣлъ несчастіе не понравиться герцогу курляндскому. Во время наступившей нѣкоторой холодности между императрицею и ея любимцемъ, Волынскій подалъ государынѣ бумагу, въ которой взводилъ разныя обвиненія на герцога курляндскаго и на другія близкія къ императрицѣ лица. Онъ старался выставить герцога въ подозрительномъ свѣтѣ, и склонялъ императрицу удалить его. Когда государыня помирилась съ Бирономъ, она настолько была слаба, что передала ему бумагу Волынскаго, содержавшую въ себѣ, впрочемъ, много правды. Прочитавъ ее, герцогъ рѣшилъ погубить своего противника. Волынскій имѣлъ характеръ гордый и надменный, часто былъ неосторожен въ рѣчахъ и даже въ поступкахъ; поэтому скоро представился случай, котораго искали.

Его судили; нашли, что онъ часто слишкомъ вольно и непочтительно отзывался объ императрицѣ и ея любимцѣ, и приговорили къ отсѣченію сперва руки, потомъ и головы. Приговоръ былъ исполненъ. Тайному совѣтнику Хрущову и Еропкину отсѣкли головы за то, что они были его друзья и довѣренныя лица; Мусину-Пушкину отрѣзали языкъ; Эйхлера и Зуду высѣкли кнутомъ и сослали въ Сибирь. Все имущество этихъ несчастныхъ конфисковано и роздано другимъ, у которыхъ оно тоже не долго оставалось. Такимъ-то образомъ въ Россіи не только деньги, но даже земли, дома и всякое добро переходятъ изъ рукъ въ руки еще быстрѣе, нежели въ какой-либо другой странѣ въ Европѣ. Я знаю помѣстья, которыя въ продолженіе двухъ лѣтъ имѣли трехъ владѣльцевъ поочереди.

Волынскій былъ уменъ, но и чрезмѣрно честолюбивъ; гордый, тщеславный, неосторожный, онъ былъ склоненъ къ интригѣ, и всю жизнь свою слылъ за неугомоннаго человѣка. Несмотря на эти недостатки, которыхъ онъ не умѣлъ даже скрывать, онъ достигъ высшихъ должностей въ государствѣ. Онъ началъ съ военной службы, въ которой дослужился до генералъ-маіора. Отка-

завшись отъ военныхъ занятій, онъ занялся гражданскими дѣлами. Еще при Петрѣ I-мъ его посылали въ Персію въ качествѣ министра. Онъ былъ вторымъ уполномоченнымъ на немировскомъ конгрессѣ; а спустя два года по смерти графа Ягужинскаго, умершаго къ концу 1736 г., Волынскій получилъ его должность кабинетъ-министра. Но здѣсь онъ не могъ долго удержаться, не разсорившись съ графомъ Остерманомъ, который въ своихъ сослуживцахъ терпѣть не могъ ума. Навлекши на себя еще гнѣвъ герцога курляндскаго, онъ не могъ кончить иначе, какъ несчастливо.

Графъ Бестужевъ, который, какъ увидимъ, игралъ главнѣйшую роль въ Россіи, замѣнилъ Волынскаго въ должности кабинетъ-министра. Онъ былъ пріятелемъ Бирона, а такъ какъ Бирону непремѣнно нужно было въ кабинетѣ такое лицо, которое было бы вполнѣ предано его интересамъ, то онъ и предпочелъ Бестужева всѣмъ, кто бы могъ имѣть право на это мѣсто.

Между петербургскимъ и шведскимъ дворами продолжались мелкія ссоры. Россія не была довольна союзомъ Швеціи съ Портою, и запретила вывозъ хлѣба изъ лифляндскихъ портовъ. А въ Швеціи убійство Цинклера продолжало волновать умы. Стокгольмская чернь подняла бунтъ, и пыталась уже разграбить домъ русскаго министра, но дѣло ограничилось разбитіемъ нѣсколькихъ оконъ. Народъ кричалъ, что дѣйствуетъ по внушенію души Цинклера.

На шведскомъ сеймѣ споры не прекращались. Это собраніе раздѣлялось на двѣ партіи: одна называлась шляпами и состояла почти изъ всего дворянства, офицеровъ арміи и нѣсколькихъ сенаторовъ,—эта партія требовала войны. Другая, съ королемъ во главѣ, состояла изъ лицъ извѣстныхъ лѣтъ, знакомыхъ съ силами Россіи; она желала, чтобы миръ продолжался; ее прозвали колпаками. Обѣ партіи были крайне раздражены другъ противъ друга. Графъ Бестужевъ, братъ кабинетъ-министра, нашелъ довольно людей, которые сообщали ему всѣ самыя секретныя рѣшенія. Всѣ эти свѣдѣнія онъ передалъ своему двору, кото-

рый сдѣлалъ необходимыя распоряженія для начатія войны, въ случаѣ нужды.

Шведскій посланникъ при петербургскомъ дворѣ, г. Нолькенъ, много содѣйствовалъ тому, что въ партіи шляпъ увеличилось желаніе начать войну,—тѣмъ, что въ своихъ донесеніяхъ указывалъ на совершенное растройство арміи послѣ турецкихъ походовъ; онъ извѣщалъ также, что полки составлены изъ однихъ молодыхъ людей, которые едва умѣютъ обращаться съ своимъ оружіемъ, и что во многихъ полкахъ не доставало одной трети до комплекта [1]).

Однако эти сообщенія были совершенно лживы. За исключеніемъ полковъ, вернувшихся изъ Очакова, гдѣ они содержали гарнизонъ, русская армія была въ полномъ комплектѣ, и едва-ли не въ лучшемъ порядкѣ, нежели до войны; а полки, составлявшіе армію фельдмаршала Ласи, очень мало потерпѣли.

Весь этотъ годъ прошелъ въ переговорахъ. Французскій король предлагалъ себя въ посредники и желалъ примирить Швецію съ Россіей; но враждебное чувство шведовъ не могло быть успокоено; они хотѣли войны, а между тѣмъ не дѣлали никакихъ надлежащихъ приготовленій. Наканунѣ разрыва съ такою могущественною державою, какова Россія, шведы располагали въ Финляндіи только весьма малочисленнымъ войскомъ, такъ какъ они вызвали обратно то, которое выслали-было туда въ 1738 г., а въ складахъ этой провинціи находилось только ничтожное количество провіанта. Поступая совершенно иначе, Россія приняла всѣ необходимыя мѣры для доброй встрѣчи шведовъ, въ случаѣ ихъ нападенія. Выборгскій гарнизонъ увеличили нѣсколькими полками, магазины наполнили, и занялись приведеніемъ флота въ надежное состояніе.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, фельдмаршалъ Минихъ, въ сопровожденіи наслѣднаго курляндскаго принца, отправился въ Кронштадтъ для

---

[1]) Шведскій сенатъ обвиняли въ томъ, что онъ отправилъ къ Нолькену обратно его подлинные рапорты, съ приказаніемъ писать изъ Петербурга только то, что ему предписано было. Прим. Авт.

обозрѣнія укрѣпленій и для совѣщанія съ адмиралами на счетъ операцій, которыя могли бы привести въ дѣйствіе флотъ и галеры, въ случаѣ разрыва. Въ кронштадтскій гарнизонъ отрядили 10 тыс. человѣкъ пѣхоты; ихъ употребили на работы надъ укрѣпленіями и на новой верфи; ихъ же назначено посадить на суда, если бы война была объявлена.

По возвращеніи его съ этой поѣздки, Миниху повелѣно отправиться въ Выборгъ, Кексгольмъ и Шлиссельбургъ для обозрѣнія, какъ укрѣпленій въ этихъ городахъ, такъ и границъ Финляндіи. Курляндскій наслѣдный принцъ и въ этихъ поѣздкахъ сопровождалъ Миниха. Будучи въ Шлиссельбургѣ, принцъ, конечно, не могъ себѣ представить, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ эта крѣпость послужитъ тюрьмою для его отца со всѣмъ семействомъ.

XV.

Рожденіе принца Іоанна. — Болѣзнь императрицы. — Принцъ Іоаннъ объявленъ великимъ княземъ и наслѣдникомъ. — Герцогъ курляндскій обрѣтаетъ себѣ регентство. — Кончина императрицы.

1740 г.

24-го августа принцесса Анна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, который при крещеніи былъ названъ Іоанномъ. Это событіе чрезвычайно радовало императрицу; тогда же она объявила, что новорожденный будетъ ея сыномъ, взяла его отъ родителей и помѣстила его въ покоѣ подлѣ своего.

До сихъ поръ все шло по желанію императрицы, но наступилъ и конецъ ея благополучію. Къ концу сентября мѣсяца она захворала припадкомъ летучей подагры, отчего императрица и въ постель не ложилась, а изъ окружающихъ никто не безпокоился. Но въ нѣсколько дней недугъ значительно усилился: кромѣ подагры, показалось кровохарканье и обнаружились сильныя боли въ пояснидѣ; начали опасаться за ея жизнь.

Графъ Остерманъ, пораженный параличемъ въ ногахъ, уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ изъ комнаты; онъ принужденъ былъ отправиться во дворецъ въ носилкахъ. Сдѣланы были распоря-

женія касательно престолонаслѣдія, и принцъ Іоаннъ объявленъ россійскимъ великимъ княземъ и наслѣдникомъ престола. 18-го октября, всѣ стоявшія въ Петербургѣ войска были собраны, и имъ объявленъ сдѣланный императрицею выборъ наслѣдника, послѣ чего всѣ, даже принцесса Анна, цесаревна Елисавета и принцъ Антонъ-Ульрихъ, присягнули, что признаютъ наслѣдника. Въ распоряженіяхъ о наслѣдствѣ было еще сказано, что въ случаѣ кончины принца Іоанна въ малолѣтствѣ, или бездѣтнымъ, наслѣдовать ему долженъ второй сынъ отъ брака принцессы Анны и принца Антона-Ульриха, и такъ далѣе въ порядкѣ первородія.

Первая попытка герцога курляндскаго удалась: принцесса Анна была исключена изъ наслѣдства, тогда какъ безъ его интригъ, она непремѣнно вступила бы на престолъ. Оставалось теперь учредить регентство, и присвоить его себѣ. Однако онъ не смѣлъ открыто заявить свой замыселъ; онъ только сообщилъ о томъ барону Менгдену, камергеру императрицы и президенту коммерцъ-коллегіи. Въ кабинетѣ и въ сенатѣ пошли такія интриги, что все, что находилось въ Петербургѣ позначительнѣе изъ духовенства, министерства, военнаго сословія до чина полковника, было призвано въ кабинетъ для подписанія адреса герцогу курляндскому, коимъ всѣ чины имперіи просили его принять регентство во время малолѣтства великаго князя до достиженія имъ 17-ти лѣтняго возраста. Оставалось получить согласіе императрицы на этотъ проектъ. Семейство Бирона и его креатуры не отходили отъ государыни, чтобы отнять у принцессы Анны возможность говорить съ императрицею наединѣ. Наконецъ, герцогъ вынудилъ у ней подпись на актѣ регентства, хотя, какъ увѣряютъ, она и не знала содержанія документа.

Болѣзнь императрицы съ каждымъ днемъ болѣе усиливалась; эта государыня скончалась 28-го октября 1740 г., 46 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 20 дней отъ рожденія,—послѣ десятилѣтняго славнаго царствованія, въ продолженіе котораго всѣ ея предпріятія, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, имѣли желанный успѣхъ.

Императрица Анна по природѣ была добра и сострадательна и не любила прибѣгать къ строгости. Но какъ у нея любимцемъ былъ человѣкъ чрезвычайно суровый и жестокій, имѣвшій всю власть въ своихъ рукахъ, то въ царствованіе ея тьма людей впали въ несчастіе. Многіе изъ нихъ, и даже лица высшаго сословія, были сосланы въ Сибирь безъ вѣдома императрицы.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЗАПИСКИ О РОССІИ ГЕНЕРАЛА МАНШТЕЙНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Іоаннъ III, императоръ Россіи.—Регентъ арестуетъ многихъ лицъ.—Интриги регента.—Поведеніе фельдмаршала Миниха.—Герцогъ Курляндскій арестованъ и т. д.—Новыя распоряженія, насающіяся регентства.—Бисмаркъ и Карлъ Биронъ арестованы.—Размышленія по поводу ареста регента.—Награды и повышенія.

1740 г.

На слѣдующій день послѣ кончины императрицы Анны, сенатъ, духовенство и всѣ сколько-нибудь знатные люди Петербурга были созваны въ Лѣтній дворецъ (гдѣ императрица провела послѣдніе мѣсяцы своей жизни). Войска были поставлены подъ ружье и герцогъ Курляндскій обнародовалъ актъ, которымъ онъ объявлялся регентомъ имперіи до тѣхъ поръ, покуда императору Іоанну III не исполнится семнадцати лѣтъ. Всѣ присягнули новому императору на подданство и первые дни все шло обычнымъ порядкомъ, но такъ какъ герцогъ былъ всѣми вообще ненавидимъ, то многіе стали вскорѣ роптать.

Регентъ, имѣвшій шпіоновъ повсюду, узналъ, что о немъ отзывались съ презрѣніемъ, что нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, и преимущественно Семеновскаго полка, котораго принцъ Антонъ Ульрихъ былъ подполковникомъ, говорили, что они охотно будутъ помогать принцу, если онъ предприметъ что-либо противу регента. Онъ узналъ также, что принцесса Анна и супругъ ея были недовольны тѣмъ, что ихъ отстранили отъ регентства.

Это обезпокоило его и онъ приказалъ арестовать и посадить въ крѣпость нѣсколькихъ офицеровъ; въ числѣ ихъ находился и адъютантъ принца, по имени Грамматинъ. Генералу Ушакову, президенту тайной канцеляріи и генералъ-прокурору, князю Трубецкому, было поручено допросить ихъ со всею возможною строгостью; нѣкоторыхъ наказали кнутомъ, чтобы заставить ихъ назвать другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ. Во все время этого регентства почти не проходило дня, чтобы не было арестовано нѣсколько человѣкъ.

Принцу Антону Ульриху, бывшему генералъ-лейтенантомъ арміи, подполковникомъ гвардіи и шефомъ кирасирскаго полка, было приказано написать регенту просьбу объ увольненіи отъ занимаемыхъ имъ должностей; но этого было еще недостаточно. Регентъ велѣлъ дать ему совѣтъ — не выходить изъ своей комнаты, или, по крайней мѣрѣ, не показываться въ публикѣ.

Регентъ имѣлъ съ царевною Елисаветою частыя совѣщанія, продолжавшіяся по нѣсколько часовъ; онъ сказалъ однажды, въ присутствіи многихъ лицъ, собравшихся у него вечеромъ, что если принцесса Анна будетъ упрямиться, то ее отправятъ, съ ея принцемъ, въ Германію и вызовутъ оттуда герцога Голштейнскаго, чтобы возвести его на престолъ.

Герцогъ Курляндскій (давно уже желавшій возвести на престолъ свое потомство) намѣревался обвѣнчать царевну Елисавету со своимъ старшимъ сыномъ и выдать свою дочь за герцога Голштейнскаго, и я думаю, что если бы ему дали время, то онъ осуществилъ бы свой проектъ вполнѣ счастливо.

Принцесса Анна и супругъ ея находились все это время въ большой тревогѣ, но она вскорѣ прекратилась.

Фельдмаршалъ Минихъ, бывшій въ числѣ людей, принимавшихъ самое живое участіе въ томъ, чтобы предоставить регентство герцогу Курляндскому, вообразилъ, что лишь только власть будетъ въ рукахъ послѣдняго, онъ можетъ получить отъ него все, чего ни пожелаетъ; что герцогъ будетъ только носить титулъ, а власть регента будетъ принадлежать фельдмаршалу. Онъ хотѣлъ руководить дѣлами, съ званіемъ генералисимуса всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Все это не могло понравиться регенту, знавшему фельдмаршала слишкомъ хорошо и слишкомъ опасавшагося его для того, чтобы возвести его въ такое поло-

женіе, въ которомъ онъ могъ бы вредить ему; поэтому онъ не исполнилъ ни одной изъ его просьбъ. Виды фельдмаршала Миниха простирались еще далѣе при жизни императрицы Анны; когда онъ вступилъ съ войскомъ въ Молдавію, еще до покоренія этой страны, онъ предложилъ ея величеству сдѣлать его господаремъ этой провинціи, и если бы она осталась за Россіей, то онъ, вѣроятно, получилъ бы этотъ титулъ. Но вынужденный, по заключеніи мира, вернуться въ Украйну, онъ задался гораздо болѣе страннымъ намѣреніемъ. Онъ просилъ себѣ титулъ герцога Украинскаго и высказалъ свое намѣреніе герцогу Курляндскому, подавая ему прошеніе на имя императрицы. Выслушавъ объ этомъ докладъ, государыня сказала:

— Минихъ еще очень скроменъ, я думала, что онъ проситъ титулъ великаго князя Московскаго.

Она не дала другаго отвѣта на это прошеніе, и о немъ не было болѣе рѣчи.

Видя свои надежды обманутыми, фельдмаршалъ принялъ другія мѣры. Онъ предлагалъ принцу Антону Ульриху отъ имени герцога Курляндскаго просить объ отставкѣ; онъ же велѣлъ своему секретарю написать записку и такъ какъ регентъ часто поручалъ ему дѣла, касавшіяся принцессы и ея супруга, то это доставило ему случай говорить съ ними о несправедливостяхъ регента.

Однажды, когда Минихъ снова объявилъ принцессѣ какое-то дурное извѣстіе отъ имени регента, она стала горько жаловаться на всѣ непріятности, которыя ей причиняли, прибавляя, что она охотно оставила бы Россію и уѣхала бы въ Германію со своимъ супругомъ и сыномъ, такъ какъ ей приходится ожидать однихъ лишь несчастій, покуда бразды правленія будутъ находиться въ рукахъ герцога Курляндскаго. Фельдмаршалъ, выжидавшій только случая, чтобы открыться ей, отвѣчалъ, что ея императорское высочество дѣйствительно не можетъ ничего ожидать отъ регента, что однако ей не слѣдуетъ падать духомъ и что если она положится на него, то онъ скоро освободитъ ее отъ тиранства герцога Курляндскаго. Принцесса приняла не колеблясь его предложенія, предоставивъ фельдмаршалу вести все это дѣло и было рѣшено, что регента арестуютъ какъ только представится къ тому благопріятный случай.

Фельдмаршалъ продолжалъ усердно угождать регенту, выказывая къ нему большую привязанность и даже довѣріе, и герцогъ, со своей стороны, хотя и не довѣрялъ графу Миниху, но былъ чрезвычайно вѣжливъ съ нимъ, часто приглашалъ его обѣдать, а по вечерамъ они бесѣдовали иногда до десяти часовъ. При разговорахъ ихъ присутствовали лишь немногія, пользовавшіяся довѣріемъ, лица. Наканунѣ революціи, случившейся 18-го ноября (7-го ноября ст. ст.), фельдмаршалъ Минихъ обѣдалъ съ герцогомъ и при прощаніи герцогъ попросилъ его вернуться вечеромъ. Они засидѣлись долго, разговаривая о многихъ событіяхъ, касавшихся настоящаго времени. Герцогъ былъ весь вечеръ озабоченъ и задумчивъ. Онъ часто перемѣнялъ разговоръ, какъ человѣкъ разсѣянный, и ни съ того, ни съ сего спросилъ фельдмаршала: «Не предпринималъ-ли онъ во время походовъ какихъ-нибудь важныхъ дѣлъ ночью?» Этотъ неожиданный вопросъ привелъ фельдмаршала почти въ замѣшательство; онъ вообразилъ, что регентъ догадывается о его намѣреніи; оправившись однако какъ можно скорѣе, такъ что регентъ не могъ замѣтить его волненія, Минихъ отвѣчалъ: «что онъ не помнитъ, чтобы ему случалось предпринимать что-нибудь необыкновенное ночью, но что его правиломъ было пользоваться всѣми обстоятельствами, когда они кажутся благопріятными».

Они разстались въ 11 часовъ вечера, фельдмаршалъ съ рѣшимостью не откладывать долѣе своего намѣренія — погубить регента, а послѣдній твердо рѣшился не довѣрять никому, отдалить всѣхъ, кто могъ бы возбудить въ немъ подозрѣніе, и утвердить все болѣе и болѣе свое полновластіе, возведя на престолъ царевну Елисавету или герцога Голштейнскаго, такъ какъ онъ видѣлъ, что иначе ему будетъ невозможно сохранить свою власть, ибо число недовольныхъ увеличивалось вокругъ него съ каждымъ днемъ. Но такъ какъ онъ не хотѣлъ ничего предпринимать до похоронъ императрицы, то враги его успѣли предупредить его. Фельдмаршалъ Минихъ былъ убѣжденъ, что его сошлютъ перваго, поэтому онъ хотѣлъ нанести ударъ не теряя времени.

Возвратясь изъ дворца, фельдмаршалъ сказалъ своему адъютанту, подполковнику Манштейну, что онъ будетъ нуженъ ему на другой день, рано утромъ; онъ послалъ за нимъ въ два часа пополуночи. Они сѣли вдвоемъ въ карету и поѣхали въ Зимній

дворецъ, куда, послѣ смерти императрицы, былъ помѣщенъ императоръ и его родители. Фельдмаршалъ и адъютантъ его вошли въ покои принцессы черезъ ея гардеробную. Онъ велѣлъ разбудить дѣвицу Менгденъ, статсъ-даму и любимицу принцессы; поговоривъ съ Минихомъ, она пошла разбудить ихъ высочества, но принцесса вышла къ Миниху одна; поговоривъ съ минуту, фельдмаршалъ приказалъ Манштейну призвать къ принцессѣ всѣхъ офицеровъ, стоявшихъ во дворцѣ на караулѣ; когда они явились, то ея высочество высказала имъ въ немногихъ словахъ всѣ непріятности, которыя регентъ дѣлалъ императору, ей самой и ея супругу, прибавивъ, что такъ какъ ей было невозможно и даже постыдно долѣе терпѣть эти оскорбленія, то она рѣшила арестовать его, поручивъ это дѣло фельдмаршалу Миниху, и что она надѣется, что офицеры будутъ помогать ему въ этомъ и исполнять его приказанія.

Офицеры безъ малѣйшаго труда повиновались всему тому, чего требовала отъ нихъ принцесса. Она дала имъ поцѣловать руку и каждаго обняла; офицеры спустились съ фельдмаршаломъ внизъ и поставили караулъ подъ ружье. Графъ Минихъ объявилъ солдатамъ, въ чемъ дѣло. Всѣ громко отвѣчали, что они готовы идти за нимъ всюду. Имъ приказали зарядить ружья; одинъ офицеръ и 40 солдатъ были оставлены при знамени, а остальные 80 чел., вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ, направились къ Лѣтнему дворцу, гдѣ регентъ еще жилъ. Шагахъ въ 200 отъ этого дома отрядъ остановился; фельдмаршалъ послалъ Манштейна къ офицерамъ, стоявшимъ на караулѣ у регента, чтобы объявить имъ намѣренія принцессы Анны; они были также сговорчивы, какъ и прочіе, и предложили даже помочь арестовать герцога, если въ нихъ окажется нужда. Тогда фельдмаршалъ приказалъ тому же подполковнику Манштейну стать съ однимъ офицеромъ во главѣ отряда въ 20 человѣкъ, войти во дворецъ, арестовать герцога и, въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія съ его стороны, убить его безъ пощады.

Манштейнъ вошелъ, и во избѣжаніе слишкомъ большаго шума велѣлъ отряду слѣдовать за собою издали; всѣ часовые пропустили его безъ малѣйшаго сопротивленія, такъ какъ всѣ солдаты, зная его, полагали, что онъ могъ быть посланъ къ герцогу по какому-нибудь важному дѣлу; такимъ образомъ онъ прошелъ садъ

и безпрепятственно дошелъ до покоевъ. Не зная однако, въ какой комнатѣ спалъ герцогъ, онъ былъ въ большомъ затрудненіи, недоумѣвая куда идти. Чтобы избѣжать шума и не возбудить никакого подозрѣнія, онъ не хотѣлъ также ни у кого спросить дорогу, хотя встрѣтилъ нѣсколькихъ слугъ, дежурившихъ въ прихожихъ; послѣ минутнаго колебанія онъ рѣшилъ идти дальше по комнатамъ, въ надеждѣ, что найдетъ, наконецъ, то, чего ищетъ. Дѣйствительно, пройдя еще двѣ комнаты, онъ очутился передъ дверью, запертою на ключъ; къ счастью для него, она была двустворчатая и слуги забыли задвинуть верхнія и нижнія задвижки; такимъ образомъ онъ могъ открыть ее безъ особеннаго труда. Тамъ онъ нашелъ большую кровать, на которой глубокимъ сномъ спали герцогъ и его супруга, не проснувшіеся даже при шумѣ растворившейся двери.

Манштейнъ, подойдя къ кровати, отдернулъ занавѣсы и сказалъ, что имѣетъ дѣло до регента; тогда оба внезапно проснулись и начали кричать изо всей мочи, не сомнѣваясь, что онъ явился къ нимъ съ недобрымъ извѣстіемъ. Манштейнъ очутился съ той стороны, гдѣ лежала герцогиня, поэтому регентъ соскочилъ съ кровати, очевидно, съ намѣреніемъ спрятаться подъ нею; но тотъ поспѣшно обѣжалъ кровать и бросился на него, сжавъ его какъ можно крѣпче обѣими руками до тѣхъ поръ, пока не явились гвардейцы. Герцогъ, ставъ, наконецъ, на ноги и желая освободиться отъ этихъ людей, сыпалъ удары кулакомъ вправо и влѣво; солдаты отвѣчали ему сильными ударами прикладомъ, снова повалили его на землю, вложили въ ротъ платокъ, связали ему руки шарфомъ одного офицера и снесли его голаго до гауптвахты, гдѣ его накрыли солдатскою шинелью и положили въ ожидавшую его тутъ карету фельдмаршала. Рядомъ съ нимъ посадили офицера и повезли его въ Зимній дворецъ.

Въ то время, когда солдаты боролись съ герцогомъ, герцогиня соскочила съ кровати въ одной рубашкѣ и выбѣжала за нимъ на улицу, гдѣ одинъ изъ солдатъ взялъ ее на руки, спрашивая у Манштейна, что съ нею дѣлать? онъ приказалъ отвести ее обратно въ ея комнату, но солдатъ, не желая утруждать себя, сбросилъ ее на землю, въ снѣгъ, и ушелъ. Командиръ караула нашелъ ее въ этомъ жалкомъ положеніи, онъ велѣлъ принести

ей ея платье, и отвести ее обратно въ тѣ покои, которые она всегда занимала.

Лишь только герцогъ двинулся въ путь, какъ тотъ же подполковникъ Манштейнъ былъ посланъ арестовать младшаго брата его, Густава Бирона, который находился въ Петербургѣ. Онъ былъ подполковникомъ гвардейскаго Измайловскаго полка. Это предпріятіе слѣдовало исполнить почти съ бо̀льшими предосторожностями, нежели первое, такъ какъ Биронъ пользовался любовію своего полка и у него въ домѣ былъ караулъ отъ полка, состоявшій изъ одного унтеръ-офицера и 12-ти солдатъ. Дѣйствительно, часовые вначалѣ сопротивлялись, но ихъ схватили, грозя лишить ихъ жизни при малѣйшемъ шумѣ. Послѣ этого Манштейнъ вошелъ въ спальню Бирона и разбудилъ его, сказавъ, что долженъ переговорить съ нимъ о чрезвычайно важномъ дѣлѣ. Подведя его къ окну, онъ объявилъ, что имѣетъ приказаніе арестовать его. Биронъ хотѣлъ открыть окно и начиналъ кричать, но ему объявили, что герцогъ арестованъ и что его убьютъ при малѣйшемъ сопротивленіи; между тѣмъ вошли солдаты, оставшіеся въ сосѣдней комнатѣ, и доказали ему, что ничего не оставалось дѣлать, какъ повиноваться. Ему подали шубу, посадили его въ сани и повезли также во дворецъ.

Въ тоже время капитанъ Кенигфельсъ (Königfels), одинъ изъ адъютантовъ фельдмаршала, догнавшій его въ то время, когда онъ возвращался съ герцогомъ, былъ посланъ арестовать графа Бестужева. Герцога помѣстили въ офицерскую дежурную комнату, брату его и Бестужеву были отведены отдѣльныя комнаты, гдѣ они оставались до четырехъ часовъ пополудни, когда герцогъ съ семействомъ (исключая старшаго сына, который былъ боленъ и оставался въ Петербургѣ до выздоровленія) былъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, остальныхъ арестантовъ отослали въ мѣста, мало отдаленныя отъ столицы, гдѣ они пробыли до окончанія слѣдствія.

Лишь только герцогъ былъ арестованъ, какъ всѣмъ, находившимся въ Петербургѣ, войскамъ былъ отданъ приказъ стать подъ ружье и собраться вокругъ дворца. Принцесса Анна объявила себя великой княгиней Россіи и правительницей имперіи на время малолѣтства императора. Въ тоже время она возложила на себя цѣпь ордена св. Андрея и всѣ снова присягнули на под-

данство, въ каковой присягѣ была упомянута великая княгиня, чего не было сдѣлано прежде по отношенію къ регенту. Не было никого, кто бы не выражалъ своей радости по случаю избавленія отъ тираніи Бирона, и съ этой минуты всюду водворилось большое спокойствіе; на улицахъ были даже сняты пикеты, разставленные герцогомъ Курляндскимъ для предупрежденія возстаній во время его регентства. Однако нашлись люди, предсказывавшіе съ самаго начала революціи, что она не будетъ послѣднею, и что тѣ, кто наиболѣе потрудились для нее, можетъ быть, падутъ первыми. Въ послѣдствіи оказалось, что слова ихъ были справедливы.

Великая княгиня отдала въ тотъ же день приказаніе арестовать также генераловъ Бисмарка и Карла Бирона; первый былъ близкій родственникъ герцога, женившись на сестрѣ герцогини, и занималъ въ Ригѣ должность тамошняго генералъ-губернатора. Второй былъ старшимъ братомъ герцога и начальствовалъ въ Москвѣ; онъ былъ величайшимъ врагомъ брата во время его могущества, но, несмотря на это, раздѣлилъ его паденіе.

Герцогъ Курляндскій, подозрѣвавшій, какъ я сказалъ выше, что противъ него намѣрены что-то предпринять, приказалъ караульнымъ офицерамъ никого не пропускать во дворецъ послѣ того, какъ онъ удалится въ свои покои; часовымъ было приказано арестовать тѣхъ, которые могли придти и, въ случаѣ сопротивленія, убить на мѣстѣ того, кто сталъ бы противиться. Въ саду, подъ окнами регента, стоялъ караулъ изъ одного офицера и 40 человѣкъ солдатъ, и вокругъ всего дома были разставлены часовые. Несмотря на всѣ эти предосторожности, онъ не могъ избѣжать своей судьбы.

Я зналъ очень близко того, кто принималъ, главнымъ образомъ, участіе въ этомъ дѣлѣ; онъ признался мнѣ, что не могъ понять, какъ все это могло обойтись такъ легко, ибо, судя по всѣмъ принятымъ мѣрамъ, дѣло это не должно было удасться: если бы одинъ только часовой закричалъ, то все было бы проиграно.

Удивительно даже, какимъ образомъ гр. Минихъ и его генеральсъ-адъютантъ были пропущены въ Зимній дворецъ, такъ какъ по ночамъ вокругъ него разставлялся также караулъ и часовые, которые не должны были пропускать туда кого бы то ни было. Правда, фельдмаршалъ избралъ для ареста герцога тотъ день, когда у молодаго императора и регента стоялъ въ караулѣ тотъ полкъ,

въ которомъ онъ былъ подполковникомъ, и генеральсъ-адъютантъ его былъ извѣстенъ каждому солдату въ этомъ полку. Но, несмотря на это, если бы одинъ только человѣкъ исполнилъ свой долгъ, то предпріятіе фельдмаршала не удалось бы; это-то нерадѣніе гвардейцевъ, на которое не было обращено вниманія при великой княгинѣ, и облегчило тотъ переворотъ, который годъ спустя предприняла царевна Елисавета.

Гораздо легче было бы арестовать герцога среди бѣла дня, такъ какъ онъ часто посѣщалъ принцессу Анну въ сопровожденіи одного только лица. Графу Миниху, или даже какому-нибудь другому надежному офицеру стоило только дождаться его въ прихожей и объявить его арестованнымъ при выходѣ отъ принцессы. Но фельдмаршалъ, любившій, чтобы всѣ его предпріятія совершались съ нѣкоторымъ блескомъ, избралъ самыя затруднительныя средства.

22-го ноября принцесса пожаловала нѣсколько производствъ и наградъ. Супругъ ея, принцъ, былъ объявленъ генералисимусомъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Россіи. Графъ Минихъ получилъ постъ перваго министра. Графъ Остерманъ— незанятую уже много лѣтъ должность генералъ-адмирала. Князь Черкасскій былъ пожалованъ въ канцлеры; мѣсто это не было занято со смерти графа Головкина. Графъ Михаилъ Головкинъ, сынъ покойнаго канцлера, былъ возведенъ въ вице-канцлеры. Многіе другіе получили большія награды чистыми деньгами или помѣстьями; всѣ офицеры и унтеръ-офицеры, принимавшіе участіе въ арестѣ герцога, получили повышенія[1]). Солдатамъ, стоявшимъ въ караулѣ, дано денежное вознагражденіе.

II.

Поведеніе графа Миниха.—Управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ поручается графу Остерману, а внутреннихъ дѣлъ имперіи графу Головнину.—Вслѣдъ за этимъ фельдмаршалъ Минихъ требуетъ отставки и получаетъ ее.

1740—1841 г.

Фельдмаршалъ Минихъ арестовалъ герцога Курляндскаго единственно съ цѣлью достигнуть высшей степени счастія; цѣль

[1]) Подполковникъ Манштейнъ получилъ полкъ и прекрасныя помѣстья, которыя отняли у него при восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы. Примѣч. Авт.

его была та же, какъ и въ то время, когда онъ убѣждалъ герцога сдѣлаться регентомъ, т. е. онъ хотѣлъ захватить всю власть, дать великой княгинѣ званіе правительницы и самому пользоваться сопряженною съ этимъ званіемъ властью, воображая, что никто не посмѣетъ предпринять что-либо противъ него. Онъ ошибся.

Въ тотъ самый день, когда принцесса Анна объявила себя великою княгинею и правительницей, онъ получилъ отказъ, сильно его уязвившій, такъ какъ на его заявленіе о надеждѣ быть генералисимусомъ, принцесса отвѣтила, что эта должность не подобаетъ никому, кромѣ ея супруга, какъ отца императора. Тогда Минихъ хотѣлъ еще разъ просить титула герцога Украинскаго и полновластія надъ этою страною; но сынъ отговорилъ его отъ этого намѣренія. Наконецъ, онъ рѣшился быть первымъ министромъ, и чрезвычайно ссорбилъ этимъ поступкомъ графа Остермана, руководившаго до тѣхъ поръ единолично всѣми дѣлами министерства, а такъ какъ онъ никогда не былъ изъ числа друзей графа Миниха, то съ этой же минуты началъ устроивать его погибель.

Чрезмѣрное честолюбіе фельдмаршала послужило графу Остерману удобнымъ поводомъ для интригъ противъ него. Составляя указъ, силою котораго принцъ Антонъ Ульрихъ объявлялся генералисимусомъ, Минихъ включилъ въ него слѣдующія свои собственныя слова, что «хотя фельдмаршалъ графъ Минихъ, въ силу великихъ заслугъ, оказанныхъ имъ государству, могъ бы расчитывать на должность генералисимуса, тѣмъ не менѣе онъ отказался отъ нея въ пользу принца Антона Ульриха, отца императора, довольствуясь мѣстомъ перваго министра». Графъ Остерманъ не преминулъ выставить на видъ эти выраженія, и вполнѣ далъ почувствовать принцу ихъ высокомѣрное значеніе; это возбудило первое недоброжелательство противъ Миниха, а онъ съ своей стороны много способствовалъ къ поддержанію его своимъ безтактнымъ обращеніемъ съ принцемъ, который все же былъ отцомъ его государя.

Первыя жалобы принца противъ Миниха были вызваны по поводу его письменныхъ сношеній съ нимъ, такъ какъ въ Россіи существуетъ извѣстная форма, которую подчиненные обязаны употреблять во всѣхъ служебныхъ письменныхъ обращеніяхъ къ

своимъ начальникамъ; фельдмаршалъ вовсе ея не соблюдалъ и во всѣхъ сношеніяхъ съ генералисимусомъ придерживался формы обыкновенныхъ писемъ. Онъ не сообщалъ ему ни одного важнаго дѣла, хотя принцесса нѣсколько разъ приказывала это, но когда дѣло шло о мелочахъ, каковы, напримѣръ, повышенія по службѣ нижнихъ армейскихъ чиновъ, тогда графъ Минихъ не пропускалъ случая сообщить объ этомъ принцу.

Такъ какъ принцъ совѣщался каждый вечеръ по нѣсколько часовъ съ графомъ Остерманомъ, то послѣдній уговорилъ его пожаловаться объ этомъ великой княгинѣ. Онъ это сдѣлалъ; Миниху было приказано совѣщаться во всѣхъ дѣлахъ съ генералисимусомъ и, обращаясь къ нему письменно, употреблять принятую форму. Это было для него жестокимъ оскорбленіемъ. Нѣсколько времени спустя, случились новыя, еще болѣе важныя по послѣдствіямъ и болѣе горькія для него непріятности.

Графъ Остерманъ, при императрицѣ Аннѣ не выходившій уже нѣсколько лѣтъ изъ своей комнаты, приказывалъ часто переносить себя къ великой княгинѣ и имѣлъ съ нею нѣсколько совѣщаній, во время которыхъ намекнулъ, что первый министръ не былъ знакомъ съ иностранными дѣлами, которыми руководилъ уже 20 лѣтъ онъ, гр. Остерманъ, и что вслѣдствіе этого Минихъ могъ по невѣденію вовлечь дворъ въ такія дѣйствія, которыя были бы чрезвычайно вредны интересамъ имперіи; что онъ, графъ Остерманъ, съ удовольствіемъ сообщилъ бы ему все это, но что его недугъ не дозволялъ отправиться къ нему. Онъ прибавилъ еще, что Минихъ не былъ знакомъ и съ внутренними дѣлами имперіи, служа постоянно по военному вѣдомству. Подъ вліяніемъ этихъ, часто повторяемыхъ представленій, великая княгиня рѣшилась вновь поручить управленіе иностранными дѣлами Остерману, а веденіе внутреннихъ дѣлъ имперіи возложить на гр. Головкина; такимъ образомъ гр. Миниху, съ титуломъ перваго министра, осталось одно только военное министерство. Это задѣло его за живое и онъ потребовалъ отставки. Правительница нѣсколько затруднялась исполнить его просьбу, говоря, что не можетъ обходиться безъ его совѣтовъ. Графъ Минихъ дѣйствительно думалъ, что ему никогда не дадутъ отставки; онъ настаивалъ на томъ, что хочетъ оставить службу, если ему не будутъ возвращены всѣ его должности въ томъ видѣ, въ какомъ онъ

занималъ ихъ въ первые два мѣсяца регентства. Тогда его отблагодарили за его службу, какъ разъ въ самое то время, когда онъ воображалъ, что могущество его утверждается болѣе чѣмъ когда-либо.

Это извѣстіе какъ громомъ поразило его. Однако онъ опомнился послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, принялъ довольный видъ, благодарилъ великую княгиню за оказанную ему милость и удалился, нѣсколько дней спустя, въ свой дворецъ, на противуположный берегъ Невы. Въ должности перваго министра онъ занималъ, рядомъ съ дворцомъ, тотъ самый домъ, изъ котораго онъ былъ принужденъ выѣхать, восемь лѣтъ назадъ, по повелѣнію герцога Курляндскаго. Это былъ роковой домъ для семейства Миниха, такъ какъ сынъ его, поселившійся въ немъ послѣ отца, былъ, спустя годъ, арестованъ здѣсь при восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы.

Отставкѣ Миниха много способствовалъ доносъ герцога Курляндскаго, объявившаго на слѣдствіи, «что онъ никогда не принялъ бы регентства, если бы графъ Минихъ не склонялъ бы его къ этому столь убѣдительно, что хотѣлъ даже броситься передъ нимъ на колѣни, что онъ, Биронъ, совѣтовалъ великой княгинѣ остерегаться Миниха, какъ самаго опаснаго человѣка въ имперіи, и что если ея императорское высочество отказала Миниху въ чемъ-либо, то она не могла почитать себя безопасною на престолѣ».

Принцесса, отъ природы робкая, была въ большомъ затрудненіи; принцъ, супругъ ея, и графъ Остерманъ воспользовались этимъ временемъ, чтобы убѣдить ее отдалить Миниха. Она съ трудомъ согласилась на это, они же хотѣли идти еще далѣе, желая, чтобы Минихъ былъ сосланъ въ Сибирь и имъ удалось бы сдѣлать это, если бы дѣвица Менгденъ, любимица великой княгини, не вступилась за него.

Между тѣмъ кавалерійскій караулъ былъ удвоенъ во дворцѣ, и по улицамъ днемъ и ночью часто расхаживалъ патруль; за фельдмаршаломъ слѣдовали всюду шпіоны, наблюдавшіе за малѣйшимъ его дѣйствіемъ; принцъ и принцесса, опасаясь ежеминутно новаго переворота, не спали на своихъ обыкновенныхъ кроватяхъ, а проводили каждую ночь въ разныхъ комнатахъ до тѣхъ

коръ, покуда Минихъ не переѣхалъ въ свой дворецъ, по ту сторону Невы.

Другое обстоятельство, сильно повредившее фельдмаршалу, было возобновленіе союзнаго договора съ берлинскимъ дворомъ, весьма невыгодное для вѣнскаго кабинета, такъ какъ этотъ договоръ препятствовалъ движенію вспомогательныхъ войскъ, которыя оба эти двора взаимно обязались доставлять другъ другу въ случаѣ нападенія.

Лишь только герцогъ Курляндскій былъ арестованъ и король прусскій узналъ, что вся власть была въ рукахъ Миниха, онъ послалъ своего адъютанта, маіора Винтерфельта (женатаго на дочери г-жи Минихъ отъ перваго ея брака) въ Петербургъ, съ повелѣніемъ сдѣлать все возможное, чтобы отвлечь перваго министра отъ вѣнскаго двора и не щадить ничего для переговоровъ по этому важному дѣлу. Это удалось ему тѣмъ легче, что графъ Минихъ никогда не любилъ австрійскаго дома, и, по своему чрезмѣрному тщеславію, былъ весьма польщенъ тѣмъ довѣріемъ, которое оказывалъ ему король, спрашивая его совѣта по многимъ весьма важнымъ дѣламъ. Въ то время въ Петербургѣ не было министра отъ венгерской королевы, такъ какъ маркизъ Ботта былъ отозванъ за нѣсколько времени до смерти императрицы Анны, что устраняло многія препятствія, и прусскій министръ, баронъ Мардефельдъ, съ маіоромъ Винтерфельтомъ, съумѣли искусно воспользоваться временемъ.

Госпожа Минихъ получила отъ короля кольцо, украшенное крупнымъ бриліантомъ, цѣнностью въ 6,000 рублей. Сынъ фельдмаршала получилъ 15 тысячъ эфимковъ чистыми деньгами и право на пользованіе доходами съ маіората (et l'investiture d'un bailliage) въ Бранденбургѣ, называемаго Бюгенъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ подарилъ его князю Меншикову, затѣмъ имъ владѣлъ герцогъ Курляндскій и, наконецъ, его получилъ графъ Минихъ. Когда послѣдній былъ арестованъ, то его величество король прусскій взялъ маіоратъ обратно и оставилъ эти земли за собою съ тѣмъ, чтобы отдать ихъ графамъ Минихъ, если бы они когда-либо возвратились изъ изгнанія.

Великая княгиня продолжала выдавать Миниху ежегодную пенсію въ 15 тысячъ рублей, или 30 тысячъ нѣмецкихъ гульденовъ, что̀, вмѣстѣ съ громадными имѣніями, которыми онъ вла-

дѣлъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и Германіи, давало ему ежегодный доходъ въ 70 тыс. рублей или 140 тыс. гульденовъ.

Кирасирскій полкъ, принадлежавшій фельдмаршалу, былъ отданъ графу Левендалю; но онъ носилъ имя Миниха до самаго восшествія на престолъ императрицы Елисаветы.

Фельдмаршалъ Минихъ былъ удаленъ отъ двора въ мартѣ мѣсяцѣ 1741 года; передъ тѣмъ, въ декабрѣ, онъ былъ боленъ и всѣ считали его близкимъ къ смерти. Великая княгиня сказала однажды, что для Миниха было бы счастіемъ умереть теперь, такъ какъ онъ окончилъ бы жизнь въ славѣ и въ такое время, когда онъ находился на высшей ступени, до которой можетъ достигнуть частный человѣкъ. Поэтому можно было судить, что дворъ скоро утѣшился бы въ его потерѣ и что сама великая княгиня завидовала его могуществу.

III.

Принцъ Антонъ Ульрихъ получаетъ титулъ императорскаго высочества.—Погребеніе императрицы Анны.—Процессъ Бирона.—Неудавшіеся переговоры маркиза Ботта.—Принцъ Людвигъ Брауншвейгскій избранъ въ герцоги Курляндскіе.—Турецкое посольство.—Персидское посольство.—Аудіенція Шетарди.—Поведеніе правительницы.—Несогласія между членами кабинета.

1740—1741.

Нѣсколько дней послѣ переворота, великая княгиня издала указъ, которымъ повелѣвала величать своего супруга, какъ отца императора, императорскимъ высочествомъ; нѣсколько времени спустя, онъ былъ объявленъ соправителемъ (co-régent).

Приготовленія по случаю погребенія императрицы Анны могли быть окончены лишь къ концу декабря; наконецъ, когда все было устроено, она была погребена въ церкви Петербургской крѣпости съ надлежащимъ церемоніаломъ и всевозможнымъ великолѣпіемъ.

Выше мы видѣли, что герцогъ Курляндскій, въ самый день ареста, былъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ; коммисія, составленная изъ нѣсколькихъ сенаторовъ, разсмотрѣла тамъ его дѣло и приговорила его къ смерти. Онъ былъ помилованъ. Правительница Анна съ самаго начала переворота рѣшила сослать его въ Сибирь. Туда былъ посланъ инженеръ наблюдать за постройкой дома, который сооружался нарочно для его заточенія. Фельдмаршалъ Минихъ набросалъ карандашомъ на-черно первый его

планъ, совсѣмъ не воображая, что дѣлалъ эту работу для себя. Въ маѣ мѣсяцѣ герцогъ Курляндскій былъ переведенъ съ своимъ семействомъ изъ Шлиссельбурга въ свое новое жилище. Нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе, его братья и генералъ Бисмаркъ были отправлены въ разныя мѣста Сибири.

Маркизъ Ботта былъ отозванъ изъ Петербурга за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти императрицы и посланъ къ берлинскому двору; онъ былъ снова отправленъ въ Россію послѣ того какъ великая княгиня объявила себя правительницей и сильно убѣждалъ правительницу помочь венгерской королевѣ. Но войска не могли двинуться по многимъ причинамъ, хотя нѣсколько полковъ получили уже повелѣніе оставить свои квартиры и направиться къ Ригѣ. Съ одной стороны, чрезвычайный сеймъ, созванный въ Швеціи къ концу предъидущаго года, возбуждалъ опасеніе, чтобы онъ не окончился объявленіемъ войны съ Россіей. Съ другой, польскій король, готовившійся объявить войну австрійскому дому, велѣлъ торжественно протестовать отъ имени республики противъ прохода войскъ, которыя Россія захотѣла бы послать въ Силезію, и саксонскій министръ, графъ Линаръ, находившійся въ то время въ Петербургѣ, умѣлъ слишкомъ хорошо воспользоваться тою благосклонностью, которую онъ снискалъ со стороны великой княгини и ея фаворитки, чтобы не противодѣйствовать всему, что могло быть противно интересамъ его государя. Петербургскій дворъ не преминулъ возвѣстить курляндскому сейму, что герцогъ ихъ арестованъ, подвергся суду и, уличенный въ преступленіи—оскорбленіи величества, сосланъ навсегда со всѣмъ семействомъ. Россія въ тоже время завладѣла нѣсколькими помѣстьями, на которыя имѣла притязаніе. Имѣнія эти были заложены предшественниками Бирона [1]). Такимъ образомъ петербургскій дворъ говорилъ, что онъ употребилъ на это русскія деньги и отобралъ ихъ въ казну.

Курляндскому дворянству предложили избрать себѣ новаго герцога, и великая княгиня дала понять ему, что, избравъ принца

---

[1]) Петръ I самъ далъ въ займы герцогу Фридриху, супругу императрицы Анны, пятьсотъ тысячъ рублей подъ залогъ нѣсколькихъ имѣній; другія были заложены частнымъ лицамъ; Биронъ выкупилъ ихъ всѣ; императрица подарила ему то, что онъ былъ долженъ Россіи, и подарками, получаемыми имъ время отъ время отъ этой государыни, онъ выкупилъ и остальное. Примѣч. Авт.

Людвига Брауншвейгскаго, брата ея супруга, оно сдѣлаетъ ей, правительницѣ, удовольствіе и можетъ впередъ расчитывать на покровительство Россіи.

Графъ Саксонскій (побочный сынъ польскаго короля Августа II) имѣлъ также большія притязанія на Курляндію; онъ былъ единогласно избранъ въ герцоги всѣмъ дворянствомъ въ 1727 г., поэтому онъ уже въ февралѣ мѣсяцѣ послалъ въ Петербургъ барона Дискова (Dieskow) хлопотать по его дѣлу, но получилъ отказъ и Дисковъ вернулся въ то время, когда принцъ Людвигъ долженъ былъ прибыть въ Митаву.

23-го іюня собравшееся дворянство приступило къ избранію, какъ вдругъ Дисковъ прервалъ его торжественнымъ заявленіемъ отъ имени графа Саксонскаго. Онъ прибавилъ къ этому родъ письменнаго манифеста, розданнаго имъ въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ. Но это не помѣшало избранію принца Людвига всѣмъ дворянствомъ, слишкомъ боявшимся русскаго могущества для того, чтобы обратить вниманіе на права графа Саксонскаго. Однако дѣло это не могло такъ окончиться. Польская республика протестовала противъ этого избранія, совершеннаго безъ ея вѣдома, принцъ Людвигъ не могъ получить королевскаго утвержденія (l'investiture du roi), а случившаяся нѣсколько мѣсяцевъ спустя революція прервала все дѣло.

Въ началѣ іюля принцъ Людвигъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ со всевозможными выраженіями ласки и дружбы. Его помѣстили сначала въ Лѣтній дворецъ и ему прислуживали придворные; нѣсколько времени спустя, ему дали помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ. Этотъ принцъ пріобрѣлъ разомъ общее расположеніе своимъ ласковымъ и привѣтливымъ обращеніемъ со всѣми, кто имѣлъ честь доступа къ нему и всѣ думали, что курляндцы будутъ счастливы, имѣя его государемъ.

Призвавъ принца Людвига въ Петербургъ, правительница и министерство имѣли намѣреніе женить его на царевнѣ Елисаветѣ лишь только онъ будетъ признанъ герцогомъ курляндскимъ. Царевна не соглашалась, но была бы, наконецъ, вынуждена выйти за него замужъ, если бы не приняла другихъ мѣръ.

Въ іюлѣ же мѣсяцѣ прибылъ въ Петербургъ турецкій посолъ. Дворъ долго отсрочивалъ его путешествіе, чтобы освѣдомиться, какимъ образомъ будетъ принятъ въ Константинополѣ

русскій посолъ, и чтобы дѣйствовать, соображаясь съ этимъ. Когда были получены ожидаемыя извѣстія, турецкій посолъ совершилъ свой въѣздъ въ Петербургъ. Онъ въѣхалъ верхомъ и былъ принятъ съ большимъ почетомъ. Въ условіяхъ бѣлградскаго мира было упомянуто, что русскій посолъ будетъ принятъ въ Константинополѣ съ тѣмъ же почетомъ и церемоніей, какъ посолъ римскаго императора. Этого еще никогда не бывало. Поэтому и петербургскій дворъ употребилъ на пріемъ турецкаго посольства всевозможныя средства, чтобы сдѣлать его блестящимъ.

Нѣсколько времени спустя, въ Петербургъ прибылъ также персидскій посолъ; это было, быть можетъ, самое необыкновенное изо всѣхъ видѣнныхъ доселѣ посольствъ.

Тамасъ-Кули-ханъ послѣ побѣды надъ великимъ Моголомъ отправилъ, въ началѣ 1740 года, посла съ этимъ извѣстіемъ къ русской императрицѣ во главѣ свиты, состоявшей изъ шестнадцати тысячъ человѣкъ и 20 пушекъ. Дворъ былъ извѣщенъ объ этомъ во-время, и выслалъ войска по направленію къ Астрахани, чтобы расположиться лагеремъ на персидской границѣ. Когда посолъ подходилъ къ рѣкѣ Кизляру, генералъ-маіоръ Апраксинъ, командовавшій пятью пѣхотными и шестью драгунскими полками, послалъ сказать ему, что такъ какъ по пути изъ Астрахани къ Москвѣ приходилось пройти большую пустыню, то не будетъ возможности доставить ему фуражъ и съѣстные припасы для такого количества людей, что поэтому его просятъ оставить остальныхъ, взявъ съ собою не болѣе 2,000 человѣкъ. Это представленіе остановило посла; онъ отправилъ курьера къ своему повелителю, который приказалъ ему условиться съ русскими уполномоченными на счетъ числа людей, которые должны были сопровождать его ко двору. Онъ прибылъ туда лишь въ іюлѣ 1741 года. Въѣздъ его, совершившійся также верхомъ, былъ изъ числа самыхъ великолѣпныхъ и самыхъ необыкновенныхъ. Свита его состояла изъ 2,000 человѣкъ и 14-ти слоновъ, которые шахъ посылалъ императору и важнѣйшимъ русскимъ вельможамъ; прочіе подарки были также весьма цѣнны. Посолъ сказалъ въ рѣчи, произнесенной предъ правительницей, въ день аудіенціи, что повелитель его пожелалъ раздѣлить добычу отъ побѣды надъ Моголомъ съ столь добрымъ союзникомъ, каковъ императоръ Рос-

сіи. Тутъ было значительное число крупныхъ алмазовъ и драгоцѣнныхъ камней, которые не были ограненны.

Нѣкоторыя лица петербургскаго министерства опасались, что шахъ-Надиръ, посылая столь многочисленное посольство, имѣлъ цѣлью завладѣть астраханскимъ царствомъ и сдѣлать еще большія завоеванія въ случаѣ, если не будутъ приняты надлежащія мѣры предосторожности; но настоящей цѣлью, которая покажется сначала слишкомъ несоотвѣтствующей первой, было просить для шаха Надира руки, нынѣ царствующей въ Россіи, царевны Елисаветы; правительница очень желала бы исполнить его просьбу, но нашла поступокъ этотъ слишкомъ смѣлымъ и поэтому отказала. Посолъ былъ близкій родственникъ и оберъшталмейстеръ шаха.

Французскій посолъ не имѣлъ до сихъ поръ аудіенціи. Онъ хотѣлъ вручить свои кредитивныя грамоты великой княгинѣ не иначе, какъ въ присутствіи самаго императора, а въ Россіи царскія дѣти показываются народу не иначе, какъ по прошествіи года отъ рожденія; это было причиной затрудненій съ той и съ другой стороны; наконецъ, г. де-ля-Шетарди оставилъ роль посла и имѣлъ частную аудіенцію у великой княгини въ покояхъ императора.

Все въ государствѣ, казалось, было покойно, поэтому никто не имѣлъ повода жаловаться, такъ какъ Россія никогда не управлялась съ бо́льшею кротостью, какъ въ теченіе года правленія великой княгини. Она любила оказывать милости, и была, повидимому, врагомъ всякой строгости. Она была бы счастлива, если бы домашнее ея поведеніе было также хорошо, какъ въ обществѣ, и если бы она слушалась совѣтовъ умныхъ людей, не привязываясь такъ къ своей любимицѣ.

Дѣвица Юліана фонъ-Менгденъ получила такое воспитаніе, какое дается обыкновенно въ Лифляндіи дочерямъ помѣщиковъ, естественно предназначеннымъ, какъ и во всякой другой странѣ, выйти замужъ за какого-нибудь добраго дворянина и заниматься хозяйствомъ въ его имѣніяхъ.

Такъ какъ въ царствованіе императрицы Анны при дворѣ желали имѣть фрейлинами лифляндокъ, и семейство бароновъ Менгденъ (принадлежавшее, впрочемъ, къ числу древнѣйшихъ въ странѣ) пользовалось большимъ расположеніемъ герцога Кур-

ляндскаго, то три сестры изъ этой фамилiи были вызваны одновременно. Старшая, по имени Доротея, вышла замужъ за графа Миниха, сына фельдмаршала; вторая, Юлiана, была той любимицей великой княгини, о которой я только что упоминалъ, и буду еще имѣть случай говорить многое; третья, Якобина, послѣдовала вмѣстѣ съ любимицей за великой княгиней въ ссылку; четвертая сестра, по имени Аврора, была также при дворѣ въ правленiе регентши; она вышла въ послѣдствiи замужъ за графа Лестока и раздѣлила съ нимъ его несчастiе.

Легко понять, что дѣвицы эти, мало видѣвшiя людей, не обладали умомъ, необходимымъ для веденiя дворцовыхъ интригъ; поэтому три и не вмѣшивались въ нихъ, но Юлiана, любимица правительницы, матери императора, захотѣла принимать участiе въ дѣлахъ или, лучше сказать, отъ природы лѣнивая, она съумѣла передать этотъ порокъ своей повелительницѣ. Принцесса затягивала самыя важныя дѣла, оставалась по нѣскольку дней въ своей комнатѣ, принимая сколь возможно менѣе лицъ, одѣтая въ одной юбкѣ и въ шушунѣ (petit manteau pet-en-l'air), съ ночнымъ уборомъ на головѣ, сдѣланномъ изъ платка. Къ правительницѣ допускались одни только друзья и родственники фаворитки, или иностранные министры, приглашенные составить партiю въ карты великой княгини. Такое странное поведенiе не могло не оскорблять русскихъ сановниковъ. Принцъ Антонъ Ульрихъ съ грустью замѣчалъ влiянiе, которое дѣвица Менгденъ имѣла на его супругу. Онъ дѣлалъ ей по этому поводу замѣчанiя, но это повело только къ частымъ ссорамъ между ними, и дало время царевнѣ Елисаветѣ спокойно провести необходимыя интриги для восшествiя на престолъ.

Между ихъ высочествами возникали часто большiя несогласiя, продолжавшiяся по цѣлымъ недѣлямъ, и фаворитка, вмѣсто того, чтобы стараться примирить принца съ принцессою, имѣла неосторожность еще болѣе возбудить великую княгиню противъ ея супруга, а великая княгиня думала гораздо болѣе о томъ, какъ бы пристроить свою любимицу, нежели о прочихъ дѣлахъ имперiи. Она пожелала выдать ее замужъ за графа Линара, министра польскаго короля. Обрученiе совершилось и вслѣдъ затѣмъ Линаръ уѣхалъ въ Саксонiю. Онъ хотѣлъ устроить тамъ свои дѣла, вернуться затѣмъ для бракосочетанiя и долженъ былъ поступить въ русскую службу въ качествѣ оберъ-камергера. Къ счастiю для

него, онъ не успѣлъ еще вернуться, какъ на престолъ вступила императрица Елисавета. Великая княгиня подарила своей фаворитке большія помѣстья въ Лифляндіи и домъ, принадлежавшій генералу Густаву Бирону.

Между членами кабинета не было большаго единогласія, какъ между принцемъ и принцессою. Графъ Остерманъ, болѣе всего способствовавшій удаленію Миниха, изъ зависти къ власти перваго министра, встрѣтилъ новаго соперника въ лицѣ графа Головкина, вице-канцлера имперіи, который не могъ видѣть безъ зависти, что принцъ Антонъ Ульрихъ былъ привязанъ къ одному только графу Остерману, слѣдовалъ только его совѣтамъ и отъ него одного выслушивалъ доклады о дѣлахъ. Для противодѣйствія ему, Головкинъ предался великой княгинѣ и пріобрѣлъ ея полное довѣріе. Принцесса поручила исполненіе нѣкоторыхъ чрезвычайно важныхъ дѣлъ графу Головкину, не сказавъ о томъ ни своему супругу, ни графу Остерману. Графъ Головкинъ также первый посовѣтовалъ великой княгинѣ объявить себя императрицею, но намѣреніе это (о которомъ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ) не было выполнено по причинѣ воспослѣдовавшаго переворота.

IV.

Приготовленія къ войнѣ со Швеціей.—Генералисимусъ дѣлаетъ смотръ войскамъ.—Рожденіе принцессы Екатерины. — Объявленіе войны со Швеціей. — Замѣчанія о поведеніи шведовъ.—Начало непріятельскихъ дѣйствій.— Русскіе вступаютъ въ шведскую Финляндію. — Фальшивая тревога. — Дѣло при Вильманстрандѣ.— Армія возвращается въ русскую Финляндію.— Пріѣздъ графа Левенгаупта въ Финляндію.—Войска вступаютъ на зимнія квартиры.—Намѣреніе великой княгини объявить себя императрицею.—Шведская армія снова выступаетъ въ походъ.—Манифестъ графа Левенгаупта.

1741 г.

Въ то время, какъ все это происходило въ Петербургѣ, въ Стокгольмѣ продолжался чрезвычайный сеймъ и полученныя оттуда извѣстія говорили только о близкомъ разрывѣ съ Россіей Петербургское министерство долгое время полагало, что Швеція не объявитъ войны. Франція предложила въ минувшемъ году свое посредничество и обѣ стороны приняли его. Поэтому въ Россіи льстили себя надеждою, что Стокгольмскій дворъ сдѣлаетъ при окончаніи сейма какія-нибудь предложенія, и графъ Остерманъ полагалъ даже, что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ уступить Шве-

ціи Кексгольмъ съ его округомъ, такъ какъ уже Петръ I согласился уступить этотъ городъ съ его окрестностями шведамъ въ томъ случаѣ, если бы они настаивали получить обратно часть завоеванной Финляндіи. На этотъ разъ шведы предпочли войну переговорамъ.

Нолькенъ, ихъ министръ въ Петербургѣ, выѣхалъ оттуда въ половинѣ іюля, подъ предлогомъ домашнихъ дѣлъ, призывавшихъ его въ Померанію, гдѣ у него были помѣстья. Въ это время при дворѣ было уже извѣстно, что Швеція рѣшилась воевать, и что поэтому Нолькенъ болѣе не возвратится. Такъ какъ Швеція была раздѣлена на нѣсколько партій, то русскому министру въ Стокгольмѣ, графу Бестужеву, было не трудно узнать все, что происходило на сеймѣ. Онъ зналъ всѣ ихъ рѣшенія также хорошо, какъ если бы былъ членомъ тайнаго комитета.

По извѣстіямъ, сообщеннымъ имъ своему двору, великая княгиня призвала въ Петербургъ фельдмаршала Ласи и генерала Кейта; часто собирались военные совѣты и было рѣшено сформировать для этого похода нѣсколько корпусовъ войска. Самый значительный долженъ былъ находиться въ Финляндіи, подъ начальствомъ фельдмаршала Ласи и генерала Кейта, и дѣйствовать наступательно противъ Швеціи лишь только будетъ получено объявленіе о войнѣ. Второй, подъ командою принца Гессенъ-Гомбургскаго, долженъ былъ оставаться въ Ингерманландіи, для лагеря его была назначена Красная горка, лежащая приблизительно въ 6-ти или 7-ми миляхъ отъ Петербурга, для того, чтобы препятствовать дессантамъ, которые непріятель попытался бы высадить здѣсь. Кромѣ того, было рѣшено собрать еще небольшіе корпуса въ Лифляндіи и Эстляндіи, которые должны были всѣ находиться подъ начальствомъ Левендаля, для прикрытія тамошнихъ береговъ, такъ какъ русскій флотъ былъ въ такомъ плохомъ состояніи, что не могъ въ этомъ году выйти изъ портовъ.

22-го іюля начали формировать первый лагерь, подъ начальствомъ генерала Кейта, въ четырехъ миляхъ отъ Петербурга, со стороны Выборга, близь деревни, называемой Осиновая Роща; онъ былъ составленъ изъ 5-ти полковъ пѣхоты и 3-хъ драгунскихъ и нѣсколькихъ отдѣльныхъ гренадерскихъ ротъ.

26-го числа прибылъ туда для осмотра этихъ войскъ генералисимусъ, сопровождаемый братомъ своимъ, принцемъ Люд-

вигомъ и фельдмаршаломъ Ласи. Въ то время, какъ его императорское высочество былъ занятъ маневрами драгунъ, изъ Петербурга раздались пушечные выстрѣлы, возвѣщавшіе благополучное разрѣшеніе отъ бремени великой княгини, родившей дочь, названную Екатериной; получивъ это извѣстіе, принцъ и вся его свита вернулись въ Петербургъ.

Кейтъ подошелъ съ командуемымъ имъ корпусомъ за 8 миль отъ Выборга къ деревнѣ, прозванной Мула-Мыза (Moula-Muisa), и такъ какъ у этой деревни дороги раздѣляются и до нея можно дойти вдоль по берегу моря, обойти Выборгъ и проникнуть въ Петербургъ, то онъ велѣлъ соорудить тутъ большой окопъ. Корпусъ войскъ, прибывшій къ Мула-Мызѣ 6-го августа, остался тамъ до 25-го того же мѣсяца.

24-го, въ день рожденія императора, Кейтъ поставилъ войско подъ оружье и объявилъ о войнѣ со Швеціей. Войска приняли это извѣстіе съ большими изъявленіями радости. Генералъ произнесъ короткую рѣчь, обращаясь къ каждому баталіону отдѣльно, уговаривалъ солдатъ дѣлать свое дѣло и стараться не только упрочить, но еще и увеличить славу русскаго оружія.

Прежде нежели я стану продолжать разсказъ о дѣйствіяхъ русскаго войска, я изложу, каково было поведеніе шведовъ въ этомъ дѣлѣ. Я уже говорилъ о партіяхъ, раздѣлявшихъ Швецію, и сказалъ, что та, которая называла себя партіею шляпъ, хотѣла войны; что къ ней стали готовиться съ 1737 года, но вмѣсто того, чтобы объявить ее въ такое время, когда Россія была занята другимъ и арміи ея были далеко отъ шведскихъ границъ, шведы сидѣли сложа руки, давъ Россіи заключить миръ и начали войну въ такое время, когда Россія пользовалась со всѣхъ сторонъ величайшимъ спокойствіемъ. Всѣ остальныя мѣры шведовъ были обдуманы не лучше. За день до объявленія войны гораздо болѣе сильной державѣ, нежели Швеція, они имѣли лишь незначительное число войскъ въ Финляндіи, гдѣ должны были происходить главныя военныя дѣйствія; тамъ не было магазиновъ, у нихъ во всемъ государствѣ не было достаточно провизіи для устройства такихъ складовъ, и вслѣдствіе этого даже тѣ войска, которыя содержатся для охраны Финляндіи, не могли быть соединены въ одинъ лагерь.

Нѣкоторыя доброжелательныя лица, заботившіяся о славѣ сво-

его отечества, высказали эти затрудненія передъ сеймомъ, но такъ какъ они принадлежали къ партіи колпаковъ, то мнѣнія ихъ не были приняты. Однако генералъ-лейтенантъ Будденброкъ былъ посланъ въ Финляндію, чтобы осмотрѣть все на мѣстѣ. Онъ, желая только войны, вмѣсто того, чтобы сказать правду, представилъ въ своемъ отчетѣ, что нашелъ все въ очень хорошемъ состояніи, что войска могли быть собраны немедленно и что въ съѣстныхъ припасахъ не было недостатка.

Съ другой стороны, Франція, интересы которой требовали, чтобы Россія не вмѣшивалась въ войну, начатую ею и ея союзниками съ австрійскимъ домомъ, отправила въ Швецію значительныя суммы денегъ и убѣждала націю объявить войну. Наконецъ, партія шляпъ была увѣрена, что русское войско должно быть совершенно истощено походами противъ турокъ, и что всѣ полки состояли изъ однихъ новобранцевъ; поэтому они объявляли всюду, будто одного шведа достаточно, чтобы обратить въ бѣгство десятерыхъ русскихъ, и арміи ихъ стоитъ только показаться, чтобы выйти побѣдительницей. Такимъ образомъ, война была объявлена въ Стокгольмѣ 9-го августа 1741 г.

Сенатъ принялъ нѣкоторыя предосторожности, чтобы извѣстіе это дошло въ Петербургъ какъ можно позднѣе съ тѣмъ, чтобы дать время генералу Будденброку сдѣлать еще кое-какія приготовленія для сосредоточенія войскъ, а графу Левенгаупту (бывшему маршаломъ сейма и назначенному главнокомандующимъ всѣми силами, высылаемыми противъ Россіи) прибыть къ арміи. Поэтому всѣмъ почтовымъ станціямъ было запрещено отправлять эстафеты и курьеровъ. Въ порта было также послано приказаніе не выпускать ни одного судна. Одно только курляндское судно, бывшее уже на Сандгамскомъ рейдѣ во время объявленія войны, успѣло выйти и доставило это извѣстіе въ Либаву, откуда его тотчасъ же сообщили двору, гдѣ оно было получено черезъ двѣ недѣли послѣ объявленія войны въ Стокгольмѣ. Вслѣдъ затѣмъ генералъ Кейтъ получилъ, какъ я уже сказалъ, повелѣніе объявить о войнѣ корпусу, состоявшему подъ его командою и направиться къ границамъ.

Швеція выставила нѣсколько причинъ, побуждавшихъ ее къ этой войнѣ. Главными были: убійство Цинклера, запрещеніе, наложенное Россіей на вывозъ хлѣба изъ Лифляндіи,

устраненіе царевны Елисаветы и герцога Голштейнскаго отъ русскаго престола и власть, которую иностранцы захватили надъ русской націей.

Возвращаюсь къ военнымъ дѣйствіямъ.

Генералъ Кейтъ двинулся съ полками, состоявшими подъ его командою, на другой же день послѣ объявленія войны. 26-го— войска прошли по Выборгу и стали лагеремъ близъ Абовскаго моста. Генералъ-маіоръ Искулъ былъ отряженъ съ тысячью драгунами, чтобы приблизиться къ шведскимъ границамъ и развѣдать о непріятелѣ. Полкамъ было приказано запастись на пятнадцать дней хлѣбомъ изъ выборгскихъ магазиновъ. Шесть полковъ пѣхоты, стоявшіе въ этомъ мѣстѣ и работавшіе надъ укрѣпленіями, присоединились къ корпусу генерала Кейта, равно какъ и командовавшіе ими: генералъ-лейтенантъ Стоффельнъ и генералъ-маіоръ Ферморъ. Генералъ-маіоръ Шиповъ былъ назначенъ комендантомъ города и ему оставленъ обычный гарнизонъ, а именно три полка пѣхоты.

28-го—этотъ корпусъ двинулся, приближаясь къ границѣ. Такъ какъ полоса земли въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно узка, то войска не могли помѣститься въ одномъ лагерѣ; драгуны и часть пѣхоты расположились близъ деревни, называемой Каннаноя, въ одной верстѣ отъ границы, а прочіе остановились за полверсты позади.

Въ ту же ночь шведскій унтеръ-офицеръ, сопровождаемый барабанщикомъ и несшій съ собою письма, подошелъ къ передовому пикету на разстояніе пистолетнаго выстрѣла, не подавъ сигнала до тѣхъ поръ, покуда не подошелъ къ часовымъ; послѣдніе, не имѣя возможности различать предметы, боясь быть застигнуты врасплохъ и воображая, что эта была непріятельская партія, выстрѣлили и убили лошадь унтеръ-офицера, который поспѣшно удалился со своимъ барабанщикомъ, не отдавъ писемъ.

31-го—фельдмаршалъ Ласи прибылъ къ арміи и принялъ начальство. Перебѣжчики увѣдомили, что гарнизонъ Вильманстранда состоялъ не болѣе какъ изъ пяти или шести сотъ человѣкъ, что шведы собрали только два корпуса, каждый въ 4,000 человѣкъ; первый, подъ начальствомъ генералъ-маіора Врангеля, стоялъ лагеремъ въ трехъ, а второй, подъ командою генералъ-лейтенанта Будденброка, въ шести шведскихъ миляхъ отъ Вильманстранда; что прочія войска были на пути, а нѣкоторые полки только

что оставили свои квартиры; что часть войскъ, перевозимыхъ изъ Швеціи, не была еще высажена, такъ что вся непріятельская армія не могла быть собрана ранѣе, какъ черезъ три недѣли; что графъ Левенгауптъ находился еще въ Швеціи и не могъ скоро прибыть къ арміи. Извѣстія эти были подтверждены нѣсколькими шпіонами, которые могли все развѣдать тѣмъ лучше, что были сами выборгскіе обыватели и имѣли друзей и родныхъ во всѣхъ городахъ шведской Финляндіи.

Фельдмаршалъ Ласи, желая воспользоваться безпорядочнымъ состояніемъ непріятеля, рѣшилъ вступить въ шведскую Финляндію и завладѣть городомъ Вильманстрандомъ. Онъ собралъ полковыхъ командировъ и лично далъ имъ приказанія.

Перваго сентября, на разсвѣтѣ, армія двинулась въ путь; повозки и палатки остались въ лагерѣ. Солдаты взяли хлѣба на пять дней. Два штабъ-офицера были откомандированы для начальства надъ лагеремъ; отъ каждаго полка осталось три офицера и сто солдатъ и отъ каждой бригады по одному капитану. Нижегородскому полку, который долженъ былъ въ тотъ день присоединиться къ арміи, было также приказано остаться въ лагерѣ для охраненія багажа. Войско могло двигаться лишь одной колонной, такъ какъ въ этой странѣ удобны для ѣзды однѣ только большія дороги; по обѣимъ сторонамъ находятся большіе лѣса, болота и скалы. Во всей Финляндіи съ трудомъ найдешь равнину, на которой четыре полка могли бы стать лагеремъ по знаменной линіи.

Войско совершило на непріятельской землѣ переходъ въ двѣ шведскія мили, встрѣтивъ лишь нѣсколькихъ крестьянъ, которые убѣжали въ лѣсъ, какъ только завидѣли русскія передовыя войска, и принесли въ Вильманстрандъ первое извѣстіе о приближеніи непріятеля. Съ наступленіемъ ночи войско расположилось въ три линіи вдоль большой дороги: драгуны возлѣ самаго лѣса съ одной стороны дороги, а пѣхота въ двѣ линіи сзади ихъ, оставивъ промежутокъ не болѣе какъ шаговъ въ тридцать или сорокъ. Войска улеглись возлѣ своего оружія.

Въ одиннадцать часовъ вечера случилась большая тревога. Полковникъ Вильбрандъ, комендантъ Вильманстранда, узнавъ о движеніи русскихъ, отрядилъ 4-хъ человѣкъ, которые, пользуясь темнотою и лѣсомъ, должны были подойти къ непріятельской

арміи и сдѣлать рекогносцировку. Одинъ изъ часовыхъ поставленнаго въ лѣсъ караула, замѣтивъ ихъ, выстрѣлилъ. Едва раздался выстрѣлъ, какъ нѣсколько полковъ второй линіи поднялись вдругъ, схватили оружіе и, какъ бы сговорившись, начали жаркую стрѣльбу, направленную на первую линію, при чемъ въ продолженіе получаса не было возможности остановить ихъ; при этомъ было сдѣлано даже нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, вслѣдствіе чего у полковъ, стоявшихъ напротивъ, были убиты и ранены одинъ офицеръ и семнадцать солдатъ. Ласи и Кейтъ подверглись сильной опасности быть убитыми при этой фальшивой тревогѣ; они разбили маленькія палатки, чтобы спать между обѣими линіями, и нѣсколько пуль пробили эти палатки насквозь.

Около 200 драгунскихъ лошадей, ошеломленныхъ огнемъ, вырвались изъ пикетовъ и побѣжали по большой Вильманстрандской дорогѣ. Шведскій передовой караулъ, стоявшій въ полъ мили (шведской) отъ русскихъ, слыша эту стрѣльбу и въ тоже время топотъ лошадей, вообразилъ, что это былъ непріятельскій отрядъ, обратился въ бѣгство и понесся во весь духъ въ городъ; лошади слѣдовали за нимъ такъ близко, что вбѣжали въ безпорядкѣ вмѣстѣ съ шведскимъ карауломъ, прежде нежели успѣли поднять мостъ. Черезъ эту фальшивую тревогу генералъ-маіоръ Врангель получилъ первое извѣстіе о приближеніи русскихъ. Услыхавъ ночью стрѣльбу, онъ вообразилъ, что на Вильманстрандъ нападаютъ, тотчасъ же сообщилъ объ этомъ генералъ-лейтенанту Будденброку и выступилъ на зарѣ, чтобы подать помощь городу.

2-го сентября армія двинулась далѣе съ разсвѣтомъ; пройдя около одной французской лье, она встрѣтила небольшую рѣчку, которую пришлось перейти; дно ея болотистое и шведы сломали мостъ послѣ ночной тревоги Тутъ пришлось остановиться на нѣсколько часовъ, до тѣхъ поръ, покуда мостъ не былъ починенъ, что очень замедлило движеніе.

Полковникъ Резановъ былъ отряженъ съ Кіевскимъ драгунскимъ полкомъ для охраненія этого прохода, и войско снова двинулось въ путь. Около полудня непріятельскій отрядъ во сто человѣкъ драгунъ приблизился къ авангарду, и не успѣлъ отойти назадъ, какъ на него напали и взяли одного человѣка въ плѣнъ. Около четырехъ часовъ пополудни армія подошла къ Вильманстранду и расположилась въ четверти мили отъ города, близъ

небольшой деревни, называемой Армила. Фельдмаршалъ и генералъ Кейтъ отправились тотчасъ же смотрѣть городъ подъ прикрытіемъ пѣхотнаго баталіона и двухсотъ конныхъ гренадеръ; они подошли на хорошій ружейный выстрѣлъ отъ прикрытаго пути. Только что генералы вернулись въ лагерь, какъ было получено извѣстіе, что къ городу приближался непріятельскій корпусъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Фельдмаршалъ тотчасъ же приказалъ всѣмъ полкамъ двинуться впередъ и велѣлъ расположить ихъ на противулежащихъ непріятелю высотахъ. Схватка произошла бы въ тотъ же вечеръ, если бы не помѣшала темнота. Русскіе вернулись въ свой лагерь близь Армилы и всѣ войска еще разъ провели ночь у своего оружія.

Прежде нежели продолжать, я долженъ познакомить съ городомъ Вильманстрандомъ и съ положеніемъ его окрестностей. Это небольшой городокъ, въ хорошихъ четырехъ нѣмецкихъ миляхъ отъ русской границы, расположенный на берегу большаго озера, прикрывающаго его сзаду, такъ что напасть на него можно только спереди, а эта часть укрѣплена прикрытымъ путемъ, сухимъ рвомъ съ палисадомъ и валомъ съ штурмфалами; все это сдѣлано изъ земли и фашинъ. Хотя городъ лежитъ на высотѣ, однако вокругъ него господствуютъ горы, самая высокая изъ нихъ находится на право, тамъ, гдѣ была вѣтрянная мельница; шведы поставили тамъ большой караулъ, чтобы не дать русскимъ занять ее; остальная часть мѣстности чрезвычайно неровная: тутъ вездѣ лѣса, болота, кустарники, скалы и овраги. Къ городу чрезвычайно трудно подойти иначе какъ по большой дорогѣ. Тамъ и сямъ попадаются небольшіе клочки огороженныхъ и обработанныхъ полей. Всякій согласится, что чрезвычайно трудно дѣйствовать съ войсками на подобной почвѣ и что небольшой отрядъ, хорошо умѣющій защищаться, легко можетъ побѣдить болѣе сильный корпусъ, на него нападающій.

На слѣдующій день, 3-го сентября, оказалось, что непріятели заняли лагерь между мельничной горою и гласисами. Около десяти часовъ утра шведскій отрядъ подошелъ къ русской арміи для рекогносцировки и тотчасъ же удалился.

Фельдмаршалъ не имѣлъ еще точныхъ свѣдѣній о силѣ непріятеля; онъ думалъ, что оба корпуса Будденброка и Врангеля соединились, чтобы идти на помощь Вильманстранду. Поэтому

онъ разсудилъ, что трудно будетъ напасть на нихъ и побѣдить ихъ на той выгодной позиціи, которую они заняли. Онъ отослалъ ночью тяжелую артиллерію съ прикрытіемъ къ мосту, гдѣ стоялъ со своимъ полкомъ Резановъ; квартирмейстерамъ было даже приказано отыскать лагерь позади; когда узнали, что прибылъ одинъ только корпусъ генералъ-маіора Врангеля и что онъ могъ состоять изъ пяти или шести тысячъ человѣкъ, включая сюда и гарнизонъ города, тогда фельдмаршалъ велѣлъ созвать всѣхъ генераловъ и полковниковъ, объяснилъ имъ положеніе дѣла и спросилъ ихъ мнѣніе. Всѣ голоса единодушно требовали наступленія.

Въ два часа пополудни армія двинулась впередъ нѣсколькими колоннами, не имѣя опредѣленной диспозиціи для нападенія. Драгуны находились на флангахъ, но такъ какъ тѣ изъ нихъ, которые были на правомъ крылѣ, оказались совершенно ненужными вслѣдствіе лѣса, бывшаго болѣе густымъ, нежели слѣва, то ихъ отозвали. Два полка пѣхотныхъ гренадеръ, состоявшіе каждый изъ десяти ротъ, подъ командою полковниковъ Ломана (Lohmann) и графа Бальмена (Balmaine) шли во главѣ русской арміи.

Непріятель, получивъ извѣстіе, что русскіе подвигались къ нему, сталъ въ боевой порядокъ на склонѣ мельничной горы, имѣя передъ центромъ батарею пушекъ и опираясь лѣвымъ флангомъ на оврагъ, лежавшій на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ городскаго гласиса. Драгуны шведскаго праваго крыла расположились на небольшой равнинѣ по другую сторону той же горы, близь небольшой деревни.

Русскіе, прибывъ на высоту, лежащую противъ шведской батареи, поставили на ней двѣ пушки съ шести фунтовыми и нѣсколько другихъ съ трехъ фунтовыми ядрами и дѣйствіе началось обоюдной канонадой. Шведская артиллерія причинила гренадерамъ нѣкоторый уронъ.

Вслѣдъ за тѣмъ генералъ Кейтъ приказалъ двумъ полкамъ гренадеръ атаковать непріятельскую батарею, а полкамъ Ингерманландскому и Астраханскому (которымъ командовалъ полковникъ Манштейнъ) поддержать ихъ. Такъ какъ мѣсто было тутъ чрезвычайно узкое и изъ лѣса, находившагося передъ русскими, нельзя было выйти иначе какъ фрунтомъ только въ двѣ роты, приходилось спускаться по крутому оврагу и подыматься на гору

въ виду непріятеля и подъ чрезвычайно сильной его пушечной и ружейной пальбою,—то эти два полка были приведены въ замѣшательство и отступили. Чтобы не дать бѣгущимъ возможность поселить безпорядокъ въ двухъ полкахъ, слѣдовавшихъ сзади, генералъ Кейтъ приказалъ полковнику Манштейну взять вправо, выйти изъ лѣса и атаковать лѣвое крыло непріятеля, который оставилъ оврагъ, къ которому онъ примыкалъ, и шелъ впередъ. Это приказаніе было исполнено быстро и такъ счастливо, что послѣ перваго залпа, сдѣланнаго въ 60-ти шагахъ отъ шведовъ, послѣдніе обратились въ бѣгство и побѣжали прямо къ городу, куда послѣдовали за ними оба полка, до самаго гласиса, который они атаковали.

Между тѣмъ, какъ это происходило на лѣвомъ флангѣ непріятеля, генералы привели прочія войска въ порядокъ и велѣли атаковать правое крыло шведовъ, которые, замѣтивъ смятеніе гренадеръ, спустились съ горы, направляясь къ нимъ, и потеряли этимъ движеніемъ всѣ выгоды позиціи и преимущество своей батареи. Такимъ образомъ они также скоро были разбиты и гора занята около пяти часовъ вечера. Непріятельскія пушки были обращены на городъ и фельдмаршалъ послалъ барабанщика требовать его сдачи: но непріятельскіе солдаты, продолжавшіе стрѣлять съ вала, убили его. Русскіе, взбѣшенные этимъ случаемъ, возобновили приступъ съ ожесточеніемъ и взяли городъ около 7-ми часовъ вечера.

Шведы водрузили бѣлое знамя со стороны воротъ въ то время, когда рускіе были уже во рву, но такъ какъ комендантъ въ смятеніи забылъ извѣстить всѣ поста, чтобы они прекратили стрѣльбу, то они продолжали стрѣлять и дали этимъ поводъ взять городъ приступомъ.

Большая часть шведовъ, бывшихъ въ этомъ дѣлѣ, были убиты или взяты въ плѣнъ; спастись не удалось и 500-мъ человѣкамъ. Полковникъ Ливенъ (Lieven) съ драгунами преслѣдовалъ ихъ, но не могъ нагнать шведскую кавалерію, а пѣхота спряталась въ лѣсахъ и болотахъ. Генералъ-маіоръ Врангель, раненый въ руку, 2 полковника, 3 подполковника, 1 маіоръ, 12 капитановъ, 1 квартирмейстеръ, 6 поручиковъ, 2 полковыхъ лекаря, 8 прапорщиковъ, 3 лекаря-хирурга, 62 унтеръ-офицера и 1,250 капраловъ и солдатъ были взяты въ плѣнъ. Также было взято

4 штандарта и 12 знаменъ, 12 пушекъ, 1 мортира и войсковая касса, въ которой не было и шести тысячъ ефимковъ. Солдаты собрали порядочную добычу въ разграбленномъ городѣ.

Въ русской арміи были убиты: генералъ маіоръ Иксуль, полковники Ломанъ и графъ Бальменъ, 1 маіоръ, 3 капитана, 8 поручиковъ, 514 унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Ранены: генералъ-лейтенантъ Стоффельнъ, генералъ-маіоръ Албрехтъ, полковники Манштейнъ и Левашевъ, 2 подполковника, 3 маіора, 17 капитановъ, 31 поручикъ, 15 прапорщиковъ и 1,765 унтеръ-офицеровъ и солдатъ.

Русская армія состояла въ день битвы изъ 9,900 человѣкъ. Два полка драгунъ составляли ея кавалерію; пѣхота состояла изъ 2-хъ гренадерскихъ полковъ въ 10 ротъ каждый, и 9-ти полковъ фузелеровъ, по 8-ми ротъ въ каждомъ. Этими войсками командовали генералы: фельдмаршалъ Ласи, генералъ-аншефъ Кейтъ, генералъ-лейтенанты: Стоффельнъ и Бахметьевъ, генералъ-маіоры: Ливенъ, Ферморъ, Албрехтъ и Иксуль.

Шведы, включая сюда и вильманстрандскій гарнизонъ, имѣли 5,256 человѣкъ, по списку, полученному генералъ-маіоромъ Врангелемъ въ тотъ самый день, когда войска были въ дѣлѣ. Помѣщаю здѣсь названіе полковъ и число людей въ каждомъ изъ нихъ, такъ какъ шведы утверждали всегда, что ихъ было всего 3,500 человѣкъ.

Далекарлійскій полкъ	623
Седерманландскій »	681
Вестерботнійскій »	594
Саволакскій »	876
Таваствусскій »	955
Вильбранда »	432
Кюменегордскій »	476
2 драгунскихъ полка изъ Кареліи. .	506
1 артиллерійскій » .	113
Всего . .	5,256

Когда подумаешь о выгодахъ позиціи, занимаемой шведами, и о неудобной мѣстности, по которой русскіе должны были подходить къ нимъ, то становится удивительнымъ, что шведы были разбиты тутъ, и надобно сознаться, что они много способство-

вали этому собственной ошибкой, оставивъ занятую ими выгодную позицію; сопротивленіе, оказанное ими, было чрезвычайно упорное и послужило къ увеличенію ихъ потери, такъ какъ на полѣ битвы они оставили болѣе 3,300 человѣкъ; огонь, весьма сильный съ обѣихъ сторонъ, продолжался болѣе 4 часовъ.

Это дѣло погубило генералъ-лейтенанта Будденброка, которому отсѣкли голову два года спустя. Самая главная его вина, за которую его приговорили къ смерти, было то, что онъ не подалъ помощи Врангелю. Если кто изъ этихъ генераловъ долженъ былъ быть наказанъ, то, безъ сомнѣнія, Врангель, такъ какъ, находясь ближе всего къ границѣ, онъ не имѣлъ въ полѣ ни одного отряда для разъѣздовъ и не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, чтобы слѣдить за движеніемъ русскихъ, и не случись этой фальшивой тревоги, Вильманстрандъ былъ бы взятъ въ то самое время, когда генералъ получилъ извѣстіе о прибытіи русскихъ; тогда какъ если бы онъ принялъ хотя малѣйшую предосторожность, онъ могъ бы быть увѣдомленъ, что русскіе двинулись къ Вильманстранду двѣнадцать часовъ ранѣе, и поэтому успѣлъ бы предупредить объ этомъ Будденброка, который въ подобномъ случаѣ пришелъ бы къ нему на помощь, прежде нежели русскіе успѣли бы разбить его. Вмѣсто этого онъ оставилъ свою позицію и двинулся къ Вильманстранду, не дождавшись приказаній своего начальника. Тамъ онъ далъ разбить себя, потерялъ много людей, былъ взятъ въ плѣнъ и заслужилъ этимъ похвалы всей націи.

Будденброкъ не имѣлъ возможности прибыть въ Вильманстрандъ до сраженія, такъ какъ его лагерь находился въ шести шведскихъ миляхъ, что составляетъ болѣе девяти нѣмецкихъ миль или 18 французскихъ лье; Врангель, бывшій всего въ трехъ миляхъ и двинувшійся 2-го сентября на разсвѣтѣ, могъ прибыть въ Вильманстрандъ лишь вечеромъ, къ закату солнца, и съ истомленными войсками. Поэтому Будденброкъ, которому приходилось пройти вдвое больше, могъ присоединиться къ нему лишь вечеромъ въ день сраженія. Если бы Врангель могъ избѣжать его въ тотъ день, то русская армія навѣрно отступила бы на слѣдующее утро. Фельдмаршалъ Ласи никогда не отважился бы напасть на оба соединенные корпуса. Настоящая причина, по которой шведскій сенатъ приговорилъ Будденброка къ отсѣченію головы, и которая не была обнародована, заключалась въ томъ, что онъ вовлекъ Швецію

въ войну своимъ отчетомъ, который онъ представилъ, когда его посылали въ Финляндію обсудить положеніе дѣлъ. Объ этомъ я говорилъ уже выше.

Въ слѣдующую за сраженіемъ ночь въ лагерѣ Будденброка случилось странное происшествіе. Небольшое число спасшихся драгунъ неслись во весь опоръ до тѣхъ поръ, покуда не прибыли къ этому лагерю; когда они прискакали ночью къ передовому караулу, часовой окликнулъ ихъ, но ему не отвѣчали; онъ выстрѣлилъ, и весь караулъ, бросившись на лошадей, бѣжалъ въ лагерь; бѣгущіе слѣдовали за ними и привели все въ такое смятеніе, что войска разсѣялись, оставивъ Будденброка и офицеровъ однихъ въ лагерѣ; имъ стоило большаго труда собрать всѣхъ на слѣдующій день къ полудню.

Фельдмаршалъ Ласи ввелъ вечеромъ два полка пѣхоты, подъ командою генералъ-маіора Фермора, въ Вильманстрандъ, гдѣ нашли болѣе 300 телѣгъ, которыя шведы заказали для того, чтобы перевезти свои съѣстные припасы, такъ какъ они намѣревались застигнуть русскихъ врасплохъ.

На другой день, 4-го сентября, всѣхъ раненыхъ и плѣнныхъ отослали съ конвоемъ драгунъ въ Выборгъ; городъ Вильманстрандъ былъ совершенно срытъ и всѣ жители увезены въ Россію.

Окончивъ эту работу, армія перешла снова границу и заняла прежній лагерь, оставленный ею для похода противъ непріятеля. Въ Петербургѣ были большія празднества по случаю этой побѣды. Такое хорошее начало предвѣщало, повидимому, счастливый успѣхъ войны; послѣдствія покажутъ, что мнѣніе это не было ошибочно, такъ какъ это сраженіе было единственнымъ со стороны шведовъ и въ немъ только они оказали мужество во все время этой войны.

Военноплѣнные были перевезены изъ Выборга въ Петербургъ, гдѣ имъ оказывали всевозможныя любезности. Офицеровъ угощали при дворѣ, и размѣстили затѣмъ къ главнѣйшимъ вельможамъ; каждый былъ обязанъ принять въ свой домъ по одному офицеру и заботиться о нуждахъ своего гостя. Одинъ вѣтренникъ испортилъ все дѣло. Графъ Вазаборгъ, подполковникъ Седерманландскаго полка, былъ человѣкъ неспокойный и большой болтунъ; онъ отзывался нѣсколько разъ дурно о русской арміи и о самомъ дворѣ; какъ только это узнали, его и всѣхъ остальныхъ

отправили внутрь страны, гдѣ ихъ распредѣлили по городамъ; если бы не это, то они провели бы все время своего плѣна въ Петербургѣ. Тамъ остались только: генералъ-маіоръ Врангель, котораго фельдмаршалъ Ласи помѣстилъ у себя, и одинъ капитанъ, по имени Дидронъ, служившій адъютантомъ при генералѣ.

Дворъ не былъ доволенъ тѣмъ, что фельдмаршалъ Ласи вернулся съ арміей: его желаніе было, чтобы онъ дошелъ до Фридрихсгама и разбилъ по частямъ не собравшіяся еще шведскія войска. Но это не такъ легко было исполнить, какъ воображали въ Петербургѣ. Фельдмаршалъ доказалъ, что онъ не могъ бы болѣе ничего предпринять, не рискуя потерять весь корпусъ войскъ, которымъ онъ командовалъ. Изъ полковъ убыло убитыми и ранеными болѣе 2,000 человѣкъ; нужны были многочисленные конвои, чтобы отвести плѣнныхъ, а это еще болѣе ослабляло его. Прочіе полки, шедшіе на соединеніе съ арміей, еще не прибыли, равно какъ и 3 гвардейскіе баталіона, отряженные изъ Петербурга, не говоря уже о томъ, что войскамъ оставалось хлѣба всего на 6 дней. Полковыя лошади, которыя были нужны для перевозки раненыхъ до Выборга, едва-ли могли возвратиться къ этому времени; такимъ образомъ, дворъ былъ вынужденъ одобрить все, что было сдѣлано. Фельдмаршалъ возвратился вскорѣ въ Петербургъ, оставивъ начальство надъ арміей генералу Кейту.

Въ остальное время похода война производилась отдѣльными отрядами; во всѣхъ столкновеніяхъ русскіе одерживали верхъ надъ шведами; казаки и донскіе калмыки, присоединившіеся къ арміи въ сентябрѣ мѣсяцѣ, совершили нѣсколько разъѣздовъ по непріятельской землѣ и сожгли множество деревень.

Графъ Левенгауптъ прибылъ въ Финляндію въ половинѣ сентября, собралъ, наконецъ, шведскую армію и сдѣлалъ ей смотръ; она состояла изъ 23,700 человѣкъ. Швеція купила большое количество хлѣба въ Голландіи, Пруссіи и Помераніи и магазины ихъ были, наконецъ, такъ хорошо снабжены, что можно было бы прокормить гораздо болѣе сильную армію, нежели шведская, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду; но всѣ эти запасы были сожжены, или попали въ руки русскихъ, какъ мы это увидимъ ниже. Съ той и съ другой стороны были сдѣланы нѣкоторыя движенія, но значительнаго ничего не было предпринято.

Русская армія была въ походѣ до 8-го ноября, когда гене-

ралъ Кейтъ отослалъ войска на зимнія квартиры, получивъ извѣстіе, что непріятельская армія разошлась.

Приблизительно въ это время часть министерства посовѣтовала великой княгинѣ объявить себя императрицею для предупрежденія всѣхъ неудобствъ, которыя могли быть вызваны смертію малолѣтняго императора, если бы до тѣхъ поръ не родились другіе принцы, которые могли бы наслѣдовать ему. Сначала хотѣли издать только указъ, которымъ было бы постановлено, что дочери, которыя родились бы отъ брака принца Антона Ульриха съ великой княгинею, будутъ также наслѣдовать россійской имперіей, за неимѣніемъ лицъ мужскаго пола. Но вице-канцлеръ, графъ Головкинъ, и нѣкоторые другіе были того мнѣнія, чтобы великая княгиня сама взошла на престолъ, такъ какъ этимъ она положила бы конецъ всѣмъ прочимъ умысламъ. Предложеніе это было принято всѣми; все было приготовлено къ этому провозглашенію, которое должно было совершиться 18-го декабря, въ день рожденія великой княгини, но царевна Елисавета разрушила это намѣреніе.

Почти въ тоже самое время умерла шведская королева Ульрика Элеонора. Кончина ея увеличила смятеніе и общее несогласіе въ Швеціи и была поэтому одной изъ причинъ несчастій, случившихся во время похода 1742 года.

Генералъ Кейтъ прибылъ въ Петербургъ къ концу ноября, чтобы присутствовать на военномъ совѣтѣ. Онъ собирался ежедневно у графа Остермана въ присутствіи генералисимуса.

Извѣстія, полученныя Кейтомъ изъ Выборга, сообщали, что шведская армія собралась, что графъ Левенгауптъ, не имѣвъ возможности сдѣлать что-либо во время похода, предполагалъ вторгнуться зимою въ русскую Финляндію и подвинулся уже къ границѣ, что его главная квартира была въ Сеикьерви (Seikyerwi), и что онъ издалъ манифестъ, нѣсколько экземпляровъ котораго были присланы генералу Кейту.

Въ этомъ манифестѣ было сказано, что намѣреніе Швеціи вовсе не заключалось въ томъ, чтобы вести войну съ русской націей, но только въ томъ, чтобы освободить ее отъ притѣсненія и тираніи иностранцевъ, дать русскимъ свободу избрать себѣ другаго государя, который бы имъ нравился и т. д. Манифестъ этотъ не произвелъ бы ни малѣйшаго впечатлѣнія, если бы ца-

ревна Елисавета не приняла уже тѣхъ мѣръ, о которыхъ я буду теперь говорить.

У графа Остермана было рѣшено сдѣлать нѣсколько распоряженій, чтобы предупредить успѣхи непріятеля; всѣмъ полкамъ приказали быть наготовѣ двинуться. Генералъ Кейтъ выѣхалъ 5-го декабря (нов. ст.) изъ Петербурга, и въ ночь съ 5-го на 6-е число того же мѣсяца совершилась та великая революція, вслѣдствіе которой царевна Елисавета вступила на престолъ. Я опишу ее здѣсь сколь можно подробнѣе, какъ самое необычайное изъ всѣхъ событій, случившихся во время моего пребыванія въ Россіи.

V.

Обстоятельный разсказъ о переворотѣ, совершенномъ царевною Елисаветою.—Ошибки, сдѣланныя обѣими сторонами.—Изданные манифесты.—Портретъ принцессы Анны.—Арестованные вельможи подвергаются суду и осуждены.—Портретъ графа Миниха.—Портретъ графа Миниха, сына фельдмаршала.—Портретъ графа Остермана.—Портретъ графа Левенвольда.

1741—1742 гг.

Чтобы объяснить хорошенько обстоятельства этой революціи, надобно начать выше.

Царевна Елисавета, хотя и не была совсѣмъ довольна во все время царствованія императрицы Анны, оставалась, однако, спокойною до тѣхъ поръ, покуда не состоялось бракосочетаніе принца Антона Ульриха съ принцессою Анною; тогда она сдѣлала нѣсколько попытокъ, чтобы образовать свою партію. Все это дѣлалось, однако, въ такой тайнѣ, что ничего не обнаружилось при жизни императрицы; но послѣ ея кончины, и когда Биронъ былъ арестованъ, она стала думать объ этомъ серьезнѣе. Тѣмъ не менѣе, первые мѣсяцы послѣ того, какъ принцесса Анна объявила себя великой княгиней и регентшей, прошли въ величайшемъ согласіи между ею и царевною Елисаветою; онѣ посѣщали другъ друга совершенно безъ церемоніи и жили дружно. Это не продолжалось долго; недоброжелатели поселили вскорѣ раздоръ между обѣими сторонами. Царевна Елисавета сдѣлалась скрытнѣе, начала посѣщать великую княгиню только въ церемоніальные дни или по какому-нибудь случаю, когда ей никакъ нельзя было избѣгнуть посѣщенія. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что дворъ хотѣлъ принудить ее вступить въ бракъ съ принцемъ Людвигомъ Брауншвейгскимъ, и что ближайшіе къ ея

особѣ приверженцы ея сильно убѣждали ее освободиться отъ той зависимости, въ которой ее держали.

Ея хирургъ, Лестокъ, былъ въ числѣ приближенныхъ, наиболѣе горячо убѣждавшихъ ее вступить на престолъ, и маркизъ де-ла-Шетарди, имѣвшій отъ своего двора приказаніе возбуждать внутреннія волненія въ Россіи, чтобы совершенно отвлечь ее отъ участія въ политикѣ остальной Европы, не преминулъ взяться за это дѣло со всевозможнымъ стараніемъ. У царевны не было денегъ, а ихъ понадобилось много для того, чтобы составить партію. Де-ла-Шетарди снабдилъ ее такимъ количествомъ денегъ, какое она пожелала. Онъ имѣлъ часто тайныя совѣщанія съ Лестокомъ и давалъ ему хорошіе совѣты, какъ удачно повести столь важное дѣло. Затѣмъ царевна вступила въ переписку со Швеціей, и стокгольмскій дворъ предпринялъ войну, отчасти по соглашенію съ нею.

Въ Петербургѣ царевна начала съ того, что подкупила нѣсколькихъ гвардейцевъ Преображенскаго полка. Главнымъ былъ нѣкто Грюнштейнъ (Grünstein), изъ обанкрутившагося купца сдѣлавшійся солдатомъ; онъ подговорилъ нѣкоторыхъ другихъ, такъ что мало по малу въ заговорѣ оказалось до тридцати гвардейскихъ гренадеръ.

Графъ Остерманъ, имѣвшій шпіоновъ повсюду, былъ увѣдомленъ, что царевна Елисавета замышляла что-то противъ регентства. Лестокъ, самый вѣтренный человѣкъ въ мірѣ и наименѣе способный сохранить что-либо въ тайнѣ, говорилъ часто въ гостинницахъ, при многихъ лицахъ, что въ Петербургѣ случатся въ скоромъ времени большія перемѣны. Министръ не преминулъ сообщить все это великой княгинѣ, которая посмѣялась надъ нимъ и не повѣрила ничему тому, что онъ говорилъ по этому предмету. Наконецъ, извѣстія эти, повторенныя нѣсколько разъ и сообщенныя даже изъ-за границы, начали нѣсколько безпокоить принцессу Анну. Она повѣрила, наконецъ, что ей грозила опасность, но не предприняла ровно ничего, чтобы избѣжать ея, хотя и могла бы сдѣлать это тѣмъ легче, что царевна Елисавета дала ей достаточно времени принять свои мѣры. Царевна твердо рѣшилась вступить на престолъ, но вмѣсто того, чтобы поспѣшить исполненіемъ, находила постоянно предлогъ откладывать рѣшительныя мѣры еще на нѣкоторое время. Послѣднимъ

ея рѣшеніемъ было не предпринимать ничего до 6-го января (по старому стилю), праздника св. Крещенія, когда для всѣхъ полковъ, стоящихъ въ Петербургѣ, бываетъ парадъ на льду рѣки Невы. Она хотѣла стать тогда во главѣ Преображенскаго полка и обратиться къ нему съ рѣчью; такъ какъ она имѣла въ немъ преданныхъ ей людей, то надѣялась, что и другіе не замедлятъ присоединиться къ нимъ, и когда весь этотъ полкъ объявитъ себя на ея сторонѣ, то прочія войска не затруднятся послѣдовать за нимъ.

Проектъ этотъ, разумѣется, не удался бы или, по крайней мѣрѣ, вызвалъ бы большое кровопролитіе. Къ счастію для нея, она была вынуждена ускорить это предпріятіе; многія причины побудили ее принять окончательное рѣшеніе.

Во-первыхъ, она узнала, что великая княгиня рѣшилась объявить себя императрицею. Всѣ лица, приверженныя къ царевнѣ Елисаветѣ, совѣтовали ей не дожидаться осуществленія этого намѣренія и представляли, что она встрѣтитъ тогда больше затрудненій и что даже всѣ мѣры ея могли неудасться.

Во-вторыхъ, по извѣстіямъ, полученнымъ дворомъ о движеніи графа Левенгаупта, тремъ гвардейскимъ баталіонамъ было приказано быть готовымъ двинуться къ Выборгу для соединенія тамъ съ арміей; многія лица, принимавшія участіе въ дѣлѣ царевны, должны были идти съ этимъ отрядомъ. Они отправились къ царевнѣ и сказали ей, что нужно было непремѣнно торопиться исполненіемъ ея замысла, такъ какъ лица, наиболѣе ей преданныя, уйдутъ въ походъ, а на нѣкоторыхъ другихъ можетъ напасть страхъ, который заставитъ ихъ донести обо всемъ этомъ дѣлѣ.

И, наконецъ, неосторожность принцессы Анны, которая говорила царевнѣ о тайныхъ совѣщаніяхъ сей послѣдней съ де-ла-Шетарди, главнымъ образомъ ускорила это дѣло. 4-го декабря, въ пріемный день при дворѣ, великая княгиня отвела царевну Елисавету въ сторону, и сказала ей, что она получила много свѣдѣній о ея поведеніи; что хирургъ ея имѣлъ часто тайныя совѣщанія съ французскимъ министромъ и что оба они замышляли опасный заговоръ противъ царствующаго дома; что великая княгиня не хотѣла еще вѣрить этому, но что если подоб-

ные слухи будутъ продолжаться, то Лестова арестуютъ, чтобы заставить его сказать правду.

Царевна прекрасно выдержала этотъ разговоръ; она увѣряла великую княгиню, что никогда не имѣла въ мысляхъ предпринять что-либо противъ нея или противъ ея сына; что она была слишкомъ религіозна, чтобы нарушить данную ею присягу; что всѣ эти извѣстія сообщены ея врагами, желавшими сдѣлать ее несчастною; что нога Лестока никогда не бывала въ домѣ маркиза де-ла-Шетарди (это было совершенно вѣрно, такъ какъ оба они избирали всегда особое мѣсто для своихъ свиданій), но что тѣмъ не менѣе великая княгиня вольна арестовать Лестока: этимъ невинность царевны можетъ еще болѣе обнаружиться. Царевна Елисавета много плакала во время этого свиданія и такъ съумѣла убѣдить въ своей невинности великую княгиню (которая также проливала слезы), что послѣдняя повѣрила, что царевна ни въ чемъ не была виновна.

Возвратясь къ себѣ, царевна Елисавета тотчасъ же извѣстила Лестова о своемъ разговорѣ съ великою княгинею; наперсникъ ея желалъ бы въ ту же ночь предупредить опасность, грозившую царевнѣ и ему самому, но такъ какъ всѣ, принимавшіе участіе въ заговорѣ, были разсѣяны по своимъ квартирамъ и ихъ ни о чемъ не предупредили, то дѣло было отложено до слѣдующей ночи.

Утромъ, когда Лестокъ явился, по обыкновенію, къ царевнѣ, онъ подалъ ей небольшой клочекъ папки, на которой онъ нарисовалъ карандашомъ царевну Елисавету съ царскимъ вѣнцомъ на головѣ. На оборотной сторонѣ она была изображена съ покрываломъ, а возлѣ нея были колеса и висѣлицы; при этомъ онъ сказалъ: «Ваше императорское высочество должны избрать: быть-ли вамъ императрицею или отправиться на заточеніе въ монастырь и видѣть, какъ ваши слуги погибаютъ въ казняхъ». Онъ убѣждалъ ее долѣе не медлить и послѣднее рѣшеніе было принято на слѣдующую ночь.

Лестокъ не забылъ увѣдомить объ этомъ всѣхъ, принадлежавшихъ къ ихъ партіи. Въ полночь царевна, сопровождаемая Воронцовымъ и Лестокомъ, отправилась въ казармы гренадеръ Преображенскаго полка; 30 человѣкъ этой роты были въ заговорѣ и собрали до 300 унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Царевна объ-

явила имъ въ немногихъ словахъ свое намѣреніе и требовала ихъ помощи; всѣ согласились жертвовать собою для нея. Первымъ дѣломъ ихъ было арестовать ночевавшаго въ казармахъ гренадерскаго офицера, по имени Гревсъ (Grews), шотландца по происхожденію; послѣ этого они присягнули царевнѣ на подданство; она приняла надъ ними начальство и пошла прямо къ Зимнему дворцу; она вошла, безъ малѣйшаго сопротивленія, съ частію сопровождавшихъ ее лицъ въ комнаты, занимаемыя карауломъ, и объявила офицерамъ причину своего прихода; они не оказали никакого сопротивленія и допустили ее дѣйствовать. У всѣхъ дверей и у всѣхъ выходовъ были поставлены часовые. Лестокъ и Воронцовъ вошли съ отрядомъ гренадеръ въ покои великой княгини и арестовали ее съ ея супругомъ, дѣтьми и фавориткой, жившей рядомъ.

Лишь только это дѣло было окончено, нѣсколько отрядовъ было послано арестовать фельдмаршала Миниха, сына его, оберъ-гофмейстера великой княгини, графа Остермана, графа Головкина, графа Левенвольде, оберъ-гофмаршала двора, барона Менгдена и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе значительныхъ лицъ.

Всѣ арестованные были отведены во дворецъ царевны. Она послала Лестока къ фельдмаршалу Ласи предупредить его о томъ, что она совершила, и объявить, что ему нечего бояться, и притомъ приказала немедленно явиться къ ней. Сенатъ и всѣ сколько-нибудь знатныя лица имперіи были также созваны во дворецъ новой императрицы. На разсвѣтѣ всѣ войска были собраны около ея дома, гдѣ имъ объявили, что царевна Елисавета вступила на отцовскій престолъ, и привели ихъ къ присягѣ на подданство. Никто не сказалъ ни слова и все было тихо какъ и прежде. Въ тотъ же день императрица оставила дворецъ, въ которомъ она жила до тѣхъ поръ, и заняла покои въ императорскомъ дворцѣ.

Когда совершилась революція герцога Курляндскаго, всѣ были чрезвычайно рады: на улицахъ раздавались одни только крики восторга; теперь же было не то: всѣ смотрѣли грустными и убитыми, каждый боялся за себя или за кого-нибудь изъ своего семейства, и всѣ начали дышать свободнѣе только по прошествіи нѣсколькихъ дней.

Всѣ, читающіе объ этомъ событіи не могутъ не удивиться ужаснымъ ошибкамъ, сдѣланнымъ съ обѣихъ сторонъ.

Если бы великая княгиня не была совершенно ослѣплена, то дѣло это не должно было удаться. Я говорилъ выше, что она получила нѣсколько извѣщеній даже изъ-за границы; графъ Остерманъ, приказавъ однажды снести себя къ ней, увѣдомилъ ее о тайныхъ совѣщаніяхъ де-ла-Шетарди съ Лестокомъ; вмѣсто того, чтобы отвѣчать ему на то, что онъ говорилъ, она велѣла показать ему новое платье, заказанное ею для императора.

Въ тотъ же вечеръ, когда она говорила съ царевною Елисаветою, маркизъ Ботта обратился къ ней съ слѣдующею рѣчью: «Ваше императорское высочество упустили случай помочь государынѣ моей, королевѣ, несмотря на союзъ обѣихъ дворовъ, но такъ какъ этому уже нельзя пособить, то я надѣюсь, что, съ помощью Божіей и другихъ нашихъ союзниковъ, мы устроимъ наши дѣла. По крайней мѣрѣ, государыня, позаботьтесь теперь о самой себѣ. Вы находитесь на краю бездны; ради Бога, спасите себя, императора и вашего супруга».

Всѣ эти увѣщанія не побудили ее сдѣлать ни малѣйшаго шага, чтобы утвердить за собою престолъ. Неосторожность ея дошла еще дальше. Въ вечеръ, предшествовавшій революціи, супругъ ея сказалъ ей, что онъ получилъ новыя свѣдѣнія о поведеніи царевны Елисаветы, что онъ тотчасъ же прикажетъ разставить на улицахъ караулы и рѣшился арестовать Лестока. Великая княгиня не дала ему исполнить этого, отвѣтивъ, что она считала царевну невинною, что когда она говорила съ нею объ ея совѣщаніяхъ съ де-ла-Шетарди, послѣдняя не смутилась, очень много плакала и убѣдила ее.

Ошибки, сдѣланныя партіей царевны Елисаветы, были не менѣе велики. Лестокъ говорилъ во многихъ мѣстахъ и въ присутствіи многихъ лицъ о долженствовавшей случиться въ скоромъ времени перемѣнѣ. Прочіе участники заговора были не умнѣе: все люди простые, мало способные сохранить столь важную тайну. Сама царевна дѣлала нѣкоторыя вещи, за которыя она была бы (арестована?) въ царствованіе императрицы Анны. Она прогуливалась часто по казармамъ гвардейцевъ; простые солдаты становились на запятки ея открытыхъ саней и такимъ образомъ разъѣзжали, разговаривая съ нею, по улицамъ Петербурга. Ихъ приходило

каждый день по нѣсколько въ ея дворецъ и она старалась казаться популярной во всѣхъ случаяхъ. Но Провидѣніе рѣшило, что это дѣло удастся, поэтому другіе по необходимости были ослѣплены.

Въ день революціи новая императрица объявила манифестомъ, что она взошла на отцовскій престолъ, принадлежащій ей, какъ законной наслѣдницѣ, и что она приказала арестовать похитителей ея власти. Три дня спустя былъ обнародованъ другой манифестъ, который долженъ былъ доказать ея неоспоримое право на престолъ. Въ немъ было сказано, что такъ какъ принцесса Анна и супругъ ея не имѣли никакого права на русскій престолъ, то они будутъ отправлены со всѣмъ семействомъ въ Германію. Ихъ отправили изъ Петербурга со всѣми слугами подъ конвоемъ гвардейцевъ, состоявшихъ подъ командою генерала Салтыкова (бывшаго оберъ-полиціймейстеромъ при императрицѣ Аннѣ). Они доѣхали только до Риги, гдѣ ихъ арестовали. Сначала ихъ помѣстили на нѣсколько мѣсяцевъ въ крѣпость; затѣмъ ихъ перевезли въ Дюнамюндскій фортъ и, наконецъ, вмѣсто того, чтобы дозволить имъ возвратиться въ Германію, ихъ привезли обратно въ Россію. Мѣсто ихъ заточенія было часто перемѣняемо, и великая княгиня умерла въ родахъ въ мартѣ 1746 г. Тѣло ея было перевезено въ Петербургъ и предано землѣ въ монастырѣ св. Александра Невскаго.

Неизвѣстно, гдѣ именно содержатся теперь принцъ Антонъ Ульрихъ и юный императоръ; иные говорятъ, что отецъ и сынъ находятся въ одномъ и томъ же мѣстѣ, и что молодому принцу даютъ, по повелѣнію двора, хорошее воспитаніе; другіе утверждаютъ, что царевичъ Іоаннъ разлученъ съ своимъ отцомъ и находится въ монастырѣ, гдѣ его воспитываютъ довольно плохо.

По всему, что я сказалъ о принцессѣ Аннѣ, будетъ не трудно опредѣлить ея характеръ. Она была чрезвычайно капризна, вспыльчива, не любила труда, была нерѣшительна въ мелочахъ, какъ и въ самыхъ важныхъ дѣлахъ; она очень походила характеромъ на своего отца, герцога Карла Леопольда Мекленбургскаго, съ тою только разницею, что она не была расположена къ жестокости. Въ годъ своего регентства она правила съ большою кротостью. Она любила дѣлать добро, не умѣя дѣлать его кстати. Фаворитка ея пользовалась ея полнымъ довѣріемъ и рас-

поряжалась ея образомъ жизни по своему усмотрѣнію. Министровъ своихъ и умныхъ людей она вовсе не слушала, наконецъ, она не имѣла ни одного качества, необходимаго для управленія столь большой имперіей въ смутное время. У ней былъ всегда грустный и унылый видъ, что могло быть слѣдствіемъ тѣхъ огорченій, которыя она испытала со стороны герцога Курляндскаго во время царствованія императрицы Анны. Впрочемъ, она была очень хороша собою, прекрасно сложена и стройна; она свободно говорила на нѣсколькихъ языкахъ.

Что же касается до принца, супруга ея, то онъ обладаетъ наилучшимъ сердцемъ и прекраснѣйшимъ характеромъ въ мірѣ, соединенными съ рѣдкимъ мужествомъ и неустрашимостью въ военномъ дѣлѣ, но онъ чрезъ мѣру робокъ и застѣнчивъ въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ пріѣхалъ слишкомъ молодымъ въ Россію, гдѣ перенесъ тысячу огорченій со стороны герцога Курляндскаго, который не любилъ его и часто обращался съ нимъ весьма жестко. Эта ненависть герцога происходила отъ того, что онъ считалъ его единственнымъ препятствіемъ къ возвышенію своего дома, такъ какъ, сдѣлавшись герцогомъ Курляндскимъ, онъ возъимѣлъ намѣреніе выдать принцессу Анну за своего старшаго сына и возвести этимъ бракомъ свое потомство на русскій престолъ; но, несмотря на свое вліяніе на императрицу, онъ никогда не могъ убѣдить ее согласиться на это.

Принцъ Людвигъ Брауншвейгскій, бывшій еще въ Петербургѣ во время революціи и имѣвшій помѣщеніе во дворцѣ, былъ также арестованъ въ своей комнатѣ; спустя нѣсколько часовъ послѣ того, какъ императрица велѣла снять караулъ, ему назначили другую квартиру въ домѣ, подаренномъ великою княгинею своей фавориткѣ, который отстраивался все предъидущее лѣто и всю осень; отапливать въ немъ можно было только одну комнату. Принцъ долженъ былъ занять ее и довольствоваться ею; онъ оставался въ Петербургѣ до марта мѣсяца, и тогда возвратился въ Германію.

Къ нему, какъ бы для почета, былъ приставленъ караулъ, но въ сущности болѣе для того, чтобы наблюдать за всѣми, кто будетъ приходить къ нему. Его посѣщали одни иностранные министры.

Прежде чѣмъ я стану говорить о прочихъ событіяхъ, случив-

шихся послѣ революціи, скажу сначала о томъ, что касается до арестованныхъ вельможъ.

Была назначена коммисія, составленная изъ нѣсколькихъ сенаторовъ и другихъ русскихъ сановниковъ, которые должны были допросить ихъ и произвести надъ ними судъ. Они были обвинены во многихъ преступленіяхъ. Графа Остермана обвинили, между прочимъ, въ томъ, что онъ способствовалъ своими интригами избранію императрицы Анны и уничтожилъ завѣщаніе императрицы Екатерины и т. д. Графа Миниха обвинили въ томъ, будто онъ сказалъ солдатамъ, арестуя герцога Курляндскаго, что это дѣлалось съ цѣлью возвести на престолъ царевну Елисавету; тотъ и другой легко могли бы доказать, что обвиненія эти были ложныя, но оправданія ихъ не были приняты.

Въ сущности преступленіе всѣхъ арестованныхъ лицъ состояло въ томъ, что они не понравились новой императрицѣ и слишкомъ хорошо служили императрицѣ Аннѣ. Сверхъ того, Елисавета обѣщала тѣмъ, которые помогли ей взойти на престолъ, что она освободитъ ихъ отъ притѣсненія иностранцевъ, поэтому пришлось осудить тѣхъ, кто занималъ высшія должности.

Согласно опредѣленію, графъ Остерманъ былъ приговоренъ къ колесованію за-живо; фельдмаршалъ Минихъ — къ четвертованію; графа Головкина, графа Левенвольде и барона Менгдена присудили къ отсѣченію головы. Императрица даровала имъ всѣмъ жизнь; ихъ сослали въ разныя мѣста Сибири. Графъ Остерманъ получилъ помилованіе лишь на эшафотѣ, когда уже ему положили голову на плаху.

Дворъ издалъ по этому случаю манифестъ, гдѣ были перечислены всѣ преступленія, въ которыхъ они обвинялись.

Минихъ, Остерманъ и Левенвольде перенесли свое несчастіе съ твердостью; не то было съ другими. Всѣ помѣстья сосланныхъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя жены ихъ принесли за собою въ приданое, были конфискованы въ пользу двора, который наградилъ ими другихъ лицъ. Жены осужденныхъ получили позволеніе поселиться въ своихъ помѣстьяхъ и не слѣдовать за мужьями въ ссылку, но ни одна изъ нихъ не захотѣла воспользоваться этою милостью.

Нѣкоторые изъ этихъ вельможъ играли столь видную роль въ свѣтѣ, что я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ

ихъ хорошихъ и дурныхъ качествахъ, присовокупивъ къ этому перечень главнѣйшихъ событій въ ихъ жизни.

Графъ Минихъ представлялъ собою совершенную противоположность хорошихъ и дурныхъ качествъ: то онъ былъ вѣжливъ и человѣколюбивъ, то грубъ и жестокъ; ничего не было ему легче, какъ завладѣть сердцемъ людей, которые имѣли съ нимъ дѣло; но минуту спустя, онъ оскорблялъ ихъ до того, что они, такъ сказать, были вынуждены ненавидѣть его. Въ иныхъ случаяхъ онъ былъ щедръ, въ другихъ скупъ до невѣроятія. Это былъ самый гордый человѣкъ въ мірѣ, однако, онъ дѣлалъ иногда низости; гордость была главнымъ его порокомъ, честолюбіе его не имѣло предѣловъ, и чтобы удовлетворять его, онъ жертвовалъ всѣмъ. Онъ ставилъ выше всего свои собственныя выгоды; затѣмъ, самыми лучшими для него людьми были тѣ, кто ловко умѣлъ льстить ему.

Это былъ человѣкъ съ великимъ геніемъ; одинъ изъ лучшихъ инженеровъ своего вѣка, отличный полководецъ, но нерѣдко слишкомъ отважный въ своихъ предпріятіяхъ. Онъ не зналъ, что такое невозможность; такъ какъ все, что онъ ни предпринималъ самаго труднаго, ему удавалось, то никакое препятствіе не могло устрашить его.

Онъ не имѣлъ способностей для того, чтобы быть министромъ, однако не упустилъ ни одного случая, чтобы попасть въ члены министерства, и это было причиной его несчастія. Чтобы вывѣдать у него самыя тайныя дѣла, стоило только разсердить его противорѣчіемъ.

Онъ родомъ изъ Ольденбурга, происходитъ изъ хорошей дворянской фамиліи; отецъ его, давъ ему хорошее образованіе, опредѣлилъ его въ 1700 г. капитаномъ пѣхоты въ гессенскую службу. Онъ совершилъ съ гессенскими войсками всѣ походы во Фландрію и Италію во время войны за[1]) наслѣдство до сраженія при Денейѣ (Denain), когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Король шведскій, Фридрихъ I, котораго онъ былъ нѣсколько лѣтъ адъютантомъ, всегда дорожилъ имъ.

По заключеніи мира съ Франціей, въ 1713 г., онъ поступилъ на службу къ польскому королю Августу II, съ чиномъ

[1]) Испанское. Ред.

полковника, получилъ, нѣсколько времени спустя, чинъ генералъ-маіора и начальствовалъ надъ польской гвардіей. Король, цѣня его достоинства, очень любилъ его; но графъ Флеммингъ, не желавшій дѣлить расположеніе своего государя съ кѣмъ бы то ни было, сталъ ревновать его и до того преслѣдовалъ, что онъ былъ вынужденъ выйти въ отставку въ 1718 г. Онъ намѣревался поступить въ шведскую службу, но какъ Карлъ XII былъ убитъ въ Норвегіи, то онъ вступилъ на службу Россіи. Онъ заслужилъ вскорѣ расположеніе Петра I, которое онъ и сохранилъ до кончины этого государя.

Въ царствованіе Екатерины и Петра II онъ перенесъ много огорченій отъ князя Меншикова, не любившаго его; паденіе этого любимца поправило его дѣла.

Привыкнувъ всю жизнь къ труду, онъ не можетъ оставаться празднымъ и въ ссылкѣ: онъ написалъ и представилъ сенату нѣсколько проектовъ, касательно улучшенія провинцій Россіи, и забавляется обученіемъ геометріи и инженерной наукѣ нѣсколькихъ дѣтей, которыхъ ему поручили. Губернаторы сибирскихъ городовъ боятся его такъ, какъ если бы онъ былъ генералъ-губернаторомъ края. Узнавъ о какомъ-нибудь злоупотребленіи ихъ, онъ тотчасъ же пишетъ имъ, грозя донести о томъ двору, и т. п. Въ заключеніе, о немъ можно сказать, по правдѣ, что въ немъ нѣтъ ничего мелочнаго: хорошія и дурныя его качества одинаково велики.

Единственный сынъ его раздѣлилъ его опалу; коммисія употребляла всевозможныя усилія, чтобы найти за нимъ какой-нибудь проступокъ, достойный наказанія; но это не удалось имъ, онъ былъ оправданъ своими судьями; однако, ему все-таки не хотѣли предоставить полную свободу; въ приговорѣ было сказано, что такъ какъ онъ зналъ, что принцесса Анна намѣревалась объявить себя императрицею, то онъ долженъ возвратить орденъ св. Александра Невскаго, что лифляндскія помѣстья его будутъ обмѣнены на другія въ Россіи; впрочемъ, и это было измѣнено: дворъ назначилъ ему ежегодную пенсію въ 1,200 рублей, и ему было приказано поселиться въ Вологдѣ[1]), городѣ, отстоящемъ отъ

[1]) Вологда отстоитъ отъ Москвы на 1,054 версты, что составляетъ около 260 французскихъ лье. Ред.

Москвы приблизительно на 80 французскихъ лье, и гдѣ поселилось нѣсколько голландскихъ купцовъ.

Онъ не имѣлъ блистательныхъ качествъ своего отца, но наслѣдовалъ многія его хорошія свойства, не получивъ ни одного изъ дурныхъ. Онъ имѣетъ ровный и основательный умъ, чрезвычайно честенъ и обладаетъ всѣми способностями, необходимыми для того, чтобы блистать въ министерствѣ. Онъ и получилъ бы тамъ должность, если бы продлилось правленіе принцессы Анны. Онъ началъ службу въ качествѣ секретаря и кавалера посольства при конгрессѣ въ Суассонѣ; возвратившись въ Петербургъ, онъ получилъ при дворѣ мѣсто камеръ-юнкера императрицы; нѣсколько лѣтъ спустя, былъ пожалованъ въ камергеры, и когда великая княгиня приняла званіе императрицы, то назначила его оберъ-гофмейстеромъ своего двора.

Графъ Остерманъ былъ, безспорно, однимъ изъ величайшихъ министровъ своего времени. Онъ зналъ основательно интересы всѣхъ европейскихъ дворовъ, былъ очень понятливъ, уменъ, чрезвычайно трудолюбивъ, весьма ловокъ и неподкупной честности: онъ не принялъ никогда ни малѣйшаго подарка отъ иностранныхъ дворовъ иначе, какъ по приказанію своего правительства. Съ другой стороны, онъ былъ чрезвычайно недовѣрчивъ, заходя въ подозрѣніяхъ часто слишкомъ далеко. Онъ не могъ терпѣть никого ни выше себя, ни равнаго себѣ, развѣ когда это лицо было гораздо ниже его по уму. Никогда товарищи его по кабинету не были довольны имъ, онъ хотѣлъ руководить всѣми дѣлами, а прочіе должны были раздѣлять его мнѣніе и подписывать.

Своей политикой и своими притворными, случавшимися кстати, болѣзнями, онъ удержался въ продолженіе шести различныхъ царствованій. Онъ говорилъ такъ странно, что немногіе могли похвастать, что понимаютъ его хорошо; послѣ двухчасовыхъ бесѣдъ, которыя онъ имѣлъ часто съ иностранными министрами, послѣдніе, выходя изъ его кабинета, также мало знали, на что онъ рѣшился, какъ въ ту минуту, когда они туда входили. Все, что онъ говорилъ и писалъ, можно было понимать двоякимъ образомъ. Онъ былъ до крайности скрытенъ, никогда не смотрѣлъ никому въ лицо и часто былъ тронутъ до слезъ, если считалъ ихъ нужными.

Домашній образъ жизни его былъ чрезвычайно страненъ:

онъ былъ еще неопрятнѣе русскихъ и поляковъ; комнаты его были очень плохо меблированы, а слуги одѣты обыкновенно какъ нищіе. Серебряная посуда, которую онъ употреблялъ ежедневно, была до того грязна, что походила на свинцовую, и кушанья подавались хорошія только въ дни торжественныхъ обѣдовъ. Одежда его, въ послѣдніе годы, когда онъ выходилъ изъ кабинета только къ столу, было до того грязна, что возбуждала отвращеніе.

Онъ былъ родомъ изъ Вестфаліи, сынъ пастора, прибылъ въ Россію около 1704 года и началъ службу на галерахъ въ чинѣ мичмана; нѣсколько времени спустя, онъ былъ произведенъ въ лейтенанты, и адмиралъ Крейцъ (Creutz)[1]) взялъ его къ себѣ въ качествѣ секретаря.

Петръ I, находясь однажды на адмиральскомъ кораблѣ, хотѣлъ отправить нѣсколько депешъ, и спросилъ Крейца: нѣтъ-ли у него какого-нибудь надежнаго человѣка, который могъ бы написать ихъ. Адмиралъ представилъ ему Остермана, который такъ хорошо изучилъ русскій языкъ, что говорилъ на немъ, какъ на своемъ природномъ. Императоръ, замѣтивъ его умъ, взялъ Остермана къ себѣ, сдѣлавъ его своимъ частнымъ секретаремъ и довѣреннымъ лицомъ. Онъ употреблялъ его въ самыхъ важныхъ дѣлахъ и возвысилъ его въ нѣсколько лѣтъ до первыхъ должностей имперіи; въ 1723 г., послѣ паденія барона Шафирова, онъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ и сохранилъ это званіе до той революціи, когда герцогъ Курляндскій былъ арестованъ, а Остерманъ назначенъ генералъ-адмираломъ.

Петръ I женилъ его на русской, изъ семейства Стрешневыхъ (Streschnew), одной изъ первыхъ фамилій въ государствѣ; она принесла ему богатое приданое, но была одно изъ самыхъ злыхъ созданій, существовавшихъ на землѣ. Онъ имѣлъ отъ нее двухъ сыновей и дочь. Сыновья, бывшіе при принцессѣ Аннѣ капитанами гвардіи,—что́ давало имъ чинъ подполковниковъ арміи,— были переведены капитанами въ пѣхотные полки, а дочь, черезъ нѣсколько времени послѣ опалы отца, вышла замужъ за подполковника артиллеріи Толстаго.

Графъ Левенвольде былъ лифляндецъ, происходившій отъ

---

[1]) Т. е. Крейсъ (Cruys). Ред.

одной изъ первыхъ фамилій этого края. Онъ поступилъ камеръ-юнкеромъ на службу къ императрицѣ Екатеринѣ еще при жизни Петра I; послѣ смерти императора, былъ пожалованъ въ камергеры; такъ какъ онъ былъ молодъ, хорошъ собою и статенъ, то императрица была неограниченно благосклонна къ нему. Императрица Анна назначила его оберъ-гофмаршаломъ двора и инспекторомъ доходовъ по соляной части. За нимъ не знали никакихъ качествъ, кромѣ хорошихъ. Онъ былъ созданъ для занимаемаго имъ мѣста, имѣлъ кроткій нравъ, былъ чрезвычайно вѣжливъ и располагалъ къ себѣ всѣхъ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ. Въ царствованіе Анны онъ не вмѣшивался ни въ какое дѣло, прямо не касавшееся его должности, и былъ бы счастливъ, если бы такъ держалъ себя и во время правительницы; но онъ былъ увлеченъ противъ своей воли. Принцесса спрашивала его о многихъ предметахъ, о которыхъ онъ былъ вынужденъ высказать свое мнѣніе, и такъ какъ онъ подалъ также мнѣніе, чтобы великая княгиня объявила себя императрицею, то онъ раздѣлилъ ея паденіе и окончитъ, по всей вѣроятности, жизнь въ изгнаніи. Главнымъ недостаткомъ его была страсть къ игрѣ; это разорило его, такъ какъ онъ проигрывалъ часто очень большія суммы въ одинъ вечеръ. Я не скажу ничего объ остальныхъ несчастныхъ; они были слишкомъ мало извѣстны остальному міру.

VI.

Награды. — Краткая исторія графовъ Разумовскаго, Бестужева, Воронцова, Лестока и принца Гессенъ-Гомбургскаго.—Перемиріе со Швеціей.—Притязанія шведовъ.—Императрица возвращаетъ множество ссыльныхъ.— Пріѣздъ герцога Голштейнскаго въ Петербургъ.—Дворъ отправляется въ Москву.— Предположенія о томъ, что Россія вступитъ въ тѣсный союзъ съ Франціей. — Пріѣздъ графа Саксонскаго въ Москву.—Елисавета отмѣняетъ все, сдѣланное во время регентства.—Уничтоженіе Кабинета.—Бунтъ въ Петербургѣ.

1741—1742.

По восшествіи на престолъ, императрица прежде всего озаботилась награжденіемъ тѣхъ, которые помогли ей совершить революцію. Она начала со своего любимца Разумовскаго, который былъ объявленъ камергеромъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, при ея короновaніи. Она возвела его въ должность оберъ-егермейстера, пожаловала ему графское достоинство и голубую ленту. Воронцовъ, два брата Шуваловы и Балкъ, бывшіе камеръ-юнкерами

царевны, также были пожалованы въ камергеры. Она наградила Лестока чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіемъ перваго лейбъ-медика двора съ президентствомъ медицинской коллегіи. Вся гренадерская рота Преображенскаго полка получила дворянское достоинство и офицерскіе чины, рядовымъ гренадерамъ пожалованъ чинъ поручика, капраламъ—маіора, каптенармусамъ и фурьерамъ — подполковниковъ и унтеръ-офицерамъ — полковниковъ арміи. Рота была названа Лейбъ-компаніей; ея величество объявила себя капитаномъ ея, принца Гессенъ-Гомбургскаго назначила штабсъ-капитаномъ, Разумовскаго и Воронцова — поручиками съ чиномъ генералъ-лейтенантовъ, а Шуваловыхъ—подпоручиками съ генералъ-маіорскимъ чиномъ; Грюнштейнъ (Grünstein) опредѣленъ адъютантомъ этого корпуса съ званіемъ бригадира; онъ удержался не долго; привыкши быть простымъ солдатомъ, онъ не могъ перенести большаго благополучія, надѣлалъ всевозможныхъ грубостей, не оказывалъ должнаго почтенія императрицѣ и ея фавориту, былъ подъ конецъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ помѣстья, которыя императрица подарила ему при его возвышеніи.

Рота эта творила всевозможныя безчинства въ первые мѣсяцы пребыванія двора въ Петербургѣ. Господа поручики посѣщали самые грязные кабаки, напивались до пьяна и валялись на улицахъ въ грязи. Они входили въ дома самыхъ знатныхъ лицъ съ угрозами, требуя денегъ, и безъ церемоніи брали то, что приходилось имъ по вкусу; не было возможности удержать въ порядкѣ этихъ людей, которые, привыкнувъ всю жизнь повиноваться палкѣ, не могли такъ скоро свыкнуться съ болѣе благороднымъ обращеніемъ. Чтобы исправить ихъ, нужно было время; не знаю, удалось-ли это; негодяи были исключены изъ этого корпуса и опредѣлены офицерами въ армейскіе полки, гдѣ было много вакансій.

Было еще довольно другихъ повышеній и роздано много голубыхъ лентъ; но такъ какъ малое число фамилій этихъ господъ пользуются извѣстностью, то я умалчиваю о нихъ. Скажу только нѣсколько словъ о Разумовскомъ, Бестужевѣ, Воронцовѣ, Лестокѣ и принцѣ Гессенъ-Гомбургскомъ, игравшихъ нѣкоторое время очень видную роль при петербургскомъ дворѣ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, графъ Разумовскій не могъ и представить себѣ, что онъ достигнетъ такого счастія. Онъ сынъ крестья-

нина украинскаго города Изюма; родители помѣстили его въ школу; тамъ замѣтили, что онъ имѣлъ хорошій голосъ, и такъ какъ, по русскому обряду, во всѣхъ церквахъ есть хоръ, поющій за обѣдней, то Разумовскій былъ принятъ въ него съ другими молодыми людьми его лѣтъ; армейскій полковникъ, по имени Вишневскій, замѣтивъ его пріятную наружность, соединенную съ прекраснымъ голосомъ, взялъ его къ себѣ въ услуженіе; привезя его въ Петербургъ, онъ рекомендовалъ его оберъ-гофмаршалу графу Левенвольде, который опредѣлилъ его придворнымъ пѣвчимъ въ императорскую капеллу; онъ служилъ при дворѣ нѣсколько лѣтъ. Царевна Елисавета замѣтила его тамъ и выпросила у Левенвольде, который уволилъ его изъ капеллы. Когда онъ поступилъ на службу къ царевнѣ, она поручила ему управленіе однимъ изъ своихъ помѣстій, и сдѣлала его своимъ любимымъ слугою. Вступивъ на престолъ, она возвела его въ одну изъ главнѣйшихъ должностей имперіи, и, сдѣлавшись съ годами набожной, тайно обвѣнчалась съ нимъ, по совѣту духовенства, задобреннаго Разумовскимъ.

Бестужевъ, русскій по рожденію, происходитъ отъ хорошей и древней фамиліи; поступивъ на службу, онъ былъ опредѣленъ камеръ-юнкеромъ къ герцогинѣ Курляндской (въ послѣдствіи императрица Анна); нѣсколько лѣтъ спустя, его отправили въ качествѣ резидента въ Гамбургъ, на мѣсто, которое до него занималъ его отецъ; послѣ этого онъ служилъ въ званіи министра при разныхъ дворахъ, и, наконецъ, при копенгагенскомъ. Состоя при герцогинѣ, онъ завелъ большую дружбу съ Бирономъ, который въ послѣдствіи позаботился о его счастіи. Послѣ паденія Волынскаго онъ былъ сдѣланъ кабинетъ-министромъ; при революціи, свергшей герцога Курляндскаго, онъ былъ арестованъ; онъ оправдался и былъ выпущенъ на свободу, не получивъ, однако, должности; императрица Елисавета, вступивъ на престолъ, дала ему должность вице-канцлера на мѣсто графа Головкина, и послѣ смерти князя Черкасскаго она возвела его въ званіе канцлера. У него нѣтъ недостатка въ умѣ, онъ знаетъ дѣла по долгому навыку и очень трудолюбивъ; но въ тоже время надмененъ, корыстолюбивъ, скупъ, развратенъ, до невѣроятности лживъ, жестокъ и никогда не прощаетъ, если ему покажется, что кто-нибудь провинился передъ нимъ въ самой малости.

Вотъ человѣкъ, который управляетъ Россіей уже 11 лѣтъ, какъ властитель-деспотъ; императрица, чрезвычайно лѣнивая, очень довольна, что нашелся кто-нибудь, желающій заняться дѣлами имперіи; къ тому же она составила себѣ такое высокое понятіе о его способностяхъ, что, по ея мнѣнію, невозможно найти кого-нибудь, кто бы могъ замѣнить его. Впрочемъ, у него много враговъ, которые не пропускаютъ ни одного случая, чтобы очернить его въ глазахъ этой государыни. Имъ это не удалось еще до сихъ поръ, хотя онъ уже не разъ пошатнулся на своемъ мѣстѣ; быть можетъ, они найдутъ, наконецъ, благопріятную минуту.

Воронцовъ происходитъ также отъ русской хорошей дворянской фамиліи. Онъ поступилъ камеръ-юнкеромъ на службу къ царевнѣ Елисаветѣ. Незадолго до революціи, онъ женился на графинѣ Скавронской, двоюродной сестрѣ царевны, служившей при ней статсъ-дамой. При коронованіи императрицы онъ былъ пожалованъ въ графы; это человѣкъ весьма честный, но чрезвычайно ограниченнаго ума, безъ особеннаго образованія, и еще менѣе того научившійся въ послѣдствіи; онъ не имѣлъ никогда случая заниматься политическими дѣлами, однако, послѣ смерти князя Черкасскаго, онъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ. Время рѣшитъ, съумѣетъ-ли онъ удержаться въ этой должности, такъ какъ онъ уже нѣсколько лѣтъ въ ссорѣ съ канцлеромъ.

Лестокъ родился въ Ганноверѣ отъ семейства французскихъ выходцевъ. Онъ служилъ нѣсколько лѣтъ при царевнѣ въ качествѣ хирурга и пріобрѣлъ ея довѣріе задолго до того времени, когда она сдѣлала его своимъ орудіемъ при революціи. Все это дѣло лежало на немъ; онъ исполнилъ его, какъ я уже сказалъ выше, чрезвычайно вѣтрено и неосторожно, но весьма удачно. Лишь только царевна объявила себя государыней, онъ сталъ умолять ее наградить его деньгами и позволить ему удалиться изъ имперіи. Императрица не хотѣла согласиться на это, говоря, что она никогда не можетъ достаточно вознаградить услугъ, Лестокомъ ей оказанныхъ. «Онъ доказывалъ, что возвышеніе его навлечетъ ему несомнѣнно много враговъ, что ему могутъ повредить передъ ея величествомъ и что все это кончится ссылкой». Императрица отвѣчала самыми горячими увѣреніями на счетъ того, что ничего подобнаго никогда не можетъ случиться, что она знала слишкомъ хорошо его

привязанность и его усердіе, и что поэтому она никогда не повѣритъ ни малѣйшему обвиненію противъ него. Лестокъ этому повѣрилъ, остался при своей должности и убѣдилъ императора Карла VII дать ему титулъ имперскаго графа.

Вначалѣ онъ хотѣлъ завѣдовать только медицинской частью, но какъ императрица говорила съ нимъ часто о самыхъ важныхъ дѣлахъ, то это понравилось ему, и онъ захотѣлъ высказывать свое мнѣніе обо всемъ; онъ старался даже поступить въ верховный совѣтъ, въ качествѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, но это ему не удалось. Бестужевъ сдѣлался вскорѣ его заклятымъ врагомъ, чему Лестокъ много способствовалъ своею вѣтренностью и своею постоянною привязанностью къ Франціи и ея союзникамъ. Великій канцлеръ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы удалить его отъ двора; это не удавалось ему въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Наконецъ, когда Лестокъ вывелъ его изъ терпѣнія, относясь о немъ при всякомъ случаѣ дурно, говоря ему дерзости въ лицо, не стѣсняясь въ выраженіяхъ даже въ присутствіи императрицы, канцлеръ, въ 1748 г., получилъ отъ ея величества приказаніе арестовать его. Процессъ его вели съ грѣхомъ пополамъ, и хотя его не могли обвинить ни въ какомъ преступленіи, однако едва-ли когда-нибудь его освободятъ. Въ самый день своего ареста онъ имѣлъ еще длинное объясненіе съ императрицею. Она снова увѣряла его въ своемъ расположеніи и своемъ покровительствѣ, но, нѣсколько часовъ спустя, графъ Апраксинъ, генералъ-аншефъ и генералъ-адъютантъ императрицы, явился объявить ему арестъ.

Принцъ Людвигъ Гессенъ-Гомбургскій, равно какъ и младшій братъ его, поступили въ русскую службу въ 1724 г., въ чинѣ полковниковъ; младшій умеръ (?) лѣтъ отъ роду. Призвавъ его въ Россію, Петръ I имѣлъ намѣреніе женить его на царевнѣ Елисаветѣ; смерть императора остановила этотъ бракъ, а послѣ о немъ и не думали. Говорили много хорошаго о томъ, который умеръ первый, но того же самаго нельзя сказать о второмъ. Онъ не имѣлъ ни образованія, ни хорошихъ манеръ, не умѣлъ вести себя, не отличался умомъ, былъ необыкновенно сварливъ, большой трусъ и способенъ на всякія низости; несмотря на эти недостатки, онъ подвигался по службѣ впередъ. Онъ дошелъ до чина генералъ-лейтенанта въ царствованія Екатерины и Петра II;

въ 1734 г. онъ получилъ должность главнаго начальника артиллеріи и исполнялъ ее довольно плохо, такъ что сильно запуталъ всѣ артиллерійскія дѣла. Послѣ похода 1737 года онъ не получилъ назначенія въ войнѣ противъ Порты; при началѣ шведской войны ему было дано командованіе войсками, стоявшими близь Красной горки, такъ какъ всѣ были увѣрены, что тутъ нечего будетъ дѣлать. Вступивъ на престолъ, императрица пожаловала его въ генералъ-фельдмаршалы. Онъ былъ первые мѣсяцы въ большой милости; это не могло продолжаться долго. Его скоро оцѣнили по достоинству, и ему было также плохо какъ и въ предъидущія царствованія. Его не употребляли на войнѣ и презирали при дворѣ, гдѣ въ насмѣшку называли его фельдмаршаломъ комедіантовъ. Не ладя ни съ кѣмъ, онъ захотѣлъ отправиться въ Гомбургъ, чтобы жить въ собственномъ своемъ владѣніи и умеръ въ Берлинѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1745 года.

Послѣ такого длиннаго отступленія, пора вернуться къ прерванному разсказу.

Императрица, желавшая начать свое царствованіе заключеніемъ мира со Швеціей, освободила, въ самый день восшествія своего на престолъ, шведскаго капитана Дидрона, бывшаго военноплѣннымъ въ Петербургѣ. Она отправила его къ графу Левенгаупту, съ извѣщеніемъ о ея восшествіи на престолъ и съ порученіемъ объявить, что ея величество охотно пойдетъ на примиреніе со Швеціей. Маркизъ де-ла-Шетарди писалъ въ тоже время шведскому генералу и было заключено перемиріе до перваго марта, съ тѣмъ, чтобы до этого срока упрочить миръ. Шведы, воображавшіе, что они своею диверсіей много способствовали возведенію императрицы на престолъ, объявили большія претензіи, въ надеждѣ получить не менѣе всей Финляндіи съ городомъ Выборгомъ; но императрица ни за что не соглашалась уступить клочка земли изъ областей, завоеванныхъ ея отцомъ. Она предложила вознаградить Швецію и уплатить ея убытки деньгами, отъ чего стокгольмскій дворъ отказался; такимъ образомъ едва окончилось перемиріе, какъ война возобновилась.

Императрица возвратила изъ Сибири множество сосланныхъ семействъ, большинство которыхъ были отправлены туда въ цар-

ствованіе императрицы Екатерины. Всѣмъ имъ были возвращены ихъ должности, которыя они занимали до своего заточенія.

Было сосчитано, что съ тѣхъ поръ, какъ императрица Анна вступила на престолъ, было отослано въ Сибирь болѣе 20-ти тысячъ человѣкъ. Въ числѣ ихъ было 5,000, мѣстожительство которыхъ осталось навсегда неизвѣстнымъ и о которыхъ нельзя было получить ни малѣйшаго извѣстія. Такъ какъ ея величество возвратила всѣхъ тѣхъ, кого удалось найти, то не проходило дня, чтобы при дворѣ не появлялись какія-нибудь новыя лица, прожившія по нѣсколько лѣтъ сряду въ самыхъ ужасныхъ темницахъ.

Въ числѣ ихъ былъ и Шубинъ. Онъ служилъ сначала рядовымъ, а затѣмъ унтеръ-офицеромъ гвардіи Преображенскаго полка. Наружность его понравилась царевнѣ Елисаветѣ и она оказывала ему величайшія милости. Императрица Анна велѣла арестовать его и отправить въ Сибирь безъ дальнихъ церемоній. Елисавета, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, вспомнила о своемъ прежнемъ любимцѣ и освѣдомилась о немъ. Въ Сибирь былъ посланъ за нимъ нарочный курьеръ и съ трудомъ могли тамъ отыскать его. Если кто-нибудь отправляется въ ссылку безъ особаго манифеста, въ которомъ упомянуто мѣсто его заточенія, то онъ перемѣняетъ фамилію точно такъ, какъ въ испанской инквизиціи; иногда самый дворъ отдаетъ приказаніе объ этой перемѣнѣ, не предупредивъ тайную канцелярію (chancellerie de l'inquisition secrète), вслѣдствіе чего потомъ бываетъ трудно отыскать ссыльныхъ.

Когда Шубинъ возвратился ко двору, императрица пожаловала ему большія помѣстья, произвела его въ генералъ-маіоры и маіоры гвардіи. Заключеніе до того лишило его силъ, что онъ не могъ долго исполнять тѣ немногія обязанности, которыя возлагала на него служба. Онъ попросилъ отставки и благоразумно удалился въ свои помѣстья.

Герцогъ Курляндскій былъ также возвращенъ со всѣми тѣми, кто раздѣлилъ его опалу, и фельдмаршалъ Минихъ былъ отосланъ на жительство въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ герцогъ жилъ въ Пелымѣ, мѣстѣ его заключенія въ Сибири. Императрица помѣстила герцога въ Ярославлѣ, гдѣ обходятся съ нимъ очень хорошо; ему дозволено охотиться на 8 французскихъ лье въ окре-

стности. Онъ принимаетъ тамъ гостей и можетъ свободно писать своимъ друзьямъ. Старшій братъ его просилъ отставки, получилъ ее и удалился въ Курляндію, гдѣ и умеръ въ своихъ помѣстьяхъ. Густавъ Биронъ долженъ былъ снова поступить на службу, но умеръ въ Петербургѣ прежде чѣмъ получилъ должность. Генералъ Бисмаркъ былъ посланъ въ Украйну, гдѣ ему было поручено начальствованіе надъ войсками.

Въ январѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Петербургъ герцогъ Голштейнскій. Императрица вызвала его тотчасъ же по вступленіи на престолъ. Она была очень рада видѣть своего племянника и преемника; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, принцъ отрекся отъ протестантской религіи въ московской соборной церкви и принялъ греко-восточную вѣру. Онъ былъ объявленъ великимъ княземъ и законнымъ наслѣдникомъ имперіи; всѣ по этому случаю дали новую присягу.

Около конца февраля дворъ отправился въ Москву для коронованія императрицы; оно совершилось 25-го апрѣля. По этому случаю были большія празднества и очень много производствъ. Де-ла-Шетарди, между прочимъ, получилъ Андреевскую ленту и нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того возвратился во Францію осыпанный подарками.

Въ началѣ этого царствованія всѣ полагали, что императрица не преминетъ вступить въ тѣсный союзъ съ Франціей; все, повидимому, клонилось къ тому; маркизъ де-ла-Шетарди, по приказанію своего двора, помогалъ царевнѣ Елисаветѣ деньгами и совѣтами, что много способствовало успѣху революціи. Ея величество имѣла весьма основательныя причины быть недовольной дворами вѣнскимъ и лондонскимъ; министры ихъ разгадали ея намѣренія и нѣсколько разъ предостерегали правительницу; даже послѣ того, какъ Елисавета вступила на престолъ, эти оба двора приказывали своимъ министрамъ устроить новый переворотъ.

Маркизъ де-ла-Шетарди, пока оставался въ Россіи, былъ въ величайшей милости; не проходило дня, чтобы онъ не имѣлъ весьма продолжительныхъ совѣщаній съ императрицей; тѣмъ не менѣе, скоро все измѣнилось. Первымъ къ тому шагомъ были чрезмѣрныя претензіи Швеціи; Франція поддерживала ихъ сколько могла; остальное довершилъ графъ Бестужевъ, лишь только уѣхалъ де-ла-Шетарди. Тогда Бестужеву открылся просторъ; онъ сталъ

стараться о примиреніи своего двора съ Австріей и ея союзниками и имѣлъ въ томъ полный успѣхъ. Г. д'Алліонъ[1]), преемникъ де-ла-Шетарди, не съумѣлъ тому воспрепятствовать, и англійскій дворъ такъ обласкалъ канцлера, что всѣ затрудненія были устранены.

Вскорѣ послѣ прибытія двора въ Москву, пріѣхалъ туда графъ Саксонскій; онъ отправился изъ Франціи съ цѣлью ходатайствовать о герцогствѣ Курляндскомъ. Выше сего изъяснилъ я претензіи его на это герцогство, но такъ какъ русскій дворъ извлекаетъ наибольшую часть своихъ доходовъ изъ этой области, завладѣвъ множествомъ помѣстій, которыя онъ постарается удержать какъ можно долѣе, то намѣреніе графа Саксонскаго не удалось и онъ вернулся, не исполнивъ ничего.

Я забылъ сказать выше, что императрица отмѣнила все, сдѣланное во время регентства; даже тѣ лица, которыя были повышены, должны были отказаться отъ должностей, на которыя назначила ихъ великая княгиня; всѣ помѣстья, пожалованныя ею, были конфискованы. Нѣсколько времени спустя, императрица утвердила этихъ лицъ въ ихъ прежнихъ должностяхъ, но помѣстья и пенсіи были возвращены только немногимъ.

Кабинетъ, учрежденный императрицею Анною, былъ также уничтоженъ; ея величество возвратила сенату ту власть, какую онъ имѣлъ при Петрѣ I. Всѣ дѣла рѣшаются тамъ въ послѣдней инстанціи и согласно учрежденію этого императора. Ея величество должна часто присутствовать въ немъ лично. Это судилище имѣло нѣкогда власть наказывать смертною казнію, но Елисавета, давъ обѣтъ никого не осуждать къ смерти въ продолженіе своего царствованія, предоставила себѣ утвержденіе приговоровъ. Таковая ея воля была гласною и сильно увеличила необузданность народа.

Выше было сказано, что императрица обѣщала всѣмъ, помогавшимъ ей при революціи, что она освободитъ русскую націю отъ притѣсненія ея иноземцами. Она сдержала свое слово, но господа члены лейбъ-компаніи нашли, что этого недостаточно. Они подали прошеніе, въ которомъ изъявляли желаніе, чтобы

---

[1]) Алліонъ—Aillon или Alion (d'Usson d') сперва повѣренный въ дѣлахъ, потомъ полномочный министръ. Ред.

всѣ иноземцы, находившіеся въ русской службѣ, были убиты или, по крайней мѣрѣ, высланы. Императрица, не имѣя возможности согласиться на столь ужасное предложеніе, старалась умиротворить этихъ людей, и объявила даже, что беретъ всѣхъ этихъ иноземцевъ подъ свое особое покровительство; однако, послѣ отъѣзда двора въ Москву, между народомъ въ Петербургѣ распространился слухъ, что войскамъ, находившимся въ этой столицѣ, будетъ дозволено убивать и грабить всѣхъ иноземцевъ. Солдаты гвардіи, въ особенности двухъ старыхъ, самыхъ дерзкихъ и своевольныхъ полковъ имперіи, совершили множество безпорядковъ; нападали на улицахъ на попадавшихся имъ жителей и грабили ихъ; въ первый день Пасхи дѣло зашло еще дальше. Одинъ гвардейскій солдатъ завелъ на улицѣ споръ съ гренадеромъ одного изъ полевыхъ полковъ, стоявшихъ на квартирахъ въ Петербургѣ; отъ словъ они дошли до драки; мимо проходилъ офицеръ того полка, въ которомъ числился гренадеръ; къ несчастію, это былъ нѣмецъ, онъ хотѣлъ рознять ихъ и оттолкнулъ гвардейца; тотъ закричалъ сначала, что его обижали и позвалъ своихъ товарищей, находившихся по близости; въ ту же минуту около нихъ столпилось множество гвардейскихъ солдатъ; офицеръ, не имѣя возможности сопротивляться одинъ цѣлой толпѣ, ушелъ въ сосѣдній домъ, гдѣ были собравшись нѣсколько офицеровъ изъ иноземцевъ, незнавшихъ ничего о происходившемъ на улицѣ; толпа послѣдовала за нимъ и выломала двери (которыя загородили, какъ только можно было сдѣлать на-скоро); они напали на офицеровъ, которые, чувствуя себя не въ силахъ сопротивляться этимъ бѣшенымъ людямъ, удалялись изъ комнаты въ комнату до чердаковъ; ихъ преслѣдовали всюду, нѣкоторымъ удалось убѣжать по крышамъ; другіе были настигнуты и избиты; болѣе всего досталось адъютанту фельдмаршала Ласи, по имени Сотрону (Sautron), и капитану Брауну (Browne); нѣсколько дней думали, что они умрутъ отъ ранъ. Наконецъ, это смятеніе было прекращено посланными туда гвардейцами; самыхъ буйныхъ арестовали. Фельдмаршалъ извѣстилъ дворъ объ этомъ безпорядкѣ; но виновные были наказаны довольно слабо, а это до такой степени увеличило дерзость гвардейцевъ, что, нѣсколько времени спустя, они затѣяли возстаніе въ самомъ лагерѣ, какъ мы это увидимъ ниже.

Чтобы предупредить новые безпорядки, фельдмаршалъ Ласи велѣлъ разставить на всѣхъ улицахъ пикеты полевыхъ войскъ, и днемъ и ночью разсылалъ частые патрули; тѣмъ не менѣе, всѣ въ Петербургѣ находились въ большомъ страхѣ; никто не считалъ себя безопаснымъ въ своемъ домѣ, не рѣшались также ходить по вечерамъ и на улицахъ поодиночкѣ; и никогда еще всѣ такъ не заботились, чтобы двери были на запорѣ днемъ и ночью. Не подлежитъ сомнѣнію, что безъ хорошихъ распоряженій, принятыхъ фельдмаршаломъ Ласи, безпорядки случались бы чаще.

VII.

Въ Финляндіи возобновляются непріятельскія дѣйствія.—Манифестъ, распространенный въ Финляндіи.—Распоряженія шведовъ.—Русская армія собирается близь Выборга.—Состояніе русскаго флота. — Бунтъ гвардейцевъ въ лагерѣ. — Начало военныхъ дѣйствій. — Шведскій полковникъ Лагеркранцъ посылается въ Москву для переговоровъ о мирѣ.— Укрѣпленія Мендолакса покинуты. — Армія приближается къ Фридрихсгаму. — Фридрихсгамъ оставленъ. — Переходъ черезъ Кюмень. — Приказъ отъ двора. — Капитуляція шведской арміи. — Что случилось замѣчательнаго при дворѣ въ 1742 году.—Герцогъ Голштейнскій избранъ наслѣдникомъ Швеціи.—Приготовленія къ миру. — Графъ Левендаль оставляетъ Россію. — Кейтъ требуетъ отставки, но получаетъ ее лишь четыре года спустя.

1742 г.

Перваго марта возобновились непріятельскія дѣйствія между русскими и шведами; чрезвычайно суровое въ этомъ климатѣ время года дозволяло вести войну только отдѣльными отрядами: триста гусаровъ, подкрѣпленные тремя стами пѣхотинцевъ, вступили въ непріятельскую страну и разорили множество деревень, послѣ чего они удалились.

Графъ Ласи, желавшій начать кампанію какъ можно раньше, послалъ войскамъ приказаніе собраться около Выборга къ концу апрѣля, но дурная погода и холодъ продолжались до половины мая, и кавалерія не могла выступить до конца этого мѣсяца по недостатку травы.

Между тѣмъ, петербургскій дворъ велѣлъ распространить въ Финляндіи манифестъ, которымъ финляндцевъ убѣждали отдѣлиться отъ Швеціи. Манифестъ этотъ, произведшій большое впечатлѣніе на значительную часть финляндцевъ, былъ причиною того, что на нихъ смотрѣли недовѣрчиво въ шведской арміи во время похода.

Шведская армія не могла выступить въ походъ по тѣмъ же

причинамъ, какъ и русская; но, кромѣ того, графъ Левенгауптъ сдѣлалъ очень большія ошибки. Лишь только было заключено перемиріе, онъ отослалъ полки на зимнія квартиры, въ мѣста, отдаленныя отъ границы, оставивъ въ Фридрихсгамѣ и окрестностяхъ его не болѣе какъ отъ 4 до 5,000 человѣкъ, тогда какъ значительная часть русской арміи имѣла свои квартиры у самыхъ границъ. Левенгауптъ былъ такъ увѣренъ, что миръ будетъ заключенъ, что не позаботился сдѣлать многія распоряженія, необходимыя для слѣдующаго похода.

Онъ узналъ въ началѣ марта, что нѣсколько русскихъ полковъ получили приказаніе выступить и вторженіе гусаровъ привело его къ предположенію, что русская армія начнетъ свои дѣйствія до конца зимы. Тогда онъ сжегъ магазинъ, устроенный имъ близь деревни, называемой Кваренби (Quarenby), по сю сторону отъ Фридрихсгама, и послалъ войскамъ приказаніе собраться близь этого города, заставляя ихъ дѣлать усиленные переходы, что очень утомило войска и привело ихъ въ плохое состояніе для слѣдующаго похода. Онъ отослалъ ихъ затѣмъ на ихъ прежнія квартиры, гдѣ большая ихъ часть стояла еще спокойно въ то время, когда русскіе начали свои дѣйствія.

Русская армія собралась подъ Выборгомъ въ концѣ мая; фельдмаршалъ Ласи отправился туда и сдѣлалъ смотръ войскамъ. Они состояли изъ трехъ полковъ кирасиръ, всего 1,640 человѣкъ, отряда конно-гвардейцевъ въ 300 человѣкъ, 6 драгунскихъ полковъ — всего 4,200 человѣкъ, 3 гусарскихъ полка—всего 1,686 человѣкъ и 2,500 казаковъ. Пѣхота состояла изъ трехъ пѣшихъ гвардейскихъ баталіоновъ и 28 баталіоновъ полевыхъ полковъ; въ каждомъ баталіонѣ было приблизительно 500 человѣкъ. На 43-хъ галерахъ было отправлено 10 тысячъ человѣкъ, такъ что вся русская армія могла простираться до 35-ти или 36-ти тысячъ человѣкъ.

Генералы, командовавшіе подъ начальствомъ фельдмаршала Ласи, были: генералъ-аншефы Левашевъ—на галерахъ, Кейтъ и Левендаль — въ сухопутномъ войскѣ; генералъ-лейтенантъ Брилли—на галерахъ, Стоффельнъ, графъ Салтыковъ и принцъ Голштейнъ-Бекскій (Holstein Beck)—въ сухопутномъ войскѣ; генералъ-маіоры Братке, Ливенъ, Брюсъ, Ведель, графъ Ласи, Броунъ, Лопухинъ и Черncовъ (Scherntzow)—въ сухо-

путномъ войскѣ; Карауловъ и Киндерманнъ — на галерахъ. Генералъ-маіоръ Томиловъ командовалъ артиллеріей.

Русскій флотъ не выходилъ изъ портовъ въ предъидущую кампанію; въ этомъ году хотѣли ввести его въ дѣло. Адмиралтейство получило приказаніе отправить въ море столько судовъ, сколько возможно; ему удалось вооружить 12 линейныхъ кораблей и нѣсколько фрегатовъ. Командованіе ими получилъ вице-адмиралъ Мишуковъ. Онъ не сдѣлалъ многаго, или, лучше сказать, не сдѣлалъ ровно ничего, такъ какъ онъ не посмѣлъ ничего предпринять противъ шведскаго флота, хотя сей послѣдній былъ далеко не такъ многочисленъ и хотя Мишукову неоднократно были даны приказанія напасть на него.

Война противъ турокъ унесла старыхъ матросовъ и лучшихъ офицеровъ русскаго флота; не доставало людей, чтобы укомплектовать экипажи судовъ и императрица была вынуждена преобразовать одинъ пѣхотный полкъ, чтобы помѣстить солдатъ во флотъ; хотя эти новые матросы едва были годны для морской службы, однако изъ нихъ извлекли нѣкоторую пользу, смѣшавъ ихъ со старыми моряками на военныхъ судахъ.

Такъ какъ и въ этомъ году опасались, чтобы шведы не высадили десанта въ Лифляндіи, то тамъ оставили нѣсколько полковъ пѣхоты, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бутлера, чтобы охранять берега близь Ревеля.

Я говорилъ выше о бунтѣ гвардейцевъ при началѣ похода; это случилось слѣдующимъ образомъ.

Въ то время, какъ армія стояла лагеремъ подъ Выборгомъ, шведы послали унтеръ-офицера и барабанщика съ письмами къ фельдмаршалу Ласи. Ливенъ, бывшій дежурнымъ генералъ-маіоромъ, находился на передовыхъ постахъ въ то время, когда они прибыли, и такъ какъ фельдмаршалъ былъ въ городѣ, то Ливенъ велѣлъ провести ихъ въ свою палатку, взялъ отъ нихъ письма и лично доставилъ ихъ фельдмаршалу. Ливенъ, будучи въ то же время подполковникомъ конной гвардіи, имѣлъ свою квартиру сзади этого полка, такъ что нѣсколько пѣшихъ гвардейцевъ, стоявшихъ въ лагерѣ по близости, видѣли, какъ онъ возвратился со шведами. Они сообщили тотчасъ же своимъ товарищамъ, что иноземцы составляли заговоръ противъ государства, получали отъ непріятелей посланія и письма, что въ палаткѣ

генерала Ливена были спрятаны шведы, что не слѣдуетъ терпѣть начальствованія иноземныхъ офицеровъ, ихъ слѣдуетъ убить всѣхъ разомъ и начать съ Ливена. Въ самое короткое время собралось отъ 3 до 400 гвардейскихъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ; они отправились прямо въ палатку Ливена; не найдя его тамъ, вошли въ его канцелярію, куда помѣстили шведовъ, схватили ихъ и адъютанта генерала, и обошлись съ ними чрезвычайно грубо; караулъ генерала вздумалъ противиться этому буйству, но съ нимъ поступили не лучше, какъ со шведами, адъютантомъ и прислугой. Офицеры сбѣжались, чтобы прекратить безпорядокъ, но солдаты не оказали имъ никакого уваженія; имъ отвѣчали только, что «нужно убить всѣхъ иноземныхъ офицеровъ, находящихся въ арміи; послѣ этого будутъ повиноваться офицерамъ своей націи»; ни одинъ изъ офицеровъ этихъ отрядовъ не хотѣлъ подойти къ нимъ: одни отъ страху быть побитыми, другіе, чтобы не помѣшать имъ исполнить то, чего сами они давно желали. Между тѣмъ прибылъ генералъ Кейтъ, котораго извѣстили о безпорядкѣ; онъ вошелъ не колеблясь въ средину этой мятежной толпы, схватилъ самъ одного изъ бунтовщиковъ, велѣлъ позвать священника, чтобы исповѣдать его, говоря, что намѣренъ разстрѣлять его на мѣстѣ; потомъ приказалъ своимъ адъютантамъ и вѣстовымъ арестовать нѣкоторыхъ другихъ. Едва произнесъ онъ эти слова съ столь обычною ему твердостью, какъ все сборище разсѣялось: каждый побѣжалъ спрятаться въ свою палатку. Кейтъ приказалъ вызвать полки впередъ лагеря, арестовать всѣхъ отсутствующихъ и начать слѣдствіе надъ тѣми, которые присутствовали при возмущеніи. Въ этомъ дѣлѣ не были замѣшаны ни конно-гвардейцы, ни полевые полки; сіи послѣдніе взялись за оружіе, чтобы усмирить силою дерзость пѣшихъ гвардейскихъ полковъ, въ случаѣ, если бы ихъ не удалось успокоить. Безъ спасительной рѣшимости, оказанной Кейтомъ, возстаніе это пошло бы очень далеко; никто изъ русскихъ офицеровъ не сталъ бы противиться бѣшенству солдатъ. Зачинщики мятежа были всѣ арестованы; дворъ назначилъ коммисію для разсмотрѣнія этого дѣла; президентомъ ея былъ генералъ Румянцевъ. Зачинщику, который былъ унтеръ-офицеромъ гвардіи, отрубили кисть правой

руки и его сослали въ Сибирь; другихъ наказали кнутомъ и отправили той же дорогой.

До нѣкоторой степени можно извинить эту сильную ненависть русскаго дворянства къ иноземцамъ, такъ какъ оно было вынуждено указами Петра I не только измѣнить бо́льшую часть своихъ старинныхъ привычекъ, но въ царствованіе Анны всѣ главнѣйшія должности были отданы иноземцамъ, которые распоряжались всѣмъ по своему усмотрѣнію, и весьма многіе изъ нихъ слишкомъ тяжко давали почувствовать русскимъ власть, бывшую въ ихъ рукахъ; они обращались очень высокомѣрно и съ пренебреженіемъ даже съ членами самыхъ именитыхъ фамилій. Къ этому еще нужно прибавить обѣщаніе, данное императрицею при вступленіи на престолъ, что она освободитъ Россію отъ иноземной зависимости; по понятіямъ гвардейцевъ, это обѣщаніе она исполнила не вполнѣ.

18-го іюня фельдмаршалъ Ласи двинулся въ походъ съ арміей, направляясь вдоль морскаго берега, чтобы имѣть свободное сообщеніе съ галерами, которыя везли бо́льшую часть продовольствія для арміи.

Генералъ-маіоръ Ведель былъ отряженъ съ 600 драгунами, 1,000 гусарами и бо́льшею частію казаковъ, по верхней вильманстрандской дорогѣ, чтобы встревожить непріятеля съ этой стороны; онъ имѣлъ приказаніе дойти до 6-ти лье отъ Фридрихсгама.

Русская армія соблюдала слѣдующій порядокъ при переходахъ, совершенныхъ ею во время этой кампаніи: когда она была вдалекѣ отъ непріятеля, въ главѣ ея шла легкая кавалерія, за нею кирасиры и половина драгунъ, потомъ слѣдовала артиллерія, а послѣ ея пѣхота; другая половина драгунъ составляла аріергардъ, но всякій разъ, какъ фельдмаршалъ предполагалъ, что можетъ завязаться дѣло, онъ ставилъ впереди всей колонны часть пѣхоты; такъ какъ мѣстность въ Финляндіи чрезвычайно стѣснена, то войска принуждены всегда проходить очень узкимъ фронтомъ, и могутъ двигаться лишь одной колонной; для ѣзды удобна одна только большая дорога, по обѣимъ сторонамъ находятся только скалы, лѣса и болота. Въ лѣсахъ нѣтъ ни одной мѣстности, настолько обширной, чтобы войско могло расположиться лагеремъ все вмѣстѣ, поэтому четыре пѣхотныхъ полка и драгунъ аріер-

гарда ставили всегда въ отдѣльный лагерь въ одной или въ двухъ верстахъ отъ большаго лагеря.

Левенгауптъ, не собравшій еще шведской арміи, былъ въ большомъ затрудненіи, когда узналъ, что русскіе выступили въ походъ. Онъ послалъ полковника Лагеркранца (Lagerkrantz) къ фельдмаршалу для переговоровъ о мирѣ, но такъ какъ графъ Ласи не имѣлъ на этотъ счетъ инструкцій отъ двора, то онъ послалъ Лагеркранца въ Москву и продолжалъ подвигаться къ непріятелю.

24-го іюня русское войско вступило въ шведскую Финляндію; въ ней пограничныя деревни были сожжены зимою казаками, чтобы отнять у шведскихъ войскъ возможность тамъ продовольствоваться и устроивать свои квартиры; жители убѣжали внутрь страны, такъ что все было пусто.

Генералъ Ведель отправилъ въ лагерь нѣсколькихъ плѣнныхъ, отъ которыхъ узнали, что непріятели трудились съ большимъ усердіемъ надъ окопомъ, близь деревни Мендолаксъ (Mendolax)[1]), лежащей въ 4-хъ лье по сю сторону отъ Фридрихсгама, что армія не собралась еще окончательно, но что полки получили неоднократныя приказанія идти со всевозможною скоростью, чтобы достигнуть лагеря, занятаго по ту сторону Фридрихсгама, что армія ихъ состояла изъ 4-хъ кавалерійскихъ, 3-хъ драгунскихъ и 19-ти пѣхотныхъ полковъ, и что войска много пострадали зимою отъ переходовъ, которые ихъ заставляли дѣлать, и т. п.

Русская армія продолжала свой путь до 30-го іюня (не имѣя другихъ извѣстій о непріятелѣ); она шла по самой лѣсистой странѣ и самымъ худшимъ дорогамъ въ мірѣ; были такія мѣста, что 2,000 человѣкъ въ хорошемъ окопѣ и за завалами могли бы преградить путь цѣлой арміи.

30-го числа русская армія стояла лагеремъ на рѣкѣ Веріоки (Weriocki), мостъ черезъ которую разрушили шведы. Русскіе поспѣшно принялись за работу, чтобы выстроить новый мостъ. Шведскій перебѣжчикъ явился въ лагерь и извѣстилъ, что графъ Левенгауптъ прибылъ въ Мендолаксъ, съ цѣлью ускорить работы своимъ присутствіемъ, тѣмъ болѣе, что вся непріятельская армія должна была собраться тутъ и защищать этотъ проходъ противу

---

[1]) У шведскихъ историковъ Mendolaks. Ред.

русскихъ. Такъ какъ шпіоны подтвердили это извѣстіе, то фельдмаршалъ приказалъ оставить тяжелый обозъ на рѣкѣ Веріоки, съ 800-ми человѣкъ регулярныхъ войскъ и 200-ми казаковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Киндерманна, для прикрытія его. Больныхъ посадили на галіоты, которые везли съѣстные припасы для арміи, и отправили ихъ въ Выборгъ; войскамъ было приказано взять съ собою сухарей на десять дней. Мостъ былъ оконченъ и какъ вся армія перешла его 1-го іюля, то фельдмаршалъ усилилъ сухопутное войско двумя гренадерскими полками и 3,000-ми солдатъ, взятыми имъ съ галеръ, вмѣстѣ съ генераломъ Левашевымъ.

Генералъ Ведель возвратился въ лагерь со своимъ отрядомъ: онъ встрѣтилъ одинъ только небольшой непріятельскій отрядъ, изъ котораго при этой встрѣчѣ было убито 30 человѣкъ и взято 14 плѣнными.

2-го числа Ведель былъ снова откомандированъ для наблюденія за движеніями непріятелей. Черезъ шпіоновъ узнали, что въ Мендолаксъ прибыло лишь около 4,000 шведовъ, но что галеры ихъ стояли на якорѣ вправо отъ окопа; непріятель могъ взять оттуда людей и подкрѣпить ими тѣхъ, которые стерегли окопъ. Получивъ это извѣстіе, Ласи приказалъ генералъ-лейтенанту Брилли двинуться съ частью его галеръ и принудить непріятельскія суда оставить свой постъ.

31-го—русская армія подвинулась до Раваіоки (Ravayocki), деревни, лежащей въ 3-хъ лье отъ окопа.

5-го — шведскій отрядъ, состоявшій изъ 300 пѣхотинцевъ и 50 драгунъ, вышелъ изъ окопа съ намѣреніемъ схватить передовой русскій отрядъ, но гусары, спѣшившись, напали на шведовъ съ такою живостью, что принудили ихъ вернуться, оставивъ 1 офицера и 15 рядовыхъ убитыхъ на мѣстѣ, и 10 другихъ, взятыхъ у нихъ русскими въ плѣнъ. У русскихъ было убито всего два гусара и четверо ранено.

Когда русская армія была въ полъ мили отъ окопа, фельдмаршалъ отправился съ генералами осмотрѣть его. Окопъ нашли очень сильнымъ, какъ по положенію, такъ и по заваламъ, тамъ устроеннымъ. Стали распрашивать провожатыхъ: не было-ли средствъ обойти его; они объяснили, что это было бы невозможно, такъ какъ правая сторона окопа упиралась въ море, а лѣвая—

въ большое озеро, вдававшееся глубоко въ чрезвычайно густой лѣсъ, раскинутый на болотистой и непроходимой почвѣ. Осмотрѣвъ все это, фельдмаршалъ Ласи рѣшилъ, однако, напасть на окопъ. Укрѣпленіе было прикрыто спереди глубокимъ, чрезвычайно крутымъ обрывомъ, какъ бы высѣченнымъ въ скалѣ; дно этого оврага имѣло около 100 шаговъ ширины; тамъ протекалъ небольшой ручеекъ; почва была болотистая и покрытая густымъ лѣсомъ; всѣ деревья были срублены и опущены въ болото, такимъ способомъ они образовывали завалъ, чрезъ который не было почти возможности пройти. Чтобы дойти до окопа, имѣвшаго 2,500 сажень фронтальной линіи, должно было проходить черезъ лѣсъ, заслонявшій все на разстояніи менѣе оружейнаго выстрѣла отъ окопа. Хотѣли повести атаку съ разныхъ сторонъ, но нашли только двѣ дороги: большую—близь праваго крыла непріятелей, и тропинку, влѣво отъ нихъ.

Генералъ Левашевъ во главѣ шести пѣхотныхъ и двухъ драгунскихъ полковъ пошелъ по тропинкѣ. Фельдмаршалъ съ остальной арміей двинулся по большой дорогѣ. Движеніе генерала Левашева очень замедлилось тѣмъ, что тропинка была чрезвычайно узка, и поэтому пришлось останавливаться каждую минуту, чтобы сдѣлать ее шире, и рубить по обѣимъ сторонамъ деревья для того, чтобы провезти пушки. Фельдмаршалъ послалъ снова осмотрѣть окопъ одного офицера, который донесъ, что онъ подошелъ къ самому укрѣпленію, но не видѣлъ никого. Въ тоже самое время генералъ Левашевъ извѣстилъ, что нѣсколько гусаровъ его корпуса вошли въ самый окопъ и нашли его оставленнымъ. Нѣсколько летучихъ отрядовъ были отряжены въ погоню за непріятелемъ, но не могли его настигнуть; шведы ушли ночью и прибыли въ Фридрихсгамъ прежде, чѣмъ бѣгство ихъ сдѣлалось извѣстнымъ. Русская армія прошла черезъ окопъ и заняла лагерь, оставленный непріятелемъ.

Чѣмъ болѣе осматривали эти укрѣпленія, тѣмъ удивительнѣе становилось, что шведы ихъ оставили; окопъ былъ найденъ чрезвычайно сильнымъ, какъ по положенію, такъ и по произведеннымъ въ немъ работамъ; всѣ были того мнѣнія, что если бы шведы заняли его отрядомъ въ 7,000 человѣкъ съ 20-ю пушками, для которыхъ они уже выстроили батареи и платформы, то было бы чрезвычайно трудно, чтобы не сказать невозможно,—взять его си-

лою. Русскіе потеряли бы добрую часть своей пѣхоты и, вѣроятно, были бы принуждены отказаться отъ своего намѣренія. Нѣсколько гренадеръ были посланы, чтобы сдѣлать примѣрный приступъ съ передней стороны окопа; имъ нужно было болѣе часа, чтобы достигнуть вершины бруствера. Не то было бы, если бы ихъ встрѣтилъ порядочный пушечный и ружейный огонь.

6-го числа фельдмаршалъ Ласи и генералы отправились осматривать Фридрихсгамъ. Городъ этотъ лежитъ на возвышенности, имѣя съ одной стороны море, съ другой — большое озеро; пространство между ними было укрѣплено; укрѣпленія были сдѣланы изъ земли и фашинъ и содержались довольно плохо; но городъ нельзя совершенно окружить по причинѣ озера, имѣющаго около пяти лье въ окружности; гарнизонъ имѣлъ свободное сообщеніе съ арміей, стоявшей лагеремъ по другую сторону, и могъ быть смѣненъ каждый разъ, какъ это сочли бы нужнымъ. Осада его показалась трудною всѣмъ генераламъ; самая почва какъ-будто препятствовала этому, такъ какъ тутъ находятся однѣ только скалы, которыя весьма затрудняютъ открытіе траншей. Сверхъ того, было не легко найти тамъ мѣсто для лагеря, по причинѣ болотъ и чрезвычайно густаго лѣса. Всѣ эти трудности не устрашили фельдмаршала,—онъ рѣшилъ атаковать городъ.

Непріятели подвели 3 галеры къ лѣвому флангу русскихъ, опиравшемуся въ море; онѣ производили сильную пальбу изъ пушекъ, но русскіе отвѣчали также живо и повредили одну галеру; тогда онѣ удалились.

7-го — армія подошла къ Фридрихсгаму; занимаемый ею лагерь до того былъ неровенъ и наполненъ скалами, что не было мѣста, гдѣ бы можно было выстроить полкъ въ боевой порядокъ; часть драгунъ была даже принуждена расположиться такъ близко къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, что находилась отъ нихъ не болѣе какъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла.

Фельдмаршалъ Ласи, осмотрѣвъ еще разъ городскія укрѣпленія, поручилъ веденіе осады графу Левендалю. У арміи не было тяжелой артиллеріи; за нею было послано въ Выборгъ нѣсколько галеръ. Полкамъ было приказано дѣлать фашины и артиллерія приготовляла доски для платформъ и т. п. Работы эти подвигались быстро, такъ какъ страна изобилуетъ лѣсомъ.

Было рѣшено открыть траншею въ ночь съ 9-го на 10-е чи-

сло; графъ Левендаль осмотрѣлъ высоту, гдѣ онъ хотѣлъ помѣстить первую батарею. Наконецъ уже сдѣланы были всѣ распоряженія для начала осады, когда шведы разстроили этотъ планъ, оставивъ городъ. Въ одиннадцать часовъ вечера его увидѣли всего въ огнѣ. Сначала думали, что, быть можетъ, комендантъ велѣлъ сжечь предмѣстья; послали разузнать нѣсколькихъ гусаръ, которые донесли, что пожаръ былъ въ самомъ городѣ и что непріятель удалился; уходя, шведы наполнили нѣсколько домовъ порохомъ, бомбами, гранатами, заряженными пушками и ружьями; дома взлетали одинъ за другимъ на воздухъ, что помѣшало русскимъ войти и потушить огонь. Бо̀льшая ча̀сть легкихъ войскъ рѣшилась, однако, пройти сквозь пламя, чтобы преслѣдовать непріятеля, но они привели съ собою лишь нѣсколькихъ больныхъ, которые не могли удалиться довольно скоро. Главная часть арміи имѣла уже время уйти. Три четверти домовъ Фридрихсгама были обращены въ пепелъ. Тамъ нашли 10 мѣдныхъ пушекъ 18-ти и 24-хъ фунт. калибра и 120 чугунныхъ орудій разнаго калибра; почти всѣ магазины были уничтожены пламенемъ, поэтому тамъ нашли лишь немного съѣстныхъ припасовъ и аммуниціи. Одинъ только пороховой погребъ не взлетѣлъ на воздухъ; въ немъ было 400 центнеровъ пороха и нѣсколько тысячъ бочекъ смолы.

Непріятель удалился съ такою поспѣшностью, что Эстерботнійскій полкъ забылъ даже взять одно изъ своихъ знаменъ.

Надобно сознаться, что фридрихсгамскія укрѣпленія многаго не стоили, такъ какъ они были всѣ земляныя, но городъ имѣлъ свободное сообщеніе съ моремъ, позади стояла армія, изъ нея онъ могъ получать подкрѣпленія, прибытію которыхъ русскіе не могли препятствовать; онъ былъ снабженъ всѣми необходимыми боевыми и съѣстными припасами, и самая почва затрудняла дѣйствія осаждающихъ, поэтому нельзя довольно удивляться тому, что шведы оставили его безъ малѣйшаго сопротивленія. Гарнизонъ города состоялъ изъ 8-ми пѣхотныхъ полковъ: Буске (Bousquet), Вильбранда (Wilbrand), Абосскаго, Эстерботнійскаго, Саволакскаго, Кюменегордскаго, Нюландскаго и Тавастгусскаго.

Ошибка, которую графъ Левенгауптъ сдѣлалъ, отступивъ изъ Фридрихсгама, тѣмъ болѣе велика, что онъ устроилъ тамъ са-

мый большой магазинъ для армiи; войска, оставивъ этотъ городъ, не имѣли хлѣба и на 10 дней; онъ не сдѣлалъ даже распоряженiя для доставленiя съѣстныхъ припасовъ изъ Гельсингфорса, гдѣ у него былъ другой магазинъ, и поэтому былъ вынужденъ уступить русскимъ весь край и приблизиться къ Гельсингфорсу. Наконецъ, въ 10 мѣсяцевъ, въ продолженiе которыхъ онъ командовалъ войсками въ Финляндiи, онъ даже не обдумалъ: слѣдовало-ли защищать или покинуть Фридрихсгамъ [1]).

10-го, въ день св. Петра, имя котораго носитъ великiй князь, отслужили благодарственный молебенъ за то, что русская армiя завладѣла Фридрихсгамомъ, единственнымъ укрѣпленнымъ городомъ во всей шведской Финляндiи, не потерявъ ни одного человѣка. Отрядъ гусаръ, откомандированный для развѣдыванiй, привелъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, которые извѣстили, что непрiятельская армiя перешла рѣку Сому и расположилась лагеремъ по другую сторону рѣки.

11-го—армiя прошла 10 верстъ или около трехъ французскихъ лье, переправилась черезъ Сому и заняла лагерь, только что оставленный непрiятелемъ. Гусары, слѣдовавшiе за шведами по пятамъ, донесли, что армiя ихъ переправлялась черезъ Кюмень и бóльшая часть ея была уже на другой сторонѣ.

12-го—русскiе подошли къ Кюменю; вся шведская армiя перешла уже рѣку; на этой сторонѣ былъ только одинъ караулъ; онъ удалился при приближенiи русской армiи, которая стала тогда лагеремъ вдоль берега этой рѣки. Непрiятеля было не видно, лишь небольшiе отряды были расположены на высотахъ противоположнаго берега; они стояли тамъ спокойно до тѣхъ поръ, покуда русскiе не вошли въ лагерь, а кавалерiйскiе полки не сняли сѣделъ и не разнуздали своихъ лошадей; тогда они стали сильно стрѣлять изъ пушекъ, которыя были у нихъ на этихъ высотахъ и которыя они скрывали за этими отрядами пѣхоты. Они тревожили главнымъ образомъ лагерь кирасиръ, бывшiй ближе всего къ берегу. Фельдмаршалъ велѣлъ имъ перемѣнить мѣсто и поставилъ ихъ за лѣсъ, гдѣ они были защищены отъ непрiятельскихъ пушекъ. По берегу, со стороны русскихъ,

---

[1]) Фельдмаршалъ отрядилъ двѣ тысячи работниковъ, чтобы очистить городъ, и галерамъ было приказано войти въ гавань. Прим. Авт.

поставили пушки, которыя скоро заставили шведовъ замолчать, сбивъ у нихъ два орудія съ первыхъ же выстрѣловъ.

13-го—шведская армія оставила берега Кюменя; фельдмаршалъ сдѣлалъ тотчасъ же необходимыя распоряженія для переправы черезъ эту рѣку; мосты были наведены и армія стала переходить на слѣдующій день; бо́льшая часть ея была уже на другомъ берегу, когда къ фельдмаршалу прибылъ отъ двора курьеръ, который привезъ ему положительное приказаніе: окончить дѣйствія этого похода, лишь только онъ принудитъ шведовъ перейти Кюмень, положить эту рѣку границею, построить по берегу ея въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ крѣпостцы и расположить свою армію лагеремъ близь Фридрихсгама до тѣхъ поръ, покуда не придетъ время разставить полки по зимнимъ квартирамъ. Фельдмаршалъ созвалъ тотчасъ же всѣхъ генераловъ и держалъ военный совѣтъ на берегу самой рѣки. Всѣ русскіе генералы были того мнѣнія, чтобы перейти рѣку обратно и въ точности исполнить повелѣніе двора. Но иноземцы доказывали, что дворъ никогда не далъ бы подобнаго приказанія, если бы онъ могъ вообразить, что непріятели очистятъ такъ легко эту позицію; по ихъ мнѣнію, такъ какъ войско перешло уже рѣку, слѣдовало воспользоваться преимуществомъ, которое они уже пріобрѣли надъ шведами и оттѣснить ихъ, если возможно, до Гельсингфорса, взять этотъ городъ и окончить на этомъ походъ. Фельдмаршалъ одобрилъ этотъ совѣтъ, армія двинулась далѣе и послѣ нѣсколькихъ переходовъ расположилась лагеремъ близь Перно-Кирке (Perno-Kircke)[1]), гдѣ нашли шведовъ, стоявшихъ въ очень выгодной позиціи; но, простоя нѣсколько дней въ присутствіи своихъ непріятелей, они стали опасаться, чтобы русскія галеры не обошли ихъ; поэтому они сняли лагерь и отошли къ Борго; русскіе слѣдовали за ними; обѣ арміи простояли еще нѣсколько дней одна противъ другой, русскіе по одну, а шведы по другую сторону рѣки; наконецъ, шведы отступили до Гельсингъ-Кирке (Helsing-Kircke), гдѣ заняли лагерь въ чрезвычайно выгодной мѣстности; правое ихъ крыло

---

[1]) Вѣроятно, Перрго (Perrho). Объ этой мѣстности упоминается въ поэмѣ финляндскаго поэта Рунеберга «Grafven i Perrho» (могила въ Перрго), которой шведская академія присудила вторую золотую медаль въ 1831 г. Въ ней Рунебергъ прославляетъ патріотизмъ стараго финляндскаго поселянина Гане и его шести сыновей во время войны, описываемой Манштейномъ. Ред.

упиралось въ море; передъ фронтомъ ихъ было большое болото, шириною въ четверть французской лье; черезъ него вела небольшая дорожка, по которой могли идти въ рядъ не болѣе какъ 8 или 10 человѣкъ; наконецъ, рѣка, начинавшаяся у самаго болота, прикрывала ихъ лѣвое крыло и тылъ. И эта даже позиція, на которой они могли бы простоять нѣсколько мѣсяцевъ, не подвергаясь нападенію, показалась имъ не довольно сильною. Узнавъ, что Стоффельнъ былъ отряженъ съ нѣсколькими полками, они стали опасаться быть окруженными съ тыла и отрѣзанными отъ своего магазина; поэтому они отступили до Гельсингфорса.

Фельдмаршалъ и всѣ генералы осматривали весьма часто расположеніе непріятельскаго лагеря, желая убѣдиться, была-ли возможность напасть на него съ какой-нибудь стороны; но нашли это неисполнимымъ и были поэтому очень довольны, когда увидѣли, что непріятель оставляетъ лагерь. Послали легкія войска тревожить ихъ во время ихъ слѣдованія и русская армія тотчасъ же двинулась въ слѣдъ за отступающимъ непріятелемъ. Близь Гельсингфорса шведы нашли готовымъ укрѣпленный лагерь, который былъ устроенъ еще до ихъ прихода; несмотря на то, было рѣшено очистить и этотъ пунктъ и отступить къ Або.

Въ тотъ самый вечеръ, когда русская армія прибыла къ Гельсингфорсу, одинъ крестьянинъ, изъ финновъ, просилъ, чтобы ему дозволено было переговорить съ фельдмаршаломъ; онъ сообщилъ, что шведская армія рѣшила двинуться на слѣдующій день по направленію къ Або, но что этому легко было помѣшать; что черезъ лѣсъ шла дорога, проложенная по повелѣнію Петра I въ предъидущую войну; что по ней безъ труда можно было бы пройти, расчистивъ ее отъ кустарниковъ, тамъ выросшихъ въ теченіе 30-ти лѣтъ, въ продолженіе которыхъ этотъ путь былъ безъ употребленія, и что дорога эта примыкала по ту сторону лѣса къ большой дорогѣ, шедшей изъ Гельсингфорса къ Або. Получивъ это извѣстіе, фельдмаршалъ послалъ двухъ инженеровъ осмотрѣть дорогу; они донесли, что она была удобна. Поэтому генералъ Левендаль и генералъ-лейтенантъ Брилли были отряжены туда съ 64-мя ротами гренадеръ и четырьмя баталіонами; они извѣстили еще до разсвѣта, что проходъ былъ расчищенъ и что они прошли лѣсъ и стали на абосской дорогѣ. Въ четыре часа утра вся армія тронулась и соединилась съ Левендалемъ въ 6

часовъ утра. Только что успѣла она стать на мѣсто, какъ показались передовые отряды шведской арміи. Непріятели, весьма удивленные при видѣ русскихъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ они нисколько не ожидали ихъ, возвратились поспѣшно въ гельсингфорскій лагерь, который они продолжали укрѣплять и снабдили нѣсколькими пушечными батареями.

Занявъ абосскую дорогу, фельдмаршалъ отрѣзалъ въ тоже время шведамъ всякое сообщеніе съ твердою землею; однако они имѣли еще нѣкоторое время свободный доступъ къ морю. Но, наконецъ, появился русскій флотъ, и такъ какъ шведскій флотъ очень пострадалъ отъ болѣзней, и во все время кампаніи захворало болѣе половины экипажей, то флотъ ихъ не былъ въ состояніи дѣйствовать и отступилъ къ Карлскронѣ. Адмиралъ Мишуковъ (Mischoukow), остававшійся въ бездѣйствіи какъ можно дольше, воспользовался этимъ и окружилъ шведскую армію со стороны моря. Въ этомъ положеніи шведы оставались двѣ недѣли; они имѣли время хорошо укрѣпиться въ своей позиціи, тѣмъ не менѣе вступили, наконецъ, въ переговоры. Графъ Левенгауптъ и генералъ-лейтенантъ Будденброкъ были арестованы по повелѣнію двора и отвезены въ Стокгольмъ, гдѣ ихъ предали суду, а генералъ-маіоръ Буске (Bousquet), какъ старшій генералъ, получилъ начальство надъ арміей. Онъ заключилъ съ генераломъ Левендалемъ, которому фельдмаршалъ поручилъ вести переговоры со шведами, слѣдующую капитуляцію:

1) Что всѣ 10 финскихъ полковъ, находившіеся въ шведской арміи, должны были положить оружіе; драгунскіе полки—отдать своихъ лошадей русскимъ коммисарамъ и возвратиться каждый въ свою деревню.

2) Что всѣ магазины, полевыя орудія и оружіе, которое будетъ найдено въ Гельсингфорсѣ, должно быть также передано русскимъ коммисарамъ, и что шведамъ не будетъ дозволено взять изъ магазиновъ болѣе провіанту, чѣмъ сколько потребуется для продовольствія ихъ по пути въ Швецію. Шведамъ была оставлена ихъ осадная артиллерія.

3) Что шведская пѣхота будетъ посажена на свои галеры и транспорты для доставленія въ Швецію, и фельдмаршалъ Ласи дастъ имъ паспорты для ихъ безопасности во время пути.

4) Что кавалерія направится по дорогѣ въ Торнео и достигнетъ Швеціи этимъ путемъ, подъ конвоемъ капитана и 60-ти гусаръ.

Всѣ статьи этой капитуляціи были исполнены въ точности. Финны, сдавъ свое оружіе и лошадей, возвратились домой, очень довольные тѣмъ, что не должны были болѣе служить въ такую войну, въ продолженіе которой имъ ничего не удавалось.

Въ то время, когда армія сдалась на капитуляцію, она состояла изъ 17-ти тысячъ человѣкъ, а всѣ русскія силы, бывшія подъ командою фельдмаршала Ласи, не превышали числомъ непріятеля и на 500 человѣкъ. Гарнизоны Фридрихсгама и Борго, нѣсколько отрядовъ, которые пришлось послать, и болѣзни уменьшили русскую армію болѣе чѣмъ на половину. Можно было бы побиться объ закладъ на двое противъ одного, что если бы шведы не приняли этихъ постыдныхъ условій и фельдмаршалъ атаковалъ ихъ, то русскіе были бы разбиты, благодаря положенію шведскаго лагеря, который непріятель имѣлъ достаточно времени хорошо укрѣпить.

Наконецъ, дѣйствія шведовъ во время этой войны были странны и несообразны со всѣмъ тѣмъ, что̀ дѣлается обыкновенно, и притомъ въ такой степени, что потомству трудно будетъ повѣрить этому.

Когда сеймъ рѣшилъ начать войну и графъ Левенгауптъ былъ избранъ для командованія арміей, то ему дали всю власть, необходимую для главнокомандующаго. Но лишь только скончалась королева, какъ въ арміи былъ учрежденъ военный совѣтъ, въ которомъ засѣдали всѣ полковые командиры; всѣ дѣла обсуждались и рѣшались въ немъ большинствомъ голосовъ и главнокомандующій имѣлъ въ этомъ совѣтѣ одинъ только голосъ, какъ и всѣ другіе. Часто вынуждены были даже посылать разсужденія военнаго совѣта въ Швецію и ждать оттуда рѣшеніе короля и сената. Несогласіе между главнѣйшими генералами арміи доходило до того, что достаточно было одному пожелать чего-нибудь, чтобы другой высказалъ противоположное мнѣніе. Ко всему этому присоединилось еще созваніе сейма въ Стокгольмѣ для избранія наслѣдника шведскаго престола; множество офицеровъ оставили свои корпуса, чтобы присутствовать на немъ, заняться своими дѣлами, или, скорѣе, чтобы увеличить или уравновѣсить какую-нибудь партію. Словомъ, безпорядокъ въ арміи былъ такъ великъ,

что самый искусный генералъ въ мірѣ съ трудомъ могъ бы сдѣлать что-нибудь годное.

Послѣ того, какъ шведы удалились, вся Финляндія сдѣлалась подвластной Россійской имперіи и арміи не оставалось ничего болѣе, какъ вступить на зимнія квартиры.

Генералъ Кейтъ былъ посланъ въ Або, столицу Финляндіи, управленіе которой вполнѣ поручили ему, оставивъ при немъ достаточный отрядъ войска для охраненія этого новаго пріобрѣтенія; шестнадцать галеръ и два прама были оставлены въ Гельсингфорсѣ и пять галеръ въ Фридрихсгамѣ для защиты береговъ слѣдующею весною, до прибытія флота. Остальная часть арміи отправилась обратно въ Россію и фельдмаршалъ Ласи отправился вскорѣ ко двору, когда послѣдній возвратился въ Петербургъ.

Въ то время, какъ русская армія совершала эту счастливую кампанію въ Финляндіи, дворъ былъ въ Москвѣ, гдѣ ея величество короновалась.

Швеція дѣлала нѣсколько мирныхъ предложеній до начала военныхъ дѣйствій. Левенгауптъ посылалъ полковника Лагеркранца въ Москву, какъ я сказалъ выше; Лагеркранцъ согласился на предложенныя ему условія, но такъ какъ они были слишкомъ тяжки для шведовъ, то сеймъ отказался утвердить ихъ и Лагеркранцъ былъ арестованъ. Шведскій сеймъ отправилъ на его мѣсто барона Нолькена (Nolcken) съ новыми предложеніями; онъ не былъ счастливѣе своего предшественника. Императрица, оскорбленная чрезмѣрными претензіями, высказанными Швеціей въ началѣ ея царствованія, не хотѣла даровать ей мира иначе, какъ съ условіемъ, что Россіи уступятъ часть Финляндіи, и, какъ стало извѣстно, что Нолькенъ выражался слишкомъ свободно объ ея величествѣ и говорилъ даже, что нужно было бы произвести новый переворотъ въ пользу герцога Голштейнскаго, то ему приказали удалиться какъ можно скорѣе.

Герцогъ Голштейнскій, объявленный россійскимъ великимъ княземъ и законнымъ наслѣдникомъ имперіи, былъ также избранъ въ наслѣдники шведскаго королевства штатами, собравшимися въ Стокгольмъ на сеймъ. Они надѣялись чрезъ это достигнуть скорѣе мира. Три депутата были посланы къ русскому двору извѣстить его объ этомъ избраніи и убѣдить герцога отправиться въ королевство; порученіе это было возложено на графа Бонде

(Bonde), который жилъ нѣкогда долгое время въ Петербургѣ въ качествѣ министра герцога Голштейнскаго, на барона Гамильтона и барона Шеффера; они имѣли аудіенцію у великаго князя, когда дворъ возвратился въ Петербургъ, но его императорское высочество, предпочитая россійскую имперію королевству шведскому, отблагодарилъ ихъ, и они, пробывъ нѣсколько времени въ Петербургѣ, возвратились въ Швецію.

Дворъ возвратился въ Петербургъ въ декабрѣ мѣсяцѣ. Наконецъ, стали серьезно думать о мирѣ и устроился конгрессъ въ Або; россійскій дворъ послалъ туда генерала Румянцева и генералъ-лейтенанта Лубераса (Louberas) въ качествѣ полномочныхъ министровъ; со стороны Швеціи таковыми были сенаторъ баронъ Седеркрейцъ и статсъ-секретарь баронъ Нолькенъ; совѣщанія начались въ мартѣ 1743 г., но миръ былъ заключенъ лишь пять мѣсяцевъ спустя, какъ я объясню это въ своемъ мѣстѣ.

Къ концу этого года Левендаль оставилъ Россію. Онъ имѣлъ нѣсколько причинъ быть недовольнымъ; главною было то, что у него отняли жалованье по должности кирасирскаго полковника, которое могло доходить до 2,500 рублей или 5,000 нѣмецкихъ гульденовъ (такъ какъ императрица, поступивъ на престолъ, прекратила всѣ двойныя жалованья, получаемыя по разнымъ должностямъ, которыя были возложены на одно лицо. Поэтому, какъ Левендаль былъ генералъ-аншефомъ и полковникомъ кирасирскаго полка, котораго графъ Минихъ былъ прежде командиромъ, то за нимъ оставили только генеральское содержаніе). Онъ пожелалъ имѣть голубую ленту; ему не дали ея. Онъ не могъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ фельдмаршаломъ Ласи; критиковалъ его дѣйствія во время похода и написалъ графу Лестоку письмо, въ которомъ фельдмаршалъ Ласи не былъ представленъ въ хорошемъ свѣтѣ. Лестокъ отослалъ это письмо въ подлинникѣ къ фельдмаршалу, что было причиною весьма натянутыхъ отношеній между обоими генералами. Наконецъ, примѣры несчастій, постигшихъ нѣкоторыхъ иноземцевъ, возмущеніе гвардейцевъ близь Выборга и безпорядки, поселявшіеся мало по малу въ войскахъ, побудили его ходатайствовать о дозволеніи уѣхать на годъ въ Польшу для устройства тамъ своихъ домашнихъ дѣлъ; нѣсколько времени спустя, онъ сталъ просить объ увольненіи отъ службы

и для ходатайства о томъ отправилъ въ Петербургъ свою жену; она выхлопотала ему отставку послѣ многихъ затрудненій.

Въ тоже самое время попросился въ отставку и Кейтъ, но императрица, не хотѣвшая потерять разомъ двухъ лучшихъ своихъ генераловъ, сдѣлала все возможное, чтобы заставить его измѣнить свое намѣреніе. Она писала ему самыя любезныя письма, послала ему голубую ленту, увеличила его содержаніе и убѣдила его остаться. Она могла бы удержать его навсегда, если бы канцлеръ поступилъ съ нимъ хорошо и если бы брату его разрѣшили поселиться въ Россіи. Но дурныя продѣлки, совершенныя съ нимъ графомъ Бестужевымъ четыре года позднѣе, вынудили его просить отставки и никакія обѣщанія не могли уже убѣдить его остаться.

VIII.

Приготовленія къ походу.— Войска садятся на суда и походъ начинается.— Приготовленія шведовъ.— Распоряженія генерала Кейта.— Дѣйствія фельдмаршала Ласи.— Шведы оставляютъ свой постъ близъ Гангеуда.— Экспедиція генерала Кейта съ его эскадрою.— Сраженіе при Корпо.— Продолженіе дѣйствій фельдмаршала Ласи.— Предварительныя условія мира.— Положеніе, въ которомъ находилась Швеція.— Внутреннія смуты въ Швеціи.— Заключеніе мира.— Принцъ Голштейнскій избранъ въ наслѣдники.— Возвращеніе фельдмаршала Ласи съ арміей въ Россію.— Генералъ Кейтъ посланъ обратно въ Швецію.— Экспедиція генерала Кейта въ Швецію.— Открытіе заговора.—Армія располагается на квартирахъ въ Лифляндіи.

1743 г.

Сдѣлавъ нужныя распоряженія для возстановленія спокойствія, петербургскій дворъ подумалъ также о тѣхъ мѣрахъ, которыя были необходимы для того, чтобы продолжать войну съ еще бо̀льшими противу прежняго усиліями, и съ оружіемъ въ рукахъ принудить шведовъ исполнить все, чего ни потребуетъ Россія. Всѣ полки получили приказаніе заранѣе озаботиться о снабженіи себя всѣмъ необходимымъ и быть готовыми выступить по первому приказанію, и такъ какъ послѣ прошлогодняго счастливаго похода русскимъ нечего было опасаться десанта шведовъ на ихъ берега, то было рѣшено, что суда и галеры будутъ дѣйствовать съ бо̀льшей энергіей; что на галеры посадятъ какъ можно больше пѣхоты и что съ цѣлью усилить этотъ флотъ на петербургской верфи будетъ производиться поспѣшная работа. Было назначено открыть кампанію очень рано. Около конца марта мѣсяца самые отдаленные отъ Петербурга полки, кото-

рые во время предъидущаго похода оставались въ Лифляндіи, получили приказаніе отправиться въ столицу, чтобы сѣсть тамъ на суда.

Приготовленія не могли быть окончены ранѣе какъ 14-го мая, когда всѣ люди были посажены на галеры; войска получили провіантъ на два мѣсяца: половину сухарями и половину мукою.

Ея величество отправилась на галеру фельдмаршала Ласи, гдѣ отслушала литургію, послѣ чего подарила ему очень цѣнное кольцо и небольшой золотой крестъ съ мощами; поцѣловавъ его съ пожеланіемъ счастливаго похода, она удалилась въ свой дворецъ, изъ оконъ котораго она смотрѣла какъ уходили галеры, привѣтствовавшія ее на ходу выстрѣлами изъ пушекъ, и т. д.

15-го числа эта эскадра прибыла въ Кронштадтъ. Военныя суда были уже тамъ на рейдѣ; галеры вошли въ гавань и пробыли тамъ 16-го и 17-го числа по причинѣ противныхъ вѣтровъ. 18-го числа, когда вѣтеръ перемѣнился, онѣ вышли изъ гавани и стали въ боевомъ порядкѣ на рейдѣ, гдѣ бросили якорь. Императрица прибыла изъ Петербурга и отправилась на адмиральское судно, гдѣ она разговаривала нѣкоторое время съ фельдмаршаломъ Ласи и адмираломъ Головинымъ, послѣ чего она отправилась кушать въ Кронштадтъ и въ тотъ же день возвратилась въ Петергофъ.

Военный флотъ, посланный этотъ годъ русскими въ кампанію, состоялъ изъ 17-ти линейныхъ кораблей и 6-ти фрегатовъ. Имъ командовалъ адмиралъ графъ Головинъ, сидѣвшій на 110-ти пушечномъ кораблѣ «Великая Анна». Императрица была вынуждена переформировать еще три пѣхотныхъ полка, чтобы усилить экипажи судовъ.

Галерный флотъ, вышедшій изъ Кронштадта, состоялъ изъ 34-хъ галеръ и 70-ти канчибасовъ (cantschibasses); это небольшія турецкія суда, которыя могутъ вмѣстить каждое до 80-ти человѣкъ экипажа и на мѣсяцъ продовольствіе для нихъ. Генералы, командовавшіе этой эскадрой, подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала Ласи, были генералъ-аншефъ Левашевъ, генералъ-лейтенанты Брилли и графъ Салтыковъ, генералъ-маіоры Ведель, Лопухинъ и Стуартъ (Stouart); на судахъ были отправлены 9 пѣхотныхъ полковъ и 8 гренадерскихъ ротъ изъ гарнизонныхъ полковъ Выборга, Петербурга и Кронштадта; тутъ

же были размѣщены 200 донскихъ казаковъ съ ихъ лошадьми; эту конницу имѣли въ виду употребить для разъѣздовъ по непріятельской странѣ.

Фельдмаршалъ раздѣлилъ флотъ на три эскадры: передовая, подъ синимъ флагомъ, находилась подъ командою генерала Левашева, генералъ-лейтенанта Брилли и генералъ-маіора Веделя; она состояла изъ трехъ пѣхотныхъ полковъ и трехъ гренадерскихъ ротъ. Фельдмаршалъ Ласи находился въ кордебаталіи, подъ бѣлымъ флагомъ, съ генералъ-маіоромъ Лопухинымъ, тремя пѣхотными полками и двумя гренадерскими ротами; на аріергардной эскадрѣ, подъ краснымъ флагомъ, были три пѣхотныхъ полка и три гренадерскихъ роты подъ командою графа Салтыкова и генералъ-маіора Стуарта.

Съ этимъ флотомъ фельдмаршалъ Ласи выступилъ 19-го мая къ шведскимъ областямъ. Но такъ какъ Россія хотѣла послать въ походъ всѣ силы, которыя она могла бы собрать, то въ Петербургѣ продолжали работать надъ постройкой галеръ, и когда онѣ были окончены, то на нихъ посадили войска, присоединившіяся потомъ къ арміи, какъ мы увидимъ ниже.

Со стороны Швеціи дѣлались также нѣкоторыя приготовленія. Въ Торнео былъ собранъ корпусъ войскъ, съ которыми хотѣли попытать вторгнуться въ Финляндію. Въ эту сторону отправили генералъ-лейтенанта Стоффельна съ сильнымъ корпусомъ драгунъ и казаковъ, которыхъ нельзя было употребить на галерахъ. Онъ съумѣлъ такъ хорошо сдерживать непріятелей во все время похода, что они не могли предпринять ничего значительнаго.

Шведскій флотъ, который можетъ выходить изъ своихъ портовъ мѣсяцемъ ранѣе русскаго, отправился въ море уже въ началѣ апрѣля. Шведы сдѣлали незначительные десанты въ Финляндіи и на островѣ Аландѣ, захватили нѣсколько русскихъ карауловъ и прикрытій, и, наконецъ, сожгли часть лѣса, приготовленнаго, по распоряженію генерала Кейта, для постройки судовъ; Кейтъ приступилъ къ постройкѣ шести галеръ въ Або, и онѣ были окончены въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Генералъ Кейтъ, желая помѣшать непріятелямъ сдѣлать большіе успѣхи, послалъ генералъ-лейтенанту Хрущеву (Chrouschow) и генералъ-маіору Братке приказаніе сѣсть какъ можно

скорѣе съ полками, которые были подъ ихъ командою въ Гельсингфорсѣ и Фридрихсгамѣ, на 21 галеру, оставленную тамъ въ предъидущемъ году; я буду говорить ниже о всемъ томъ, что сдѣлалъ генералъ Кейтъ съ полками, бывшими у него подъ командою, и изложу теперь, какія были самыя значительныя дѣйствія флота фельдмаршала Ласи до соединенія его корпуса съ отрядомъ Кейта.

Противные вѣтры препятствовали фельдмаршалу Ласи идти съ флотомъ такъ скоро, какъ онъ того желалъ. Море близъ береговъ было еще покрыто въ нѣкоторыхъ мѣстахъ льдомъ и войска очень страдали отъ холода.

27-го мая галеры подошли къ Фридрихсгаму, гдѣ былъ устроенъ большой магазинъ для аммуниціи и фуража; въ гарнизонѣ стояли два пѣхотныхъ полка подъ командою полковника Каркеттеля. Фельдмаршалъ велѣлъ отправить туда больныхъ солдатъ и взялъ вмѣсто нихъ 100 гренадеръ изъ полковъ, остававшихся тамъ въ гарнизонѣ; флотъ былъ задержанъ тутъ противными вѣтрами до 31-го числа. Фельдмаршалъ былъ тѣмъ болѣе недоволенъ этой задержкой, что, по извѣстію, полученному отъ генерала Кейта, послѣдній былъ очень близко отъ непріятеля и что черезъ нѣсколько дней могло завязаться сраженіе между имъ и шведской эскадрой.

2-го іюня эскадра фельдмаршала Ласи прибыла въ Гельсингфорсъ; проходы между этимъ городомъ и Фридрихсгамомъ чрезвычайно узки; въ иныхъ мѣстахъ между скалами остается пространство шириною не болѣе какъ въ восемь или десять туазовъ, такъ что приходится пропускать одну галеру за другою, чтобы не сѣсть на мель или не наскочить каждую минуту на песчаную отмель или на скалу.

Въ Гельсингфорсѣ не было ни одного укрѣпленія и онъ не былъ даже обнесенъ стѣною; весь городъ состоялъ приблизительно изъ 300 домовъ, построенныхъ довольно хорошо по мѣстному образцу; но гавань его — лучшая въ Финляндіи — можетъ весьма удобно вмѣстить до 150 судовъ; въ нее можно войти и выдти оттуда при всякомъ вѣтрѣ. До взятія Гельсингфорса русскими, тамъ не было даже батареи для защиты проходовъ въ гавань; они построили четыре батареи, но разрушили ихъ при передачѣ города. Фельдмаршалъ взялъ изъ тамошняго гарнизона

200 человѣкъ и посадилъ ихъ на галеры, въ замѣнъ больныхъ, оставленныхъ въ городѣ. Тамъ командовалъ полковникъ Бреверпъ, имѣя подъ начальствомъ своимъ два пѣхотныхъ полка. Войска получили тамъ муки еще на 15 дней, такъ что армія запаслась хлѣбомъ до 15-го іюля.

Отъ генерала Кейта было получено извѣстіе о томъ, что онъ имѣлъ дѣло со шведскими галерами и одержалъ побѣду. Это извѣстіе было тѣмъ пріятнѣе, что въ арміи опасались услыхать противное. По этому случаю фельдмаршалъ велѣлъ отслужить молебенъ утромъ 5-го числа, и послѣ полудня двинулся со своимъ флотомъ. При выходѣ изъ гельсингфорскаго порта въ эту кампанію, въ первый разъ былъ устроенъ передовой отрядъ, состоявшій изъ двухъ галеръ и четырехъ канчибасовъ. Вѣтеръ былъ самый благопріятный и флотъ прошелъ болѣе 16-ти французскихъ лье менѣе чѣмъ въ 6 часовъ; къ вечеру галеры прибыли къ мѣстечку, называемому Паркала, гдѣ находится образованная природою хорошая гавань; въ ней удобно могутъ помѣститься до 100 галеръ.

6-го — флотъ совершилъ, утромъ, переходъ въ 12 французскихъ лье до Барра-Сунта (Barra-Sount); не доходя до этой мѣстности, есть проходъ, длиною въ 1,500 шаговъ, до того тѣсный, что имъ во многихъ мѣстахъ даже одной галерѣ трудно пройти, не ударившись о скалы. Послѣ полудня суда прошли еще 10 лье до Свартовы (Swart-ouwa), гдѣ фельдмаршалъ узналъ, что шведскій флотъ, состоявшій изъ 18-ти военныхъ судовъ, частію линейныхъ кораблей и частію фрегатовъ, стоялъ близь Гангеуда съ тѣмъ, чтобы не дать галерамъ фельдмаршала Ласи пройти далѣе и соединиться съ судами генерала Кейта. Графъ Ласи подвинулся, однако, съ флотомъ еще на 5 лье до Тверминне, лежащаго въ 4-хъ лье отъ Гангеуда, гдѣ ясно виднѣлся шведскій флотъ, стоявшій на якорѣ. Фельдмаршалъ Ласи, сопровождаемый всѣми генералами, отправился осматривать непріятельскій флотъ; они нашли, что два судна стояли именно на томъ пути, по которому должны были слѣдовать галеры, если бы онѣ стали продолжать свой путь. Море близь Гангеуда настолько глубоко, что самыя большія военныя суда могутъ подходить вплоть къ берегу.

8-го — былъ большой военный совѣтъ, на которомъ старались

отыскать всевозможныя средства, чтобы принудить непріятеля оставить занимаемую имъ выгодную позицію; ни одно изъ нихъ не удалось и, наконецъ, было рѣшено подождать русскій флотъ, и тогда посмотрѣть, будетъ-ли онъ въ состояніи сраженіемъ принудить шведовъ, чтобы они очистили проходъ.

Къ вечеру прибылъ къ фельдмаршалу флотскій капитанъ Головинъ и извѣстилъ его, что адмиралъ Головинъ съ русскимъ флотомъ былъ всего въ 10-ти лье отъ непріятеля и собирался атаковать его, лишь только дозволятъ обстоятельства, что онъ найдетъ удобный для того случай; но подобнаго случая не представилось и галеры остались на тѣхъ же мѣстахъ до 18-го іюня. Фельдмаршалу Ласи очень наскучило это затруднительное положеніе; онъ неоднократно посылалъ графу Головину приказаніе атаковать шведовъ, но тотъ не повиновался. Адмиралъ находилъ каждый день новыя отговорки для избѣжанія сраженія. Изъ числа приведенныхъ имъ причинъ была слѣдующая: въ морскомъ регламентѣ Петра I постановлено, что русскій флотъ никогда не долженъ вступать въ сраженіе съ шведскимъ, если не можетъ выставить трехъ русскихъ кораблей противъ двухъ шведскихъ, и такъ какъ у него было всего 17 кораблей противъ 12-ти, то ему недоставало одного до предписаннаго числа.

Часто бывали военные совѣты, генералы отправлялись ежедневно на сосѣдніе острова слѣдить за непріятелями, однако дѣло не шло впередъ. Оба флота стояли на якорѣ въ разстояніи двухъ лье другъ отъ друга; шведскій флотъ находился между галерами и русскими кораблями. Фельдмаршалъ приказывалъ галерамъ дѣлать время отъ время нѣкоторыя передвиженія, но все это ни къ чему не вело.

Въ то время, покуда галеры стояли въ Тверминне, армія была усилена пятью пѣхотными полками, которые генералъ-маіоръ Карауловъ привелъ на 14-ти галерахъ и 18-ти канчибасахъ, вновь построенныхъ въ Петербургѣ, такъ что послѣ этого присоединенія флотъ, находившійся подъ начальствомъ фельдмаршала Ласи, состоялъ изъ 48-ми галеръ и 98-ми канчибасовъ; вновь пришедшія суда были распредѣлены между всѣми тремя эскадрами.

18-го, утромъ, фельдмаршалъ послалъ, по просьбѣ адмирала Головина, русскому флоту 14 канчибасовъ. Адмиралъ хотѣлъ

взять оттуда солдатъ, усилить ими экипажи судовъ и затѣмъ, какъ онъ утверждалъ, атаковать непріятеля. Лишь только шведскій флотъ увидѣлъ движеніе канчибасовъ, какъ снялся съ якоря и поднялъ паруса, желая помѣшать канчибасамъ присоединиться къ кораблямъ. Русскій флотъ сдѣлалъ тоже самое и оба флота вышли въ открытое море. Надѣялись, что произойдетъ морское сраженіе, но обѣ стороны одинаково боялись начать его; произвели нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, не рѣшившихъ ничего, и оба флота разошлись съ наступленіемъ ночи, такъ что ни одинъ изъ нихъ не могъ похвалиться ни малѣйшимъ преимуществомъ надъ противникомъ. Русскія суда отплыли къ острову Гогланду, близь Ревеля, гдѣ онѣ простояли спокойно до заключенія мира, а шведскій флотъ отправился въ Карлскрону, гдѣ онъ сталъ отдыхать послѣ понесенныхъ имъ тяжкихъ трудовъ.

Между тѣмъ фельдмаршалъ Ласи, видя, что оба корабля, поставленные въ самомъ проходѣ близь Гангеуда, оставили это мѣсто и присоединились къ своему флоту, въ ту же минуту воспользовался удаленіемъ непріятелей; онъ подалъ сигналъ къ отплытію и счастливо прошелъ со своими галерами Гангеудскій мысъ. Къ вечеру сдѣлался густой туманъ, совершенно скрывшій его движеніе отъ непріятельскихъ судовъ, которыя виднѣлись русскимъ лишь въ отдаленіи.

23-го — фельдмаршалъ прибылъ со своимъ флотомъ въ Суттонгу, гдѣ онъ нашелъ генерала Кейта, стоявшаго со своей эскадрой въ очень выгодной позиціи. Кейтъ представилъ фельдмаршалу отчетъ о военныхъ дѣйствіяхъ его эскадры; привожу здѣсь извлеченіе изъ этого отчета.

16-го мая генералъ Кейтъ получилъ отъ генералъ-лейтенанта Хрущева (Chroutschew) извѣстіе, что онъ сѣлъ со своими людьми на 16 галеръ въ Гельсингфорсѣ и прибылъ съ этою эскадрою и двумя прамами на высоту Гангеуда. Вслѣдъ за этимъ генералъ тотчасъ же оставилъ Або и соединился, 17-го числа, съ галерами къ сѣверу отъ Гангеуда. Въ тотъ же день онъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовали всѣ флотскіе офицеры и полковые командиры; на немъ было рѣшено единогласно, что такъ какъ сила ихъ была равна непріятельской, то слѣдовало искать случая дать сраженіе сколь возможно скорѣе, и даже не дожидаясь генералъ-маіора Братке, который не при-

соединился еще къ эскадрѣ съ 5-ю фридрихсгамскими галерами. Былъ отданъ приказъ готовиться къ сраженію и идти впередъ по первому сигналу. Со стороны W. N. W. донесся пушечный выстрѣлъ, возвѣщавшій вечернюю зарю у непріятелей, которые, повидимому, стояли въ 4-хъ лье отъ русскихъ.

18-го мая генералъ Кейтъ вышелъ съ галерами изъ Гангеуда при ясной погодѣ, но не могъ далеко подвинуться, такъ какъ галерамъ пришлось вести прамы на буксирѣ и, кромѣ того, у этихъ береговъ нужно быть во многихъ мѣстахъ чрезвычайно осмотрительнымъ по причинѣ скалъ и отмелей. Одинъ изъ прамовъ наткнулся на скалу и пришлось употребить много времени, чтобы высвободить его; къ вечеру эскадра бросила якорь въ открытомъ морѣ, пройдя въ этотъ день не болѣе одной шведской мили или около двухъ французскихъ лье (NB. Шведскія мили составляютъ 10-ю часть градуса). Вечеромъ услышали два пушечныхъ выстрѣла и показался непріятельскій бригантинъ, крейсировавшій приблизительно на разстояніи одной мили отъ русскихъ галеръ.

19-го — эскадра двинулась утромъ, при крѣпкомъ вѣтрѣ, но такъ какъ все-таки приходилось буксировать прамы, то она не могла имъ воспользоваться; около 8-ми часовъ, галера, шедшая впереди, подала сигналъ, что она открыла непріятелей; генералъ отправился на своей галерѣ осмотрѣть ихъ; онъ увидѣлъ, что они стояли на якорѣ, приблизительно въ одной мили; тогда онъ далъ всей эскадрѣ сигналъ идти впередъ, но въ то время, когда онъ находился не болѣе какъ въ полумилѣ отъ шведовъ, они подняли паруса и прошли между двумя островами, гдѣ не было достаточно воды для прохода прамъ; такимъ образомъ, пришлось взять влѣво и обогнуть островъ, чтобы достигнуть непріятеля, но вѣтеръ, повернувъ вдругъ къ N. W., такъ скрѣпчалъ, что нельзя было болѣе вести прамы на буксирѣ; поэтому генералъ велѣлъ бросить якорь близь церкви Гитисъ (Hitis Chapelle)[1]).

20-го — противный вѣтеръ продолжалъ дуть до полудня, когда погода стихла; эскадра снялась съ якоря, но едва успѣла она пройти одну лье, какъ подулъ совершенно противный вѣтеръ, что заставило генерала подойти къ берегу. Сто человѣкъ было

[1]) На шведскихъ картахъ островъ Hüttis. Ред.

отправлено на шести шлюпкахъ, чтобы получить положительныя извѣстія о непріятелѣ и отыскать лоцмановъ; тѣ изъ лоцмановъ, которые до того были на судахъ, не знали пути дальше, а между этими скалами почти невозможно сдѣлать шагу, не рискуя ежеминутно стать на мель, если только на кораблѣ нѣтъ мѣстныхъ жителей, знающихъ прибрежье.

21-го мая эскадра тронулась въ 3 часа ночи, при тихой погодѣ; она прибыла къ полудню въ Юнгфернъ-Зундъ, представляющій собою чрезвычайно узкій проходъ между двумя островами. Шлюпки присоединились здѣсь къ флоту, не найдя, однако, лоцмановъ, такъ какъ всѣ деревни были оставлены жителями. Онѣ донесли, что при выходѣ изъ Юнгфернъ-Зунда они видѣли шведское судно, удалившееся при ихъ приближеніи. Къ вечеру примѣтили непріятельскій баркасъ, крейсировавшій въ одной милѣ отъ передоваго отряда.

22-го числа — эскадра, рано утромъ, двинулась въ путь въ тихую погоду; она прошла до полудня 3 мили, но тогда поднялся противный вѣтеръ и пришлось бросить якорь. Отрядили снова нѣсколько шлюпокъ для рекогносцировокъ и отысканія лоцмановъ; одна изъ нихъ привезла шведскаго канонира, забытаго на одномъ островѣ. Онъ объявилъ, что непріятельская эскадра состояла изъ 15-ти галеръ и такого же числа аспинъ (aspines), (это мелкія суда, вооруженныя 10-ю пушками), съ однимъ баркасомъ; что она ожидала на дняхъ подкрѣпленія, состоящаго изъ двухъ галеръ и одного прама, и что въ Швеціи вооружали еще 8 галеръ, которыя также могли уже быть въ пути. Прочія шлюпки, вернувшись вечеромъ, донесли, что онѣ нашли непріятельскую галеру на разстояніи одной мили отъ шведскаго флота, и что она отошла при ихъ приближеніи.

23-го — генералъ повторилъ приказаніе облегчить галеры и приготовиться къ сраженію; утромъ было отправлено 6 шлюпокъ и одинъ канчибасъ для рекогносцировки непріятеля и промѣровъ въ проходахъ; эскадра двинулась въ путь въ полдень; едва успѣла она пройти съ полъ-лье, какъ увидѣли, что непріятельская галера и два баркаса гнались за шлюпками; передовыя галеры стали грести сильнѣе, чтобы поддержать ихъ; непріятели, замѣтивъ это, стали подъ прикрытіе острова; эскадра не могла далеко пройти по причинѣ противнаго вѣтра. Усмотрѣли аріергардъ

шведской эскадры, состоявшій изъ 3-хъ галеръ и нѣсколькихъ небольшихъ судовъ. Генералъ направилъ на нихъ 4 галеры и всѣ шлюпки; завидѣвъ ихъ, шведы тотчасъ же обратились въ бѣгство, выстрѣливъ три раза изъ пушки, чтобы предупредить свой флотъ, стоявшій отъ нихъ въ полутора лье; русскія галеры заняли ту самую мѣстность, которую оставили шведы, и извѣстили генерала, что непріятель отступалъ.

24-го мая получено извѣстіе, что непріятели находились въ Корпо, гдѣ къ нимъ присоединился ихъ прамъ.

25-го — прибылъ генералъ-маіоръ Братке, съ пятью галерами, зимовавшими въ Фридрихсгамѣ. Онъ много потерпѣлъ отъ противныхъ вѣтровъ и бурь и потерялъ большую мачту съ своей галеры. Кейтъ раздѣлилъ свой флотъ на три эскадры, поручивъ передовую генералъ-лейтенанту, заднюю — генералъ-маіору и предоставилъ себѣ кордебаталію.

26-го, на разсвѣтѣ, увидѣли флагъ шведскаго адмирала и нѣсколько мачтъ другихъ галеръ, число которыхъ нельзя было опредѣлить навѣрно, такъ какъ онѣ стояли между островами. Генералъ велѣлъ тотчасъ же подать сигналъ къ нападенію на непріятеля, но едва успѣли сняться съ якоря, какъ шведы отошли по направленію къ Аланду. Тогда одинъ флотскій лейтенантъ былъ направленъ, съ десятью шлюпками и однимъ канчибасомъ, при подкрѣпленіи изъ двухъ галеръ, чтобы сдѣлать рекогносцировку; вернувшись, онъ донесъ, что видѣлъ 17 галеръ, полугалеру, галіотъ и два шмака (Schmacks) въ полномъ вооруженіи, что адмиралъ былъ въ аріергардѣ и шелъ на веслахъ вслѣдствіе противнаго вѣтра. Русская эскадра стала близь деревни, называемой Корпо. Острова образуютъ тамъ очень хорошую гавань, гдѣ галеры находятъ защиту во всякую бурю.

Кейтъ узналъ отъ прибрежныхъ жителей и шпіоновъ, что непріятели ожидали большаго подкрѣпленія, что контръ-адмиралъ Фалькенгренъ, командовавшій ихъ галерами, получилъ положительное приказаніе атаковать его, и такъ какъ къ тому же противные вѣтры и бури, не прекращавшіеся нѣсколько дней сряду, не дозволяли Кейту оставить занимаемую имъ мѣстность, то онъ сдѣлалъ всѣ распоряженія для хорошей обороны. Оба према были поставлены при входѣ въ гавань, вправо отъ этого

входа устроили 4-хъ пушечную батарею, чтобы лучше защитить доступъ въ нее.

Въ этомъ положеніи онъ оставался до 29-го, мая когда караульные передоваго отряда, стоявшіе на вершинѣ скалъ, извѣстили, что непріятельскій флотъ пришелъ въ движеніе. Получивъ это извѣстіе, генералъ отправился на гору, чтобы наблюдать самому за движеніемъ непріятелей; оттуда онъ увидѣлъ, что шведскія галеры шли на него тремя колоннами. Онъ велѣлъ пробить сборъ и разстановилъ галеры въ боевомъ порядкѣ, примѣняясь къ мѣстности. Около 11-ти часовъ утра непріятели выстроились въ линію противъ русскихъ, стоявшихъ отъ нихъ въ 1,500 туазахъ, и бросили якоря.

30-го мая оба флота оставались въ томъ же самомъ положеніи, не имѣя возможности предпринять что-либо вслѣдствіе дурной погоды и бывшей въ тотъ день грозы.

31-го—вѣтеръ значительно стихъ. Тогда нѣсколько шведскихъ галеръ показались изъ-за островавъ, куда онѣ стали въ предъидущій день, чтобы укрыться отъ грозы. Около полудня съ непріятельскаго прама подали сигналы ракетами и, немного минутъ спустя, съ того же прама сдѣлали нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, чтобы узнать, достигаютъ-ли русскихъ ядра; они упали близь батареи на берегу (которая находилась на 100 саженъ впереди русскихъ прамъ), но такъ какъ они не долетѣли до судовъ, то шведскій адмиралъ приказалъ шлюпкамъ подвести прамъ на буксирѣ. Въ 3 часа пополудни увидѣли, что весь шведскій флотъ, состоявшій изъ 18-ти галеръ, одного прама и разныхъ мелкихъ судовъ, подвигался одной линіей противъ входа въ гавань; въ 4 часа онъ находился отъ него лишь на разстояніи хорошаго пушечнаго выстрѣла. Офицеры, командовавшіе русскими прамами, попросили у генерала позволеніе открыть по немъ огонь, но онъ положительно запретилъ имъ это, не желая, чтобы былъ сдѣланъ одинъ выстрѣлъ прежде, чѣмъ непріятели подойдутъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Но когда вслѣдъ затѣмъ онъ увидѣлъ, что шведскій прамъ становился на якорь и готовился подставить бортъ, то велѣлъ сдѣлать два пушечныхъ выстрѣла изъ верхней батареи прамовъ: одно ядро пролетѣло надъ шведскимъ прамомъ, а другое попало въ его корму. Послѣ этого опыта, Кейтъ приказалъ всѣмъ батареямъ открыть огонь противъ не-

пріятеля. Онъ велѣлъ отвести въ сторону часть галеръ, не имѣвшихъ достаточно мѣста для маневровъ, и самъ сталъ близь береговой батареи, откуда онъ могъ лучше слѣдить за всѣми движеніями, такъ какъ батарея эта, какъ я уже замѣтилъ, была на 100 сажень ближе къ непріятелю, нежели суда.

Шведы, выстроившіеся въ линію передъ входомъ въ гавань, имѣли возможность дѣйствовать противъ русскихъ всѣми орудіями своего флота, между тѣмъ какъ послѣдніе могли противупоставить имъ лишь два прама и три галеры, которымъ былъ открытъ видъ на непріятеля. Однако, послѣ двухчасовой перестрѣлки, весьма сильной съ той и съ другой стороны, галера шведскаго адмирала была вынуждена выйти изъ линіи и скрыться за островомъ, бывшимъ отъ нея вправо. Нѣсколько времени спустя, непріятельскій прамъ послѣдовалъ ея примѣру и ушелъ за островъ, бывшій по лѣвую сторону отъ него; центръ ихъ продержался еще нѣкоторое время, но вынужденный принимать всѣ выстрѣлы, направляемые прежде и на прамъ, въ свою очередь удалился: въ 7 часовъ вечера пальба совершенно прекратилась.

Кейтъ не преминулъ бы преслѣдовать непріятеля, но такъ какъ вѣтеръ дулъ въ самый входъ въ гавань, то не было возможности выйти изъ нея, и поэтому послали только нѣсколько вооруженныхъ шлюпокъ и одинъ канчибасъ, чтобы преслѣдовать мелкія суда, сновавшія еще тамъ и сямъ. У русскихъ въ это сраженіе были убиты: 1 офицеръ и 6 нижнихъ чиновъ арміи и флота; сверхъ того, 8 человѣкъ ранено.

1-го іюня, на разсвѣтѣ, было донесено, что непріятели ночью отошли совершенно и уже потерялись изъ виду. Тогда отрядили двѣ шлюпки, чтобы разузнать о нихъ; онѣ донесли, что видѣли ихъ на якорѣ близь острова Рокшера (Rockschera), въ 5-ти миляхъ отъ мѣста сраженія. Весь день былъ употребленъ на починку прамовъ, пробитыхъ нѣсколькими ядрами близь ватерлиніи; нужно было также перетимберовать двѣ галеры, которыя были сильно повреждены; въ одной въ особенности открылась значительная течь вслѣдствіе большой щели, образовавшейся отъ сотрясеній при производившейся съ нея пушечной пальбѣ.

Або, гдѣ министры собрались на конгрессъ, отстоялъ всего на 7 или 8 миль отъ деревни Корпо, такъ что тамъ слышенъ былъ каждый пушечный выстрѣлъ, производимый сражающимися;

это возбудило большія опасенія въ министрахъ обѣихъ сторонъ; такъ какъ каждый находился между страхомъ и надеждой относительно исхода этого дѣла. Кейтъ захотѣлъ оставить ихъ еще 24 часа въ этомъ стѣснительномъ положеніи; шведы не могли себѣ представить, чтобы русскій генералъ могъ такъ медлить отправленіемъ извѣстія о пораженіи шведовъ, и начали уже торжествовать, когда прибылъ адъютантъ Кейта съ подробнымъ донесеніемъ о сраженіи.

2-го іюня генералъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено преслѣдовать непріятеля, лишь только будутъ починены поврежденныя галеры и атаковать его при первой возможности. Въ водѣ нашли якорь и 50 саженей каната, отрубленнаго непріятелемъ въ день сраженія.

4-го, когда все было приведено въ порядокъ, Кейтъ двинулся со своими галерами; пройдя три мили, онъ услыхалъ пушечный выстрѣлъ съ непріятельскаго флота, который считали въ двухъ миляхъ оттуда; два часа спустя, раздались два выстрѣла очень близко, и почти въ то же время увидѣли шведскій флотъ, стоявшій на якорѣ за островомъ, въ одной лье отъ русскихъ. Генералъ далъ тотчасъ же сигналъ къ сраженію. Всѣ три эскадры стали въ боевой порядокъ, но пока онѣ строились, непріятели подняли паруса и отошли. Русскій флотъ гнался за ними на всѣхъ парусахъ, но, пройдя около мили, подошелъ къ узкой мѣстности, гдѣ воды было не болѣе какъ на 11 футъ, такъ что прамы, будучи не въ состояніи пройти тамъ, были принуждены стать на якорь и галеры построились въ очень удобной гавани, образованной островами; мѣсто это называется Соттунга. Отступленіе шведовъ удивило русскихъ тѣмъ болѣе, что они знали, что на другой день послѣ сраженія шведы получили въ подкрѣпленіе фрегатъ и нѣсколько галеръ, такъ что флотъ ихъ не только равнялся русскому флоту, но еще превосходилъ его. Нѣсколько времени спустя, узнали, что на шведовъ навели страхъ маленькія лодки русскихъ маркитантовъ, которыя, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, подняли паруса и слѣдовали за русскимъ флотомъ. Непріятели, видя, что все море покрыто парусами, вообразили, что фельдмаршалъ Ласи прибылъ уже со своимъ флотомъ и что они поэтому были слишкомъ слабы, чтобы отважиться на новое сраженіе. Кейтъ, осмотрѣвъ мѣстность съ того

пункта, гдѣ онъ остановился съ своими галерами, нашелъ позицію эту весьма выгодною; это побудило его укрѣпиться тутъ и ожидать, чтобы фельдмаршалъ Ласи къ нему присоединился. Онъ велѣлъ построить семь батарей въ 4 или 5 пушекъ каждую для защиты различныхъ входовъ въ гавань.

8-го—такъ какъ вѣтеръ стихъ и благопріятствовалъ слѣдованію прамъ, то шлюпкамъ велѣли ихъ буксировать; они прошли благополучно при малой глубинѣ и были поставлены при выходѣ изъ гавани, обращенномъ къ непріятелю. Въ этомъ положеніи Кейтъ оставался до прибытія фельдмаршала Ласи. Чтобы внушить непріятелямъ страхъ и заставить ихъ думать, что онъ получилъ подкрѣпленіе, Кейтъ приказалъ выставить на галіотѣ, доставившемъ изъ Або съѣстные припасы для войскъ, вымпела, подобные тѣмъ, которые бываютъ на военныхъ корабляхъ и фрегатахъ. Онъ велѣлъ также загородить выходъ изъ гавани слѣва цѣпью изъ трехъ канатовъ, для того, чтобы непріятели не могли войти съ этой стороны; наконецъ, онъ сдѣлалъ наилучшія распоряженія, чтобы хорошо принять шведовъ въ случаѣ, если бы у нихъ явилась охота вернуться атаковать его.

Шведы, стоявшіе отъ него всего на разстояніи трехъ четвертей мили, построили, съ своей стороны, нѣсколько батарей на тѣхъ островахъ, за которыми они стояли; они дѣлали время отъ времени движенія, какъ-будто собираясь атаковать, однако не предприняли ровно ничего. Чтобы отнять у русскихъ всѣ средства получить о нихъ извѣстіе, они приказали жителямъ острововъ удалиться въ Швецію; часть повиновалась, но большинство, и въ особенности жители Аланда, покинули свои дома и удалились въ лѣса.

Фельдмаршалъ Ласи прибылъ 26-го іюня со своимъ флотомъ въ Соттунгу, какъ уже я сказалъ выше. Въ четыре часа пополудни передовой отрядъ извѣстилъ, что непріятельскій флотъ снялся съ якоря и отступилъ. Вслѣдъ за этимъ фельдмаршалъ приказалъ генералу Кейту двинуться со своею эскадрою и занять мѣсто, только что оставленное непріятелемъ. 24-го—фельдмаршалъ послѣдовалъ за нимъ съ своимъ флотомъ.

25-го онъ отправился съ генералами арміи осмотрѣть острова, лежавшіе впереди; они нашли шведскаго солдата, забытаго на маленькомъ островкѣ. Онъ показалъ имъ съ возвышенности непріятельскій флотъ, находившійся въ двухъ миляхъ отъ того

мѣста; нѣкоторыя суда стояли на якорѣ, другія уже подняли паруса. Съ этого дня русскіе не видѣли болѣе непріятельскихъ судовъ, такъ какъ шведскія галеры возвратились прямо въ Стокгольмъ, куда онѣ прибыли весьма кстати для усмиренія возмутившихся далекарлійцевъ, о чемъ я буду говорить въ послѣдствіи. Русскія галеры дошли въ тотъ день до Дегерби (Degerby), одного изъ островов близь Аланда.

26-го іюня былъ военный совѣтъ, на которомъ было единогласно рѣшено дойти до Руденгама (послѣдняго острова финляндскихъ шхеръ) и пройти при первомъ попутномъ вѣтрѣ къ шведскимъ берегамъ, чтобы высадить тамъ десанты.

Генералъ-маіоръ Братке былъ отправленъ съ 6-ю баталіонами на двѣнадцати галерахъ и нѣсколькихъ канчибасахъ, чтобы конвоировать суда, нагруженныя съѣстными припасами, которыя посылались въ Эстеръ-Ботнію для войскъ, находившихся тамъ подъ командою генералъ-поручика Стоффельна; такъ какъ съѣстныхъ припасовъ было тамъ чрезвычайно мало, то шведскія войска были принуждены отступить за неимѣніемъ продовольствія, а русскіе съ трудомъ держались въ этомъ краѣ.

27-го и 28-го — была очень бурная погода, не дозволившая флоту оставить то мѣсто, которое онъ занималъ. Послали канчибасы и шлюпки для развѣдываній и, возвратясь, они донесли, что нигдѣ не встрѣчали непріятельскаго флота, удалившагося къ берегамъ Швеціи.

29-го—фельдмаршалъ подалъ уже сигналъ къ отплытію, когда онъ получилъ письма отъ русскихъ министровъ на абосскомъ конгрессѣ, извѣщавшія его, что предварительныя условія мира были подписаны наканунѣ и что заключено перемиріе; поэтому они приглашали фельдмаршала не предпринимать болѣе ничего. Вслѣдъ затѣмъ галеры возвратились на оставленныя ими мѣста и пробыли тамъ до конца августа; тогда онѣ отплыли въ Россію.

Пора сказать, въ какомъ положеніи находилась Швеція. Сеймъ продолжался тамъ уже годъ и занимался главнымъ образомъ избраніемъ принца—наслѣдника престола; нѣсколько лицъ предъявили свои права, именно: датскій наслѣдный принцъ, принцъ Голштейнскій, епископъ Любскій, принцъ Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій и герцогъ Цвейбрюкенскій (de Deux Ponts); каждый изъ этихъ принцевъ имѣлъ свою партію, но главнѣйшими были принцъ

Голштейнскій, поддерживаемый Россіей, и датскій наслѣдный принцъ, который могъ оказать Швеціи сильную помощь въ войнѣ съ русскими; поэтому партія его была самая многочисленная, и было даже рѣшено, что если миръ не будетъ заключенъ до 4-го іюля, то его провозгласятъ въ этотъ день наслѣднымъ принцемъ Швеціи. Это много способствовало заключенію предварительныхъ условій мира на абосскомъ конгрессѣ, но такъ какъ тамъ было потеряно много времени на пренія, то до подписанія статей осталось не болѣе 6-ти дней. Лингенъ, подполковникъ шведской службы, былъ посланъ съ этимъ извѣстіемъ въ Стокгольмъ. Такъ какъ онъ не долженъ былъ терять времени ни минуты, чтобы прибыть туда во-время, то онъ отправился по кратчайшему пути, который идетъ черезъ островъ Аландъ, но когда онъ сошелъ тутъ на берегъ, то увидѣлъ, что всѣ жители покинули свои дома и ушли въ лѣсъ; онъ былъ вынужденъ пройти нѣсколько лье пѣшкомъ вдоль берега. Наконецъ, онъ встрѣтилъ старика, у котораго была старая лодка, треснувшая во многихъ мѣстахъ; не имѣя времени для отысканія другаго судна, пришлось рѣшиться воспользоваться ею, рискуя потонуть. Онъ, его слуга и старикъ сѣли въ лодку; двое были принуждены грести, а третій только и дѣлалъ, что выкачивалъ шляпой воду, лившуюся въ щели. Лингенъ употребилъ даже нѣсколько рубахъ, бывшихъ въ его чемоданѣ, чтобы заткнуть ими щели; наконецъ, они были столь счастливы, что пристали къ Швеціи. Лингенъ прибылъ въ Стокгольмъ въ тотъ самый день, когда должны были приступить къ избранію датскаго принца. Лодка, въ которой онъ совершилъ переѣздъ съ Аланда до шведскихъ береговъ, сохраняется въ Стокгольмѣ и показывается какъ большая рѣдкость. Безъ сомнѣнія, можно считать за чудо, что Лингенъ проѣхалъ такъ счастливо 12 шведскихъ миль по морю въ такой лодкѣ, въ которой немногіе рѣшились бы переправиться черезъ самую незначительную рѣчку.

Пріѣздъ Лингена въ Стокгольмъ далъ другой оборотъ дѣламъ въ Швеціи. Русскіе, бывшіе смертельными врагами шведовъ, стали ихъ друзьями, союзниками и защитниками, а датскій король, сына котораго они хотѣли избрать въ преемники шведскаго престола послѣ кончины ихъ короля, сдѣлался величайшимъ ихъ врагомъ. Русскій галерный флотъ, начавшій кампанію съ тѣмъ,

чтобы разорить берега Швеціи, былъ вынужденъ остаться нѣкоторое время на границахъ, чтобы усмирить внутреннія смуты и чтобы имѣть возможность подать помощь шведамъ въ томъ случаѣ, если бы на нихъ напала Данія.

Датскій король, узнавъ, что значительная партія противилась избранію его сына, съумѣлъ склонить нѣсколько областей въ свою пользу. Первая высказалась Далекарлія; крестьяне, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ нѣкоего Шединга[1]), служившаго прежде солдатомъ въ Пруссіи, и Врангеля (маіора Далекарлійскаго полка), пошли прямо на Стокгольмъ, гдѣ они хотѣли предписывать законы. Передъ городомъ расположили гвардейскій полкъ, расчитывая воспользоваться имъ для усмиренія бунтовщиковъ; но солдаты отказались дѣйствовать противу своихъ соотечественниковъ и дозволили даже далекарлійцамъ взять ихъ пушки, не оказавъ ни малѣйшаго сопротивленія. Король и нѣсколько сенаторовъ вышли имъ на встрѣчу, чтобы постараться успокоить ихъ, но они не хотѣли и слышать о примиреніи. Наконецъ, имъ обѣщали удовлетворить всѣ ихъ требованія и ихъ впустили въ городъ, гдѣ они разсѣялись по разнымъ кварталамъ, что̀ было причиною ихъ несчастія. Нѣсколько дней спустя, въ городѣ произошло большое смятеніе: сенаторъ, графъ Адлерфельдъ, хотѣвшій обратиться къ далекарлійцамъ съ рѣчью и успокоить ихъ, былъ убитъ. Гвардейцамъ снова приказали идти противъ бунтовщиковъ, но солдаты не повиновались. По счастливой случайности, галеры вошли въ тотъ самый день въ стокгольмскую гавань; сначала высадили на берегъ нѣсколько войскъ, которыя, не зная о случившемся, нисколько не затруднились разсѣять возмутившихся крестьянъ. Предводители ихъ были арестованы, Шедингу отрубили голову, а Врангеля лишили чиновъ и дворянства и, сверхъ того, осудили на вѣчное заключеніе; прочіе разошлись по домамъ.

Если бы это дѣло не было окончено такъ скоро, то возмущеніе сдѣлалось бы вскорѣ общимъ; провинціи Упландская, Седерманландская, Смоландская и Сканійская (Scanie) были наготовѣ также возмутиться, но такъ какъ первое возстаніе удалось такъ

---

[1]) Густавъ Шединъ (Schedin), бухгалтеръ на заводѣ въ Содеви, въ Далекарліи. *Ред.*

плохо, то остальные остереглись отъ обнаруженія своихъ замысловъ. Однако, половина Швеціи оставалась долго въ интересахъ датскаго короля; это дошло до того, что когда генералъ Кейтъ прибылъ въ Стокгольмъ, какъ я скажу ниже, то одного изъ адъютантовъ его, посланнаго куда-то курьеромъ, приняли за датскаго офицера, потому что на немъ былъ красный мундиръ, и почтовые смотрители совѣтовали ему остерегаться отъ противной партіи.

Сущность статей мирнаго договора, заключеннаго въ Або между Россіей и Швеціей, заключалась въ томъ, что послѣдняя уступитъ Россіи на вѣчныя времена Кюменегордскую область и Нислотскій (de Nyslot) округъ въ Саволакской области, въ Финляндіи, что рѣка Кюмень будетъ границей, которую опредѣлятъ коммисары, назначенные обоими дворами. Надъ этимъ работали нѣсколько лѣтъ, но дѣло о разграниченіи никогда не было окончено.

Принцъ Голштейнскій, епископъ Любскій, былъ избранъ наслѣдникомъ шведскаго королевства лично и съ его потомствомъ. Это избраніе поддерживалъ русскій дворъ; поэтому онъ считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться болѣе чѣмъ когда-либо въ дѣла Швеціи и даже предписывать этому королевству законы, но шведы скоро отдѣлались отъ этого и несогласія возобновились еще до истеченія года.

Вслѣдъ за тѣмъ, какъ арміи былъ объявленъ миръ, фельдмаршалъ получилъ отъ двора приказаніе отослать обратно войска, находившіяся въ Финляндіи; генералъ Кейтъ былъ посланъ въ Або, чтобы опредѣлить ихъ путь. Генералъ-поручикъ Стоффельнъ, дошедшій со своимъ войскомъ до Улы, получилъ приказаніе возвратиться, и мало по малу войска направились въ Россію; но прежде нежели оставить Финляндію, они извлекли изъ этой страны все, что только могли, такъ какъ намѣреніе двора было разорить эту провинцію и довести ее, несмотря на заключенный миръ, до такого плохаго состоянія, чтобы она долго не могла оправиться; генераламъ было даже неоднократно приказано непремѣнно исполнить это. Императрица, подавая, однако, видъ, будто она желаетъ возстановить полное согласіе со своими сосѣдями, велѣла роздать изъ магазиновъ, устроенныхъ въ Финляндіи, нѣ-

сколько тысячъ четвертей хлѣба крестьянамъ, чтобы они имѣли возможность засѣять свои поля.

По усмиреніи дѣла далекарлійцевъ, полагали, что спокойствіе въ Швеціи возстановлено, и фельдмаршалъ Ласи также получилъ отъ двора приказаніе возвратиться съ галерами въ Петербургъ. Къ концу августа онъ оставилъ островъ Дегерби, гдѣ армія его провела два мѣсяца.

14-го сентября флотилія галеръ прибыла къ мѣстечку, называемому Березовый Островъ, въ 90 верстахъ или 23-хъ французскихъ лье отъ Петербурга. Графъ Ласи послалъ оттуда своего адъютанта ко двору за приказаніями, а также чтобы узнать, когда и какимъ образомъ онъ долженъ былъ вступить со своимъ флотомъ въ столицу.

17-го—флотъ вынесъ весьма сильную бурю, посадившую на мель шесть галеръ, которыя совершенно были разрушены; двѣ другія были совершенно повреждены, но никто не погибъ, такъ какъ всѣ солдаты были уже на берегу.

20-го — фельдмаршалъ получилъ приказаніе отправить генерала Кейта съ 30-ю галерами въ Гельсингфорсъ, гдѣ онъ долженъ былъ дожидаться новыхъ инструкцій. Кейтъ двинулся 21-го, имѣя на своей эскадрѣ одинъ гренадерскій полкъ, состоявшій изъ десяти ротъ, взятыхъ отъ разныхъ полковъ, 9 пѣхотныхъ полковъ или 18 баталіоновъ, что̀ составляло вообще 11,000 человѣкъ. Генералы, командовавшіе подъ его начальствомъ, были: генералъ-поручикъ Салтыковъ, генералъ-маіоры Лопухинъ и Стуартъ.

Императрица послала фельдмаршалу Ласи свою собственную яхту, чтобы доставить его ко двору. Онъ сдалъ команду генералу Левашеву и отправился въ Петербургъ, куда, нѣсколько дней спустя, прибыли и галеры. Дворъ устроилъ большія празднества по случаю заключеннаго мира; празднованіе продолжалось нѣсколько дней сряду и войска, по сдачѣ галеръ въ адмиралтейство, были размѣщены на зимнія квартиры.

Возвращаюсь къ экспедиціи генерала Кейта и къ причинамъ этого распоряженія. Возстаніе далекарлійцевъ было, правда, усмирено, но еще не совсѣмъ окончено. Датскій король двинулъ нѣсколько отрядовъ войскъ къ границамъ Швеціи и такъ какъ онъ имѣлъ приверженцевъ во многихъ провинціяхъ, то весьма опа-

сались нападенія съ его стороны. Это побудило короля и шведскій сенатъ просить у петербургскаго двора о скорой помощи, какъ для борьбы съ датчанами, такъ и для окончательнаго усмиренія внутреннихъ смутъ. Генералъ Дюрингъ былъ съ этою цѣлью посланъ въ Петербургъ.

Россійскій дворъ съ удовольствіемъ воспользовался этимъ случаемъ доказать еще разъ свое могущество; къ тому же, интересы его требовали поддержать избраніе, сдѣланное въ пользу принца Голштейнскаго. Поэтому дворъ повелѣлъ генералу Кейту отправиться туда. Сущность данныхъ ему инструкцій заключалась въ томъ, что онъ долженъ былъ отправиться съ 11,000 человѣкъ, состоявшими подъ его командою, какъ можно скорѣе въ Швецію, состоять тамъ исключительно въ распоряженіи короля и представлять рапорты по своему корпусу прямо ея императорскому величеству, и такъ какъ Россія не имѣла тамъ министра, то ему было поручено исполнять въ то же время и эту должность.

Онъ много пострадалъ со своимъ войскомъ отъ холода и бурь, которыя ему пришлось вынести до прибытія на берега Швеціи, и русскія галеры, не бывавшія никогда въ кампаніи позже начала сентября, были принуждены оставаться на морѣ до конца ноября.

Никто, кромѣ Кейта, не справился бы съ подобной экспедиціей; ему приходилось бороться не только съ противными вѣтрами, бурями и холодомъ, но даже съ флотскими офицерами, которые часто являлись къ нему съ представленіями, что нѣтъ возможности плавать въ такую позднюю пору. Кейтъ, служившій долго въ Испаніи и совершавшій походы на галерахъ этой страны, зналъ лучше всякаго флотскаго офицера его эскадры, что возможно сдѣлать (если только захотѣть) съ этой частью флота, но мнѣніе его никѣмъ не поддерживалось. Онъ принималъ возраженія другихъ, поручалъ представлять ихъ письменно, и, положивъ въ карманъ не читанными, приказывалъ подать сигналъ къ отплытію; такимъ-то образомъ онъ прибылъ 4-го ноября на берега Швеціи, въ Фармундъ. Онъ оставилъ свои галеры въ этой гавани и отправился въ Стокгольмъ, гдѣ получилъ распредѣленіе для зимнихъ квартиръ, на которыя долженъ былъ размѣстить русскихъ генералъ-лейтенантъ графъ Салтыковъ; квартиры эти были распредѣлены вдоль береговъ въ Седерманландіи

(Sudermanie) и Остерготіи (Ostergothie), полки не имѣли лошадей для перевозки обозовъ, а страну хотѣли избавить отъ труда поставлять подводы, слѣдовательно, войска должны были совершить и этотъ переѣздъ на галерахъ. Но время года было чрезъ мѣру суровое, поэтому суда вовсе не подвигались; полки были, однако, вынуждены оставаться на нихъ до начала декабря, когда они сошли на берегъ въ Стаке, небольшой гавани въ четырехъ миляхъ отъ Стокгольма; мѣстные обыватели доставили подводы и войска вступили на указанныя имъ квартиры. Галеры были оставлены въ Стаке и два полка размѣщены по квартирамъ въ окрестности, чтобы охранять ихъ.

Русскія войска оставались въ Швеціи до іюня 1744 года; когда дѣла между Даніей и Швеціей были окончены къ этому времени миролюбиво, то Кейтъ получилъ приказаніе возвратиться въ Россію. Обратное плаваніе его было счастливѣе и онъ прибылъ 13-го августа со своимъ флотомъ въ Ревель.

Я говорилъ только что объ экспедиціи Кейта и о дѣлахъ Швеціи, пора возвратиться къ Россіи.

Въ то время, когда армія была въ походѣ, въ Петербургѣ открыли заговоръ противъ особы императрицы. Въ немъ принималъ участіе маркизъ Ботта, бывшій министръ венгерской королевы. Главныя лица, составлявшія заговоръ, были: Лопухинъ, оберъ-кригсъ-коммисаръ флота, жена его, которая была въ связи съ графомъ Левенвольде и съ огорченіемъ видѣла, что любовникъ ея томился въ заточеніи; Бестужева, невѣстка канцлера и родная сестра графа Головкина,—она не могла спокойно перенести несчастіе брата; подполковникъ Лопухинъ, сынъ оберъ-кригсъ-коммисара, камергеръ, по имени Лиліенфельдъ, и жена его съ нѣкоторыми другими, менѣе знатными лицами. Эти люди говорили въ своихъ собраніяхъ все, что только можно себѣ представить дурнаго объ императрицѣ, они желали найти кого-нибудь, кто бы предпринялъ новый переворотъ и сдѣлали къ этому нѣсколько попытокъ; говорили даже, что они подкупили лакея ея величества, который долженъ былъ убить ее; но такъ какъ я говорю это только по слухамъ, то и не могу выдавать всего за правду. Маркизъ Ботта, вызванный изъ Россіи и посланный къ берлинскому двору, былъ съ ними въ перепискѣ. Онъ началъ, какъ увѣряютъ, эту интригу по повелѣнію своего

двора, до отъѣзда своего изъ Петербурга, и подалъ заговорщикамъ надежду, что не только венгерская королева, но и король прусскій поддержатъ это дѣло; онъ открыто упоминалъ о королѣ во всѣхъ своихъ письмахъ и увѣрялъ, будто его прусское величество очень желалъ, чтобы императрица была свергнута съ престола и его зять и племянникъ возвращены изъ ссылки; однако король ничего не зналъ объ этомъ дѣлѣ.

Неосторожность подполковника Лопухина была причиною того, что все дѣло было открыто. Онъ пилъ за здоровье молодаго императора въ компаніи нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ и отзывался очень дурно о поведеніи императрицы. Нашлись люди, которые, желая сдѣлать карьеру, передали все слышанное. Маіоръ, по имени Фалькенбергъ, и кирасирскій корнетъ Бергеръ, первые извѣстили графа Лестока; имъ сказали, чтобы они сблизились еще болѣе съ подполковникомъ Лопухинымъ и вывѣдали отъ него всю его тайну; это удалось имъ, всѣ участники заговора были арестованы; ихъ судили: Лопухина, жену его, сына и Бестужеву наказали кнутомъ, отрѣзали имъ языкъ и всѣхъ сослали въ Сибирь.

Дѣло это едва не поссорило вѣнскій и петербургскій дворы, но венгерская королева отреклась отъ всего, что министръ ея говорилъ и дѣлалъ по этому предмету, и подкупила Бестужева, который такъ съумѣлъ дѣйствовать въ ея интересахъ, что оба двора сблизились болѣе чѣмъ когда-либо. Чтобы дать какое-нибудь удовлетвореніе императрицѣ, маркиза Ботту отозвали изъ Берлина и заключили на нѣсколько мѣсяцевъ въ крѣпость.

Вслѣдъ за провозглашеніемъ мира со Швеціей, думали ввести всѣ войска въ предѣлы имперіи и распредѣлить ихъ по губерніямъ, но дѣла, возникшія между Швеціей и Даніей, помѣшали выполненію этого проекта. Бо́льшая часть пѣхоты была размѣщена по квартирамъ въ окрестностяхъ Петербурга и въ Лифляндіи; всѣмъ полкамъ приказали быть наготовѣ двинуться слѣдующею весною, и съ этихъ-то поръ Россія содержитъ въ Финляндіи, Ингерманландіи, Лифляндіи и Курляндіи армію болѣе чѣмъ въ 120 т. человѣкъ, включая сюда и гарнизоны различныхъ городовъ.

IX.

Пріѣздъ принцессы Цербстской.—Дѣло маркиза де-ла-Шетарди.

1744 г.

Въ началѣ 1744 года дворъ отправился въ Москву и въ февралѣ мѣсяцѣ туда прибыла принцесса Цербстская со своею дочерью, которую она привезла, чтобы выдать ее замужъ за великаго князя. Императрица, желая, чтобы племянникъ ея женился, хотѣла дать ему въ супруги нѣмецкую принцессу; она послала своему министру въ Берлинѣ приказаніе переговорить по этому поводу съ министрами короля; его величество король прусскій предложилъ устроить бракъ съ принцессою Цербстскою, которая, будучи близкою родственницею великому князю, не отказалась отъ такого высокаго союза. Дѣло было скоро покончено, мать привезла ее въ Москву, гдѣ она приняла греко-восточную вѣру и сочеталась въ 1745 г. бракомъ съ великимъ княземъ.

Нѣсколько времени послѣ пріѣзда принцессы Цербстской къ русскому двору, съ маркизомъ де-ла-Шетарди случилась тамъ исторія, надѣлавшая много шуму. Министръ этотъ, принимавшій (какъ я уже говорилъ выше) большое участіе въ революціи въ пользу императрицы, льстилъ себя не безъ основанія надеждою, что ея императорское величество будетъ признательной за все, сдѣланное для нея Франціей. Первые мѣсяцы ея царствованія было основаніе надѣяться, что союзъ съ французскимъ королемъ будетъ предпочтенъ всякому другому. Покуда де-ла-Шетарди былъ въ Петербургѣ, онъ былъ всесиленъ при дворѣ, императрица не дѣлала никакого различія между имъ и своими собственными министрами, но когда онъ уѣхалъ, Алліонъ, занявшій его мѣсто, не съумѣлъ продолжать начатое такъ хорошо маркизомъ де-ла-Шетарди и дѣла Франціи мало по малу стали упадать. Тщетно надѣялись, когда открыли заговоръ, въ которомъ былъ замѣшанъ маркизъ Ботта, что удастся поссорить петербургскій дворъ съ вѣнскимъ. Графъ Бестужевъ, канцлеръ россійскій, стоялъ такъ горячо за интересы австрійскаго дома, что такая бездѣлица не могла заставить его перенести на другую сторону свою преданность; онъ даже нисколько не обсуждалъ предложеній, сдѣланныхъ версальскимъ дворомъ, и открыто объявилъ себя противни-

комъ всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ за Францію. Послѣдніе надѣялись, въ свою очередь, поставить дѣла въ лучшее положеніе, вызвавъ опять де-ла-Шетарди. Они нашли случай предложить императрицѣ, чтобы она выпросила его у французскаго короля. Она охотно согласилась на это и, такимъ образомъ, маркизъ де-ла-Шетарди былъ снова посланъ въ Россію. Онъ и всѣ приверженцы французской партіи въ Москвѣ надѣялись, что вскорѣ послѣ пріѣзда его канцлеръ будетъ, по крайней мѣрѣ, сосланъ. Де-ла-Шетарди былъ такъ убѣжденъ въ этомъ, что, проѣзжая черезъ Гамбургъ и Копенгагенъ, говорилъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Бестужевъ, предупрежденный о такихъ рѣчахъ, былъ чрезвычайно остороженъ, отнялъ у де-ла-Шетарди всякую возможность повредить ему и старался всѣми средствами помѣшать его замысламъ. Онъ подсылалъ къ нему шпіоновъ, велѣлъ слѣдить за всѣми его дѣйствіями и перехватывать его письма; наконецъ, съумѣлъ такъ ловко представить императрицѣ, до какой степени она вредила себѣ, сближаясь съ французскимъ дворомъ, и такъ увѣрилъ ее, что все, что онъ, Бестужевъ, ни предпринималъ, дѣлалось только для славы ея величеста и для блага ея имперіи, что императрица вполнѣ убѣдилась въ правотѣ своего министра и рѣшилась выслать де-ла-Шетарди. Однажды, рано утромъ, генералъ-аншефъ и генералъ-адъютантъ императрицы Ушаковъ отправился въ домъ, занимаемый французскимъ министромъ, и передалъ ему приказаніе ея величества оставить ея столицу въ теченіе двухъ часовъ: подводы и все остальное, необходимое для путешествія, было ему доставлено; гвардейскій унтеръ-офицеръ былъ прикомандированъ для конвоированія его до Лифляндіи, гдѣ его задержали еще нѣсколько мѣсяцевъ; послѣ этого его довезли до границы, гдѣ у него потребовали обратно знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и портретъ императрицы, пожалованные ему въ то время, когда онъ занималъ въ первый разъ постъ французскаго министра при петербургскомъ дворѣ; но драгоцѣнные камни съ ордена и портрета не были взяты обратно.

Съ этихъ поръ французскій и русскій дворы были въ холодныхъ отношеніяхъ другъ къ другу.

ЗАПИСКИ О РОССІИ ГЕНЕРАЛА МАНШТЕЙНА.

(Переводъ съ французскаго, съ подлинной рукописи).

Дополненіе къ Запискамъ о Россіи.

Обширность Россіи.—Перепись жителямъ.—Финансы.—Торговля.—Фабрики.—Рудники.—Оружейные заводы.— Успѣхи наукъ и академія.—Войско.—Артиллерія.—Инженеры.—Флотъ.—Образъ правленія.—Законы.—Общій духъ русскаго народа.

1727—1745

Легко можетъ случиться, что въ числѣ лицъ, которыя будутъ читать эти Записки, найдутся и такія, которыя довольно плохо знаютъ Россію, или же, слыхавъ и прочитавши о ней что-нибудь, составили себѣ совершенно превратное понятіе, какъ объ этой націи вообще, такъ и о всемъ, касающемся формы правленія этой имперіи. Это побудило меня войти въ нѣкоторыя подробности и изложить, насколько позволятъ мои свѣдѣнія, тѣ перемѣны, которыя произошли въ ней въ послѣднія шестьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ.

Никто не станетъ спорить съ нами о томъ, что Россія есть одно изъ самыхъ обширныхъ государствъ извѣстной намъ населенной части земнаго шара: она заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе земли, чѣмъ вся остальная Европа, взятая вмѣстѣ; длина ея границъ отъ Лифляндіи до Камчатки, или края, противолежащаго Японіи, превышаетъ двѣнадцать тысячъ верстъ, что составляетъ тысячу семьсотъ четырнадцать нѣмецкихъ миль[1]), а въ ширину

[1]) Я считаю семь верстъ за одну нѣмецкую милю. Прим. Авт.

она простирается отъ сорокъ четвертаго градуса сѣверной широты до семидесятаго градуса и далѣе.

Эта обширная имперія, однако, далеко не столь хорошо обработана и не такъ населена, какъ бóльшая часть прочихъ областей Европы; въ ней есть нѣсколько пустыхъ пространствъ въ двадцать, тридцать и даже пятьдесятъ нѣмецкихъ миль, гдѣ не встрѣтишь живой души, хотя часть этихъ пустынь лежитъ въ очень хорошемъ климатѣ и почва ихъ самая благодарная. Правда, что въ иныхъ мѣстахъ недостаетъ лѣса и воды, за то въ другихъ есть все потребное для человѣческой жизни, но не достаетъ людей, которыхъ можно было бы поселить тамъ, и эта имперія легко могла бы продовольствовать втрое болѣе жителей, чѣмъ сколько въ ней теперь считается. Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ подробностямъ.

По послѣдней ревизіи, произведенной въ 1744 и 1745 годахъ, оказалось въ областяхъ, составляющихъ собственно Россію, семь милліоновъ душъ мужскаго пола, начиная отъ четырехлѣтняго до шестидесятилѣтняго возраста, которыя платятъ подушную подать. Можно предположить, что женщинъ, малолѣтнихъ и стариковъ будетъ восемь милліоновъ. Численность русскаго дворянства, съ его семействами, доходитъ, вѣроятно, до пятисотъ тысячъ душъ. Канцелярскихъ чиновниковъ и писцовъ, составляющихъ особый классъ, насчитываютъ, съ ихъ женами и дѣтьми, до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, и духовенства, съ семействами, до трехъ сотъ тысячъ душъ. На Лифляндію, Ингерманландію и Финляндію, которыя не обложены подушною податью, полагаютъ до шести сотъ тысячъ душъ и на украинскихъ, донскихъ, яикскихъ казаковъ, равно и на разныя племена язычниковъ, населяющихъ Сибирь, границы Китая и Японіи, милліонъ восемьсотъ тысячъ душъ. Все это число, взятое вмѣстѣ, составляетъ восемьнадцать милліоновъ четыреста тысячъ душъ.

Доходы, получаемые государемъ съ этихъ обширныхъ владѣній, также не соотвѣтствуютъ величинѣ имперіи; они могутъ доходить не болѣе какъ до двѣнадцати или тринадцати милліоновъ рублей, что составляетъ около шестидесяти пяти милліоновъ французскихъ ливровъ, считая пять ливровъ за рубль. Я прилагалъ большое стараніе, чтобы ознакомиться подробно съ различными статьями дохода и имѣлъ въ виду сказать объ этомъ что-либо

вѣрное, но этого я никогда не могъ достигнуть: различныя коллегіи, завѣдывающія доходами, сохраняютъ этотъ предметъ въ глубочайшей тайнѣ.

Подушная собирается только съ лицъ мужскаго пола, начиная съ четырехъ и до шестидесятилѣтняго возраста; въ нее включены какъ мѣщане, такъ и крестьяне; съ мѣщанъ взимается сто двадцать, а съ крестьянъ семьдесятъ четыре копѣйки съ головы. По обыкновенному счету, рубль составляетъ одинъ талеръ и восемь нѣмецкихъ грошей, и пять французскихъ ливровъ. Сто копѣекъ составляютъ одинъ рубль.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ императрица Елисавета увеличила подушную подать на десять копѣекъ съ головы, для пополненія чрезвычайныхъ расходовъ, которые ей пришлось сдѣлать для сформированія пятидесяти новыхъ баталіоновъ.

Хотя эти доходы кажутся незначительными сравнительно съ величиною имперіи, однако ихъ достаетъ не только на обыкновенныя нужды государства, но и на чрезвычайные расходы.

Петру I доставало ихъ на великія его предпріятія и на тѣ новыя учрежденія, которыя онъ устраивалъ во время своего царствованія. Это было тѣмъ легче, что бо̀льшая часть его министровъ и даже самъ канцлеръ служили безъ малѣйшаго жалованья, а русскіе офицеры и солдаты получали самое ничтожное содержаніе.

Но въ царствованіе Анны казалось, что скоро окажется въ государствѣ недостатокъ въ деньгахъ. Роскошь, введенная въ самомъ началѣ ея царствованія, стоила громадныхъ суммъ; въ тоже время увеличили жалованье всѣмъ офицерамъ, которыхъ уравняли во всемъ, какъ я сказалъ выше. Однако, нашлось достаточно средствъ для веденія войны съ Польшей и съ турками, при чемъ обошлись безъ новыхъ налоговъ.

Графъ Минихъ, стоявшій во главѣ военныхъ силъ, устроилъ дѣла такъ хорошо, что армія, которой платятъ въ мирное время по третямъ и то по истеченіи срока, получала содержаніе за каждый мѣсяцъ впередъ, и дворъ имѣлъ еще средства раздавать награды всякій разъ, какъ войска переносили чрезвычайныя трудности или совершали что-нибудь замѣчательное. Такъ напримѣръ, вся армія, бывшая подъ командою фельдмаршала Миниха въ Крыму, въ 1736 г., получила третное содержаніе. Войску, взяв-

шему Очаковъ, пожаловано столько же; гарнизонъ, защищавшій эту крѣпость отъ турокъ, былъ награжденъ въ тѣхъ же размѣрахъ, не считая значительныхъ подарковъ генераламъ и другимъ офицерамъ, розданныхъ въ разное время.

Надобно, однако, сознаться, что нельзя было бы поступать такъ и на будущее время, если бы пришлось совершить еще два похода противъ турокъ, такъ какъ расходы по этой войнѣ были весьма значительны, какъ это можно усмотрѣть изъ моего повѣствованія объ этихъ кампаніяхъ.

Слѣдуетъ также признаться, что русская армія не могла бы выдержать нѣсколько лѣтъ сряду походовъ вдали отъ собственныхъ своихъ границъ, особенно въ земляхъ, гдѣ продовольствіе и все необходимое для содержанія войска дороже, чѣмъ въ Россіи, такъ какъ жалованье, достаточное покуда армія находится въ странѣ, гдѣ все очень дешево, становится слишкомъ неудовлетворительнымъ, когда войска вступаютъ въ землю, гдѣ все дороже. Поэтому дворъ былъ принужденъ увеличивать содержаніе на половину всякій разъ, когда приходилось отрядить нѣсколько вспомогательныхъ корпусовъ, какъ это было въ царствованіе Анны, когда она послала восемь пѣхотныхъ полковъ на Рейнъ, въ 1735 году, въ царствованіе Елисаветы, когда Кейтъ былъ отправленъ съ одиннадцатью тысячами человѣкъ въ Швецію, и когда, въ 1748 году, вспомогательный корпусъ войскъ выступилъ на помощь австрійскому дому противъ Франціи. Вообще легко доказать, что въ Россіи не достаетъ наличныхъ денегъ, такъ какъ нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ платить двѣнадцать, пятнадцать и даже двадцать процентовъ въ годъ.

При прежнихъ царяхъ доходы были еще меньше, нежели теперь; они увеличились лишь со времени Петра I. Безпрерывныя войны, которыя этотъ государь велъ во все свое царствованіе, и великія его предпріятія принудили его увеличить болѣе чѣмъ вдвое подати, платимыя его государствомъ.

Одну изъ главныхъ причинъ, почему деньги такъ рѣдки въ Россіи, составляетъ подозрительность—недостатокъ, преобладающій въ этомъ народѣ; русскіе не довѣряютъ даже и ближайшимъ родственникамъ; множество купцовъ, наживъ деньги торговлею, зарываютъ ихъ въ мѣста, извѣстныя имъ однимъ, и умираютъ, большею частью, не открывъ того никому. Такимъ образомъ, въ

Россіи предполагаютъ, что въ нѣдрахъ ея земли заключается несравненно болѣе денегъ, нежели ихъ находится въ обращеніи въ народѣ; иначе имперія эта должна бы быть чрезвычайно богата, такъ какъ въ теченіе двухсотъ лѣтъ въ нее поступили громадныя суммы, а деньги вывозятся лишь въ томъ случаѣ, когда войска посылаются за границу, что̀, впрочемъ, составляетъ бездѣлицу въ сравненіи съ остальнымъ. Изъ европейскихъ націй, торгующихъ съ Россіей, нѣтъ ни одной, торговый балансъ которой не склонялся бы въ пользу этой имперіи.

Что же касается торговли, то Россія имѣетъ такое выгодное положеніе и представляетъ столько удобствъ, что весьма немногія государства Европы могутъ съ нею сравниться въ этомъ отношеніи. Обширное протяженіе этой имперіи доставляетъ ей невѣроятное множество товаровъ и почти все необходимое для жизни, такъ что даже, если одна область терпитъ недостатокъ въ чемъ либо, то другая легко можетъ пополнить его. Въ ней множество судоходныхъ рѣкъ, расположенныхъ такъ выгодно, что отъ Петербурга до границъ Китая можно перевозить все водою, исключая небольшое пространство въ пятьсотъ верстъ, или около семидесяти нѣмецкихъ миль, что чрезвычайно облегчаетъ провозъ съѣстныхъ припасовъ и товаровъ.

Самый провозъ сухимъ путемъ обходится очень дешево, и отъ Москвы до Петербурга, на разстояніи болѣе чѣмъ въ сто нѣмецкихъ миль, платятъ обыкновенно зимою, когда все провозится по санному пути, съ пуда, или сорока фунтовъ, восемь, девять и, самое бо̀льшее, двѣнадцать копѣекъ, что̀ составляетъ четыре нѣмецкіе гроша, или немного болѣе половины французскаго ливра.

Благодаря этой дешевизнѣ, внутренняя торговля имперіи, какъ оптовая, такъ и розничная, всегда была предоставлена русскимъ подданнымъ, и иностранцы никогда не получали дозволенія ввозить свои товары внутрь страны, или покупать русскіе товары въ областяхъ и потомъ перевозить ихъ на свой счетъ къ приморскимъ пристанямъ. По закону, ни одинъ иностранный купецъ не имѣетъ даже права покупать въ морскихъ пристаняхъ русскіе товары отъ другаго иностранца, а долженъ скупать ихъ у русскихъ. Иностранцу дозволяется, правда, законтракто-

вывать товары въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ, но самые товары выдаются ему не иначе, какъ на пристани.

Россійскіе государи постоянно старались обезпечить эту торговлю за своими подданными, и когда англичане, въ 1716 году, ходатайствовали о предоставленіи имъ права свободной торговли съ Казанью и Астраханью, то Петръ I счелъ за лучшее отказаться отъ выгоднаго союза, который онъ могъ бы заключить съ Англіей, чѣмъ удовлетворить подобную просьбу.

Однимъ только армянамъ дозволено перевозить персидскіе товары изъ Астрахани въ Петербургъ, нагружать ихъ тутъ на суда, идущія за границу, и точно такимъ же образомъ вывозить оттуда товары, доставляемые имъ изъ Европы; однако, принимаютъ большія предосторожности для того, чтобы они не могли ничего продавать въ Россіи. Тюки ихъ запечатываются нѣсколькими печатями въ той русской гавани, куда они приходятъ, и армяне обязаны представить ихъ въ этомъ видѣ въ томъ портѣ, откуда они отправляютъ товаръ. Такъ какъ эта торговля доставляетъ значительный доходъ таможнѣ и не приноситъ никакого ущерба русскимъ подданнымъ, то ее всегда оставляли неприкосновенною. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ и англичанамъ разрѣшено вести торговлю съ Персіей на Каспійскомъ морѣ, но они также не смѣютъ продавать свои товары въ Россіи.

Торговля русскихъ съ иностранцами раздѣляется на сухопутную и морскую. Русскіе торгуютъ сухимъ путемъ съ Китаемъ, калмыками, бухарцами, съ Персіей, Крымомъ, Турціей, Польшей, Силезіей и Пруссіей. Для морской торговли существуетъ нынѣ десять портовъ, именно: Рига, Перновъ, Ревель, Нарва, С.-Петербургъ, Выборгъ, Фридрихсгамъ, Архангельскъ, Кола и Астрахань. Въ эти порты приходитъ ежегодно отъ тысячи пятисотъ до тысячи семисотъ иностранныхъ судовъ.

Первый торговый трактатъ Россія заключила съ Англіей въ царствованіе королевы Елисаветы; въ это время и даже до начала нынѣшняго столѣтія Россія имѣла одну только извѣстную гавань — Архангельскъ; но Петръ I, покоривъ Лифляндію, Ингерманландію и Финляндію, пріобрѣлъ съ этими провинціями нѣсколько другихъ портовъ и захотѣлъ сдѣлать Петербургъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ товаровъ, которые получаются изъ его обширныхъ владѣній. Этотъ государь старался вначалѣ

склонить своихъ подданныхъ перевозить товары въ его новую столицу; для этого онъ даровалъ имъ многія привиллегіи и уменьшилъ таможенную пошлину на тѣ товары, которые они стали бы перевозить въ Петербургъ; но русскіе купцы никогда не могли рѣшиться на подобную перемѣну. Чтобы принудить ихъ къ этому, императору пришлось употребить свою власть. Въ 1722 г. онъ запретилъ имяннымъ указомъ перевозить въ Архангельскъ какіе бы то ни было товары, кромѣ тѣхъ, которые добывались въ предѣлахъ этой губерніи. Этотъ указъ вызвалъ сначала сильный ропотъ между русскими и иностранными купцами и былъ причиною многихъ банкротствъ; но, привыкнувъ мало по малу съѣзжаться въ Петербургъ, купцы нашли его выгоднѣе для себя, нежели Архангельскъ, къ которому суда могли приходить лишь разъ въ годъ, тогда какъ они могутъ совершать два путешествія въ Петербургъ, не считая другихъ выгодъ, которыя торговцы могутъ извлечь отъ близости нѣсколькихъ торговыхъ городовъ, а ими они не могли пользоваться, вслѣдствіе отдаленія ихъ въ Архангельскѣ отъ всей остальной Европы.

Главнѣйшіе товары, вывозимые изъ Россіи, суть слѣдующіе: хлѣбъ, кожи, желѣзо, холстъ, пенька, лѣсъ, поташъ, смола, сало, воскъ, медъ, множество пушныхъ товаровъ, ревень, шкуры, икра, рыбій клей, рогожи и т. п.

Въ замѣнъ русскіе получаютъ изъ-за границы: сукна, тонкое полотно, пряности, вино и вообще все необходимое для роскоши, что составляетъ теперь значительную статью привоза, какъ это можно было замѣтить, читая эти Записки.

Въ теченіе двухъ лѣтъ, 1740 и 1741 года, когда дѣлами торговли управлялъ баронъ Менгденъ, ежегодный доходъ Россіи простирался до трехсотъ тысячъ рублей, не считая въ этомъ числѣ таможенныхъ пошлинъ. Доходъ этотъ могъ бы значительно увеличиться, если бы русскій народъ не предпочиталъ своего спокойствія опасностямъ мореплаванія. Петръ I, во время своего царствованія, старался всѣми силами сдѣлать своихъ подданныхъ хорошими купцами и склонить ихъ, чтобы они сбывали произведенія его государства не чрезъ посредство иностранцевъ, но сами нагружали товарами суда, построенныя въ Россіи, и отвозили эти товары за границу, какъ это дѣлаютъ всѣ прочія торговыя націи.

Императоръ сдѣлалъ попытку къ этому уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія; онъ послалъ русскаго купца Соловьева въ Амстердамъ, съ цѣлью основать тамъ русскую контору, а для того, чтобы облегчить ему успѣхъ, ему не только дали нѣсколько порученій отъ двора, но предоставили значительныя привиллегіи по торговлѣ его съ Россіей. Такъ какъ Соловьевъ былъ человѣкъ весьма ловкій и обладавшій необходимымъ запасомъ ума, то онъ съумѣлъ такъ воспользоваться всѣми обстоятельствами, что нажилъ въ нѣсколько лѣтъ значительный капиталъ. Его честный образъ дѣйствій пріобрѣлъ ему дружбу и довѣріе всѣхъ купцовъ Голландіи. Но когда Петръ I былъ въ Амстердамѣ въ 1717 г., то нѣсколько придворныхъ сановниковъ, не любившихъ Соловьева за то, что онъ не потворствовалъ ихъ корысти, нашли средство очернить его въ глазахъ императора, который велѣлъ схватить этого купца, посадить на судно и увезти въ Россію. Это было причиной совершеннаго упадка русской торговли въ Голландіи, и всѣ амстердамскіе купцы стали опасаться имѣть дѣло съ русскими торговцами, такъ что не было уже возможности основать тамъ прочное заведеніе.

Петръ I хотѣлъ испытать другое средство; онъ вознамѣрился продавать товары своей имперіи въ тѣхъ государствахъ, которыя не вели непосредственной торговли съ Россіей, и заставилъ самыхъ богатыхъ негоціантовъ своей страны нагрузить значительное количество пеньки, льна, канатовъ, воска и т. д. на суда, доставленныя имъ отъ адмиралтейства; къ этому онъ прибавилъ множество чугунныхъ пушекъ, мортиръ, бомбъ, ядеръ и якорей, и послалъ все это въ Бордо и Кадиксъ, куда заранѣе были отправлены русскіе консулы; но предпріятіе удалось такъ плохо, что издержки поглотили значительную часть капиталовъ, а участники дѣла получили очень мало прибыли.

Наконецъ, государь этотъ надѣялся внушить своимъ подданнымъ склонность къ заграничной торговлѣ и мореплаванію, издавъ указъ, въ которомъ было постановлено, что въ случаѣ если русскій подданный захотѣлъ бы вести торговлю на свой счетъ на суднѣ, построенномъ въ Россіи, то въ его пользу будетъ уменьшена на одну четверть пошлина, которую онъ долженъ будетъ уплатить въ таможнѣ какъ за русскіе товары, посылаемые имъ за границу, такъ и за иностранные, привезенные на своемъ

суднѣ въ Россію; но эта мѣра ни къ чему не повела, такъ какъ при жизни императора ни одинъ купецъ не рискнулъ предпринять поѣздку моремъ.

Въ царствованіе Анны нѣсколько русскихъ хотѣли испытать этимъ путемъ счастія, но неумѣлость мореходцевъ, бывшихъ на судахъ, доходила до того, что всѣ корабли погибли и большая часть изъ нихъ потерпѣла крушеніе даже въ виду Кронштадта. Эта неудача внушила русскимъ такое отвращеніе отъ мореплаванія, что съ того времени никто уже не хотѣлъ отважиться на малѣйшее предпріятіе.

Самую значительную торговлю въ Россіи ведетъ Англія, хотя это доставляетъ ей мало прибыли, такъ какъ она вывозитъ изъ этой страны товаровъ, по крайней мѣрѣ, въ шесть разъ болѣе, нежели сколько она посылаетъ туда. Сами англичане сознаются въ этомъ, но необходимость заставляетъ ихъ поддерживать эту торговлю, такъ какъ они не могутъ обойтись безъ русскихъ товаровъ, какъ для собственнаго своего флота, такъ и для торговли съ Индіей и Италіей.

Одна изъ главныхъ заботъ Петра I въ отношеніи торговли состояла въ томъ, чтобы уменьшить, насколько возможно, ввозъ иностранныхъ товаровъ въ его владѣнія. Чтобы достигнуть этого скорѣе, онъ хотѣлъ устроить въ Россіи всѣ фабрики, которыя существуютъ въ прочихъ государствахъ Европы. Съ этой цѣлью онъ велѣлъ вызвать всевозможныхъ мастеровыхъ и ремесленниковъ изъ разныхъ странъ и назначилъ имъ значительное содержаніе со всѣми привиллегіями, которыя они могли пожелать.

Онъ послалъ также многихъ изъ своихъ подданныхъ за границу съ тѣмъ, чтобы они изучили различныя ремесла. Въ особенности императоръ желалъ, чтобы въ Россіи выдѣлывались хорошія полотна и сукна; узнавъ, что шерсть была слишкомъ груба отъ того, что овцы смѣшивались съ козами[1]), онъ велѣлъ вызвать нѣсколькихъ пастуховъ изъ Саксоніи и Силезіи, купить въ этихъ странахъ множество овецъ и отправить ихъ въ Украйну, чтобы завести тамъ лучшую породу овецъ.

Относительно полотенъ и скатертей были сдѣланы такіе успѣхи,

---

[1]) Въ подлинникѣ сказано: «parceque les brebis s'étaient mêlées avec les chèvres». Ред.

что этого мануфактурнаго произведенія не только достаетъ на всю страну и на флотъ, но и для отпуска въ большомъ количествѣ за границу.

Выдѣлка суконъ не пошла столь успѣшно: оно не только весьма дурнаго качества, но его не достаетъ даже и на обмундированіе самой меньшей части арміи. Кромѣ того, были основаны фабрики для выдѣлки камки и всякихъ другихъ шелковыхъ матерій; всѣ работавшіе на нихъ ремесленники пользовались очень большими привиллегіями и преимуществами.

Въ царствованіе же Петра I началось разработываніе рудниковъ; простой кузнецъ, по имени Демидовъ, основалъ первый горный заводъ. Человѣкъ этотъ, бывшій кузнецомъ при артиллерійскомъ корпусѣ, бѣжалъ изъ полка и былъ вынужденъ скрыться въ землѣ Контаиша (pays du Contaïsch), гдѣ онъ такъ съумѣлъ втереться въ дружбу къ калмыкамъ, что они дозволили ему разрабатывать чрезвычайно богатые мѣдные и желѣзные рудники, находящіеся въ ихъ странѣ. Въ послѣдствіи онъ былъ помилованъ русскимъ дворомъ и все еще сохранилъ довѣріе Контаиша: онъ даже дозволилъ Демидову укрѣпить окрестности рудниковъ, чтобы дать ему средство защищаться отъ непріятельскихъ партій, которыя вздумали бы тревожить его. Поселеніе это сдѣлалось мало по малу столь значительнымъ, что сынъ этого Демидова имѣетъ теперь сто тысячъ рублей годоваго дохода, и Россія, получавшая нѣкогда все необходимое для нея количество мѣди и желѣза изъ Швеціи, добываетъ у себя теперь совершенно достаточное количество этихъ металловъ и можетъ даже производить ими значительную торговлю за границей.

Въ царствованіе Анны рудники значительно увеличились; были открыты новые пріиски въ Сибири; императрица вызвала изъ Саксоніи барона Шемберга для приведенія ихъ въ порядокъ и поручила ему главное управленіе этимъ дѣломъ. Шембергъ, завѣдывавшій рудниками въ Саксоніи, зналъ основательно все, что необходимо для этихъ работъ и устроилъ ихъ наилучшимъ образомъ; но такъ какъ дворъ отдалъ ему въ то же время эти рудники въ аренду, то онъ много пріобрѣлъ черезъ нихъ и захотѣлъ жить сообразно получаемому доходу; это открыло глаза министерству, которое увидѣло, что заключенный контрактъ былъ

слишкомъ выгоденъ для Шемберга, а дворъ получалъ отъ него мало прибыли.

Уже въ царствованіе Анны начали привязываться къ Шембергу, но тогда не удалось сдѣлать его несчастнымъ; наконецъ, въ царствованіе Елисаветы враги нашли средство не только нарушить контрактъ, дворомъ съ нимъ заключенный, но даже арестовать и отдать его подъ судъ. Онъ просидѣлъ годъ въ тюрьмѣ и считалъ себя весьма счастливымъ, что получилъ свободу и позволеніе возвратиться въ Саксонію, отказавшись отъ всего нажитаго богатства. Между тѣмъ дворъ пользуется улучшеніями, введенными Шембергомъ въ горномъ дѣлѣ, и извлекаетъ изъ этихъ рудниковъ значительные доходы.

Въ числѣ заводовъ, основанныхъ въ царствованіе Петра I, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ является оружейный. Прежде Россія вовсе не имѣла подобнаго завода и была вынуждена выписывать все нужное оружіе изъ-за границы. Но когда Петръ I создалъ армію и построилъ флотъ, то ему пришлось позаботиться и о выдѣлкѣ оружія въ своихъ владѣніяхъ, и такъ какъ желѣзо въ нихъ имѣется превосходное, то ему нужны были лишь хорошіе оружейные мастера. Онъ вызвалъ изъ-за границы лучшихъ мастеровъ этого дѣла, назначилъ имъ большое жалованье и основалъ два завода: одинъ въ Тулѣ, маленькомъ городкѣ, лежащемъ въ ста восьмидесяти верстахъ по ту сторону Москвы, и другой въ Систербекѣ, небольшомъ городѣ, или, скорѣе, деревнѣ, въ двадцати семи верстахъ отъ Петербурга. Въ этихъ двухъ мѣстностяхъ все устроено такъ хорошо, что, по мнѣнію знатоковъ, ихъ осматривавшихъ, это въ своемъ родѣ образцовые заводы; они приводятся въ движеніе водяными мельницами.

Въ Тулѣ дѣлаютъ все нужное для сухопутнаго войска; дула огнестрѣльныхъ оружій превосходны; но до сихъ поръ не умѣютъ дѣлать хорошихъ ружейныхъ замковъ. Систербекскій заводъ, предназначенный преимущественно для флота, пришелъ въ упадокъ въ царствованіе Екатерины и Петра II, такъ какъ лучшіе мастера, вызванные Петромъ I съ большими издержками изъ-за границы, умерли, были отосланы или уволены въ отставку. Императрица Анна пожелала возобновить работы, поручила это дѣло генералъ-поручику артиллеріи Геннину (Hennin) и вызвала снова оружейныхъ мастеровъ изъ-за границы; имъ было дано нѣсколько

русскихъ для обученія мастерству. Геннинъ прилагалъ всевозможное стараніе, чтобы привести дѣла въ порядокъ, но когда я оставилъ Россію, Систербекъ не былъ еще въ томъ положеніи, въ которомъ онъ остался при кончинѣ Петра I.

Этотъ государь основалъ еще нѣсколько другихъ большихъ заводовъ въ разныхъ мѣстахъ Сибири, близь желѣзныхъ рудниковъ: самый значительный изъ нихъ Екатериненбургъ, новый городъ, построенный въ 1721 году. Онъ лежитъ въ пятистахъ пятидесяти верстахъ отъ Тобольска, въ провинціи Угоріи (Ougoria), посреди Уральскихъ горъ; тамъ приготовляютъ преимущественно чугунныя пушки и якори для флота, выдѣлываютъ сталь, полосовое желѣзо, и т. п. Всѣ машины, нужныя для этихъ работъ, также приводятся въ движеніе водяными мельницами. Большая часть мастеровыхъ—иностранцы, выписанные Петромъ I съ большими издержками изъ-за границы, и которымъ платятъ весьма значительное жалованье.

Говоря о новыхъ учрежденіяхъ, основанныхъ въ Россіи, я не могу не сказать нѣсколько словъ объ успѣхахъ наукъ въ этой имперіи.

При вступленіи на престолъ Петръ I засталъ весь свой народъ въ самомъ грубомъ невѣжествѣ; даже священники едва умѣли писать; главнѣйшія качества, требуемыя въ то время отъ духовнаго лица, заключались въ томъ, чтобы онъ могъ бѣгло читать и зналъ хорошо всѣ церковные обряды; если при всемъ этомъ у него была густая борода и суровый видъ, то онъ считался уже великимъ человѣкомъ. Одно только украинское духовенство имѣло нѣкоторую тѣнь образованія, но и то въ весьма незначительной степени; тѣмъ не менѣе, этихъ людей пришлось употребить для просвѣщенія остальныхъ. Петръ I, желая, чтобы подданные его, въ особенности духовенство, были болѣе образованы, поручилъ рязанскому архіепископу Стефану Яворскому основать школы при московскихъ монастыряхъ и въ другихъ подходящихъ мѣстахъ. Архіепископъ вызвалъ наставниковъ изъ Кіева и Чернигова и началось обученіе юношества, подвигавшееся, впрочемъ, очень медленно.

Нѣсколько лѣтъ спустя, императоръ, считая себя въ правѣ быть недовольнымъ этимъ архіепископомъ за то, что онъ не соглашался на измѣненія, которыя этотъ государь желалъ ввести

въ управленіе церковью, лишилъ его своего довѣрія. Въ 1709 г., послѣ счастливой полтавской битвы, онъ нашелъ въ кіевскомъ монастырѣ монаха, по имени Прокоповича, который въ молодости не только обучался въ Польшѣ у іезуитовъ, но даже провелъ нѣсколько лѣтъ въ Римѣ и бывалъ въ различныхъ академіяхъ Италіи, гдѣ пріобрѣлъ большую ученость; императоръ думалъ, что это духовное лицо болѣе подходитъ къ его цѣлямъ, вызвалъ его въ Петербургъ, пожаловалъ въ настоятели вновь построеннаго близь этой столицы Александро-Невскаго монастыря и поручилъ ему въ тоже время основать въ Россіи хорошія школы и академіи.

Прокоповичъ началъ съ обученія нѣсколькихъ молодыхъ людей въ школѣ, устроенной въ его собственномъ домѣ; когда они оказали нѣкоторые успѣхи, то онъ отправилъ ихъ въ иностранныя академіи, гдѣ они могли бы пріобрѣсти столько свѣдѣній, чтобы, по возвращеніи на родину, занять должности профессоровъ или наставниковъ въ тѣхъ академіяхъ, которыя намѣревались основать въ Россіи. Въ ожиданіи этихъ новыхъ заведеній, онъ велѣлъ продолжать обученіе юношества въ монастыряхъ, гдѣ имъ преподавали латинскій языкъ и первыя основанія философіи.

Прокоповичу не удалось, однако, исполнить своего намѣренія; нѣкоторые молодые люди, посланные имъ за границу, вовсе не возвратились, тѣ же, которые пріѣхали назадъ, не пріобрѣли на столько свѣдѣній, чтобы имѣть возможность обучать другихъ; поэтому дѣло на этомъ и остановилось.

Петръ I полагалъ вначалѣ, что для образованія дворянства достаточно заставить его путешествовать; поэтому, возвратясь изъ своего перваго большаго путешествія, онъ послалъ всѣхъ молодыхъ людей самыхъ знатныхъ семействъ имперіи во Францію, Англію, Голландію, Италію и Германію, для пріобрѣтенія тамъ познаній, но такъ какъ бо̀льшая часть этихъ молодыхъ людей была очень дурно воспитана, то они возвратились почти такими же, какими уѣхали. Это доказало императору, что прежде чѣмъ посылать ихъ путешествовать, слѣдовало дать имъ сперва образованіе болѣе удовлетворительное. Приблизительно около этого времени, въ Москву былъ привезенъ лифляндскій пасторъ Глюкъ; человѣкъ этотъ, обладавшій познаніями и свѣдѣніями въ такой только мѣрѣ, какъ любой деревенскій священникъ, съумѣлъ

однако же прослыть за геніальную личность, потому что зналъ основательно русскій языкъ. Петръ I обратилъ на него вниманіе и поручилъ ему основать школы, въ которыхъ молодые дворяне могли бы получать образованіе. Глюкъ предложилъ ему устроить школу по образцу тѣхъ, какія онъ видѣлъ въ лифляндскихъ городахъ, и гдѣ молодые люди обучаются латинскому языку, катихизису и другимъ предметамъ ученія. Императоръ одобрилъ этотъ проектъ, назначилъ значительную сумму денегъ для платы учителямъ и далъ въ Москвѣ большой домъ, гдѣ должна была помѣщаться школа. Тогда Глюкъ вызвалъ нѣсколько студентовъ богословія лютеранскаго вѣроисповѣданія и, при обученіи въ своей новой школѣ, слѣдовалъ во всемъ правиламъ шведской церкви, а для того, чтобы нисколько не уклониться отъ нихъ, перевелъ даже нѣсколько лютеранскихъ гимновъ весьма плохими русскими стихами; учениковъ своихъ онъ заставлялъ пѣть эти гимны съ большимъ благоговѣніемъ при началѣ и при окончаніи занятій.

Подобный порядокъ былъ до того смѣшонъ и успѣхъ этого нововведенія такъ жалокъ, что Петръ I не могъ вскорѣ не замѣтить этого. Поэтому онъ закрылъ школу и снова предоставилъ обученіе дѣтей родителямъ. Такъ какъ въ это время въ Россіи было множество плѣнныхъ шведскихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ было много весьма образованныхъ, но совершенно недостаточныхъ людей, то они охотно поступали къ знатнымъ лицамъ для воспитанія ихъ дѣтей, и это дало гораздо лучшіе результаты, нежели всѣ школы, основанныя прежде.

Въ 1717 г., будучи во Франціи, Петръ I былъ принятъ въ число членовъ парижской академіи наукъ, что внушило ему желаніе основать подобную же академію въ Петербургѣ. Понятія этого государя о наукахъ были недовольно ясны, такъ что онъ не могъ рѣшить, какія изъ наукъ болѣе всего годились для его государства, и его бесѣды съ нѣкоторыми учеными, не знавшими вовсе Россіи, еще болѣе спутали его понятія. Наконецъ, въ 1724 г. онъ рѣшилъ основать въ Петербургѣ академію, взявъ во всемъ за образецъ парижскую; чтобы придать сразу нѣкоторый блескъ своему новому учрежденію, онъ пригласилъ въ члены нѣсколько ученыхъ, пользовавшихся громкою извѣстностью, каковы: **Вольфъ, Бернулли, Германнъ, Делиль**, и т. п. Онъ назначилъ имъ боль-

шое жалованье и опредѣлилъ на содержаніе академіи ежегодную сумму въ двадцать пять тысячъ рублей, ассигнованную на доходы съ таможень Нарвы, Пернова и Дерпта.

Императору не было суждено имѣть удовольствіе при жизни увидѣть осуществленіе этого намѣренія. Первый врачъ его Блументростъ, котораго онъ назначилъ президентомъ академіи съ ежегоднымъ жалованьемъ въ три тысячи рублей, имѣлъ настолько вліянія, что ему удалось открыть академію въ царствованіе Екатерины, и хотя бо́льшая часть министерства была противъ этого учрежденія, считая его совершенно ненужнымъ для пользы государства, однако Блументростъ съумѣлъ поддержать его и въ царствованіе Петра II. Когда императрица Анна вступила на престолъ, Блументростъ попалъ въ немилость, но такъ какъ академія была основана Петромъ I, то Анна желала сохранить ее; мало того, что она утвердила за академіей ежегодное содержаніе въ двадцать пять тысячъ рублей, она уплатила еще всѣ ея долги, доходившіе до тридцати тысячъ рублей, и назначила президентомъ графа Кейзерлинга. Нѣсколько лѣтъ спустя, Кейзерлингъ былъ посланъ министромъ въ Польшу и мѣсто президента занялъ камергеръ баронъ Корфъ. Когда онъ былъ посланъ въ Копенгагенъ, то его замѣнилъ тайный совѣтникъ Бревернъ. Множество дѣлъ, которыя лежали на этомъ министрѣ, не дали ему возможности долго занимать эту должность; онъ отказался отъ нея и академія оставалась нѣсколько лѣтъ безъ президента, до тѣхъ поръ, покуда императрица Елисавета не назначила на эту должность графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, брата оберъ-егермейстера.

Хозяйственная часть академіи была постоянно въ весьма странномъ положеніи; мы видѣли выше, что императрица Анна, при восшествіи на престолъ, пожаловала тридцать тысячъ рублей для уплаты долговъ академіи; несмотря на это, когда Корфъ уѣхалъ въ Данію, на ней числилась таже самая сумма въ долгу и хотя императрица Елисавета ассигновала снова значительную сумму на уплату долговъ, однако дѣла отъ этого не пришли въ лучшій порядокъ.

Россія не извлекла до сихъ поръ никакой существенной пользы отъ этихъ большихъ учрежденій. Всѣ плоды, принесенные академіей въ замѣнъ тѣхъ громадныхъ суммъ, которыя она полу-

чила въ теченіе двадцати восьми лѣтъ, заключаются въ томъ, что русскіе имѣютъ календарь, составленный по петербургскому меридіану, что они могутъ читать газеты на своемъ языкѣ и что нѣсколько нѣмецкихъ адъюнктовъ, вызванныхъ въ Петербургъ, оказались свѣдущими въ математикѣ и философіи настолько, чтобы заслужить ежегодные оклады въ шестьсотъ и восемьсотъ рублей; между русскими найдется не болѣе одного или двухъ человѣкъ, способныхъ занять должность профессора. Наконецъ, академія эта не такъ устроена, чтобы Россія могла когда-нибудь ожидать отъ нее хотя малѣйшей пользы, такъ какъ въ ней не занимаются преимущественно изученіемъ языковъ, нравственныхъ наукъ (la morale), гражданскаго права, исторіи или практической геометріи—единственныхъ наукъ, полезныхъ для Россіи; вмѣсто того разрабатываютъ болѣе всего алгебру, умозрительную геометрію и другія отрасли высшей математики, разрѣшаютъ критическія задачи о жилищахъ и языкѣ какого-нибудь древняго народа или дѣлаютъ анатомическія наблюденія надъ строеніемъ человѣка и животныхъ. Такъ какъ русскіе считаютъ всѣ эти науки пустыми и ненужными, то неудивительно, что они не имѣютъ никакого желанія обучать имъ своихъ дѣтей, хотя всѣ предметы преподаются безплатно. Это доходитъ до того, что въ академіи бывало часто болѣе профессоровъ, нежели учащихся, и ей приходилось вызывать изъ Москвы нѣсколькихъ молодыхъ людей, которымъ давали жалованье для поощренія ихъ къ ученію и для того, чтобы хотя кто-нибудь присутствовалъ на лекціяхъ профессоровъ.

Изо всего этого можно вывести то заключеніе, что нѣсколько хорошихъ школъ, учрежденныхъ въ Москвѣ, Петербургѣ и нѣкоторыхъ другихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ преподавались бы обыкновенныя науки, были бы гораздо годнѣе и полезнѣе для Россіи, нежели академія наукъ, стоющая ей такихъ большихъ суммъ и не приносящая никакой существенной пользы.

Петръ I учредилъ еще въ Петербургѣ морскую академію, подъ руководствомъ двухъ англичанъ: Брадлея и Фергюсона; заведеніе это было однимъ изъ лучшихъ въ своемъ родѣ, но не продержалось долго и пришло въ упадокъ еще при жизни императора. Нѣсколько искусныхъ землемѣровъ, образованныхъ этой академіей—вотъ единственные плоды, ею принесенные. Инженер-

ныя и артиллерійскія училища, основанныя въ Москвѣ и Петербургѣ, поддерживаются лучше всего, и такъ какъ русская нація болѣе склонна къ артиллеріи, нежели ко всякой иной наукѣ, то въ этихъ заведеніяхъ многіе пріобрѣли большія познанія.

Перехожу къ преобразованіямъ по военной части. При вступленіи на престолъ Петра I, въ его царствѣ почти не было на лицо другаго войска, кромѣ стрѣльцовъ. Это войско было образовано отцомъ царя Михаила Ѳеодоровича, патріархомъ Филаретомъ, для того, чтобы держать въ повиновеніи вельможъ и дворянство. Ихъ всего ближе можно сравнить съ янычарами; они держались одинаковаго съ ними порядка въ сраженіи и имѣли почти одинакія съ ними преимущества; число ихъ доходило до сорока тысячъ человѣкъ, раздѣленныхъ на нѣсколько полковъ. Часть стрѣльцовъ составляла гвардію царя, а прочіе стояли въ гарнизонахъ пограничныхъ городовъ. Вооруженіе ихъ состояло изъ мушкетовъ и саблей; жалованья они получали не болѣе четырехъ рублей въ годъ, но такъ какъ имъ были даны большія преимущества по торговлѣ, то они легко могли существовать; даже многіе богатые обыватели поступали въ это войско, которое не несло никакой службы въ мирное время, а на случай войны имъ было легко отдѣлаться отъ похода: стоило только поднести значительный подарокъ своему начальнику и поставить кого-нибудь на свое мѣсто. Такъ какъ это войско было образовано для противодѣйствія вельможамъ, то съ самаго учрежденія его было обращено вниманіе на то, чтобы во главѣ его стояли только люди выслужившіеся или иностранцы, отличившіеся въ войнѣ съ Польшею, что и внушило дворянству настоящую ненависть къ этому войску; ни одинъ дворянинъ не хотѣлъ никогда служить въ немъ, считая постыднымъ состоять подъ началомъ у людей менѣе знатнаго происхожденія.

Россія долго не имѣла въ мирное время другаго войска, кромѣ этой пѣхоты, однако въ резервѣ бывало всегда довольно много полковниковъ и другихъ офицеровъ, большею частію иностранцевъ, которымъ въ мирное время платили небольшое жалованье. Передъ началомъ какой-нибудь войны, каждому полковнику назначался округъ, въ которомъ онъ долженъ былъ сформировать свой полкъ; каждая деревня была обязана выставить ему извѣстное число людей, которыхъ онъ велъ на войну. Не трудно понять,

что люди эти были плохо обучены, дурно одѣты и вооружены; каждый бралъ то оружіе, которое попадалось ему подъ руку; весьма немногіе имѣли огнестрѣльное оружіе, большинство было вооружено топорами, называемыми по-русски бердыши, прочіе шли на войну съ однѣми дубинами. Можно себѣ представить, что подобное войско не могло оказывать большихъ услугъ, поэтому его употребляли болѣе для охраны обоза; тотчасъ по окончаніи похода, каждый солдатъ возвращался въ свою деревню, и если война продолжалась дольше, то приходилось къ слѣдующему походу формировать снова полкъ. Словомъ, войско это можно сравнить лишь съ тѣмъ, которое турецкіе паши ведутъ на войну изъ своихъ провинцій; разница та, что послѣдніе лучше вооружены и храбрѣе.

Все это касается одной только пѣхоты.

Кавалерія же состояла изъ мелкопомѣстнаго дворянства, называемаго по-русски боярскіе дѣти; они были разсѣяны во всѣхъ провинціяхъ, гдѣ у нихъ были собственныя помѣстья. Съ объявленіемъ похода, каждый отправлялся къ общему сборному пункту съ извѣстнымъ числомъ слугъ, смотря по величинѣ его помѣстья. Эти люди не получали никакого жалованья и должны были жить и содержать своихъ слугъ на собственный счетъ все время, покуда продолжалась война. Обыкновенное оружіе ихъ составляли луки и стрѣлы, сабли и полупики; у иныхъ было огнестрѣльное оружіе, т. е. въ томъ случаѣ, если они могли заплатить за него. Подобная кавалерія не устояла бы противъ обученаго непріятеля, но татары и поляки, съ которыми русскимъ приходилось болѣе всего воевать, были не лучше ихъ, поэтому они держались довольно хорошо.

Кромѣ этой кавалеріи, составленной изъ дворянства, Россія содержала еще нѣсколько тысячъ татаръ, которые покорились послѣ завоеванія казанскаго царства, сохранивъ за собою свободу вѣроисповѣданія.

Въ случаѣ, если бы царямъ понадобилась еще болѣе многочисленная кавалерія, они могли взять на жалованье множество калмыковъ, которымъ давали только по рублю въ годъ и по овчинному тулупу на человѣка. Наконецъ, когда казаки отдались подъ покровительство Россіи, то войска увеличились болѣе чѣмъ на сто тысячъ всадниковъ.

Нѣкоторые изъ древнихъ царей имѣли тѣлохранителей—иностранцевъ, между прочимъ и Иванъ Васильевичъ второй, котораго историки несправедливо прозвали тираномъ, тогда какъ государь этотъ былъ одинъ изъ великихъ правителей Россіи.

Еще царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ послѣдніе годы своего царствованія, и сынъ его, Алексѣй Михайловичъ, намѣревались поставить свою армію въ другое положеніе. Во время войны, веденной ими съ Польшей, они образовали нѣсколько пѣхотныхъ полковъ по образцу другихъ европейскихъ войскъ и поручили начальство надъ ними иностраннымъ офицерамъ. Бутырскій полкъ существовалъ уже съ 1642 года, командиромъ его былъ нѣкто д'Альсіель[1]). Полкъ этотъ состоялъ изъ пятидесяти двухъ ротъ, въ каждой ротѣ числилось сто человѣкъ. Существуютъ также старинные списки перваго московскаго полка отъ 1648 г.; начальникомъ его былъ генералъ Дромондъ (Drummond).

Царь Алексѣй Михаиловичъ велѣлъ перевести на русскій языкъ книгу о военномъ искусствѣ (изданную на нѣмецкомъ языкѣ) для обученія по ней офицеровъ; а для вооруженія своей кавалеріи, онъ выписалъ изъ Бресчіи (Brescе) восемь тысячъ винтовокъ, которыя и теперь еще находятся въ Москвѣ. Но такъ какъ въ то время приходилось остерегаться стрѣльцовъ, смотрѣвшихъ на новыя войска съ большою завистью, и бояре, имѣвшіе большое вліяніе при дворѣ, не соглашались лишиться совершенно своихъ крестьянъ, которые, по старому положенію, были обязаны служить только во время войны и покуда длился походъ, а всесильное духовенство опасалось, чтобы иностранные еретики не пріобрѣли слишкомъ большаго вліянія надъ умомъ ихъ государя, то поэтому преобразованіе не пошло далеко.

Въ царствованіе же Алексѣя Михаиловича, въ Россію прибыло около трехъ тысячъ шотландцевъ (оставившихъ Великобританію послѣ пораженія и заключенія въ тюрьму короля Карла I). Ихъ приняли очень хорошо, отвели имъ мѣсто возлѣ самой Москвы, гдѣ они построили себѣ дома и образовали часть этого большаго города, извѣстную подъ названіемъ иностранной слободы, т. е. мѣста жительства иностранцевъ. Когда на престолъ вступилъ Петръ I, то различныя смуты, волновавшія вначалѣ

[1]) То есть Ѳома Дольель (Dalzell), шотландецъ, см. о немъ въ приложеніяхъ. Ред.

его государство, заставили его отдаться въ руки иностранцевъ и отказаться отъ предразсудковъ, помѣшавшихъ его отцу и дѣду привести въ исполненіе задуманные ими проекты.

Лишь только государь этотъ отдѣлался отъ стрѣльцовъ[1]), какъ первою заботою его было уничтожить предразсудокъ высшаго дворянства относительно ихъ происхожденія, такъ какъ они считали унизительнымъ для человѣка знатнаго рода служить подъ началомъ у лицъ низшаго сословія. Чтобы достигнуть этого, онъ употребилъ слѣдующій способъ.

Онъ образовалъ изъ молодыхъ людей, воспитываемыхъ, по тогдашнему обычаю, вмѣстѣ съ нимъ, роту въ пятьдесятъ человѣкъ, подъ именемъ Потѣшной или служащей для забавы; онъ одѣлъ и обучалъ ее на иностранный ладъ и объявилъ въ то же время, что не желаетъ имѣть никакихъ преимуществъ передъ своими товарищами. Онъ началъ службу не только съ мушкета, т. е. рядовымъ, но былъ даже барабанщикомъ. Онъ вручилъ всю свою власть, относительно повышенія военныхъ чиновъ, въ руки князя Ромодановскаго, который долженъ былъ производить его по заслугамъ и безъ малѣйшаго снисхожденія; и князь Ромодановскій, до самой смерти своей, въ 1718 г., производилъ Петра I въ чины генерала или адмирала, которые императору угодно было принять.

Такимъ образомъ императоръ достигъ своей цѣли, такъ какъ дворянство, видя, что государь его не терпѣлъ никакого отличія по службѣ, также подчинилось этому, и хотя все еще не могло забыть преимуществъ своего происхожденія, однако стыдилось придерживаться того, отъ чего отказывался самъ государь.

Петръ I увеличивалъ мало по малу свою роту и образовалъ два пѣхотныхъ полка, объявивъ ихъ своею гвардіей, въ 1706 г. Командиромъ перваго—былъ Бломбергъ, а втораго—фельдмаршалъ князь Голицынъ; оба полка были обмундированы, вооружены и обучены на подобіе прочихъ европейскихъ войскъ; нѣсколько времени спустя, онъ образовалъ еще другіе пѣхотные полки, поставилъ ихъ на ту же ногу и приказалъ всѣмъ своимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ пригласить на его службу

[1]) Такъ какъ въ запискахъ о царствованіи Петра I описана казнь стрѣльцовъ, то здѣсь было бы излишне говорить о ней. Прим. Авт.

столько офицеровъ, сколько они найдутъ. Въ нѣсколько лѣтъ у него было уже много весьма хорошихъ офицеровъ.

Императоръ хотѣлъ также преобразовать кавалерію на европейскій ладъ. Съ этой цѣлью онъ принялъ на службу нѣсколько сотъ саксонскихъ кавалеристовъ (Reutres saxons), которые должны были служить образцомъ, но убѣдившись, что въ Россіи не доставало лошадей для ремонтированія тяжелой кавалеріи, а выписывать ихъ изъ за-границы стоило бы слишкомъ дорого, поневолѣ отказался отъ этой мысли и удовлетворился сформированіемъ драгунскихъ полковъ.

Изъ иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ Россію, главнымъ былъ фельдмаршалъ Огильви (Ogilby); этому генералу обязаны первоначальнымъ введеніемъ порядка и дисциплины въ русской арміи, и въ особенности въ пѣхотѣ.

Что же касается драгунъ, то они были поручены курляндцу, генералу Ренне (Rönne); но такъ какъ почти всѣ офицеры и въ особенности генералы, поступившіе на службу Петра I, служили только въ пѣхотѣ, то на кавалерійское ученіе и эволюціи обращали мало вниманія, и драгуны дѣлали только пѣшее ученіе, не умѣя почти вовсе дѣлать эволюціи верхомъ.

Когда императрица Анна сформировала три кирасирскихъ полка, то драгуны выучились отъ нихъ эволюціямъ и въ настоящее время ученіе дѣлается лучше чѣмъ прежде.

За нѣсколько лѣтъ до своей кончины, Петръ I устроилъ для арміи постоянныя квартиры въ тѣхъ областяхъ своей имперіи, гдѣ полки должны были стоять въ мирное время; тамъ построили дома для начальниковъ и предполагали устроить большія деревни, въ которыхъ жили бы солдаты. Деревни эти никогда не были вполнѣ отстроены, и полки, распредѣленные по областямъ съ 1723 по 1732 г., были въ послѣдствіи размѣщены въ городахъ и сосѣднихъ селахъ.

Петръ I устроилъ это по примѣру шведовъ (мнѣ кажется, я говорилъ уже въ своихъ запискахъ, что императоръ этотъ намѣревался подражать во всемъ устройству шведовъ, но большія затрудненія, которыя онъ встрѣтилъ, заставили его отказаться отъ этого намѣренія). При императрицѣ Аннѣ постоянныя квартиры были совершенно оставлены и до сихъ поръ о нихъ еще не думали.

Когда Петръ I скончался, армія его состояла изъ двухъ гвардейскихъ полковъ, изъ коихъ въ первомъ было четыре, а во второмъ три баталіона, изъ пятидесяти пѣхотныхъ полковъ, тридцати драгунскихъ, шестидесяти семи гарнизонныхъ и шести полковъ милиціи, такъ что во всей арміи могло числиться до ста девятидесяти шести тысячъ человѣкъ.

Въ царствованіе Екатерины и Петра II не было сдѣлано значительныхъ преобразованій по арміи, но императрица Анна, вступивъ на престолъ, начала (какъ я сказалъ въ исторіи ея жизни) съ увеличенія гвардіи пятью эскадронами кавалеріи и тремя баталіонами пѣхоты. Нѣсколько времени спустя, она сформировала три кирасирскихъ полка и увеличила милицію четырнадцатью полками для охраненія границъ Украйны. При кончинѣ ея, русская армія доходила до двухъ сотъ сорока тысячъ человѣкъ.

Въ царствованіе этой государыни благоразумными распоряженіями фельдмаршала Миниха и командовавшихъ подъ его начальствомъ генераловъ, было довершено введеніе порядка и дисциплины въ арміи, и всѣ, видѣвшіе ее, были принуждены сознаться, что русская пѣхота была одна изъ лучшихъ въ Европѣ.

Россія имѣла въ то время такихъ хорошихъ генераловъ, что подобные имъ были въ немногихъ другихъ государствахъ Европы. Минихъ, Ласи, Кейтъ и Левендаль прославились настолько, что имена ихъ перейдутъ къ самому отдаленному потомству, не говоря уже о прочихъ генералахъ, бывшихъ у нихъ подъ начальствомъ, между которыми многіе сдѣлали бы честь любому войску въ мірѣ.

Императрица Елисавета, по восшествіи своемъ на престолъ, была принуждена уступить настояніямъ нѣкоторыхъ старыхъ русскихъ генераловъ, и въ особенности фельдмаршала князя Долгорукаго, который совѣтовалъ ей оставить новыя ученія и вообще все, что было введено въ предъидущее царствованіе; это было причиною того, что въ войскѣ скоро потомъ водворился безпорядокъ. Лучшіе генералы и множество хорошихъ офицеровъ, до крайности оскорбленные дурнымъ обращеніемъ съ ними, вышли въ отставку и на службѣ остались только тѣ, которымъ рѣшительно не дали отставки, или которые не знали куда дѣваться.

Хорошіе офицеры, находящіеся еще теперь въ войскѣ, боль-

шею частію такъ робки, что не берутся за исправленіе своихъ дерзкихъ подчиненныхъ, у остальныхъ же недостаетъ на это способности.

Въ числѣ множества иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ Россію съ начала этого столѣтія, были отличные офицеры, но между ними являлись и такіе, которыхъ хуже не было во всей остальной Европѣ: искатели приключеній, не знавшіе куда преклонить голову, и они составляли себѣ иногда карьеру также, какъ самые достойные люди.

Въ продолженіе войны со Швеціей императрица Елисавета преобразовала четыре пѣхотныхъ полка, съ цѣлію укомплектовать ими флотскіе экипажи; но за то она увеличила, въ 1747 г., армію пятьюдесятью новыми баталіонами, такъ что войско состоитъ въ настоящее время изъ двухъ сотъ семидесяти тысячъ семи сотъ девяносто одного человѣка, не считая легкихъ войскъ, каковы казаки и калмыки, изъ которыхъ легко можно было бы набрать шестьдесятъ тысячъ всадниковъ.

Всѣхъ этихъ силъ, однако, едва достигаетъ для охраненія громаднаго протяженія русской земли и въ случаѣ войны Россія можетъ выставить въ поле не болѣе ста двадцати или ста тридцати тысячъ человѣкъ регулярнаго войска; прочихъ необходимо оставить въ гарнизонахъ для охраны крѣпостей и границъ.

Въ войнахъ съ Портой и со Швеціей были собраны всѣ силы, которыя можно было двинуть въ походъ, тѣмъ не менѣе численность различныхъ армій никогда не доходила до ста тысячъ человѣкъ.

Легкія или иррегулярныя войска, которыхъ такъ много въ Россіи, могутъ быть весьма полезными противъ турокъ и татаръ, но они скорѣе стѣснили бы армію, нежели принесли бы ей пользу, въ случаѣ если бы пришлось вести войну въ странѣ населенной эти люди потребляютъ такое огромное количество фуража, что они произвели бы скоро голодъ въ лагерѣ, не говоря уже о тѣхъ опустошеніяхъ, которыя они дѣлаютъ на нѣсколько миль въ окрестности, а это лишило бы самую армію необходимыхъ для нея съѣстныхъ припасовъ.

Артиллерія была извѣстна въ Россіи еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ II, но ею не умѣли дѣйствовать; орудія были громадной величины и никуда негодныя. Способъ осады, употреб-

ляемый въ то время русскими, состоялъ въ томъ, что они вскапывали землю и воздвигали большую гору, которую двигали мало по малу впередъ; такимъ образомъ они не только засыпали ровъ, но продолжали эту работу, покуда не достигали уровня городскихъ стѣнъ; въ случаѣ если имъ не удавалось этимъ образомъ взять крѣпость, то они умѣли только держать городъ въ блокадѣ до тѣхъ поръ, покуда гарнизонъ не былъ вынужденъ сдаться по недостатку съѣстныхъ припасовъ.

Брюсъ (шотландецъ по происхожденію, дѣдъ котораго пріѣхалъ въ Россію послѣ несчастной кончины Карла I) первый въ царствованіе Петра I ввелъ хорошія основанія и порядки въ артиллерію, и смѣло можно утверждать, что русская артиллерія такъ хорошо устроена и ею умѣютъ дѣйствовать такъ искусно, что съ нею могутъ сравниться весьма немногія артиллеріи въ Европѣ, а превосходятъ ее и еще менѣе того. Это единственный отдѣлъ военнаго искусства, которымъ русскіе занимаются весьма ревностно и въ которомъ есть искусные офицеры изъ русскихъ.

Число пушекъ въ этой имперіи громадно. Въ 1714 г. въ Россіи насчитывали ихъ тринадцать тысячъ; съ тѣхъ поръ число орудій значительно увеличилось, такъ какъ ихъ постоянно отливали въ шести различныхъ мѣстахъ, именно: въ Москвѣ и Петербургѣ льютъ мѣдныя пушки, въ Воронежѣ (Voronitz), Олонцѣ, Систербекѣ и Екатериненбургѣ—чугунныя.

По послѣднему уставу, изданному при Петрѣ I въ 1720 г., каждый пѣхотный баталіонъ и каждый драгунскій полкъ имѣютъ по два полевыхъ орудія трехъ фунтоваго калибра, которыя числятся при этихъ войскахъ; тяжелая артиллерія, за исключеніемъ той, которая распредѣлена по крѣпостямъ, была размѣщена такимъ образомъ, что главный арсеналъ находился постоянно въ Москвѣ; кромѣ того, въ трехъ различныхъ пунктахъ: въ Брянскѣ, на польской границѣ, въ Ново-Павловскѣ, на границѣ Турціи, и въ Петербургѣ устроенъ полный артиллерійскій паркъ, состоящій изъ двухъ сотъ четырехъ пушекъ разныхъ калибровъ и изъ семидесяти двухъ мортиръ и гаубицъ.

Брюсъ позаботился также объ устройствѣ корпуса инженеровъ и основалъ въ Москвѣ и Петербургѣ училища, въ которыхъ преподавали молодымъ людямъ практическую геометрію, инженерную науку и артиллерію. Графъ Минихъ, произведенный

въ царствованіе Петра II, въ фельдцейхмейстеры, прилагалъ все стараніе къ тому, чтобы поставить эти школы на возможно лучшую ногу, но русскіе не такъ склонны къ инженерной наукѣ, какъ къ артиллеріи, поэтому въ инженерномъ дѣлѣ пріобрѣли познанія весьма немногіе и большинство инженеровъ—иностранцы. Россія обязана первоначальнымъ устройствомъ своей артиллеріи и инженернаго корпуса преимущественно королю прусскому. Король Фридрихъ I прислалъ первыхъ инженеровъ и артиллеристовъ для осады Азова въ 1696 г., а король Фридрихъ-Вильгельмъ отправилъ еще нѣсколькихъ инженеровъ въ Россію въ 1733 г., какъ я сказалъ уже выше.

Равнымъ образомъ съ царствованія Петра I Россія узнала, что̀ такое флотъ; до того времени она не только не имѣла его, но даже и едва-ли имѣла понятіе о большомъ суднѣ, но этотъ государь, полюбивъ морскую службу, сталъ прилагать всевозможныя старанія, чтобы устроить его.

По другимъ предметамъ онъ довольствовался обсужденіемъ главной сущности дѣла и предоставлялъ подробности тѣмъ, кому поручалъ выполненіе своихъ намѣреній, но лишь только дѣло касалось флота, онъ вмѣшивался въ малѣйшія бездѣлицы и на верфяхъ не смѣли вколотить гвоздя, не предупредивъ императора.

Находясь въ Петербургѣ, онъ проводилъ ежедневно нѣсколько часовъ въ адмиралтействѣ, и когда дѣло шло о постройкѣ судна, то онъ предпочиталъ это занятіе самымъ важнымъ государственнымъ дѣламъ. Величайшая побѣда, одержанная его сухопутнымъ войскомъ, не доставляла ему и въ половину того удовольствія, которое онъ испытывалъ при самомъ ничтожномъ преимуществѣ, пріобрѣтенномъ его кораблями или галерами надъ непріятелемъ. Словомъ, любовь къ флоту была сильнѣйшей его страстью. Это было тѣмъ удивительнѣе, что въ дѣтствѣ онъ выказывалъ особенное отвращеніе къ водѣ. Если въ то время случалось ему проѣхать по обыкновенной мельничной плотинѣ, то приходилось закрывать со всѣхъ сторонъ экипажъ, чтобы скрыть отъ него самый видъ этой ужасной стихіи.

Причиною этой поразительной перемѣны была маленькая лодочка; она стояла, полусгнившая, подъ навѣсомъ въ Измайловѣ, загородномъ домѣ, близь Москвы; голландецъ Тиммерманъ, имѣвшій честь бесѣдовать иногда съ Петромъ I, взялъ ее оттуда

и, починивъ, разъѣзжалъ въ ней по прудамъ возлѣ этого дома, плавая подъ парусомъ, то по вѣтру, то противъ него. Государь, отъ природы любитель механическихъ искусствъ, находилъ удовольствіе смотрѣть на эти маневры. Онъ велѣлъ построить нѣсколько судовъ бо́льшей величины и плавалъ на нихъ по Переяславскому озеру; желаніе видѣть корабли заставило его поѣхать въ Архангельскъ. Быть можетъ, самое это желаніе побудило его предпринять и путешествіе въ Голландію и Англію.

Изъ исторіи его извѣстно, съ какимъ прилежаніемъ онъ учился строить корабли, какъ работалъ на Саардамской верфи; онъ былъ принятъ тамъ въ корабельные мастера и очень любилъ, когда другіе судостроители называли его Baas Pieter или мастеръ Петръ.

Уѣзжая изъ Голландіи, онъ нанялъ множество флотскихъ офицеровъ, матросовъ, кораблестроителей, плотниковъ и прочихъ мастеровъ, нужныхъ для флота. Тотчасъ по возвращеніи въ Москву, Петръ совершилъ съ этими людьми путешествіе на Донъ и основалъ верфь въ Воронежѣ. Онъ заставилъ всѣхъ богатыхъ людей своего государства строить корабли или другія суда на ихъ собственный счетъ, и получилъ, такимъ образомъ, возможность въ короткое время спустить на воду множество всякаго рода судовъ. Онъ опредѣлилъ на нихъ иностранныхъ офицеровъ и матросовъ и поручилъ имъ своихъ подданныхъ, вызванныхъ изъ приморскихъ областей, чтобы тѣ научили ихъ мореплаванію. Въ то же время онъ послалъ молодыхъ людей самыхъ знатныхъ семействъ въ Англію, Голландію, Францію и Италію учиться морскому дѣлу, и такъ какъ Донъ недостаточно глубокъ близь устья для прохода корабля съ грузомъ, то онъ устроилъ на Азовскомъ морѣ, въ мѣстечкѣ, именуемомъ Таганрогъ, прекрасную гавань, названную имъ Троица, въ которой суда, пройдя безъ груза устьемъ Дона, подъ Азовомъ окончательно вооружались и могли стоять совершенно безопасно. Всѣ, видѣвшіе эту гавань, сознаются, что это одна изъ лучшихъ гаваней въ Европѣ.

Война, начатая Петромъ I со Швеціей, заставила его обратить вниманіе въ другую сторону и оставить устройство флота на Черномъ морѣ. Однако, онъ продолжалъ заботиться о немъ какъ только позволяло время, и совершалъ каждый годъ, по крайней мѣрѣ, одно путешествіе въ Воронежъ, гдѣ у него была главная верфь.

Несчастное дѣло при Прутѣ уничтожило окончательно намѣреніе Петра I блеснуть своимъ флотомъ передъ турецкимъ, такъ какъ онъ былъ вынужденъ разрушить Троицкій портъ и сдать Азовъ. Не было возможности провести суда вверхъ по Дону, слѣдовательно, приходилось сжечь ихъ или отдать туркамъ; удалось спасти только три корабля, благодаря рѣшимости одного капитана, имя котораго я позабылъ. Морякъ этотъ, раздосадованный гибелью всего флота, прошелъ съ тремя кораблями черезъ Константинопольскій проливъ и благополучно прибылъ въ Англію, гдѣ продалъ эти суда, а вмѣсто нихъ купилъ два англійскихъ корабля, изъ коихъ одинъ былъ «Марльборо», и привелъ ихъ въ Кронштадтъ.

Послѣ этой неудачи Петръ I рѣшился перевести всѣ морскія свои силы въ Петербургъ, гдѣ онъ началъ основывать еще въ 1704 г. верфь, на которой было построено нѣсколько небольшихъ судовъ, вооруженныхъ для войны; но работы шли чрезвычайно медленно, отчасти потому, что до счастливой полтавской битвы Петръ не былъ увѣренъ, удержитъ-ли онъ за собою Петербургъ, отчасти и потому, что въ началѣ этого дѣла встрѣтилось столько затрудненій, что онѣ всякаго иного, кромѣ царя Петра I, заставили бы отказаться отъ предпріятія. Рѣка Нева между Петербургомъ и Кронштадтомъ во многихъ мѣстахъ до того мелка, что имѣетъ не болѣе восьми футовъ глубины. Поэтому всѣ суда, построенныя въ Петербургѣ, становили на камели и отводили въ Кронштадтъ, чтобы вооружить ихъ и положить въ нихъ сколько-нибудь баласта; проводить ихъ обратно вверхъ по рѣкѣ было уже невозможно. Сверхъ того, кронштадтскій портъ, по причинѣ льдовъ, открытъ всего шесть мѣсяцевъ въ году и расположенъ такъ, что ни одно судно не можетъ выйти изъ него иначе какъ при восточномъ вѣтрѣ. Вода въ этой гавани почти вовсе не соленая, такъ что ни одно судно не можетъ сохраниться тамъ нѣсколько лѣтъ; другое, еще бо̀льшее затрудненіе состояло въ томъ, что въ окрестностяхъ Петербурга вовсе не было дубоваго лѣса и его приходилось привозить изъ-за Казани.

По всѣмъ этимъ причинамъ Петру I удалось сначала сдѣлать весьма немного для образованія флота въ Петербургѣ. Въ 1713 г. весь флотъ состоялъ изъ четырехъ линейныхъ кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ. Чтобы пополнить этотъ недостатокъ,

онъ велѣлъ построить въ Архангельскѣ нѣсколько военныхъ кораблей изъ ели или, скорѣе, изъ лиственницы, и купилъ еще нѣсколько судовъ въ Англіи и Голландіи. Но шведы, нападавшіе на всѣ суда, которыя шли къ русскимъ портамъ, захватили эти корабли по пути и помѣшали архангельскимъ судамъ предпринять плаваніе.

Наконецъ, въ 1716 г., когда голландцы и англичане послали эскадру въ Зундъ для того, чтобы конвоировать свои купеческія суда, Петру I удалось не только провести корабли, построенные имъ въ Архангельскѣ, но и нѣсколько другихъ, купленныхъ имъ вновь во Франціи и Англіи. Въ 1718 году онъ былъ въ состояніи отправить въ море двадцать два, а въ 1719 г. двадцать восемь линейныхъ кораблей, противъ которыхъ шведы не могли ничего предпринять вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ они находились въ то время.

Петръ I сдѣлалъ, наконецъ, такъ много своими неусыпными трудами, что ему удалось увидѣть передъ кончиною свое адмиралтейство въ весьма хорошемъ порядкѣ; онъ имѣлъ уже превосходный флотъ, состоявшій изъ тридцати линейныхъ кораблей, не считая фрегатовъ и другихъ военныхъ судовъ, а экипажъ этихъ судовъ состоялъ почти исключительно изъ матросовъ его собственной націи.

Неудобства, замѣченныя въ кронштадтскомъ портѣ, побудили Петра I искать вдоль береговъ завоеванныхъ имъ областей болѣе удобнаго мѣста, чтобы устроить тамъ военную гавань. Такой пунктъ былъ найденъ въ Эстляндіи, въ Рогервикѣ (Rogerwieck), въ четырехъ миляхъ отъ Ревеля; берега образуютъ тутъ гавань, въ которой удобно могутъ помѣститься сто судовъ; вода въ ней солонѣе, нежели въ Кронштадтѣ, выходъ изъ гавани удобнѣе и грунтъ превосходный для стоянки на якорѣ; оставалось только приблизить[1]) устье, защитить гавань отъ бурь и отъ нападенія непріятелей.

Императоръ надѣялся легко устроить все это и велѣлъ дѣятельно приступить къ работѣ въ послѣдніе годы войны со Швеціей. Въ Рогервикъ перевезли изъ Лифляндіи и Эстляндіи невѣроятное количество бревенъ; изъ нихъ слѣлали большіе ящики,

---

[1]) Въ подлинникѣ: «rapprocher l'embouchure». Ред.

наполнили ихъ камнями и опустили ихъ въ море, имѣющее въ иныхъ мѣстахъ до двадцати сажень глубины; такимъ образомъ въ море выдвинули два мола для защиты гавани, но и половина работы не была окончена, какъ ее совершенно разрушила буря, бывшая послѣдствіемъ западнаго вѣтра. Снова принялись за постройку, но тѣ же бури часто повторялись въ царствованіе Петра I и Екатерины, такъ что, наконецъ, пришлось оставить этотъ проектъ, стоившій огромныхъ денегъ и истощившій лѣса всей Лифляндіи и Эстляндіи. Говорятъ, будто императрица Елисавета снова велѣла начать эту работу, но до совершеннаго окончанія и утвержденія постройки будетъ весьма трудно предохранить ее отъ бурь, наносимыхъ западными вѣтрами, и я сомнѣваюсь, чтобы она была когда-нибудь вполнѣ окончена.

Петръ I началъ для блага своего флота еще другое предпріятіе: онъ велѣлъ прорыть чрезвычайно широкій и глубокій каналъ, начинающійся въ кронштадтской гавани; онъ углубляется въ островъ на разстояніи выстрѣла изъ пушки или мортиры; въ концѣ этого канала устроенъ большой бассейнъ, въ которомъ удобно могутъ стоять пятьдесятъ линейныхъ кораблей; въ этомъ бассейнѣ сдѣланы углубленія, которыя должны замѣнять верфи, въ нихъ можно будетъ вводить суда, нуждающіяся въ тимберовкѣ, и оставлять ихъ тамъ на сушѣ посредствомъ шлюзовъ. Императоръ умеръ въ то время, когда начинались работы, на которыя въ царствованія Екатерины и Петра II обращали весьма мало вниманія. Анна велѣла возобновить работы, подъ руководствомъ генерала Лубераса, но она не дожила до окончанія ихъ. Елисавета продолжала ихъ, и онѣ были приведены къ концу въ 1752 году. Генералу Луберасу принадлежитъ честь довершенія этой громадной постройки. Всѣ, видѣвшіе ее, говорятъ, что это сооруженіе достойно древнихъ римлянъ.

Въ числѣ улучшеній, сдѣланныхъ Петромъ I во флотѣ, не слѣдуетъ забывать галеръ, такъ какъ эта часть флота приноситъ Россіи, по крайней мѣрѣ, такую же пользу, какъ и корабли. Онѣ оказали государству самыя значительныя услуги въ войнахъ со Швеціей. Галерамъ Петръ I обязанъ славнымъ нистадтскимъ миромъ и опасеніе, чтобы онѣ не прошли въ Швецію, много способствовало заключенію абосскаго мира въ 1743 году.

До Петра I подобныхъ судовъ не видѣли на Балтійскомъ

морѣ; нѣсколько грековъ и далматинцевъ, пріѣхавшихъ въ Россію въ первую войну съ турками, подали мысль ввести во флотъ эти суда; ихъ построили нѣкоторое число въ Воронежѣ; покуда на Дону существовалъ флотъ, галеры были весьма полезны для крейсированія по Азовскому морю, а когда адмиралтейство было переведено въ Петербургъ, то нашли, что галеры могутъ оказать очень большія услуги для плаванія между островами и скалами, находящимися вдоль береговъ Финляндіи и Швеціи и называемыми обыкновенно шхерами.

Петръ I не замедлилъ воспользоваться этимъ преимуществомъ; въ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ появилось болѣе двухъ сотъ галеръ; тамъ онъ устроилъ для нихъ верфь и портъ, въ которомъ свободно можно помѣстить двѣсти галеръ; онѣ могутъ стоять на сушѣ и подъ навѣсами.

Императоръ не встрѣтилъ ни малѣйшаго затрудненія для постройки стольвихъ галеръ, сколько онъ хотѣлъ. Для нихъ не требовалось иного лѣса, кромѣ еловаго, которымъ наполнены окрестности Петербурга и Финляндія, и такъ какъ постройка ихъ не такъ сложна, какъ сооруженіе кораблей, то бо̀льшую часть галеръ построили въ Або русскіе солдаты, своими обыкновенными топорами, подъ руководствомъ двухъ или трехъ судостроителей-иностранцевъ. Управлять ими также весьма легко; послѣ одного или двухъ походовъ, совершенныхъ войсками на галерахъ, не было пѣхотнаго офицера, который не умѣлъ бы управлять ими также хорошо, какъ лучшій греческій штурманъ. Солдаты сами предпочитаютъ походы на этихъ судахъ сухопутнымъ, несмотря на то, что они принуждены грести; но это не утомляетъ ихъ до такой степени, какъ переходы, во время которыхъ они несутъ всю поклажу на плечахъ. Кромѣ того, что паруса подымаются при всякомъ благопріятномъ вѣтрѣ, солдаты имѣютъ тутъ при себѣ все нужное для жизни и ночуютъ почти каждый день на берегу. Русскіе не имѣютъ особыхъ гребцовъ на галерахъ и солдаты гребутъ сами, легко привыкая къ этому, въ два или въ три дня плаванія.

При кончинѣ своей, Петръ I оставилъ свой флотъ въ очень хорошемъ положеніи: магазины были наполнены, однимъ словомъ, все необходимое для вооруженія судовъ имѣлось въ изобиліи, такъ какъ флотъ былъ главною страстью императора, который не жа-

лѣлъ ни трудовъ, ни денегъ для того, чтобы привести все въ наилучшій порядокъ. Этотъ государь потратилъ громадныя суммы на то, чтобы привлечь въ свою страну искусныхъ судостроителей и другихъ мастеровыхъ, необходимыхъ для флота.

Въ царствованіе Екатерины флотъ началъ падать и былъ совершенно заброшенъ при Петрѣ II. Анна хотѣла возстановить въ немъ порядокъ. Лишь только она вступила на престолъ, какъ была назначена для этого коммисія, но работы ея подвигались такъ медленно, что когда, въ 1734 г., хотѣли блокировать городъ Данцигъ со стороны моря, то адмиралтейство терпѣло во всемъ недостатокъ и только съ великимъ трудомъ удалось вооружить пятнадцать линейныхъ кораблей, посланныхъ съ адмираломъ Гордономъ къ Данцигу, и самыя эти суда были въ столь плохомъ состояніи, что если бы только Франція имѣла въ этомъ краѣ восемь или девять кораблей, то русскій флотъ, по всей вѣроятности, и не предпринялъ бы выйти изъ кронштадтскаго порта. Война съ Турціей окончательно разстроила флотъ, какъ я уже сказалъ выше; лучшіе офицеры и старые матросы погибли на эскадрахъ, посланныхъ въ Азовское море и въ Очаковъ, и когда началась война со Швеціей, то въ первую кампанію Россія не могла послать въ море ни одного корабля. Мы видѣли также, что флотъ не предпринялъ ничего и въ послѣдующіе два похода.

Не знаю, были-ли приняты послѣ заключенія мира какія-нибудь мѣры для возобновленія флота. Одно только вѣрно, что въ Россіи болѣе чѣмъ когда-либо ощутителенъ недостатокъ въ хорошихъ флотскихъ офицерахъ и матросахъ, и что во всей этой обширной имперіи не найдется, быть можетъ, и трехъ лицъ, которымъ можно было бы поручить начальство надъ флотомъ.

Образъ правленія въ Россіи былъ всегда деспотическій [1]; сво-

---

[1]) Русское государство началось въ 861 г. по Р. Х., когда правилъ первый царь, новгородскій князь Рюрикъ; съ этихъ поръ и до настоящаго времени въ Россіи было сорокъ шесть государей, считая тутъ же и Лжедмитріевъ, имена которыхъ значатся въ лѣтописяхъ. Исторія времени первыхъ государей довольно неясна, такъ какъ страна была раздѣлена между нѣсколькими мелкими князьями, совершенно подчиненными татарамъ. Иванъ Васильевичъ I, прозванный побѣдителемъ и начавшій царствовать въ 1413 г., свергнулъ иго татаръ и сдѣлалъ большія завоеванія. Съ этихъ поръ начинается послѣдовательная исторія Россіи. Прим. Авт.

бода русскаго подданнаго никогда не доходила до того, чтобы онъ не былъ вполнѣ подвластенъ неограниченной волѣ своего государя, и хотя древніе цари предоставляли своему дворянству довольно случаевъ поднять голову и ограничить верховную власть,—такъ какъ они дали ему большія привиллегіи и раздѣлили государство на нѣсколько областей, имѣвшихъ каждая своего государя,—однако въ исторіи мы не встрѣчаемъ ни одного указанія на то, чтобы когда-либо была сдѣлана попытка положить предѣлы той неограниченной власти, которую государь имѣлъ надъ имуществомъ и жизнью своихъ подданныхъ.

Уваженіе, которое русскій народъ питалъ къ потомкамъ перваго великаго князя Рюрика, было такъ велико, что они были далеки отъ мысли о малѣйшемъ возстаніи во все время, покуда существовалъ его родъ, и никто, быть можетъ, никогда и не думалъ, что Россія можетъ управляться иначе какъ деспотическимъ государемъ. Это доходило до того, что когда, послѣ убіенія перваго Лжедмитрія, народъ избралъ царемъ князя Шуйскаго (Schwiskoy), происходившаго, правда, отъ древняго царскаго рода, но отъ линіи, отдѣлившейся отъ него уже много лѣтъ, то государь этотъ самъ предложилъ дать присягу, въ силу которой онъ обязывался не казнить ни одного боярина смертію безъ согласія всѣхъ чиновъ этого сословія. Тогда всѣ бояре бросились къ нему въ ноги, умоляя его не отказываться такъ легко отъ столь драгоцѣннаго сокровища, какъ самодержавіе. Но когда Шуйскій палъ подъ могуществомъ Польши и сановники государства рѣшили избрать другаго царя, то многіе изъ нихъ предложили ограничить власть новаго монарха, который не имѣлъ надъ ними другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, какія они заблагоразсудили предоставить ему.

Многіе русскіе вельможи, бывшіе въ то время въ плѣну у Польши, поддержали это намѣреніе, между прочимъ, и ростовскій епископъ Ѳеодоръ или Филаретъ, не воображавшій, что выборъ падетъ на его сына.

Такимъ образомъ былъ составленъ сенатъ, названный соборомъ, въ которомъ засѣдали не только бояре, но и всѣ занимавшіе въ государствѣ высшія должности; въ немъ было единогласно рѣшено избрать лишь того государя, который дастъ имъ подъ присягою обѣщаніе творить судъ по стариннымъ законамъ царства, не осуждать никого самовластно, и еще менѣе того

увеличивать налоги, объявлять войну и заключать миръ, не посовѣтовавшись объ этомъ съ соборомъ, а для того, чтобы новый царь былъ еще болѣе связанъ этими условіями, было рѣшено, что его не слѣдуетъ избирать изъ вліятельнаго рода, который имѣлъ бы въ странѣ большую поддержку, могущую ему пригодиться, когда онъ захотѣлъ бы нарушить данную присягу или присвоить себѣ неограниченную власть.

Съ этой цѣлью былъ избранъ въ цари юный пятнадцати лѣтній дворянинъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Отецъ его, епископъ рязанскій[1]), былъ твердымъ противникомъ польской партіи. Все его родство съ древнимъ царскимъ родомъ заключалось въ томъ, что Иванъ Васильевичъ II былъ въ супружествѣ съ сестрою его дѣда, Анастасіею Романовною, дочерью простаго дворянина.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ безъ затрудненія принялъ и подписалъ предложенныя ему условія и царствовалъ нѣсколько лѣтъ согласно заключенному съ нимъ уговору. Но отецъ его, Филаретъ, освободившись изъ плѣну въ Польшѣ и возведенный въ патріаршій санъ, съумѣлъ такъ хорошо воспользоваться, какъ властью, которую это званіе давало ему надъ суевѣрнымъ народомъ, такъ и неудовольствіемъ мелкаго дворянства противу бояръ, а равно и несогласіями, существовавшими между самими боярами, что захватилъ вскорѣ всю власть и держалъ сына какъ бы въ опекѣ до самой своей смерти.

Патріархъ отдѣлался всякими средствами отъ людей съ республиканскимъ духомъ и предоставилъ собору только честь одобрять его указы. Чтобы имѣть силу для исполненія своихъ предпріятій, онъ создалъ новую гвардію, которой далъ названіе стрѣльцовъ, и предоставилъ имъ большія права и преимущества, но не поручилъ начальства надъ этимъ войскомъ ни одному знатному лицу, а поставилъ во главѣ его лишь выслужившихся офицеровъ, отличившихся въ войнѣ съ Польшей; это было причиною того, что дворянство сильно презирало эти войска, а стрѣльцы, съ своей стороны, возненавидѣли дворянство.

Это войско поставило царя Михаила Ѳеодоровича въ такое

---

[1]) Въ подлинникѣ: «son père l'evêque de Rezan». Ред.

положеніе, что послѣ смерти патріарха онъ могъ царствовать съ такою же властью, какую имѣлъ отецъ.

Послѣ кончины царя Михаила, наслѣдовавшій ему сынъ Алексѣй имѣлъ такую власть, благодаря помощи стрѣльцовъ, что вовсе не имѣлъ нужды обращать вниманіе на дворянъ и могъ нарушать ихъ права, когда только ему было угодно.

По смерти царя Алексѣя, на престолъ вступилъ старшій сынъ его Θеодоръ Алексѣевичъ; государь этотъ, хотя весьма слабаго сложенія и почти всегда хворый, держался, однако, противъ дворянства при помощи стрѣльцовъ. Онъ принялъ даже смѣлую рѣшимость сжечь родословныя таблицы всего дворянства, хранившіяся въ Москвѣ, въ особомъ приказѣ, устроенномъ дворянствомъ для этой цѣли. Этой мѣрой онъ хотѣлъ разомъ уничтожить различіе, которое высшее дворянство полагало между собою и мелкими дворянами.

Царь Θеодоръ умеръ нѣсколько времени спустя и бояре возвели на престолъ его младшаго брата, Петра Алексѣевича, исключивъ старшаго брата, царевича Іоанна, въ надеждѣ, что имъ удастся во время малолѣтства Петра, имѣвшаго тогда всего десять лѣтъ, снова захватить преимущества, утраченныя ими въ предъидущія царствованія. Но царевна Софія, сестра царя, недовольная тѣмъ, что единоутробнаго брата ея, Іоанна, удалили отъ правленія, съумѣла пріобрѣсти расположеніе стрѣльцовъ и возбудить бунтъ, во время котораго были умерщвлены всѣ бояре, исключившіе царевича Іоанна; послѣдній былъ объявленъ царемъ наравнѣ съ Петромъ, а царевна Софія была даже объявлена соправительницей. Имя ея стояло рядомъ съ именами братьевъ во всѣхъ указахъ и даже на монетахъ, и она, собственно говоря, царствовала всѣ шесть лѣтъ, въ теченіе которыхъ Петръ раздѣлялъ престолъ со своимъ братомъ.

Мы знаемъ изъ исторіи этого государя, какъ онъ освободился отъ такой опеки и съ какимъ деспотизмомъ онъ царствовалъ все время въ Россійской имперіи.

Ему наслѣдовала Екатерина и князь Меншиковъ поддерживалъ захваченную имъ верховную власть; въ продолженіе тѣхъ трехъ лѣтъ, когда Петръ II носилъ званіе императора, на самомъ дѣлѣ царствовали вначалѣ Меншиковъ, а послѣ ссылки его— князья Долгорукіе. Однако, если бы Петръ II прожилъ долѣе, то

высшему дворянству, безъ сомнѣнія, удалось бы мало по малу захватить свои старинныя преимущества. Послѣ смерти Петра II, оно думало, что наступило удобное время выйти изъ рабства, но замыселъ этотъ не удался, какъ мы это видѣли въ исторіи императрицы Анны, и я сильно сомнѣваюсь въ томъ, что этой имперіи или, лучше сказать, высшему дворянству, удастся когда-нибудь достигнуть свободы. Этому будетъ всегда препятствовать чрезвычайно многочисленное въ Россіи мелкое дворянство, которое опасается болѣе тираніи вельможъ, нежели власти государей.

До царя Ивана Васильевича II, царствовавшаго съ 1533 до 1584 года, въ Россіи не было другаго закона, кромѣ воли государя. Этотъ монархъ велѣлъ составить сводъ законовъ, взявъ за основаніе прежніе примѣры и древніе обычаи. Книга эта была роздана судьямъ и оставалась въ рукописи до царствованія Алексѣя Михаиловича, который велѣлъ напечатать ее. Въ царствованіе Петра I законы были распространены и исправлены. Однако, старинная книга все еще служитъ основаніемъ при разбирательствѣ всѣхъ дѣлъ и т. п.

Чтобы закончить эти Записки, я прибавлю нѣсколько словъ объ общемъ духѣ націи; нѣкоторые писатели утверждали, что до царствованія Петра I всѣ русскіе вообще и каждый изъ нихъ въ частности были совершенно глупы и тупы, но это въ полной мѣрѣ ложно и противное тому весьма легко доказать.

Тѣмъ, которые составили себѣ подобное понятіе, стоитъ только прочесть русскую исторію семнадцатаго столѣтія, за то время, когда честолюбіе Годунова и происки поляковъ раздѣлили націю на нѣсколько партій и поставили царство на край погибели. Шведы владѣли Новгородомъ, а поляки столицею—Москвою; несмотря на эти бѣдствія, русскіе, своими разумными дѣйствіями, съумѣли избавиться отъ владычества двухъ, столь могучихъ въ то время враговъ, каковы были Швеція и Польша. Менѣе чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ, они завоевали снова всѣ земли, отнятыя у нихъ во время этихъ смутъ, а между тѣмъ, при этомъ у нихъ не было ни одного министра, ни одного генерала изъ иностранцевъ. Размышляя объ этихъ событіяхъ, не трудно сознаться, что столь важныя предпріятія не могутъ быть задуманы и выполнены глупцами.

Вообще у русскихъ нѣтъ недостатка въ умѣ. Заботы Петра I

объ образованіи народа не простирались никогда на мѣщанъ и на крестьянъ, однако стоитъ только поговорить съ человѣкомъ этого сословія, чтобы найти въ немъ здравый смыслъ и разсудительность сколько нужно, но только въ такихъ вещахъ, которыя не касаются вкоренившихся въ него съ дѣтства предразсудковъ относительно его родины и религіи; онъ весьма способенъ понимать все, что ему ни предлагаютъ, легко умѣетъ находить средства для достиженія своей цѣли и пользуется представляющимися случайностями съ большою смѣтливостью. Наконецъ, можно съ увѣренностью сказать, что русскіе мѣщане или крестьяне выкажутъ во всѣхъ обстоятельствахъ болѣе смышленности, чѣмъ сколько она обыкновенно встрѣчается у людей того же сословія въ прочихъ странахъ Европы. Но подобныя изслѣдованія невозможно дѣлать, не зная языка страны, и немногіе иностранцы приняли на себя трудъ изучать его; отъ этого и возникли столь неосновательные разсказы объ этомъ народѣ, который, съ своей стороны, много способствовалъ распространенію ихъ, оказывая въ разныхъ случаяхъ свое презрѣніе къ иностранцамъ и ко всему, что походило на моду или обычай чужихъ краевъ; къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что въ началѣ текущаго столѣтія обычаи и нравы русскихъ были совершенно иные, чѣмъ у всѣхъ прочихъ европейскихъ націй и въ этомъ народѣ вовсе не знали ни правилъ благопристойности, ни даже общаго права людей и иностранныхъ министровъ, которыя соблюдаются при прочихъ дворахъ Европы.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Зачеркнутыя Манштейномъ мѣста въ „Запискахъ о Россіи“.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Стр. 2, стк. 18 сверху: ....онъ хотѣлъ всѣмъ управлять одинъ, распоряжаться по своему усмотрѣнію, предоставляя другимъ только честь повиноваться его приказаніямъ. Это регентство тотчасъ послѣ кончины Екатерины взяло въ руки бразды правленія. Но князь Меншиковъ одинъ занимался дѣлами. Онъ управлялъ всѣмъ, а прочіе только подписывались для формы....

Стр. 3, стк. 17 сверху: ....нѣсколько знатныхъ лицъ составили было заговоръ противъ Меншикова. Они хотѣли, чтобы императрица удалила его отъ дѣлъ. Умыселъ ихъ былъ отправить Петра II въ иностранныя земли для изученія наукъ и, въ случаѣ кончины императрицы до его совершеннолѣтія, отдать регентство царевнамъ, дочерямъ царя Іоанна, и сенату, за исключеніемъ Меншикова. Но это было обнаружено и виновники строго наказаны....

Стр. 5, стк. 11 сверху: Случай этотъ представился по легкомыслію или ужасной неосторожности самаго Меншикова. Враги Меншикова имѣли время переговорить съ императоромъ въ тѣ нѣсколько дней, что Меншиковъ находился въ отсутствіи, въ имѣніи Ораніенбаумѣ, въ восьми верстахъ отъ Петергофа, гдѣ въ то время находился императоръ. Меншиковъ выстроилъ въ томъ имѣніи церковь и намѣревался ее освятить. На эту церемонію приглашены были императоръ и весь дворъ. Но въ назначенный день императоръ отговорился нездоровьемъ. Меншиковъ сталъ было подозрѣвать козни, но

милостивый пріемъ императора успокоилъ его. Нѣсколько времени спустя, дворъ возвратился въ Петербургъ, и хотя и были сдѣланы приготовленія въ лѣтнемъ дворцѣ, однако императоръ снова занялъ свое помѣщеніе въ домѣ Меншикова. Впрочемъ, онъ тутъ не долго оставался. Лица, начавшія чернить князя въ мнѣніи императора, не пропускали ни малѣйшаго случая раздувать непріязнь. Но усилія ихъ не могли бы такъ скоро привести его къ паденію, если бы онъ самъ собственною неосторожностью не ускорилъ его. 17-го сентября рѣшена была его гибель....

Стр. 6, стк. 4 сверху: ....Затѣмъ, отвернувшись, ушелъ и приказалъ перевезти себя въ лѣтній дворецъ и тамъ собраться верховному совѣту. Меншиковъ хотѣлъ было слѣдовать за нимъ, но его же собственная стража заперла ему выходъ изъ дому. Совѣтъ засѣдалъ уже съ часъ времени, какъ отправленъ былъ къ князю генералъ-поручикъ Салтыковъ, съ объявленіемъ, что онъ арестованъ и съ приказаніемъ возвратить свои ордена. Потомъ имущество его и бумаги были запечатаны. Меншиковъ послалъ жену и дочь, невѣсту императора, броситься къ ногамъ государя и просить о помилованіи, но ихъ не впустили во дворецъ. Такимъ образомъ все это могущество рушилось менѣе чѣмъ въ три часа времени. Поутру все дрожало при одномъ имени Меншикова (самъ государь еще за нѣсколько дней оказывалъ ему всевозможное почтеніе, страшась его, какъ только сынъ можетъ страшиться отца), а еще до вечера того же дня всѣ его ненавидѣли. Только спустя нѣкоторое время, наряжена была коммисія для изслѣдованія дѣйствій князя и обвиненій противъ него. Она приговорила его къ ссылкѣ на границу Сибири, въ мѣстечко по имени Ораненбургъ. Здѣсь онъ умеръ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1729 г. Всѣ его помѣстья были конфискованы въ пользу казны. Ему предоставили только нѣкоторыя деревни на содержаніе его семейства, которому позволено было и жить въ нихъ. Однако жена его и дѣти добровольно послѣдовали за нимъ въ ссылку....

Стр. 10, стк. 10 сверху: ....Меншиковъ одинъ захватилъ всю власть и правилъ всѣмъ одинъ. Послѣ паденія Меншикова каждая изъ старинныхъ фамилій льстилась добиться преимущественно передъ другими милости императора....

Стр. 11, стк. 2 сверху: ....20-го этого мѣсяца дворъ выѣхалъ изъ Петербурга и 29-го числа прибылъ въ Москву. Но торжественный въѣздъ туда императора происходилъ только 15-го февраля....

Стр. 12, стк. 17 сверху: ....они такъ обезсилены, что не скоро въ состояніи будутъ оправиться....

Стр. 13, стк. 13 снизу: ....до того они были въ союзѣ съ Пор-

тою со времени прибытія Карла XII въ Бендеры. Чтобъ привязать ихъ къ себѣ, петербургскій дворъ обязанъ выдавать имъ ежегодную пенсію. Начальникъ ихъ республики называется кошевымъ. Они выбираютъ его изъ своей среды (но необходимо, чтобы онъ былъ утвержденъ въ этомъ званіи глуховскимъ правленіемъ), и пока онъ имъ нравится, они оказываютъ ему слѣпое повиновеніе; какъ скоро же они имъ недовольны, они безо всякихъ другихъ формальностей отставляютъ его отъ должности....

Стр. **14**, стк. **15** сверху: .....Они могутъ выставить отъ 12-ти до 15-ти тыс. людей. Число войска могло бы дойти до 12-ти и 15-ти тысячъ, если бы всѣ согласились сѣсть на коней. Несмотря на всѣ усилія свои, русскій дворъ не успѣлъ покорить этихъ бродягъ, промышляющихъ грабежемъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Вторгающіеся такъ часто въ Польшу гайдамаки—тѣ же запорожскіе казаки.....

Стр. **16**, стк. **13** сверху: .....безъ ихъ согласія никто не смѣлъ приближаться къ императору. Онъ часто ѣзжалъ для удовольствія, или на охоту въ ихъ имѣнія.....

Стр. **16**, стк. **19** сверху: .....она не была лишена ни ума, ни образованія. Эта-то княжна плѣнила сердце Петра II. Любимецъ Долгорукій, сопровождая императора на охоту, угостилъ его завтракомъ въ одномъ изъ своихъ помѣстій; туда же пригласилъ и сестру свою, которая была представлена государю. Петръ II, увидѣвъ ее, страстно въ нее влюбился и внѣ ея общества не зналъ себѣ покоя.....

Стр. **17**, стк. **8** сверху: .....Онъ царствовалъ слишкомъ короткое время, или скорѣе, совсѣмъ не царствовалъ; оттого нельзя сказать, чтобы о немъ жалѣли послѣ его кончины.....

Стр. **17**, стк. **7** снизу: .....изъ него вышелъ бы со временемъ великій государь. Графъ Остерманъ имѣлъ порученіе отъ Петра I слѣдить за обученіемъ его внука и онъ исполнялъ эту обязанность со всевозможнымъ стараніемъ, насколько его допускали до этого и насколько позволяли лежавшія на немъ другія дѣла. Царствованіе Петра II продолжалось менѣе трехъ лѣтъ; счастіе для страны, что на ту пору господствовалъ миръ; иначе это государство было бы неминуемо раздираемо внутренними крамолами.....

Стр. **18**, стк. **13** сверху: .....онъ приходился бы дядею теперешней великой княгини. Это былъ второй разстроенный бракъ царевны Елисаветы. За нѣсколько лѣтъ до смерти Петра I, французскій дворъ посылалъ Кампредона просить ея руки для Людовика XV. Мнѣ неизвѣстно, что было помѣхою этому союзу. Весьма вѣроятно, что онъ оказался бы выгоднымъ для обоихъ дворовъ. Одни приписываютъ

вину Кампредону, который не съумѣлъ вести переговоры по такому важному дѣлу; другіе же утверждають, что разстроили союзъ своими происками нѣкоторые дворы, видѣвшіе въ немъ невыгоду для себя....

Стр. 18, стк. 2 снизу: .....конецъ ихъ былъ еще трагичнѣе перваго. Долгорукіе скрывали отъ всѣхъ опасную болѣзнь императора, а когда увидѣли, что ему уже не встать, смастерили завѣщаніе, которымъ княжна Катерина, невѣста императора, объявлялась императрицею. Князь Иванъ подписалъ бумагу отъ имени императора, какъ онъ бывало дѣлалъ при жизни и по приказанію государя. Едва Петръ II закрылъ глаза, какъ князь Иванъ, взявъ шпагу на̀-голо, вышелъ изъ комнаты и закричалъ: „Да здравствуетъ императрица Екатерина!" Но какъ на это никто не откликнулся, онъ увидѣлъ, что планъ его не сбудется; вложивъ шпагу въ ножны, онъ отправился домой и сжегъ завѣщаніе.

Вскорѣ послѣ того сенатъ и находившіеся въ Москвѣ главные генералы арміи собрались и заперлись въ одной изъ комнатъ кремлевскаго дворца. Великій канцлеръ графъ Головкинъ объявилъ собранію кончину императора, и прибавилъ, что такъ какъ кончиною Петра II мужское поколѣніе Петра I пресѣклось, то слѣдуетъ сдѣлать выборъ изъ царевенъ, дочерей царя Іоанна Алексѣевича, какъ старшаго въ родѣ, и дать упразднившійся престолъ достойнѣйшей изъ нихъ; что хотя справедливость требуетъ отдать преимущество старшей, однако послѣдняя находится въ замужствѣ съ герцогомъ Карломъ Леопольдомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, она же отказалась царствовать; поэтому, слѣдуетъ обратиться къ вдовствующей герцогинѣ Курляндской, имѣющей не болѣе 36-ти лѣтъ отъ роду, такъ что она можетъ вторично вступить въ бракъ и дать наслѣдниковъ Россіи. Послѣ этого предисловія, заслужившаго общее одобреніе, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ всталъ и сказалъ: „что такъ какъ Россія сильно пострадала отъ деспотическаго правленія, чему содѣйствовали привлеченные въ страну Петромъ I въ большомъ числѣ иноземцы, то нужно ограничить это правленіе полезными законами, и вручить новой императрицѣ власть не иначе, какъ подъ извѣстными условіями". Голицынъ спросилъ: „все-ли собраніе одобряетъ предложеніе?" Несмотря на общее молчаніе, онъ принялъ его за согласіе. Учрежденъ былъ верховный совѣтъ изъ семи лицъ (большинство составляли Долгорукіе или ихъ родственники), которымъ и передана была вся власть; затѣмъ собраніе постановило слѣдующія условія.....

Стр. 21, стк. 9 сверху: .....отъ дворянства генералъ-поручикъ Леонтьевъ. Графъ Остерманъ, несмотря на свое званіе вице-канцлера, не присутствовалъ въ засѣданіи сената. Когда Петръ II былъ уже

при смерти, Остерманъ сказался больнымъ. Благодаря такимъ своевременнымъ болѣзнямъ, этотъ министръ такъ долго держался въ Россіи. ...

Стр. 22, стк. 5 снизу: .....депутаты избили его, чтобъ заставить его сказать, какое ему было дано порученіе къ императрицѣ; но онъ ни въ чемъ не признался, послѣ чего они.....

Стр. 22, стк. 4 снизу: .....и заключенъ въ тюрьму. Такъ какъ императрица была предупреждена Сумароковымъ о порученіи депутатовъ, то она тѣмъ лучше могла притвориться; она не обнаружила ничего; подписала все, что было ей предложено отъ имени верховнаго совѣта и распорядилась немедленно отправиться въ путь.....

Стр. 26, стк. 3 сверху: .....были разосланы курьеры съ объявленіемъ о принятіи императрицею самодержавія. Радость во всей имперіи была неописанная, такъ какъ всѣ страшились правленія верховнаго совѣта, хотя подписанныя императрицею условія и обѣщали много добра для страны.....

Стр. 26, стк. 3 сверху: .....о принятіи императрицею самодержавія [1]). Мелкое дворянство и народъ, опасавшіеся правленія совѣта, были очень рады этой перемѣнѣ, но въ самый день переворота, вечеромъ, показалось сѣверное сіяніе, покрывшее весь горизонтъ, который казался залитымъ кровью. Это явленіе природы произвело такое впечатлѣніе на суевѣрный народъ, что всѣ были приведены въ ужасъ и въ послѣдствіи русскіе говорили, что предзнаменованіе это было слишкомъ оправдано тѣми ручьями крови, которую Биронъ проливалъ въ странѣ.

Велико было изумленіе членовъ совѣта, и въ особенности Долгорукихъ, когда имъ объявили повелѣніе явиться къ императрицѣ. Одинъ только Михаилъ Голицынъ (Michaelowitz Gallitzin) сохранилъ спокойствіе (gravité) и даже нѣкоторую гордость; онъ сказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ друзей: „Ну что же, пиръ былъ готовъ, но гости были недостойны его; я знаю, что я буду его жертвою! Такъ и быть! я пострадаю за отечество! я близокъ къ концу моего поприща, но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ проливать слезы долѣе меня".

Республиканской партіи ставятъ въ вину четыре главныя вещи:

1) То, что они не привлекли на свою сторону духовенство, которое, укрѣпивъ ихъ систему узами церковнаго проклятія, гораздо болѣе

[1]) Далѣе отъ словъ: «Мелкое дворянство» до словъ: «были вмѣстѣ» не имѣется въ подлинной рукописи Записокъ Манштейна; но такъ какъ строки эти помѣщены во всѣхъ изданіяхъ этихъ записокъ и, между прочимъ, въ нѣмецкомъ (1771) и въ русскомъ (1810, Дерптъ), то мы и сочли необходимымъ помѣстить ихъ здѣсь въ переводѣ съ нѣмецкаго изданія.

чтимаго въ Россіи, нежели присяга, сообщили бы ему не легко нарушимую прочность.

2) То, что они не разсѣяли гвардейцевъ, назначивъ ихъ въ караулы ко двору по-ротно и по-смѣнно.

3) То, что они не обезглавили Ягужинскаго, такъ какъ подобная строгая мѣра устрашила бы всѣхъ.

4) То, что они не отослали обратно Бирона, когда Анна призвала его въ Москву вопреки слову, данному депутатамъ въ Митавѣ. Что же касается до перваго пункта, то его отклонилъ (le refusa) князь Дмитрій Голицынъ (Démetri Gallitzin); онъ зналъ духовенство и слишкомъ боялся его; онъ говорилъ, что не хотѣлъ освободиться отъ неволи, чтобы попасть только въ худшую, надѣясь, впрочемъ, избѣгнуть ее. Братъ его, фельдмаршалъ Голицынъ и фельдмаршалъ Долгорукій были противъ втораго пункта, такъ какъ они командовали обоими гвардейскими полками. Третій—не былъ приведенъ въ исполненіе въ уваженіе къ государственному канцлеру Головкину, а четвертый—по слабости. Однако, можно сказать навѣрно, что одна или двѣ сильныя мѣры произвели бы такое впечатлѣніе, что никто не посмѣлъ бы сдѣлать ни малѣйшаго движенія, въ особенности, если бы члены верховнаго совѣта были вмѣстѣ (eussent été unis).....

Стр. **26**, стк. **9** сверху: .....его засадили по приказанію верховнаго совѣта; его уже предали суду, такъ что если бы императрица двумя днями позже вступила въ управленіе, я не думаю, чтобы его тогда застали въ живыхъ.....

Стр. **26**, стк. **19** сверху: .....послѣ кончины Петра II и какой бы оборотъ дѣло ни приняло, онъ не могъ бы никогда пострадать, такъ какъ онъ въ совѣтѣ не подавалъ никакого мнѣнія относительно разбиравшагося въ немъ тогда щекотливаго дѣла.....

Стр. **29**, стк. **14** снизу: .....поступилъ въ польскую службу, гдѣ, начавъ съ рядоваго.....

Стр. **30**, стк. **14** сверху: .....но безъ образованія и недальняго ума. Возвращаюсь къ второму брату. Онъ былъ офицеромъ въ польской службѣ. Пріѣхавъ навѣстить отца въ Курляндію, проѣздомъ черезъ Митаву, онъ представлялся вдовствующей герцогинѣ курляндской и имѣлъ честь ей понравиться. Она приказала ему предложить поступить къ ней на службу камеръ-юнкеромъ, а какъ онъ былъ красивой наружности, то герцогиня такъ полюбила его общество, что сдѣлала его своимъ наперсникомъ.....

Стр. **31**, стк. **19** сверху: .....Провозглашенная императрицею, герцогиня пожаловала его въ камергеры, а въ день коронованія онъ возведенъ въ почетныя должности, о которыхъ я упомянулъ выше.....

Стр. **33,** стк. **15** сверху: .....передъ другими вельможами имперіи. Но онъ обманулся въ своемъ ожиданіи. Онъ не могъ видѣть безъ зависти, что всѣ дѣла проходили не черезъ него, а черезъ чужія руки; что учредили кабинетъ, не назначивъ его членомъ; наконецъ, ему показалось, что любимецъ не оказывалъ ему достаточно уваженія. Такъ какъ онъ былъ оберъ-прокуроромъ сената, то предлагалъ кабинету нѣсколько дѣлъ между прочимъ дѣло о нѣкоторыхъ привилегіяхъ лифляндскаго дворянства, которое было отклонено. Это задѣло его за живое, такъ что.....

Стр. **36,** стк. **12** сверху: .....уже выбирала ей супруга. Графъ Левенвольде, оберъ-шталмейстеръ и полковникъ гвардіи, былъ посланъ въ Вѣну и Берлинъ для переговоровъ о двухъ бракахъ. Вѣнскій дворъ долженъ былъ предложить жениха для принцессы Мекленбургской. Его выбрали въ лицѣ принца Антона Ульриха-Брауншвейгскаго, племянника римской императрицы. Казалось, что этотъ принцъ, отправляясь въ Россію, шелъ на встрѣчу фортунѣ, и что тамъ его ожидалъ верхъ блаженства, но въ послѣдствіи времени мы увидѣли, что онъ прибылъ туда на свою собственную бѣду и къ несчастію многихъ другихъ лицъ. При прусскомъ дворѣ графъ Левенвольде долженъ былъ склонить короля на согласіе отпустить маркграфа Карла въ С.-Петербургъ для брака съ царевною Елисаветою, нынѣ императрицею. Русскій дворъ обязывался дать принцу герцогство Курляндское; однако переговоры эти ни къ чему не повели. Прусскій король не согласенъ былъ отпустить принца въ Россію. Императрица старалась выдать Елисавету замужъ за иностранца съ тою цѣлью, чтобы отнять у нея надежду вступить когда-либо на россійскій престолъ. Такъ какъ планъ ея не удался, то она готова была заключить Елисавету въ монастырь, и если бы не графъ Биронъ, то она навѣрное принуждена была бы постричься.....

Стр. **37,** стк. **3** снизу: .....Первый изъ нихъ былъ г. Фикъ, который былъ посланъ въ Швецію за нѣсколько лѣтъ до восшествія на престолъ императрицы Анны.....

Стр. **37,** стк. **1** снизу: .....относительно управленія этой страны. Въ рапортѣ своемъ сенату г. Фикъ привелъ нѣсколько замѣчаній противъ самодержавія, а когда Анна вступила на престолъ, онъ слишкомъ вольно отзывался объ ея любимцѣ. Ему случилось долго раскаиваться въ своихъ ошибкахъ: его арестовали, а затѣмъ сослали въ Сибирь, гдѣ онъ находился до восшествія на престолъ Елисаветы.....

Стр. **43,** стк. **8** снизу: .....Петръ задумалъ соединить моря Балтійское и Каспійское. Этотъ проектъ легко было бы выполнить, еслибъ можно было воспользоваться Ладожскимъ озеромъ. Но это озеро.....

Стр. **44**, стк. **18** сверху: .....24 шлюза для подъема и спуска воды. Графу Миниху принадлежитъ честь приведенія этого великаго сооруженія въ то превосходное состояніе, въ которомъ оно находится въ настоящее время.....

Стр. **55**, стк. **15** снизу: .....благодаря поддержкѣ оберъ-шталмейстера графа Левенвольде (большаго любимца графа Бирона и смертельнаго врага графа Миниха).....

Стр. **56**, стк. **12** сверху: .....противъ правой стороны Гагельсберга. Командовавшій послѣднею атакою офицеръ проникъ до прикрытаго пути и побилъ тамъ нѣсколько человѣкъ непріятеля.....

Стр. **57**, стк. **14** снизу: .....всего ихъ было 2,400 человѣкъ. Но ежели бы ихъ было въ пять разъ болѣе, то тогда, быть можетъ, и удалось бы заставить русскихъ снять осаду.....

Стр. **58**, стк. **16** снизу: .....12-го іюня утромъ.....

Стр. **62**, стк. **11** сверху: .....нѣсколько разъ подтверждалось извѣстіе, что Франція употребляла всѣ средства для того, чтобы склонить Порту къ разрыву съ Россіей.....

Стр. **63**, стк. **16** сверху: .....склоняла шведовъ къ разрыву съ русскими; но выгодныя предложенія со стороны петербургскаго двора, имѣвшаго весьма большую партію въ Швеціи, произвели хорошее дѣйствіе. Обѣ державы возобновили союзный и торговый договоры....

Стр. **66**, стк. **5** снизу: .....онъ выполнилъ бы его лучше своего преемника. Поведеніемъ Леонтьева остались недовольны, однако онъ нашелъ средство оправдаться.....

Стр. **67**, стк. **12** сверху: .....защищаемый 50-ю солдатами. Прежде чѣмъ продолжать разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ, я хочу дать здѣсь понятіе.....

Стр. **68**, стк. **13** сверху: .....въ Изюмѣ, казацкомъ городѣ, по близости линій. По планамъ графа Миниха, въ этотъ походъ слѣдовало сильно напирать на крымскихъ татаръ.....

Стр. **69**, стк. **6** сверху: .....причиненные ими на русской землѣ убытки. Онъ обратился въ тоже время къ министрамъ прочихъ христіанскихъ державъ и къ.....

Стр. **70**, стк. **2** сверху: .....нѣсколько отдѣльныхъ лицъ. Прежде нежели распространяться о военныхъ дѣйствіяхъ, я скажу нѣсколько словъ о мѣрахъ, принятыхъ дворомъ.....

Стр. **71**, стк. **20** снизу: .....и направился со своимъ отрядомъ.....

Стр. **77**, стк. **14** сверху: .....длина ихъ 7 верстъ, онѣ построены по прямой линіи отъ.....

Стр. **79**, стк. **6** сверху: .....не можетъ выдержать долгой осады.....

Стр. 81, стк. 14 снизу: .....и запорожцевъ съ нѣсколькими пушками.....

Стр. 82, стк. 3 снизу: .....принуждены были отступить. Татары этотъ разъ такъ близко подошли къ русскимъ, что подступали уже къ самымъ рогаткамъ.....

Стр. 87, стк. 9 сверху: .....несмотря на всѣ предосторожности, принятыя фельдмаршаломъ Минихомъ.....

Стр. 87, стк. 16 снизу: .....гдѣ стоитъ ихъ армія. Фельдмаршалъ получилъ наконецъ отъ двора приказанія касательно возвращенія его арміи.....

Стр. 89, стк. 1 сверху: .....вторгнуться въ Россію зимою. Такимъ то образомъ окончился этотъ знаменитый крымскій походъ, прославившій, въ особенности за границей, главнокомандующаго, не доставивъ, однако, ни малѣйшей выгоды тому государству, которое предприняло войну.....

Стр. 93, стк. 14 сверху: .....для соединенія съ Минихомъ, который извѣщалъ, что армія его чрезвычайно ослаблена и просилъ подкрѣпленія.....

Стр. 93, стк. 12 снизу: .....которое съ нимъ было. Это-то движеніе и было причиной ссоры, возникшей между Минихомъ и Ласи.....

Стр. 94, стк. 19 снизу: .....напасть на тѣхъ татаръ. Я упомяну здѣсь и о другихъ походахъ, совершенныхъ въ эту кампанію иррегулярными войсками. Въ началѣ апрѣля, Донъ-Дукъ-Омбо, начальникъ или князь калмыковъ, живущихъ между Царицынымъ и Астраханью, двинулся съ 20-ю т. своихъ подданныхъ, чтобы, по повелѣнію двора, вступить въ Кубанскую землю и напасть тамъ на татаръ.....

Стр. 98, стк. 10 сверху: .....и послѣ смерти графа Вейсбаха. Что же касается принца Гессенскаго, то ему никакъ не удалось снова попасть въ милость. Онъ дѣлалъ ошибку за ошибкою и былъ ненавидимъ всѣми, какъ мы это увидимъ въ послѣдствіи.....

Стр. 99, стк. 10 сверху: .....тащить дрова для варки кушанья.....

Стр. 100, стк. 10 снизу: .....подъ начальствомъ штабъ-офицера. Люди эти обязаны были конвоировать курьеровъ, посланныхъ отъ двора.....

Стр. 100, стк. 3 снизу: .....были расположены среди степи и стояли совершенно отдѣльно одна отъ другой.....

Стр. 101, стк. 7 сверху: .....ни атаковать его, и они никогда не рѣшались провести болѣе одной ночи въ окопахъ, покинутыхъ русскими.....

Стр. 101, стк. 12 снизу: .....ихъ настигали, отнимали у нихъ часть захваченной добычи.....

Стр. **101**, стк. 9 снизу: .....четырехлѣтней войны съ турками. Татары, съ трудомъ находившіе себѣ пропитаніе послѣ того, какъ русское войско оставило Крымъ, намѣревались отомстить.....

Стр. **102**, стк. 5 сверху: ....собралъ 200 человѣкъ и въ отчаяніи при мысли, что татары нашли средство проникнуть въ страну сквозь ввѣренные ему посты, двинулся къ нимъ на встрѣчу съ этой горстью людей....

Стр. **102**, стк. 7 сверху: ....большаго корпуса и такъ испугался....

Стр. **107**, стк. 19 снизу: ....съ помощью бочекъ. 27-го, 28-го и 29-го—армія переправилась....

Стр. **107**, стк. 5 снизу: ....гораздо больше, нежели въ прошломъ году....

Стр. **110**, стк. 13 сверху: ....ни одного офицера. Донскимъ казакамъ удалось отнять у непріятеля болѣе 200 лошадей....

Стр. **111**, стк. 2 сверху: ....отъ лѣни и трусости....

Стр. **112**, стк. 18 сверху: ....ни платформы; они дѣйствовали безпрерывно и въ теченіе дня подожгли въ нѣсколькихъ мѣстахъ городъ.....

Стр. **113**, стк. 16 снизу: ....въ большомъ замѣшательствѣ и выдержавъ въ теченіи двухъ часовъ самый сильный огонь....

Стр. **113**, стк. 9 снизу: ....возвратиться въ Россію, и принести въ Россію извѣстіе о пораженіи....

Стр. **116**, стк. 2 сверху: ....переданы Кейту, который не преминулъ просить Миниха не дѣлать ему упрековъ....

Стр. **122**, стк. 15 сверху: ....едва умѣютъ брить, ихъ выбираютъ изъ рекрутъ....

Стр. **124**, стк. 7 снизу: ....устроенныхъ передъ этою косою линій для соединенія пролива съ моремъ, и даже заставить его отступить. Но Ласи нашелъ средство обмануть его. Узнавъ, что ханъ расположился лагеремъ близь Арабата, онъ велѣлъ сколотить плоты, употребивъ на нихъ всѣ пустыя бочки, бывшія въ арміи, которыя были связаны съ бревнами рогатокъ и такимъ образомъ онъ перешелъ съ арміей и всѣмъ обозомъ проливъ, отдѣляющій косу отъ остальной части Крыма, драгуны....

Стр. **125**, стк. 10 сверху: ....фельдмаршалъ возразилъ, что онъ самъ видѣлъ опасность, но что она не такъ велика какъ воображаютъ....

Стр. **125**, стк. 21 снизу: ....отрядить прикрытіе....

Стр. **125**, стк. 12 снизу: ....дожидаться русскихъ, чтобы дать имъ сраженіе....

Стр. **127**, стк. 5 сверху: .....то непріятель рѣшился отступить.....

Стр. **127**, стк. **11** снизу: .....во время ихъ похода, и хотя они часто были отбиты съ урономъ, однако имъ удавалось время отъ время нѣсколько сотень лошадей и нѣсколькихъ деньщиковъ.....

Стр. **129**, стк. **10** снизу: .....по берегамъ Дона и Донца, самъ же онъ снова зимовалъ въ Харьковѣ.....

Стр. **129**, стк. **4** снизу: .....опьянѣли или одурѣли: никто не могъ ходить, не шатаясь.....

Стр. **130**, стк. **5** снизу: .....нѣсколькихъ головъ скота, но это имъ не удавалось, такъ какъ казаки не разъ отражали ихъ съ урономъ.....

Стр. **132**, стк. **18** сверху: .....бо́льшую часть своего отряда для усиленія гарнизона.....

Стр. **110**, стк. **11** внизу: .....къ военнымъ дѣйствіямъ. Калмыки не преминули сдѣлать еще нѣсколько набѣговъ.....

Стр. **141**, стк. **9** снизу: .....Въ Россіи точно также, какъ и во Франціи.....

Стр. **142**, стк. **4** сверху: .....Философовъ, Аракчеевъ.....

Стр. **142**, стк. **8** сверху: .....въ оба первые похода. Армія была почти также сильна, какъ и въ прошломъ году, и имѣла такой же артиллерійскій обозъ.....

Стр. **142**, стк. **15** сверху: .....для защиты Украйны. Въ 1739 году онъ совершилъ путешествіе во Францію и пользовался барежскими водами, которыя окончательно излечили его раны.....

Стр. **143**, стк. **7** снизу: .....еще нѣсколько разъ, но съ этой стороны они постоянно были отбиты.

Стр. **145**, стк. **21** сверху: .....громилъ непріятеля съ фланга. Послѣ этого дѣла русская армія продолжала подвигаться къ Днѣстру, не тревожимая непріятелемъ и даже не имѣя о немъ извѣстій.....

Стр. **146**, стк. **15** сверху: .....двумя тысячами казаковъ и 28-ю полевыми орудіями.....

Стр. **148**, стк. **10** снизу: .....постоянно отбивался и съ большимъ урономъ.....

Стр. **149**, стк. **1** сверху: .....потеря русскихъ въ этотъ день.....

Стр. **149**, стк. **3** сверху: .....на полѣ битвы. Гусары и казаки захватили порядочную добычу.....

Стр. **149**, стк. 8 сверху: .....1-го сентября. Непріятели, довольные его отступленіемъ, не тревожили его по пути; только время отъ время между татарами и казаками происходили небольшія стычки, но и онѣ были незначительны. Непріятели дѣйствовали такимъ образомъ изъ хитрости; они хотѣли обмануть русскихъ и появиться въ ту минуту, когда тѣ наименѣе думали бы объ этомъ. Вслѣдъ за тѣмъ,

какъ русскіе переправились черезъ Бугъ и отошли на нѣкоторое разстояніе отъ него, бѣлгородскій султанъ переправился также, безъ вѣдома русскихъ, черезъ рѣку и нѣсколько дней стоялъ спокойно, высылая только небольшія партіи для развѣдокъ; онѣ показывались издалека, обращаясь въ бѣгство лишь только нѣсколько казаковъ показывали намѣреніе приблизиться къ нимъ. Русскіе, обманутые этимъ спокойствіемъ, продолжавшимся уже нѣсколько времени, не были довольно осторожны и посылали фуражировъ съ весьма небольшими прикрытіями, а иногда и совершенно безъ таковыхъ.....

Стр. **149**, стк. **15** снизу: .....бросаются на нихъ татары, подошедшіе ночью и спрятавшіеся въ оврагѣ.....

Стр. **150**, стк. **4** снизу: .....тайное соглашеніе съ петербургскимъ дворомъ.....

Стр. **152**, стк. **10** сверху: .....Армія его была не такъ велика, какъ армія Миниха, поэтому она встрѣчала на пути меньше препятствій и легче получала фуражъ. Крымскіе татары, утомленные войною и сильно страдая отъ неурожая въ ихъ странѣ, также не тревожили ихъ во время пути.....

Стр. **152**, стк. **13** сверху: .....съ 40 т. войскомъ, и рѣшилъ защищать доступъ въ Крымъ лучше, нежели въ прошломъ году.....

Стр. **153**, стк. **20** снизу: .....ударомъ сабли въ лицо. Послѣ этого дѣла фельдмаршалъ Ласи намѣревался осадить Кафу.....

Стр. **154**, стк. **5** сверху: .....болѣе 20-ти т. чел. Жизнь въ зимнихъ квартирахъ шла въ этомъ году также какъ и въ предъидущихъ.....

Стр. **154**, стк. **19** сверху: .....отъ татарскихъ набѣговъ. Они попытали, однако, нападеніе въ мартѣ 1739 г. и сожгли нѣсколько деревень.....

Стр. **154**, стк. **9** сверху: .....нѣсколько человѣкъ татаръ. Люди эти, не соблюдающіе въ точности мирныхъ договоровъ, вступили въ Польшу, разорили тамъ нѣсколько маленькихъ городовъ и деревень и увели многихъ въ рабство.....

Стр. **155**, стк. **18** снизу: .....фельдмаршалъ Минихъ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія для ранняго выступленія въ походъ; полкамъ было приказано приготовить повозки.....

Стр. **156**, стк. **12** снизу: .....не могли отвратить, какъ мы увидимъ ниже.....

Стр. **157**, стк. **15** снизу: .....генерала Румянцева. Фельдмаршалъ Минихъ совершилъ въ этотъ день съ отрядомъ.....

Стр. **158**, стк. **6** сверху: .....за Прутъ и привели отъ 15-ти до 20-ти штукъ рогатаго скота.....

Стр. **159**, стк. **11** сверху: .....въ плѣнъ взяли 16 человѣкъ и привели въ лагерь 149 лошадей съ полной сбруей.....

Стр. **160**, стк. **19** снизу: .....выступила въ походъ рано утромъ.....

Стр. **162**, стк. **16** снизу: .....Калчакъ-баша, губернаторъ Хотина.....

Стр. **166**, стк. **5** снизу: .....переправлялась черезъ Прутъ и партіи привели въ лагерь огромное число рогатаго скота.....

Стр. **167**, стк. **16** сверху: .....только 14 человѣкъ придворныхъ.....

Стр. **175**, стк. **14** сверху: .....въ сущности только Каніони велъ всѣ дѣла и имѣлъ полномочіе.....

Стр. **175**, стк. **8** снизу: .....ни укрѣплять его. Что же касается Очакова, то турки могли занять его точно также, какъ и Кинбурнъ, и привести эти позиціи въ оборонительное положеніе. Наконецъ, Россія извлекла.....

Стр. **183**, стк. **3** сверху: .....и иностраннаго посольства. Послѣ того, какъ Биронъ былъ избранъ герцогомъ Курляндскимъ, онъ не прислуживалъ болѣе за столомъ императрицы.....

Стр. **184**, стк. **6** сверху: .....на одно колѣно передъ ея величествомъ. Я долженъ упомянуть здѣсь объ одномъ странномъ празднествѣ, данномъ императрицею въ честь одного изъ придворныхъ шутовъ.....

Стр. **190**, стк. **12** сверху: .....игралъ главнѣйшую роль и управлялъ Россіей.....

Стр. **190**, стк. **9** снизу: .....по внушенію души Цинклера. Шведскіе сеймы были постоянно довольно шумны.....

Стр. **190**, стк. **1** снизу: .....самыя секретныя рѣшенія сената и даже тайной канцеляріи.....

Стр. **191**, стк. **12** сверху: .....полковъ, вернувшихся изъ очаковскаго гарнизона.....

Стр. **191**, стк. **18** сверху: .....примирить Швецію съ Россіей; но ему не удалость успокоить.....

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Стр. 202, стк. 15 сверху: .....Второй былъ роднымъ братомъ.....

Стр. 205, стк. 7 сверху: .....объ этомъ принцу. Генералисимусъ потребовалъ отъ него списки всѣхъ военныхъ силъ Россіи и тѣхъ суммъ, которыя были въ наличности въ военныхъ кассахъ. Фельдмаршалъ не вручалъ ихъ ему цѣлыя три недѣли.....

Стр. 208, стк. 14 сверху: .....завидовали его могуществу. Разсказавъ то, что касалось графа Миниха, я буду продолжать мое повѣствованіе.....

Стр. 209, стк. 5 сверху: .....въ разныя мѣста Сибири. Послѣ того какъ графъ Минихъ былъ вынужденъ оставить дворъ, маркизъ Ботта, возвратясь въ Петербургъ, сильно убѣждалъ великую княгиню.....

Стр. 211, стк. 14 сверху: .....съ этимъ извѣстіемъ къ петербургскому двору.....

Стр. 211, стк. 11 снизу: .....къ своему повелителю, который, видя, что намѣреніе его проникли.....

Стр. 211, стк. 9 снизу: .....сопровождать его ко двору и отправиться въ Петербургъ.....

Стр. 213, стк. 15 сверху: .....своей повелительницѣ. Это ей удалось.....

Стр. 215, стк. 3 снизу: .....отдѣльныхъ гренадерскихъ ротъ. подъ начальствомъ генерала Кейта.....

Стр. 222, стр. 18 снизу: .....мельничной горы, такимъ образомъ. что центръ ихъ находился приблизительно передъ батареей, воздвигнутой ими на вершинѣ этой горы.....

Стр. 223, стк. 2 сверху: .....ружейной пальбою и какъ гренадеры потеряли много людей.....

Стр. 225, стк. 10 сверху: .....безъ сомнѣнія, Врангель, такъ какъ, состоя подъ начальствомъ Будденброка, онъ оставилъ свой постъ и двинулся къ Вильманстранду, не дожидаясь приказаній своего начальника. Онъ могъ бы избѣжать сраженія, засѣвъ со всѣмъ своимъ войскомъ въ Вильманстрандѣ и ожидая прибытія генералъ-лейтенанта. но онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ. Онъ началъ сраженіе не кстати. потерялъ много людей, былъ взятъ въ плѣнъ и заслужилъ этимъ похвалы всего шведскаго народа. Невозможно было, чтобы Будденброкъ.....

Стр. 227, стк. 12 снизу: .....множество деревень и увели много скота.....

Стр. **227**, стк. **10** снизу: .....въ половинѣ сентября и нашелъ, наконецъ, средство собрать.....

Стр. **233**, стк. **1** снизу: .....нѣсколько дней. Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы нашелся какой-нибудь рѣшительный человѣкъ, который бы сталъ во главѣ отряда войска, то онъ могъ бы еще два дня спустя свергнуть съ престола новую императрицу.....

Стр. **234**, стк. **11** снизу: .....плакала и убѣдила ее. Она имѣла въ послѣдствіи довольно времени раскаяться въ своей довѣрчивости.....

Стр. **234**, стк. **9** снизу: .....Лестокъ, большой болтунъ и человѣкъ неосторожный, какъ и большинство его товарищей.....

Стр. **235**, стр. **15** сверху: .....генерала Салтыкова, который при императрицѣ Аннѣ служилъ шутомъ.....

Стр. **235**, стк. **10** снизу: .....довольно плохо. Онъ могъ бы, однако, вступить когда-нибудь на престолъ, на который онъ имѣлъ столько же права, какъ и нынѣ царствующая императрица, такъ какъ Петръ I издалъ, въ 1722 г., съ согласія всѣхъ сословій, законъ, по которому было постановлено, что царствующій государь можетъ избрать себѣ въ наслѣдники того, кого онъ считаетъ наиболѣе достойнымъ престола. Между тѣмъ никто не былъ полновластнѣе и деспотичнѣе императрицы Анны, и такимъ образомъ она имѣла такое же право, какъ и ея предшественики, избрать себѣ наслѣдника.....

Стр. **235**, стк. **3** снизу: .....къ жестокости. Но, быть можетъ, и это обнаружилось бы въ ней съ лѣтами.....

Стр. **236**, стк. **16** снизу: .....согласиться на это. Къ довершенію несчастія, воспитаніе принца не было еще окончено, когда онъ прибылъ въ Петербургъ, и къ нему были приставлены двѣ личности, наименѣе подходившія къ его особѣ. Первымъ воспитателемъ его былъ Кейзерлингъ, курляндецъ по происхожденію. Онъ былъ весьма ограниченнаго ума и, однако, хотѣлъ интриговать; его подозрѣвали даже въ томъ, что онъ былъ первые годы шпіономъ герцога Курляндскаго и долженъ былъ доносить ему все, что принцъ говорилъ и дѣлалъ. Вторымъ былъ Гоэмбургъ (Hoembourg), подполковникъ Брауншвейгской службы, воспитывался среди войска и могъ быть отличнымъ драгунскимъ офицеромъ, но не имѣлъ ни одного изъ качествъ, необходимыхъ при дворѣ, былъ робокъ, неповоротливъ, застѣнчивъ, скрытенъ, въ высшей степени подозрителенъ, не имѣя достаточно ума, чтобы узнать, имѣло-ли основаніе его подозрѣніе или нѣтъ; можно судить, были-ли подобные люди въ состояніи внушить юному принцу возвышенныя чувства.....

Стр. **236**, стк. **3** снизу: .....одни иностранные министры. Если бы этотъ принцъ былъ на мѣстѣ брата, то дѣла Россіи пошли бы со-

вершенно иначе; онъ обладаетъ бо̀льшою твердостью и гораздо бо̀льшими способностями, нежели принцъ Антонъ Ульрихъ.....

Стр. 237, стк. 6 сверху: .....во многихъ преступленіяхъ, которыя были вымышлены.....

Стр. 237, стк. 8 сверху: .....императрицы Анны послѣ смерти Петра II и уничтожилъ завѣщаніе императрицы Екатерины. Обѣ вещи одинаково ложныя, такъ какъ Остерманъ представлялся въ это время больнымъ, и не бывалъ въ совѣтѣ, чтобы не подавать своего мнѣнія; царевна Елисавета была исключена сенатомъ, состоявшимъ изъ однихъ только сановниковъ (des grands de la Nation). Завѣщаніе императрицы Екатерины было извѣстно всему свѣту; оно было обнародовано послѣ ея смерти и напечатано нѣсколько разъ. Оно находится во всѣхъ газетахъ и брошюрахъ того времени.....

Стр. 237, стк. 11 сверху: .....царевну Елисавету. Ничто не можетъ быть болѣе ложно. Въ ту минуту объ этой царевнѣ думали не болѣе, какъ если бы ея вовсе не было на свѣтѣ. Ничто не могло быть легче Миниху, какъ оправдаться отъ этого обвиненія, если бы не позаботились устранить свидѣтелей изъ солдатъ, употребленныхъ на это дѣло, и его старшаго адъютанта. Видя, какъ шло дѣло, графъ Минихъ сказалъ генералъ-прокурору, что тотъ могъ самъ написать такіе отвѣты, какіе отъ него желали получить; что онъ подпишетъ ихъ безъ малѣйшаго противорѣчія. Его поймали на словѣ, и онъ болѣе не отговаривался.....

Стр. 237, стк. 11 снизу: .....они обвинялись. Немногія изъ нихъ не были вымышлены, и самыя важныя не заслуживали подобнаго наказанія.....

Стр. 241, стк. 14 сверху: .....Петръ I, находясь нѣсколько лѣтъ спустя.....

Стр. 242, стк. 17 снизу: .....разорило его: онъ проигрывалъ иногда до 20-ти тысячъ рублей.....

Стр. 242, стк. 14 снизу: .....остальному міру. Все имущество ссыльныхъ (исключая того, которое жены принесли, имѣвъ приданое) были конфискованы въ пользу двора, который наградилъ ими другихъ и тѣ, быть можетъ, въ свою очередь не будутъ пользоваться ими до своей смерти.....

Стр. 243, стк. 14 сверху: .....званіемъ бригадира; на этомъ мѣстѣ.....

Стр. 243, стк. 9 снизу: .....много вакансій. Не правда-ли хорошее средство, чтобы имѣть прекрасныхъ офицеровъ?.....

Стр. 247, стк. 18 сверху: .....къ прерванному разсказу. Въ тотъ самый день, когда императрица объявила себя самодержавной, нѣсколько курьеровъ были посланы во всѣ губерніи для извѣщенія объ

этомъ событіи и для приведенія всѣхъ къ новой присягѣ на вѣрноподданничество.....

Стр. **249**, стк. **15** сверху: .....новую присягу. Время рѣшитъ будетъ-ли она соблюдена лучше предъидущихъ.....

Стр. **250**, стк. **3** сверху: .....тому воспрепятствовать и гинеи, полученныя Бестужевымъ, устранили.....

Стр. **250**, стк. **13** снизу: .....въ немъ лично. Въ началѣ нынѣшняго царствованія императрица отправлялась туда время отъ время, но вскорѣ это сдѣлалось для нея стѣснительнымъ и она уже нѣсколько лѣтъ не бывала тамъ, вполнѣ полагаясь на то, что министры считали нужнымъ сдѣлать.....

Стр. **252**, стк. **9** сверху: .....случались бы чаще, и было бы пролито много крови.....

Стр. **252**, стк. **13** снизу: .....они удалились. Однако фельдмаршалъ Ласи намѣревался воспользоваться этимъ холодомъ, чтобы нанести сильный ударъ шведамъ; а именно, онъ хотѣлъ напасть врасплохъ на Фридрихсгамъ, гдѣ, какъ онъ зналъ, былъ слабый и небрежный гарнизонъ. Всѣ полки, долженствовавшіе совершить предпріятіе, получили уже приказанія и дѣло было такъ хорошо подготовлено, что неминуемо должно было удасться; какъ вдругъ наступившая оттепель сдѣлала тщетными всѣ принятыя мѣры. Часть войскъ должна была пройти по льду Финскаго залива (который замерзаетъ каждую зиму) по прямой линіи отъ Нарвы къ Фридрихсгаму, и напасть на городъ со стороны моря; это тѣмъ болѣе смутило бы непріятелей, что они не могли подозрѣвать, чтобы къ нимъ пришли съ этой стороны; прочія войска должны были пройти по выборгской дорогѣ, вдоль морскаго берега. Уже былъ назначенъ день для выполненія этого предпріятія и фельдмаршалъ долженъ былъ выѣхать на слѣдующій день изъ Петербурга, какъ вдругъ оттепель разстроила все.....

Стр. **252**, стк. **8** сверху: .....недостатку травы, такъ какъ русскія лошади питаются лѣтомъ одною лишь травою.

Стр. **252**, стк. **5** сверху: .....отдѣлиться отъ Швеціи. Императрица предлагала имъ образовать изъ Финляндіи республику, отдѣльную отъ Швеціи.....

Стр. **253**, стк. **9** сверху: .....для слѣдующаго похода, такъ что когда непріятельскія дѣйствія возобновились, то у него оказался недостатокъ во всемъ, и въ Фридрихсгамѣ не было даже достаточно съѣстныхъ припасовъ для прокормленія войска, которое должно было туда собраться. Онъ узнавъ намѣреніе Ласи напасть врасплохъ на Фридрихсгамъ и послалъ въ эту сторону нѣсколько полковъ. Когда же, дѣло это не удалось, то они возвратились въ свои зимнія квартиры,

гдѣ нѣсколько шведскихъ полковъ жили еще совершенно спокойно, когда русскіе начали свои военныя дѣйствія.....

Стр. 254, стк. 2 сверху: .....командовалъ артиллеріей, состоявшей изъ 7-ми орудій 12-ти фун., 6-ти орудій 8-ми фун. и 3-хъ 6 фун.; двухъ мортиръ 80-ти фун. и 4-хъ 20-ти фун. Haubits; кромѣ этой артиллеріи было еще 8 полевыхъ 3-хъ фун. орудій, распредѣленныхъ по полкамъ (7 pièces de 12, 6 de 8 et 3 de 6 livres de balles; 2 mortiers portant 80 et 4 Haubits portant 20 livres).....

Стр. 257, стк. 15 снизу: .....и что войска шведскія.....

Стр. 257, стк. 13 снизу: .....отъ переходовъ въ Секіерви (Seckyervi).....

Стр. 258, стк. 7 снизу: .....всего 2 гусара и ранены 1 офицеръ и 40 человѣкъ солдатъ.....

Стр. 260, стк. 8 снизу: .....пушечнаго выстрѣла, но шведы были столь вѣжливы, что почти совсѣмъ не стрѣляли по нимъ.

Стр. 261, стк. 3 снизу: .....Тавастгусскаго. Фельдмаршалъ назначилъ 2,000 человѣкъ для очистки города и галеры получили приказаніе войти въ гавань.

Стр. 263, стк. 2 сверху: .....съ первыхъ же выстрѣловъ. Страхъ, заставившій шведовъ оставить ихъ окопы въ Мендолаксѣ и Фридрихсгамѣ, снова обуялъ ими на берегу Кюменя; они сняли лагерь безъ всякой необходимости, имѣя передъ собою очень быструю рѣку и достаточно силъ, чтобы оспаривать переходъ черезъ нее у русскихъ.....

Стр. 263, стк. 8 снизу: .....выгодной позиціи, но и тутъ на нихъ напалъ страхъ.....

Стр. 264, стк. 14 сверху: .....очень довольны и очень удивлены.....

Стр. 265, стк. 10 сверху: .....появился русскій флотъ на Гельсингфорскомъ рейдѣ и заперъ ихъ и съ этой стороны; простоявъ три недѣли въ этомъ положеніи, шведскій флотъ.....

Стр. 268, стк. 7 сверху: .....возвратились въ Швецію. Надобно думать, что онъ уже раскаялся въ томъ, что не предпочелъ Швецію той обширной имперіи, для которой онъ предназначался, такъ какъ въ Россіи ему пришлось перенести много оскорбленій.....

Стр. 271, стк. 17 снизу: .....вторгнуться въ Финляндію и завоевать ее у русскихъ.....

Стр. 272, стк. 18 сверху: .....до 31-го числа, когда онъ снова пустился въ путь.....

Стр. 272, стк. 12 снизу: .....одну галеру за другою и имѣть очень хорошихъ лоцмановъ.....

Стр. 272, стк. 10 снизу: .....отмель или скалу. Нельзя доста-

точно удивляться тому, что шведы покинули ихъ всѣхъ въ предъидущемъ году, не оказавъ ни малѣйшаго, сопротивленія; это было бы для нихъ тѣмъ легче, такъ какъ вся страна принадлежала имъ и у русскихъ не было лоцмановъ; если бы они затопили нѣсколько старыхъ судовъ, то этого было бы достаточно для того, чтобы задержать на нѣсколько дней движеніе русской арміи.....

Стр. **274**, стк. **14** сверху: .....атаковать шведовъ и открыть ему проходъ.....

Стр. **275**, стк. **19** сверху: .....къ отплытію лишь только шведскій флотъ началъ подымать паруса.....

Стр. **275**, стк. **14** снизу: .....выгодной позиціи. Прежде нежели продолжать разсказъ о дальнѣйшемъ походѣ, я упомяну здѣсь о томъ, что случилось наиболѣе замѣчательнаго въ эскадрѣ генерала Кейта, до соединенія его съ фельдмаршаломъ Ласи.....

Стр. **276**, стк. **7** сверху: .....далеко подвинуться, такъ скоро, какъ онъ того желалъ.....

Стр. **276**, стк. **18** снизу: .....эскадра двинулась въ 5 часовъ утра.....

Стр. **278**, стк. **7** снизу: .....непріятели ожидали каждую минуту большаго подкрѣпленія изъ Швеціи.....

Стр. **280**, стк. **8** сверху: .....какъ послѣдніе, стѣсняемые мѣстностью.....

Стр. **281**, стк. **6** сверху: .....о пораженіи шведовъ, если бы онъ имѣлъ сообщить-какое нибудь хорошее извѣстіе.....

Стр. **285**, стк. **8** снизу: .....были арестованы и подверглись жестокимъ наказаніямъ.....

Стр. **286**, стк. **18** сверху: .....съ его потомствомъ. Россія думала тогда, что избраніе это дастъ ей возможность обращаться со Швеціей, какъ съ подвластной ей провинціей, но въ послѣдствіи оказалось, что Россія ошиблась.

Стр. **289**, стк. **9** сверху: .....имъ квартиры. Они были распредѣлены такъ: гренадерскій полкъ въ Никепингъ, 2 полка въ Зюдкепингъ, 3—въ Норкепингъ и 2—въ Остерготіи.

Стр. **289**, стк. **16** сверху: .....въ Ревель. Во время пребыванія его въ Швеціи старались примирить стокгольмскій и копенгагенскій дворы; это вполнѣ удалось; но до окончанія этого дѣла шведы начали уже тяготиться игомъ, которое Россія хотѣла наложить на нихъ; они сдѣлали нѣсколько попытокъ, не понравившихся петербургскому двору. Генералъ Кейтъ получалъ неоднократныя приказанія ближе слѣдить за ихъ поведеніемъ, а въ случаѣ, если датчане вторгнутся въ страну, не идти противъ нихъ, но стоять съ своимъ корпусомъ въ окре-

стностяхъ Стокгольма, и объявить тогда, что онъ прибылъ въ Швецію лишь для того, чтобы прекратить ихъ домашнія междоусобія, но не съ цѣлью драться съ датчанами, такъ что если бы началась война, то русскіе были бы только ея зрителями.....

Стр. **291**, стк. **5** сверху: .....нѣмецкую принцессу и имѣла въ виду принцессу Амалію, сестру короля прусскаго.

Стр. **291**, стк. **7** сверху: .....съ министрами короля. Его величество, не желая отправить сестру въ Россію, съумѣлъ устранить этотъ бракъ и предложилъ въ тоже время устроить.....

Стр. **291**, стк. **5** снизу: .....канцлеръ россійскій или, собственно говоря, властитель Россіи.....

Стр. **291**, стк. **2** снизу: .....свою преданность: англійскія гинеи подѣйствовали на него сильнѣе, нежели французскіе луидоры.

[Изъ подлинной рукописи «Записокъ Манштейна»].

II.

Генералы Доліэль и Дроммондъ.

Доліэль и Дроммондъ, о которыхъ упоминаетъ Манштейнъ (стр. 311), занимали высокое положеніе въ русскомъ войскѣ царя Алексѣя Михаиловича; объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая проѣзжая грамата, данная относительно ихъ и находящаяся въ государственномъ архивѣ:

„Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца. Въ нашу отчину, въ Великій Новгородъ, боярину нашему и воеводѣ князю Василію Григорьевичу Ромодановскому, да дьяку Семену Углецкому. По нашему великаго государя указу велѣно отпустить изъ Смоленска въ аглинскую землю генерала Томоса Доліеля, а съ нимъ людей его: Ивашка Яшкина, Индричка Ганбара, Вилимка Швара, Юрка Мерлина; да генерала-порутчика Вилима Дроманта, а съ нимъ людей его: Мартынка Любка, Ганца Лемка, Самоилка Элдера и Юрка Анцова; а для береженья велѣно съ ними изъ Смоленска послать пристава. И какъ къ вамъ ся наша великаго государя грамата придетъ, а генералы: Томосъ Доліель и Вилимъ Дромантъ, въ нашу отчину, въ Великій Новгородъ, съ смоленскимъ приставомъ пріѣдутъ, и вы-бъ велѣли имъ дать пристава, кого пригоже и подводы по подорожнымъ и отпустили ихъ со всѣми людьми изъ Великаго Новагорода на Псковъ безъ задержанья, а смоленскаго пристава велѣли отпустить въ Смоленскъ. Писанъ на Москвѣ лѣта ҂аχѯє (1665) генваря въ ѕ день".

О Доліэлѣ многія подробности находятся въ запискахъ Крейтона (Crichton), изданныхъ Свифтомъ; портретъ этого замѣчательнаго лица сохранился въ Шотландіи. Доліэль изображенъ въ латахъ, съ окладистою бородою; онъ отпустилъ ее со дня казни короля англійскаго Карла I, въ знакъ печали о любимомъ имъ государѣ.

Вальтеръ-Скоттъ вывелъ его на сцену въ превосходномъ своемъ романѣ: „Old Mortality", болѣе извѣстномъ у насъ подъ заглавіемъ: „Шотландскіе пуритане".

Сообщ. **К. З.**

III.

Описаніе столицы Крымскаго хана Бахчисарая и бывшаго ханскаго дворца.

1736 г.

(Составилъ Манштейнъ).

Ханская столица, городъ Бахчисарай, лежитъ въ весьма глубокой и узкой долинѣ, загроможденной скалами и утесами. Верхняя часть города раздѣляется высотою на двѣ половины. Въ восточной половинѣ жили христіане всякаго вѣроисповѣданія и различной національности, но преимущественно армяне и греки, всего до 1,000 семействъ; у нихъ и церковь была тамъ своя. Но, по прибытіи русской арміи, татары разорили эту часть города и разграбили христіанъ, и многихъ изъ нихъ умертвили. Западная половина, а также нижняя часть города, были обитаемы татарами, и дворецъ самого хана находился въ первой.

Въ городъ проникнуть можно только по весьма немногимъ, крутымъ, въ скалѣ пробитымъ, затруднительнымъ тропинкамъ, за исключеніемъ сѣверной стороны, примыкающей къ обширной долинѣ, чрезъ которую мы прошли въ городъ, и гдѣ лежитъ предмѣстье со многими красивыми мечетями.

Во дворъ ханскаго дворца ведетъ каменный мостъ, перекинутый черезъ небольшой ручей, который омываетъ дворецъ. Берега ручья выложены камнемъ.

Дворцовый дворъ, довольно обширный, представляетъ квадратъ, обставленный строеніями, которыя, сколько я могъ бѣгло разсмотрѣть, были такимъ образомъ украшены и расположены. Если вступить во дворъ черезъ большія ворота, то по правой сторонѣ его находился старый дворецъ хана, въ которомъ онъ жилъ. Входъ туда черезъ большія сѣни, въ нихъ, вдоль стѣнъ, съ трехъ сторонъ, для удобства прислуги, были разставлены низенькія и широкія лавки; отсюда выходъ въ просторную залу, съ бѣлымъ мраморнымъ бассейномъ по серединѣ; изъ этой залы широкая лѣстница ведетъ въ верхній этажъ, прямо въ большую залу, съ мраморнымъ поломъ, прикрытымъ чистыми цыновками; потолокъ этой залы расписанъ голубымъ цвѣтомъ съ золотомъ, со столярными мозаичными украшеніями. Эта зала дѣлилась на двѣ половины: правая представляла какъ бы альковы и была на одну сту-

пень выше противъ лѣвой половины; во всю ширину залы, на четыре фута выше ея пола, шла открытая галлерея, шириною въ сажень: она была устроена для удобства татарскихъ вельможъ, когда они справляли здѣсь свой байрамъ.

Стѣны залы были вмѣсто ковровъ выложены разноцвѣтнымъ фарфоромъ; самая зала освѣщалась окнами въ два ряда. Въ верхнемъ ряду стекла были разноцвѣтныя, зеркальныя, въ видѣ большихъ четвероугольниковъ. Нижнія же окна, бо̀льшей величины, были снабжены двойными ставнями, изъ которыхъ внутреннія были легкія, рѣшетчатыя, красиво выточенныя изъ буковаго дерева, пропускавшія прохладу въ залу. Подлѣ этой залы большая комната, украшенная подобно залѣ. По другую сторону залы идутъ комнаты, одна за другою, но безъ всякой мебели, которую заранѣе вынесли. Наружныя стѣны дворца выкрашены въ красный цвѣтъ, на подобіе натуральнаго дикаго камня, что очень красиво на взглядъ. На томъ же дворѣ другое строеніе, къ которому ведетъ большая лѣстница. Крыша его выдается впередъ на 5 или 6 футъ, на китайскій манеръ, для защиты отъ солнца и, поддерживаемая столбами, образуетъ около зданія галлерею, потолокъ которой расписанъ въ мозаичномъ вкусѣ.

Къ этому строенію примыкаютъ ворота, которыя ведутъ въ другой дворъ. Лѣвая стѣна этого двора выкрашена подъ бѣлый мраморъ; въ серединѣ стѣны, въ ниши, фонтанъ, изъ котораго вода стекаетъ въ бѣлый мраморный бассейнъ. По правой рукѣ открывается садъ новаго дворца; у этого дворца крыша также выступаетъ по-китайски—впередъ.

Большое крыльцо ведетъ наверхъ, прямо въ красивую залу; здѣсь прежде всего пріятно поражаетъ зрѣніе устроенный въ серединѣ бассейнъ изъ бѣлаго мрамора, а надъ нимъ фонтанъ въ видѣ строенія, состоящаго изъ 4-хъ павиліоновъ, тоже мраморныхъ, изъ которыхъ по трубочкамъ льются струи воды. Полъ устланъ тончайшими цыновками изъ тростника, а потолокъ, въ серединѣ куполообразный, росписанъ на манеръ мозаики въ красный цвѣтъ съ золотомъ. Кругомъ стѣнъ идутъ лавки, не выше 1 фута надъ поломъ, шириною отъ 4-хъ до пяти футовъ, покрытыя ковромъ. Въ правомъ флигелѣ дворца есть нѣсколько чистенькихъ комнатъ, въ которыхъ полы и потолки такіе же, какъ въ залѣ, а окна одинаковаго устройства съ окнами стараго дворца. Слѣва выходъ въ большую комнату съ каминомъ и съ окнами изъ большихъ бѣлыхъ стеколъ, обращенными въ садъ. Кругомъ всего дворца идетъ крытая галлерея, поддерживаемая колоннами, а нижняя часть стѣнъ снабжена многими небольшими фонтанами, изъ которыхъ вода выливается въ бѣлые мраморные бассейны.

Между этимъ строеніемъ и старымъ дворцомъ находятся еще

другія зданія, изъ которыхъ самое замѣчательное сераль, примыкающій къ новому дворцу. Въ этомъ сералѣ, между прочимъ, находится и женская баня, въ которую ведутъ большія сѣни. Въ серединѣ бани устроенъ мраморный бассейнъ большаго размѣра, съ фонтаномъ, глубиною $7^1/_2$ футовъ, и отъ 11-ти до 12-ти діаметромъ, изъ котораго вода выливается въ баню. По бокамъ и кругомъ устроены еще до 12-ти маленькихъ лавокъ, каждая на одну особу, съ краномъ и бассейномъ. Подлѣ этой большой бани устроены еще отдѣльные кабинеты, снабженные каждый фонтаномъ и мраморнымъ бассейномъ на двѣ особы.

Отапливается баня подъ поломъ въ самой серединѣ, и все такъ устроено, что можно и простудить и нагрѣть баню, по желанію, а воды на каждаго хватаетъ сколько угодно. Всѣ эти бани со сводами; свѣтъ проникаетъ черезъ небольшія окошечки, пробитыя въ стѣнѣ. По близости стараго ханскаго дворца находится еще другая баня, убранная бѣлымъ мраморомъ, но она устроена только на одну особу.

Всѣ эти различныя строенія окружены садами и фонтанами свѣжей и чистѣйшей воды, проведенной изъ горныхъ источниковъ, и хотя постройка ихъ не отличается ни правильностью, ни роскошью, однако они нравятся своею опрятностью и изяществомъ.

По лѣвой сторонѣ большаго двора есть еще строенія, изъ которыхъ въ среднемъ жили невольники хана. Между всѣми этими строеніями, на небольшомъ дворѣ, построены двѣ мечети съ куполами, крытыми свинцомъ: тутъ погребались тѣла хановъ.

Изъ этого двора, черезъ ворота, выходъ въ рощу, лежащую на южномъ склонѣ горъ. Напротивъ воротъ, въ концѣ рощи, есть еще строенія, а затѣмъ бесѣдка, раздѣленная на нѣсколько комнатъ рѣшетками изъ буковаго дерева, весьма искусной работы.

Въ пятидесяти шагахъ отъ этой бесѣдки стоитъ каменное зданіе, въ которомъ устроенъ широкій каменный бассейнъ, отъ 4-хъ до 5-ти сажень въ квадратѣ, вбирающій въ себя проведенную сюда съ горы воду источника, и такъ защищенный отъ солнца, что свѣтъ проникаетъ сюда только въ одно окно.

Въ сторонѣ дворца есть еще пристройка, въ которую изъ того бассейна проведена вода посредствомъ 5-ти большихъ трубъ въ дюймъ діаметра, а отсюда она, черезъ проведенныя подъ землею трубы, распредѣляется по всему дворцу.

Большая ханская баня примыкаетъ къ самому старому дворцу. Дверь туда продѣлана съ правой стороны подъ комнатою хана. Она ведетъ прямо въ большую залу, вдоль стѣнъ которой идутъ лавки; въ серединѣ бассейнъ, въ сажень въ квадратѣ, съ фонтаномъ посерединѣ, все изъ бѣлаго мрамора. По бокамъ устроены кабинеты подъ

сводомъ, снабженные мраморными бассейнами, въ которые можно было пускать воду изъ крановъ.

Эти бани отапливаются такимъ же образомъ, какъ описанныя выше.

Пройдя большой дворъ, что передъ старымъ дворцомъ, выйдешь къ конюшнямъ хана, каменному строенію, длиною въ 15 сажень, шириною въ 4 сажени, устроенному на 40 или 50 лошадей. Полъ не мощенъ и отлогій, для 2-хъ рядовъ лошадей; между каждой лошадью поставлены вырубленныя въ камнѣ ясли и пилястры. Свѣтъ проникаетъ въ рѣшетчатыя окна, обращенныя на дворъ.

Дома въ городѣ, числомъ около 2 или 3,000, почти всѣ каменные, но 4-я доля ихъ выгорѣла. Одно, что, по моему мнѣнію, еще достойно примѣчанія въ Бахчисараѣ, это то, что у іезуитовъ тамъ былъ домъ и хорошая библіотека, которую они оставили, когда бѣжали, по приходѣ нашемъ. Къ сожалѣнію, книги большею частію или сожжены, или повреждены виномъ, такъ какъ іезуиты спрятали-было книги и рукописи въ винномъ погребѣ, но туда забрались казаки, которые, напившись, выпустили остальное вино изъ бочекъ, такъ что книги найдены плавающими въ винѣ.

Это описаніе, по приказанію генералъ-фельдмаршала графа Миниха, составилъ капитанъ Манштейнъ (Capitaine C. W. Manstein).

Примѣчаніе. Подлинникъ этой записки писанъ на двухъ листахъ сильно пожелтѣвшей бумаги, на нѣмецкомъ языкѣ, кажется, рукою переписчика 1736 г., и только подпись руки Манштейна. Документъ былъ сложенъ въ пакетъ. Списокъ съ этого «описанія» весьма обязательно сообщенъ въ распоряженіе «Русской Старины» академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ. Ред.

IV.

Предисловія къ прежнимъ изданіямъ „Записокъ Манштейна“

1.

Къ французскому изданію, Лейпцигъ, 1771 г.[1]).

Часть публики знаетъ уже эти Записки по журналамъ, извѣщавшимъ объ англійскомъ изданіи. Въ краткомъ предисловіи знаменитый Юмъ (Hume) сообщаетъ, что онъ получилъ французскій оригиналъ отъ милорда Маршаля (Marshal) для изданія его въ Англіи, но, полагая, что англійскій переводъ болѣе понравится въ Лондонѣ, онъ далъ перевести его и издалъ на своемъ языкѣ.

Для публики не важно знать, по какому случаю въ рукахъ издателя этой книги находится подлинная рукопись „Записокъ о Россіи“; достаточно сказать, что онъ получилъ ее отъ друга покойнаго генерала Манштейна и льститъ себя надеждою, что публика съ удовольствіемъ увидитъ это произведеніе въ томъ видѣ (!), въ какомъ оно было написано (!). И такъ, оригиналъ появляется въ первый разъ и можно смѣло сказать, что онъ многимъ превосходитъ англійское изданіе, сокращенное во многихъ мѣстахъ. Во французскомъ изданіи находится множество анекдотовъ о временщикахъ (Favoris) и другихъ лицахъ, игравшихъ видную роль въ Россіи, каковы Лестокъ, Разумовскій, Минихъ, Остерманъ, Бестужевъ и т. д., въ англійскомъ изданіи анекдотовъ этихъ не встрѣчается. И чтобы изданіе этой книги не заставляло желать ничего лучшаго, къ нему приложено нѣсколько прибавленій и примѣчаній, составленныхъ по „Магазину новѣйшей исторіи“ [2]) доктора Бюшинга, который, живя долгое время въ Россіи, зналъ большинство этихъ людей.

Авторъ, бывшій не только въ военной службѣ Россіи, но занимав-

---

[1]) Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, depuis l'année MDCCXXVII, jusqu'à MDCCXLIV, avec un supplément, contenant une idée succincte du militaire, de la marine, du commerce, etc. de ce vaste Empire. Ouvrage écrit en Français par le Général de Manstein.

Avec la vie de l'Auteur par M. Hubert, et une carte géographique.

Leipzig. Chez les Héritiers Weidmann et Reich. 1771.

Приложена карта: Théâtre de la guerre entre les Russes et les Turcs pendant les années 1736—1737 etc.

[2]) Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. Anton Friedrich Büsching etc. Hamburg, 1767, in 4.

шійся также и въ кабинетѣ, имѣлъ полную возможность хорошо изучить факты. Съ превосходнымъ знаніемъ языка и близкимъ знакомствомъ съ первыми сановниками государства, Манштейнъ соединялъ здравый и положительный умъ, весьма далекій отъ того увлеченія или національнаго предубѣжденія, которому многіе писатели поддаются незамѣтно для самихъ себя. Это человѣкъ съ здравымъ разсудкомъ и честный, передаетъ факты такъ, какъ онъ ихъ видѣлъ. Если найдутся люди, которые могутъ пожаловаться на него, основываясь на изреченіи: „говорить правду, потерять дружбу" (toute vérité n'est pas bonne à dire), то они должны вспомнить, что авторъ писалъ вначалѣ лишь для своихъ друзей и поэтому, такъ сказать, только думалъ вслухъ.

„Записки" эти начинаются со смертью Екатерины I, въ 1727 г., и оканчиваются первыми годами царствованія Елисаветы, въ 1744 г. Манштейнъ хотѣлъ описывать лишь тѣ событія, которыхъ онъ былъ очевидцемъ, или которыя онъ почему-либо особенно зналъ. Чтобы пролить болѣе свѣта на нѣкоторые факты и показать перемѣну, происшедшую за послѣднія восемьдесятъ лѣтъ въ управленіи, законодательствѣ, торговлѣ, военномъ дѣлѣ и вообще въ нравахъ русскихъ, онъ написалъ прибавленіе, въ которомъ говоритъ о временахъ нѣкоторыхъ древнихъ царей и въ особенности Петра I.

Въ короткомъ предисловіи Манштейнъ проситъ снисхожденія читателей за ошибки, которыя могли вкрасться у него во французскомъ языкѣ, такъ какъ онъ писалъ не на своемъ родномъ нарѣчіи[1]). Дѣйствительно, слогъ у него расплывчатый и почти всегда весьма длинныя фразы часто остаются недоконченными, не говоря о неподходящихъ выраженіяхъ и иностранныхъ оборотахъ. Я старался устранить эти неудобства, насколько мнѣ позволили время и силы; сократилъ слишкомъ частыя повторенія и пояснялъ иногда его мысли, но почти никогда не позволялъ себѣ измѣнять смыслъ подлинника. Теперь мнѣ остается просить снисхожденія публики для самого себя, такъ какъ послѣ этого заявленія всякій будетъ въ правѣ приписать мнѣ тѣ ошибки, которыя встрѣтятся въ этомъ сочиненіи. Я хорошо знаю, что, несмотря на мои старанія, ихъ встрѣтится еще много, въ особенности въ началѣ книги; но я льщу себя надеждою, что читатели помирятся съ недостатками слога ради самаго содержанія.

Публикѣ, быть можетъ, интересно будетъ знать нѣкоторыя обстоя-

---

[1]) Этого предисловія, которое также приводитъ издатель нѣмецкаго перевода Манштейна, ни въ подлинной рукописи Записокъ, ни въ русскомъ изданіи 1810 г. не имѣется. **Изд. 1875.**

тельства, касающіяся жизни и смерти генерала Манштейна. Чтобы удовлетворить ея любопытство, я собралъ всѣ отдѣльныя черты, служащія для его характеристики; но болѣе всего я воспользовался компиляціей доктора Паули[1]) (Pauli), которому семейство Манштейна доставило особыя записки.

Лейпцигъ. — 15-го апрѣля 1771 г. Губеръ (Huber).

Примѣчаніе 1875 г. Чтобы показать, въ какой мѣрѣ издатель рукописи Манштейна позволилъ себѣ исправлять подлинникъ автора, приводимъ на выдержку два-три мѣста:

Mémoires de Russie.

Стр. 1 подлинной рукописи:

Comme j'ai passé une bonne partie de ma vie en Russie, que j'ai eu le tems de bien connoître les coutumes de ce païs là, d'apprendre la langue russe, et que j'ai été témoin de plusieurs événements extraordinaires, j'ai voulu écrire ce qui est arrivé de plus remarquable depuis la mort de l'impératrice Catherine, jusqu'au tems présent.

J'entre en matière.

Catherine (qui par le goût que Pierre I eut pour elle, étoit montée sur le trône) mourut le 16 mai 1727 et Pierre second comme héritier légitime de ce vaste empire lui succéda. Ce prince était né en 1715 du mariage du czarewitz avec la princesse de Wolffenbuttel. Il n'avait que 11 ans et demi lorsqu'il monta sur le trône; c'est pourquoi Catherine aveit ordonné dans le second article de son testament, qu'il fût sous la tutelle d'une régence, composée des princesses ses filles, Anne et Elisabeth...

Стр. 11 подлинной рукописи:

Ce fut à peu près dans ce tems là que les cosaques de l'Ukraine firent quelques mouvements; Pierre I les avait mis assez bas après la révolte de Mazeppa, pour les empêcher de se sou-

Mémoires sur la Russie.

Стр. 1 изд. 1771 г.

Comme j'ai passé une bonne partie de ma vie en Russie, que par conséquent j'ai eu tout le tems d'apprendre la langue russe, chose très nécessaire pour connoître à fond les coutumes de ce pays, et que j'ai été témoin oculaire de plusieurs événements curieux, j'ai voulu essayer d'écrire ce qui est arrivé de plus remarquable dans cet empire depuis la mort de l'impératrice Catherine, jusqu'au tems présent.

Catherine, cette femme extraordinaire, qui occupa le trône de Russie après la mort de Pierre I, son époux, mourut le 16 mai 1727, et Pierre II, héritier légitime de ce vaste empire, lui succéda. Ce prince était né l'an 1715, du czarewitz et de la princesse de Wolfenbüttel. Il n'avait qu'onze ans et demi lorsqu'il monta sur le trône; c'est pour cela que Catherine avait ordonné dans le second article de son testament, qu'il fût sous la tutelle d'une régence, composée des princesses ses filles, Anne et Elisabeth...

Стр. 20 изд. 1771 г.:

Ce fut vers ce tems là que les cosaques de l'Ukraine firent quelques mouvements. Pierre I les avoit mis assez bas, après la révolte de Mazeppa, pour les empêcher de se soustraire jamais

---

[1]) Leben grosser Helden des gegenwärtigen Krieges, gesammelt von D. Carl Friedrich Pauli etc. Dritter Theil. Halle, 1759.

straire jamais à sa domination, et n'ayant osé relever la tête pendant la vie de ce prince, ils crurent le tems de la minorité de Pierre II plus favorable et commencèrent à se remuer; mais on y mit bientôt ordre, en faisant marcher des troupes. Quelques uns des plus riches et des plus remuants furent saisis et envoyés en Sibérie. Les autres demandèrent grâce et l'obtinrent; cependant ils furent obligés d'envoyer une nombreuse députation à Moskow, pour demander pardon. Leur hettman ou prince était à la tête; outre cela il fallut qu'ils y laissassent des otages, pour qu'on pût s'assurer de leur fidélité. On n'a plus besoin de les observer de si près; ils sont si abaissés après la dernière guerre contre les Turcs, qu'ils ne pourront de longtemps recommencer à se révolter.

Peut—être ne connait—on pas assez cette nation: je vais en donner un petit détail....

à sa domination. En effet ils n'osèrent pas lever la tête pendant la vie de ce prince; mais croyant le tems de la minorité de Pierre II plus favorable, ils commencèrent à remuer: cependant on y mit bientôt ordre, en faisant marcher contre eux des troupes. Quelques uns des plus riches et des plus remuants furent obligés de venir en députation à Moskow, pour demander pardon à l'empereur. Leur prince, ou hettmann, était à la tête de cette députation; outre cela ils furent contraints de donner des otages, pour qu'on put être assuré à l'avenir de leur fidélité. On n'a plus besoin de les observer de si près, car la dernière guerre contre les Turcs les a mis si bas, qu'ils ne pourront se remettre de longtemps.

Peut être ne connait on pas assez cette nation: je vais en faire une petite description....

Стр. 11-я II-й части подлинной рукописи:

M. le maréchal de Munich n'avait arrêté le duc de Courlande que pour s'élever au plus haut degré de la fortune; il avait le même dessin qu'il avait eu, lorsqu'il persuada le duc de se faire régent, c'est à dire de s'attirer tout le pouvoir, de donner à la grande duchesse le titre de régente, et d'en faire lui même les fonctions: s'imaginant que personne n'oserait entreprendre la moindre chose contre lui. Il se trompa....

Стр. 367-я изд. 1771 г.:

M. le maréchal de Munich n'avait arrêté le duc de Courlande que pour s'élever sur les ruines des Birons au faîte de la fortune. Toujours guidé par les mêmes vues qu'il avait eues lorsqu'il engagea le duc de se faire nommer régent, il voulait s'emparer de toute l'autorité et ne donner à la grande duchesse que le titre de régente: il s'imaginait que personne n'oserait rien entreprendre contre lui. Il se trompa.

И т. д., всѣ исправленія въ этомъ родѣ.

2.

Отъ издателей перевода „Записокъ Манштейна“ на нѣмецкій языкъ

(Лейпцигъ, изд. 1771 г.)

Издатели этихъ извѣстій о Россіи, столь хорошо принятыхъ въ Англіи, располагали-было издать нѣмецкій переводъ книги съ англійскаго перевода г. Юма, но вслѣдствіе особенно счастливаго случая въ руки ихъ попала подлинная рукопись генерала Манштейна. По

сравненіи ея съ означеннымъ англійскимъ переводомъ оказалось, что г. Юмъ или пользовался весьма неточнымъ спискомъ, или же по особеннымъ причинамъ и соображеніямъ пропустилъ многія и довольно пространныя мѣста. Поэтому мы полагали оказать публикѣ гораздо болѣе значительную услугу, представивъ ей полный подлинный оригиналъ, писанный на французскомъ языкѣ, и переводъ съ него на нѣмецкій. Изданіе перваго взялъ на себя г. Губеръ, извѣстный съ наилучшей стороны у французовъ и у своихъ соотечественниковъ — онъ представитъ при этомъ случаѣ болѣе подробный отчетъ о своемъ трудѣ. Нѣмецкій же переводъ исполненъ не менѣе искуснымъ въ дѣлѣ писателемъ, который, сверхъ того, исправилъ много другихъ неточностей и небрежностей. Такимъ образомъ, какъ французское, такъ и нѣмецкое изданія имѣютъ значительное преимущество передъ англійскимъ переводомъ и, вѣроятно, сохранятъ его и относительно тѣхъ новыхъ переводовъ, которые со временемъ могутъ еще выйдти въ свѣтъ. Издатели.

Примѣчаніе 1875 г. Издатели нѣмецкаго изданія Манштейна помѣстили до 80-ти примѣчаній, составленныхъ по «Историческому магазину» Бюшинга и «Путешествію черезъ Россію въ Сибирь аббата Шапа д'Отероша»; примѣчанія эти, не безполезныя сто лѣтъ тому назадъ для иностранцевъ, весьма мало знавшихъ русскую исторію, въ настоящее время не могутъ быть у мѣста въ изданіи «Русской Старины», какъ приводящіе факты слишкомъ обще-извѣстные. Достойно, однако, замѣчанія, что издатели нѣмецкаго перевода въ двухъ мѣстахъ обращаютъ вниманіе на зачеркнутыя мѣста подлинной рукописи Манштейна. **Изд.**

3.

Предувѣдомленіе къ русскому переводу „Записокъ Манштейна".

(Изд. профессора Григорія Андр. Глинки. Дерптъ, 1810 г.)

Издаваемый мною историческій отрывокъ крайне любопытной и мало свѣдомой для насъ эпохи столько же драгоцѣненъ по благородной откровенности, съ которою историкъ повѣствуетъ о происшествіяхъ, имъ самимъ видѣнныхъ, сколько и занимателенъ по самому содержанію повѣствуемаго. Авторъ сего сочиненія, служившій въ россійской военной службѣ около десяти лѣтъ, знавшій хорошо русскій языкъ, будучи иногда употребляемъ по дѣламъ, до министерства (т. е. до правительства) касающимся, и находясь въ связи съ первостатейными государственными чиновниками, имѣлъ самоудобнѣйшій случай хорошо знать о такихъ вещахъ, которыя не только для потомства, но и для современниковъ остаются почасту тайною. Записки сіи, изображающія намъ съ точностію всѣ происходившія при россійскомъ дворѣ перемѣны и предпринимаемые сею державою воинскіе подвиги отъ кончины го-

сударыни Екатерины I до вступленія на Всероссійскій престолъ императрицы Елисаветы Петровны, также эскизы и главныя черты изъ приватной и публичной жизни случайныхъ и знаменитѣйшихъ особъ того времени, игравшихъ въ Россіи важную роль, каковы, напр., были: Биронъ, Минихъ, Разумовскій, Лестокъ, Остерманъ, Бестужевъ и проч., записки сіи, говорю я, писанныя человѣкомъ основательнаго и зрѣлаго ума, равно удаленнаго, какъ отъ энтузіазма или предубѣжденія народнаго, котораго столько писателей допустили обольстить себя, не примѣчая того и сами, такъ и того еще болѣе отъ ненавистной односторонности и злонамѣреннаго пересужденія, съ коими нѣкоторые вольнодумцы дерзнули нагло возстать противу націй и ихъ правителей,—онѣ столько были по вкусу ученаго свѣта, что при изданіи ихъ на оригинальномъ (французскомъ) языкѣ вдругъ были переведены на многіе другіе европейскіе языки и вездѣ пріемъ имъ былъ отъ просвѣщенной публики отличный.

Издавая для любезныхъ моихъ соотечественниковъ книгу сію, я надѣюсь, что она, по крайней мѣрѣ, столь же хорошо и отъ нихъ будетъ принята.

Проф. Григорій Глинка.

Дерптъ.—20-го марта 1809 г.

Примѣчаніе 1875 г. Это лучшее изъ трехъ старинныхъ русскихъ переводовъ «Записокъ Манштейна». Тѣмъ не менѣе, кромѣ недостатковъ, указанныхъ въ предисловіи къ нашему изданію (см. выше, стр. 3-я), переводъ Глинки отличается своею неполнотою: обширное «дополненіе къ Запискамъ» (см. въ нашемъ изданіи, стр. 229—330) профессоръ Глинка не счелъ нужнымъ переводить; затѣмъ если въ московскихъ изданіяхъ Манштейна (1810 и 1823 гг.) и помѣщено это дополненіе, но уже въ переводѣ не съ подлинника, а съ французскихъ изданій, притомъ неполно и съ ошибками. Переводъ Григорія Глинки посвященъ гр. П. В. Завадовскому; книга эта рѣдка, и въ мою библіотеку,— кстати отмѣтимъ,— поступила въ подарокъ отъ извѣстнаго любителя и знатока отечественной исторіи (нынѣ покойнаго) П. А. Муханова, въ 1865 г. **Изд.**

V.

Замѣтка о рукописи Записокъ Манштейна.

Въ предисловіи къ нашему изданію „Записокъ Манштейна" мы довольно подробно описали наружный видъ подлинной рукописи этого драгоцѣннаго для русской исторіи труда; но любопытно знать, откуда и какъ поступилъ этотъ манускриптъ-автографъ въ прекрасную библіотеку дворца въ городѣ Павловскѣ? Въ каталогахъ библіотеки мы не нашли отвѣта на этотъ вопросъ; но, пересматривая, съ благосклоннаго разрѣшенія Августѣйшаго владѣльца города Павловска, архивъ павловскаго городоваго правленія, мы нашли подъ 1806-мъ годомъ, въ дѣлѣ

№ 59-й, извѣстіе, что въ началѣ текущаго столѣтія, именно въ 1804—1806 гг., въ С.-Петербургѣ, при главныхъ конюшняхъ двора императрицы Маріи Ѳеодоровны, состоялъ на службѣ унтеръ-шталмейстеромъ Манштейнъ.

Весьма вѣроятно, что этотъ Манштейнъ былъ представитель потомства знаменитаго генерала и обладатель драгоцѣнной рукописи. Коль скоро это такъ, то весьма естественно, что унтеръ-шталмейстеръ Манштейнъ принесъ въ даръ своей августѣйшей повелительницѣ Записки доблестнаго предка и тѣмъ превосходно сохранилъ ихъ для отдаленнѣйшаго потомства.

Независимо отъ приведенныхъ выше приложеній, мы предполагали дополнить настоящее изданіе „Записокъ Манштейна" замѣчательными примѣчаніями графа Іоанна-Эрнеста Миниха (р. 1707, † 1788, сынъ фельдмаршала), оберъ-гофмейстера двора правительницы Анны Леопольдовны, сосланнаго по восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны въ Вологду, возвращеннаго оттуда въ 1762 г. и скончавшагося на службѣ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и андреевскаго кавалера. Примѣчанія эти помѣщены въ „Отечественныхъ Запискахъ" изд. 1825 — 1829 гг. П. И. Свиньина, части XXI—XXIV, XXV, XXXV—XXXIX. Дополняя, исправляя и оспаривая нѣкоторыя извѣстія Манштейна, даже сами по себѣ, безъ отношенія къ его труду, замѣтки Миниха—сына принадлежатъ къ числу любопытныхъ историческихъ матеріаловъ для эпохи Анны Іоанновны, правленій Бирона и принцессы Анны Леопольдовны.

Но перепечатывать историческій памятникъ изъ изданія Свиньина, притомъ напечатанный имъ, не вполнѣ, мы не признали удобнымъ потому, что въ эпоху издательской дѣятельности этого писателя не считалось предосудительнымъ (по крайней мѣрѣ, со стороны Свиньина) исправлять и подновлять слогъ памятника и дѣлать въ немъ сокращенія и пропуски; въ послѣднемъ отношеніи весьма усердно помогала издателямъ цензура того времени; розыски же наши подлинной рукописи этихъ „Примѣчаній" или, по крайней мѣрѣ, полнаго списка съ подлинника, покамѣстъ не увѣнчались успѣхомъ.

М. С.

1-го декабря 1875 г.

ГЕНЕРАЛЪ МАНШТЕЙНЪ.

Очеркъ его жизни.

1711—1757.

Біографія Манштейна впервые явилась въ 1759 году, т. е., два года спустя послѣ его смерти; затѣмъ свѣдѣнія о немъ приведены были почти при всѣхъ изданіяхъ его Записокъ на французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ и отсюда вошли въ разные біографическіе и энциклопедическіе словари.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній, но при этомъ значительно дополняемъ ихъ новыми данными, извлеченными изъ подлинныхъ бумагъ, хранящихся въ нашихъ архивахъ.

Христофоръ-Германъ фонъ-Манштейнъ родился въ Петербургѣ 1-го сентября 1711 г. Отца его звали Эрнстъ-Себастіанъ фонъ-Манштейнъ, а мать—Доротея фонъ-Дитмаръ, изъ шведскаго дворянскаго дома, владѣвшаго многіе десятки лѣтъ помѣстьями въ Лифляндіи Предки Манштейна, происходившіе отъ стариннаго богемскаго дома, вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій бѣжали въ польскую Пруссію. Отецъ Манштейна вступилъ въ военную русскую службу въ царствованіе Петра Великаго; повышаясь въ чинахъ съ одной степени на другую, наконецъ дослужился до генералъ-поручика и былъ комендантомъ Ревеля. Отъ брака съ дѣвицею Дитмаръ онъ имѣлъ четверыхъ дѣтей: двое умерли въ малолѣтствѣ; дочь была въ замужствѣ за Герсдорфомъ, который умеръ въ чинѣ капитана русской службы. Вдова его еще жила въ 1772 году при матери въ Лифляндіи.

На воспитаніе Манштейна обращено было должное вниманіе. Отецъ преподавалъ ему начала математики; съ самыхъ малыхъ лѣтъ пріучалъ его къ тѣлеснымъ упражненіямъ и къ перенесенію всякихъ трудностей, для этого постоянно бралъ его съ собою въ своихъ путеше-

ствіяхъ; далъ ему наставника и до 13-ти-лѣтняго возраста посылалъ его учиться въ Нарвское училище.

Около этого времени, въ Петербургъ пріѣхалъ Кальзовъ, офицеръ, въ послѣдствіи (1772 г.) генералъ прусской службы, пріятель Манштейновъ. Найдя въ юномъ Манштейнѣ склонность къ военной службѣ, Кальзовъ взялъ его съ собою въ Берлинъ и опредѣлилъ въ кадеты; тамъ юноша продолжалъ свои упражненія. Спустя три года, молодой Манштейнъ пожалованъ въ подпоручики полка маркграфа Карла, а вскорѣ потомъ и въ поручики.

Въ началѣ 1736 г. онъ получилъ отпускъ для посѣщенія своихъ родителей въ Лифляндіи. Тутъ стали его уговаривать вступить въ русскую службу; сначала онъ отказывался, но потомъ рѣшился, вслѣдствіе приглашенія императрицы Анны, и былъ назначенъ капитаномъ гренадеръ въ Петербургскомъ полку.

Свой первый военный подвигъ Манштейнъ разсказалъ на стр. 77—78-й „Записокъ" [1]). Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ раненъ и безъ чувствъ вынесенъ съ поля битвы. Императрица наградила его чиномъ секундъ-маіора. Онъ прозимовалъ на границѣ Украйны, гдѣ для войска достаточно было дѣла въ огражденіи страны отъ набѣговъ татаръ.

Въ слѣдующемъ, 1737 г., Манштейнъ былъ въ походѣ на Очаковъ; при штурмѣ крѣпости раненъ, и награжденъ чиномъ преміеръ-маіора.

Въ слѣдующіе два похода 1738 и 1739 гг. находился подъ начальствомъ графа Миниха, и, между прочимъ, участвовалъ въ сраженіи при Ставучанахъ, за которымъ послѣдовалъ миръ съ Турціею.

Къ концу 1739 г. Манштейнъ назначенъ старшимъ адъютантомъ къ фельдмаршалу и въ подполковники.

О данномъ ему, въ 1740 г., порученіи арестовать герцога Курляндскаго можно прочесть въ его книгѣ. Въ награду за это дѣло ему данъ Астраханскій полкъ и подарены помѣстья въ Ингерманландіи.

30-го января 1741 г. онъ праздновалъ свадьбу свою съ дѣвицею Финкъ, сестрою прусскаго генерала этой фамиліи, въ домѣ фельдмаршала Миниха. Великая княгиня Анна Леопольдовна наградила молодую чету значительными подарками. Отъ этого брака Манштейнъ имѣлъ двухъ сыновей и четырехъ дочерей.

Въ томъ же году онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ шведскомъ походѣ, отличился подъ Вильманстрандомъ и опять былъ раненъ.

25-го ноября 1741 года произошелъ переворотъ, вслѣдствіе котораго на русскій престолъ вступила Елисавета. На Манштейна это событіе

---

[1]) Взятіе башни въ Перекопской линіи въ Крыму.

повліяло тѣмъ, что у него отняли и полкъ и помѣстья. Ему даже приказано было выѣхать изъ Петербурга въ двадцать четыре часа и отправиться въ крѣпость св. Анны, на границѣ Сибири, гдѣ ему назначено командовать другимъ полкомъ. Однако, благодаря ходатайству пріятелей, онъ получилъ трехмѣсячный отпускъ и отправился въ Лифляндію къ отцу. Послѣ продолжительныхъ ходатайствъ у двора, Манштейну данъ второй Московскій полкъ, квартировавшій въ Вейсенштейнѣ, въ Лифляндіи. Съ этимъ полкомъ онъ, въ 1743 году, двинулся къ Кронштадту, гдѣ въ маѣ мѣсяцѣ сѣлъ съ нимъ на галеры, отправленныя къ берегамъ Швеціи. Этотъ походъ также описанъ въ его „Запискахъ“.

Канцлеръ Бестужевъ былъ врагомъ Манштейна. При такихъ обстоятельствахъ Манштейну нельзя было ожидать дальнѣйшихъ успѣховъ въ Россіи. Напротивъ того, какой-то русскій офицеръ, дурнаго поведенія, котораго Манштейнъ за проступокъ арестовалъ, донесъ на него, какъ на государственнаго преступника. Манштейна отвезли подъ карауломъ въ Дерптъ и отдали подъ военный судъ. Доносчикъ, однако, не могъ привести никакихъ доказательствъ, а потому подсудимый освобожденъ; тѣмъ не менѣе, все это дѣло такъ его огорчило, что онъ сталъ просить увольненія отъ службы.

Такъ какъ на увольненіе не соглашались, то онъ воспользовался полугодовымъ отпускомъ, дарованнымъ императрицею офицерамъ, сѣлъ въ Ревелѣ на корабль и въ началѣ октября 1744 г. высадился въ Любекѣ. Отсюда онъ отправился въ Берлинъ, гдѣ обратился къ тогдашнему русскому посланнику графу Петру Чернышеву съ просьбою выхлопотать ему отставку; но, по настоянію Бестужева, послѣдовалъ отказъ. Убѣжденіями, а не то угрозами старались склонить его къ возвращенію въ Россію; но Манштейнъ не согласился; тогда Бестужевъ велѣлъ взять отца его подъ стражу, привезти въ Петербургъ, и держалъ его тамъ болѣе года подъ присмотромъ, а самого Манштейна отдали подъ военный судъ, который и осудилъ его заочно къ смертной казни, чрезъ повѣшеніе. Императрица аппробовала этотъ приговоръ. Вслѣдъ затѣмъ старикъ-отецъ Манштейнъ былъ освобожденъ; но онъ умеръ въ 1747 г. отъ сухотки, вслѣдствіе сильнаго огорченія отъ испытаннаго имъ гоненія.

Въ подлинныхъ документахъ, хранящихся въ русскихъ правительственныхъ архивахъ [1]), о выходѣ Манштейна изъ нашей службы имѣются слѣдующія подробности.

---

[1]) Матеріалы эти напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 г. и въ «Архивѣ князя Воронцова».

Первое донесеніе о его прибытіи въ Берлинъ было отъ 24-го октября 1744 г. Посланникъ нашего двора въ Берлинѣ графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ писалъ, что явившійся на-дняхъ въ Берлинъ Манштейнъ требовалъ у него паспорта для безопаснаго проѣзда, чрезъ Силезію, въ армію прусскаго короля, съ цѣлію только видѣть эту армію. Паспорта ему Чернышевъ не далъ, зная, что прусскій король волонтеровъ при своей арміи имѣть не желаетъ.

5-го января 1745 г. Чернышевъ доносилъ, что полковникъ Манштейнъ изъ Силезіи въ Берлинъ вернулся, съ прусскимъ королемъ въ Силезіи не видѣлся, но былъ представленъ ему въ Берлинѣ.

„Хотя онъ (Манштейнъ) мнѣ сказывалъ, писалъ Чернышевъ, что онъ здѣсь въ службу войти не ищетъ, токмо я не знаю, для чего бы иного онъ здѣсь жить могъ".

Предположеніе Чернышева оправдалось. Въ донесеніи отъ 26-го января 1745 года онъ упоминаетъ, что Манштейнъ письменно просилъ короля дозволить ему быть въ будущую кампанію при немъ волонтеромъ, на что получилъ разрѣшеніе и надѣлъ уже прусскій мундиръ.

Вслѣдъ за этимъ донесеніемъ въ Петербургѣ получена была военной коллегіей, на высочайшее имя, челобитная отъ Манштейна. Въ ней проситель, объясняя, что, по прибытіи въ Пруссію, усмотрѣвъ, что ему безъ крайняго разоренія продолжать службу въ Россіи невозможно, просилъ уволить его въ отставку.

Пользуясь постановленіемъ, требовавшимъ отъ находящихся въ отпуску военныхъ, явиться прежде на мѣсто службы, а потомъ уже просить объ увольненіи, повелѣно было Чернышеву, рескриптомъ, даннымъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ 16-го февраля 1745 года, спросить Манштейна: „Для чего онъ, вмѣсто водъ, къ которымъ, для избавленія отъ своей болѣзни, на годъ увольненіе просилъ, нынѣ, безъ вѣдома нашего, писменно домогался быть въ прусской арміи волонтеромъ, что ему, яко нашему подданному, и дѣйствительно столь значительнымъ чиномъ находящемуся, того весьма дѣлать непристойно. Да и надлежитъ ему, Манштейну, на предписанный нашей военной коллегіей срокъ, будущаго августа 1-го числа, неотмѣнно и безъ всякихъ отговорокъ, по командѣ явиться и къ полку своему возвратиться".

По опредѣленію военной коллегіи былъ посланъ 2-го мая генералъ-фельдмаршалу Ласи указъ: „Наикрѣпчайше подтвердить Манштейну, чтобы на тотъ данный ему срокъ при полку явился безъ всякаго отрицанія".

На предписаніе фельдмаршала явиться, Манштейнъ отвѣчалъ вторичной просьбой объ увольненіи.

10-го января 1746 года предписано было Чернышеву заявить берлинскому двору: „Намѣренія къ тому нѣтъ, дабы полковника Манштейна противъ его желанія удерживать хотѣли; но только сіе требуется, дабы онъ, яко отпущенный на время, сюда возвратился, и когда здѣсь ему жить не хочется, то бы, по обыкновенію, свой абшидъ взять могъ“.

Императрица Елисавета, усмотрѣвъ изъ доклада иностранной коллегіи, 22-го января 1746 г., что король прусскій, удерживая въ своей службѣ извѣстнаго лифляндца Гагерта, продолжаетъ требовать увольненія изъ здѣшней службы Манштейна, „а какъ слышно, что онъ (Манштейнъ) въ прежнихъ годахъ, въ прусской службѣ будучи, оттуда ушелъ и за то персона его на висѣлицѣ долго содержана была, онъ же, чаятельно, здѣшній подданный, эстляндецъ; того ради соизволили указать, какъ въ Берлинѣ, чрезъ графа Чернышева, такъ и здѣсь, барону Мардефельду, при домогательствѣ объ отпускѣ Гагерта, дать знать, что напрасно его величество объ этомъ Манштейнѣ, яко такомъ человѣкѣ, старается, который напередъ сего уже изъ тамошней службы бѣглымъ и ошельмованнымъ былъ персоною его на висѣлицѣ, и который отсюда, повидимому (видимо), обманомъ, на время отпросился, а для полученія надлежащаго абшида и пріѣхать не хочетъ. И развѣ до того же дойдетъ, что и здѣсь онъ за бѣглаго признанъ (будетъ) и персона его тоже на висѣлицѣ публично предъявлена будетъ“.

Получивъ объ этомъ заявленіе отъ Бестужева, Манштейнъ отвѣчалъ изъ Потсдама 11-го апрѣля 1746 года: 1) Изъ службы его величества короля прусскаго онъ никогда не дезертировалъ, но только для свиданія съ своимъ отцемъ былъ отпущенъ въ Лифляндію. Отецъ и дядя его, бывшій въ то время шведскимъ посланникомъ въ Россіи, всевозможными увѣщеваніями старались склонить его перейти на русскую службу, но онъ не соглашался, пока бывшій герцогъ Курляндскій и, наконецъ, сама императрица Анна Ивановна къ тому его не склонила, обѣщавъ: „Мы уже-де о томъ стараться станемъ, чтобъ къ нему его абшидъ изъ прусской службы присланъ былъ“. И такъ, не его вина была и не въ его волѣ состояло, чтобы назадъ въ Пруссію возвратиться. 2) Въ прежней промеморіи онъ упоминалъ, что двоекратно, прежде еще своего отъѣзда изъ Россіи, о своемъ увольненіи просилъ; но, не получивъ увольненія, принужденъ, по отъѣздѣ своемъ, его домогаться, „ибо его обстоятельства всеконечно не дозволяли, чтобы онъ назадъ пріѣхалъ“. 3) Онъ не первый, а многіе генералы

и офицеры о своемъ увольненіи внѣ государства просили и отставка имъ дана была. 4) За россійско-императорскаго подданнаго его не могутъ признавать, ибо никогда въ употребленіи не бывало, „чтобъ по матери называться или писаться". Хотя онъ и въ Россіи родился, но какъ его отецъ, такъ и онъ всегда иностранцами считались, такъ какъ они ни малѣйшаго собственнаго помѣстья во всей Россійской имперіи не имѣютъ, межъ тѣмъ, какъ предки его нѣсколько сотень лѣтъ прусскими подданными считаются, имѣя лены въ королевствѣ прусскомъ. То имѣнье, которое онъ недавно себѣ купилъ, лежитъ также въ земляхъ его высочества короля. Можетъ онъ еще обратить вниманіе и на то, что въ продолженіе всей своей службы въ Россіи во всѣхъ росписяхъ онъ прусскимъ подданнымъ былъ писанъ. 5) Ожиданіе аренды, право на которую отецъ его получилъ отъ ея величества императрицы Анны, не могло удержать его въ русской службѣ, такъ какъ въ томъ же указѣ прибавлено было: дать аренду, „когда онъ въ россійско-императорской службѣ останется". Объясненіе свое Манштейнъ оканчивалъ новой просьбой объ увольненіи.

Между тѣмъ графъ Чернышевъ предъявилъ Манштейну требованіе русскаго правительства, чтобы онъ, Манштейнъ, представилъ отчетность по тому полку, которымъ до отъѣзда своего изъ Россіи командовалъ. Манштейнъ отвѣчалъ, 19-го февраля 1746 года: 1) Въ Россіи никто изъ полковыхъ начальниковъ не распоряжается одинъ полковой казной, но все выдаютъ ему опредѣленные къ тому коммисары, а требованія подписываются всѣми офицерами полка. 2) Не было примѣра, чтобы какой-либо офицеръ отпущенъ былъ изъ полка, не только за границу, но даже внутрь государства, пока на немъ хотя малѣйшая долговая претензія имѣлась, особенно въ деньгахъ, казнѣ принадлежащихъ. 3) Прежде, чѣмъ выѣхать изъ Россіи, онъ, Манштейнъ, все, съ надлежащимъ порядкомъ, своему подполковнику, барону Миниху, сдалъ, и что все исправно, въ томъ квитанцію, всѣми офицерами подписанную, получилъ. Квитанція эта, съ прочими бумагами и частію его пожитковъ, у него при Оповѣ пандурами похищена; тѣмъ не менѣе подполковникъ и прочіе офицеры отречься не могутъ, что такая квитанція ему была выдана, такъ какъ о томъ командующему генералу было рапортовано. Замѣтить еще должно, что за двѣ недѣли передъ его отъѣздомъ предстоялъ полку инспекторскій смотръ, при чемъ обыкновенно свидѣтельствуется полковая казна. И тако, ежели бы наименьшая у него неисправность оказалась, его бы не отпустили за границу, такъ какъ онъ уже два раза передъ этимъ, а именно въ 1742 и 1744 годахъ, увольненія изъ службы просилъ, изъ чего легко можно было заключить, что онъ назадъ можетъ не вернуться, тѣмъ болѣе, что

онъ не имѣетъ въ Россіи никакого помѣстья, межъ тѣмъ какъ въ королевствѣ прусскомъ все, чѣмъ владѣли его предки, за нимъ числится и могло придти въ полнѣйшее разореніе отъ его продолжительнаго отсутствія. Онъ можетъ еще много пунктовъ въ свое оправданіе привести, но, во избѣжаніе многословія, ихъ обходитъ. Однако, не отказывается, если отъ полка какая-нибудь претензія на него объявлена будетъ, „во всемъ себя очищать и доказать, что справедливо ничего на немъ претендовано быть не можетъ".

Бестужевъ-Рюминъ продолжалъ употреблять всѣ мѣры для вытребованія Манштейна. 22-го февраля 1746 г. послано изъ Петербурга новое подтвержденіе Чернышеву, чтобъ онъ „тамо министерству прямо сказалъ, что сіе весьма непристойно и не дружественно было бы, ежели бы оные здѣшніе подданные тамо еще удерживаны были и развѣ его величество король прусскій такимъ поступкомъ съ здѣшнею стороною прямую ссору зачать хочетъ. А что полковникъ Манштейнъ оттуда ѣхать сюда не хочетъ, то, для увѣщанія его къ тому, призвать сюда изъ Ревеля отца его, генералъ-поручика Манштейна, и о томъ послать къ нему съ нарочнымъ курьеромъ указъ за подписаніемъ ея императорскаго величества".

12-го апрѣля 1746 года докладовано было императрицѣ о Манштейнѣ: „Онъ, и по послѣднимъ тамъ (въ Берлинѣ) учиненнымъ предъявленіямъ, да и по отцовскому письму,— которое въ такихъ сильныхъ терминахъ и увѣщаніяхъ, какъ того больше невозможно, къ нему писано было,— ѣхать сюда не хочетъ, но неотмѣнно абшида желаетъ, и въ такой силѣ и къ отцу своему отвѣтствовалъ и черезъ барона Мардефельда промеморію сюда прислалъ. Почему не остается ужъ болѣе, какъ развѣ повелѣть военной коллегіи надъ нимъ, яко дезертиромъ, обыкновенный судъ содержать и по сентенціи учинить".

Ея императорское величество соизволила указать въ такой силѣ указъ изготовить.

15-го мая 1746 года, по опредѣленію военной коллегіи, къ полковнику Манштейну посланъ указъ съ повелѣніемъ отъ императрицы, чтобы онъ, „въ предписанный ему трехмѣсячный срокъ (считая отъ подписанія этого указа), конечно (непремѣнно), безъ всякихъ отговорокъ, въ Санктпетербургѣ въ оной коллегіи явился. Ежели же онъ на тотъ срокъ не явится, то за дезертира признанъ и, по правамъ воинскимъ, судомъ неотмѣнно и дѣйствительно осужденъ будетъ".

На это опредѣленіе Манштейнъ отвѣтилъ (14-го іюня 1746 г.) повтореніемъ прежней просьбы объ увольненіи, причемъ писалъ:

„Твердую надежду имѣя, что ея императорское величество, по своей высочайшей милости, мнѣ, за вѣрныя мои службы и полу-

ченныя раны, вмѣсто абшида, безчестіемъ платить не будетъ, ибо уже многіе чужестранные офицеры, при отсутствіи отъ командъ, изъ службы увольнены, а я прежде отъѣзда своего изъ Ревеля двоекратно объ увольненіи изъ службы всеподданнѣйшія челобитныя подалъ.— Возвратиться же мнѣ и службу ея императорскаго величества продолжать никакими мѣрами невозможно".

20-го мая 1746 года доложено было Бестужевымъ-Рюминымъ императрицѣ донесеніе изъ Риги генералъ-фельдмаршала графа Ласи. Фельдмаршалъ требовалъ указа, отпускать-ли ему за границу капитана Стакельберга, такъ какъ тотъ подозрѣвается въ подговариваніи молодыхъ лифляндцевъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Пруссію и поступить тамъ на службу. Стакельбергъ былъ не русскій подданный. Онъ служилъ у прусскаго короля и только осенью 1745 г. пріѣхалъ въ Лифляндію и жилъ до весны 1746 года, въ помѣстьяхъ на островѣ Эзелѣ. Изъ перехваченнаго на почтѣ письма Манштейна,— такъ доносилъ государынѣ Бестужевъ-Рюминъ,— открылось, что Манштейнъ писалъ Стакельбергу подговаривать молодыхъ лифляндцевъ вступить на службу къ прусскому королю.

Наконецъ, когда всѣ усилія добыть Манштейна изъ Пруссіи остались безуспѣшными, его заочно предали военному суду, который и постановилъ слѣдующій приговоръ:

„По силѣ военныхъ артикуловъ, по кригсъ-рату и по мнѣнію генерала фельдмаршала и кавалера рехсъ-графа фонъ-Лессія, положено: его, Манштейна, яко дезертира и нарушителя присяги, когда онъ пойманъ будетъ, безъ всякой милости и процессу, повѣсить, дабы впредь никто, противу своей присяжной должности, таковыхъ продерзостей чинить не отважился. Имя его, Манштейна, публиковавъ, прибить къ висѣлицѣ"[1]).

„По мнѣнію военной коллегіи, надлежитъ тожъ учинить, а именно: нынѣ публиковавъ имя его, Манштейна, прибить къ висѣлицѣ, а когда онъ пойманъ будетъ, безъ всякой милости и процессу повѣсить".

Императрица подписала: „Повелѣваемъ учинить по мнѣнію оной коллегіи".

Въ то время, когда имя Манштейна прибивали въ Россіи къ висѣлицѣ, онъ усердно служилъ въ Пруссіи: въ 1745 году участвовалъ въ войнѣ въ Верхней Силезіи, потомъ, въ походѣ въ Саксонію, ко-

---

[1]) Любопытно, что составитель нѣмецкой біографіи Манштейна, неизвѣстно на чемъ основываясь, увѣряетъ будто нѣмцы-генералы, составлявшіе половинное число судей военнаго суда надъ Манштейномъ, не захотѣли участвовать въ его обвиненіи и вышли изъ состава суда. Очевидно, что это неправда.

роль взялъ его къ себѣ въ адъютанты, а затѣмъ назначилъ его комендантомъ въ Циттау.

По заключеніи мира, Манштейнъ поселился въ Потсдамѣ, куда выписалъ и семейство свое. Тутъ онъ, кромѣ исполненія военныхъ обязанностей, посвящалъ время свое умственнымъ занятіямъ и составленію Записокъ о Россіи. Въ 1754 году произведенъ въ генералъ-маіоры.

Въ возгорѣвшейся семилѣтней войнѣ Пруссіи съ Австріей и ея союзниками Манштейнъ, въ сентябрѣ 1756 года, былъ въ походѣ въ Богеміи, завладѣлъ по пути зàмкомъ Тешенъ и взялъ первыхъ военноплѣнныхъ въ эту войну. Зимою онъ былъ назначенъ комендантомъ Дипольдисвальде, на богемской границѣ, имѣя подъ своимъ начальствомъ гарнизонъ изъ полка Минквица, трехъ гренадерскихъ баталіоновъ и нѣсколькихъ эскадроновъ гусаръ. На этомъ посту онъ прославился безкорыстіемъ и обходительностью.

Между тѣмъ въ Россіи, въ январѣ 1756 г., имя Манштейна вновь явилось въ правительственныхъ сферахъ. При допросѣ въ Тайной Канцеляріи, рудоискатель Зубаревъ показалъ, будто Манштейнъ употреблялъ его, какъ орудіе, для освобожденія императора Ивана Антоновича изъ заточенія. Для болѣе яснаго изложенія этого дѣла, необходимо вернуться къ событіямъ, случившимся за нѣсколько лѣтъ до 1756 г. и разсказать, кто такой былъ Зубаревъ.

Осенью 1751 года, тобольскій посадскій Иванъ Зубаревъ донесъ лично императрицѣ Елисаветѣ, что въ Исецкой области (Оренбургской губерніи) находится серебряная руда и золото въ пескѣ. Доставленныя имъ пробы были отосланы въ бергъ-коллегію и отданы на изслѣдованіе ученымъ разныхъ вѣдомствъ.

Академія наукъ поручила изслѣдовать ихъ Ломоносову, который нашелъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ на пудъ 7½ золотн. серебра, въ другихъ—отъ 2-хъ до 5-ти золотниковъ. Между тѣмъ бергъ-коллегія и монетная канцелярія въ тѣхъ пробахъ серебра не нашли. Ломоносовъ отказался подтверждать вѣрность своего изслѣдованія, ссылаясь на то, что производилъ его весьма поспѣшно. Кабинетъ, признавъ умыселъ Зубарева „затѣйнымъ и воровскимъ", отослалъ его въ петербургскую крѣпость. Въ 1754 году его переслали въ сыскной приказъ, откуда онъ бѣжалъ.

Въ 1755 году бѣглый крѣпостной Ларіоновъ донесъ, что, будучи у раскольниковъ въ Лаврентьевомъ монастырѣ, онъ слышалъ, какъ прусскій шпіонъ Иванъ Васильевъ возмущалъ старовѣровъ. Въ то время, какъ давалъ свои показанія Ларіоновъ, былъ задержанъ въ Малороссіи Иванъ Васильевъ, подозрѣваемый въ кражѣ лошадей. Ока-

залось, что это никто другой, какъ Зубаревъ. Уличаемый Ларіоновымъ, Зубаревъ долго запирался, но, „по довольному увѣщанію", подъ ударами плетей, далъ подробное показаніе.

Допросъ производился въ январѣ 1756 года, въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, въ присутствіи генералъ-аншефа Александра Ивановича Шувалова. Приводимъ изъ обширныхъ показаній Зубарева только то, что относится до Манштейна.

Зубарéвъ винился: въ прошломъ 1755 году, послѣ праздника Богоявленія Господня, нанялся онъ у русскихъ бѣглыхъ купцовъ, жившихъ въ польской раскольничьей слободѣ Вѣткѣ, отвезти товары въ Прусской Королевецъ [1]). Былъ онъ въ пути недѣль шесть. По пріѣздѣ въ Королевецъ, вышелъ прогуляться на биржу. Тутъ подошелъ къ нему прусскій офицеръ и, помѣрясь съ нимъ ростомъ, говорилъ ему по-польски: „я слышалъ отъ твоихъ товарищей, съ которыми ты сюда пріѣхалъ, что ты хочешь ѣхать въ Мальтію, но ты не ѣзди, а прими нашу службу". Зубаревъ отвѣчалъ: я въ вашу службу идти не желаю. Офицеръ пригласилъ его въ трактиръ и сталъ тамъ распрашивать, какой онъ человѣкъ, какъ его зовутъ и гдѣ онъ состоитъ на квартирѣ? Зубаревъ сказалъ о себѣ всю правду. Офицеръ, записавъ его имя, сталъ вторично звать на службу, но Зубаревъ не согласился. Поутру, на другой день, пошелъ Зубаревъ поить лошадь и на дорогѣ попался ему опять тотъ же офицеръ, съ солдатами, взялъ его, привелъ на ротную съѣзжую и сказалъ капитану, будто онъ, Зубаревъ, нанялся въ жолнеры за девяносто рублей. Зубаревъ не принялъ ни предложенныхъ ему тутъ же денегъ, ни мундира. Его посадили подъ караулъ.

Перебывавъ у разныхъ прусскихъ властей, Зубаревъ очутился, наконецъ, въ крѣпости, въ домѣ фельдмаршала Ливонта [2]). Въ то время, какъ фельдмаршалъ его распрашивалъ, вошелъ незнакомый Зубареву офицеръ, принялъ участіе въ этихъ распросахъ, а потомъ велѣлъ его отвести подъ карауломъ на гауптвахту, но чрезъ нѣсколько часовъ пріѣхалъ на гауптвахту сержантъ съ лакеемъ и отвезли Зубарева въ домъ вышеозначеннаго офицера. На дому офицеръ распрашивалъ его по-русски: „скажись, пожалуй, какой ты человѣкъ?" Зубаревъ отвѣчалъ, что онъ подлинно купецъ.—„Поди-де ты служить въ гвардію. Ты-де будешь честный человѣкъ (въ почетѣ), мы тебя произведемъ. Я-де тебя куплю у г. капитана и для того поѣдемъ мы съ тобою къ королю". Зубаревъ прожилъ у этого офицера трое сутокъ въ отведенныхъ ему

---

[1]) Кенигсбергъ.

[2]) Левальда?

особенныхъ покояхъ, обѣдалъ и ужиналъ за однимъ столомъ съ офицеромъ. Тотъ сталъ его опять уговаривать поступить въ гвардію. Послѣ долгаго колебанія, Зубаревъ отвѣчалъ: „за волю-де вашу, я готовъ служить". Офицеръ сѣлъ въ карету, Зубарева посадили въ дорожную коляску, и подъ крѣпкимъ присмотромъ, чтобъ онъ не сбѣжалъ, повезли въ Берлинъ. „И будучи въ пути недѣли съ двѣ, оный офицеръ заѣхалъ незнамо въ какой городъ и, по пріѣздѣ въ тотъ городъ, пріѣхалъ во дворъ прямо къ принцу Гольштинскому (а о томъ, что оный принцъ Гольштинскій, свѣдалъ онъ, Зубаревъ, изъ разговоровъ людей означеннаго офицера). Оный офицеръ, будучи въ покояхъ принца часовъ восемь, прислалъ за нимъ, Зубаревымъ, въ нижніе покои и велѣлъ привести въ покои къ принцу". У принца Гольштинскаго подвели его только подъ мѣрку, устроенную въ сѣняхъ для измѣренія роста поступившихъ въ гвардію [1]). На другой день вечеромъ поѣхали они въ Берлинъ. Пробывъ тамъ сутки, офицеръ повезъ его, Зубарева, въ мѣстечко Потсдамъ и, оставивъ въ квартирѣ своей, пошелъ къ королю и пробылъ тамъ до вечера. „Къ вечеру пріѣхалъ незнамо съ какимъ человѣкомъ и велѣлъ привести его, Зубарева.—Знаешь-ли ты этого господина?—Зубаревъ отвѣчалъ, что не знаетъ.—„Этотъ-де господинъ принцъ дядюшка родной Ивану Антоновичу, который былъ у васъ императоромъ, а вы-де присягали, да измѣнили. Вы измѣнники. Знавалъ-ли ты его (Ивана Антоновича)? Онъ-де былъ одного году?"—Зубаревъ отвѣчалъ: мнѣ знать его не почему, я былъ въ Сибири.—Офицеръ говорилъ: я самъ у васъ въ службѣ былъ при фонъ-Минихѣ адъютантомъ. Я, чаю, ты слыхалъ про Манштейна? Я—Манштейнъ и служу нынѣ у его королевскаго величества генералъ-адъютантомъ. Какъ тебѣ про меня не знать? Вѣдь ты былъ въ гвардіи. Вы-то свели Ивана Антоновича и его подъ арестъ взяли, а ты теперь купцомъ называешься ложно! Пожалуй, скажи правду: ты, конечно, былъ въ лейбъ-компаніи? А буде не скажешь правду, такъ тебя будутъ здѣсь такъ мучить, что и въ Россіи ты такихъ мукъ не видалъ. Не одинъ братъ, ты, вашихъ-то вить здѣсь много и донскіе казаки къ намъ согласны. Смотри-де вотъ, какъ у васъ служить вѣрно можно, что Краснощековъ былъ человѣкъ знатный, а нынѣ-де дѣтей его обидѣли и мать ихъ, лишась отечества своего, живетъ въ Польшѣ, а на мѣсто отца ихъ опредѣленъ Данило Ефремовъ. Поди ты къ намъ на службу, у насъ пожалуютъ тебя королевскимъ офицеромъ. У васъ же вотъ за вѣру, смотри какъ, мучатъ и сами

[1]) Зубарева двукратно мѣрили. Не ростъ-ли его заставилъ предполагать, что онъ служилъ въ русской гвардіи?

жгутся, а у насъ его королевское величество этого дѣлать не изволитъ. И порядки лучше".

Зубаревъ, слыша отъ Манштейна означенныя обнадеживанія и опасаясь, чтобы и доподлинно не стали его мучать, сказалъ Манштейну, что онъ въ Россіи въ службѣ былъ лейбъ-компанскимъ гренадеромъ и проигрался въ карты и отъ того бѣжалъ; а нынѣ въ службу его королевскаго величества идти готовъ. Манштейнъ говорилъ: „ну, мы радуемся, что ты насъ послушалъ, пожалуй, скажи истинную (правду), гдѣ нынѣ Иванъ Антоновичъ держится?" — Зубаревъ отвѣчалъ: я, ей-ей, гдѣ онъ, не знаю, и ни отъ кого не слыхалъ.

Манштейнъ говорилъ: знаешь-ли ты городъ Архангельской, а отъ него недалеко городъ Холмогоры, такъ тутъ-та Иванъ-отъ Антоновичъ содержится. — Зубаревъ отвѣчалъ Манштейну: я про городъ Архангельской слыхалъ, только-де я въ немъ не бывалъ, и гдѣ онъ— не знаю.—Манштейнъ спросилъ его, Зубарева: а знаешь-ли, гдѣ содержится фельдмаршалъ фонъ-Минихъ?—Зубаревъ отвѣчалъ: я-де не знаю.—Манштейнъ сказалъ: онъ держится въ Пелымѣ. Что вы думаете? Мы знаемъ о всѣхъ, гдѣ кто содержится.

И потомъ на другой и на третій день оный же Манштейнъ, при показанномъ же принцѣ, говаривалъ ему, Зубареву: „господинъ Зубаревъ, сдѣлай эдакую милость и послужи за отечество свое: съѣзди ты въ раскольническія слободы и уговори раскольниковъ, чтобъ они склонились къ намъ и чтобъ быть на престолѣ Ивану Антоновичу; а мы, по ихъ желанію, будемъ писать къ патріарху, чтобъ имъ посвятить епископа, ибо у насъ былъ ихъ одинъ попъ, да только онъ обманулъ насъ и уѣхалъ. А какъ посвятимъ епископа, такъ онъ отъ себя своихъ поповъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ есть раскольники, разошлетъ, и они сдѣлаютъ бунтъ. А ты, пожалуй, сдѣлай только то, что подай вѣсть Ивану Антоновичу, а мы будущаго 756 году, весною, пошлемъ туда къ городу Архангельскому корабли подъ видомъ купечества".

Тутъ вошелъ одинъ капитанъ. Манштейнъ сталъ разсказывать, что дядя Ивана Антоновича съ этимъ капитаномъ [1]) въ Архангельскѣ разъ были. Ихъ тамъ узнали и они насилу, черезъ великія деньги, оттуда уѣхать могли. Капитанъ тотъ опять поѣдетъ въ Архангельскъ, такъ чтобъ Зубаревъ могъ узнать его тамъ; Зубаревъ ѣхать согласился. Манштейнъ, по показанію Зубарева, заставилъ его писать, какъ его зовутъ, и отца, и мать, также и всю родню, для того, „что ежели ты намъ въ чемъ солжешь, то ты ни въ какой землѣ не уйдешь". И онъ, Зубаревъ, написавъ своею рукою на трехъ листахъ, какъ чинъ

[1]) Служившій въ полку одного изъ братьевъ прусскаго короля.

свой—якобы онъ лейбъ-компаніи гренадеръ—имя, отчество и прозваніе, такъ отца и мать свою, и гдѣ они жительство имѣютъ, отдалъ тому Манштейну. И Манштейнъ говорилъ, что „вотъ какъ мы тебя отсюда отправимъ, такъ пошлетъ королевское величество въ Варшаву къ своему резиденту письмо, что какъ кто отъ раскольниковъ въ епископа выбранъ будетъ, тогда-бъ онъ его, ни мало не мѣшкавъ, отправилъ въ Потсдамъ, а чтобъ отъ Россіи не было причинено тѣмъ раскольникамъ, въ выборѣ епископа, помѣшательства, такъ мы будемъ писать къ князю Чарторижскому, чтобъ онъ защищалъ".

Зубаревъ говорилъ Манштейну: „статочное-ли дѣло и князь Чарторижскій сдѣлаетъ-ли это, чтобъ съ Россіею ссориться?"

Манштейнъ говорилъ: „а какъ насъ онъ не послушаетъ, то мы его мѣстечко, которое по близости насъ, все разоримъ; да мы-бъ и давно уже съ Россіею зачали войну, да только намъ жаль Ивана Антоновича, что его зашлютъ въ Сибирь, и тамъ ужъ его и сыскать будетъ трудно, и для того мы означеннаго 756 году, весною, не умѣшкавъ, пошлемъ того капитана, котораго ты видѣлъ, къ городу Архангельскому, чтобъ онъ Ивана Антоновича и отца его, какъ можно, скралъ. Да тутъ же (въ Архангельскѣ) держится и адъютантъ; да намъ онъ не такъ нуженъ. А какъ мы Ивана Антоновича скрадемъ, то уже тогда чрезъ показанныхъ епископовъ и старцевъ сдѣлаемъ бунтъ, чтобъ возвесть Ивана Антоновича на престолъ, ибо Иванъ Антоновичъ старую вѣру любитъ; а какъ сдѣлается бунтъ, то и мы тогда придемъ съ нашею арміею къ россійской границѣ".

И потомъ, еще спустя два дня, означенный Манштейнъ, взявъ его, Зубарева, и посадя съ собою въ карету, повезъ къ королевскому двору, и какъ пріѣхалъ, то Манштейнъ, оставя его, Зубарева, въ королевскомъ залѣ, самъ пошелъ къ королю и потомъ, немного бывъ въ покояхъ у короля одинъ, отворя у другаго покоя двери, позвалъ Зубарева. И какъ онъ взошелъ въ покои, то король сидѣлъ въ стулѣ, а показанный принцъ, который былъ всегда у Манштейна, да другой онаго принца братъ (а какъ его зовутъ—не знаетъ). И оный Манштейнъ говорилъ ему, Зубареву: „господинъ Зубаревъ! его королевское величество изволилъ тебя пожаловать въ регигментъ полковникомъ, и ты его величество благодари и съѣзди къ городу Архангельскому, и тамъ ты подкупи солдатъ или какую портомойку, и отвези къ Ивану Антоновичу двѣ медали съ портретомъ брата Антона Ульриха; да на проѣздъ тебѣ тысячу червонныхъ".

И потомъ оный Манштейнъ, при королѣ, взявъ съ имѣющаго въ томъ королевскомъ покоѣ небольшаго столика тысячу червонныхъ и помянутыя двѣ медали золотыя, отдалъ ему, Зубареву, которыя онъ,

Зубаревъ, у того Манштейна и принялъ. А по отдачѣ ему, Зубареву, оныхъ червонныхъ и медалей Манштейнъ говорилъ ему, Зубареву: „мы-бъ написали, да письма въ руки попадутся; да и медали-то зашей ты въ сапогъ, подъ подошву. А какъ Ивана Антоновича отецъ Антонъ, увидитъ эти медали, то онъ уже и безъ письма узнаетъ, отъ кого онѣ присланы; и такъ онъ съ сыномъ можетъ заблаговременно убраться, чтобъ уйти имъ обоимъ на корабль по пріѣздѣ вышереченнаго капитана". Причемъ оный же Манштейнъ, снявъ съ окошка образъ Богородицынъ, въ томъ, чтобъ онъ, Зубаревъ, былъ его королевскому величеству вѣренъ и старался все то въ пользу его величества исполнить, велѣлъ ему, Зубареву, присягнуть, гдѣ онъ во всемъ томъ и присягнулъ.

И послѣ присяги выслали его изъ того покоя въ залъ. Какъ вышелъ въ залъ, то означенный Манштейнъ приказалъ ему, Зубареву, надѣть имѣвшійся въ томъ залѣ мундиръ офицерской, зеленой съ красными обшлагами, и на плечѣ кисти долгія серебряныя, ниже локтя, а на концахъ серебрянные литые концы, а камзолъ и штаны желтые (которые надѣты у Манштейна въ домѣ). И одѣвъ его въ тотъ мундиръ, представилъ паки къ королю и говорилъ, „что ѐго королевское величество объ отправленіи тебя въ городъ Архангельской и о поставленіи епископа мнѣ изволилъ указать дать тебѣ во всемъ наставленіе. „Причемъ, какъ о увозѣ Ивана Антоновича и отца его, такожъ и о возведеніи Ивана Антоновича на престолъ, и о постановленіи епископа,—для того чтобъ старая вѣра была возобновлена,—выговорилъ такимъ же образомъ, какъ говорилъ въ домѣ своемъ.

Затѣмъ Манштейнъ повезъ Зубарева въ свой домъ; немного спустя пріѣхалъ туда принцъ, дядя Ивана Антоновича, гдѣ какъ онъ, Зубаревъ, такъ и показанный принцъ и Манштейнъ были въ одномъ покоѣ. И во время-жъ бытности его у Манштейна обѣдывалъ и ужиналъ онъ, Зубаревъ, вмѣстѣ съ онымъ Манштейномъ и женою его. И какъ были въ покояхъ предъ королемъ, то порознь прошли черезъ тотъ покой невѣдомо какіе два человѣка, то онъ, Зубаревъ, хотѣвъ вѣдать, какіе то люди прошли мимо ихъ, спросилъ того Манштейна: что-де это за люди прошли мимо насъ? И оный Манштейнъ сказалъ ему, что-де одинъ генералъ-фельдмаршалъ Кейтъ, а другой принцъ презусъ.

Манштейнъ снова объ увозѣ Ивана Антоновича рѣчь завелъ и совѣтовалъ ему, Зубареву, учинить такъ, чтобъ ему, по объявленіи въ Польшѣ раскольникамъ о томъ, что оный Иванъ Антоновичъ будетъ на россійскомъ престолѣ, идтить въ Россію и, по пропускѣ его, Зубарева, чрезъ россійскую границу, идтить прямо въ Москву или въ какой городъ и, взявъ отъ кого-нибудь въ Москвѣ или въ городѣ воровской пашпортъ, назвавъ себя въ томъ пашпортѣ крестьяниномъ

или купцомъ, и съ тѣмъ пашпортомъ, или какъ лучше, идтить прямо къ Холмогорамъ.

— „И ежели ты чрезъ подкупленіе получишь случаи съ тѣмъ Ульрихомъ повидаться, то тому Ульриху отдай означенныя медали, и скажи ему о томъ, что ты присланъ къ нему отъ самого прусскаго короля и отъ братьевъ его, Ульриха; тако-жъ, чтобъ оный Ульрихъ, съ сыномъ своимъ Иваномъ Антоновичемъ, готовился къ уходу изъ Россіи на корабль, который будетъ стоять и дожидаться его съ сыномъ у города Архангельскаго. И чтобъ онъ, Ульрихъ, къ тому уходу весьма лучшіе способы (а какіе точно способы—не выговорилъ) употребилъ. Чтобъ онъ, Зубаревъ, потомъ осмотрѣлъ то мѣсто (въ которомъ они содержатся), какъ лучше къ тому мѣсту придти, сухимъ или водянымъ путемъ. И по осмотрѣніи-бъ того мѣста, шелъ онъ, Зубаревъ, къ городу Архангельскому и дожидался капитана. И о томъ-де ему обо всемъ порядочно объявилъ, а по объявленіи-де съ тѣмъ капитаномъ о увозѣ Ивана Антоновича и отца его посовѣтуйтесь, какъ лучше ихъ увезти; и осмотри-де ты у того мѣста караулъ, какъ строго стоитъ, и ежели-де караульные при томъ мѣстѣ весьма стоятъ слабо, то-де вы ихъ подкупите деньгами или напоите пьяныхъ. А буде-де весьма караулъ строгой, то, подкупя какихъ ни есть бурлаковъ и, обще съ тѣмъ капитаномъ и командою его, подите къ тому мѣсту ночью, и, разбивъ караулъ, оныхъ Ульриха съ сыномъ его возьмите изъ того мѣста и отвезите на корабль и привезите въ Пруссію“.

Зубаревъ отвѣчалъ на это Манштейну, что-де я въ этомъ готовъ его королевскому величеству служить.

И ежелибъ онъ, Зубаревъ, не пришелъ въ томъ своемъ преступленіи въ раскаяніе, то-бъ онъ къ увозу означенныхъ Ульриха и сына его изъ Россіи такъ точно, какъ оный Манштейнъ ему приказывалъ, и учинилъ.

Прошло около шести дней послѣ представленія Зубарева королю; къ Манштейну пріѣхалъ его шуринъ, „котораго называли въ домѣ того Манштейна кенигъ-адъютантомъ; а отецъ у него былъ при дворѣ государыни императрицы Анны Іоанновны полковникомъ. И оный Манштейнъ поутру, напоивъ его, Зубарева, чаемъ и снявъ съ него означенный мундиръ, а надѣвъ на него ту нагольную шубу, въ которой онъ, Зубаревъ, у Манштейна и передъ королемъ былъ, посадя его въ карету, обще съ онымъ кенигъ-адъютантомъ, изъ города Потсдама поѣхали чрезъ прусскіе города, до города Ланжберга, куда ѣхали дней съ пять. И по пріѣздѣ въ Ланжбергъ, оный кенигъ-адъютантъ, въ тотъ же день поутру, вывезъ его на польскую границу къ мѣстечку, а какъ зовутъ—не знаетъ“. Оттуда Зубаревъ пробрался

въ Варшаву, явился прусскому резиденту, у котораго въ рукахъ видѣлъ писанную имъ записку, и когда Зубаревъ призналъ ее за свою, то резидентъ сказалъ ему: „поди въ свой путь съ паномъ Богомъ!" Нанявъ лошадей, онъ отправился въ раскольничью слободу Вѣтку и сталъ подговаривать раскольниковъ выбрать епископа, разсказывалъ, что былъ у короля прусскаго, дѣйствуетъ по его приказанію и т. д. Оттуда Зубаревъ поѣхалъ въ Лаврентьевъ монастырь, который верстахъ въ 10-ти отъ г. Гомля, явился игумену Евстифѣю, разсказалъ ему зачѣмъ пріѣхалъ, и когда игуменъ спросилъ: „да какъ же вы Ивана Антоновича посадите на царство?"—отвѣчалъ: „также и посадимъ, какъ государыня (Елисавета Петровна) сѣла". А о томъ означенному Евстифѣю говорилъ онъ, Зубаревъ, со словъ Манштейновыхъ. Тотъ, будучи у себя въ домѣ, говорилъ ему „якобы государыня престолъ приняла силою, такъ и мы Ивана Антоновича посадимъ на царство такъ же, какъ и государыня сѣла" [1]).

Дальнѣйшія показанія Зубарева не относятся къ Манштейну, вслѣдствіе чего мы ихъ не приводимъ.

Нѣтъ, кажется, никакого сомнѣнія, что извѣтъ Зубарева на Манштейна есть одинъ изъ тѣхъ „затѣйныхъ и воровскихъ умысловъ", которыми уже не разъ заявилъ себя до этого доносчикъ; какъ бы то ни было, но, умирая „отъ превеликой рвоты", 22-го ноября 1757 года, въ Тайной Канцеляріи, Зубаревъ не только не сознался во лжи, но заявилъ, что „о чемъ онъ въ распросѣ своемъ показалъ и то самая истина, а того отъ себя онъ ложно не для чего не вы мышлялъ".

Императрица Елисавета Петровна вполнѣ повѣрила показаніямъ Зубарева и послѣдствіемъ этого было то, что принца Ивана Антоновича, по ея указу, 23-го января 1756 г., перевезли изъ Холмогоръ въ Шлиссельбургскую крѣпость; надъ Брауншвейгской фамиліей въ Холмогорахъ усиленъ надзоръ, а къ Манштейну послано сочиненное въ Тайной Канцеляріи письмо, якобы отъ имени Зубарева, дабы заманить его въ Архангельскъ, гдѣ уже и приняты были мѣры къ его поимкѣ. Само собой разумѣется, что Манштейнъ не поддался въ разставленную ему западню.

Все это дѣло,—быть можетъ, одно изъ звеньевъ интриги, которою Австрія опутывала императрицу Елисавету, дабы вовлечь ее въ борьбу съ Пруссіей,—имѣло послѣдствіемъ усиленіе ненависти императрицы къ Фридриху II. Вотъ что говоритъ по этому предмету король въ своихъ Запискахъ:

---

[1]) Историческія бумаги, собранныя Конст. Иван. Арсеньевымъ, изданныя акад. Пекарскимъ. Спб. 1872 г., стр. 375—408.

„Австрійцы, избавившись отъ стѣснительнаго для нихъ присутствія прусскаго посланника въ Петербургѣ, принялись интриговать: не стыдясь распускали ложные слухи и самую отвратительную клевету, лишь бы только возстановить императрицу Елисавету противъ короля. Они ее увѣрили, что прусскій король замышляетъ лишить ее жизни и возвести на престолъ Ивана Антоновича. Императрица повѣрила имъ на слово и возненавидѣла короля“ [1]).

Обращаемся къ очерку жизни генерала Манштейна.

Весною 1757 г. съ ввѣреннымъ ему отрядомъ, Манштейнъ двинулся въ Богемію и участвовалъ 6-го мая въ сраженіи подъ Прагою[2]); онъ находился на правомъ крылѣ, подъ начальствомъ фельдмаршала Шверина. Въ сраженіи при Коллинѣ [3]) онъ былъ раненъ пулею въ лѣвую руку. Король приказалъ ему отправиться въ Дрезденъ для излеченія. По дорогѣ туда, въ іюлѣ 1757 г., недалеко отъ Леймерица, на него и на конвой его напали австрійскіе гусары и кроаты; въ этой стычкѣ пуля пробила ему грудь и чрезъ нѣсколько минутъ его не стало [4]).

---

[1]) Mémoires de Fréderic II, page 38.

[2]) Объ участіи Манштейна въ дѣлѣ подъ Прагой, 5-го мая 1757 г., Фридрихъ Великій пишетъ: «Первое крыло прусской арміи не должно было вступать въ дѣло (глубокій оврагъ, передъ нимъ находившійся, и неудобство занимаемой имъ мѣстности было для него неблагопріятно), но оно было введено въ дѣло неосторожностью Манштейна, слишкомъ отважная храбрость котораго заставляла часто забывать необходимую осторожность. При видѣ непріятеля, въ пылу неудержимой отваги, Манштейнъ двинулся впередъ, не дожидаясь приказаній, и атаковалъ австрійцевъ. Принцъ Генрихъ и принцъ Баварскій, хотя не одобряли этого движенія, но вынуждены были поддерживать его. Прусской пѣхотѣ пришлось подыматься по утесамъ, защищаемымъ всѣмъ лѣвымъ крыломъ австрійской арміи и сильной ихъ артиллеріей. Лѣвое крыло австрійцевъ, которое атаковалъ Манштейнъ, было расположено на горѣ, защищенной укрѣпленіями города Праги; оврагъ, больше чѣмъ сто футовъ глубиною, отдѣлялъ его отъ пруссаковъ». Mémoir. de Fréderic II, Histoire de dix ans (page 113).

[3]) Объ участіи Манштейна въ сраженіи при Коллинѣ Фридрихъ пишетъ: «Манштейнъ, который такъ неудачно ввелъ свою бригаду въ дѣло подъ Прагой, сдѣлалъ при Коллинѣ туже ошибку. Замѣтивъ пандуръ въ селеніи, недалеко отъ того мѣста, гдѣ стоялъ, онъ вздумалъ вытѣснить ихъ оттуда. Безъ приказанія направился онъ къ селенію и погнался за бѣжавшими отъ него пандурами, причемъ попалъ подъ огонь непріятеля. Его атаковали. Правое крыло пѣхоты должно было идти ему на помощь. Когда Фридрихъ подоспѣлъ къ нимъ, сраженіе было въ полномъ разгарѣ и невозможно было, не повредивъ своимъ интересамъ, заставить войско отступить». Mem. de Fréderic II, Histoire de dix ans (page 126).

[4]) О кончинѣ Манштейна Фридрихъ разсказываетъ: «Только въ іюлѣ могли приступить къ перевозкѣ раненыхъ. Манштейнъ отправился въ Саксонію лечиться отъ своихъ ранъ. Сопровождали его 200 человѣкъ новобранцевъ; Лау-

Манштейнъ былъ высокаго росту и очень полонъ. Смуглый цвѣтъ лица и черные глаза придавали ему воинственный видъ. На службѣ онъ былъ бдителенъ и неутомимъ, и смолоду пріученъ переносить всякаго рода трудности боевой жизни. Онъ зналъ языки: латинскій, французскій, итальянскій, шведскій, русскій и нѣмецкій, и умственнымъ занятіямъ посвящалъ бо̀льшую часть своего времени[1]. Характера былъ честнаго, человѣколюбивъ и услужливъ. Словомъ это былъ человѣкъ съ честью носившій военное званіе и также честно исполнявшій общественныя обязанности.

донъ, дѣйствовавшій партизаномъ съ 2-мя тысячами пандуровъ, нападаетъ на него. При видѣ безпорядка, произведеннаго въ своемъ отрядѣ, Манштейнъ выходитъ изъ экипажа и отчаянно защищается шпагой. Не согласившись на предложеніе сдаться военноплѣннымъ, онъ былъ убитъ въ этой стычкѣ» (Mem. de Fréderic II, Histoire de dix ans, page 131).

[1]) Въ бумагахъ Манштейна найдены были большіе отрывки объ историкѣ Полибіи.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ

„ЗАПИСКАХЪ МАНШТЕЙНА".

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Записки Манштейна.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Приложенія.

